

**Министерство обороны Российской Федерации
Российская академия ракетных и артиллерийских наук
Военно-исторический музей
артиллерии, инженерных войск и войск связи**

**Война и оружие
Новые исследования и материалы**

**Труды Третьей международной
научно-практической конференции**

16–18 мая 2012 года

Часть III

**Санкт-Петербург
ВИМАИВиВС
2012**

Печатается по решению Ученого совета ВИМАИВиВС
Научный редактор – *С.В. Ефимов*

Организационный комитет конференции
«Война и оружие. Новые исследования и материалы»:

В.М. Крылов, директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, Заслуженный работник культуры Российской Федерации,

С.В. Ефимов, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи по научно-просветительской и выставочной работе, кандидат исторических наук,

С.В. Успенская, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат культурологии, Заслуженный работник культуры Российской Федерации,

В.И. Кобякова, начальник военно-научного отдела сохранности памятников культуры и истории Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат технических наук,

Ю.В. Утянский, старший научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие Новые исследования и материалы

Труды Третьей международной
научно-практической конференции

В трех частях

Часть 3

Информационная поддержка

Военно-исторический
XVIII **ФОРОМ** XIX
<http://www.reenactor.ru>

© ВИМАИВиВС, 2012
© Коллектив авторов, 2012

ISBN 978-5-7937-0770-1

И.Б. Пинк (Тула)

РОССИЙСКОЕ ИМЕННОЕ ХОЛОДНОЕ ОРУЖИЕ ИЗ СОБРАНИЯ ТУЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ОРУЖИЯ

ИМЕННОЕ оружие, несущее на себе гербы, вензеля, монограммы, а также различные надписи, является важным историческим источником и постоянно привлекает к себе внимание исследователей. В собрании Тульского государственного музея оружия (далее – ТГМО) хранится несколько образцов клинкового холодного оружия с фамилиями их владельцев. Эти предметы ранее не были опубликованы, и основной задачей данной статьи является введение их в научный оборот.

К ним относится сабельная полоса иранского типа «шамшир». Клинок изогнутый, значительной кривизны, однолезвийный, без долов, боевой конец двулезвийный. Хвостовик отделен от клинка прямыми плечиками, далее он плоский, изогнутый, сужается и плавно переходит в круглый стержень с резьбой. На клинке наводкой золотом нанесено: «КНЯЗЮ М.В. ГОЛИЦЫНУ ГРАФУ ОСТЕРМАНУ», надпись на восточном языке внутри фигуры грушевидной формы (вероятно, клеймо мастера); также выбито: зверь в круге. Длина полосы – 96,5 см, длина клинка – 84,0 см, ширина – 3,4 см при весе 765 г.

Предположительно, это полоса, оставшаяся от сабли, принадлежавшей князю М.В. Голицыну. Как известно, род князей Голицыных имеет богатую историю и весьма многочислен, но надпись «графу Остерману» позволяет указать только на единственного представителя этого рода.

Дело в том, что после смерти графа Александра Ивановича Остермана-Толстого в отсутствии его законных детей род Остерманов мог прерваться. Знаменитую фамилию, титул и майорат

графов Остерман должен был принять племянник графа, осужденный декабрист Валериан Михайлович Голицын. Однако он и его дети были восстановлены в правах только в 1856 г. Остерман-Толстой умер 30 января (11 февраля) 1857 г. в Женеве в возрасте 86 лет. Но князь Валериан Михайлович Голицын сам скончался от холеры 8 октября 1859 г. Поэтому фамилию, титул и герб графов Остерман 21 мая 1863 г. высочайше утвержденным мнением Государственного Совета было дозволено принять его сыну, Мстиславу Валериановичу, который с этого времени стал именоваться князем Голицыным графом Остерман.

Мстислав Валерианович стал родоначальником рода князей Голицыных-Остерманов. Сын Мстислава Валериановича, Александр Мстиславович, родился 3 июля 1870 г. в Царском Селе. У Александра Мстиславовича было два сына: Мстислав Александрович (родился 20 января 1899 г.) и Лев Александрович¹.

Таким образом, надпись «М.В. Голицын», несомненно, означает Мстислав Валерианович Голицын. Для определения обстоятельств, при которых он мог получить эту саблю, прежде всего, необходимо обратиться к фактам его биографии.

Князь Мстислав Валерианович Голицын граф Остерман родился 28 октября 1847 г. На службу поступил унтер-офицером лейб-гвардии гусарского Его Величества полка 15 декабря 1867 г.; с 25 января 1868 г. – юнкер того же полка; с 7 января 1869 г. – корнет; с 16 апреля 1872 г. – поручик. 30 марта 1873 г. был переведен в распоряжение командующего войсками Туркестанского военного округа ротмистром по армейской кавалерии; уволен от службы майором 25 июня 1873 г. Скончался 26 марта 1902 г. и погребен в селе Красном Рязанской губернии².

Учитывая восточный тип сабельной полосы, логично предположить, что эта сабля была подарена Мстиславу Валериановичу при увольнении его со службы в 1873 г., вероятно, однополчанами. Однако такое подарочное оружие обычно снабжалось надписью, кем был сделан подарок³. Но, возможно, подобная надпись на сабле М.В. Голицына была утрачена.

Способ поступления данной полосы в ТГМО неизвестен. Однако следует обратить внимание на тот факт, что Мстислав Валерианович родился в Туле. Также известно, что Александр Мстиславович владел селом Никольским Богородского уезда Московской губернии (сегодня это Ногинский район Московской области)

и именем Новоселицы Тульского уезда. Александр Мстиславович скончался января 1914 г. в Царском Селе.

Его старший сын Мстислав Александрович окончил Пажеский корпус. Участник Гражданской войны, воевал в армии адмирала А.В. Колчака. Эмигрировал, жил в Японии, Германии, затем во Франции, где и умер в Париже в 1966 г.

Младший сын Лев Александрович родился в 1904 г., умер в 1969 г. В 1917 г. ему было 13 лет, и маловероятно, что он мог иметь какое-нибудь отношение к сабле Мстислава Валериановича.

Поэтому можно предположить, что сабля (или ее полоса) поступила в музей из одного из указанных выше имений после 1914 г.

Следующий образец именного оружия представляет собой драгунскую шашку обр. 1909 г. На ее клинке методом травления с одной стороны нанесено «6 августа 1911 года» и вензель Николая II, с другой – «В.С. Воронов»; на пяте клинка с одной стороны – «Правец 10 и 11 ноября 1877 г.», с другой – «Филиппополь, 3, 4, 5 января 1878 г.»; на обухе – «Златоусть. ор. фабрика». Кроме того, на обеих сторонах клинка тем же способом нанесен декор, который соответствует шитью на воротнике офицерского мундира лейб-гвардии 1-го Стрелкового Его Величества батальона⁴.

Клинок шашки с тремя долами. Вензель на головке рукояти стерт. Общая длина этого оружия – 81,5 см при длине клинка 67,5 см и его ширине 3,4 см. Клинок, по всей видимости, был укорочен, т. к. долы обрываются у острия.

Данная шашка по оформлению аналогична драгунской офицерской шашке обр. 1881 г., принадлежавшей Михаилу Николаевичу Дмитриевскому, офицеру лейб-гвардии 1-го Стрелкового Его Величества батальона⁵.

16 (29) мая 1910 г. этот батальон был развернут в лейб-гвардии 1-й стрелковый Его Величества полк. За храбрость, проявленную в боях под Филиппополем и Правцем в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг., 6 (18) января 1879 г. батальону были пожалованы знаки на головные уборы с надписью: «За Правец 10 и 11 Ноября и за Филиппополь 3, 4 и 5 Января 1878 года»⁶.

Таким образом, шашка из собрания ТГМО принадлежала офицеру лейб-гвардии 1-го Его Величества стрелкового полка.

Вероятно, им был Владимир Сергеевич Воронов, который в 1913 г. носил звание подпоручика⁷. Подробности его биографии в настоящее

время выявить не удалось, однако известно, что в 1909 г. офицера с такой фамилией и инициалами в российской армии не было⁸. Такая фамилия не указана и в списках лейб-гвардии 1-го Его Величества стрелкового батальона на 1 января 1910 г.⁹

Следовательно, В.С. Воронов поступил на службу в лейб-гвардии 1-го Его величества стрелковый полк в период с 1910 по 1913 гг., и можно предположить, что надпись «6 августа 1911 года» является датой этого зачисления.

Также в собрании ТГМО хранится другая именная драгунская шашка обр. 1909 г. Клинок стальной, значительной кривизны, однолезвийный, с узким долом у обуха и широким долом, который переходит в один широкий и два узких дола. С одной стороны клинка травлением выполнено: «Н П» под короной, «Третьяковъ», надпись на грузинском языке «Сила и величие владельцу твоему», растительный орнамент; с другой – «С. Чейшвили», птица, растительный орнамент. Общая длина шашки составляет 94,5 см, длина клинка 81,5 см при его ширине 4 см. Вензель императора на головке рукояти стерт.

К сожалению, сохранность этого оружия нельзя считать удовлетворительной. Утрачены нижний фрагмент рукояти, плоское навершие головки рукояти и острое клинка, а в самом клинке просверлено сквозное отверстие диаметром 5 мм.

Согласно исследованиям Э.Г. Аствацатурян, оружейник Сергей Иосифович Чейшвили работал в Тифлисе, по крайней мере, в 1912 г.¹⁰

В российской армии, например, на 1 января 1909 г. служило 28 офицеров с фамилией Третьяков¹¹. Но то, что данная шашка хранится в собрании ТГМО, до 1996 г. входившего в состав Тульского оружейного завода (далее – ТОЗ), позволяет, хотя и со значительной степенью осторожности, предположить, что она принадлежала известному конструктору-оружейнику Павлу Петровичу Третьякову (1884–1937), сыгравшему значительную роль в модернизации станкового пулемета системы Максима и в организации его производства на ТОЗ¹².

Действительно, жизнь Павла Петровича неразрывно связана с этим знаменитым предприятием. На ТОЗ он поступил 30 октября 1902 г., а с 12 июля 1915 г. по 16 августа 1918 г. П.П. Третьяков возглавлял его, затем с 1 апреля 1927 г. занял должность заведующего Проектно-конструкторским бюро ручного оружия.

Осенью 1929 г. по доносу Павел Петрович был арестован и заключен в печально известную «Бутырку». В январе 1930 г. приговорен к расстрелу, который был заменен на заключение в лагерь сроком на 10 лет. Однако вместо лагеря Третьяков был возвращен на ТОЗ, где некоторое время работал под конвоем. В мае 1931 г. за недостатком улик был освобожден, а в 1935 г. полностью реабилитирован. Занимал руководящие должности до января 1936 г., когда по болезни был уволен с завода. Умер Павел Петрович Третьяков 16 апреля 1937 г., и был похоронен в Туле на Всехсвятском кладбище¹³.

Можно предположить, что данная шашка была реквизирована у Павла Петровича при аресте и затем направлена в собрание ТГМО.

Учитывая «восточный» характер клинка, появление этого оружия у П.П. Третьякова, возможно, связано с проведением под его руководством испытаний пулеметов системы Максима летом 1898 г. в Туркестане¹⁴.

Таким образом, приведенные выше данные хотя и не дают исчерпывающей картины истории именного холодного оружия из собрания ТГМО, но позволяют определить основные перспективные направления дальнейших исследований.

¹ Любимов С.В. Опыт исторических родословий. Гундоровы, Жижемские, Невские, Сибирские, Зотовы и Остерманы. Петроград, 1915. С. 91–103.

² Там же.

³ См.: Кулинский А.Н. Русские именованные клинки. СПб.: Атлант, 2011. С. 241–243, 251, 256–257, 282–284.

⁴ См.: Шенк В.К. Таблицы форм обмундирования русской армии. СПб., 1910.

⁵ Кулинский А.Н. Указ. соч. С. 484–486.

⁶ Там же.

⁷ Весь Петербург: Адресная и справочная книга на 1913 год. СПб.: А.С. Суворин, 1913. Раздел III. Алфавитный указатель жителей С. Петербурга, Гатчины, Красного Села, Кронштадта, Ораниенбаума, Павловска, Петергофа и Царского Села. С. 125.

⁸ Общий список офицерским чинам Русской императорской армии. СПб.: Военная типография, 1909.

⁹ Общий список офицерским чинам Русской императорской армии. Составлен по 1 января 1910 г. СПб.: Военная типография, 1910. Лейб-гвардии 1-й Его Величества стрелковый батальон, г. Царское Село. С. 144.

¹⁰ Аствацатурян Э.Г. Указатель клейм и имен кавказских мастеров оружейного и серебряного дела. М.: Наука, 1982. С. 250, 38; Она же. История оружейного и серебряного производства на Кавказе в XIX – начале XX в.: Дагестан и Закавказье. М.: Наука, 1982. С. 60.

¹¹ Общий список офицерским чинам Русской императорской армии. СПб.: Военная типография, 1909. С. 1049.

¹² См.: Болотин Д.И. История советского стрелкового оружия и патронов. СПб.: Полигон, 1995. С. 188; Федосеев С.Л. Пулеметы русской армии в бою. М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 74–75, 82–84.

¹³ Чуднов Г.М. Командор Почетного Легиона. Тула: Гриф и К^о, 2001. С. 170–173.

¹⁴ Там же. С. 63–64, 171.

Е.В. Погорелов (Пенза)

К ВОПРОСУ О ПИТАНИИ РУССКИХ ВОИНОВ В X ВЕКЕ

ВООРУЖЕНИЕ русских воинов X в. рассмотрено в отечественной исторической литературе достаточно подробно¹. А вот тема питания практически не освещалась.

Первое письменное упоминание о еде русских воинов относится к 907 г. В знаменитом договоре Киевского великого князя Олега с греками говорится о продовольствии, которое они должны выдавать русским купцам: «...а иже придуть гости да емлют мьсячину на 6 месяц, хлѣбъ, вино, мясо и рыбы и овощь»². Может показаться, что здесь идет речь о питании купцов, а не воинов. Но купцы из Киева в Царьград без вооруженной охраны не ходили. Так, широко известно описание Константином Багрянородным опасного мероприятия по перетаскиванию судов через днепровские пороги, где русские купцы постоянно подвергались угрозе нападения со стороны печенегов. Для русских судов путь в Царьград становился безопасным только после Дуная³. Поэтому отправляться в столицу Византии без хорошо вооруженных воинов для купеческих караванов было бы просто самоубийством. Да и сами купцы были хорошо вооружены. Участник посольства, отправленного в 921 г. халифом из Багдада в Волжскую Болгарию, Ибн Фадлан так пишет о русских купцах: «Я видел русов, когда они прибыли со своими товарами и остановились на реке Итиле... При каждом меч, нож и секира, с которыми он не расстается; мечи у них широкие, волнообразные, франкской работы»⁴. Постоянно носили купцы оружие и во время путешествия в Царьград, и на греческой земле, только в Царьграде они должны были находиться без оружия: «И да входят в град одними вороты со царевым мужем без оружия...»⁵. Так что

вышеприведенная цитата в равной степени может быть отнесена и к купцам, и к их охране, то есть воинам.

Рассмотрим подробнее, что могли есть в Царьграде вооруженные купцы и русские воины из охраны купеческих караванов. Во-первых, хлеб. Нам не известно, какого качества была мука, из которой пекли хлеб в Византии в начале X в. Скорее всего, это был не очень грубый помол. Вероятно, на изготовление муки шла пшеница, то есть хлеб был белый, что для того времени считалось достаточно престижной едой. Если бы хлеб был низкого качества, его вряд ли поставили бы на первое место в списке продуктов.

Во-вторых, сразу же за хлебом идет продукт, на Руси не производившийся, но пользовавшийся большой популярностью – это вино. Вино ромеи делали из винограда, оно относилось к типу сухих, и, возможно, было как красное, так и белое.

Какое мясо доставлялось русским «гостям»? Вряд ли это была дичь, так как на Руси дичь именовалась звериной. Мясом или «мясами», назывался продукт, получаемый от домашнего скота. Представление о том, какое именно мясо могло выдаваться русским «гостям», прибывшим в Царьград, может дать перечень стад монастырей Афона, расположенных недалеко от столицы Византии: «В X веке на монастырских землях появляются стада свиней, овец, коз, быков, волов...»⁶. Следовательно, к столу русских «гостей» доставлялась свинина, баранина, говядина и козлятина. О птице, как и о дичи, в договоре 907 г. ничего не говорится.

За полгода пребывания в предместье Царьграда и в самом городе русские «гости» могли познакомиться и с греческой кухней, самой изысканной в тогдашней Европе. Здесь, скорее всего, русские впервые попробовали перец. Имевшая богатейшие традиции, идущие еще со времен античности, греческая кухня знала различные приемы приготовления мяса: варка, тушение, жарение в масле на сковородах и на вертеле на углях – древнейший способ приготовления мяса. При готовке еды широко применялись лук и чеснок, что вообще характерно для средиземноморской кухни. При приготовлении баранины или козлятины, то есть мяса именно баранов и козлов, а не овец, коз, ягнят или козлят, обязательно использовали маринад. Мясо некастрированных баранов и козлов обладает весьма своеобразным вкусом и запахом. Перебить их можно, используя маринад на основе уксуса. Уксус, представляющий собой прокисшее виноградное вино, был известен в Средиземноморье

с древнейших времен. После вымачивания в маринаде в течение 24 часов мясо баранов и козлов вполне пригодно к приготовлению, и в готовом виде достаточно вкусно. Маринование баранины и козлятины и в наши дни характерно для средиземноморской и балканской кухни. До сих пор баранина маринуется для шашлыка.

Рыба, поставлявшаяся для «гостей» – это известные еще с античности скумбрия, ставрида, кефаль, тунец и сельдь. Ее могли варить, печь и жарить или употреблять сушеной, вяленой и копченой.

«Овощем» в то время называли фрукты и ягоды⁷. Можно предположить, что по договору русские получали ягоды и фрукты, выращиваемые в Византии в X в. Известные еще со времен Древней Греции и Рима виноград, яблоки, груши, персики, инжир (иначе – смоква, или винная ягода), айва⁸.

В 907 г. после своего победоносного похода на Царьград и заключения договора Олег вернулся на Русь с большой добычей: «И приде Олегъ к Киеву, неся золото, и паволоки, и овощи, и вина, и всякое узорочье»⁹. Даже при самом благоприятном попутном ветре и усиленной гребле путь из Царьграда морем и вверх по Днепру до Киева (вряд ли добычу доставили на Русь посуху на конях) должен был занять несколько недель. Конечно же, свежий виноград и свежие фрукты – «овощи» за такой срок испортились бы. Скорее всего, это были сушеные груши и виноград. Был ли это изюм – сушеный виноград с косточками, или коринка – сушеный виноград без косточек, можно сейчас только гадать. Также на Русь мог доставляться и сушеный инжир.

Об употреблении во время торговых поездок русскими купцами, а следовательно, и воинами хлеба, мяса, молока и птицы свидетельствуют и греческие и арабские источники. Константин Багрянородный пишет о жертвоприношении русских купцов на острове Хортица: «...приносят в жертву живых петухов... а другие – кусочки хлеба, мясо и что имеет каждый...»¹⁰. Подобное жертвоприношение, которое совершали русские купцы, но уже на Волге, описывает Ибн Фадлан: «Тотчас после прибытия их кораблей к этой стоянке каждый из них выходит, берет с собой хлеб, мясо, молоко, лук и питье и приходит к длинному деревянному воткнутому в землю столбу с лицом, похожим на лицо человека...»¹¹. Ибн Фадлан также упоминает при описании похорон руса жертвоприношение домашнего скота и птицы: «Потом они привели двух коров, также

разрубили их и бросили в лодку. Потом принесли петуха и курицу, убили их и бросили туда же»¹².

По этим сообщениям ясно, что как русские купцы, так и их вооруженная охрана (воины) во время своих торговых экспедиций на кораблях ели хлеб, мясо, курятину и пили молоко. Птица – петухи и куры – содержалась и на парусных кораблях XVIII–XIX вв. Хотя яйца не упоминаются, но если были петухи и куры, то яйца были обязательно. Куриные яйца могли использоваться как сырыми, так и жареными (в виде яичницы) или вареными. Посуды, которую можно было использовать для варки и жарения, при раскопках найдено достаточно.

Все вышеперечисленное относится к речным и морским походам с торговой целью. Хотя купцы сами были вооружены и имели воинов в качестве охраны, но все же походы эти были торговыми. Поэтому говорить о питании воинов-охранников как о питании во время боевых действий нельзя.

Но «Повесть временных лет» сохранила уникальное сообщение как о рационе русских воинов во время боевых походов, так и о способах приготовления ими пищи. Это знаменитое описание привычек князя Святослава Игоревича в «Повести временных лет»: «Ходя возъ по собъ не возящее, ни котля, ни мяс варя, но потонку наръзавъ конину ли, звърину ли или говядину на углех испекъ ядыше, ни шатра имяше, но подкладъ постлаше и съдло в головах; тако же и прочии вои его вси бяху»¹³.

Здесь описывается войско в походе. Причем все войско конное, приспособленное к максимально быстрым действиям: нет ни колесного транспорта (возов), ни палаток (шатров), ни постельных принадлежностей (вместо них используются потники и седла). Во время сна воины, скорее всего, накрывались плащами. Для летописца такое поведение Святослава и его воинов нетипично. Как следует из данного отрывка, обычно во время походов воины варили мясо в котлах, чего войско Святослава не делало. Питание Святослава и его воинов состояло в походе только из жареного мяса. Жарили его на углях, порезав небольшими кусками для удобства приготовления. Поджарить такое мясо на углях можно, только насадив его на прутья. Фактически перед нами – первый в истории Руси кулинарный рецепт. Еда, которую употреблял в конных походах Святослав Игоревич и его войско, очень напоминает современный шашлык. Во время конных походов, а в летописи описываются

походы в степь против печенегов и хазар, мясо для еды можно было добыть тремя способами. Первый – трофеи, то есть захват вражеских стад и табунов. Второй – в пищу также шло мясо убитых во время боя коней. Третий – охота, добыча диких животных – зверины.

Какую зверину могли употреблять русские воины в походах? Можно было бы предположить, что это было мясо сайгака. В X в. в южнорусских степях обитало большое количество сайгаков, но животное это очень быстрое и довольно мелкое. Да и в «Повести временных лет» о сайгаках ничего не говорится. Зато в степи, а особенно в лесостепи, обитали воспетые в былинах и в «Слове о полку Игореве» дикие быки-туры. Туры упоминаются в «Поучении» Владимира Мономаха: «Туры мя 2 метала на розъх и с конем...»¹⁴. По берегам Днепра, Дона и Волги, поросшим густыми зарослями камыша, в болотистых плавнях обитали дикие кабаны (в низовьях Волги их достаточно и сейчас). Кабанов много было и в плавнях Кубани. Низовья Кубани и Таманский полуостров – это летописная Тмутаракань, вошедшая в X в. в состав Руси.

Как видим, походный рацион Святослава и его воинов состоял только из мяса, самого полноценного продукта, в наибольшей степени позволявшего поддерживать силы в самых тяжелых условиях.

Питание воинов после боев и походов было еще более обильным и позволяло быстро восстанавливать силы. Так, после поражения от печенегов и поистине чудесного спасения Владимир в 996 г. устроил пир для всех жителей Киева: «Немощнии и болнии не могут дольсти двора моего, повель пристроити кола, и въскладша хльбы, мяса, рыбы, овощь различный, медь в бчелках, а в других квась, возити по городу...»¹⁵.

Для своей дружины – старшей и младшей, то есть военачальников и воинов – Владимир устраивал постоянные пиры: «По вся недья устави на дворь в гридниць пирь творити и приходити болярюм, и гридем, съцьскимь, и десяцкымь, и нарочитым мужем, при князе и без князя. Бываше множество от мясь, от скота, и от звърины, бяше по избылию от всего»¹⁶. Как видно из этого отрывка, воины на пиру хлеба не едят. А мясо запивают квасом и алкогольными напитками – медом и вином.

Одним из любимых блюд Владимира Святославича была свинина. В рассказе об испытании вер говорится: Владимир узнал, что

мусульмане не едят свинины, это и послужило одной из причин отказа от принятия ислама: «Но се ему бѣ нелюбо: ...о неяденыи мясь свиныхъ...»¹⁷.

Известный специалист по истории кухни В.В. Похлѣбкин считал, что свинина для древнерусской кухни была нетрадиционной: «...в национальную украинскую кухню не вошли традиции древнерусской кухни, связь с которой была утрачена после монголо-татарского нашествия... Что же касается пищевого сырья, то оно отбиралось для украинской кухни по контрасту с восточными кухнями. Так, например, в пику “басурманам” украинское казачество стало культивировать в XVI–XVIII вв. употребление свиного сала. В то же время употребление говядины, распространенное среди русского населения, было сравнительно незначительным у украинцев...»¹⁸.

Позволим себе не согласиться с мнением известного историка. Именно широкое употребление свинины в украинской кухне и роднит ее с кухней Древней Руси. Из «Повести временных лет» следует, что свинина была не только характерна для русской кухни, но даже блюда из нее – «мяс свиных» – были настолько любимы на Руси, что это послужило одной из причин резкой неприязни к исламу. И уж если сам великий князь, то есть верховный главнокомандующий всеми вооруженными силами Древней Руси, любил и ел свинину, то и воины от нее не отказывались.

В «Повести временных лет» не говорится о том, что воины Святослава в походе и воины Владимира на пирах ели рыбу. В цитируемом отрывке о пире 996 г. рыбу по приказу Владимира развозят по городу немощным и болящим. Но с принятием христианства пришлось соблюдать посты, поэтому находящиеся на отдыхе, не участвующие в походе воины ели в постные дни рыбу. Можно с уверенностью сказать, какую именно рыбу ели воины на Руси в X в. Это прежде всего осетр, белуга, севрюга, стерлядь и белорыбица, а также сом, судак, окунь, берш, налим, усач, карп (сазан), лещ, линь, карась, щука, голавль. Могла употребляться и мелкая рыба вроде плотвы, ерша и пескаря.

Охота всегда служила хорошей тренировкой для воина. Добытая на охоте дичь тоже шла в пищу. В «Поучении» Владимира Мономаха в качестве охотничьих трофеев упоминаются дикие лошади – тарпаны, дикие быки – туры, олень, лось, медведь. Естественно, на этих зверей охотились и в X в. Охотились и на птиц – лебедей,

гусей, уток, глухарей, тетеревов. Птиц не только били стрелами, но и ловили специальными сетями – перевесищами¹⁹.

Но не всякого добытого на охоте зверя можно сразу использовать в пищу без предварительной обработки. Так, вепрь, то есть дикий кабан-секач, особенно крупный – ценная добыча охотника. Чем больше секач, тем он ценнее, но есть старого секача практически невозможно – мясо имеет сильный неприятный запах. В наши дни его маринуют с использованием уксуса не менее 24 часов. С винным уксусом могли познакомиться во время торговых экспедиций в Византию и русские воины. (Напомним, что пребывание русских гостей в предместье Царьграда длилось 6 месяцев.) Можно предположить с большой долей вероятности, что уже в X в. в рацион русского дружинника входил и винный уксус. Мог использоваться для маринада и лук, который видел у русов Ибн Фадлан²⁰. Тем более, что в состав русских дружин входили и скандинавские воины, которым лук был хорошо известен, недаром он упомянут в знаменитом скандинавском эпосе «Старшая Эдда»²¹.

Соль в «Повести временных лет» не упоминается, но ее использование во время приготовления пищи на Руси в X в. не вызывает сомнения. Отсутствие упоминания о соли в летописи указывает на то, что она была привычной приправой, поэтому о ней просто не считали нужным упоминать. Зато имеется свидетельство о применении на пирах Владимира Святославича перца в большом количестве²². Черный перец был первой достоверно известной специей, вошедшей в рацион русского воина.

Таким образом, питание русских воинов в X в. было не слишком разнообразным, но зато высококалорийным за счет преимущественно белковой пищи животного происхождения. Мясное меню, включавшее свинину, говядину, курятину и конину, разнообразили дичью, рыбой и фруктами, в том числе привозными сушеными ягодами. Приготовление пищи было простым; в основном предпочитали жарить мясо, приправленное солью и перцем. Из овощей достоверно известно об использовании в пищу только лука. Для современного человека такая монодиета была бы неудобна, а для средневековых воинов, совершавших продолжительные и тяжелые боевые походы, это был оптимальный вариант питания.

- ¹ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. М.; Л., Наука, 1966.
- ² Повесть временных лет. СПб., Наука, 2007. С. 17. (Далее – ПВЛ.)
- ³ Там же. Комментарии. С. 387.
- ⁴ Бартольд В.В. Арабские известия о русах / Академик В.В. Бартольд. Сочинения. Т. II. Ч. 1. М., 1963. С. 838.
- ⁵ ПВЛ. С. 17.
- ⁶ История Византии. Т. 2. М.: Наука, 1967. С. 125.
- ⁷ ПВЛ. Комментарии. С. 445.
- ⁸ Словарь античности / Пер. с нем. М.: Эллис Лак; Прогресс, 1993. С. 618.
- ⁹ ПВЛ. С. 17.
- ¹⁰ Там же. Комментарии. С. 387.
- ¹¹ Бартольд В.В. Указ. соч. С. 839.
- ¹² Там же. С. 841.
- ¹³ ПВЛ. С. 31.
- ¹⁴ Там же. С. 104.
- ¹⁵ Там же. С. 56.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 39.
- ¹⁸ Похлёбкин В.В. Национальные кухни наших народов. М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. С. 150.
- ¹⁹ ПВЛ. Комментарии. С. 435.
- ²⁰ Бартольд В.В. Указ. соч. С. 839.
- ²¹ Скандинавский эпос: Старшая Эдда. Младшая Эдда. Исландские саги / Пер. с древнеисландского М.И. Стеблин-Каменского, О.А. Смирницкой. М.: АСТ, 2009. С. 127, 140.
- ²² ПВЛ. Комментарии. С. 446.

А.А. Порошин (Саратов)

**ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ
ФАКТОРЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИХ АРМИЯМИ
ФРОНТА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ***

После участия в самом пекле боев на Юго-Западном фронте на запрос корпусного инженера, какие применялись средства преодоления препятствий, генерал А.И. Деникин ответил: «Разгром артиллерией и дух войск».

СЛОВСОЧЕТАНИЕ «человеческий фактор» появилось и утвердилось в русском языке относительно недавно, и, вероятно, поэтому энциклопедии не дают сформулированного понятия данному термину. Под фактором понимается причина, движущая сила какого-либо процесса, явления, определяющая его характер или отдельные черты ¹. Таким образом «человеческий фактор» можно определить как влияние человека, личности на происходящее событие и определяющее его исход. В процессе развития человеческого общества, безусловно, человеческий фактор играл и играет главенствующую роль. В данной статье это понятие интересует нас применительно к армии, к деятельности военачальников.

Китайский мыслитель и полководец Сунь Цзы более двух с половиной тысяч лет назад в своем «Трактате о войне» сделал важные заключения по поводу решающего значения в войне такой духовно-нравственной формы, как наличие морального духа в войсках, единого для всех духовно-душевного порыва. Философ и военный практик отводил место фактору «полководец» после

* В авторской редакции.

духовно-нравственной области войны. Определяя же понятие «полководец», он на первый план выдвигал не военные характеристики военного вождя, а его добродетели, духовно-нравственные факторы: мудрость, искренность, благожелательность, смелость и строгость².

Тот же смысл заложен и в работе Онасандера «Краткое изложение роли полководца на поле боя», написанной в середине I в. В ней говорилось об обязанности полководца руководить сражением и воодушевлять своих солдат. «Долг полководца – проезжать перед рядами воинов верхом на коне до начала боя, являть им себя в трудную минуту сражения, восхвалять храбрых, грозить трусливым и воодушевлять ленивых. Он должен восполнять прорывы в обороне и обеспечивать поддержку уставшим, при необходимости перестраивая подразделения, и не допускать поражения, заранее предвидя исход битвы»³.

Мыслям древних авторов вторили практически все великие полководцы мира, которые хорошо понимали огромную роль морального духа войск, всегда высоко оценивали значение духовных свойств и поэтому, прежде всего, стремились повысить духовные силы воинов. История военного искусства показывает, что принципы творений Александра Македонского, Ганнибала, Цезаря, Густава Адольфа, Тюрения, Морица Саксонского, Евгения Савойского, Петра Первого, Фридриха, Суворова, Наполеона одни и те же. Теперь еще более понятны слова М. Саксонского: «человеческое сердце есть точка отправления во всех военных делах. Чтобы знать их, нужно изучать его»⁴.

Суворовская наука побеждать вся состоит из приемов, нравственно укрепляющих войска. Возглавляемая М.И. Кутузовым армия одержала победу над Наполеоном в 1812 г. во многом благодаря тому, что русские генералы обладали высокими нравственными качествами⁵. В большей части приказов М.Д. Скобелева видна забота о нижних чинах, его постоянное напоминание начальникам всех уровней о необходимости заботы о солдатах, поддержании в частях высокого воинского духа. Устав Полевой службы русской армии 1912 г. гласил: «Решение разбить неприятеля должно быть бесповоротно и доведено до конца. Стремление к победе должно быть в голове и сердце каждого начальника; они должны внушить эту решимость всем своим подчиненным»⁶.

История войны немыслима без изучения роли военачальников, их поступков, взаимодействия друг с другом, отношения

к выполняемому делу и руководства военными действиями. При чем именно действия полководца, военачальника в основном оказывали решающее влияние на события, меняли ход операции, что в значительной степени определяло ход и исход войны. Личности военачальника принадлежит выдающееся значение в деле управления. Он, кроме непосредственного руководства соединениями и частями в ходе военных действий, должен заставить подчиненных стойко переносить все тяготы и лишения, пробудить в них отвагу и решительность, вселить уверенность в победе и презрение к смерти. Чтобы командование было «воспитывающим, нравственным и сильным... надо, забыв о себе, проникнуться сознанием долга и помнить, что часть готовят не для парада, а для боя... Отдаться полностью своему делу, смотреть всем прямо в глаза, ни перед кем не кланяться, создавать и обучать со страстью ту силу, которую когда-нибудь призовут на службу Родине – вот дело офицера... Такое понимание своего дела зажигает в душе деятеля священный огонь, который навсегда осветит ему служебный путь...»⁷.

Таким образом, говоря о человеческом факторе в военной деятельности, необходимо в первую очередь рассматривать личность военачальника, то есть говорить о «человеке как носителе каких-нибудь свойств»⁸. Этих свойств много и они весьма разнообразны. Мы выделим те, которые по многочисленным мнениям практиков дают силу личности и позволяют командиру подвигнуть людей на подвиг, сказать – «я так хочу, и так будет». Это связано с тем, что через них, в конечном счете, проявляются и другие факторы, такие, как воспитание, образование (общее и военное), опыт службы (командный, штабной, административный), боевой опыт, профессиональное мастерство, физическая закалка и выносливость, дисциплинированность и организованность.

К элементам воинского духа, упоминаемым в работах А.В. Суворова, Н.Н. Головина, П.Н. Краснова, А.К. Баиова, Е.И. Мартынова, Н.А. Корфа, Н.А. Морозова и многих других относятся: «доблестное честолюбие», способность преодолевать чувство самосохранения, сильная воля, твердость характера, храбрость, энергия, настойчивость, уверенность в себе, душевный подъем, честность (правдивость), стремительность, мужество, дисциплина, ясность сознания, чистосердечность, хладнокровие, душевное равновесие, терпеливость, воодушевление, бодрость, готовность жертвовать собою для общего дела.

В работе «Высший командный состав» генерал от инфантерии В.Е. Флуг систематизировал качества полководца, особо выделив нравственные силы, обязательные для высшего командного состава, и к ним относил: педантическую преданность долгу, строгость к себе и к другим, доброжелательность к подчиненным, отсутствие сентиментальности, мелочности, преувеличенной недоверчивости и мелкого самолюбия⁹.

Исследователи Первой мировой войны, анализируя операции, проводимые под руководством главнокомандующих¹⁰, достаточно скупо описывают их военный, командный путь, специальную подготовку, практически не касаясь их человеческих (духовно-нравственных) качеств. Данная статья является попыткой восполнить в какой-то степени этот пробел, рассмотрев у двух, на наш взгляд, наиболее известных генералов Первой мировой войны – М.В. Алексеева и А.А. Брусилова – именно духовно-нравственные начала их личности. Представляется интересным исследовать, имели ли эти военачальники необходимый запас указанных свойств для того, чтобы «волю к победе» претворить в «одержание победы»? Ведь именно совокупность свойств личности военачальника, его отношение к выполняемому делу, взаимодействие с другими начальниками всех уровней, поступки в отношении окружающих людей во многом оказывали решающее влияние на события. Подобный анализ может явиться ключом к пониманию некоторых причин побед или неудач в операциях, руководство которыми указанные генералы осуществляли в ходе последней войны Российской империи.

Анализируя характеристики исследуемых нами военачальников, следует отметить противоречивость мнений о них, что, на наш взгляд, естественно. В процессе их жизнедеятельности приобретались, развивались и подвергались различным испытаниям свойства характера, необходимые военному человеку, претерпевали изменения их деловые качества, которые на разных этапах жизни фиксировались современниками.

Говоря об А.А. Брусилове, отметим, что советская историография описывала личность генерала исключительно с положительной стороны¹¹. Постсоветские исследования касаются лишь оперативной составляющей в деятельности военачальника. Воспоминания же сослуживцев и современников полны наблюдений, в которых генерал предстает с неизвестной широкому читателю стороны.

Командир 72-го пехотного Тульского полка С.А. Сухомлин (впоследствии начальник штаба 8-й армии и Юго-Западного фронта у А.А. Брусилова) описывает командира 12-го кавалерийского корпуса А.А. Брусилова следующим образом: «Первое впечатление... А.А. производил суровое, он казался неумолимо строгим... причиной такой строгости было то, что А.А. был глубоко предан своему долгу, искренне любил военное дело... Умный, глубоко одаренный от природы, развивший себя личной работой далеко вне узкой специальности своей прежней службы и пронизательно-наблюдательный А.А. отлично видел, кто из его подчиненных работал от души и продуктивно и кто лишь “втирал очки”»¹².

Подобную картину рисуют и аттестации за 1909, 1910 гг., написанные командующим Варшавским военным округом генерал-адъютантом Г.А. Скалоном: «...Разумен. Строг и справедлив в отношении к подчиненным.... По своим умственным и *нравственным качествам* и пониманию военного дела достоин повышения»¹³.

Война, показывающая действительную «стоимость» военачальника, не изменила мнение С.А. Сухомлина об А.А. Брусилове. Последующая совместная служба во фронтовом звене утвердила его довоенное мнение о своем начальнике. Он отмечал некоторые изменения в характере, проявившиеся на должности главнокомандующего (ГК), вероятнее всего, связанные с огромной ответственностью. «...А.А. делался по временам раздражительным, иногда даже мало сдержанным. Мне пришлось испытать на себе эти вновь проявившиеся черты характера А.А.»¹⁴.

Современники вспоминали, что А.А. Брусилов мог иногда «выдавать желаемое за действительное» и мог, особенно в присутствии постороннего слушателя, пустить пыль в глаза, бросив упрек своему начальству, что его, Брусилова, удерживают, а он готов наступать и побеждать. Но начальство не дает разрешение и средств. Однажды ГК Н.И. Иванов получил такое сведение и запросом поставил А.А. Брусилова в довольно неловкое положение. Алексею Алексеевичу пришлось отречься в том, что такой разговор был¹⁵.

По свидетельству бывшего подчиненного полковника Е.Э. Месснера: «в глаза... бросалась излишняя его придирчивость к подчиненным, свидетельствующая о самолюбивой и мелочной натуре... Как офицер был карьеристом, позером, плохим товарищем (заслуги – себе, промахи – другим. Под влиянием личных симпатий и

антипатий Брусилов был несправедлив, необъективен до безобразия...»¹⁶.

Приводя не очень лестные отзывы о А.А. Брусилове, не следует принимать их однозначно. Офицеры генерального штаба (ГШ) не лишали себя удовольствия лишний раз уколоть его (как, впрочем, и многих других. – А. П.), выдвинувшегося без академии ГШ. «Лошадина морда», «берейтор офицерской школы» – вот эпитеты к имени Алексея Алексеевича. В 1916 г. М.К. Лемке отмечал, что «берейтор», как презрительно называли его «моменты»¹⁷, «...уж очень... не похож на кабинетного червя, автора мертвецки скучных диспозиций и канцеляриста». Войска любят его, так как видят в нем живую душу и способного вождя, умеющего ставить войскам исполнимые ими задачи¹⁸.

В.Н. Дрейер, служивший с А.А. Брусиловым, вспоминал его очень черствым с подчиненными, но склонным к угодничеству. По его словам, генерал был необычайно ласковым с начальством и, особенно, с великим князем Николаем Николаевичем (младшим), у которого он был в чести¹⁹. Со слов очевидцев, когда Николай Николаевич, только что на маневрах разнесший начальника 2-й гвардейской кавалерийской дивизии А.А. Брусилова, за завтраком обратился к нему с ласковым словом, тот схватил руку великого князя и в припадке верноподданнических чувств поцеловал ее. То же проделал он с рукой императора в апреле 1915 г. в Самборе, когда Николай II поздравил его с присвоением звания генерал-адъютанта²⁰. За подобное проявление чувств, по воспоминаниям В.Н. Дрейера, офицеры «...его ...не любили и даже презирали»²¹.

Великим князем Гавриилом Константиновичем отмечалась у А.А. Брусилова хитрость во взаимоотношениях. По его воспоминаниям, он «...был похож на лису», да и, по предположению князя, «...по характеру был таков»²². Подобная хитрость А.А. Брусилова – представителя привилегированного дворянского рода – на наш взгляд, сродни приспособленчеству, щедро проявленному Алексеем Алексеевичем после свержения монархии в России.

Февральские революционные выступления в Петербурге сразу же проявили политиканство главнокомандующего. Начальник связи штаба 8-й армии сохранил телеграфную ленту, полученную из штаба Юго-Западного фронта в первые дни революции, которая начиналась словами: «Кучка негодяев...» и далее с соответствующим текстом. Затем передача текста была прервана, поступило

распоряжение уничтожить телеграмму и взамен «генерал Брусилов торжественно объявлял войскам о происшедшей революции и о том, что он лично всегда был убежденным революционером!»²³.

Отречение императора и последующие события, разделившие офицеров на два непримиримых лагеря, особо ярко высветили нравственные черты А.А. Брусилова, его стремление сделать карьеру при новом режиме, способность к компромиссу в принципиальных вопросах, что вызывало справедливое негодование и возмущение его соратников и современников²⁴. К.И. Адариди вспоминал: «По своим политическим взглядам Брусилов производил впечатление монархиста. У него в кабинете стена против письменного стола была сплошь увешана портретами Государя и особами Царской Семьи, большинство с собственноручными подписями лиц на них изображенных, и мне неоднократно приходилось от него слышать, что эту стену он считает наиболее драгоценным из всего, что имеет»²⁵. Однако это «драгоценное» было брошено А.А. Брусиловым революционному молоху в обмен на свое признание большевиками. А.И. Гучков, отмечая приспособленчество ГК, вспоминал о его поведении после мартовских 1917 г. событий: «...Раболепно прополз он на брюхе перед солдатской демагогией, в то время как Алексеев вел себя с большим достоинством...»²⁶.

Проявление лояльности к власти потребовало менять стиль отношений с подчиненными, дифференцируя свое поведение. В этой связи интересны воспоминания протопресвитера Русской армии и флота Г.И. Шавельского о встрече с А.А. Брусиловым, вновь назначенным Верховным ГК. «У меня и теперь еще стоит в глазах встреча на Могилевском вокзале прибывшего в Ставку нового Верховного – генерала Брусилова. Выстроен почетный караул, тут же выстроились чины Штаба, среди которых много генералов. Вышел из вагона Верховный, проходит мимо чинов Штаба, лишь кивком головы отвечая на их приветствия. Дойдя же до почетного караула, он начинает протягивать каждому солдату руку. Солдаты, с винтовками на плечах, смущены, – не знают, как подавать руку. Это была отвратительная картина»²⁷. Подобное поведение военачальника особенно примечательно, если его соотнести с воспоминаниями коменданта штаба 8-й армии о том, что уже во время боевых действий были случаи, когда А.А. Брусилов лично передавал ему в руки солдат для порки за не отдавание ему воинской чести во время своих прогулок²⁸.

Из письма И.Б. Смольянинова, помощника редактора газеты «Новое время» М.В. Алексееву от 23.7.1917 г.: «...а Брусилова, однако не жалко, т.к. в дни переворота, в дни последних брожений он показал себя определенным негодяем, готовым торговать всем, чем угодно для сохранения личного влияния и благополучия»²⁹. Ему вторил А.П. Будберг, вспоминая: «Брусиллов в Москве и громит демократию; удивительный хамелеон этот главноверх...»³⁰. Отметил политиканство своего бывшего начальника и А.М. Каледин, сказав: «Я ушел именно из-за Брусилова, который не имел гражданского мужества, чтобы держать голову перед комитетам»³¹.

Другую тональность имеют воспоминания об основоположнике Белого движения. Один из сослуживцев писал, что М.В. Алексеев в бытность его командиром роты зарекомендовал себя у начальства одним из лучших офицеров полка. Офицеры любили его за сердечное и простое отношение. Любим и уважаем он был и у подчиненных. Всегда готов прийти на помощь³². На воскресные занятия, которые проводил ротный командир для своих подчиненных без всякой афиши, приходили солдаты других рот. Они внимательно слушали М.В. Алексеева через открытые окна, что говорит о большом уважении, которым пользовался у нижних чинов полка будущий ГК. Михаила Васильевича отмечала большая личная скромность. Во время русско-турецкой войны (1877–1878) в одном из боев он был ранен в палец, но никому об этом не сказал. В послужной список рана занесена не была³³. Хотя в соответствии с существующим законодательством ранения квалифицировались по классам и давали определенные льготы не только получившим их на поле боя, но и родным и близким³⁴.

Генерал-лейтенант А.С. Лукомский, знавший М.В. Алексеева по совместной службе в Ставке Верховного главнокомандования и Белому движению, охарактеризовал Михаила Васильевича очень противоречиво: «...Образ для многих не ясный; для многих чуть не святой; для многих двуликий³⁵; для многих сложный – и честолюбивый до крайности, и в то же время почти спартаец и крайне скромный; и умный – и узкий; громадной работоспособности, но не умеющий отличить главного от второстепенного...»³⁶. Подобная характеристика подтверждает неординарность натуры М.В. Алексеева и неоднозначность восприятия его разными людьми и в различной обстановке.

А.И. Адариди, знавший М.В. Алексеева по совместной службе в Киевском военном округе, писал: «Ко всякого рода вопросам он относился всегда чрезвычайно вдумчиво, близко принимал к сердцу интересы других и всегда старался помочь. Сухого, узкого формализма у него не было, он очень широко смотрел на дело, и в тех случаях, когда это могло быть на пользу последнего, не стеснялся прибегать к средствам, идущим иногда в разрез с установившеюся рутинною. Эрудицией по всевозможным вопросам, в особенности военным, он обладал громадною, но подходил к ним, может быть, слишком теоретически... Нужно однако, отдать ему справедливость, что к мнению людей практики он очень охотно прислушивался... В обращении с подчиненными он был чрезвычайно прост, доступен и входил в их нужды и интересы, но требователен. Они его любили, но иногда жаловались, что он мало предоставляет им самостоятельности, т.к. входит во всевозможные мелочные детали. Вследствие этой последней привычки он перегружал себя работою...»³⁷.

Г.И. Щавельским было подмечено, что М.В. Алексеев в общении проявлял себя самым естественным образом: «После семнадцатилетнего знакомства с генералом Алексеевым у меня сложилось совершенно определенное представление о нем. Михаил Васильевич, как и каждый человек, мог ошибаться, – но он не мог лгать, хитрить и еще более ставить личный интерес выше государственной пользы. Корыстолюбие, честолюбие и славолубие были совсем чужды ему. Идя впереди всех в рабочем деле, он там, где можно было принять честь и показать себя – в парадной стороне штабной и общественной жизни, как бы старался затушеваться, отодвигал себя на задний план... Он был поразительно прост в домашней жизни, без величия, важности и заносчивости... Будучи аристократом мысли и духа, он до смерти остался демократом у себя дома и вообще в жизни, противником всякой помпы, напыщенности, важничанья, которыми так любят маскироваться убогие души...»³⁸. Простоту в общении, как и чрезмерную работоспособность, отмечали практически все соратники М.В. Алексеева.

А.И. Верховский вспоминал, что М.В. Алексеев держался очень просто, что резко отличало его от большинства из высшего командования армии. У многих высших офицеров внешняя недоступность и пренебрежительное отношение к окружающим часто прикрывали внутреннюю пустоту и убожество мысли. По его мнению,

Михаил Васильевич был скромный, незаметный в мирное время труженик, всю жизнь работавший над теорией и практикой военного дела, что было редким исключением среди высшего генералитета³⁹.

Интересно, что, став командиром корпуса, Михаил Васильевич в соответствии со служебным положением имел прекрасный выезд лошадей и лучшие автомобили. Но для личных целей, как, впрочем, и для служебных, этими привилегиями почти не пользовался, предпочитая ездить верхом или ходить пешком⁴⁰.

Говоря о трудолюбии, следует отметить, что оно было присуще не всем ГК в равной степени. А.И. Деникин, как и многие другие, отмечал у М.В. Алексеева необыкновенное трудолюбие, самоотверженность в работе, государственный ум. К крупному недостатку относил выполнение на всех своих постах работу не только за себя, но и за подчиненных⁴¹. Тяжелая болезнь почек, сопровождавшая М.В. Алексеева последние годы жизни, не изменила его изнурительный повседневный ритм деятельности. В конечном итоге это и явилось одной из причин его смерти.

Свойства личности двух высших военачальников «Великой войны», представленных нами, во многом отличаются друг от друга. Духовно-нравственная основа М.В. Алексеева позволила ему в должности ГК Северо-Западным фронтом в 1915 г. спасти сотни тысяч своих подчиненных в ходе длительной операции по выводу соединений и частей из смертельно опасных немецких охватов. Затем занять последовательно жесткую позицию с новой революционной властью, пришедшей на смену самодержавию, и резко не принять идеологию большевиков. А.А. Брусилову же – добиться оглушительного успеха в первой фазе летнего наступления войск Юго-Западного фронта, на последующих этапах этой же операции положить сотни тысяч русских людей, предпринимая вопреки стратегическим канонам безуспешные атаки на одном и том же оперативном направлении. Затем, пойдя на компромисс с совестью, попытаться «ужиться» с военными фантазиями Керенского и революционной беспринципностью большевиков⁴².

¹ Малая Советская энциклопедия. Третье изд. М.: Государственное научное издательство «Советская Энциклопедия», 1960. С. 870.

² См.: Сунь-цзы. Искусство войны. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. С. 5, 7.

³ Цит. по: Голдсуорти А. Во имя Рима. М.: Транзиткнига, 2006. С. 9.

⁴ Цит. по: Головин Н.Н. Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца. СПб., 1907 // <http://www.vrazvedka.ru/main/learning/vopros-ob/golovin.html>.

⁵ В числе характерных черт боевого генерала старой Екатерининской школы, к которой относились русские генералы эпохи войн с Наполеоном, можно отметить необыкновенное благородство, удивительную способность подавить свое личное честолюбие, забыть свое личное «я» в те минуты, когда речь шла о пользе и славе родины. В сражении при Кульме русскими войсками руководил Остерман-Толстой. После тяжелого ранения командование армией принял Ермолов – личный враг Остермана-Толстого. Бой закончился победой русских войск, и в реляции императору Ермолов весь успех приписал мужеству войск и умелому руководству своего предшественника. Александр I по представлению Ермолова наградил раненого военачальника, послав своего флигель-адъютанта к Остерману-Толстому с орденом Св. Георгия II степени. Генерал сказал императорскому посланнику: «Этот орден должен принадлежать не мне, а Ермолову». См.: Морозов Н. Воспитание генерала и офицера как основа побед и поражений / Цит. по: Офицерский корпус русской армии. Российский военный сборник. М.: Военный университет; Русский путь, 2000. № 17. С. 55.

⁶ Там же. С. 274.

⁷ Там же. С. 157, 158.

⁸ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003.

⁹ См.: Офицерский корпус русской армии. С. 280.

¹⁰ Во время Первой мировой войны фронтами русских вооруженных сил в разное время командовал 21 генерал. Их действия в должности главнокомандующих армиями фронта не принесли окончательной победы России, но вклад, внесенный ими в общее дело, различен. Четверо из этого числа вошли в историю и стали широко известны: М.В. Алексеев и А.И. Деникин как основатели и руководители Белого движения; А.А. Брусилов как автор одной из крупнейших операций Первой мировой войны; Л.Г. Корнилов – попыткой совершить так называемый «Корниловский мятеж». Фамилии остальных главнокомандующих известны лишь специалистам, изучающим историю данного периода.

¹¹ Следует отметить, что после того, как официальные представители ЧССР вскоре после Великой Отечественной войны предоставили СССР вторую часть мемуаров А.А. Брусилова, ранее неизвестную на родине, о военачальнике было запрещено упоминать в официальной прессе до «хрущевской оттепели». Это связано с негативными описаниями советской действительности во второй части рукописи генерала.

¹² Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 162. Оп. 1. Д. 12. Л. 98–99.

¹³ РГВИА. Ф. 409. Оп. 3. Д. 785. Л. 1 об., 2 об.

¹⁴ Там же. Ф. 162. Оп. 1. Д. 12. Л. 106.

¹⁵ См.: Русский исторический архив. Сборник первый. Прага: Издание русского заграничного исторического архива в Праге, 1929. С. 23. М.В. Алексеев, видевший своего подчиненного в годы войны А.А. Брусилова в различных боевых ситуациях, отмечал: «Пока счастье на нашей стороне... Брусилов смел, а больше самонадеян. Он рвется вперед, не задумываясь над общим положением дел. Он не прочь... пустить пыль в глаза. Нередко неудача становится нашим уделом (уделом военачальника. – А. П.). Вот пробный камень для полководца:

сохранить в этом положении ясность ума, спокойствие духа, способность оценки обстановки, умение найти средства и выход – вот качества, без наличия которых нет полководца. Этими качествами в минуты... неудач щедрая природа не наградила Брусилова». Цит. по: Золотой клинок империи. Свиты Его Императорского Величества генерал от кавалерии граф Федор Артурович Келлер // Граф Келлер. М.: Посев, 2007. С. 438.

¹⁶ Цит. по: Золотой клинок империи. С. 364–365. Это подтверждает и А.И. Деникин. См.: Деникин А.И. Путь русского офицера. С. 308.

¹⁷ «Моментами» называли элитную группу офицеров русской армии, причисленных к Генеральному штабу.

¹⁸ См.: Лемке М.К. Дней в царской ставке. В 2 т. Т. 2. 1916. Минск: Харвест, 2003. С. 164, 400.

¹⁹ См.: Дрейер В.Н. На закате империи. Мадрид, 1965. С. 103.

²⁰ См.: Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии. В 2-х т. Т. 1. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С. 413–414. См.: Спиридович А.И. Великая война и февральская революция (1914–1917). Минск: Харвест, 2004. С. 95.

²¹ См.: Дрейер В.Н. Указ. соч. С. 103.

²² Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. М.: Вече, 2007. С. 184.

²³ См.: Верцинский Э.А. Год революции. Воспоминания офицера генерального штаба за 1917–1918 гг. Таллин, 1929. С. 17.

²⁴ Сразу же после назначения А.А. Брусилова с должности ГК армиями ЮЗФ на должность Верховного ГК к нему обратился генерал для поручений при ГК Е.А. Рауш фон Траубенберг с просьбой оставить его при себе, на что получил положительный ответ. «На другой день Рауш узнал в штабе, что Брусилов уже подписал приказ об отчислении Рауша в резерв Киевского военного округа, – не мог же Брусилов, беседуя с Раушем, забыть это...». Цит. по: Епанчин Н.А. На службе трех императоров. Воспоминания. М.: Полиграфресурсы, 1996. С. 475.

²⁵ Адариди К.И. Пережитое (1910–1914) / Военно-исторический вестник. Париж, 1965. № 25. С. 5. Небезынтересен и эпизод, описываемый генерал-майором Ф.П. Рербергом. А.А. Брусилов, находясь вскоре после окончания русско-японской войны на «Пажеском благотворительном концерте» в Собрании армии и флота, вслед за автором воспоминаний и генералом от кавалерии бароном А.А. Бильдерлингом уклонился от встречи с А.Н. Куропаткиным, чтобы избежать необходимости рукопожатия с ним. При этом А.А. Брусилов свое нежелание пожать руку бывшему военному министру обосновал своим возмущением его словами, обращенными к Набокову (знакомому А.А. Брусилова). А.Н. Куропаткин просил Набокова представить его брату, чтобы приветствовать того за мужество «снять придворную мишуру и идти во главе освобождения народа». См.: Ф.П. Рерберг. Исторические тайны великих побед и необъяснимых поражений. Записки Участника Русско-Японской войны 1904–1905 гг. и Члена Военно-Исторической Комиссии по описанию Русско-Японской Войны. 1906–1909 гг. Мадрид, 1967. С. 326.

²⁶ Александр Иванович Гучков рассказывает... М.: ТОО Редакция журнала «Вопросы истории». 1993. С. 10.

²⁷ Шавельский Г.И. Указ. соч. Т. 1. С. 414. Не менее красочно этот же эпизод описывает генерал П.К. Кондзеровский: «...новый Верховный не обратил никакого внимания на стоявших на фланге генералов, никому не подал руки, но,

когда к нему с рапортом, держа ружье на караул, подошли назначенные от караула в ординарцы и на посылки, то, приняв их рапорт, он каждому протянул руку; те были в полном замешательстве, не зная, как поступить и что делать с винтовкой. Конечно, на всех это произвело ошеломляющее впечатление». См.: Кондзеровский П.К. Указ. соч. С. 129.

²⁸ См.: Верцинский Э.А. Указ. соч. С. 17.

²⁹ РГВИА. Ф. 55. Оп. 5. Д. 1. Л. 38.

³⁰ Будберг А.П. Дневник белогвардейца // Архив русской революции. Т. 12. С. 217.

³¹ Кириенко Ю.К. Алексей Максимович Каледин // Вопросы истории. 2001. № 3. С. 62.

³² См.: Кирилин Ф. Основатель и Верховный руководитель Добровольческой Армии генерал М.В. Алексеев. Ростов-на-Дону, 1919. С. 4–5.

³³ См.: Кирилин Ф. Указ. соч. С. 5.

³⁴ См.: Столетие военного министерства. Александровский комитет о раненых / Главный редактор генерал-лейтенант Д.А. Скалон. СПб.: Типография поставщиков двора Его Императорского Величества товарищество М.О. Вольф, 1902. С. 217–218.

³⁵ На наш взгляд, «двуликость» М.В. Алексеева не касалась чисто военных (технических) вопросов, а имела место в личных взаимоотношениях, и то, вероятнее всего, далеко не со всеми. Простое происхождение Михаила Васильевича в совокупности с многолетним опытом общения с офицерским составом, карьерный рост которых во многом обеспечивался их происхождением и родственными связями, не располагало к особой откровенности. Долгие годы службы в больших штабах, постоянное общение с «элитой» императорского военного общества предполагали для выходцев из низов особые правила поведения во взаимоотношениях.

³⁶ Цит. по: Деникин А.И. Старая армия. М.: Айрис Пресс, 2005. С. 44.

³⁷ Адариди К.И. Указ. соч. С. 6.

³⁸ Щавельский Г.И. Указ. соч. Т. 1. С. 397.

³⁹ Верховский А.И. На трудном перевале. М.: Воениздат, 1959. С. 52, 116.

⁴⁰ См.: Алексеева-Борель В. Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М.В. Алексеев. СПб.: Бельведер, 2000. С. 319.

⁴¹ См.: Деникин А.И. Указ. соч. С. 101. Сам Михаил Васильевич писал о своих «недостатках» молодой жене, предполагая, вероятно, что они могут помешать в семейной жизни: «...и по складу характера, и по условиям жизни я человек труда и работы...». См.: Алексеева-Борель В. Указ. соч. С. 49–50.

⁴² Более подробно представленная в статье тема раскрыта в монографии автора «Полководческое становление главнокомандующих армиями фронтов Первой мировой войны».

Е.В. Потапова (Тверь)

ПАМЯТНИК А.Н. СЕСЛАВИНУ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ)

ПРАЗДНОВАНИЕ 100-летия Отечественной войны 1812 г. происходило в России с размахом. Это было широкомасштабное действо, проходившее с 1911 по 1912 гг., которое сопровождалось не только проведением различных мероприятий, но и сбором всевозможных сведений.

Для координации всех действий еще 7 мая 1910 г. была создана Межведомственная комиссия по обсуждению вопросов, связанных с предстоящим в 1912 г. 100-летним юбилеем Отечественной войны.

Так, в частности, весьма любопытными были мероприятия в связи с выдачей памятных медалей 1812 г. По положению о медалях от 15 августа 1912 г., они выдавались как потомкам участников войны 1812 г., так и людям, активно задействованным в проведении мероприятий, посвященных 100-летию юбилею ¹.

В июне 1912 г. по губерниям был разослан циркуляр министра внутренних дел России о необходимости предоставления сведений о лицах, живущих в губернии, – ветеранах событий 1812 г. и «находящихся в сознательном возрасте» современниках-очевидцах ².

В течение июня-августа 1912 г. из рапортов земских участковых начальников выяснилось, что людей, которые бы принимали участие в войне 1812 г. или их современников на территории Тверской губернии не проживало.

А за год до этого – весной 1911 г. было проведено еще одно исследование по выявлению наследия войны 1812 г. Сбор сведений на этот раз касался памятников войны 1812 г. Предполагалось

выявление и охрана уже существующих памятников и постановка новых.

Данное мероприятие возлагалось на губернаторов, которые должны были ответить на 3 вопроса: какие существуют ныне памятники войны 1812 г. (на территории губернии), сохранились ли они или испортились от времени, и в каком теперь положении, если необходимо их исправление или полное восстановление, какая сумма потребна на приведение их в должный вид ³.

В связи с этим в середине марта 1911 г. тверской губернатор направил уездным исправникам циркуляр, в котором просил предоставить сведения о наличии в уездах памятников войны 1812 г.

В течение апреля-мая 1911 г. были получены ответные рапорты, из которых следовало, что подобных памятников нет ни в одном уезде Тверской губернии ⁴.

Однако 11 мая 1911 г. ржевский уездный исправник внезапно направил еще одно донесение, в котором известил губернатора о наличии на территории Ржевского уезда могилы героя войны 1812 г. и уроженца тех мест – генерал-майора А.Н. Сеславина. Личность эта легендарная и всем хорошо известная.

Несколько лет назад автор изучала жизнь и судьбу А.Н. Сеславина уже после выхода в отставку, а также пыталась разгадать «загадку» его рождения.

Результат этих изысканий был весьма неожиданный. В частности, жизнь Сеславина «на гражданке» была отнюдь не «героико-романтическая» и закончилась весьма печально. Он умер затворником в разоренном имении, призираемый соседними помещиками и проклинаемый местными священниками. Возможно, он стоял под негласным надзором полиции, т.к. его «радикальные» высказывания явились предметом переписки между министром внутренних дел России Л.А. Покровским и тверским губернатором А.П. Бакуниным ⁵.

Но через 100 лет все эти печальные события были забыты. Могила А.Н. Сеславина оказалась единственным объектом, который напоминал о событиях войны 1812 г. И именно вокруг нее и личности А.Н. Сеславина и развернулись основные события.

В частности, исправник сообщал в своем донесении, что могила Сеславина сохранилась в с. Никола-Сишка Становской волости Ржевского уезда и за отсутствием родных героя в будущем 1912 г. предполагался ремонт мраморного памятника на могиле силами

местного дворянства. Кроме того, могилу должны были обнести оградой⁶.

В июне был сделан снимок могилы, представленный губернатору. Сам по себе снимок весьма любопытен. С западной стороны мраморного памятника имеется надпись: «Генерал-майор Александр Никитич Сеславин. 1788–1857». С восточной – размещены строки из стихотворения В.А. Жуковского «Певец во стане русских воинов» – «Сеславин где ни пролетит с крылатыми полками, Там брошен в прах меч и щит и устан путь врагами» Жуковский, 1807–1812–1814. С южной стороны – «Мир праху твоему доблестный воин»⁷.

Памятник на могиле А.Н. Сеславина был установлен в 1873 г. его племянниками, которые знали точную дату смерти дяди. Однако в большинстве справочных изданий указан неверный год смерти – 1858 г.

Автор проверила записи в метрических книгах погоста Никола на Шишке за 1858 и 1857 гг. и убедилась, что А.Н. Сеславин действительно умер 25 апреля 1857 г. от апоплексического удара и был

МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ НА 1857					
Смерть умерших.	Месяц и день.		Возраст, имя, отчество и фамилия умершаго.	Въѣтъ умершаго.	Отъ чего умръ.
	Мѣсяцъ.	Дни.			
17	Апрѣль	25	Александръ Никитичъ Сеславинъ 55 полковникъ въ отставкѣ	55	апоплексическимъ ударомъ
18	Апрѣль	30	Тимофей Николаевичъ Сеславинъ Семновъ	49	отъ чахотки
			Стефанъ Стефановичъ Сеславинъ Семновъ		отъ чахотки
			Владимиръ Стефановичъ Сеславинъ Семновъ		отъ чахотки
			Владимиръ Стефановичъ Сеславинъ Семновъ		отъ чахотки
19	Апрѣль	1	Владимиръ Стефановичъ Сеславинъ Семновъ		отъ чахотки

Рис. 1. Запись о смерти А.Н. Сеславина в метрической книге за 1857 г. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 14681. Л. 1174 об.–1175

погребен 30 апреля⁸ (рис. 1). Таким образом, год смерти А.Н. Сеславина 1857, а не 1858.

Что касается даты рождения А.Н. Сеславина, то этот вопрос автор так и не смогла выяснить. В большинстве справочных изданий указан 1780 г. Сам Сеславин утверждал, что родился в 1785 г., а на памятнике указан 1788 г. (собственно, эта дата определена путем вычитания из 1857 г. возраста генерала на момент смерти). Однако метрические книги погоста за указанные годы не сохранились, поэтому подтвердить или опровергнуть эти даты на сегодняшний момент невозможно.

Интересно, что одновременно с повышенным вниманием к могиле Сеславина у местного дворянства в июне 1911 г. появилась идея поставить ему памятник в городе Ржеве.

Ржевский предводитель дворянства вышел с этой инициативой на тверского губернатора и попросил разрешения об открытии Всероссийской подписки на сооружение памятника⁹. После этого завязалась многомесячная переписка между ржевским предводителем дворянства, тверском губернатором и министром внутренних дел по выяснению как, каким образом, на какие средства и какой памятник предполагается поставить Сеслави́ну. От ржевского предводителя дворянства особо требовали проект памятника.

Переписка шла с перерывами, и в 1911 г. вопрос о постановке памятника не был решен. Последнее письмо по этому вопросу датировано 24 октября 1912 г., в нем, в частности, тверской губернатор просил ржевского предводителя дворянства сообщить, что сделано для образования Особого комитета для заведования означенного сбором пожертвований (имеются в виду пожертвования на устройство памятника А.Н. Сеславина), какова стоимость памятника и проект такового¹⁰. К сожалению, на этом переписка обрывается. В деле имеется лишь любопытный план части г. Ржева, где предполагалось поставить памятник¹¹.

Судя по всему, в Министерстве внутренних дел идея установки памятника не вызвала особого восторга. Торжества по случаю 100-летия войны 1812 г. прошли, и о памятнике никто больше не вспоминал.

Что касается могилы А.Н. Сеславина, то известно, что в октябре 1912 г. возле нее прошли торжественные мероприятия.

Инициатором стало местное дворянство и командование Сумского гусарского полка имени Сеславина¹².

На могиле была совершена литургия, затем панихида по Императору Александру I, генералу Сеславиному и всем павшим воинам.

Затем в церкви погоста прошел молебен. Произносились торжественные речи, раздавались брошюры и портреты Сеславина. Торжество продолжилось в местной земской школе. Собственно, на этом мероприятии и закончились.

Мраморный памятник на могиле А.Н. Сеславина пережил все исторические катаклизмы и все еще стоит рядом с погостом. Имеется фотография памятника, сделанная в июле 2008 г. Хорошо видна дата рождения Сеславина – 1788, а вот дата смерти замазана цементом (рис. 2).

Рис. 2. Памятник на могиле А.Н. Сеславина. Фотография (июль 2008 г.)

Таким образом, единственный памятник герою партизану А.Н. Сеславиному – мраморное надгробие на его могиле.

¹ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 56. Оп. 1. Д. 5550 (все дело).

² ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 5543. Л. 1–2.

³ Там же. Д. 5523. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 5–21.

⁵ См.: Потапова Е.В. Кто Вы, господин Сеславин? // Род и семья в контексте Тверской истории. Сборник научных статей. Вып. 3. Тверь, 2009. С. 41–47.

⁶ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 5523. Л. 25.

⁷ Там же. Л. 28–28 об.

⁸ Там же. Ф. 160. Оп. 1. Д. 14681. Л. 1174 об., 1175.

⁹ Там же. Ф. 56. Оп. 1. Д. 5523. Л. 30.

¹⁰ Там же. Л. 41.

¹¹ Там же. Л. 38 об.–39.

¹² Там же. Л. 40.

М.А. Приходько (Москва)

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ВОЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ЭПОХУ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

ГОСУДАРСТВЕННЫМ органом Российской империи, осуществлявшим центральное военное управление в эпоху Отечественной войны 1812 г. было Военное министерство.

Из непосредственных изменений в структуре Военного министерства накануне Отечественной войны 1812 г. можно отметить только учреждение Комиссии для окончания старых нерешенных дел военного ведомства (1811–1818) ¹ и Временного комитета для окончания запущенных текущих дел (1811 – конец 20-х гг. XIX в.) ².

Куда большее значение для структурной организации Военного министерства и центрального военного управления имела Комиссия для составления военных уставов и уложений, начавшая свою деятельность в мае 1811 г. В короткие сроки она разработала и представила военному министру М.Б. Барклаю-де-Толли проекты двух учредительных документов – «Учреждения Военного министерства» и «Учреждения для управления большой действующей армии» ³.

В один день, 27 января 1812 г., эти акты были утверждены императором Александром I ⁴. «Учреждение Военного министерства» от 27 января 1812 г. ⁵ вводило в структуру Военного министерства единообразное и централизованное устройство в соответствии с «Общим учреждением министерств» от 25 июня 1811 г. ⁶

Военное министерство возглавлял военный министр. Военная коллегия упразднялась ⁷. В состав министерства вошли семь департаментов: Артиллерийский, Инженерный, Инспекторский, Аудиториатский, Комиссариатский, Провиантский и Медицинский ⁸. Департаменты под руководством директоров состояли из отделений

Военный министр Российской империи в 1810–1812 гг. М.Б. Барклай-де-Толли. Литография А.Э. Мюнстера. Копия с портрета Джорджа Доу 1829 г.

под руководством начальников отделений, в свою очередь отделения делились на столы под руководством столоначальников⁹. Исполнительным органом при военном министре становилась Общая канцелярия, которую возглавил директор¹⁰.

В соответствии с «Общим учреждением министерств» от 25 июня 1811 г. в Военном министерстве в качестве совещательного органа был образован Совет военного министра, в состав которого вошли директора департаментов и Общей канцелярии, а также особо назначенные члены из генералитета. В Совете военного министра председательствовал сам военный министр¹¹. В департаментах образовывались свои совещательные органы – Общие

присутствия департаментов. В составе начальников отделений и особо приглашенных лиц под председательством директора департамента¹².

Особенными установлениями при Военном министерстве были: Военно-ученый комитет, Военно-топографическое депо, Особенная канцелярия военного министра¹³ и Типография¹⁴. Кроме того, при Военном министерстве учреждены: Общее по армии дежурство и Дежурство по рекрутской части. Их возглавили дежурные генералы¹⁵.

В соответствии с «Учреждением Военного министерства» от 27 января 1812 г. в структуру Военного министерства вводятся на постоянной основе должности вице-директоров – заместителей директоров Артиллерийского и Инженерного департаментов¹⁶.

К 18 февраля 1812 г. были составлены и поданы на утверждение императора примерные штаты Военного министерства. Эти штаты пока не были утверждены императором, а только временно

разрешены к исполнению Военным министерством до издания специального указа.

26 февраля 1812 г. в Военном министерстве было произведено назначение большинства руководителей на новые должности¹⁷, а 28 февраля 1812 г. утверждены штаты Военного министерства¹⁸.

В течение марта 1812 г. все департаменты закончили свое устройство¹⁹ и Военное министерство начало работу на новых организационных началах.

«Учреждение Военного министерства» от 27 января 1812 г. было только первой частью работы Комиссии для составления военных уставов и уложений под руководством М.Л. Магницкого, вторая часть – «Наказ Военному министерству» – не была утверждена императором Александром I, а отправлена к военному министру в качестве предварительного наказа²⁰.

Определению специфики «полевого» или «фронтового» управления большой действующей армией в военное время было посвящено «Учреждение для управления большой действующей армией» от 27 января 1812 г.²¹

Верховное командование большой действующей армией вверялось главнокомандующему, который представлял лицо императора и наделялся его властью²².

Главным органом управления армией был Главный полевой штаб армии, состоящий из четырех главных отделений: 1) Управления начальника Главного полевого штаба армии; 2) Полевого артиллерийского управления; 3) Полевого инженерного управления; 4) Интендантского управления. Этими отделениями руководили: начальник Главного полевого штаба армии, начальник артиллерии армии, начальник инженеров армии и генерал-интендант. Все они подчинялись главнокомандующему²³. Все вместе управления назывались Главным полевым штабом армии²⁴.

Начальнику Главного полевого штаба армии подчинялись генерал-квартирмейстер и дежурный генерал армии²⁵. При главнокомандующем состояла Канцелярия под руководством особого директора²⁶.

«Учреждение для управления большой действующей армией» от 27 января 1812 г. установило полную самостоятельность главнокомандующего армии, с сохранением некоторой неопределенности его положения в случае присутствия императора при армии, так как в этом случае главное командование переходило к императору,

если не было издано особого приказа, подтверждающего власть главнокомандующего над войсками²⁷.

Этим актом подробно разрабатывалось полевое управление всеми подразделениями большой действующей армии. Однако существенным недостатком «Учреждения для управления большой действующей армии» от 27 января 1812 г. было двойное подчинение армейских подразделений строевому и специальному командованию. В результате часть военных подразделений (кроме пехоты и кавалерии) подчинялась и своим строевым начальникам, и начальнику артиллерии, начальнику инженеров и генерал-интенданту. Кроме того, все армейские штабы разделялись на две части – квартирмейстерскую и Дежурство, что также создавало неудобства в полевом военном управлении²⁸.

Система центрального военного управления, введенная «Учреждением Военного министерства» и «Учреждением для управления большой действующей армии» от 27 января 1812 г., будет достаточно успешно действовать на всем протяжении Отечественной войны 1812 г.

Таким образом, реорганизация центрального военного управления, проведенная перед началом Отечественной войны 1812 г., во многом способствовала победе российских войск в этой войне и успешному проведению последующих заграничных походов российской армии в 1813–1814 гг.

¹ ПСЗ-1. Т. 31. № 24796. С. 856–858.

² Столетие Военного министерства. Т. 1. СПб., 1902. С. 187.

³ Там же. С. 168–176.

⁴ РГВИА. Ф. 30. Оп. 1/1256. Д. 117. Л. 1–58; Д. 125. Л. 1–70.

⁵ ПСЗ-1. Т. 32. № 24971. С. 23–39.

⁶ То есть распространило «Общее учреждение министерств» от 25 июня 1811 г. на Военное министерство.

⁷ А вместе с ней и Канцелярия Военной коллегии.

⁸ ПСЗ-1. Т. 32. № 24971. § 2. С. 23.

⁹ Там же. С. 23–35.

¹⁰ Там же. § 123. С. 33.

¹¹ Там же. § 149. С. 35.

¹² Столетие Военного министерства. Т. 1. С. 180.

¹³ То есть переименованная Экспедиция секретных дел при Военном министерстве (1810–1812). (Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 1. М., 1998. С. 36.)

- ¹⁴ ПСЗ-1. Т. 32. № 24971. § 3. С. 23.
- ¹⁵ Столетие Военного министерства. Т. 1. С. 181–182.
- ¹⁶ ПСЗ-1. Т. 32. № 24971. § 139. С. 35.
- ¹⁷ Столетие Военного министерства. Т. 1. С. 188.
- ¹⁸ ПСЗ-1. Т. 43. Ч. 2. Отд. 1. К № 25012. С. 405–411.
- ¹⁹ Столетие Военного министерства. Т. 1. С. 191.
- ²⁰ РГВИА. Ф. 30. Оп. 1/1256. Д. 116. Л. 57–58.
- ²¹ ПСЗ-1. Т. 32. № 24975. С. 43–164.
- ²² Там же. § 1. С. 43.
- ²³ Там же. § 31–32. С. 45.
- ²⁴ Там же. С. 45.
- ²⁵ Там же. § 33.
- ²⁶ Там же. § 34.
- ²⁷ Столетие Военного министерства. Т. 1. С. 192.
- ²⁸ Там же. С. 196–197.

Д.Л. Прокопенко (Санкт-Петербург)

ПОЛЕВАЯ МЕТОДИКА В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ Н.Е. БРАНДЕНБУРГА

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н.Е. Бранденбурга как археолога написано уже немало. Это и специальные статьи, и упоминания в больших историографических работах. Во всех этих работах повторяется из раза в раз один и тот же тезис о том, что Н.Е. Бранденбург был выдающимся исследователем курганных древностей. Некоторые историографы говорят о большом вкладе, который внес Н.Е. Бранденбург в археологию. Таким образом, в отечественной историографии сложилась устойчивая традиция, по которой работы Н.Е. Бранденбурга признаются если не надолго опередившими свое время, то уж точно находящимися гораздо выше в методологическом отношении, чем работы и исследования его современников и даже некоторых последователей.

Однако ни одной работы, в которой предметно разбиралось бы, в чем собственно состоит методологическая основа работ Н.Е. Бранденбурга и можно ли говорить о каких-то новациях, привнесенных им в методику исследования, автору не известно. Не считать же подобным разбором кочующее из статьи в статью заявление о том, что Н.Е. Бранденбург копал курганы полностью, целиком, «на снос» и в том была его главная, если не единственная заслуга как археолога.

Целью данной работы, конечно, не является рассмотрение всего археологического наследия Н.Е. Бранденбурга. В статье предпринята попытка как можно более подробно рассмотреть полевою методику, использовавшуюся Н.Е. Бранденбургом в археологических исследованиях, и сопоставить ее с той методикой, которую можно назвать «официальной» для того времени.

В качестве источника, который содержит такую «официальную» методику, используются инструкции и рекомендации по производству археологических исследований Д.Я. Самоквасова (1874 и 1878 гг. издания) и А.А. Спицына (1895 и 1898 гг. издания). Эти инструкции написаны наиболее авторитетными исследователями того времени и отражают состояние полевой археологической методики периода. Так, как рекомендовали копать А.А. Спицын и Д.Я. Самоквасов, копать считалось «правильным», «научным», «методичным».

Методика Н.Е. Бранденбурга рассматривалась на материалах двух наиболее показательных в отношении методики примеров его исследований. В 1886 г. Н.Е. Бранденбургом был изучен курган возле селения Михаил-Архангел, в 1901 г. произведена разведочная раскопка, а в 1902 г. исследование кургана неподалеку от селения Ильинцы. Если первый описываемый эпизод можно отнести к раннему этапу исследований Бранденбурга, то второй – это одна из последних экспедиций Николая Ефимовича. Кроме того, при описании работ на этих памятниках Н.Е. Бранденбург наиболее целостно зафиксировал собственно методику, которую использовал. Это имеет определяющее значение для нашего исследования.

І. Инструкции Д.Я. Самоквасова

1. Начнем обзор с наиболее раннего сочинения, с «Инструкции для описания городищ, курганов и пещер и для производства раскопок курганов», опубликованной в 1874 г.¹

В этом документе уже нашли отражение такие важные процедуры полевого исследования, как привязка памятника на местности; предлагается фиксировать не только высоту и величину окружности насыпи кургана, но также ее форму, особое внимание уделяется наличию или отсутствию «площадок или углублений»² на вершине кургана; упомянуто о необходимости фиксации наличия или отсутствия каменных обкладок и кромехов по окружности насыпи и местоположению относительно других объектов (городища, замковища, селища).

Что же касается непосредственно методики исследования кургана, то так называемый «колодец» рассматривается как основной прием для раскопки таких объектов. Вершина кургана, примерно на треть его высоты, снимается послойно, и с образованной

площадки до уровня могильной ямы бьется колодец, по ширине равный размерам собственно площадки.

По характеру грунта насыпи и сравнению его с грунтом в пробной яме археологу предлагается определять близость могильной ямы и, следовательно, костяка. При помощи щупа местоположение последнего должно быть установлено точно. При обнаружении костяка Самоквасов предлагает оставить 2 аршина 10 вершков земли от черепа в сторону костяка нетронутой, так же «отбить» со всех сторон остова примерно четверть земли и опускаться на четверть ниже местоположения костяка. Разборку же самого погребения должен проводить лично руководитель работ при помощи ножа, кисточки и совка. Завершать работу после обнаружения и расчистки погребения не следует, но должно дойти до подошвы курганной насыпи или даже углубиться в материк, не останавливая работы после нахождения тех или иных интересных ему объектов³.

Послойно, «на снос», следует копать исключительно несколько курганов из группы, до тех пор, пока исследователь не выяснил для себя суть погребального обряда в данном могильнике, кроме того, подобной раскопке подвергаются курганы с установленным трупосожжением и отдельно стоящие насыпи⁴.

Сама методика производства работ говорит нам о цели, которая стояла перед исследователями, а именно – получение вещевого материала. Археолог должен во что бы то ни стало установить положение погребальной ямы (сооружения), ее конструкцию, тщательно зафиксировать положение вещей, которые будут обнаружены при костяке, относительно друг друга и относительно остова, изъять остеологический материал из земли в правильном порядке.

Курган с трупосожжением предписывается копать «на снос» вовсе не с целью изучения особенностей насыпи, но, думается, по причине того, что, копая его колодцем, велика вероятность упустить погребальную урну и место кострища, которые далеко не всегда располагаются четко под вершиной кургана.

Стоит также отметить, что уже тогда археологи понимали важность предельно детальной фиксации хода и результатов своих работ. Декларируется: «Каждый курган, при раскопке которого дневник не был составлен, считается потерянным для науки»⁵.

2. В 1878 г. Д.Я. Самоквасовым были составлены две новые инструкции. Или точнее – внесены изменения в уже опубликованную. Изменения вышли двумя разными изданиями. Первое

называлось «Условия научного исследования курганов и городищ»⁶ и вышло в Варшаве. Второе, содержащее довольно интересные дополнения относительно работы с остеологическим материалом, составленные антропологом А.П. Богдановым, вышло в Москве под названием «Инструкция для научного исследования курганов Д.Я. Самоквасова и дополнения к ней А.Л. Богданова»⁷.

Существенным отличием этих двух инструкций от рассмотренной выше является то, что в них больше внимания уделяется привлечению этнографических данных как на начальном этапе полевого исследования, так и впоследствии, при интерпретации комплекса.

Сам же раскопный процесс также претерпел некоторые изменения. Автор говорит, что отдельно стоящие курганы допустимо копать как колодцем, так и траншеей, можно делать это и послойно, «на снос». В то время как в более ранней работе того же автора говорилось, что такие памятники необходимо разрабатывать исключительно полностью, снося курган целиком. Можно было бы сделать вывод о шаге назад в развитии полевой методики, однако это не так. Был увеличен размер колодца, который шел до основания насыпи. Теперь снималась не треть высоты и с образовавшейся площадки шли далее вниз, но половина насыпи, а это значит, что исследованию подвергался больший объем насыпи.

Отчасти это было связано с осознанием возможности содержания нескольких погребений в одном кургане⁸. Археологи опасались упустить материал. Стоит оговориться, что «половинчатая» методика использовалась только для некоторых курганов, «пробных насыпей», остальные предлагалось копать по-старому, «на треть». Крупные курганы, в которых археолог ожидает обнаружить погребение по обряду трупосожжения, предлагается копать послойно до уровня кострища. После его обнаружения – бить колодец до материка.

Следует отметить особое внимание, которое автором уделено качественному проведению зачистки слоя. «По снятии земли до подошвы насыпи, по достижении грунта, узнать который легко по сличению с верхними слоями почвы местности, обнаруженными вышеуказанной пробной ямой, материк должен быть очищен (выскоблен) железными лопатами или заступами. Тогда, если в исследуемом кургане имеется могила ниже насыпи, в грунте, обнаружится, под центром кургана или несколько сбоку, пятно в размере

могилы, всегда отличающееся цветом от грунтовой, нарушенной земли» – в рассмотренной ранее инструкции того же автора о зачистке слоя не говорилось вовсе. Пробная яма у подошвы насыпи, как мы видим, по-прежнему входит в инструментарий археолога.

Идея осознания несовершенства методов выделена автором в этом издании особо: «Очень может быть, что в будущем будет обращено внимание на такие условия, о которых мы теперь и не думаем»⁹. Это приводится как обоснование важности детальной фиксации максимального количества фактов не только о результатах, но и о ходе работ. Для того чтобы предоставить в руки будущим исследователям максимально полный набор данных.

3. Во второй Инструкции того же автора, вышедшей в 1878 г., для нас наиболее интересно различие в методе раскопки кургана в зависимости от размера насыпи. Так, насыпи высотой до 3 аршин (2,13 м) предлагается копать «на снос» послойно или колодцем. Если же курган имеет высоту более 3 аршин, то, по мнению автора, необходимо использовать траншею. Однако это разделение вводилось только для «пробных» курганов. Курганы в рамках одной группы по-прежнему рассматриваются как аналогичные по обряду. Поэтому насыпь, в которой ожидается захоронение по обряду трупосожжения, по мнению автора, может быть раскопана послойно только до уровня кострища. Далее допустимо пробивать колодец до материка¹⁰.

Важно отметить интересные рекомендации, которые обозначены в дополнениях видного русского антрополога А.П. Богданова (1834–1896). Постулируется необходимость составления качественных чертежей могильной ямы и положения костяка, тогда как в самой инструкции этого не было отмечено и говорилось только о текстовой фиксации, пусть и подробной. Важно это потому, что археология в тот период только начинала полноценно «говорить» на языке графики, на том языке, который сейчас называют главным для нее.

II. Инструкции А.А. Спицына

1. Продолжим рассмотрение состояния полевой археологической методики анализом инструкций, составленных А.А. Спицыным. Начнем с ранней его работы, а именно с опубликованного в 1895 г. руководства «Производство археологических раскопок»¹¹.

Инструкция составлена подробней, нежели рассматривавшаяся ранее. За 7 лет, что разделяют эти два руководства, полевая археологическая методика пережила довольно значительные изменения.

Наиболее важным считают формулировку понимания охранного характера археологических исследований. Автор говорит, что в ситуации, когда невозможно определить наиболее ценные в научном отношении курганы по визуальным признакам, раскопку следует начинать с тех, которые уже пашутся или чье разрушение возможно в скором времени. «Во всяком случае, очень распаханые курганы необходимо подвергнуть немедленной раскопке из опасения, что они в короткое время могут исчезнуть без следа»¹².

Также можно говорить о сложении понятия недоследованного памятника. Правда, в отношении прежде всего насыпей, которые подверглись несанкционированным грабительским раскопкам. А.А. Спицын обращает внимание, что вред от подобных действий состоит в том, что грабители разрушают насыпь, вторгаясь в нее бессистемно, и бывает даже не доходят до погребения или доходят, но не до всех, что, конечно, может исказить результат при исследовании кургана. Кроме того, вред подобных раскопок в том, что найденные вещи не доходят до музеев, а оседают в личных коллекциях, недоступные широкой публике и полному научному изучению¹³.

Говорится об однородности насыпей в северных могильниках, тогда как за некрополями в южных губерниях признается возможность разнообразия¹⁴. В более ранних инструкциях Д.Я. Самоквасова такого деления не проводилось. Все курганы в могильнике, независимо от того, где он находится географически, считались однородными. Этим обосновывалась возможность копать только некоторые из насыпей «на снос».

Сейчас же ситуация несколько изменяется. По-прежнему рекомендуется в выборе методики работы с курганом ориентироваться на размер насыпи и предполагаемую конструкцию. Незвестные и многомогильные курганы предлагается копать «на снос»¹⁵.

Очень подробно рассмотрен сам раскопочный процесс. Описаны основные способы выемки земли в зависимости от особенностей памятника и количества рабочей силы. Не станем вслед за автором описывать их, но только перечислим: перевал, на выкид, на вывоз, подбоек, шахты (мины), вспахивание, вычерпывание (имеется в виду подъем грунта со дна при обнаружении затопленных памятников).

А.А. Спицын продолжает методологическую традицию, заложенную в поздней инструкции Д.Я. Самоквасова. Мы говорим о внимательном наблюдении слоя и тщательном разборе пятен. В случае обнаружения оных Спицын предлагает останавливать работу на этом участке. Пятно должно быть внимательно изучено и только после этого, если исследователь убедится, что оно не обозначает могильную яму или иной, интересный в научном плане объект, можно продолжать работу, подрубая очередной пласт вертикально на штык или чуть меньше и срубая его окончательно горизонтальными движениями лопаты¹⁶.

2. Закончим рассмотрение опубликованных инструкций анализом работы А.А. Спицына «Разбор, обработка и издание археологического материала», увидевшей свет через три года после предыдущей инструкции, в 1898 г.¹⁷

Существенных изменений в ней не содержится, в основном это повторение уже опубликованных ранее приемов, да и посвящена эта работа скорее методике кабинетного этапа исследования, однако в ней все же есть некоторые важные для нашего исследования сюжеты. Прежде всего, это предельно точно сформулированное понимание важности составления качественного отчета об археологических работах: «Отчет о раскопке, выйдя из рук составителя, становится своего рода юридическим, вполне законченным, документом, от которого нельзя ничего отнять и к которому нельзя ничего прибавить. Он устанавливает общеобязательные факты, составляющие важнейшее достояние науки, и никогда не теряет своей цены. Из всех видов археологических работ составление отчета о раскопке есть самая ответственная, важная и требующая наибольшей осторожности и наблюдательности»¹⁸.

Кроме того, вводятся критерии качества итоговой документации, а именно: «Все подробности погребения описываются в отчете в том виде, в каком они наблюдались в момент вскрытия могилы <...> При составлении отчета исследователь должен держать в напряжении все свои силы, все заметить и объяснить. Все сомнительное и неясное должно быть обязательно отмечено, все промахи раскопки, почти неизбежные, должны быть указаны. Гладкий, красивый и категорический отчет о раскопках лишен жизни и не внушает доверия»¹⁹.

Крайне важно нашедшее отражение в данном руководстве изменение взгляда на фиксацию результатов археологического

исследования. А.А. Спицын говорит о том, что никакое словесное описание, как бы подробно и качественно оно не было составлено, не может заменить собой графической фиксации, пусть даже самой грубой и не точной. Поэтому отчет, лишенный графических материалов – рисунков, чертежей, – не может дать ясной картины, не позволяет представить его [памятника] первоначальный вид. В то время как наличие даже самого условного наглядного воспроизведения способно помочь в составлении такой реконструкции²⁰.

Причем А.А. Спицын замечает, что чертеж всегда беднее рисунка. Зарисовки придают археологическому отчету полноту и живость. В то же время это критерий качества проведенного исследования. *Невнимательная работа – не дает качественного рисунка, на котором сомнительное отражается полно, а понятное для исследователя, напротив, кратко, схематично.*

III. Краткий анализ изложенного

Если Д.Я. Самоквасов уделял основное внимание извлечению археологического материала из земли, сбору и обработке его, то А.А. Спицын уже говорит о том, что «конечную цель раскопки составляет полное восстановление картины погребения <...> во всех неясных случаях отчет заканчивается обсуждением вопроса о первоначальном виде могилы и костяка и положенных при нем предметов»²¹.

Мы видим в этом два разных подхода к целям археологического исследования и, если говорить несколько более обще, к целям и задачам археологии. Первый подход ближе (хотя, безусловно, и отличается от нее более профессиональным и научным подходом) традиции, восходящей к коллекционерам-антиквариям, по которой археология – дисциплина, чей предмет сводится исключительно к источникам. Поль Курбэн так говорит об этом: «...установление фактов есть истинная роль и миссия археолога, есть то, что отличает его от всяческих “параархеологов”, ибо он способен делать эту работу и он тот, кто единственный способен делать ее правильно...».

Второй же ближе к позиции, по которой, несмотря на специфику археологических источников и особых требований к методике их препарирования, историческая интерпретация таких источников сравнительно проста и даже предопределенна. Археология, сохраняя самобытность, определяется как еще одна история –

отделяемая по специализации на вещественных источниках. Предмет археологии в этом варианте понимается широко, и в нем выделяют два уровня: источниковедческий и интерпретационный. Иногда вводят третий – промежуточный. Под ним понимается история культуры. Некоторые исследователи и вовсе считают его последним этапом исторического исследования. Некоторые из такого двойственного положения науки выводят представление о разделении археологии на две ветви, даже две отрасли, две профессии ²².

Конечно, стоит понимать некоторую условность такого соотнесения имен двух археологов XIX в. с означенными традициями, однако та или иная традиция научного познания не возникает из ниоткуда, как правило, она является результатом планомерного развития. В вышеописанных инструкциях мы и видим первые шаги такого развития, описанных подходов в отечественной археологии.

Теперь обратимся к описанию исследований Н.Е. Бранденбурга.

Помимо важного научного значения (это одни из самых значительных по размеру насыпей для своих регионов, до 1970-х гг. материалы раскопок сопки у с. Михаил-Архангел и некоторых других служили основой для суждений о внутренней структуре, характере погребений, инвентаре и датировке сопок региона) выбранных памятников есть и еще одно немаловажное обстоятельство, определившее избрание их в качестве показательных примеров в рассмотрении полевой методики Н.Е. Бранденбурга.

Состоит оно в том, что отчеты Н.Е. Бранденбурга о работах на этих объектах содержат подробное описание методики полевого исследования, а не просто описание памятника, результаты работ и датировки материала. Очевидно, это можно связать с тем, что исследователь не придавал большого значения фиксации хода работы, если не случалось чего-то такого, что нарушало его принятый, если можно так выразиться, «стандартный» порядок. Основное значение придавалось тому, что открылось исследователю в результате работы, то есть могильной яме, костяку и вещевому материалу.

Николай Ефимович Бранденбург посвятил сопкам Нижнего Поволжья несколько полевых сезонов. В 1883–1884 гг. он раскапывает 9 крупных курганов в окрестностях Старой Ладogi, в 1886 г. археологом была исследована одна из самых монументальных насыпей региона – сопка у села Михаил-Архангел, которую долгие

время отождествляли с могилой летописного вещего Олега. В 1896 г. свет увидела публикация «Курганы Южного Приладожья», обобщающая результаты этих исследований.

В 1994 г. В.П. Петренко, исследовавший часть тех памятников, что были введены в научный оборот Н.Е. Бранденбургом, в своей работе «Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволховья» рассмотрел некоторые методические приемы, использованные Николаем Ефимовичем при исследованиях в обозначенном регионе²³. В 2000 г. в специальном номере журнала «Бомбардир», издаваемого ВИМАИВиВС, была опубликована статья С.Л. Кузьмина «Н.Е. Бранденбург и сопки Нижнего Поволховья», в которой содержится достаточно подробный анализ методических подходов Николая Ефимовича и археологов его времени к полевым исследованиям. Анализ строится именно на рассмотрении означенной сопки у с. Михаил-Архангел.

Как сказано выше, сопка у с. Михаил-Архангел – одна из самых крупных в регионе. Ее высота, по дневникам Н.Е. Бранденбурга, составляла приблизительно 10,7 м (5 сажений), а размер по окружности насыпи – 98,1 м (46 сажений), на вершине насыпи имелась площадка диаметром 6,4 м (3 сажени). При описании формы насыпи исследователь особо указывает на ее крутизну. Часть насыпи была обрушена, оттуда брали землю и камни местные жители для хозяйственных нужд. Н.Е. Бранденбург проследил в обрушенной части насыпи черный слой, от краев насыпи он постепенно возвышался к центру. Археолог предположил, что это может быть слой древней почвы, на небольшом пригорке которой и был сооружен курган.

Перед началом работ непосредственно на насыпи вокруг кургана было заложено несколько пробных ям для установления глубины материкового слоя. Рабочие на глубине 71 см – 1,4 м (1–1½ аршина) наткнулись на женское захоронение, при погребенной было положено 6 бус. Дальнейшая работа велась уже с осторожностью. В результате было прослежено 13 человеческих костяков.

Захоронения были расположены по окружности вдоль края насыпи, «опоясывая ее с ЮВ»²⁴. Все погребенные лежали на спине, руки были или на груди или в районе живота. Из инвентаря при них были обнаружены лишь несколько ножииков, бусы и фрагменты бронзовых украшений. Николай Ефимович говорит об уникальности находки подобного грунтового могильника, раньше он

не встречал ничего подобного. В большинстве присутствовали дубовые домовины. Захоронения одиночные, кости были расположены в анатомическом порядке. Лишь у одного костяка отсутствовал череп, впрочем, в стороне был найден отдельный череп без отопа. Можно предположить, что он отпал и был оттащен в сторону животными в процессе археологизации, потому что следов порубов на костях позвоночника обнаружено не было. Грунтовый могильник был интерпретирован Н.Е. Бранденбургом как языческий, относящийся к XI в. по сходству «культуры и инвентаря» другим погребениям, раскопанным им в регионе.

После снятия костяков стало очевидно, что там, где материк не был нарушен погребениями, «на глубине около $\frac{1}{2}$ аршина уже пролегает слой грунтовой глины, которой, как известно, избобилуют берега Волхова»²⁵. Этот слой глины приняли за материк, и было решено приступить к работам на курганной насыпи, которая после неожиданного обнаружения грунтового могильника, по ожиданиям Николая Ефимовича, должна была дать чрезвычайно богатый материал.

Ввиду значительных размеров курганной насыпи наиболее оптимальной Николаем Ефимовичем была признана следующая методика. Около половины насыпи предполагалось снять послойно, а оставшийся объем прорезать накрест траншеями, ориентированными по странам света. Здесь археолог объединил два методических приема, упомянутых в инструкциях, или видоизменил один из них, дополнив другим. Большинство археологов того времени после снятия трети или половины насыпи послойно с полученного уровня прорубали колодец до подошвы. Николай Ефимович решил прибегнуть к траншеям. Возможно, это связано с желанием наиболее четко проследить стратиграфию и планиграфию насыпи.

Работа началась по вышеописанной методике. Послойно было снято 4,62 м насыпи (6,5 аршин). В результате послойной съемки была получена площадка, диаметр которой составлял 7,81 м (11 аршин). Оставшаяся часть кургана была прорезана накрест двумя сквозными траншеями. Ширина первой, которая шла с В на З, составляла 4,97 м (7 аршин), а второй, что проходила с С на Ю, – 3,55 м (5 аршин). Глубина обеих траншей составляла примерно 4,44 м (6 $\frac{1}{4}$ аршина). Причем, это в отчете указано особо, дно траншей достигало уже того черного слоя, который был прослежен в разрушенной части насыпи²⁶.

Траншеи были выбраны в два приема по 2,13 м (3 аршина) земли за каждый. Это было вызвано не только значительным объемом работ, но и техникой безопасности. Подобный прием способствовал более подробному наблюдению за стратиграфией курганной насыпи, за ее ярусами. В то время археология при работе на таких значительных по размеру курганах, как правило, ориентировалась по темным гумуссированным прослойкам. Возможно, тут мы видим стремление проследить эти прослойки, потому как предположить многоярусность насыпи, а, следовательно, сооружение ее постепенно, в несколько этапов, которые и маркируются этими ярусами, было логичным для опытного исследователя, которым уже тогда был Бранденбург. Однако конкретно эта насыпь таких черт стратиграфии не имела, и это не могло не вызывать недоумение исследователя и сомнение в качестве своего наблюдения за памятником. Что отразилось в дневнике работ и на методике.

Почти на 4 м ниже вершины насыпи (5 аршин) было обнаружено два скопления камней. Одно из них имело округлую форму и диаметр 1,42 м (2 аршина), второе имело форму «неправильного пятиугольника», его длина составляла 2,84 м (4 аршина), а ширина – 2,13 м (3 аршина). Первое скопление состояло из камней и плит, второе из мелкого и крупного булыжника.

Чуть ниже Н.Е. Бранденбург фиксирует скопление, которое интерпретируется им как «наклонная к северу площадка до 1 ½ аршин длиною и шириною», чуть ниже был обнаружен разваленный горшок с остатками угля и бересты внутри. Также скопления камня были обнаружены несколько ниже, на глубине 8 аршин (5,68 м) от вершины насыпи. Н.Е. Бранденбург приводит промеры каждого из скоплений и говорит о характере камня в них (булыжник, плитка, мелкий щебень). Окончательной интерпретации в отчете не содержится, археолог только высказывает предположение, что это могут быть остатки некоего сооружения, которое призвано было «придать монументальность постройке» (под постройкой подразумевается насыпь кургана).

В подошве кургана зафиксирована выкладка из камней, идущая по границе насыпи, однако не замкнутая, но как бы «улиткообразная», загибающаяся внутрь кургана. Причем нарушение «правильной» формы наблюдается именно с той стороны (с северо-востока), где курган был нарушен забором земли и камней для хозяйственных нужд местных жителей. Можно предположить, что

до того она имела правильную форму, опоясывая всю насыпь целиком.

На подошве кургана были обнаружены остатки сгоревших бревен, небольшое количество человеческих костей. Инвентаря практически никакого не найдено. В завершении работы «для устранения всякого сомнения в материке ниже подошвы во весь курган была проведена еще траншея, шириною в 3 аршина, глубиною до 3 аршин, то есть вплоть до пролежавшего здесь слоя дикой глины».

Николай Ефимович не пишет об этом прямо, однако по характеру описываемых результатов работы можно судить о том, что курган был раскопан полностью, как мы сейчас говорим «на снос». Мы делаем такой вывод, потому что невозможно сделать такие наблюдения лишь по тем частям, которые можно проследить в траншеях.

Несмотря на довольно интересные выводы, которые можно было сделать относительно архитектурного устройства кургана, Н.Е. Бранденбург не считал раскопку удачной. Это связано с тем, что не удалось достигнуть ни одной из тех целей, которые он ставил перед собой: доказательство связи грунтового могильника с погребением в насыпи, получение богатого вещевого материала из числа погребального инвентаря, изучение останков погребенного, чей социальный статус должен был быть, по его предположениям, довольно высок, учитывая размеры и сложность насыпи²⁷.

В этом мы видим важнейшую черту, которая предельно точно характеризует тот подход к археологическим раскопкам и вообще к задачам археологии, которым пользовался Н.Е. Бранденбург в своих исследованиях. Подход этот ставит во главу угла вещевой материал, получаемый с памятника. Причем предметы эти воспринимаются как *части материальной культуры* ушедших эпох, по которым должно восстанавливать *историю* народов и регионов. То есть археология для этих исследователей уже отошла от чисто антикварного подхода, в рамках которого вещь была ценна сама по себе, исключительно как памятник прошлого и только в том была ее важность и ценность для науки, как свидетеля ушедшей эпохи. Однако она еще не приблизилась или только-только начала приближаться, подробнее об этом будет рассказано ниже, к подходу, в рамках которого не только по вещам археолог способен восстановить картину прошлой жизни и не в том его задача, чтобы написать историю, проиллюстрировав ее артефактами.

Как оказалось после ознакомления с архивным материалом, выводы, к которым пришли В.П. Петренко в своей работе и С.Л. Кузьмин в статье, написанной отчасти на ее основе, не совсем понятны.

По словам С.Л. Кузьмина, Н.Е. Бранденбург интерпретировал некое сооружение, следами которого были развалы камней и плит и платформа, на которую вел пандус, как единовременную постройку, некое монументальное сооружение. Далее С.Л. Кузьмин задается вопросом, правильно ли Н.Е. Бранденбург, «а вслед за ним и другие исследователи», оценил выделяемый «цоколь» как уникальное сооружение, а, следовательно, и выделил в особую категорию весь курган.

Далее автор, рассматривая методику, по которой велась работа, говорит о несовершенстве метода и слабости Бранденбурга как полевого исследователя в части наблюдения стратиграфических разрезов памятника, ибо среди курганов, которые тот раскапывал ранее, уже были со схожей конструкцией, прослеженной Николаем Ефимовичем.

После изучения архивных материалов, хранящихся в Рукописном архиве ИИМК РАН и Архиве ВИМАИВиВС, становится очевидно, что Н.Е. Бранденбург не называет курган возле с. Михаил-Архангел уникальным, не говорит о чрезвычайном в плане новизны характере открывшихся архитектурных особенностей насыпи. Напротив, он уделяет им не слишком значительное внимание, даже не предприняв попытки окончательной интерпретации и реконструкции. Это не похоже на Н.Е. Бранденбурга, который был не только по-военному четок в своей работе, но и скрупулезен в самых незначительных деталях (так, при рассказе о погребениях грунтового могильника, о которых говорилось выше, описано положение рук каждого костяка, причем отдельно для левой и правой, хотя в большинстве случаев это не важно ни для понимания обряда, ибо он очевиден и установлен, ни для других выводов). Поэтому подобное небрежение к столь значительным фактам, открывшимся в результате археологического исследования насыпи, мы склонны объяснять еще и тем, что он видел схожесть обнаруженного в кургане и того, что было исследовано им ранее. С.Л. Кузьмин приводит в качестве опровержения «уникальности», о которой якобы говорил Н.Е. Бранденбург относительно кургана у с. Михаил-Архангел, данные своих раскопок 1990 г. о насыпи на

правом берегу р. Волхов в д. Новые Дубки, в которой им была прослежена схожая конструкция. Не логичней ли было для доказательства невнимательности Бранденбурга к стратиграфии привести примеры того, что ему до Михаила-Архангела приходилось уже видеть подобные конструкции в курганах, но в этот раз он не смог ее опознать?

В том, как построены отчеты и полевые журналы Н.Е. Бранденбурга, в том, как он подходил к работе, видно, что он не возвращался к тому, что ему было ясно и очевидно. Именно по этой причине из отчетов выпали фрагменты, посвященные непосредственной методике работ на курганах. Она была аналогичной методике, использованной на главном кургане группы, если не было указано обратного.

То же мы видим и здесь. Николай Ефимович не уделяет должного, с нашей точки зрения, внимания особенностям архитектурного устройства насыпи, потому что они для него не представляют чего-то нового или не понятного, второе даже вероятней. Ограничивается только замечанием о необходимости производства раскопки схожего по размерам и форме кургана, расположенного рядом, для прояснения некоторых оставшихся невыясненными моментов. Кроме того, в конце отчета приведено замечание о необходимости при дальнейшем исследовании связать курган и грунтовый могильник у его основания.

В заключение рассказа о данном памятнике приведем еще один интересный факт. Н.Е. Бранденбург пишет, что в Петербург им были взяты и приложены к отчету только 3 костяка, которые он счел лучшими по сохранности, остальные были оставлены на месте. Выше отмечалось, что кости в грунтовых могилах лежали в анатомическом порядке, и не было слов о том, что они плохо сохранились, напротив, говорилось даже об остатках домовин в некоторых захоронениях. Раскопки, напомним, производились в 1886 г., а дополнения к полевой инструкции Д.Я. Самоквасова, выполненные антропологом А.Л. Богдановым, в которых говорилось о необходимости брать для дальнейшего изучения все встреченные кости, появились в 1878 г. То есть несмотря на то, что рекомендация существовала уже 8 лет и не могла оставаться неизвестной Н.Е. Бранденбургу, тем не менее им игнорировалась. Лишнее подтверждение того, насколько важно учитывать личные взгляды археолога при рассмотрении его отчетов.

В 1901 г. Н.Е. Бранденбург произвел несколько разведочных раскопок в Киевской губернии. В числе прочих им было начато исследование кургана в Липовецком уезде, неподалеку от с. Ильинцы, в имении княгини Демидовой Сан-Донато. В 1902 г. исследование кургана было продолжено, однако и тогда не получилось завершить его окончательно вследствие нехватки времени и денег. Рассмотрим сначала пробную раскопку 1901 г., а затем доследование кургана в 1902 г.

В округе с. Ильинцы Н.Е. Бранденбург выделяет группу курганных насыпей. Часть из них совершенно разрушены пахотой. Означенные курганы группируются вокруг «главного», как его называет исследователь. Размеры насыпи составляют, по обмерам, произведенным в 1901 г., 8,52 м (12 аршин) в высоту и 49,7 м (70 аршин) по окружности насыпи²⁸.

Насыпь кургана нарушена несколькими ямами, по рассказам местного населения, некогда в ней даже находился склад пороха, однако Николай Ефимович отмечает, что повреждения не доходят до подошвы кургана (материка), следовательно, если курган содержит в себе могильную яму, она должна была сохраниться в целости. В то же время исследователь упоминает о возможности содержания погребения в насыпи аналогично «большим курганам скифского происхождения», которое могло быть разрушено при сооружении порохового погреба или вторжении в насыпь местных жителей.

Николай Ефимович считает необходимой полную раскопку кургана. Однако рискованность этого предприятия, стесненность в средствах вынуждают его предпринять только пробную, разведочную раскопку «с целью обнаружения каких-либо указаний на существование могильной ямы под насыпью, или же наоборот убедиться в бесполезности дальнейшего полного исследования кургана, если бы пробная разведка не привела ни к каким результатам».

Обратим внимание на продолжение той линии, которая была описана при рассмотрении «северного» сюжета. Результатом полевого этапа исследования Николай Ефимович видел обнаружение могильной ямы с костяком и сбор вещевого материала. То есть в данном случае не очевидно, было ли у исследователя тогда понимание того, что основанием для выводов может быть как обнаружение тех или иных предметов, так и не обнаружение оных (например, если те ожидалось как часть стандартного инвентаря

исследуемой культуры, но не были обнаружены в классическом, казалось бы, памятнике).

Для «разведочной» раскопки кургана была избрана следующая методика. Пробная траншея должна была проходить от края насыпи к ее центру. Дно траншеи предполагалось вести по матерiku, конец же должен был несколько заходить за центр насыпи кургана. С помощью этой траншеи предполагалось напасть на «обрез или край могильной ямы и вообще обнаружить какие-нибудь культурные данные, для суждения о самом кургане».

Означенная траншея была проведена с севера на юг и имела ширину 5,68 м (8 аршин), при достижении центра насыпи, места предполагаемого нахождения могильной ямы, траншея была расширена почти в два раза и достигла ширины в 10,65 м (15 аршин) и в таком виде проведена за центр насыпи, то есть на расстояние еще 6,4 м (3 сажени). Вся длина пробной траншеи, таким образом, составила 27,7 м (13 сажений), глубина разреза «в его главной части», как пишет Н.Е. Бранденбург, составила 7,1 м (10 аршин).

Что мы можем заключить из приведенных цифр? Во-первых, приблизительный диаметр кургана, ибо точно он в отчете не указан, исследователь ограничился только величиной окружности насыпи и ее высотой. Если считать, что узкая часть траншеи была доведена до центра насыпи или почти до него, а центр и некоторое пространство за ним было исследовано уже широкой частью, то мы получим радиус кургана, равный примерно 21,3 м.

Работа, описанная выше, продолжалась 10 дней и стоила довольно значительных для того времени средств (125 рублей), если учесть, что работы производились силами наемных поденщиков, то можно сказать, что это очень значительные трудозатраты.

В результате описываемой раскопки в восточной стороне траншеи был обнаружен слой угля, начавшийся за несколько сажений от центра насыпи, продолжавшийся в главной части заложенной траншеи и уходящий в ее восточную стенку. Встречено несколько крупных головней. Основываясь на массивности горелого слоя и его положении на уровне погребенной почвы, Н.Е. Бранденбург делает вывод о том, что им были открыты остатки некоего крупного кострища, лежащего основной своей частью в восточном секторе насыпи на уровне ее подошвы.

Кроме того, в западной стороне траншеи, начиная с половины ее длины, прослежен слой деревянного тлена, уходящий под западную

стенку траншеи. Тлен тянется вдоль стенки до самой южной стенки траншеи. Исследователь предполагает, что этот слой так же шел по уровню погребенной почвы, глубже этого слоя на 35 см уже началась линза голубой глины.

В западной же стороне расширенной части траншеи в материке прослежена прямоугольная, засыпанная черноземом яма размером 1,42 м на 2,13 м (2 на 3 аршина). Длинной осью яма была ориентирована по линии З–В. Дно ямы имело отчетливое склонение на запад. У восточного своего края яма имела в глубину менее 17,8 см, а у противоположного края в прослеженной части (то есть у траншейной стенки) имела глубину уже в 71 см. Северная и южная стенки ямы имели скругление, придавая таким образом яме корытообразную форму. Яма отчетливо читалась в профиле стенки траншеи, однако было принято решение не продолжать ее проследить в этом направлении по причине того, что это представляло большую опасность для рабочих.

Вдоль южной стенки расширенной части траншеи в материке обнаружены два гнезда от некогда врытых здесь деревянных бревен, так интерпретировал характерные ямки в материке сам Николай Ефимович. В целом грунт насыпи характеризуется археологом как крепкий и однородный, однако замечено, что в западной стенке траншеи, ближе к центральной части кургана, имеют место быть две большие вертикальные трещины, которые, по мнению Н.Е. Бранденбурга, также должны иметь некое значение, не ясное на данном этапе исследования кургана.

Слой деревянного тлена, прослеженный на уровне погребенной почвы, и следы от столбов интерпретируются Н.Е. Бранденбургом как остатки погребального склепа. Яма же понимается им как возможный сход к могильной яме. Н.Е. Бранденбург делает вывод о желательности раскопки кургана в будущем году и призывает Археологическую комиссию, с чьей санкции производились работы, включить этот памятник в планы исследований и выделить средства, которые он видит в том же размере, что и выделенные ему в этот раз, то есть 400–500 рублей.

В конце отчета Н.Е. Бранденбург приводит рассуждение о том, по какой методике стоит проводить дальнейшее исследование памятника. Так, он предлагает послойно срыть половину насыпи таким образом, чтобы оставшаяся часть не превышала в высоту 4,26 м и с этого уровня пробивать колодец диаметром около 30 м

(14 сажений), который по мере приближения к подошве должен уменьшаться, но таким образом, чтобы на дне оно колодца получить диаметр около 21,34 м (10 сажений).

Если вернуться к выше вычисленному примерному радиусу насыпи, равному, по нашим подсчетам, 21,3 м, то мы увидим, что участки, которые не попадали в пятно исследования колодцем, не столь значительны и, скорее всего, были бы исследованы все равно уже после окончания работ на основном раскопном колодце. Его просто проблематично было бы копать, не снеся получившиеся бровки. Таким образом, мы видим, что предложенный на будущее план работы фактически не многим отличается от исследования насыпи «на снос», который стал основным много позже.

ИАК было принято решение о продолжении исследований памятника. К тому времени как руководитель работ Н.Е. Бранденбург приехал на памятник, насыпь была уже скрыта примерно на 2,81 м (4 аршина) и дальнейшую работу предполагалось вести путем закладки широкого колодца, чья глубина до материка должна была составлять не менее 4,97 м (7 аршин). На месте, с разрешения ИАК и самого Н.Е. Бранденбурга, начали работу местные помощники археолога, с которыми он работал в прошлом году.

Опираясь на результаты работ прошлого года, в ходе которых в центре насыпи захоронения обнаружено не было, однако были основания полагать наличие склепа несколько в стороне от центра кургана, а также принимая во внимание вероятную возможность существования погребений в насыпи, Николай Ефимович принимает решение заложить колодец еще более значительный, чем предполагалось в прошлом году.

Площадь колодца на материке должна была охватывать не менее половины диаметра всего кургана и составлять примерно 26 x 17 м (12 x 8 сажений). Для того, чтобы получить такую площадь, на подошве кургана Николай Ефимович закладывает колодец размером 32 x 23 м (15 x 11 сажений) и отмечает, что остаются нетронутыми полы кургана мощностью почти в 13 м (6 сажений). Подобная работа потребовала гораздо большего количества людей и как следствие денежных средств на выполнение²⁹.

Кроме того, твердый, слежавшийся грунт насыпи создавал дополнительные проблемы раскопщикам. Н.Е. Бранденбург особо отмечает, что крепость грунта на некотором этапе работ была такой,

что 80 рабочих, работая целый день, разбивая грунт ломami, снимали не более чем на штык земли.

Таким образом, довольно скоро стало очевидно, что на полное доследование кургана не хватит ни средств (несмотря на то, что Николай Ефимович запросил дополнительные деньги, и они были ему предоставлены в размере 300 рублей), ни, главное, времени. Было принято решение дойти до материка хотя бы на одном участке работ, если нет возможности это сделать на всей площади предполагавшегося раскопчного колодца.

Раскопка основного колодца была свернута после того как он был углублен примерно на 2,84 м (4 аршина). Однако на этом этапе работ до подошвы насыпи и материка оставалось еще около сажени. Поэтому был выбран участок, где было наиболее вероятно обнаружение основного погребения насыпи.

Николай Ефимович как руководитель работ принял решение заложить так называемый «малый колодец» размерами 3,55 x 2,84 м (5 x 4 аршин) в средней части южной половины основного колодца. На означенном участке удалось дойти до подошвы насыпи, и действительно были обнаружены следы сооружения, которые Бранденбург интерпретировал как остатки склепа. Погребение, однако, оказалось разграбленным и единственной значительной вещевой находкой из него стала золотая накладка налуча. По обнаружении склепа дальнейшие работы были свернуты за полным истощением средств, до дальнейших распоряжений ИАК³⁰.

Что мы видим из приведенных данных о работах на кургане? Прежде всего, довольно подробную и точную фиксацию, осуществленную, однако, в другой традиции, нежели принята сейчас. Текстовые описания Бранденбурга действительно обладают фотографической точностью и даже наглядностью. Вот с графической фиксацией все несколько хуже. Спицын говорил, что только качественное и внимательное исследование дает рисунок. Это, безусловно, так. То, что археология начала разговаривать на языке графики, а не только сухих и пространных описаний, пусть и довольно подробных – безусловный шаг вперед, однако не будем забывать, что никакой результат эволюционного развития не мог бы состояться без предшествующих ступеней.

Текстовые описания с приведением промеров и размеров даны Н.Е. Бранденбургом по-военному точно и подробно. Если бы они сопровождались столь же качественно составленными профилями

и планами, его дневники и отчеты можно было бы назвать образцовыми, даже для современных исследователей. Однако даже то, в каком виде они составлены на самом деле – крайне любопытно и поучительно с точки зрения полевой фиксации хода работ – там, где эта фиксация приведена, она исчерпывающа.

Мы бы не называли это несовершенством полевой археологической методики, скорее это один из этапов ее развития. Совершенен метод или нет, мы можем судить только относительно. Причем относительность эта будет иметь точкой отсчета наш современный уровень, что, наверное, не совсем справедливо по отношению к исследователям прошлого. За точку отсчета в данном вопросе следует брать современный для них уровень науки. И что же мы увидим, если посмотрим на работы Николая Ефимовича с этой точки зрения?

Были археологи, которые оставили более подробные описания методики, были среди них и такие, кто даже составил полевые инструкции для введения единообразия в методику. Были такие, кто копал больше и рисовал прекрасные чертежи. Все они ценны для развития археологии как полевой дисциплины. Ценность работ Н.Е. Бранденбурга в другом. В подходе к работе.

В той ответственности, которую он чувствовал перед будущими исследователями, и в том, как он, сообразуясь с этим, действовал. В его отчетах мы видим главное – стремление передать тому, кто будет работать в дальнейшем с его материалами, то состояние, в котором он нашел памятник, то состояние, в каком он открылся ему в результате исследования и то, в каком состоянии он памятник оставил и, главное, какие выводы сделал.

Одну из основных заслуг Н.Е. Бранденбурга мы видим в том, что он публиковал и вводил в научный оборот результаты своих исследований практически сразу, после того как они были закончены. Это столь же ценно, как и четкая фиксация результатов. Потерянным для науки можно считать не только курган, раскопанный без соблюдения должной методики, но и курган (да и любой памятник, не обязательно погребальный) неопубликованный. Пусть и раскопанный на высочайшем методическом уровне. Если научная общественность не имеет доступа к материалам – они для нее не существуют. Бранденбург понимал это и работал в полном соответствии с этим пониманием. Даже при продаже своей личной коллекции археологических находок ИАК он предложил оговоренные

деньги (2000 рублей) выдать ему двумя частями, вторую – только после обработки и опубликования им находок. В то время как сами вещи он передал в ИАК сразу по получению первой части платы.

Итак, сравним исследования памятников. Прежде всего, методика. В первом случае использованы траншеи, во втором колодец. Если посмотреть на приведенные данные не формально, но по существу, то становится понятно, что и там и там мы видим одно и то же – практически полное исследование курганной насыпи, совершенное в рамках, рекомендованных в современных исследователю полевых инструкциях. Траншеи в первом случае и колодец во втором закладывались таким образом и такой площадью, что неисследованной оставалась достаточно малая часть насыпи, если оставалась вообще. Судя по результатам работ в Поволховье, траншеи были постепенно расширены до секторов, иначе бы исследователь просто не смог зафиксировать то, что зафиксировал.

Конечно, это еще не исследование насыпи «на снос», но уже верный шаг в этом направлении. Шаг, обусловленный собственным опытом исследователя, материалами исследований других археологов, интуицией и предельно четким пониманием целей, задач и методов их достижения.

Полевая методика, по которой работает тот или иной исследователь, зависит не только от личности и его собственных взглядов и соображений, но и от наиболее авторитетного на тот момент в научном сообществе подхода. Если бы методика не зависела от того, «как рекомендуют копать авторы инструкций», то мы бы не имели в работах Н.Е. Бранденбурга тех приемов, что самым очевидным образом не соответствуют опубликованным наставлениям. Речь идет о раскопке действительно крупных насыпей практически «на снос», об использовании текстового описания кургана в ущерб графической фиксации, об объединении нескольких методик на одном памятнике.

Все эти и некоторые другие черты представляют собой вполне отчетливый след личного мнения археолога о том, как следует производить полевые исследования и его собственного видения тех или иных методических вопросов. В котором он мог быть и не одинок. Так, уже в советское время некоторые маститые археологи, классики, как говорят о них сейчас, писали, что для фиксации результатов работ существует два способа – текстовой и графической, причем первый проще и очень часто применим второго.

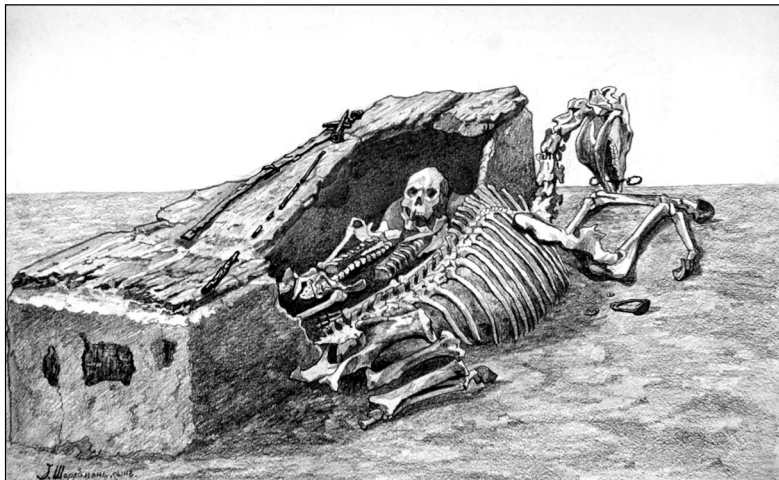
Если бы методика зависела исключительно от личных взглядов исследователя, тогда бы мы не имели той стандартизации, пусть и относительной, которую наблюдаем в материалах археологов того времени.

Сопоставление описанных приемов производства работ с современными нормами не делается осознанно. Правильнее смотреть на них в рамках той же традиции, в которой они появились и существовали. Безусловно, оценку с позиции сегодняшнего дня этим работам дать можно, однако она не должна нести отрицательного оттенка. Скорее, это должна быть просто попытка несколько более общего анализа развития методики.

Выше проведен анализ традиции, в которой написаны полевые инструкции Д.Я. Самоквасова и А.А. Спицына, а также высказаны соображения относительно того, какие цели ставил перед собой и какие задачи решал в рамках собственных археологических штудий Н.Е. Бранденбург. Однако не отвлеченным остался важный вопрос, которой в рамках этой работы еще не был озвучен: «Соответствовала ли предлагаемая в инструкциях методика тем целям, которые стояли перед археологией в тот период, и решала ли методика Н.Е. Бранденбурга те задачи, которые он перед собой ставил на полевом этапе исследования?»

Изменение шло по пути уточнения мелких деталей, которые были призваны уточнить результаты исследования, формализовать подход к работе и в то же время оставить возможность индивидуального подхода к каждому памятнику. Так развивались полевые инструкции Д.Я. Самоквасова и А.А. Спицына. Они были направлены на предельно четкую фиксацию хода исследования, и работы, проводимые в полном соответствии с этими инструкциями, выполняли эту задачу. Если даже раскопка была произведена не совсем методологически верно, но фиксация ее хода и результатов выполнена по предлагаемым правилам, работа все равно могла быть сочтена удачной, потому что памятник не был потерян для науки, информация о нем была сохранена в виде дневников и отчетов, а значит, будущие исследователи имеют возможность обратиться к ней и сделать выводы.

Н.Е. Бранденбург был нацелен в своих работах на получение как можно более полного и выразительного материала. Это не обязательно должны были быть вещевые находки. Широко известен эпизод, когда Николай Ефимович вывез в Петербург целое захоронение

**Рис. 1. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 30. Оп. 1. Д. 119. Л. 97.
«Могила печенежского война из кургана в Киевской губернии».
Художник Шарлемань-сын. Вывезена Н.Е. Бранденбургом
целиком. Экспонировалась в Артиллерийском музее**

«с конем» *in situ*, оно экспонировалось некоторое время в Артиллерийском музее (рис. 1). Сбор материала этим археологом был продиктован не только задачами обогащения коллекций и экспонированием в различных музеях (прежде всего, конечно, в Артиллерийском музее, основателем и директором которого он был), но, главное, познавательными возможностями его. Николаю Ефимовичу нужен был материал, за которым культура, к которой он принадлежал в пору своего создания, представляла бы с этнографической точностью и жизненностью. Такой материал был редок тогда и еще реже встречается ныне.

Вот как об этом пишет Н.М. Печенкин, член Императорского Военно-исторического общества, единомышленник Николая Ефимовича: «Он сносил весь памятник, во всем его объеме, из боязни что-либо не подметить, не угадать какие-либо мысли или обычаи лиц его соорудивших».

Другой важной для Н.Е. Бранденбурга целью работ было введение материала в научный оборот, обращение его в источник. Он придавал особое значение скорому и качественному изданию результатов исследований, это отмечали многие современники,

в частности, А.А. Спицын. Методика, используемая Николаем Ефимовичем, полностью отвечала целям, которые ставил перед собой исследователь, и пришел он к этому соответствию путем ее планомерного совершенствования, по мере накопления практических знаний и опыта.

¹ Инструкция для описания городищ, курганов и пещер и для производства раскопок курганов (составлена комиссией назначенной 3 Археологическим Съездом в Киеве и утверждена в общем заседании съезда 21 августа 1874 г.).

² Там же. С. 2.

³ Там же. С. 7.

⁴ Там же. С. 6.

⁵ Там же. С. 5.

⁶ Самоквасов Д.Я. Условия научного исследования курганов и городищ. Варшава, 1878.

⁷ Он же. Инструкция для научного исследования курганов Д.Я. Самоквасова и дополнения к ней А. Л. Богданова. М., 1878.

⁸ Он же. Условия научного исследования курганов и городищ. С. 4.

⁹ Там же. С. 7.

¹⁰ Самоквасов Д.Я. Инструкция для научного исследования курганов Д.Я. Самоквасова и дополнения к ней А. Л. Богданова. С. 2.

¹¹ Спицын А.А. Производство археологических раскопок. СПб., 1895.

¹² Там же. С. 13.

¹³ Там же. С. 12.

¹⁴ Там же. С. 130.

¹⁵ Там же. С. 9–10.

¹⁶ Там же. С. 5.

¹⁷ Спицын А.А. Разбор, обработка и издание археологического материала. СПб., 1898.

¹⁸ Там же. С. 7.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Клейн Л.С. Введение в теоретическую археологию. Метаархеология. М., 2004. С. 44–46.

²³ Петренко В.П. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволжья. СПб., 1994. С. 20–24.

²⁴ РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1886. Д. 17. Л. 26.

²⁵ Там же. Л. 25.

²⁶ Там же. Л. 27 об.

²⁷ Там же. Л. 29 об.–30.

²⁸ РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1901 г. Д. 47. Л. 20.

²⁹ Там же. Л. 81 об.

³⁰ Там же. Л. 82 об.–83.

А.О.Пронин (Новосибирск)

**О ТИБЕТСКИХ КОПЬЯХ
И ИХ КОНСТРУКЦИИ (НА ПРИМЕРЕ
НОВОЙ НАХОДКИ ТИБЕТСКОГО
ЖЕЛЕЗНОГО НАКОНЕЧНИКА КОПЬЯ) ***

В ОЕННОЕ дело населения Тибета в позднем средневековье и новое время является актуальной темой в мировом и отечественном оружиеведении и военно-исторической науке ¹. Важным источником по данной теме могут служить находки предметов холодного оружия и средства индивидуальной металлической защиты, которые использовали тибетские воины вплоть до начала XX в. В течение многих столетий в оружейных арсеналах тибетских буддийских храмов и монастырей были накоплены обширные коллекции предметов наступательного и защитного вооружения, которые жертвовали тибетские и монгольские знатные воины, военачальники и правители. После распространения власти современного центрального китайского правительства на Тибет многие буддийские храмы и монастыри были разрушены и пришли в запустение, а культовая атрибутика и старинное вооружение из этих хранилищ стали предметами антиквариата. В предшествующих работах автор настоящей статьи привел некоторые результаты изучения ярких образцов тибетского клинкового оружия, хранящихся в настоящее время в музейных и частных собраниях КНР, США, Великобритании, Израиля ². Однако, помимо клинкового, на вооружении у тибетских воинов в позднем средневековье и новое время,

* Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (ГК № 14.740.11.0766) и тематического плана НИР Минобрнауки (НИР 1.5.11 и 1.31.11).

вплоть до начала XX в., были и другие виды холодного оружия. Среди них самостоятельный интерес представляют образцы древкового колющего оружия, которые остаются недостаточно изученными для Центрально-Азиатского историко-культурного региона. Тибетские копья, пики и дротики выявлены в настоящее время в музейных коллекциях некоторых сибирских городов³, в оружейных коллекциях музеев США и Великобритании, частных собраниях коллекционеров средневекового оружия. Это позволяет продолжить поиск древкового колющего оружия в музейных собраниях Монголии и Китая, недостаточно изученных отечественными специалистами.

В конце XIX – начале XX вв. тибетское древковое колющее оружие в качестве объекта оружейведческого исследования неоднократно привлекало внимание известных отечественных и зарубежных ученых, востоковедов, тибетологов и историков оружия.

О наличии на вооружении у тибетских воинов древкового колющего оружия писал в начале XX в. бурятский буддийский паломник Г.Ц. Цыбиков, одним из первых посетивший Тибет. Среди разных видов оружия тибетских пехотинцев и конных воинов им отмечены пики⁴. Определенный интерес к этому виду оружия тибетцев проявил известный российский ученый, исследователь истории и культуры народов Центральной Азии, тибетолог Ю.Н. Рерих. По его наблюдениям, высказанным на страницах описания экспедиции по территории Тибета в 1927 г. в составе экспедиции своего отца Н.К. Рериха, тибетские кочевники хорпы в первой трети XX в. «редко расстаются с копьем». Согласно его утверждению, к числу основных видов холодного оружия у тибетских nomadов относятся копья и дротики. «У кочевых племен Северо-Восточного Тибета и хорпов длинное копье считается символом войны. Появление красного наконечника копья у палатки вождя предвещает вспышку межплеменной вражды. Древко дротиков вырезается из прочной древесины, импортируемой из Восточного Тибета и Сычуани»⁵. В работе о культуре и искусстве кочевников Северного Тибета Ю.Н. Рерих охарактеризовал тибетское древковое колющее оружие более подробно. «Другим ударным оружием тибетцев являются копья. Тибетские кочевники употребляют два вида копья: 1) Тяжелое ударное копье – длина от 7 до 10 футов. Навершие копья железное и узкое. 2) Дротик или короткое копье. Длина 5 футов. Древко крепко обвито железным жгутом. Вдоль древка

скользит железное кольцо, к которому крепится ремень либо крепкая веревка. Другой конец ремня прикрепляется к кольцу, находящемуся на конце древка. Бросая копьё, всадник держит его высоко на вытянутой руке. При бросании копья ремень не выпускают из руки, причем железное кольцо скользит по древку. Расстояние полета дротика равно длине ремня. Дротик употребляется кочевниками в конном бою и только на ближних дистанциях»⁶.

В начале 2011 г. в распоряжении автора оказался хорошо сохранившийся массивный железный наконечник копья⁷ (рис. 1, 1, 2, 3). Этот предмет был приобретен на антикварном рынке. Первоначальное его определение в качестве «позднего цинского копья» подвигнуло предыдущего владельца к попытке шлифовки наконечника водными камнями и привело к удалению окислов и патины на одной из граней пера. Приобретенный автором в таком, частично отшлифованном виде, наконечник копья стал объектом изучения. Выяснилось, что, несмотря на некоторые превратности хранения и не вполне оправданные попытки шлифовки, предмет вполне пригоден для научного изучения. Более того, исследование поверхности отшлифованной грани пера наконечника с помощью увеличительных приборов позволило более детально ознакомиться с некоторыми

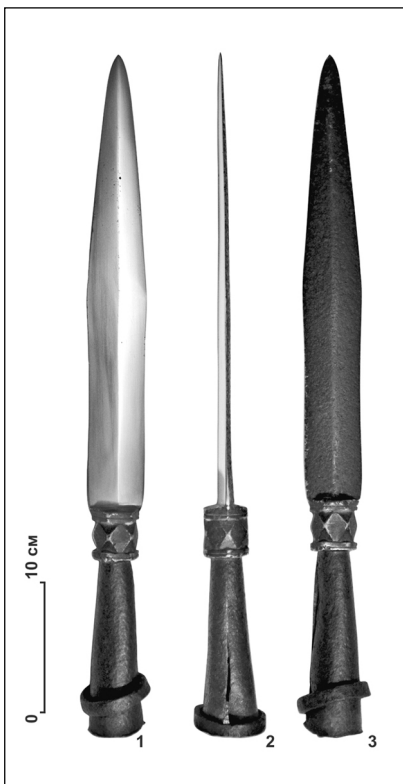

Рис. 1. Тибетский железный наконечник копья с граненым упором и конической втулкой. Общий вид (сталь, цветной металл, ковка, литье): 1 – аверс (грань пера шлифованы); 2 – вид с боку; 3 – реверс (не шлифованная сторона)

особенностями его конструкции и материалом, из которого он был изготовлен.

Визуальное изучение предмета выявило ряд особенностей, характерных для известных и описанных в зарубежной и отечественной литературе образцов тибетских наконечников копий, что стало решающим аргументом в пользу заявленной культурной атрибуции этого предмета ⁸.

Рассматриваемый железный наконечник копья имеет уплощено-ромбическое в сечении перо с удлинненным остроугольным острием, узким пером удлиненно-пятиугольной формы и слабо выраженными плечиками (рис. 1; 2). Общая длина предмета со втулкой

составляет 412 мм (рис. 2, А), длина пера – 276 мм. Ширина пера у острия – 11 мм, в середине – 37 мм; слабо выраженные плечики пера образованы сужением его ширины с 35 мм до 32 мм у основания. Толщина пера с четко выраженным ребром по оси наконечника составляет 3 мм у острия, 8 мм в середине и 10 мм у основания. Под плечиками расположено шестигранное в сечении массивное «яблоко» (высота – 18,5 мм, диаметр – 27–28 мм), ограниченное с обеих сторон, под плечиками пера и при переходе к втулке четырьмя горизонтальными шестигранными пластинами-шайбами (рис. 3, 2). Толщина

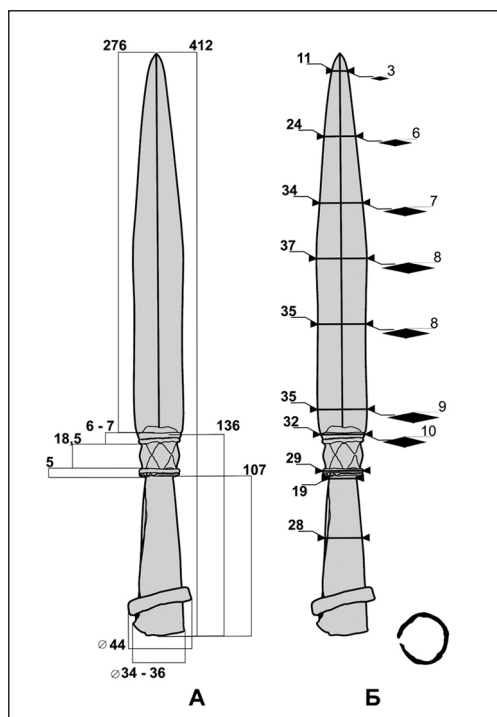

Рис. 2. Тибетский железный наконечник копья; основные параметры (прорисовка): А – общие размеры; длины и толщины отдельных частей; Б – ширина и сечение отдельных фрагментов

их – 3 мм (две верхних, со стороны пера) и 2–2,5 мм (две нижних со стороны втулки). В отличие от пера и втулки пластины-шейбы и «яблоко» изготовлены из металла желтого цвета (возможно, это бронза, либо латунь⁹). Торцевая поверхность верхних пластин (со стороны пера) имеет Х-образную насечку. Ниже «яблока» расположена коническая втулка округлого сечения с длинным несомкнутым швом (рис. 3, 1). Ее длина – 107 мм (рис. 2, А), диаметр в верхней части – 19 мм, в средней – 28 мм, у основания – 34–36 мм (рис. 2, Б). Шов на втулке образован совмещением противоположных сторон пластины в процессе изготовления (выгибания) конического изделия. В верхней части конусовидной втулки этот разрез выглядит как плотный стык двух краев пластины, у основания же втулки он расширяется до 4 мм. У основания втулки и на участке верхней ее трети имеются вмятины от сильных ударов, возможно, полученных в процессе крепления наконечника копья к древку или, наоборот, снятия с древка. На втулке имеется кольцо, выкованное из прямоугольной в сечении железной полосы шириной 9 мм и толщиной 3 мм (рис. 3, 3, 4, 5). На верхней стороне кольца, обращенной к острию наконечника, имеются следы сильных ударов тяжелым твердым предметом. Кольцо свободно перемещается на участке от основания втулки до середины пера. Внешний диаметр кольца – 44 мм, внутренний – 35 мм.

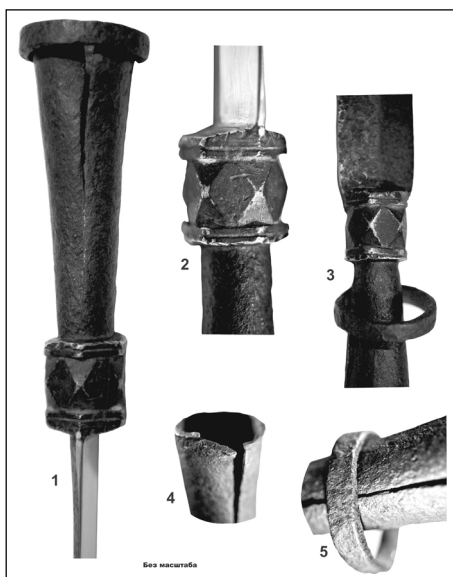

Рис. 3. Детали тибетского наконечника копья (без масштаба): 1 – коническая втулка с кольцом и стыком краев; 2 – составной упор с граненым «яблоком» и шестигранными муфтами; 3, 5 – зажимное кольцо на втулке; 4 – основание втулки

В конструкции данного наконечника копыя кольцо играло роль фиксатора, обжимавшего втулку и плотно фиксировавшего ее на древке копыя. Разрез втулки позволял ей расширяться, либо сжиматься под давлением кольца, что позволяло в некоторых пределах варьировать толщину древка. Судя по следам на верхней торцевой поверхности обжимного кольца, оно опускалось к основанию втулки под действием сильных ударов и прочно заклинивалось в нижней ее части. Вмятины на втулке копыя, особенно на нижней ее части (сочетание вмятины на одной из сторон разреза и зазубрины на другом со скошенным следом сильного удара на торцевой поверхности обжимного кольца), могут быть результатом попыток снять кольцо, демонтировать наконечник с древка, либо следствием сильного отбивающего удара, нанесенного при помощи твердого предмета в ходе применения наконечника копыя.

Железные части предмета подверглись воздействию неравномерной, протекавшей с неодинаковой скоростью по всей поверхности металла коррозии, что характерно для археологических памятников эпохи господства железоделательной технологии вплоть до нового времени¹⁰. Нешлифованная поверхность пера, втулка и обжимное кольцо покрыты многочисленными пятнами, питтингами и язвами в виде раковин. В то же время, повреждения затронули только верхние слои, язвы в виде раковин не являются глубокими (рис. 4, 4). Шлифовка одной из сторон пера показала отличную сохранность основной массы металла и, следовательно, сохранение основных свойств предмета (рис. 4, 1–3). Эти факты позволяют предположить либо относительно непродолжительное пребывание его в земле, либо благоприятные особенности грунта, либо пребывание в условиях внешней среды, вызвавших процессы атмосферной коррозии.

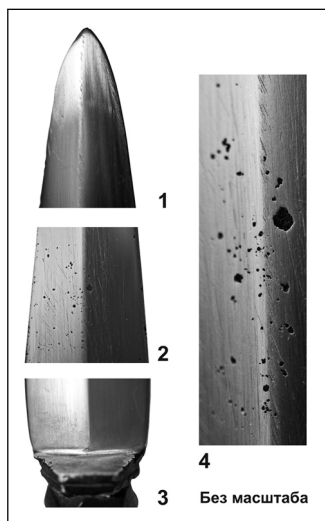

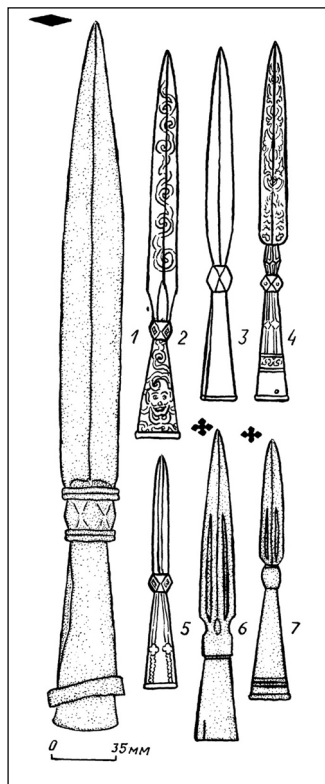
Рис. 4. Особенности пера тибетского наконечника копыя (без масштаба):
1 – острие; 2 – фрагмент средней части;
3 – основание; 4 – следы коррозии (макросъемка)

Рис. 5. Железные наконечники копий с «яблоком» из Тибета, Алтая и Западной Сибири:
1 – железный наконечник копья из частной коллекции;
2–5 – тибетские наконечники копий из музея искусств Метрополитен, Нью-Йорк, США (по Л.А. Боброву, Ю.С. Худякову); **6** – наконечник копья из Венгеровского района Новосибирской области (по В.И. Молодину, В.И. Соболеву, А.И. Соловьеву); **7** – наконечник копья из Горного Алтая (по В.В. Горбунову)

Массивный упор-«яблоко» данного наконечника копья, изготовленный из металла желтого цвета, покрыт оксидной пленкой черного цвета (рис. 3, 2).

Даже не будучи насаженным на древко, этот длинный массивный наконечник копья прекрасно сбалансирован и может быть использован для нанесения колющих, а возможно, и рубящих ударов. Будучи насаженным на древко, он может использоваться в качестве мощного древкового колющего оружия, опасного даже для воинов в тяжелых доспехах.

Удлиненно-прямоугольная, а также удлиненно-ромбическая формы пера в сочетании с граненым «яблоком» или составным упором на шейке были характерны именно для тибетских копий XVII–XIX вв.¹¹ (рис. 5, 2–5). Подобные наконечники копий с граненым «яблоком» на шейке отмечены в составе древкового колющего оружия джунгарских и халха-монгольских воинов в позднем средневековье и в новое время¹². Есть основания предполагать, что появление граненых упоров-«яблоков» у наконечников копий монгольских воинов в это время произошло под влиянием тибетских центров ремесленного оружейного производства¹³. Втульчатые копья с удлиненно-ромбическим пером также отмечены на воору-

жении тувинских воинов того же времени¹⁴. Отдельные находки позднесредневековых железных наконечников копий с четырехгранно-четырёхлопастным в сечении пером, в конструкции которых присутствует «яблоко» на шейке, известны на Алтае и в Западной Сибири¹⁵ (рис. 5, 6–7).

Наиболее близкие аналогии изучаемой находке прослеживаются среди тибетских наконечников копий из собрания музея искусств Метрополитен в Нью-Йорке. В составе этой коллекции известно 8 образцов тибетского древкового колющего оружия нового времени¹⁶. Наиболее близки по отношению к рассматриваемому нами образцу пять наконечников копий, один из которых обладает составным упором из двух толстых колец-шайб и граненого «яблока». Один из наконечников имеет продольный разрез на втулке, что указывает на схожий с описанным нами способ крепления его на древке. В отличие от большинства представленных в коллекции музея, рассмотренное нами копьё лишено каких-либо украшений или буддийской ритуальной символики, за исключением не очень заметной, X-видной насечки на торцевых поверхностях верхних шайб составного упора.

В сочетании с высоким качеством изготовления отсутствие вычурных украшений свидетельствует о том, что в нашем распоряжении находится не церемониальное или ритуальное копьё, а предмет древкового колющего вооружения, обладающий повышенным проникающим эффектом и предназначенный для использования в реальных боях для нанесения поражения защищенным доспехами противникам. Данная находка может служить ценным вещественным источником по истории древкового колющего оружия в составе традиционного комплекса вооружения тибетских воинов, сохранившегося с позднего средневековья и нового времени¹⁷.

¹⁴ Горелик М.В. Клинки Тибета // «Прорез». 2004. № 4. С. 13–16; Робинсон Р. Доспехи народов Востока. История оборонительного вооружения. М.: Центрполиграф, 2006. 280 с.; Karutz R. Die Volker Nord-und Mittelasiens (Atlas der Volkerkunde. 1). Stuttgart: Verlag von Strecker und Schroder, Franckische Verlagshandlung, 1925. 120 s. (на нем. яз.); LaRocca D.J. Warriors of the Himalayas. Rediscovering the arms and armor of Tibet. New York: The Metropolitan Museum of Art; New Heaven – London; Yale University Press, 2006. 308 p. (на англ. яз.); Robinson H.R. Oriental Armour. N.Y.: Walker and Company, 1967. 257 p. (на англ. яз.); Stone G.C. A Glossary of the Construction, Decoration and Use of Arms and

Armour in All Countries and in All Times. New York: Dover Publications, 1999. 694 p. (на англ. яз.)

² Бобров Л.А., Пронин А.О. Тибетские палаши со скошенным острием из музейных собраний Великобритании и США // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 3: Археология и этнография. С. 245–255; Пронин А.О., Москвитин И.А. Тибетский меч (палаш) *па-дам* с богатой оправой в традиционном стиле // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 7: Археология и этнография. С. 206–212; Пронин А.О., Худяков Ю.С. Тибетские палаши *па-дам* XVIII–XX вв. из частных собраний Китая и Израиля // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 5: Археология и этнография. С. 268–279.

³ Худяков Ю.С. Эволюция комплекса вооружения кочевников Южной Сибири в позднем средневековье и Новое время под влиянием контактов с русскими людьми // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2007. С. 125–154.

⁴ Цыбиков Г.Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета. По дневникам, веденным в 1899–1902 гг. Пг.: Изд-во РГО, 1919. 472 с.

⁵ Рерих Ю.Н. По тропам Срединной Азии. Хабаровск: Хабаровское книжн. изд-во, 1982. 304 с.

⁶ Рерих Ю.Н. Звериный стиль у кочевников Северного Тибета // Тибет и Центральная Азия: статьи, лекции, переводы. Самара: ИД «Агни», 1999. С. 28–55.

⁷ Пронин А.О., Худяков Ю.С. Новая находка железного наконечника копья тибетского типа // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 10. Вып. 4: Востоковедение. В печати.

⁸ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.) / Под ред. В.П. Никонорова. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.; LaRocca D.J. Указ. соч. Р. 175–179.

⁹ Точное определение металла, из которого изготовлена эта часть наконечника копья, требует проведения специального химического анализа.

¹⁰ Шемаханская М.С. Реставрация металла: методические рекомендации. М.: ВНИИР, 1989. С. 16–17.

¹¹ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Указ. соч. С. 304–306, рис. 93, 1–4; LaRocca D.J. Указ. соч. Р. 175–176.

¹² Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Указ. соч.; Худяков Ю.С. Указ. соч.

¹³ Худяков Ю.С. Указ. соч.

¹⁴ Там же. С. 129, 133, 142, 147.

¹⁵ Горбунов В.В., Тишкин А.А. Вооружение населения лесостепного Алтая в монгольское время (XIII–XIV вв.) // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1998. С. 262–266, рис. 36; Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. С. 75, рис. 56, 3.

¹⁶ LaRocca D.J. Указ. соч. Р. 175–179.

¹⁷ Иллюстрации и графические реконструкции к настоящей статье выполнены на оборудовании Apple ©, Wacom © и Nikon ©. Все наименования компаний и продуктов являются товарными знаками или зарегистрированными товарными знаками соответствующих владельцев.

А.В. Путова (Киев)

**ДОКУМЕНТЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО
АРХИВА УКРАИНЫ, КАСАЮЩИЕСЯ
ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИХАИЛА
АНДРЕЕВИЧА МИЛОРАДОВИЧА**

МИХАИЛ Милорадович – человек, чье имя как для профессиональных историков, так и для любителей исторической науки прочно связано, прежде всего, с Отечественной войной 1812 г., Заграничным походом русской армии 1813–1815 гг., трагическими событиями междуцарствия и восстания декабристов 1825 г. Однако вся жизнь этого человека представляет огромный интерес – не только по причине его блестящих подвигов на военном поприще, но и потому, что этот блеск и стремительность были свойством генерала во всех жизненных ситуациях – и вне войны он проявлял себя в исполнении возложенных на него обязанностей не менее активно, чем в период военных действий (рис. 1).

Невзирая на то, что о Милорадовиче не переставали писать и издавать статьи, воспоминания, и, наконец, книги – буквально со дня его гибели и до наших дней, некоторые моменты его биографии по сей день остаются нераскрытыми; далеко не все документальные источники, связанные с ним, обнаружены и достаточно хорошо изучены.

В частности, киевский период жизни генерала в биографиях, как правило, упоминается вскользь, либо описывается с использованием вторичных источников и со слабым привлечением архивных материалов, либо вовсе без него. А между тем за короткий срок пребывания в должности киевского военного губернатора Михаил Андреевич оставил заметный след в истории Киева и вписал славную страницу в собственную биографию.

Рис. 1. Михаил Андреевич Милорадович. Начало XIX в. С гравюры К.В. Ческого

М.А. Милорадович был назначен на должность киевского военного губернатора 11 мая 1810 г.¹ и пробыл в ней по июль 1812 г.² В период его нахождения на этом посту высшее гражданское начальство губернии менялось несколько раз. Так, вскоре после приезда Милорадовича, умер киевский гражданский губернатор П. Панкратьев³, после чего гражданской частью управляли вице-губернаторы. С 1810 г. должность киевского гражданского вице-губернатора занимал И. Вейтбрехт⁴ Впоследствии лица, руководившие гражданской частью, менялись еще несколько раз. Так, в 1811 г. исполняющим обязанности киевского гражданского губернатора

был глава Киевского главного суда К. Проскура⁵, а обязанности вице-губернатора исполнял С. Андриевский⁶ И только к концу каденции Милорадовича должность гражданского губернатора была поручена А. Санти⁷. Таким образом, единственным постоянным руководителем края был военный губернатор. То есть его функции полностью соответствовали распоряжению императора Александра I о его назначении, переданному обер-секретарем Сената И. Коржевским: «...Его императорское величество, поручив вам должность киевского военного губернатора, высочайше повелеть изволил управлять вам Киевскою губерниею и по гражданской части, по делам, кои относятся до государственной пользы, сохранения казенного интереса, оказания защиты утесняемым и наблюдения за должным порядком в отправлении должностей и сие тогда когда сами вы признаете то нужным»⁸.

В фондах Центрального государственного исторического архива Украины, г. Киев (далее – ЦГИАК) сосредоточено большое количество управленческой документации центральных и местных государственных учреждений Юго-Западного края, среди которой выделяется фонд 533, *Канцелярия киевского военного губернатора*. Именно он содержит основной массив документации, связанной со службой М.А. Милорадовича в Киеве. Прежде всего, это

канцелярские копии, отпуски рапортов, направлявшихся губернатором в высшие инстанции, дела, посвященные различным событиям, происходившим в Киеве, благоустройству города и губернии; переписка по кадровым вопросам. Интерес представляют материалы о благоустройстве дорог, которому Милорадович уделял особое внимание. Так, в своем отношении в Киевское губернское правление от 21 июня 1811 г. он писал: «Находя в самом дурном

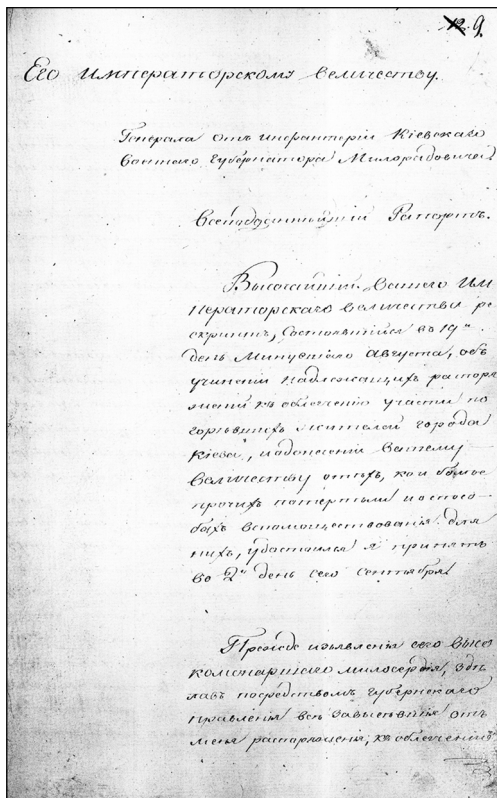

Рис. 2. 1811 г., сентября 22. – Рапорт киевского военного губернатора М.А. Милорадовича императору Александру I с предложениями касательно порядка распределения помощи жителям Киева, пострадавшим от пожара на Подоле. (ЦИАК. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1406. Л. 9)

состоянии в Киево-Печерске главную улицу Московскую, по которой проезд особенно в ненастное время весьма труден, полагаю необходимым оную вымостить...»⁹

В другом документе находим его предписание киевскому полицмейстеру, сделанное в июне 1811 г.: «...за Васильковским шлагбаумом дорога с горы к реке Лыбедь от сделавшихся рытвин в таком худом состоянии, что по оной проезжать без опасности не можно, равно и мосточек через означенную речку Лыбедь в совершенной негодности, через который также проезжать без опасности нельзя (...) вашему высокоблагородию предписываю означенную дорогу и мосток для удобного по ним проезда, тотчас велеть исправить...»¹⁰

Из документов видно, что прилагая свою необыкновенную энергию и настойчивость, Милорадович сумел найти средства и способы исправить некоторую часть дорог Киева и губернии ¹¹.

Однако, безусловно, среди материалов фонда 533, отражающих деятельность М.А. Милорадовича, ключевой можно считать группу документов, раскрывающих события, связанные с большим пожаром на киевском Подоле, произошедшем в 1811 г. Возгорание возникло 9 июля во дворе одного из подольских жителей в результате неосторожного обращения с огнем ¹². В течение двух дней выгорела вся древнейшая и наиболее густо заселенная часть нижнего города. Военный губернатор лично руководил ликвидацией пожара, причем проявил свойственную ему смелость и организаторский талант ¹³. Благодаря его усилиям потери от стихийного бедствия удалось свести к минимуму (рис. 2).

Переписка Милорадовича с высшими государственными учреждениями по вопросу вспомоществования погорельцам – свидетельство того, какой поистине неравный бой пришлось выдержать киевскому военному губернатору с чиновниками, не способными вообразить масштабов катастрофы, постигшей киевлян. В документах, присланных из Киевского губернского правления, находим предложения по предоставлению населению Подола ссуд и строительного леса для восстановления домов и лавок на довольно обременительных условиях, которые Милорадович всячески пытался смягчить ¹⁴.

Здесь же находим обращение военного губернатора к императору: «...приемлю смелость всеподданнейше испрашивать высочайшего вашего императорского величества распоряжения об ассигновании на сии исправления к отпуску из городских доходов [в] два срока (...), каковые издержки, хотя с одной стороны представляются весьма важными, но с другой когда жители города Киева через торговлю и промыслы с сими пособиями достигнут первоначального своего состояния, то сие от казны (...) пожертвование сугубо вознаградится в свое время» ¹⁵.

Из дальнейшей переписки узнаем, что специальный комитет министров, учрежденный для решения дел, касающихся участи жертв подольского пожара, отверг предложения киевского военного губернатора ¹⁶. Поняв, что в условиях приближающейся зимы нельзя дожидаться решения высших инстанций, но следует немедленно устроить судьбу погорельцев, Милорадович собрал сведения

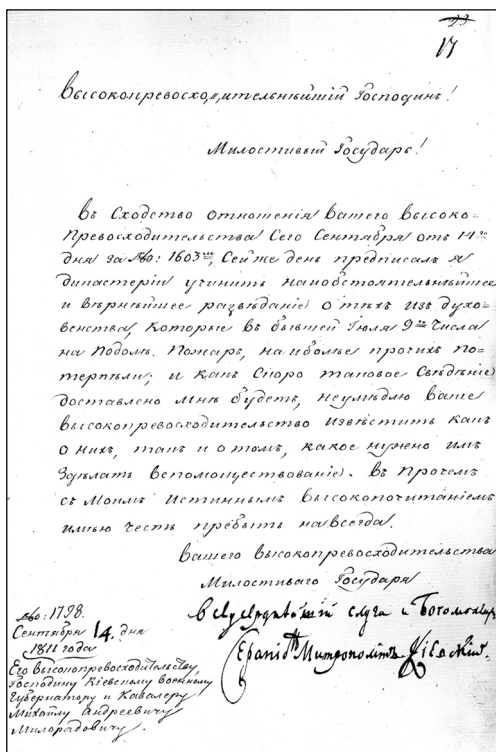

Рис. 3. 1811 г., сентября 14. – Письмо митрополита Киевского и Галицкого Серапиона (Александровского) киевскому военному губернатору М.А. Милорадовичу касательно сбора сведений о лицах духовного звания, пострадавших от пожара на Подоле. (ЦГИАК. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1406. Л. 17)

о количестве убытков и обратился за поддержкой к дворянству Киевской губернии. Благодаря этому удалось поддержать беднейшие слои населения Подола, помочь им восстановить свой промысел. В рапорте министру полиции от 3 декабря 1811 г. военный губернатор по этому поводу пишет: «Между тем бедные не нуждаются в содержании, о сем я имею особое попечение с помощью частных людей»¹⁷ (рис. 3).

Здесь же содержится информация о восстановлении Подола в соответствии с проектами архитекторов В. Гесте и А. Меленского¹⁸; сведения о создании и организации инфраструктуры новых поселений в предместьях Киева, куда переехала после

пожара часть подольских жителей¹⁹, а также билеты, по которым погорельцы получали пособие в канцелярии военного губернатора²⁰. Также интерес представляет дело об организации пожарной безопасности, внимание к которой усилилось после постигшего Киев стихийного бедствия²¹.

В фонде 533 находятся документы об организации военным губернатором размещения в медицинских заведениях Киевской

губернии заболевших военнослужащих из мобилизующихся военных частей²²; переписка по вопросам снабжения армии²³.

Наконец, здесь мы находим дело об увольнении М.А. Милорадовича от должности киевского военного губернатора для руководства формированием военных подразделений на Слобожанщине и дальнейшего «расположения оных между Калугою, Волоколамском и Москвою»²⁴. В том же деле, кроме копии императорского рескрипта по поводу нового назначения Милорадовича, хранятся отпуски его писем к городскому и губернскому начальству с поручением ведения дел, а также аттестаты, данные генералом чиновникам его канцелярии. В письме Милорадовича киевскому гражданскому губернатору А. Санти от 11 июля 1812 г. находим следующие строки: «Имею счастье получить в 10-й день сего месяца высочайший его императорского величества рескрипт, коим всемилостивейшее поручается мне начальство и командование над войсками, в Калугу собираемыми, я во исполнение сей высокоимператорской воли отправляясь из Киева теперь же к своему назначению, предоставляю вашему сиятельству главное управление Киевскою губерниею по гражданской части, равно как и ревизию уголовных и следственных дел без отношения уже ко мне»²⁵.

Говоря об этих документах, следует отметить, что письма Милорадовича, адресованные киевскому дворянству, преисполнены искренней благодарности за оказанное содействие в период его пребывания в должности, а аттестаты, данные им чиновникам канцелярии, содержат самые лучшие характеристики²⁶ (рис. 4).

Некоторое количество материалов, касающихся Милорадовича, находятся в фондах учреждений и лиц, прямо и косвенно связанных с канцелярией военного губернатора по роду своей деятельности, либо унаследовавших эти материалы от своих предшественников. Так, в фонде 261, *Стороженко – помещики Екатеринославской, Курской, Полтавской и Черниговской губерний* находятся материалы, посвященные деятельности учебных заведений различного уровня, действовавших в Киеве в начале XIX в.²⁷ Здесь, в частности, хранятся копии протоколов заседаний Главного правления училищ при киевском военном губернаторе, рапортов, направляемых ему Правлением, в которых содержится информация о финансировании образовательной системы; о трудностях, с которыми столкнулся город при создании главнейшего среднего учебного заведения Киевской губернии – I-й классической гимназии и

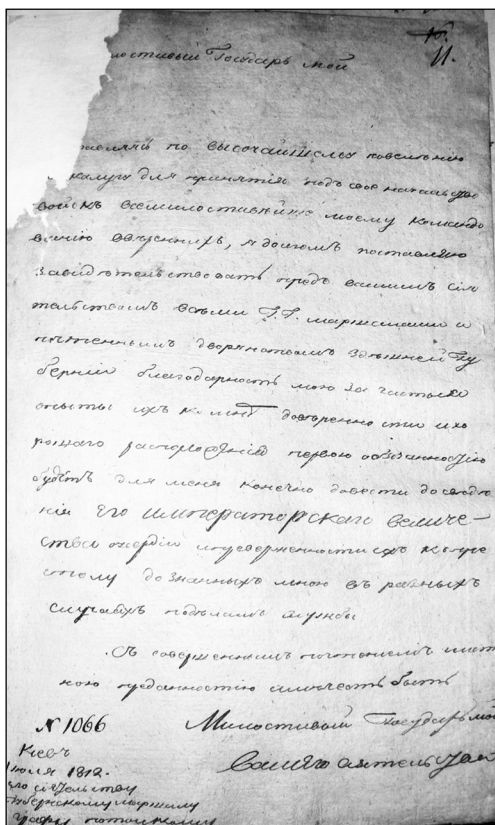

Рис. 4. 1812 г., июля 11. – Письмо М.А. Милорадовича к предводителю дворянства (маршалку) Киевской губ. графу Потюцкому с выражением благодарности за оказанное содействие в период службы генерала в Киеве. Отпуск. (ЦИАК. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1549. Л. 11)

валера графа Алексея Кирилловича Разумовского устав, всемилостиво подписанный его императорским величеством для киевской гимназии в доказательство монаршей своей милости к гражданам Киевской губернии, для его торжественного внесения в гимназию назначил 30-й день января нынешнего 1812 года, уведомляя (...) о порядке торжеств преосвященного митрополита киевского,

о роли, которую играл в этом Милорадович²⁸. Основана гимназия была еще в 1809 г.²⁹, однако устав ее был утвержден в 1811 г.³⁰, а торжественное открытие пришлось на конец января 1812 г.

Немалый интерес представляют проекты организации торжеств, связанных с открытием гимназии, ставшим подлинно эпохальным событием для губернии. Среди прочего, можем прочесть здесь следующие строки: «Его превосходительство генерал от инфантерии, киевский военный губернатор и многих орденов кавалер Михаил Андреевич Милорадович, получив от министра народного просвещения, его превосходительства действительного тайного советника, сенатора, члена Государственного совета и ка-

губернское правление, ясновельможных губернского и уездных предводителей дворянства, гимназию и официала римско-католического вероисповедания, а кроме них судебные власти и общественность»³¹.

В плане приготовленных увеселений читаем: «XIII. В сей день сего торжества господин военный губернатор пригласит к обеденному столу знатнейшее духовенство и дворянство, где при питьи за здоровье его императорского величества и всего августейшего дома производима будет пушечная пальба а ввечеру бал и ужин.

XIV. В сей день весь город освещен будет ввечеру и дом гимназии через два дни.

XV. На другой день сего празднества дворянство Киевской губернии с поветовыми маршалами дадут объединенный стол, бал и ужин.

XVI. Об открытии гимназии и добровольных приношениях посредством господина военного губернатора доведено будет до высочайшего престола и объявлено через публичные ведомости»³².

Разумеется, что такое торжественное событие, как открытие крупного учебного заведения, должно было ознаменоваться пышным праздничным обедом, и естественным было проведение такого обеда в доме военного губернатора, однако ключевую роль здесь играет бал. Приведенная выше цитата является яркой иллюстрацией вообще эпохи правления в Киеве Милорадовича. Следует отметить, что такой пышности и изобретательности в городских увеселениях, как при Михаиле Андреевиче, Киев не знал никогда. Балы и общественные гуляния устраивались при каждой удобной возможности, и, между прочим, способствовали объединению разобщенного по национальному и сословному принципу киевского общества³³.

В фонде 261 встречаются также дополнительные сведения о подольском пожаре, о том, что имущество погорельцев хранилось в старом здании киевской гимназии, в результате чего часть учителей вынуждены были искать себе новые квартиры, и о попытках высших городских чиновников от образования решить этот вопрос при поддержке военного губернатора³⁴.

В заключение следует отметить, что в фондах ЦГИАК хранится также значительное количество документов, связанных с большим и разветвленным родом Милорадовичей, начиная от первых представителей фамилии – сербских дворян, бежавших из оккупированной

Турцией Герцоговины и осевших на Левобережной Украине³⁵. Здесь находятся дела, касающиеся жизни и деятельности отца М.А. Милорадовича – полковника Андрея Степановича Милорадовича; многочисленных семейных связей Милорадовичей с казачьей старшиной; родовых имений семьи в Черниговской, Полтавской, Харьковской губерниях. Эти материалы хранятся преимущественно в фондах 51, *Генеральная войсковая канцелярия*; 59, *Киевская губернская канцелярия*, 486, *Киевская палата гражданского суда*, а также в фонде 1949, *Харьковская палата уголовного суда*³⁶.

Часть перечисленных документов была введена в научный оборот в последние годы³⁷, и дальнейшее их полноценное использование при написании трудов, посвященных Михаилу Андреевичу Милорадовичу, послужит к более полному раскрытию фактической стороны его биографии, углублению понимания личности этого выдающегося человека.

¹ Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев (далее – ЦГИАК). Ф. 533. Оп. 1. Д. 1123. Л. 4.

² ЦГИАК. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1549. Л. 1–2.

³ Там же. Д. 1169а. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 1233. Л. 1–1 об.

⁵ Там же. Д. 1404. Л. 16–17.

⁶ Там же. Л. 9–10.

⁷ Там же. Д. 1549. Л. 10.

⁸ Там же. Д. 1123. Л. 4–4 об.

⁹ Там же. Д. 1362. Л. 1, 7.

¹⁰ Там же. Л. 35.

¹¹ Там же. Л. 36–59.

¹² Там же. Д. 1379. Л. 21–22.

¹³ Бондаренко А. Милорадович (далее – Бондаренко). М., 2008. С. 183.

¹⁴ ЦГИАК. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1406. Л. 10–13.

¹⁵ Там же. Л. 13а–13а об.

¹⁶ Там же. Л. 24.

¹⁷ Там же. Л. 29.

¹⁸ Там же. Д. 1418. Л. 1–40.

¹⁹ Там же. Д. 1406. Л. 14–14 об.

²⁰ Там же. Л. 63–144.

²¹ Там же. Д. 1385. Л. 1–10.

²² Там же. Д. 1514. Л. 1–51.

²³ Там же. Д. 1489а. Л. 222.

²⁴ Там же. Д. 1549. Л. 1 об.

²⁵ Там же. Л. 4–4 об.

²⁶ Там же. Л. 10–17.

²⁷ Основным фондообразователем этого собрания документов является Николай Владимирович Стороженко (1862–1942) – выдающийся историк, педагог, земский деятель, член Киевской археографической комиссии, а также Исторического общества имени Нестора-Летописца. В личном архиве Стороженко, среди прочего, отложились документы по истории образования в Юго-Западном крае.

²⁸ ЦГИАК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 100. Л. 1–152.

²⁹ Там же. Л. 55.

³⁰ Там же. Л. 145.

³¹ Там же. Д. 101. Л. 11.

Оригинальный текст: «JW. generał od infanteryi, kijowski gubernator i wielu orderów kawaler Michał Andreiowicz Mitoradowicz, odebrawszy od ministra powszechnego oświecenia JW. aktualnego tajnego советника, senatora, człeka Rady państwa i kawalera graffa Alesieia Kiryłowicza Rozumowskiego ustawę jego imperatorskiej mości, najtaskawszej dla gimnazy[u]m kijowskiego podpisaną w dowód monarszego swojego uważania dla obywatelstwa gubernii Kijowskiej, dla uroczystego onej wniesienia do gimnazyum przeznaczyl 30-ty dzień stycznia terażniejszego 1812 roku, uwiadomiając (...) o porządku uroczystości JW. metropolcie kijowskiego, rząd guberski, JW. W. guberskiego i powiatowych marszałków, gimnazyum i officiała rzymsko-katolickiego wyznania, a przcz nich władze sądowe i publiczne». Характерной чертой делопроизводства Правобережной Украины первой трети XIX в. является использование на равных русского и польского языков. Польский язык окончательно был запрещен к употреблению в государственных учреждениях, действовавших на территории Российской империи, лишь после Польского восстания 1830–1831 гг.

³² Там же. Л. 15–15 об.

³³ Бондаренко. С. 178–180.

³⁴ ЦГИАК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 101. Л. 93–95а.

³⁵ Милорадович Г. Сказание о роде Милорадовичей. К. 1884. С. 1–8.

³⁶ ЦГИАК. Ф. 51. Оп. 3. Д. 1326. Л. 2; Ф. 51. Оп. 1. Д. 1030. Л. 48–49 об.; Ф. 486. Оп. 5. Д. 525. Л. 97 об.; Ф. 1949. Оп. 1. Д. 918. Л. 1–4.

³⁷ Путова А. Михаил Андреевич Милорадович как киевский генерал-губернатор (1810–1812) // Мир в новое время: сборник материалов Восьмой конференции студентов, аспирантов и молодых ученых по проблемам мировой истории XVI–XXI вв. СПб., 2006. С. 192–197; Путова Г. Декілька сторінок з київського періоду біографії генерала М. А. Милорадовича // Українська біографістика: Зб. наукових праць. К., 2009. Вип. 5. С. 77–83; 200-річчя великої пожежі на київському Подолі: Документальна виставка / підготувала Г.В. Путова // Офіційна веб-сторінка Центрального державного історичного архіву України, м. Київ. Режим доступу: http://cdiak.archives.gov.ua/v_200_pozhezha_na_Podoli.php

Е.В. Пчелов (Москва)

ПОДСААДАЧНЫЙ НОЖ 1535 ГОДА ИЗ СОБРАНИЯ ГИМ И ЕГО ВЛАДЕЛЕЦ

В СОБРАНИИ Государственного Исторического музея хранится подсадачный нож (стальной клинок, нефритовая рукоять, золотая насечка, длина общая – 52,3 см, ширина клинка – 2,8 см, ГИМ 57358 ор. 1009), на обухе которого в технике золотой насечки сделана надпись: «Н(о)жь кн"жь Ивановъ Ивановича лѣта ЗМГ» (7043), а на полотне в той же технике написана молитва Богородице на греческом языке. Судя по надписи, нож принадлежал некоему князю Ивану Ивановичу, а сама надпись датируется 7043 г. от СМ, т.е. 1535 г. от РХ. Кем был владелец ножа?

Совершенно ясно, что он не принадлежал к роду великих князей Московских, ибо в указанное время никакого князя Ивана Ивановича среди них не было. Следовательно, это кто-то из носителей княжеского титула, находившихся на службе у Московских князей, вероятнее всего, весьма близкий к великокняжескому двору, возможно, из думных чинов. Примерный круг вероятных кандидатов можно очертить на основе исследований А.А. Зимина, посвященных истории формирования состава Боярской думы в период создания единого Московского государства – с 1462 по 1538 гг. (княжения Ивана III, Василия III и регентство Елены Глинской)¹. В общей сложности в 1535 г. имя «Иван Иванович» среди представителей княжеских родов носили более полутора десятка человек.

Из этого числа следует, по-видимому, сразу исключить тех князей, которые по службе существенно не продвинулись, оставаясь на периферии двора, или даже вовсе в состав Государева двора не входили, будучи «рядовыми» землевладельцами. К числу таких

лиц относятся: князь Иван Иванович Хованский (Жердь), сын князя Ивана Ивановича Хованского (Ушака), который с 1531 г. упоминается в разрядах (его отец был воеводой князя Федора Борисовича Волоцкого), но «особенного успеха по службе не достиг»², что объясняется, вероятно, службой этой семьи удельному князю. Князь Иван Иванович Гундоров (Гордый), сын князя Ивана Большого Федоровича Гундора, из Стародубских князей – эта ветвь рода также заметного места при дворе не занимала. Многочисленные представители князей Оболенских: Иван Иванович Лыков Желай и его сын Иван Иванович Белоглаз, Иван Иванович Кашин Суц и его двоюродный брат Иван Иванович – оба внуки Василия Владимировича Каши Оболенского, Иван Иванович – сын Ивана Александровича Колышевского Оболенского и внук Александра Андреевича Тростенского Оболенского – все они находились на малозначительных должностях и «с трудом пробивали себе путь к великокняжескому двору»³. Из Иванов Ивановичей Оболенских единственной заметной фигурой в это время был Иван Иванович Щетина Оболенский, бывший с 1527 г. боярином, однако, последнее его упоминание относится к 1532 г., вероятно, вскоре он умер. Вне двора находились землевладельцы князя Иван Иванович Бараш и его сын Иван Иванович Звенигородские, потомки Ростовских князей – Иван Иванович Пужбольский, сын Ивана Ивановича Брюхо Пужбольского, и Иван Большой Иванович Лобанов. Князь Иван Иванович Сосун Засекин (из Ярославских князей) служил воеводой, а в 1524–1526 гг. ездил с посольством к императору Карлу V, но дальнейшая его служба неизвестна. Князь Иван Иванович Пунков Телятевский Микулинский (из Тверских князей) на службе не заметен, в 1535–1536 гг. купил в Микулине часть вотчины – вообще, по-видимому, Телятевские находились в то время в опале.

Более подходящими кандидатурами являются четверо других князей, носивших те же имя и отчество:

Князь Иван Иванович Барбашин (из Суздальских князей). В разрядах с 1521 г., боярин с 1528–1529 г. (?), в 1531–1533–1534 гг. наместничал «за городом» в Новгороде-Северском, в разрядах последний раз упоминается в 1536–1537 г., умер в 1540–1541 г.

Князь Иван Иванович Турунтай Пронский (из Рязанских князей). В разрядах с 1531 г. в качестве первого воеводы сторожевого полка в Нижнем Новгороде, в 1532 г. служил на Муроме, в 1533

и 1534 г. стоял на Мещере, в 1537 г. – один из воевод в Муроме, с 1547 г. – боярин.

Князь Иван Иванович Белевский (из Черниговских князей). Голова у воевод, стоявших на Угре во время набега Мухаммед-Гирея в 1521 г., в 1531 г. – воевода сторожевого полка в Одоеве, в 1532 г. – один из воевод «на Сенкине», в 1533–1535 гг. – один из воевод в Белеве, находился в Белеве в 1536 г., позднее сослан на Вологду.

Князь Иван Иванович Кубенский (из Ярославских князей). В 1518 г. – сын боярский, выполнял придворные поручения на дипломатическом приеме имперского посла, дворецкий в 1524 г., один из приближенных Василия III, с 1532 г. ведал поземельными спорами, «в предсмертные дни Василия III был среди близких к великому князю лиц», в 1541 г. – боярин, казнен летом 1546 г.⁴

Среди вышеназванных лиц первые трое служили воеводами в различных городах, а князь Кубенский – непосредственно при великокняжеском дворе. Существенно, однако, то, что он был *непосредственным родственником* великого князя. Дело в том, что мать князя Кубенского, Ульяна (в иночестве Евпраксия, ум. в 1537 г.), была дочерью удельного князя Андрея Большого Васильевича Углицкого, сына Василия II и младшего брата Ивана III⁵. Таким образом Иван Иванович доводился Василию II правнуком, Ивану III – внучатым племянником, Василию III – двоюродным племянником, а Ивану Грозному – троюродным братом. Несмотря на то, что Андрей Углицкий погиб в заточении в 1493 г., а его сыновья находились в ссылке, на судьбе зятя Андрея Васильевича князя Ивана Семеновича Кубенского и его сыновей это существенно не сказалось. Иван Иванович многого достиг на дворцовой службе и занимал важное место в придворной жизни. В 1530-х гг. он был также кравчим, затем стал боярином, в качестве дворецкого в поездках по монастырям сопровождал Елену Глинскую⁶. Поэтому среди всех «кандидатов» на роль владельца ножа он выглядит наиболее подходящим.

Однако судьба князя Кубенского впоследствии оказалась трагической. После смерти Елены Глинской Иван Иванович участвовал в борьбе боярских группировок за власть, так, в 1541 г. он состоял в заговоре Шуйских против князя И.Ф. Бельского, после падения Шуйских в 1544 г. был посажен в темницу, где провел 5 месяцев, а затем снова оказался в опале. Наконец, по ложному обвинению

дьяка В.Г. Захарова в том, что он якобы подстрекал к бунту новгородских пищальников, князь Кубенский был казнен по приказу Ивана Грозного 21 июля 1546 г. в Коломне ⁷. Похоронили Ивана Ивановича в московском Новодевичьем монастыре ⁸.

В собрании Оружейной палаты хранится серебряный ковш князя Ивана Ивановича Кубенского. Он датирован тем же 1535 г., что и подсадачный нож. Надпись называет владельца – ковш «кн"ж" Ивановъ Иванович" Кубеньского». Предполагают, что ковш попал в царскую казну после казни Ивана Ивановича ⁹. Возможно, такой же была и история ножа, который вполне мог входить в конфискованное имущество князя Кубенского.

Тем более, что подобный случай известен. В той же Оружейной палате хранится другой подсадачный нож – на обухе надпись «Князя Ондreja Ивановича», т.е. удельного князя Старицкого, младшего брата Василия III, который погиб в опале в 1537 г. Этот нож подобен ножу из коллекции ГИМ (имеет также нефритовую рукоять и изящный орнамент и надпись, выполненные в технике золотой насечки) и датируется по надписи на нем 7021 г. от сотворения мира, т.е. 1513 г. от Рождества Христова. Вероятно, он также был конфискован в связи с опалой князя Андрея ¹⁰.

¹ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.

² Там же. С. 30.

³ Там же. С. 55.

⁴ Там же. С. 94–95.

⁵ Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. Т. 1. СПб., 1895. С. 288–289 (сообщил Г.И. Студенкин).

⁶ Там же. С. 289; Кобрин В.Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. С. 30–31.

⁷ Кубенские // Русский Биографический словарь. Т. 9. СПб., 1903. С. 515; Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 2. Т. VIII. М., 1989. Стб. 51–52.

⁸ Ткаченко В.А. Московские великие и удельные князья и цари. М., 1998. С. 138.

⁹ Государственная Оружейная палата. М., 1988. С. 68–69, ил. 37.

¹⁰ Там же. С. 150–151, ил. 107; Вера и Власть. Эпоха Ивана Грозного / Каталог выставки. Сост. Т.Е. Самойлова. М., 2007. С. 74–75, № 21; Комаров И.А., Яблонская Е.А. Парадное оружие русских государей XVI–XVII веков. М., 2006. С. 36; Левыкин А.К. Воинские церемонии и регалии русских царей. М., 1997. С. 54.

А.С. Ракитин (Курск)

СТОРОЖЕВЫЕ КАЗАКИ ГОРОДА ДАНКОВ ПОСЛЕ «ЧЕРКАССКОГО РАЗОРЕНИЯ» (1618–1650-е ГОДЫ)

Г ОРОД Данков¹ традиционно считался одним из южных форпостов Рязанской земли. Немецкий путешественник Сигизмунд Герберштейн, посетивший в начале XVI в. Московию, сообщал, что Донко – «разрушенный город»². По всей вероятности, городище (порой отождествляемое с древнерусским Дубком) уже в ту пору было хорошо известно рязанским казакам. Так, в 1523 г. русский посол Иван Морозов, турецкий посол Скиндер и рязанские казаки, которым было поручено сопровождать их, «клялись в суды в Донкове»³.

В 1568 г. Данков на месте древнего городища строили служилые люди из Михайлова и Пронска под руководством воевод Владимира Курлятева и Бориса Серебряного вместе с казачьими головами Григорием Сидоровым и Юрием Булгаковым⁴. Вероятнее всего, эти служилые люди, их родственники, дольщики и захребетники, составили значительную часть гарнизона нового города на Дону. Помимо этого, штат местного казачества был пополнен разного рода «охочим» и гулящим людом и донскими казаками. Так, позднее, в 1585 г., дворянину Василию Биркину поручалось привлекать к царской службе донских атаманов и казаков, появляющихся в верховьях Дона близ Данкова⁵.

Как только новый город в верховьях Дона был поставлен, здесь стали нести сторожевую службу, охватывающую, по мнению известного воронежского историка В.П. Загоровского, почти всю современную Липецкую область, а также частично Орловскую, Тамбовскую и Воронежскую области⁶. Как сообщают источники, сторожевых казаков в Данкове было устроено 117 человек,

оклады их равнялись: 50 четвертям – земельный и 6 рублям – денежный⁷.

После официального утверждения в 1571 г. в Москве сторожевой и станичной службы «на Поле» число данковских сторож было определено как 14. Из них самой ближней к Старому Данкову была сторожа на реке Вязовенке, там, где в 1619 г. был построен новый жилой острог, а самой дальней – «у Кривого Бору», на территории современного Рамонского района Воронежской области⁸.

Станичная и сторожевая служба были регламентированы рядом должностных обязанностей и инструкций, которые выглядели следующим образом. Ратным людям поручалось стоять на сторожах не слезая с коня, ездить строго по означенным маршрутам, никуда не съезжая и не сворачивая, «переменяясь же направо и налево по два человека»; следовать наказам местных воевод. Кони у станичников должны были быть «добрыми» (т.е. справными, здоровыми), такими, «на которых... на сторожи ездити было безстрашно». Осматривать коней поручалось лично станичным головам и городским воеводам. Длительных остановок и привалов делать не разрешалось – «огни класти не в одном месте». Запрещалось также трапезничать и отдыхать больше одного раза в день на одном и том же месте – «коли каша сварити и тогды огня в одном месте не класти двожды, а в коем месте хто полдневал и в том месте не ночевати». Обнаружив врага, сторожа и станичники должны были отправлять вести о его продвижении в Москву и ближайшие украинные города. По сакмам «людей смечати» – опытные станичники по следам могли определить численность вражеского отряда и порой даже его воинский состав, присутствие в нем «царя» (хана) или калги (княжича). Сезон станичной и сторожевой службы начинался по ранней весне и заканчивался глубокой осенью: первая станица отправлялась «в поле» 1 апреля, вторая – 15 апреля, третья – 1 мая, четвертая – 15 мая – и так 8 станиц, выдвигающихся в степь вплоть до конца ноября. За халатное отношение к означенным обязанностям ратные люди могли быть битыми кнутом, а за более серьезные проступки и того хуже – «кажнеными смертю»⁹.

Вплоть до 1622 г. у сторожевых казаков Данкова существовало деление на десятки, как это было традиционно для полковых казаков и городовых стрельцов¹⁰. К слову сказать, в XVI–XVII вв. подобная организация в Данкове и других южнорусских городках

(Ряжске, Епифани, Шацке, Дедилове и пр.), где имелись сторожевые казаки, документально не подтверждается.

Следует выделить еще одну категорию городского казачества, существовавшую при Иване IV в Данкове и совершенно исчезнувшую после Смуты, – беломестных атаманов. Изначально их число в городе составляло 30 человек. Земельного оклада им не полагалось, денежный же составлял 7 рублей на человека. К 1590-м гг. беломестные атаманы были сведены на Воронеж. Накануне разорения Данкова черкасами Сагайдачного там числилось 14 беломестных казаков (вероятно, в Разрядных книгах в данном контексте имелись в виду именно беломестные атаманы). К 1622 г. в Данкове значится всего один «беломестец» – Федор Полукаров¹¹, ставший впоследствии сторожевым казаком¹².

**Храм Рождества Христова
в Сторожевой слободе Данкова**

явно не достаточно, поэтому на помощь походному войску пришли черкасы численностью до 20 тысяч человек, возглавляемые

До 1618 г. Данков находился севернее своего нынешнего места расположения – приблизительно в 40 км, там, где сейчас на берегу Дона стоит село Стрешнево. Где именно здесь находились слободы служилых людей – не известно, ясно только, что Сторожевая слобода могла располагаться на месте нынешнего села Полибино. В августе 1618 г. Данков был разорен черкасами (запорожскими казаками) в ходе рейда гетмана Петра (Конашевича) Сагайдачного вглубь Московии. Расскажем в общих чертах, как это происходило.

1618 г. ознаменовался походом на Москву польского королевича Владислава. Своих сил у польской стороны было

гетманом Петром Сагайдачным. Неприятель разорил Путивль, Валуйки, Ливны, Елец и Лебедянь. Численность вражеских отрядов, штурмовавших русские крепости, была настолько велика, что, по словам очевидца, находившегося в Ельце во время осады, черкасы, несмотря на огромные потери от крепостной артиллерии, по трупам «к Аргамачим воротам по своим по побитым людям... взошли». Следующим пунктом на пути войска гетмана вглубь Московии был Данков. Сюда устремился авангард – отряды Михаила Дорошенко. По свидетельству данковских полковых казаков Панки Летуновского (в источнике «Летунова») «со товарищи», относящемуся к 1619 г., узнав о появлении в окрестностях Данкова войска Сагайдачного (приблизительно во второй-третьей декаде июля), местный воевода Алексей Чубаров получил приказ перевести всех жителей в город Михайлов. Покидая Данков с семьями и скарбом, служилые люди не надеялись вернуться домой, плакали, прощались с могилами предков: «прощаются у могил, плач великой»¹³. Собрав порох и свинец под руководством воротника Якима Акулова, часть данковских служилых людей двинулась к городу Пронску, однако по пути была разгромлена запорожцами. В этом неудавшемся походе много человек, в том числе и сам Акулов, были «побиты», порох и свинец достались неприятелю¹⁴. Федор Григорьевич Оладынь, назначенный в Москве новым воеводой, вез в Данков государеву казну, а также зелье и свинец «для осадного времени». Однако в пути «весть учинилась, что гетман Сайдачной Донковской острог взяли и сожгли» и Оладыньну пришлось вернуться на Михайлов, где его пороховые запасы оказались осажденным как раз кстати¹⁵. Подробностей (и даже точной даты) разорения Старого Данкова, к сожалению, не сохранилось. Также нет сведений, оставался ли кто-нибудь в городе во время погрома.

Не задерживаясь под Данковым, черкасы двинулись дальше по «рязанской украине» – к городам Скопин, Шацк и Сапожок. По пути разорили город Рязск: «нападоша на область рязанскую», – сообщает хронограф-современник. 26 августа осадили город Михайлов, который неприятелю взять так и не удалось¹⁶.

Страх перед новым набегом черкасов гетмана Петра Сагайдачного еще долго будоражил умы современников и население южно-русских уездов. Так, по прошествии трех лет после Деулинского перемирия, в декабре 1621 г., вышедший в Путивль новгород-северский крестьянин села Погарищ рассказал о том, что Петр

Сагайдачный с черкасскими, находившимися в Лубнах, Пирытине, Прилуках и Переславле «хатят... прихадить под... государевы украинные городы... меж Рожества Христова и Крещенья»¹⁷. Однако набега не произошло.

По всей вероятности, некоторые данковцы не присоединились к этим большим группам беженцев, ушедшим в Михайлов и Пронск, а разбежались поодиночке в прочие города рязанской окраины – Рязжск, Лебедянь и Воронеж, а также в монастырские села и вотчину архиепископа Рязанского и Муромского. Здесь они и продолжали оставаться до «разбору» начала 20-х гг. XVII в., после чего практически все вернулись в штат данковского гарнизона¹⁸. 26 ноября 1618 г. воевода Федор Оладьин с данковскими людьми, которых успел собрать, приступил к восстановлению разрушенного города: «и на Донковском на Старом городище острог поставил и всякими крепостьми укрепил». Здесь же был найден сброшенный черкасскими в реку «горелый» артиллерийский наряд – «две пищали полоторных да два тюфяка да шесть пищалей затинных»¹⁹. Несмотря на это, уже к декабрю 1619 г. на Вязовенском городище (при впадении речки Вязовенки в Дон, в 40 верстах южнее) был построен новый Данков в виде жилого острога, куда отправили провиант с «пушечными запасами» и «донковских всяких людей [воевода Оладьин] перевел и донковские всякие люди в новом Донкове на Везовенском городище поселились»²⁰. Город был укреплен, сделаны тайники.

После «черкаского разорения» штат сторожевых казаков Данкова снизился почти на половину: со 117 до 54 человек²¹. Чем же могло быть вызвано такое резкое сокращение численности сторожевых казаков? Во-первых, неся сторожевую службу далеко в степи, сторожевые казаки могли быть схвачены по одиночке воровскими людьми, разбежаться кто-куда, а во-вторых, запросто примкнуть к тем же «повстанческим ватагам», как это произошло с представителями одного известного данковского служилого рода – Баловневых. Так, в 1650 г. сторожевой казак Федор Баловнев подал иск в оскорблении своих деда и отца другим данковским казаком – Семеном Марковым, назвавшим их «изменниками». Семен Марков упрекал родителей Баловнева, что те «подались» в войско Самозванца, на что Баловнев ответил: «деда де и отца моего за то

хотели з башни скатить, что он целовал крест в службе царю Василию Ивановичу (Шуйскому. – А. Р.)». Если верить словам Федора Баловнева, его дед с отцом оставались верными царской власти. Но далее он сообщает любопытные подробности о своем дядьке: «дядя де мой приходил под Москву с казаками и за то де дяде моего вершили, а я дяди своего безчестья не ищу, ищу деда и отца своего, и своего». Отсюда следует, что какая-то часть сторожевого казачества Данкова действительно могла бы влиться в воровские отряды²².

Несмотря на это, к 1626 г. число сторожевых казаков было доведено до прежней нормы, по писцовым книгам в Сторожевой слободе значатся все

**Река Дона в районе села Требунки
Данковского района Липецкой области**

«сто семнатцать дворов, людей в них тож»²³. Произошло это за счет родственников самих сторожевых казаков, гулящего люда, а также казаков полковых: «служили... в козаках... государеву полковую службу да черкаского разаренья»²⁴. Этим полковым казакам после постройки в 1619 г. нового Данкова были отведены дворы в Сторожевой слободе. Через пять лет, в 1624 г., казаки получили грамоту о своей новой службе: «не велена ис сторожевых козаков в полковья козаки имать». Однако в 1639 г. прибывший в Данков московский стрелецкий сотник Семен Карташов провел разбор данковских служилых, в ходе которого предложил в Разряде, что неплохо было бы вернуть казаков из сторожевой службы обратно в полковую. Тринадцать сторожевых казаков «Серешка Хныкин со товарищи» подали царю коллективную челобитную о невозвращении их в полковые казаки, ссылаясь на грамоту прежних лет²⁵. Подробности этого дела нам не известны, поскольку нет соответствующей документации, но, судя по тому, что почти все челобитчики значатся в сторожевых казаках крестоприводной книги 1645 г., очевидно, что «воинские люди» все же были оставлены в сторожевой службе²⁶.

На «пустые места» в Сторожевую слободу Данкова пытались верстаться люди, зачастую не имеющие отношения к ратной службе. В частности, это касалось различных категорий крестьянства. Приведем несколько примеров. 22 декабря 1628 г. в столичном разряде от лица Рязанского и Муромского архиепископа Антония сыном боярским Иваном Болтиным был подан иск на данковских сторожевых казаков Куприяна и Провотора Яковлевых детей Фефиловых. Они были обвинены в том, что, являясь крестьянами деревни Петрушино – ряжской вотчины архиепископа Рязанского и Муромского Антония, записались в апреле 1628 г. в сторожевые казаки Данкова. При допросе Куприян (Куприк) Фефилов «за себя и за брата» рассказал, что в Петрушино они жили лет шесть, «бродили меж двор и кормились работаю», а в крестьянах никогда не «живали». Отец и дед их, по словам Куприка, были конными стрельцами Епифани, а после «литовского разоренья» от бедности скитались в Ряжском уезде – вотчине архиепископа Антония, где кормился всяческой работой, а после пришел в Данков, где «стал в... государеву службу в сторожевые казаки, потому что дед и отец... были служивые люди». Куприк также ссылаясь на родственников, которые якобы в 1628 г. служили по Епифани в детях боярских и конных стрельцах. Выгораживая себя, Фефилов предложил опросить епифанских стрельцов, которым его отец и дед были знакомы. Вместо этого ряжским сыном боярским Торсенином Обрывковым был опрошен 61 человек (крестьяне, попы, целовальники и поместные казаки) в Ряжском уезде, в вотчине боярина Ивана Романова городке Скопин, в селах Вослебо (Вослебово), Вязовенки, слободе Кремлево, а также в слободе Велемской (Велемья). Все эти люди сказали, что братья Фефиловы им известны и жили в Петрушино «лет з дватцать и больши». Была названа даже точная дата, когда крестьяне сбежали из вотчины – 20 апреля 1628 г. Далее сомнений не возникало: братья Фефиловы уроженцы именно Ряжского уезда, в связи с чем в Данков отправился пристав – архиепископский сын боярский Салтан Терехов, дабы, сыскав в Сторожевой слободе Куприка и Провоторку, вернуть их «с матерью, з женами и детьми и со всеми животы» в вотчину, что и было исполнено²⁷.

При разборах конца 30-х гг. XVII в. было выявлено, что среди данковских служилых «нового прибора» имеются и холопы. В 1639 г. было рассмотрено дело о сторожевом казаке Луке Сухинине,

поверставшимся в Козлове в дети боярские. Как выяснилось, новоиспеченный служилый оказался беглым холопом. Посланные за Сухининым данковские стрельцы и пушкари на «ево Лучкиной подводе»²⁸.

Несмотря на все вышесказанное, южнорусское крестьянство – вотчинное, дворцовое, монастырское и частновладельческое – потенциально было вполне подходящим элементом для инкорпорации в сторожевые казаки. Районы промысловой деятельности этих крестьянских сообществ (бортничество, бобровые гоны, рыбная ловля) уходили далеко на юг. Так, город на Урляповом городище получил название Козлов по фамилии промышленявших здесь крестьян Козловых из Рязского уезда, числившихся за князьями Пожарскими.

Кроме того, в 1638 г. в Данков были временно переведены пугачевские черкасы, однако считаем мало вероятным, что кто-либо из них был инкорпорирован в служилые люди, но такая возможность не исключается – вопрос лишь в отсутствии соответствующих документов²⁹.

Место в штате сторожевых казаков было крайне востребованным. Казачьим вдовам, если их внуки еще не годились в службу по возрасту, поручалось нанимать стороннего человека, пока отпрыски не достигнут положенных лет. Так, летом 1637 г. в столичный Разряд пришла челобитная от вдовы данковского сторожевого казака Петра Плотницына – Авдотьи. Вдова писала, что муж ее был убит черкасами гетмана Петра Сагайдачного «на приступех», что доказывает присутствие некоторого количества служилых людей в городе. Со вдовой после смерти мужа остались сыновья Петр и Карп. Первый сын, как и отец, служил в сторожевых казаках, но умер, а второй, Карп, находится на Ливнах, где служит вместе с донскими казаками. У Авдотьи оставались внуки, однако по возрасту в службу пока не «поспевшие», то есть до 16 лет: «внучишка малы – лет в десять». Городской воевода Степан Извольский грозился отобрать у казачьей вдовы двор, а ее вместе с внуками «выслать вон». Одним словом, внуки для Авдотьи были не только гарантами землевладения, но и вообще ее пребывания на данном «дворовом месте».

Прошение Авдотьи Плотницыной было рассмотрено, воеводе надлежало дать вдове льготы сроком на два года, а вместе с тем нанять

ратного человека, готового временно послужить в сторожевых казаках, пока внуки не подрастут³⁰.

К 50-м гг. XVII в. штат сторожевых казаков Данкова начал заметно редеть. Вызвано это было переселениями в новые города, строившиеся далеко на южной степной окраине, а также формированием местной корпорации «служилого города» – детей боярских, в которых данковские сторожевые казаки и были поверстаны. Так, в 1648 г. 10 сторожевых казаков Афонасий Ковешников «со товарищи» были переселены на вечное жительство в новый город на Дону – Коротояк³¹. После постройки на Урляповом городище новой крепости Козлов в штат местного «служилого города» стали верстаться данковские служилые люди – сторожевые казаки, пушкари и затинчики. В 1650 г. воевода Иван Фомин писал из Данкова, что местные ратные люди – Сенька Кузовкин и Алферка Мячин «со товарищи», сторожевые казаки и люди пушкарского чина, побросав свои службы и дворы, ушли в Козлов с женами и детьми, где верстались в дети боярские. Без них в гарнизоне Данкова возник существенный недобор, взять на пустые места было некого³².

¹ Сегодня районный центр Липецкой области.

² Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 136, 138.

³ Дунаев Б.И. Преподобный Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке. М., 1916. С. 55.

⁴ Разрядные книги 1475–1605. Т. 2. Ч. 2. С. 233–234.

⁵ Акты Московского государства, изданные Императорскою академиею наук под редакциею Н.А. Попова. СПб., 1890. Т. 1 (1571–1634). С. 2–7 (далее – АМГ).

⁶ Загоровский В.П. История вхождения центрального черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 107.

⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. Д. 7. Л. 161.

⁸ АМГ. Т. 1. С. 9.

⁹ Беляев И. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской окраине московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846. С. 12–17.

¹⁰ Книги разрядные по официальным оных спискам, изданные с Высочайшего соизволения II-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1853. Т. 1. Стб. 273 // РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 10. Ч. 2. Л. 297–300.

¹¹ Там же. Л. 300.

¹² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 192. Л. 214.

¹³ Документи російських архівів з історії України. Львов, 2000. Т. 1. С. 131, 132.

¹⁴ Там же. С. 238, 239.

- ¹⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 11. Л. 238.
- ¹⁶ Повесть об осаде г. Михайлова Сагайдачным в 1618 году // Киевская старина. 1885. № 12. С. 685.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 9. Л. 299.
- ¹⁸ Там же. Столбцы Владимирского стола. Д. 7. Л. 161.
- ¹⁹ Там же. Столбцы Московского стола. Д. 11. Л. 241.
- ²⁰ Там же. Л. 245.
- ²¹ Там же. Столбцы Владимирского стола. Д. 7. Л. 161.
- ²² Там же. Приказной стол. Д. 192. Л. 204–217; см. также: Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 130–132.
- ²³ РГАДА. Ф.1209. Оп. 1. Д. 13334. Л. 1209–1218 об.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 127. Л. 91.
- ²⁵ Там же. Л. 92.
- ²⁶ Там же. Разные города, оп. Крестоприводные книги 4. Д. 98. Л. 73–94.
- ²⁷ Там же. Столбцы Приказного стола. Д. 16. Л. 29–34, 169, 178, 220–238.
- ²⁸ Там же. Столбцы Белгородского стола. Д. 127. Л. 55–57.
- ²⁹ Там же. Д. 99. Л. 108–110.
- ³⁰ Там же. Д. 74. Л. 193–194.
- ³¹ Там же. Д. 286. Л. 160.
- ³² Там же. Д. 337. Л. 187.

Р.Н. Рахимов (Уфа)

ЭВОЛЮЦИЯ ВООРУЖЕНИЯ БАШКИРСКОЙ КОННИЦЫ В ЭПОХУ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН

В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ войне 1812 г. и Заграничном походе 1813–1814 гг. от башкиро-мещерякского войска приняло участие 20 башкирских и 2 мещерякских пятисотенных конных полков. Обмундирование было произвольным, лошади – верховая и запасная с тюком – были собственные. Вооружение и снаряжение башкирами приобреталось также за свой счет и состояло в основном из лука со стрелами; некоторые башкиры имели ружья, пики и сабли. Из-за лука и стрел, а также небольшого роста башкирской лошади, французы, впервые увидевшие башкир и испытывавшие на себе их стрелы под Тильзитом в 1807 г., назвали их «северными амурами».

Отсутствие огнестрельного оружия было следствием указа от 11 февраля 1736 г., по которому башкирам было запрещено иметь кузни и ружья. Указ появился в ходе подавления башкирского восстания. Запрет сохранялся вплоть до введения кантонной системы в 1798 г. Хотя потом башкирам разрешалось иметь огнестрельное оружие, однако на протяжении нескольких поколений был утрачен навык обращения с ним, и наоборот, искусство стрельбы из лука достигло своего совершенства.

В основе комплекса вооружения башкир лежал мощный боевой многослойный лук (адрина), который хранился в кожаном налучнике (һадак). Башкирский лук отличался от северно-русского и сибирского большей изогнутостью и меньшей длиной. Отличался он от охотничьего (йа), изготовленного из вяза или березы. Башкирские луки, как боевые, так и охотничьи, были небольшого размера, первый не более 1 м, а последний – 1,5 м. Боевые стрелы (ук)

имели железные наконечники разных форм (удлиненную четырехгранную, плоскую лавровидную, в том числе были наконечники, предназначенные для пробивания кольчуги) и незначительное оперение. Длина стрел была примерно 1,2 м, они хранились в колчанах (ук хадак) по 16–25 штук острием вниз. Колчаны изготавливались из дерева, кожи, бересты. Составной лук изготовлялся из нескольких пород древесины: лиственницы и березы, склеенных особым клеем и обернутых берестой или сухожилиями. Места изгиба усиливались роговыми пластинами. Известны и полностью роговые луки. Тетива (кереш) боевого лука была из сухожилий или из шелка. Изготовление стрел было достаточно сложной работой, поэтому после боя они собирались. Случай с башкирской стрелой, попавшей в нос французскому полковнику в бою под Тильзитом, и башкиром, желавшим ее получить целой, является показательным¹.

Интересно, что французы и немцы упорно считали, что башкирские стрелы отравлены. Р.Т. Вильсон, рассказывая о французе, взятом в плен в 1807 г., сообщает, что «офицер, раненый в бедро стрелой, вынул ее, но был всерьез встревожен ложным представлением о стрелах, якобы отравленных»². В.И. Гете, которому башкиры в 1814 г. подарили лук и стрелы, также считал, что последние могли быть отравлены³.

Стрельба из лука осуществлялась как с места, так и в движении. Башкиры равно хорошо вели обстрел противника как прямо, так и по монгольскому обычаю, перпендикулярно движению, развернувшись в седле. Для скорострельности стрелявший вынимал из колчана и держал наготове несколько стрел в левой руке вместе с луком, а несколько – во рту. Именно такой прием изображен на гравюре немецкого художника И.Г. Шадова.

Искусство стрельбы из лука у башкир наблюдал во время русско-шведской войны 1788–1790 гг. русский офицер А.Н. Оленин, в будущем Президент Академии художеств. Он же был переводчиком во время переговоров, и когда шведский король Густав III пожелал познакомиться с башкирами, то он представил ему своего «башкирского начальника» – Акчур-Пая (по нашим предположениям, это – Кучербай Аксулпанов, первый из башкир, получивших дворянство). Оленин описал его джигитовку: «Сей смелый всадник <...> перекинул стремяна через седло коня своего, чтобы сделать их довольно короткими, дабы можно было стоять прямо на ногах, на скаку, во всю конскую прыть, не садясь на седло. После

сего первого приема, [он] положил на землю старую шапку и пустил лошадь шагом до некоторого расстояния. Приехав на место, ему нужное, он вдруг поворачивает своего коня и бросив поводья на его шею, проскакивает во весь дух мимо шапки, на несколько десятков сажен. Тут поворотясь назад на своем седле, все скакав во весь дух, он простреливает шапку насквозь <...> Проскакивая опять подле шапки и возвращаясь к тому месту, откуда пустился скакать, он повторил тот же прием, и обе стрелы составили над шапкой род литеры Х. После сего действия и опять на всем скаку, [он] бросил вверх яйцо и разбил его при падении, пустив в него стрелу, быструю как молния. Наконец, он вынул из своего тула старую стрелу и бросил ее на землю, потом, подняв ее рукою не слезая с лошади и все скакавши во всю прыть, он бросил ее вверх и на лету расколол, подобно яйцу, пустивши в него новую, свежую стрелу»⁴. Военные игры башкир, связанные со стрельбой из лука, наблюдал А.Х. Бенкендорф в начале XIX в. на Оренбургской линии: «Самым красивым, но и самым опасным зрелищем было, когда один из них водружал на свою пику шапку и неся во весь дух, преследуемый всей группой, которая старалась сбить эту шапку стрелой или пистолетным выстрелом»⁵.

В первой половине XIX в. стрельба из лука – по-прежнему любимое занятие башкир. В.М. Черемшанский: «башкиры метко стреляют из ружей и луков, – последними действуют с такой силой, что пущенная стрела на недалежном расстоянии, как, например, саженьях на 15, пронзает насквозь не только человека, но даже лошадь»⁶. П. Размахнин: «Они все вообще искусно ездят верхом, большие мастера управлять пикой, стрелять из ружей и особенно из луков. Последнее искусство доведено у башкирцев до такой степени совершенства, что многие из них каждый раз безошибочно попадают стрелюю в самые малые предметы, например, в воробья, находящегося от них шагов во 100 и далее»; аноним: «40 шагов есть среднее расстояние для верного выстрела. В сражении башкирец передвигает колчан со спины на грудь, берет две стрелы в зубы, а другие две кладет на лук и пускает мгновенно одну за другую; при нападении крепко нагибается к лошади и с пронзительным криком, раскрытою грудью и засученными рукавами смело кидается на врага и, пустивши 4 стрелы, колет пикою»⁷.

Примерно также описывали башкир иностранные авторы. Ж.-Б. Бретон: «Башкирские воины вооружены длинной пикой,

украшенной флажком, по которому они определяют офицера, саблей, луком и колчаном с двадцатью стрелами. Луки у них небольшие, имеют типичную азиатскую форму и, как правило, грубо выделаны. На наконечниках стрел мало перьев. Однако стреляют они отменно, с удивительной меткостью»⁸. Французский офицер Комб в 1812 г. видел, что башкиры «были вооружены луками и стрелами»⁹. Французский офицер Рюпшель, попавший в плен в этом же году и наблюдавший башкирский полк на марше, сообщает, что «вооружены они были казачьими пиками, большими кожаными колчанами с луком и стрелами, также маленькой саблей»¹⁰. Немецкие жители, свидетели событий 1813 г. указывают на преобладание у башкир луков и стрел¹¹. Еще один офицер армии Наполеона М. Марбо, характеризуя прибывшее под Лейпциг подкрепление, отмечает, что башкиры на вооружении имели «только луки со стрелами»¹².

В вооружение башкирского воина входило древковое оружие – копьё или пика произвольной длины, с железным наконечником, иногда украшенная пучком конских волос. Судя по рисункам современников, отдельные башкиры имели трофейные калмыцкие бамбуковые пики, доставшиеся их предкам еще в XVIII в.

Часть башкир имела сабли, клинки которых украшались серебряной насечкой с растительным орнаментом, либо сурами из Кора. Судя по сохранившимся рисункам, это были сабли персидские, русские легкокавалерийские образца 1798 г. и гусарские XVIII в., немецкие, французские легкокавалерийские. Некоторые сабли были самодельные, это те самые, которые Рюпшель называл «маленькими». Об одной из них сообщает врач Великой армии Г. Роос: «Мы нашли стрелы и какое-то, по-видимому башкирское, оружие – не нож и не саблю, а соединение их обоих, длиной в локоть»¹³. С 1805 г. башкирским, мишарским и тептярским чиновникам, не имевшим действительных офицерских чинов, официально разрешалось носить серебряный темляк¹⁴. Конный воин имел плетеную из сыромятной кожи плетку, поскольку «они носили сапоги без шпор, а вместо них использовали нагайку»¹⁵.

Незначительное число воинов имело огнестрельное оружие – турку, наличие которой предполагало шомпол, пороховницу из рога (ку-тукса), кожаные мешочки для пуль (ядра халгыз) и для пыжей (улься), костяную или металлическую мерку для пороха (джау), пулелейку, запас свинца и пороха.

Защитное вооружение составляли шишаки, шлемы, проволочные кольчуги (тимир кульмяк), металлические панцири, наручи, кожаные доспехи¹⁶. Башкиры ценили оружие и снаряжение, оно украшалось серебром, бережно хранилось и передавалось по наследству. Такой комплект вооружения позволял башкирам достаточно успешно нести пограничную службу на Оренбургской линии и выходить победителями при боевых столкновениях со степняками. В XVIII в. вооруженные таким образом башкиры успешно использовались командованием в Северной и Семилетней войнах, Польском походе 1771–1773 гг., русско-шведской войне 1788–1790 гг.

К началу Отечественной войны 1812 г. в армии находились 1-й и 2-й башкирские полки, сформированные по указу Александра I еще в июне 1811 г. При их формировании в отношении оружия указывалось, что оно должно быть «употребляемое по их обыкновению»¹⁷. В этих полках некоторая часть воинов имела огнестрельное оружие. Сохранились документы, свидетельствующие об участии башкир этих полков в перестрелках во время арбергартных боев лета 1812 г. О том, что башкиры 1-го полка на вооружении имели короткие пики или копья, свидетельствует в своих мемуарах офицер ополчения, встретивший ночью башкирскую сотню под Москвой: «ближе подъехали, видим – башкирская рота, и их дротики, у седла приставленные, видны были нам с горы»¹⁸. Оба башкирских полка активно участвовали в боевых действиях под Гродно, Миром, Романовым, Кобрине, Иньково, Валутиной Горой, Бородино, Можайском, Несвиже, партизанских действиях под Москвой.

В ходе войны башкиры, понимая несообразность своего вооружения с оружием противника и разницу в высоте лошадей, стремились не вступать в прямой контакт с французской кавалерией, поскольку по свидетельству Марбо: «когда нашим кавалеристам это удавалось, они безжалостно и во множестве убивали башкиров, ведь наши пики и сабли имели громадное преимущество над их стрелами»¹⁹. Башкир Джантюря, вспоминая впоследствии, как на полусотню башкир напали 20 французских кирасиров, «тех, что носят стальные доски на груди», сообщил ужасающий результат этого боя – французам осталось 12 человек, они убили 25, а 25 оставшихся в живых, но раненых башкир взяли в плен²⁰. Сам Джантюря объяснил, как он смог убить в бою одного из кирасиров:

«мы вскочили на коней, пики приперли к седлам и с гиком бросились на злодеев. Лошадь подо мной была бойкая, я навывлет проколлот одного»²¹.

Интересно, что наблюдательный Марбо не только видел атаки башкир, но пытался проанализировать их на предмет рациональности и эффективности. Так, он полагал, что «башкиры, не умеющие подчиняться никаким командам, не знали, как строиться в ряды», поэтому отсюда делал вывод, что «башкирские всадники не могли стрелять горизонтально, не убивая и не рняя своих же товарищей, скакавших перед ними». Далее он описал стрельбу: «Башкиры пускали свои стрелы по дуге в воздух, и стрелы при этом описывали большую или меньшую кривую, в зависимости от того, насколько удаленным от себя лучники считали врага. Однако такой способ пускать стрелы во время боя не позволяет точно прицелиться, поэтому $\frac{9}{10}$ стрел падают впустую, а то небольшое количество, какое достигает противника, при подъеме уже теряет почти всю силу, что сообщает стреле тетива лука. Поэтому, когда стрела попадает в цель, она имеет лишь силу собственного веса, а он совсем не велик, из-за этого стрелы обычно наносили только очень легкие ранения»²². В данном случае он считал, что у башкир тактика влияла на способ применения оружия, когда на самом деле наоборот, характер вооружения диктовал тактические приемы. Способ стрельбы был вполне продуманным, поскольку в бою невозможно убить всех противников, главная задача – вывести их из строя, нанеся ранения, стрельбой из лука выполнялась вполне. Это и видно из описания, поскольку «некоторое количество стрел, выпускаемых в воздух, все же наносило кое-какие тяжелые ранения. Так, один из самых смелых моих унтер-офицеров по фамилии Меслен был пронзен стрелой насквозь. Стрела вошла в грудь и вышла из спины! Бесстрашный Меслен схватил эту стрелу двумя руками, сломал ее и сам вырвал оба обломка стрелы из своего тела. Однако это не могло его спасти: он скончался через несколько мгновений»²³. Здесь стоит отметить, что сам Марбо был тоже ранен стрелой в ногу.

При атаке противника башкиры окружали его, образуя кольцо, и обстреливали стрелами. Тактика была универсальной по отношению к кавалерии и пехоте, построенной в каре. В 1812 г. в бою под Миром ее применение описал очевидец-поляк: «В мгновение ока равнина у Симаково была затоплена легкими войсками. Мы выдвинули вперед 3-й уланский, чтобы освободить 7-й. Полковник

Радзиминьский с кипучим рвением воодушевил своих солдат, обрушился на казаков, которые отступили, но было опрометчивой дерзостью атаковать драгун русского резерва, что вынудило генерала Турно ввести в дело остаток своей бригады. Тогда толпы башкиров, калмыков и казаков обошли кругом эти неподвижные эскадроны, отрезая им обход и связывая их узлом»²⁴.

В Отечественной войне 1812 г. башкирская конница часто применялась вместе с казаками. Это предполагало использование ее не только в перестрелках и нахождение на аванпостах, но и в непосредственно боевых столкновениях с пехотой и кавалерией, с применением пик и сабель. Сформированные же летом 1812 г. 18 полков башкир на вооружении имели только лук и стрелы. В сложившейся ситуации командование пыталось исправить явный дисбаланс. Так, 12 ноября А.А. Аракчеев предписал вооружить 3–5-й башкирские полки, шедшие к П.Х. Витгенштейну, пиками, поскольку кроме луков и стрел они не имели никакого другого вооружения, изготовлением же пик должен был заняться псковский гражданский губернатор²⁵. По краткости времени, нет никакой уверенности, что это предписание было выполнено. Вероятно, слабость вооружения некоторых башкирских частей определила дальнейшее их использование в качестве конвоя для военнопленных и отправления полицейской службы в Белоруссии. Использовались они в качестве «летучей почты» в Польше, находились в блокадных корпусах вокруг неприятельских крепостей (Модлин, Данциг, Глогау, Гамбург).

Надо признать, что военное командование берегло легкую конницу, пусть и национальную, стараясь не использовать ее в прямых столкновениях с кавалерией противника. Например, известно, что башкиры 1-го полка участвовали в перестрелках за день перед Бородинским сражением и на следующий день за ним были в арьергардном бою под Можайском. Во время самого сражения они были направлены на место впадения Колочи в Москву-реку в качестве наблюдательного отряда, обозначая крайний правый фланг русской армии.

Несмотря на это, некоторые башкирские полки (1-й, 9-й) участвовали в боевых действиях в 1813–1814 гг., находясь в авангарде союзных армий. Такое положение не исключало для их воинов как боя на дистанции – перестрелки, так и ближнего, контактного боя с использованием холодного оружия – пик и сабель. Документы

подтверждают наличие у башкир в этих полках холодного оружия. Так, 21 марта 1813 г. в бою под Люнебургом отличившиеся башкиры 1-го полка «первые врезались в кавалерию и пехоту, прикрывающую батарею, избивая неприятеля пиками...»²⁶.

Наличие у башкир трофейного холодного оружия и пистолетов наряду с луком и стрелами показывают изобразительные источники. Акварели Г.Э. Опица, акватина Ф.И. Югеля «Первые казаки в Берлине 20 февраля 1813 года» и гравюра К.Л. Кубейля «Башкир. Унтер ден Линден. 11 марта 1813», воспроизводящие конников 1-го Башкирского полка. На акватине братьев Зур «Башкиры в разрушенных предместьях Гамбурга в 1814 году», являющейся своеобразным «групповым портретом» воинов 15-го Башкирского полка, мы обнаруживаем пики, пистолеты, различные сабли.

В ходе боевых действий башкиры вновь обратились к огнестрельному оружию, также заимствуя его в качестве трофея. Они освоили стрельбу из карабинов, но наиболее популярными у них, как и у казаков, были кавалерийские пистолеты, которые носились ими заткнутыми за кушак. О примерном соотношении количества карабинов и пистолетов, например в 1-м Башкирском полку, позволяют судить записи в журнале отдельного летучего отряда генерал-лейтенанта графа М.С. Воронцова о том, что «в прежде бывших сражениях и авангардах, перестрелках с неприятелем в продолжении настоящей компании разстрелял ружейных 4015, пистолетных 2015 патронов <...> разстрелянные в бывших с неприятелем перестрелках 25 и 26 числа сентября при г. Лейпциге ружейных 2000 и пистолетных 1270 боевых патронов»²⁷. Можно считать, что соотношение карабинов и пистолетов примерно было 2:1.

Военное командование никаких специальных мер для вооружения национальной конницы холодным или огнестрельным оружием в течение 1813–1814 гг. не предпринимало. Начиная Отечественную войну в 1812 г., имея в качестве основы своего вооружения архаичные лук и стрелы, к 1814 г. башкиры самостоятельно дополнили его современным – пиками, саблями, ружьями, пистолетами.

Верность «дедовскому», старому, но проверенному оружию – луку и стрелам башкиры сохранили, несмотря на тесное знакомство с трофейными образцами европейского оружия. Русские офицеры участники Заграничного похода, в 1814 г. находясь в Париже, наблюдали башкир по-прежнему с луками и колчанами стрел: «Проехавший башкирец, в красном кафтане и в желтой ушастой лисьей

шапке, с колчаном и стрелами за спиной, среди этого народа наде- лал много смеха»²⁸. И.И. Лажечников: «Там, где парижский щеголь подавал своей красавице пучок новорожденных цветов и трепетал от восхищения, читая ответ в ласковых ее взорах, стоит у дымного костра башкирец, в огромной, засаленной шапке с длинными уша- ми, и на конце стрелы жарит свой бифштекс»²⁹.

Надежность и безотказность традиционного оружия, его про- стога и дешевизна играли существенную роль в представлениях башкир о целесообразности его сохранения. В их системе ценно- стей боевой лук и стрелы занимали почетное место. Это подтверж- дается рядом известных фактов. В 1814 г., проезжая через Веймар, башкиры познакомились с великим немецким мыслителем и по- этом В. Гете. Он принял их у себя дома, содействовал их просьбе провести мусульманское молебствие в помещении местной шко- лы, а затем пригласил их вечером в театр. В знак благодарности один из знатных башкир (дуван – князь) подарил ему свое оружие – лук и стрелы. В этом случае можно вспомнить и то, что в 1807 г. во время представления Наполеону Александром I казаков, калмы- ков и башкир, атаман М.И. Платов подарил французскому полко- водцу свой охотничий лук.

Еще один факт, скорее всего, артефакт, подтверждающий высо- кий ранг лучного оружия у башкир. Это стрела в шаре шпиля кир- хи в г. Шварц (Германия). По окончании Заграничного похода, про- ходя территорию имперского княжества Шварцбург-Рудольштадт (Тюрингия), 14 апреля 1814 г. в г. Шварц, во дворе церкви Св. Ла- уренция башкиры одного из полков (предположительно 9-го) по- казывали местным жителям искусство стрельбы из лука. Принц Карл Понтер, сын правящего князя Фридриха Понтера, усомнился в боевых качествах лука и стрел. Возник спор, и по его условию, башкирский воин, спешившись, пустил стрелу в шар в шпиле кир- хи, находясь на противоположном углу городской площади. Стре- ла, пронзив шар, застряла в нем, спор был выигран. Жители города сохранили стрелу как память о башкирах, впоследствии передали в музей, заменив железной копией на шпиле, существующей до сих пор.

Таким образом, вооружение башкирской конницы, принявшей массовое участие в наполеоновских войнах в 1812–1814 гг., в свя- зи с разнообразием форм ее боевого применения эволюциониро- вало в сторону стандартного набора оружия европейской легкой

кавалерии: пика, сабля, карабин (пистолет). Этот универсальный набор вооружения позволял использовать легкую кавалерию как против пехоты, так и против легкой кавалерии противника в атаках холодным оружием, перестрелках, сторожевом охранении, конвоях, крупных сражениях и партизанских рейдах. Башкиры были здесь не оригинальны. Такую эволюцию вооружения в это время проделывала вся русская иррегулярная кавалерия: казаки, калмыки, крымские татары, мишари. Осуществлялась она в первую очередь за счет трофейного огнестрельного (пистолеты) и холодного (сабли) оружия, поэтому для набора оружия характерно разнообразие калибров, длины клинкового оружия, размеров и форм пик. Однако эволюция вооружения башкирской конницы в 1812–1814 гг. имела свою особенность. Активно заимствуя современное европейское оружие, башкиры остались в большей степени традиционалистами, сохраняя в качестве основы вооружения средневековый комплекс, предназначенный для лучного боя.

¹ Давыдов Д.В. Тильзит в 1807 году // Сочинения в трех томах. СПб., 1893. Т. 1. С. 294–296.

² Цит. по: «Любезные вы мои...» Уфа, 1992. С. 228. Перевод А.З. Асфандиярова.

³ Эккерман И.П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М., 1986. С. 490.

⁴ Оленин А.Н. Археологические труды. СПб., 1882. Т. II. С. 85.

⁵ Бенкендорф А.Х. Мое путешествие на край ночи и к границам Китая // Наше наследие. 2004. № 71. С. 63.

⁶ Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 138, 139.

⁷ Р–НП. Сведения о башкирцах // Московский телеграф. 1832. № 21. С. 274–275; Замечания о башкирцах // Журнал Министерства внутренних дел. 1834. № 7–8. С. 310. Цит. по: «Любезные вы мои...». С. 226–228.

⁸ Бретон Ж.-Б. Россия, или нравы, обычаи и костюмы жителей всех провинций этой империи. Т. I–VI. Париж, 1813 // Воины Российской империи. Комплект открыток. М., 1992. Т. III. С. 120.

⁹ Французы в России, 1812 г. По воспоминаниям современников-иностранцев. М., 1912. Ч. I. С. 144.

¹⁰ Ruppel E. Kriegsgefangen im Herzen Russland. Berlin, 1912. S. 138–139. Перевод предоставлен С.Н. Хомченко.

¹¹ Bauke D. Mittheilungen über die Stadt und den Landraethlichen Kreis Gardelegen. Stendal, 1832; Daneil J. F. Die ersten Kosaken in Salzwedel // Die Altmark. Ein Lesebuch. Rostock, 1988. S. 119–120; Hussell. Die ersten russen in Leipzig //

Kampf um Freiheit. Dokumente zur Zeit der nationalen Erhebung. 1789–1815 / Herausgegeben von F. Donath und W. Markov. Berlin, 1954. S. 325.

¹² Марбо М. Мемуары генерала барона де Марбо. М., 2005. С. 660.

¹³ Роос Г. С Наполеоном в Россию (Записки врача Великой армии). М., 2003. С. 39.

¹⁴ Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИА РБ). Ф. И-2. Оп. 1. Д. 167. Л. 31.

¹⁵ Rüppel E. Ibid. S. 139.

¹⁶ Казанцев И.М. Описание башкирцев. СПб., 1866. С. 20.

¹⁷ ПСЗ-1. Т. XXXI. № 24583.

¹⁸ Благоевещенский И.М. Из воспоминаний. 1859 г. // 1812 год: Воспоминания воинов русской армии: Из собрания Отдела письменных источников Государственного Исторического музея. М., 1991. С. 419.

¹⁹ Марбо М. Указ. соч. С. 661.

²⁰ Зефирова В.В. Рассказы башкирца Джантюри // Башкирия в русской литературе. Уфа, 1989. Т. 1. С. 410. Жена Джантюри в начале боя усакала за подкреплением, и когда башкир вели в плен, на французов напала сотня донских казаков, которые в свою очередь взяли в плен французов и освободили башкир. С казаками была его жена, сообщившая им о нападении.

²¹ Там же.

²² Марбо М. Указ. соч. С. 674.

²³ Там же.

²⁴ Турно К. Воспоминания польского офицера // Воин. 2002. № 10. С. 47.

²⁵ Отечественная война 1812 г. Сборник документов и материалов. Л.; М., 1941. С. 37–38.

²⁶ РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208В. Св. 47. Д. 4. Л. 103–104.

²⁷ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2025. Л. 317 об., 353 об.

²⁸ Радожицкий И.Т. Походные записки артиллериста, с 1812 по 1816 год. М., 1835. Ч. 3. 1814-й год. Война во Франции. С. 153.

²⁹ Лажечников И.И. Походные записки русского офицера. СПб., 1820. С. 245.

Е.А. Родионов (Гатчина)

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ОРУЖЕЙНИКИ ПЕРМЯКОВЫ И ГАТЧИНСКИЙ АРСЕНАЛ

О МАСТЕРАХ-ОРУЖЕЙНИКАХ, простых или высококлассных, особенно если они жили достаточно давно, обычно известно крайне мало – часто только имя, приблизительные даты жизни и место работы. Они остаются в тени собственных произведений, даже если они работали для монарших дворов. В данном сообщении речь пойдет о представителях петербургской оружейной династии XVIII в., отце и сыне Пермяковых. Их биографии были восстановлены по документам Обер-егермейстерской канцелярии, находящимся в Российском государственном историческом архиве.

О дате рождения и ранних годах жизни основателя этой маленькой оружейной династии – Ивана Пермяка (в некоторых документах того времени называется Пермяковым) – на сегодня ничего не известно. Самое раннее упоминание о нем мы находим в штатах придворной охоты за 1740 и 1741 гг., где он числился рисовальным подмастерьем и замочным отдельщиком с жалованьем в 60 рублей и довольствием 6 четвертей муки в год (для сравнения, оклад ружейного подмастерья тем же штатом определялся в 150 рублей в год) ¹. Мастерству он обучался за собственный счет ². Уже тогда Иван Пермяк считался одним из лучших и в 1740 г. был оставлен при ведомстве охоты (менее способных мастеров предписывалось отправить на тульские оружейные заводы) ³. В 1755 г. он получает звание рисовального мастера и замочного отдельщика ⁴, а в июле 1757 г. – ружейного мастера. Вместе с другим знаменитым мастером, Петром Лебедевым, ему было поручено содержать в исправном виде ружья и пистолеты, которые предназначались императрице Елизавете Петровне для стрельбы по мишеням в Петергофе ⁵.

Оружие Ивана Пермяка ценилось высоко – в 1768 г. гарнитур его работы из ружья, штуцера, «плоского ружья» (очевидно, ружье с овальным каналом ствола) и пары пистолетов, помещенный ранее в императорскую коллекцию оружия – Рюст-Камеру, – был поднесен барону Димсдейлу, сделавшему Екатерине II и ее сыну Павлу Петровичу прививку от оспы ⁶.

В феврале 1773 г. по ходатайству непосредственных начальников Пермяка, егермейстера фон Польмана и обер-егермейстера Нарышкина, особо отмечавших, что «он по двум мастерствам, то есть по ружейному и рисовальному должности порядочно исправляет», ему довольно заметно повысили зарплату до 100 рублей в год, пока не выбудет из штата ⁷ (по должности ему полагался годовой оклад в 200 рублей и доплаты 25 рублей на мундир и 6 рублей на дрова) ⁸. 16 января 1775 г. Ивана Пермяка именным указом Екатерины II перевели из оружейных мастеров в смотрители Рюст-Камеры и пожаловали чином титулярного советника. Однако это почетное повышение долгое время приносило мастеру лишь моральное удовлетворение – из-за бюрократических проволочек жалование по новому месту службы ему не платили. Наконец, 10 мая 1777 г. императорским указом было предписано возместить Пермяку недоданное и впредь выплачивать все, что положено ⁹. О его дальнейшей жизни сведений не найдено, но, учитывая, что в 1780 г. смотрителем Рюст-Камеры был назначен другой петербургский мастер-оружейник – Иоганн Иоахим Греке ¹⁰ – можно сделать осторожное предположение, что к тому времени Иван Пермяк скончался.

Сын его, Гаврила, пошел по стопам отца и достиг не меньших успехов. Как он сам сообщает в одном из прошений на имя Павла I ¹¹, ремеслу он научился от отца, чье место оружейного мастера при обер-егермейстерской канцелярии и занял в 1775 г., когда Ивана Пермяка назначили смотрителем Рюст-Камеры. Его оружие также ценилось Екатериной II и нередко забиралось в Рюст-Камеру или дарилось высокопоставленным персонам, в том числе и сыну Павлу. К работе Гаврила Пермяков подходил творчески, особенно это касалось конструкции оружия – в отечественных музеях сохранились два комплекта изготовленных им казнозарядных ружей и пистолетов, система одного из которых, хранящегося в Гатчинском дворце-музее ¹², по-видимому, полностью оригинальна. По своему оформлению оружие Гаврилы Пермякова тоже вполне

соответствовало царскому уровню – в его работе активно использовались техники оброна, таушировки золотом, воронения, многие детали делались из золоченого серебра.

Однако время шло, силы мастера убывали, а в 1796 г., с восшествием на престол Павла I штат Обер-егермейстерского корпуса был сокращен, и Пермякову надо было устраивать свое будущее. 19 ноября 1797 г. он пишет на имя императора вышеупомянутое прошение, в котором кратко рассказывает о себе, обрисовывая трудность создавшегося положения («ныне в рассуждении слабости моей и двадцатилетней службы от коей я уже более своего мастерства продолжать не в силах, семейству моему, престарелой матери, жене, малолетним детям дать и нужное пропитание едва могу»), и просит назначить пенсию, обещая при этом продолжать работу.

По счастью, прошение нашло отклик, и уже 28 ноября того же года было объявлено императорское повеление назначить Гаврилу Пермякова, как когда-то и его отца, смотрителем императорской коллекции оружия, только, на этот раз, в Гатчинском дворце, с сохранением получаемого раньше при Обер-егермейстерском корпусе жалованья¹³. То, что Пермякова назначили именно в Гатчину, возможно, объясняется тем, что как раз в это время (1796–1798) местный дворец перестраивался под руководством любимого архитектора Павла I – Винченцо Бренны. Изменения затронули и находившийся там арсенал – для него приспособили новое помещение, называемое с тех пор Арсенальным залом. Оружие было развешано по стенам в виде различных арматур, превратившись в элемент оформления интерьера и подобие музейного собрания. В связи с этим вполне естественным выглядит произошедшее в 1797 г. сокращение должностей трех ружейных учеников, числившихся при Гатчинском дворце¹⁴, и прием смотрителем стареющего Пермякова.

Как долго продолжалась служба мастера на новом месте, когда и где завершился его жизненный путь, остается неизвестным. Однако недавно обнаруженный документ открывает некоторые подробности жизни оружейника на рубеже XVIII–XIX вв. В Российском государственном историческом архиве сохранилось дело, из которого следует, что в конце 90-х гг. XVIII в. Гаврила Пермяков взял в долг у некоего титулярного советника Никиты Карпова 90 рублей и не вернул вовремя, в результате чего кредитором был подан иск, и в июле 1799 г. суд принял решение о взыскании денег

с причитающимися процентами и рекамбио. Вернуть деньги сразу оружейник не мог, и предложил отчислять их по частям – за каждую годовую треть (четыре месяца) по третьей части жалованья. Так и было сделано – казначей Гатчинского городского правления Креницын до июня 1801 г. удерживал часть зарплаты Пермякова (чаще всего называется сумма в 20 рублей, из чего годовое жалованье Пермякова должно было составлять 180 рублей или немногим больше) и переводил кредитору, пока долг с процентами не был возмещен полностью¹⁵. Таким образом, один из лучших оружейников России конца XVIII в. с 1796 и, по крайней мере, до 1801 г. проживал в Гатчине, служа на должности смотрителя дворцового арсенала и получая казенное жалованье. Хочется надеяться, что дальнейшие исследования помогут узнать больше о выдающихся оружейных мастерах.

Приложение

Краткое описание оружия Ивана Пермяка и Гаврилы Пермякова в собрании ГМЗ «Гатчина»

1) Винтовка кремневая, инв. № ГДМ-413-IX (рис. 1).

Россия, Санкт-Петербург, мастер Иван Пермяк, 1750–1770-е гг. Общая длина – 134 см, длина ствола – 93 см, калибр – 19 мм.

Ствол железный, кованый, вороненый, в казенной части восьмигранный, с плоской гранью по верху по всей длине. Канал ствола имеет 32 неглубоких

**Рис. 1. Винтовка кремневая,
инв. № ГДМ-413-IX.
Мастер Иван Пермяк, 1750–1770-е гг.**

нареза. Мушка серебряная, затравочное отверстие отделано золотом. В казенной части – выполненные в технике насечки золотом военные атрибуты в окружении стилизованного растительного и рокайльного орнамента, по верхней грани – надпись «Иванъ Пермякъ : Санктпетербургъ».

Замок кремневый, ударный, французского типа, с предохранителем, оформленным в виде птицы. На замочной доске – гравированное изображение охотничьих трофеев и надпись «Ивань: Пермякъ: С:П:бургъ».

Ложа орехового дерева, цевье во всю длину ствола, приклад со щечкой.

Прибор железный, спусковая скоба и замочная личинка украшены гравированным орнаментом растительного и рокайльного характера, на затыльнике приклада – гравированное изображение музыкальных инструментов.

Поступила при графе Г.Г. Орлове до 1783 г.

2) Ружье кремневое, инв. № ГДМ-873-IX (рис. 2, 3).

Россия, Санкт-Петербург (?), мастер Иван Пермяк, 50–70-е гг. XVIII в.

Общая длина – 166 см, длина ствола – 125,4 см, калибр – 13 мм.

Ствол железный, кованный, восьмигранный по всей длине, канал гладкий. Мушка латунная. По верхней грани в казенной части – гравированная надпись «LAZARO LAZARINO». Затравочное отверстие отделано серебром.

Замок кремневый, ударный, французского типа, на замочной доске – гравированная надпись «Iwan Permack».

Ложа орехового дерева, цевье во всю длину ствола, шомпол деревянный.

Рис. 2. Ружье кремневое, инв. № ГДМ-873-IX. Мастер Иван Пермяк, 1750–1770-е гг.

Рис. 3. Ствол кремневого ружья, инв. № ГДМ-873-IX

Прибор железный, все детали прибора, кроме шомпольных трубок, украшены гравированным орнаментом рокайльного характера.

Поступило при Великом князе Павле Петровиче до 1793 г.

3) Ружье кремневое, инв. № ГДМ-967-IX (рис. 4).

Россия, Санкт-Петербург, мастер Иван Пермяк, ствол – Испания, 1750–1770-е гг.

Общая длина – 138,5 см, длина ствола – 100 см, калибр – 17 мм.

**Рис. 4. Ружье кремневое,
инв. № ГДМ-967-IX.
Мастер Иван Пермяк, 1750–1770-е гг.**

Ствол железный, кованый, вороненый, в дульной части круглый, в казенной восьмигранный. Канал гладкий, мушка серебряная. Хвостовик казенника украшен рельефным растительным орнаментом. На верхней грани в казенной части – золоченые клейма – одно с изображением собаки, три в форме башенок и

одно в виде креста, а также золоченая надпись «Иванъ Пермякъ С П Бургъ». Вокруг клейма в виде креста семь золоченых звезд, затравочное отверстие отделано золотом.

Замок кремневый, ударный, типа снэп-ханс с отдельной крышкой затравочной полки. Поверхность огнива рифленая, ножка огнива украшена ажурным растительным орнаментом. Курок украшен резным изображением морского зверя. На замочной доске гравированная надпись в две строки «Иванъ Пермякъ С.П. Бургъ».

Ложа орехового дерева, приклад «мадридского» типа, цевье во всю длину ствола.

Прибор железный. Затыльник приклада украшен гравированным рокайлем, замочные личинки ажурные, выполнены в виде цветов, ложевые кольца ажурные.

Поступило при графе Г.Г. Орлове до 1783 г.

4) Ружье кремневое, инв. № ГДМ-68-IX (рис. 5).

Россия, Санкт-Петербург, мастер Гаврила Пермяков, 1775–1793 гг.,

ствол – Испания, Мадрид, мастер Диего Вентура, сер. XVIII в.

Общая длина – 119 см, длина ствола – 78 см, калибр – 18 мм.

Ствол железный, кованый, вороненый, в дульной части круглый, в казенной восьмигранный. Канал гладкий, мушка серебряная. В казенной части – золоченые клейма: одно с изображением собаки, одно с надписью в три строки «DIEO VEN TVRA» под короной, девять в виде стилизованных лилий и одно в виде креста; по верхней грани – золоченая надпись «Гаврила Пермяковъ С П Бургъ». У казенного среза таушированный золотом стилизованный растительный орнамент.

Рис. 5. Ружье кремневое, инв. № ГДМ-68-IX. Мастер Гаврила Пермяков, 1775–1793 гг.

Замок кремневый, ударный, мадридского типа. Поверхности замочной доски и курка плоские, украшены изображением собаки и птиц, выполненным в технике оброн. Затравочная полка вызолочена.

Ложа орехового дерева, каталонского типа, цевье во всю длину ствола, приклад со щекой. Прибор серебряный.

Поступило при Великом князе Павле Петровиче до 1793 г.

5–8) Гарнитур из казнозарядных ружья, штуцера и пистолетов мастера Гаврилы Пермякова:

5) Штуцер кремневый, казнозарядный, инв. № ГДМ-835-IX (рис. 6).

Россия, Санкт-Петербург, мастер Гаврила Пермяков, 80-е гг. XVIII в.

Общая длина – 105 см, длина ствола – 65,3 см, калибр – 14 мм.

Ствол железный, кованый, восьмигранный. Канал имеет семь полукруглых нарезков. Подпружиненная крышка с рукояткой закрывает казенную часть ствола. При ее подъеме открывается канал, ведущий в казенную часть ствола, и одновременно опускается запирающий ее блок. На рукоятке крышки – прорезь прицела, мушка серебряная. Крышка казенной части и ствол в казенной части и у дульного среза украшены выполненными в технике насечки

золотом цветочным орнаментом, изображением птицы, охотничьих атрибутов и трельяжной сетки.

Замок кремневый, ударный, французского типа. На замочной доске в щитке – золоченая надпись в две строки «ГАВРИЛА ПЕРМЯКОВЪ».

Рис. 6. Штуцер кремневый, казнозарядный, инв. № ГДМ-835-IX. Мастер Гаврила Пермяков, 1780-е гг.

Ложа орехового дерева, цевье во всю длину ствола, на цевье три плоских пружины, фиксирующих ложевые кольца.

Прибор серебряный, частично золоченый. Детали прибора украшены чеканными изображениями охотничьих сюжетов в окружении элементов рокайльного орнамента.

Поступил при Великом князе Павле Петровиче до 1793 г.

6) Ружье кремневое, казнозарядное, инв. № г-30401 (ВХ-1269)¹⁶.

Россия, Санкт-Петербург, мастер Гаврила Пермяков, 1780-е гг.

Общая длина – 120,5 см, длина ствола – 79 см, калибр – 15,5 см.

Ствол железный, кованый. Канал гладкий, мушка серебряная. Устройство казенной части ствола и его украшение аналогично таковому у штуцера инв. № ГДМ-835-IX.

Замок кремневый, ударный, французского типа, по оформлению аналогичен замку штуцера инв. № ГДМ-835-IX.

Ложа орехового дерева, цевье во всю длину ствола.

Прибор серебряный, частично золоченый, оформленный аналогично прибору штуцера инв. № ГДМ-835-IX.

Поступило при Великом князе Павле Петровиче до 1793 г.

7, 8) Пара кремневых казнозарядных пистолетов, инв. № ГДМ-1034-IX, г-30545 (ВХ-1271)¹⁷ (рис. 7).

Россия, Санкт-Петербург, мастер Гаврила Пермяков, 1780-е гг.

Общая длина – 43,3 см, длина ствола – 26,6 см, калибр – 14,5 мм.

Ствол железный, кованый, круглый, мушка серебряная, канал гладкий. Устройство казенной части аналогично таковому у штуцера инв. № ГДМ-835-IX. Крышка казенной части и ствол украше-

Рис. 7. Кремневый казнозарядный пистолет, инв. № ГДМ-1034-IX. Мастер Гаврила Пермяков, 1780-е гг.

ны выполнены в технике насечки золотом цветочным орнаментом, изображением птицы, охотничьих атрибутов и трельяжной сетки. В казенной части слева – клеймо «Р».

Замок кремневый, ударный, французского типа по

оформлению аналогичен таковому на штуцере инв. № ГДМ-835-IX (у пистолета инв. № ГДМ-1034-IX надпись на замочной доске «ГАВИЛАПЕ РМЯВКОВЪ»).

Ложа орехового дерева, цевье во всю длину ствола.

Прибор серебряный, местами золоченый. На поддоне рукоятки и спусковой скобе – чеканные изображения арматур и элементов рокайльного орнамента, на замочной личинке среди элементов рокайльного орнамента – чеканные изображения двух собак.

Поступили при Великом князе Павле Петровиче до 1793 г.

¹ РГИА. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.

² Левыкин А.К. Императорская Рюст-камера / Московский Кремль. Императорская Рюст-камера. СПб., 2004. С. 12.

³ РГИА. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1. Л. 1 об.

⁴ Левыкин А.К. Указ. соч. С. 12.

⁵ РГИА. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1. Л. 38 об.

⁶ Там же. Л. 15.

⁷ Там же. Д. 3. Л. 32 об.; Оп. 3. Д. 3038. Л. 27 об.

⁸ Там же. Оп. 3. Д. 3038. Л. 1–8.

⁹ Там же. Оп. 2. Д. 3. Л. 41.

¹⁰ Там же. Л. 44 об.

¹¹ Там же. Ф. 491. Оп. 1. Д. 31. Л. 58.

¹² Инв. № ГДМ-835-IX, ГДМ-1034-IX, ВХ-1271, ВХ-1269.

¹³ РГИА. Ф. 491. Оп. 1. Д. 31. Л. 57.

¹⁴ Столетие города Гатчины. 1796–1896. Гатчина, 1896. Т. 1. С. 76.

¹⁵ РГИА. Ф. 491. Оп. 1. Д. 412.

¹⁶ На момент публикации штуцер находился в ГМЗ «Гатчина» на временном хранении от ГМЗ «Павловск». ВХ-1269 – номер временного хранения, г-30401 – инв. номер Гатчинского дворца-музея по описи 1938–1939 гг.

¹⁷ На момент публикации один из пистолетов находился в ГМЗ «Гатчина» на временном хранении от ГМЗ «Павловск». ВХ-1271 – номер временного хранения, г-30545 – инв. номер Гатчинского дворца-музея по описи 1938–1939 гг.

Л.П. Рудакова (Санкт-Петербург)

**СТОЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ 1812 ГОДА
В ФОТОГРАФИЯХ ИЗ АРХИВА ВОЕННО-
ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ АРТИЛЛЕРИИ,
ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК И ВОЙСК СВЯЗИ**

РОССИЯ на всем протяжении своего исторического существования вела оборонительные войны. В Европе практически нет народа, который не посягал бы на ее достояние. Но в истории нашего государства Отечественная война 1812 г. имеет особое значение. Она вызвала такой подъем готовности всех сословий отстоять свободу и независимость родины, показала такие примеры массового героизма в ратном деле и решимости жертвовать жизнью и имуществом, которых не наблюдалось ранее. Громадное напряжение всех материальных и духовных сил привело Россию к стенам Парижа и к низложению величайшего политического и военного гения – Наполеона.

Прошло 200 лет. За этот период изданы тысячи документов, написано множество научных трудов, но не ослабевает интерес к событиям и участникам славной эпохи 1812 г., чьи подвиги останутся ярким примером служения Отечеству. Приближается двухсотлетие победы русских войск в Отечественной войне 1812 г., и поучительно вспомнить, как торжественно отмечали юбилей в 1912 г.

В 1911 г. при Военном министерстве была создана Межведомственная комиссия для разработки положения о порядке проведения предстоящего юбилея под управлением генерала от инфантерии В.Г. Глазова¹. Рекомендации, выработанные комиссией, были одобрены императором Николаем II в конце года.

Юбилею придавали характер общенародного торжества, а время проведения основных мероприятий было решено отнести на

26 августа – столетие Бородинского сражения. Празднование предполагалось организовать в виде торжественных богослужений во всех городах и населенных пунктах Российской империи.

Одним из важнейших моментов в проведении юбилея была организация ряда мероприятий, способствовавших ознакомлению широкого круга российского общества с событиями 1812 г. через проповеди священнослужителей, доклады преподавателей учебных заведений и беседы офицеров с нижними чинами. Особое внимание уделялось изданию книг и брошюр, прославляющих подвиги героев Отечественной войны, доступных для народного чтения.

В программу, разработанную Междудементальной комиссией, представители административной власти и общественных организаций отдельных губерний вносили некоторые изменения, характерные для их края ².

Например, по распоряжению генерал-губернатора Г.А. Скалона, общая программа торжеств в Царстве Польском была несколько видоизменена ввиду исторически сложившегося особого отношения польского населения к событиям Отечественной войны 1812 г. ³

Вследствие циркулярного отношения департамента Общих дел министерства Внутренних дел № 42 от 7 августа 1912 г. ⁴ отчеты с описанием юбилеев, проведенных в губерниях Российской империи, препровождались в Совет ИРВИО. Эти описания хранятся в архиве ВИМАИВиВС, в фонде ИРВИО ⁵ и позволяют не только окунуться в атмосферу XIX столетия, но и увидеть моменты происходивших событий, запечатленных на фото. Фотографии отображают крестные ходы с участием священнослужителей, представителей городских властей и военных чинов, учащихся гимназий и реальных училищ, жителей различных городов и населенных пунктов, а также православные храмы, многие из которых не сохранились до наших дней. Трагически сложились судьбы многих участников юбилейных торжеств. Священнослужители, проводившие праздничные богослужения, в большинстве своем были репрессированы новой властью в 20-е – 30-е гг. XX в. Представители офицерского корпуса во многом разделили их судьбу: погибли на фронтах Первой мировой и Гражданской войн, были арестованы и казнены в 30-е гг. прошлого века или, оказавшись не у дел, покинули родину навсегда. На некоторых фотоснимках имеется отпечаток фамилий мастеров, с указанием фотоателье.

Благовещенск Амурской области (рис. 1)

26 августа в кафедральном соборе Благовещенска в присутствии представителей административной власти, воинских чинов и членов различных общественных учреждений была отслужена божественная литургия. Торжественное богослужение состоялось во всех городских храмах⁶.

По завершении богослужения на Соборной площади города был проведен парад войск местного гарнизона, в котором участвовали и «потешные» роты городских гимназий и училищ⁷.

Рис. 1. Парад войск в Благовещенске 26 августа 1912 г. Фото И. Белова. Ф. 11. Оп. 1. Д. 340. Л. 9/1

В день столетия Бородинской битвы в городе состоялась торжественная закладка каменных зданий для трех школ. Здесь же прошел молебен, совершенный епископом, впоследствии митрополитом Приамурским и Благовещенским Евгением (Зерновым)⁸. К началу учебного года на средства городской управы было открыто народное училище, получившее наименование «Начальное училище в память Отечественной войны 1812 г.»⁹.

Вольмар Лифляндской губернии (рис. 2)

К торжественному дню у здания Городской думы, убранного гир-

Рис. 2. Торжества на торговой площади г. Вольмар 26 августа 1912 г. Д. 378. Л. 9

ляндами и флагами, был устроен помост, украшенный зеленью и цветами с портретами императоров Александра I и Николая II.

Утром 26 августа во всех храмах города были отслужены литургии. В час дня на рыночной площади перед зданием Городской

думы состоялись основные торжества с участием духовенства, представителей административной и военной властей, учащихся мужских и женских учебных заведений и местных жителей ¹⁰.

Мероприятие началось с общего благодарственного молебна по православному и католическому обрядам. По их завершении городской голова Б.Я. Муше провозгласил здравицу императору Николаю II и все присутствующие под сопровождение духового оркестра пропели государственный гимн «Боже, царя храни». С особым интересом была прослушана речь заместителя городского головы г. Крейшмана о главных событиях войны 1812 г. ¹¹ По предложению г. Анинга была отправлена телеграмма императору Николаю II о верноподданнических чувствах и беспредельной любви всех жителей г. Вольмар. В заключение торжеств был исполнен народный гимн ¹².

Екатеринослав (рис. 3)

26 августа во всех храмах города состоялись богослужения. Особо торжественно была проведена божественная литургия в кафедральном соборе, совершенная епископом Екатеринославским и Мариупольским Агапитом (Антонием Вишневым) при участии мно-

Рис. 3. Соборная площадь в Екатеринославе перед началом парада войск 26 августа 1912 г. Д. 406. Л. 41

гочисленного духовенства. На ней присутствовали: губернатор В.В. Акунин, вице-губернатор Н.А. Татищев, военные чины и представители различных городских учреждений и организаций ¹³.

На празднично украшенной Соборной площади в присутствии представителей различных общественных организаций, войск, учащейся молодежи и жителей города состоялся благодарственный коленопреклоненный молебен с провозглашением многолетия императору Николаю II и всему Царствующему Дому.

По окончании богослужения на площади был произведен салют, затем все прихожане прошествовали к памятнику императора

Александра I, установленному к юбилейным дням в центре Соборной площади. В шествии принимали участие войска, учащиеся гимназий и реальных училищ, возлагавшие к подножию монумента венки и букеты живых цветов. Завершились торжества парадом войск местного гарнизона¹⁴.

Ижевск Вятской губернии (рис. 4)

26 августа в Александро-Невском соборе была отслужена божественная литургия. По окончании службы крестный ход, сопровождаемый хором мощно звучащих голосов певчих и учеников ижевских учебных заведений¹⁵, проследовал на Михайловскую площадь¹⁶.

Председатель педагогического совета женской гимназии Д. Голов, присутствовавший на благодарственном молебне, писал: «Как только величественный крестный ход приблизился к месту торжества, военный духовой оркестр заиграл “Коль славен”. На высокой Михайловской площади, открывающей горизонты на десятки верст, началась проповедь к народу священника Люперского»¹⁷.

Рис. 4. Торжества в Ижевске на Михайловской площади 26 августа 1912 г. Д. 387. Л. 37

По окончании богослужения состоялся парад войск 194-го пехотного Триюцко-Сергиевского полка, в котором прошли и учащиеся ижевских школ.

Константиноград Полтавской губернии (рис. 5)

26 августа во всех городских храмах были отслужены божественные литургии. По окончании богослужений состоялся крестный ход на Соборную площадь, возглавляемый протоиереем о. Андреем Щитинским, предводителем дворянства А.П. Сулима, председателем земской управы М.И. Коваленко, городским головой Бельым, депутатом III Государственной Думы от Полтавской губернии Е.М. Шейдеманом, генералом от инфантерии И.П. Надаровым и другими лицами. Через триумфальную арку крестный ход вышел к устроенной на площади эстраде, украшенной гирляндами

и флагами, где были установлены бюсты императора Александра I и фельдмаршала М.И. Кутузова. На некотором расстоянии от эстрады располагались войска, воспитанники учебных заведений, музыканты и жители города.

Перед всеобщим благодарственным молебном священник о. Николай Ефремов в своей проповеди к собравшимся изложил значе-

Рис. 5. Шествие с бюстом императора Александра I по улицам Константинограда городского головы Т.В. Белого и члена управы Я.Д. Курдюмова 26 августа 1912 г. Д. 465. Л. 5

ние событий 1812 г. По окончании службы взвившаяся вверх сигнальная ракета возвестила о начале салюта, производившегося из старинных чугунных пушек, современниц Запорожской сечи, грозно грохотавших со стен Белевской крепости, известного памятника седой старины¹⁸. В заключение праздничных мероприятий под звуки маршей духовых оркестров состоялось шествие по улицам города, в котором принимали участие: духовенство, представители администрации и воинские чины. Городской голова Т.В. Белый и член управы Я.Д. Курдюмов несли бюст императора Александра I. Впереди шли гимназистки с венками. Замыкали шествие учащиеся городских училищ во главе с генералом И.П. Надаровым, бывшим питомцем Петровской Полтавской военной гимназии, окончившим ее в 1867 г. и сделавшим блестящую карьеру¹⁹.

Новогрудка Минской губернии (рис. 6)

К юбилейным торжествам 1812 г. базарная площадь города была украшена цветами и флагами. Для совершения благодарственного молебна на площади был установлен аналой и разостланы ковры. 26 августа во всех церквях города прошли божественные литургии. Торжественное богослужение состоялось и в главной еврейской синагоге при участии хора и оркестра, завершившееся проповедью главного раввина Менахема Краковского о важнейших событиях Отечественной войны 1812 г.²⁰

По окончании богослужений состоялся крестный ход во главе с духовенством, гражданскими и военными чинами. В крестном ходе принимали участие члены добровольной пожарной команды, ученики местных школ, горожане и крестьяне близлежащих сел. На базарной площади, как самой большой в городе, состоялся благодарственный молебен.

Рис. 6. Молебен на базарной площади в Новогрудке 26 августа 1912 г. Фото Я.Г. Винника. Д. 469. Л. 1

Торжества завершились военным парадом. Под звуки духового оркестра церемониальным маршем по площади прошагали войска местного гарнизона, представители добровольной пожарной команды и учащиеся старших классов городских училищ. Принимал парад воинский исправник Орлов²¹.

Орск Оренбургской губернии (рис. 7)

26 августа в городском соборе была отслужена божественная литургия, по окончании которой о. Карницкий обратился к прихожанам с проповедью, посвященной памяти героев 1812 г. По окончании службы состоялся крестный ход на Михайло-Архангельскую площадь, представлявший собой величественное шествие духовенства и гражданских лиц с иконами и хоругвями, сопровождаемое хором певчих²².

Рис. 7. Парад войск местного гарнизона в Орске 26 августа 1912 г. Д. 262. Л. 46

Перед началом богослужения на возвышении, устроенном на площади, расположились представители местной администрации во главе с городским головою Н.К. Голоховским²³, духовенство и

воинские чины. Рядом были выстроены учащиеся гимназий и реальных училищ, офицеры и нижние чины местного гарнизона, казаки, татары, поодаль, верхом на лошадях, расположились киргизы²⁴.

После торжественно отслуженного благодарственного молебна с большим вниманием было выслушано памятное слово о событиях Отечественной войны 1812 г., произнесенное о. В.В. Пальмовым, проповеди которого пользовались большой популярностью у прихожан. Затем на площади состоялся военный парад. Под мелодии популярных маршей, исполнявшихся духовым оркестром под управлением А.Ф. Грабилина, прошли войска местного гарнизона и воспитанники городских учебных заведений. Принимал парад начальник городской тюрьмы капитан И.Г. Ивлев²⁵.

Вечером состоялось народное гуляние с иллюминацией и фейерверками²⁶.

Полтава (рис. 8)

Ранним утром 26 августа во всех православных храмах города начались божественные литургии. Особо торжественно проходила служба в кафедральном соборе, совершаемая архиепископом Полтавским и Переяславским Назарием (Николаем Кирилловым) с преосвященным Сильвестром в присутствии важных лиц города во главе с вице-губернатором Я.Г. Гололобовым²⁷. По окончании богослужения состоялся крестный ход. Впереди шли офицеры полтавского гарнизона и несли три иконы.

Рис. 8. Крестный ход в Полтаве 26 августа 1912 г. Впереди офицеры несут три иконы. Фото Фриденделя. Д. 471. Л. 1

Первая икона, резанная из слоновой кости, была найдена в обозе с ценностями маршала Луи Николя Даву, отбитом русскими войсками при сражении под Красным 3 ноября 1812 г. До 1917 г. икона была выставлена в экспозиции музея Полтавского губернского земства.

Вторая икона-складень, исполненная по заказу Полтавского конного полка в память Отечественной войны, находилась на хранении в кафедральном соборе города.

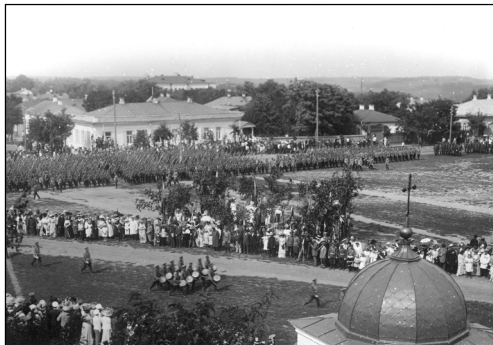
Третья – «Всех скорбящих Божия Матери» была найдена 26 августа 1812 г. на Бородинском поле, близь реки Москвы, участником сражения полковником 23-й полевой арт. бригады Л.Л. Гулевичем²⁸ и находилась у его наследницы, Александры Ивановны Рощиной, проживавшей в Полтаве²⁹.

Далее шли нижние чины различных полков и несли 19 знамен и знаков ополченских полков 1812 г., с надписями «Славный 1812 год», содержащихся в кафедральном соборе города (рис. 9).

На площади, в присутствии войск местного гарнизона, воспитанников Полтавского кадетского корпуса и учащихся всех учебных заведений, включая и Институт благородных девиц, был отслужен благодарственный молебен. По окончании торжественного богослужения действительный член Киевского отдела ИРВАО, начальник 9-й пехотной дивизии генерал-лейтенант В.Н. Клембовский произнес речь о значении памятного события. В завершении торжеств войска полтавского гарнизона и воспитанники учебных заведений прошли по Соборной площади церемониальным маршем³⁰.

Рыльск (рис. 10)

25 августа на Соборной площади г. Рыльска была отслужена коленопреклоненная панихида по императору Александру I и всем воинам, погибшим

**Рис. 9. Парад войск полтавского гарнизона 26 августа 1912 г.
Фото Фриденделя. Д. 471. Л. 3**

Рис. 10. Молебен на Соборной площади Рыльска 25 августа 1912 г. Д. 341. Л. 74

в Отечественной войне 1812 г. На панихиде присутствовали гражданские и военные чины, войска местного гарнизона и учащаяся молодежь.

26 августа во всех церквях города состоялась божественная литургия. Особо торжественно служба проходила в главном соборе. На ней присутствовали: городские власти, воинские чины, высокопоставленные гости, гимназисты и местные жители. По окончании службы состоялся крестный ход на Соборную площадь, где был отслужен благодарственный молебен. Под марши духовых оркестров завершились торжества на площади парадом войск местного гарнизона³¹.

Рязань (рис. 11)

26 августа в кафедральном соборе, как и других храмах города, прошла божественная литургия. По окончании службы крестный ход, возглавляемый епископом Рязанским и Егорьевским Александром (Богатенко) и сопровождаемый губернатором князем А.Н. Оболенским и высокопоставленными

Рис. 11. Крестный ход на Соборной площади в Рязани 26 августа 1912 г. Фото Ф.В. Сорокина. Д. 472. Л. 3

гостями, вышел на Соборную площадь. В присутствии представителей сословных учреждений и частей войск гарнизона, воспитанников учебных заведений и местных жителей на площади был торжественно отслужен благодарственный молебен, который представлял собой величественную картину моления под открытым небом массы народа за царя и Отечество³².

Во второй половине дня на Соборной площади состоялось народное гуляние. На открытой сцене, устроенной в центре площади, выступали артисты, играл духовой оркестр, а вечером был произведен фейерверк³³.

Слободской Вятской губернии (рис. 12)

26 августа в Преображенском соборе была отслужена божественная литургия в присутствии представителей администрации города,

офицеров гарнизона, учащихся гимназий и реальных училищ. По окончании богослужения состоялся крестный ход на Соборную площадь, где в присутствии войск местного гарнизона, воспитанников различных учебных заведений и горожан был совершен благодарственный молебен. Перед началом молебна протоиерей Попович обратился ко всем присутствующим с проповедью, посвященной памяти героев 1812 г.

Рис. 12. Соборная площадь г. Слободского перед благодарственным молебном 26 августа 1912 г.

Фото А. Mathiesen. Д. 474. Л. 2

В завершении службы местный воинский начальник полковник Пастухов провозгласил здравицу за государя императора и весь Царствующий Дом. Окончились торжества концертом популярных военных маршей, исполнявшихся духовым оркестром³⁴.

Троицкославск Забайкальской области (рис. 13)

К юбилейным дням 1812 г. на Соборной площади города был выстроен павильон, крышу которого венчал позолоченный двуглавый орел. В центре павильона, украшенного флагами и гирляндами, был установлен бюст императора Александра I, а по обе стороны от входа стояли часовые в форме егерей 1812 г.³⁵

Рис. 13. Церемониальный марш 20-го Сибирского стр. полка в Троицкославске 26 августа 1912 г. Д. 349. Л. 94

26 августа, после божественных литургий, проведенных в храмах города, состоялся крестный ход на

Соборную площадь. На площади собрались представители всех сословий во главе с городским головой И.П. Шишмаревым, войска под предводительством начальника гарнизона участника русско-японской войны 1904–1905 гг. генерал-майора В.Е. Лукина, воспитанники гимназий и реальных училищ, жители города и окрестных селений³⁶. Священнослужителями Троицкого собора, Покровской и Успенской церквей был отслужен благодарственный молебен.

По окончании торжественного богослужения состоялся парад войск троницкого гарнизона и учащихся реальных училищ, прошедших церемониальным маршем мимо бюста императора Александра I³⁷.

К началу учебного года Городской думой было учреждено три стипендии в память Отечественной войны 1812 г. для воспитанников четырехклассного городского училища³⁸.

Умань Киевской губернии (рис. 14)

Программа празднования столетнего юбилея Отечественной войны 1812 г. в г. Умани была разработана по инициативе и при участии директора мужской гимназии Н.В. Оппокова. Торжества

Рис. 14. Благодарственный молебен на площади в Умани 26 августа 1912 г. Д. 315. Л. 59/3

решено было провести в течение двух дней: 25 августа на площади у воинской церкви и 26 августа на военном плацу, близ воинских казарм.

25 августа на городской площади в присутствии представителей административной и военной властей и при большом стечении народа была отслужена панихида.

Службу совершал протоиерей Андрей Саббатовский. Ему помогали священники В. Тростянский и К. Сарчинский. В начале богослужения о. Сарчинский обратился к собравшимся с проповедью, посвященной памяти императора Александра I и героям 1812 г., павшим за независимость Отечества³⁹. По окончании панихиды

начальник гарнизона генерал-лейтенант А.Ф. Рагоза поздравил всех с памятной датой – победой в войне 1812 г.

26 августа особенной торжественностью отличалась божественная литургия, проведенная в воинской церкви. На ней присутствовало множество прихожан. По завершении службы состоялся крестный ход, который прошествовал по улицам города и остановился на военном плацу. К этому времени на плацу были выстроены войска, учащиеся гимназий и реальных училищ, а также жители города и окрестных деревень. Перед началом благодарственного молебна настоятель собора протоиерей А. Саббатовский произнес памятное слово о значении победы русских войск над армиями Наполеона в 1812 г. По окончании службы полковые знамена частей местного гарнизона были окроплены святой водой. Торжества на плацу завершились военным парадом. Представители 74-го пехотного Ставропольского полка, 5-го кадрового обозного батальона, гимназисты и воспитанники реальных училищ под звуки военных маршей духовых оркестров прошли мимо многочисленной публики, присутствовавшей на плацу. Военный парад принимал генерал-лейтенант А.Ф. Рагоза ⁴⁰.

Феодосия (рис. 15)

Юбилейные торжества, посвященные 100-летию Отечественной войны, проходили в Феодосии 5 и 6 октября 1912 г. Памятные дни в Феодосийской женской гимназии В.М. Гергилевича проводились совместно с Учительским институтом и городским училищем при институте ⁴¹.

5 октября, по окончании богослужения в местном соборе, в актовом зале женской гимназии В.М. Гергилевича было устроено торжественное собрание, на котором присутствовали гимназистки, студенты института и воспитанники училища ⁴². С большим вниманием собравшиеся

Рис. 15. Фрагмент выставки «1812 год», устроенной в помещении феодосийской женской гимназии В.М. Гергилевича.

Д. 396. Л. 64

выслушали доклад преподавателя истории Д.А. Маркова «Значение Бородинской битвы». После небольшого концерта, устроенного гимназистками и студентами, состоялось открытие выставки в память 1812 г., устроенной в женской гимназии. Помимо книг, альбомов и журналов, раскрывающих исторические события, на выставке были представлены открытки с карикатурами на генералитет французской армии; монеты, медали и знаки (серебряный рубль 1809 г. из коллекции Д.Ф. Фламбуриори, серебряный рубль 1811 г. из коллекции Л.П. Колли, серебряная коронационная медаль 1801 г. из коллекции С.И. Богдавленского), обилие документов, среди которых выделялись два письма к родителям участника Отечественной войны майора З.А. Йогеля из домашнего архива Н.В. Йогеля и приказы 27-й пехотной дивизии 1812–1813 гг. за подписью генерала Д.П. Неверовского из архива Виленского пехотного полка⁴³.

На следующий день состоялся благодарственный молебен на городской площади у памятника императору Александру III. На богослужении присутствовали представители городской администрации, военные чины, гимназисты и учащиеся реальных училищ, жители города.

Перед началом молебна священники о. Владимир Соколовский и о. Алексей Богаевский обратились к присутствующим на площади с памятным словом о значении Отечественной войны 1812 г. и священной памяти защитников Отечества. В конце службы все собравшиеся исполнили гимн «Боже, царя храни»⁴⁴.

Челябинск Оренбургской губернии (рис. 16)

26 августа во всех храмах Челябинска были проведены божественные литургии. В Христорождественском соборе торжественное богослужение проходило в присутствии представителей

Рис. 16. Представители различных вероисповеданий, гражданские и военные чины Челябинска на Александровской площади у бюста императора Александра I. Д. 262. Л. 43

городской администрации. По окончании службы состоялись крестные ходы из всех церквей на самую большую площадь города – Александровскую.

На площади, украшенной гирляндами и флагами, был установлен бюст императора Александра I. На ней собрались члены государственных и общественных организаций, войска местного гарнизона, воспитанники учебных заведений, представители вольной пожарной дружины и городское население⁴⁵.

Одновременно с благодарственным молебном христиан на Александровской площади происходил молебен и представителей ислама⁴⁶.

¹ Генерал от инфантерии В.Г. Глазов (1848–1920) образование получил в Константиновском межевом институте и 3-м Александровском военном училище. Служил в армии. В 1876 г. окончил Николаевскую академию генерального штаба. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В конце 90-х гг. XIX в. прослушал курс лекций в петербургском Археологическом институте. С 1901 г. – начальник Николаевской академии генерального штаба. В 1904–1905 гг. – министр просвещения. С конца 1905 г. – помощник командующего войсками Московского округа. С 1909 г. – член военного совета. Помимо служебных обязанностей, был избран председателем Общества истории и древностей российских при Московском университете, возглавлял Московский отдел Императорского русского военно-исторического общества, организовав при нем «Кружок ревнителей памяти Отечественной войны 1812 г.». За научные труды по военной истории и археологии, а также просветительскую деятельность был удостоен высшего – золотого знака ИРВИО. (Архив ВИМАИВиВС. Ф. 11. Оп. 1. Д. 182. Л. 46.) Состоял председателем Особого комитета по устройству в Москве музея 1812 г. Участник Первой мировой войны. Награжден орденом св. Александра Невского. В РККА с февраля 1918 г. В марте уволен по распоряжению ВЧК. Предположительно погиб в 1920 г.

² Там же. Д. 261. Л. 2.

³ Там же. Д. 294. Л. 4.

⁴ Там же. Д. 455. Л. 3.

⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 11. Оп. Д. 252–458.

⁶ Там же. Д. 340. Л. 25 об.

⁷ Там же. Л. 1 об.

⁸ Там же. Л. 11 об.

⁹ Там же. Л. 25.

¹⁰ Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 439. Л. 3.

¹¹ Там же. Д. 378. Л. 8.

¹² Там же. Л. 8 об.

¹³ Там же. Д. 406. Л. 34 об.

¹⁴ Там же. Л. 35.

¹⁵ Там же. Д. 387. Л. 36 об.

- ¹⁶ Там же. Д. 374. Л. 41.
- ¹⁷ Там же. Д. 387. Л. 37.
- ¹⁸ Там же. Д. 308. Л. 10.
- ¹⁹ Там же. Л. 10 об.
- ²⁰ Там же. Д. 266. Л. 32.
- ²¹ Там же. Л. 50.
- ²² Там же. Д. 262. Л. 5 об.
- ²³ Там же. Л. 7.
- ²⁴ Там же. Л. 5 об.
- ²⁵ Там же. Л. 6 об.
- ²⁶ Там же. Л. 8.
- ²⁷ Там же. Д. 383 Л. 2.
- ²⁸ Там же. Ф. 3. Оп. ШГФ. Д. 5688. Л. 411.
- ²⁹ Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 383. Л. 3.
- ³⁰ Там же. Л. 3.
- ³¹ Там же. Д. 341. Л. 70.
- ³² Там же. Д. 313. Л. 1.
- ³³ Там же. Л. 1 об.
- ³⁴ Там же. Д. 368. Л. 36.
- ³⁵ Там же. Д. 349. Л. 81.
- ³⁶ Там же. Л. 82.
- ³⁷ Там же. Л. 82 об.
- ³⁸ Там же. Л. 83.
- ³⁹ Там же. Д. 315. Л. 37.
- ⁴⁰ Там же. Л. 38.
- ⁴¹ Там же. Д. 396. Л. 48.
- ⁴² Там же. Л. 63 об.
- ⁴³ Там же. Л. 68.
- ⁴⁴ Там же. Л. 65.
- ⁴⁵ Там же. Д. 262. Л. 36.
- ⁴⁶ Там же. Л. 36 об.

М.С. Саламатова (Новосибирск)

УЧАСТИЕ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ В СОВЕТСКИХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ (1920-е ГОДЫ)

УЧАСТИЕ военнослужащих в политических процессах традиционно вызывает оживленные дискуссии. В ряде современных государств Азии, Африки и Латинской Америки распространена концепция «армия – вне политики» и военные лишены избирательных прав¹. Россия обладает противоположным историческим опытом, военнослужащие получили избирательные права в 1917 г. одними из первых в мире. Несмотря на обширную советскую и современную отечественную историографию советских выборов, сюжеты, связанные с участием красноармейцев в избирательных кампаниях 1920-х гг., оказались вне поля зрения специалистов². Вместе с тем, эта тема интересна как с точки зрения институционализации участия военных на выборах, так и практической реализации избирательных норм в отношении красноармейцев.

Основными источниками публикации стали документы, находящиеся на хранении в фонде Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (далее – ВЦИК) Государственного архива Российской Федерации и в фондах региональных архивов. Также использовались материалы печати, статистические сборники и нормативно-правовые акты.

Ограничение в избирательных правах по признаку профессиональной деятельности было характерно для многих электоральных систем начала XX в. Введение служебного ценза мотивировалось несовместимостью ряда профессий с активным участием в политической жизни. Как правило, речь шла о лишении избирательных прав военных, служащих правоохранительных органов, государственных служащих и священнослужителей³. В начале XX в.

этот ценз использовался во многих европейских государствах, в том числе и в дореволюционной России⁴. Отстранение военнослужащих от участия в голосовании объяснялось концепцией «армия – вне политики». Положение о выборах в Государственную Думу от 11 декабря 1905 г. предполагало отстранение от выборов, наряду с другими группами населения, «военных, состоящих на действительной службе»⁵.

Радикальные изменения в российскую избирательную систему внесла Февральская революция. «Положение о выборах в Учредительное собрание», окончательно утвержденное Временным правительством 23 сентября 1917 г., наделило военнослужащих избирательными правами⁶.

После прихода к власти большевики также предоставили права военным. Избирательные права солдат и матросов были специально оговорены в первой советской Конституции 1918 г., ст. 64 наделяла «правом избирать и быть избранными в Советы солдат советской армии и флота»⁷. Права командиров и комиссаров специально не оговаривались, но они и не лишались избирательных прав.

Большевики подчеркивали классовый, рабоче-крестьянский характер армии, в пособии политрукам Красной армии 1922 г. отмечалось, что «Красная армия, как оружие классовой диктатуры, должна по необходимости иметь открыто-классовый характер, т.е. формироваться исключительно из пролетариата и близких ему полупролетарских слоев крестьянства»⁸.

В большевистской доктрине критиковались лишение избирательных прав военнослужащих и концепция «армия – вне политики». Буржуазия обвинялась в «стремлении отвлечь солдата от всякой живой мысли, от всякого участия в государственных делах», объяснялось это страхом перед сознательным солдатом, который «занимаясь политикой, начнет понимать, кто его друг и враг, и обратит свое оружие против господства буржуазии»⁹. Беспорядочному положению солдат в капиталистических странах противопоставлялось положение и права красноармейцев и краснофлотцев. Акцентировалось внимание на единстве гражданских прав трудящегося населения и красноармейцев, воспитании из последних «борцов за освобождение трудящихся, сознательных граждан, ответственных работников и строителей новой трудовой жизни»¹⁰.

Руководители советского государства рассматривали красноармейцев как максимально лояльную к власти группу населения.

Привилегированный статус красноармейцев находил отражение в избирательном праве и практике проведения избирательных кампаний, что имело разнообразные проявления.

Во-первых, красноармейцы и краснофлотцы являлись частью так называемого «организованного населения». Разделение на организованное и неорганизованное население происходило в зависимости от членства в профсоюзах (или его отсутствия), а также работы или службы в трудовых коллективах. Выборы «организованного населения» осуществлялись по производственному принципу (в трудовых коллективах), так называемого «неорганизованного» – по территориальному принципу (по месту проживания). К организованному населению относились три группы: рабочие, служащие и красноармейцы.

Если учесть, что до 1924 г. выборы проводились только по производственному принципу, и так называемое «неорганизованное население» (кустари, ремесленники, домохозяйки, безработные) практически не принимало участия в выборах в горсоветы, то красноармейцев можно отнести к привилегированной группе населения, которая активно участвовала в выборах в городские советы. Так, в соответствии с «Положением о Советах губернских, уездных и заштатных городов» от 26.01.1922 г. красноармейцы в городах, наряду с остальными избирателями от производственных коллективов, участвовали в выборах городского совета из расчета один депутат на каждые 200 избирателей ¹¹.

Кроме того, после окончания Гражданской войны большевики стремились гарантировать участие красноармейцев в выборах. С переходом к мирной жизни необходимо было конкретизировать избирательные нормы и процедуры участия красноармейцев в Советах. Поскольку в начале 1920-х гг. осуществление выборов регулировалось преимущественно местными избирательными инструкциями, то в циркулярном постановлении Президиума ВЦИК от 8.02.1921 г. «Об организации городских Советов Рабочих и Красноармейских депутатов» содержалось требование особо оговорить в местных инструкциях условия участия в выборах расположенных в городах красноармейских частей ¹².

У местных исполкомов возникали вопросы о порядке и процедуре участия красноармейцев в выборах и работе Советов. Неясным оставался вопрос как об организации выборных собраний (отдельно от рабочих и служащих или смешанных), так и об участии

военнослужащих в работе Советов¹³. Наркомат внутренних дел (занимавшийся организацией выборов до 1924 г.) обобщил запросы с мест и обратился в Президиум ВЦИК по поводу участия красноармейцев в выборах. В обращении НКВД от 3 февраля 1921 г. выражалась обеспокоенность, что «избрание красноармейцев, а также лиц, занятых в ударных и милитаризованных предприятиях может повлечь за собой оставление их основных, постоянных занятий»¹⁴.

Заместитель наркома внутренних дел М.Ф. Владимирский предлагал, чтобы «красноармейцы осуществляли свое избирательное право в Советы по месту их расквартирования», также предлагалось допустить «избрание красноармейцев для постоянной работы местных исполкомов, но лишь на время пребывания красноармейских частей, в пределах губерний, города, волости или селения. При передвижении воинской части красноармейцы – члены исполкомов – обязаны оставить свои выборные гражданские должности и следовать по месту направления своей части»¹⁵.

Предложения НКВД были закреплены декретом ВЦИК от 8.04.1921 г. «Об осуществлении избирательного права в Советы депутатов красноармейцами, рабочими и служащими транспорта и ударных и милитаризованных предприятий»¹⁶.

Особый статус красноармейцев в выборном процессе большевики выделяли различными способами, в т.ч. подчеркивая значимость участия красноармейцев в работе Всероссийского Съезда Советов. Так, в Постановлении Президиума ВЦИК от 16.11.1922 г. «О порядке выборов на X Всероссийский Съезд Советов» предлагалось провести выборы для населения по норме, указанной в Конституции. Участие красноармейцев оговаривалось особо: «все красноармейские части, которые по своему месту расположения не имеют возможности принять участие в губернских, городских или уездных съездах, имеют право посылать своего делегата на съезд советов по одному представителю от каждой дивизии. Проведение в жизнь выборов от красноармейских частей полностью возложить на революционные военные советы армий и округов»¹⁷.

В начале 1920-х гг. красноармейцев активно привлекали к участию в избирательных комиссиях, а с 1926 г. участие представителя РККА в составе окружных (уездных) и городских избирательных комиссий стало обязательным¹⁸.

Стремление большевиков проводить выборы в начале 1920-х гг. преимущественно с помощью административного ресурса привело в 1924 г. к массовому недовольству и пассивности населения на выборах, реальный процент участия населения в избирательных собраниях едва достигал 20 %¹⁹.

Объявленная политика «оживления» Советов была призвана привлечь к участию в выборах максимально широкие слои населения. В избирательную кампанию 1925 г. было либерализовано советское избирательное законодательство. Круг избирателей расширен за счет мелких собственников города и деревни, в городах к участию в выборах стали активно привлекать так называемое «неорганизованное население» (начали организовывать избирательные собрания по территориальному принципу). Однако первая же относительно либеральная избирательная кампания 1925–1926 гг. привела к возникновению проблем с составом городских советов.

В докладе Председателя Всероссийской Центральной избирательной комиссии Я.В. Полуяна об итогах проведения избирательной кампании в 1925–1926 гг. отмечалось: «значительный рост активности неорганизованного избирателя в городах ставит перед партийными, советскими органами и профсоюзами задачу усиления активности производственных рабочих и красноармейцев, в противном случае встает опасность захвата чуждым элементом горсоветов»²⁰. Особенную остроту эта проблема приобрела в мелких городах, с преимущественно непролетарским населением.

Я. Полуяну представлялась недопустимой ситуация, когда «в состав Златоустовского горсовета вошли 13 эсеров и 2 меньшевика, которые при поддержке части беспартийных пытались создать беспартийную фракцию и провести в президиум своих кандидатов»²¹. В Калуге, Новгороде, Твери и ряде других городов большинство в городских советах принадлежало так называемому «неорганизованному населению», в городской Совет Новониколаевска прошли нэпманы²².

Совершенно очевидно, что местные советские и партийные работники оказались неготовы к неконтролируемой активности населения на выборах, выдвижению требований и критике действий властей. Со всех уголков страны во ВЦИК и Центризбирком посыпались запросы, обращения с просьбой принять меры к преодолению ситуации.

Так, в ходатайстве председателя Калужского губисполкома в Президиум ВЦИК отмечалось, что «неорганизованное население города представляет самую крупную группу избирателей и при низкой ее активности (21,7 %) посылают в горсовет 142 депутата, тогда как члены профсоюзов и красноармейцы при значительно большей активности в выборах (59,8 и 67,6 % соответственно) посылают только 139 депутатов»²³. Такое распределение мест в городском совете председатель Калужского губисполкома считал несправедливым и предлагал перераспределить нормы представительства на выборах в пользу рабочих и красноармейцев, а депутатов от неорганизованного населения избирать от количества присутствующих²⁴.

Председатель Всероссийской Центральной избирательной комиссии был на стороне руководителей региональных исполкомов. В докладе об итогах выборов отмечалось, что «для города должен быть поставлен общий вопрос о нормах представительства в советы для различных социальных групп. Раньше, когда неорганизованное население почти не участвовало в выборах, этот вопрос не имел большого значения. Последняя избирательная кампания поставила перед нами вполне реальную опасность превращения некоторых советов городов в советы с мещанским большинством»²⁵.

Выход из ситуации виделся простым – отстранить от выборов мелких собственников города и деревни и перераспределить нормы представительства в пользу пролетариата и красноармейцев.

Высшие партийные и советские органы оперативно отреагировали на просьбы региональных исполкомов. На объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б), проходившем в июле 1926 г., было принято решение о существенном расширении круга лиц, лишенных избирательных прав, потенциально нелояльных к советской власти²⁶. ВЦИК, не меняя норм представительства в Конституции РСФСР и избирательной инструкции, разрешил Всероссийской Центральной избирательной комиссии устанавливать различные нормы представительства на выборах для организованного и неорганизованного населения (в городские советы и на съезды). Красноармейцы и рабочие получили максимальные преференции на выборах и самые высокие нормы представительства (они существенно варьировались в разных территориях и утверждались Всероссийской Центральной избирательной комиссией).

Многие исполкомы воспользовались возможностью нейтрализовать потенциально нелояльные слои населения с помощью перераспределения норм представительства. Рабочие, красноармейцы и служащие избирали депутатов от общей численности, а неорганизованное население – лишь от числа явившихся на выборное собрание²⁷. Так, для г. Москвы в избирательную кампанию 1926–1927 гг. рабочие и красноармейцы избирали одного депутата от 100 чел., служащие – от 600 чел., неорганизованное население – одного депутата от 600 явившихся избирателей²⁸. Аналогичным образом устанавливались нормы представительства для избирателей г. Ленинграда. Рабочие, красноармейцы и краснофлотцы и служащие избирали одного депутата от 200 человек, а неорганизованное население – от 400 избирателей, «явившихся на данное собрание»²⁹.

Манипуляции с нормами представительства обеспечили промышленному пролетариату и красноармейцам значительный перевес в представительстве в городских советах. Преференции красноармейцев и рабочих были существенны уже в выборные кампании 1924–1925 и 1925–1926 гг., на каждую 1000 избирателей было избрано 11 депутатов от красноармейцев в 1924–1925 и 1925–1926 гг. (от неорганизованного населения только 5). В 1926–1927 и 1928–1929 гг. этот перевес увеличился еще значительнее, достигая пятикратного перевеса (14 депутатов от красноармейцев против 3 от неорганизованной части населения)³⁰.

На протяжении 1920-х гг. вопрос об организации выборов собраний для различных групп населения оставался открытым, власть экспериментировала в этом направлении. В начале 1920-х гг. во многих городах организовывали выборные собрания по социальным группам, профсоюзам, предприятиям и т.д. Выборные собрания красноармейцев проводились в воинских частях. Например, в Воронеже для выборов в городской Совет в октябре 1920 г. весь город был разделен на 38 «избирательных округов», из них два были красноармейскими³¹.

В середине 1920-х гг. власти необходимо было решить две проблемы: с одной стороны, обеспечить максимальную явку неорганизованного населения, а с другой, обеспечить избрание лояльных кандидатов. Для решения этой проблемы сочли целесообразным организовывать смешанные избирательные собрания, привлекая на них красноармейцев, рабочих и домохозяек, кустарей. Однако

организация подобных избирательных собраний была сложно реализуемой, поскольку при их проведении пытались совместить территориальный и производственный принцип. Смешанный принцип проведения выборных собраний так и остался экспериментальным, не найдя широкого распространения³². До конца 1920-х гг. выборные собрания красноармейцев проводились отдельно от других групп населения городов в расположении воинских частей.

Участие красноармейцев в выборах внимательно отслеживалось высшими советскими органами на протяжении 1920-х гг. Соответствующие графы вводились как в электоральной статистике, так и в различных отчетах. Красноармейцы преимущественно участвовали в выборах в городские советы, а также на уездные и губерnsкие съезды.

Насколько значительным было место красноармейцев-избирателей на выборах в горсоветы в 1920-е гг.? Общей тенденцией 1920-х гг. стало постепенное снижение доли красноармейцев в составе городских избирателей. За десятилетие доля красноармейцев в составе городских избирателей снизилась с 37,1 % в 1920 г. до 3,8 % в 1929 г. Так, на выборах 1920 г. доля красноармейцев составляла 37,1 % от всех городских избирателей, в 1921 г. – 13,6 %, в 1922 г. – 16,8 %, в 1923 г. – 5,6 %, в 1924–1925 гг. – 4,5 %, в 1925–1926 гг. – 4 %, в 1926–1927 гг. – 4,06 %, в 1928–1929 гг. – 3,8 %³³.

Уменьшение доли красноармейцев в составе городских избирателей было обусловлено массовой демобилизацией военнослужащих в 1921–1922 гг. и более активным привлечением к участию в выборах других групп населения.

Явка красноармейцев на выборы в горсоветы ожидаемо была высокой, она превосходила явку всех остальных групп, а неорганизованного населения – в 2–3 раза. При этом явка военнослужащих на выборы постепенно росла. В 1923 г. явка красноармейцев составила 60,1 %, в 1924–1925 гг. – 68,7 %, в 1925–1926 гг. – 69,7 %; 1926–1927 гг. – 77,7 %, в 1928–1929 гг. – 81,6 %³⁴.

В отчетах об итогах выборов отмечалось, что высокая явка красноармейцев «объясняется общим укладом жизни лиц, находящихся на военной службе, представляя собой компактную массу в повседневной жизни, они и на выборы идут тоже организованно»³⁵. Добавим, что обеспечение явки красноармейцев не требовало особых усилий от власти, в военных частях проводилась лишь обычная агитационная и разъяснительная работа.

В электоральную статистику двух последних кампаний 1920-х гг. ввели показатели, позволяющие проанализировать электоральные предпочтения различных социальных групп. В 1926–1927 гг. красноармейцы избрали в депутаты: 78,3 % – красноармейцев, 8 % – рабочих, 10 % – служащих, 2,3 % – представителей неорганизованного населения и даже 1 % – домашних хозяек. В 1928–1929 гг. красноармейцы по-прежнему преимущественно делегировали в городские советы военнослужащих – 54,2 %, стали больше поддерживать рабочих – 32,7 % и служащих – 11,5 %, избрав лишь 1,6 % представителей от неорганизованных избирателей. При этом остальные группы населения неохотно делегировали красноармейцев в советы (в пределах 0,1–1,7 %) ³⁶.

Несмотря на существенные преференции в нормах представительства, число депутатов-красноармейцев в городских советах всегда было сравнительно невелико. От общего числа депутатов городских советов депутаты-красноармейцы составляли в 1923 г. – 6,8 %, в 1924–1925 гг. – 6,2 %, 1925–1926 гг. – 4,5 %, в 1927 г. – 5,5 %, в 1929 г. – 3,8 % ³⁷.

Помимо горсоветов, красноармейцы имели представительство на уездных и губернских съездах, являлись членами уездных и губернских исполкомов и президиумов горсоветов. Так, например, в 1926 г. делегатами на уездные съезды были избраны 1,2 % красноармейцев, на губернские – 2 %. В составе уездных и губернских исполкомов красноармейцы составляли 2,5 %, в президиумах горсоветов – 3,0 % ³⁸.

Неактивное голосование за красноармейцев и небольшое представительство в городских советах было связано с временным характером пребывания военнослужащих в городах, многие горожане небезосновательно полагали, что красноармейцы не представляют проблем городов и их населения и не будут эффективно участвовать в работе горсоветов.

Совершенно иное отношение у населения было к демобилизованным красноармейцам, их охотно избирали в советы всех уровней, и многие из них были желательными кандидатурами на должности председателей советов и исполкомов. Так, среди председателей сельсоветов, служивших в Красной армии, насчитывалось более половины (в 1924–1925 гг. – 54,2 %, в 1925–1926 гг. – 53,1 %). Среди председателей волисполкомов демобилизованные красноармейцы составляли более двух третей (в 1924–1925 гг. – 68,7 %, в 1925–1926 гг. – 70,7 %) ³⁹.

Еще более благожелательно к избранию демобилизованных красноармейцев в советы относилась власть. Начиная с выборов 1924–1925 гг., в электоральной статистике и отчетности вводился показатель избрания в советы всех уровней демобилизованных красноармейцев. В отчете председателя Всероссийской Центральной избирательной комиссии об итогах выборной кампании 1926–1927 гг. Я.В. Полуяна констатируется обновление советов почти на половину, при этом особо подчеркивается, что «из них большой процент служивших в Красной армии, РККА является школой нашего советского строительства и организации»⁴⁰. Председатели губисполкомов также отмечали, что «рабочие и крестьяне, прошедшие Красную армию, являются прекрасными советскими работниками»⁴¹.

Для многих красноармейцев служба в РККА являлась социальным лифтом, позволившим впоследствии стать советскими работниками различных уровней. Власть не случайно настаивала на их избрании в советы, поскольку крестьяне и рабочие, пришедшие в армию, после идеологической «обработки» политруков становились активными сторонниками советской власти.

Электоральное поведение красноармейцев отличалось высокой степенью лояльности к власти. Предвыборная идеологическая «обработка» красноармейцев носила массивный характер. В предвыборный период, помимо политруков, в воинские части приезжали известные советские и партийные работники, в агитации преимущественно использовались штампы советской пропаганды: рассказывали о тяжелом наследии царской России, огромных достижениях советской власти, врагах советской республики⁴². Проблем с избранием лояльных кандидатов (представителей партии ВКП (б) либо заранее утвержденных беспартийных) в воинских частях в отчетах не отмечалось⁴³.

Красноармейцев активно привлекали к проведению предвыборной агитации в городах. Во второй половине 1920-х гг. все активнее в предвыборной агитации использовались нетрадиционные формы и методы. Так, в Иркутске проводились театрализованные хоккейные матчи между «избирателями» и «лишенцами». Красноармейцев передевали в костюмы бывших белых офицеров, кулаков, нэпманов, ворота защищал «поп», игроки команды «избирателей» выступали в одежде красноармейцев, рабочих и комсомольцев, вратарем был «уполномоченный рабоче-крестьянской

инспекции». Матч вызвал огромный интерес, и закончился вничью⁴⁴. Красноармейцев активно использовали в предвыборных карнавалах, факельных шествиях, импровизированных агитационных судах и т.д.⁴⁵

В ходе Февральской и Октябрьской революций 1917 г. в России были отменены ограничения избирательного права для военнослужащих, они стали активными участниками избирательных кампаний. Большевики рассматривали красноармейцев и краснофлотцев в качестве максимально лояльной группы населения, сделав их привилегированным субъектом советского избирательного права. На красноармейцев наряду с рабочими промышленных предприятий распространялись самые высокие нормы представительства на выборах в Советы. Прямые манипуляции с нормами представительства в ходе выборов 1926–1927 и 1928–1929 гг. также осуществлялись в пользу красноармейцев и пролетариата, подчеркивая особый статус этих групп в советском обществе. Электоральное поведение военнослужащих РККА характеризовалось высокой явкой и лояльным отношением к заранее утвержденным кандидатам от ВКП(б) и беспартийным.

В целом, в 1920-е гг. большевики успешно реализовали концепцию «армия в политике», сумев поставить избирательную активность военнослужащих под жесткий контроль, но участие в политике красноармейцев свелось к голосованию за кандидатов от правящей партии. Своего рода «наградой» красноармейцам за преданность советской власти стала возможность после демобилизации сделать стремительную карьеру в партийных и советских органах.

¹ Выборы во всем мире. Электоральная свобода и общественный прогресс. Энциклопедический словарь / Сост. А.А. Танин-Львов. М., 2001.

² Андреев В.П. Руководство Коммунистической партии городскими советами РСФСР (1926–1937). Томск, 1990; Кукушкин Ю.С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921–1936). М., 1968; Куперт Ю.В. Руководство Коммунистической партии общественно-политической жизнью Западно-сибирской деревни в условиях социалистической реконструкции. (1926–1937). Томск, 1982; Лепешкин А.И. Советы – власть трудящихся (1917–1936). М., 1966; Агапцов С.А. Становление партийно-государственной системы власти: историко-политический анализ (октябрь 1917–1924): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992; Красников В.В. Формирование системы местной власти в 1921–1925 гг. (на материалах Тамбовской губернии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003; Юдин А.Н. Сельские Советы Тамбовской губернии в 1921–1924 гг.:

Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2005; Ящук Т.Ф. Организация местной власти в РСФСР. 1921–1929 гг. Омск, 2007; Корчагин Д.М. Советские избирательные кампании 1920-х гг. (на материалах Кубано-Причерноморья): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003; Тютюник М.В. Региональный избирательный процесс и формирование системы местных Советов РСФСР в 1920–1924 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Славянск-на-Кубани, 2009; Кужба О.А. Избирательные кампании 1921–1925 гг. // Тверская земля в прошлом и настоящем. Тверь, 1994. С. 80–98.

³ Сравнительное избирательное право. Учебное пособие. М., 2003. С. 31.

⁴ Выборы во всем мире. Электоральная свобода и общественный прогресс. С. 11, 31, 73, 89, 101, 174, 192, 297, 373.

⁵ ПСЗ. Соб. 3-е. Т. XXV. № 26561. Ст. 6, 7.

⁶ СУ Временного правительства. 1917. № 111. Ст. 612–614.

⁷ СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

⁸ Рабоче-крестьянская Красная армия (пособие политрукам). М., 1922. С. 7.

⁹ Там же. С. 11.

¹⁰ Там же. С. 12.

¹¹ СУ РСФСР. 1922. № 10. Ст. 90.

¹² Там же. 1921. № 11. Ст. 71.

¹³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1235. Оп. 96. Д. 77. Л. 12–15.

¹⁴ Там же. Л. 16.

¹⁵ Там же.

¹⁶ СУ РСФСР. 1921. № 32. Ст. 174.

¹⁷ Там же. 1922. № 76. Ст. 953.

¹⁸ Там же. 1926. № 75. Ст. 577.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 101. Д. 151. Л. 305–311.

²⁰ Там же. Оп. 103. Д. 721. Л. 11.

²¹ Там же.

²² Там же. Д. 84. Л. 48; Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. Р. 725. Оп. 1. Д. 39. Л. 26 (об).

²³ Там же. Оп. 104. Д. 13. Л. 108.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Оп. 103. Д. 721. Л. 12.

²⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 85. Д. 19. Л. 83.

²⁷ СУ РСФСР. 1926. № 5. Ст. 29; 1927. № 2. Ст. 9–11; 1927. № 6. № 49–51.

²⁸ Там же. 1927. № 2. Ст. 10.

²⁹ Там же. 1927. № 49.

³⁰ Выборы в советы РСФСР в 1925–1926 гг. Ч. 1. Статистический сборник. М., 1926. С. 56–57.

³¹ Владимирский М. Организация Советской власти на местах. М., 1921. С. 36.

³² Щеблецов. Под знаком советской демократии (о новых формах организационно-массовой работы горсоветов) // Власть Советов. 1928. № 51. С. 6–8; Сорокин А. Работа с неорганизованными избирателями // Власть Советов. 1929. № 6. С. 9.

³³ Выборы в советы РСФСР в 1925–1926 гг. Ч. 1. С. 41; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. Вып. 2. Выборы в горсоветы. Статистический сборник. М., 1930. С. 46–47.

- ³⁴ Выборы в советы РСФСР в 1925–1926 гг. Ч. 1. С. 48–49; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. С. 9.
- ³⁵ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 103. Д. 84. Л. 47.
- ³⁶ Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. С. 22.
- ³⁷ Выборы в советы РСФСР в 1925–1926 гг. Ч. 1. С. 56–57; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. С. 60–61.
- ³⁸ Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. Ч. 2. Статистический сборник. М., 1926. С. 14.
- ³⁹ Выборы в советы РСФСР в 1925–1926 гг. Ч. 1. С. 37.
- ⁴⁰ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 104. Д. 23. Л. 332.
- ⁴¹ Там же. Оп. 103. Д. 634. Л. 47.
- ⁴² Советская Сибирь. 1926. 24 декабря; 1928. 16 января.
- ⁴³ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 103. Д. 84. Л. 98–119; Оп. 104. Д. 23. Л. 327–352.
- ⁴⁴ Власть труда. 1929. 1 января.
- ⁴⁵ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 619. Л. 9.

Л.Л. Сардак (Санкт-Петербург)

ЗАБЫТЫЙ ГЕНЕРАЛ. БАРОН ФЕДОР ИВАНОВИЧ МЕЛЛЕР-ЗАКОМЕЛЬСКИЙ

В ОСЬМОГО апреля 1807 г. находившийся в Бартенштейне, главной квартире соединенных русских и прусских войск, ведших боевые действия против наполеоновской армии в Пруссии, император Александр I подписал высочайший рескрипт следующего содержания: «Господин генерал-майор Барон Миллер-Закомельский! В вознаграждение отличной храбрости, оказанной вами в сражении против войск французских при Прейс-Эллау 26 числа января, где, начальствуя вверенной вам частию, атаковали две неприятельских пеших колонны и изрубили до ста человек, а 27 числа под выстрелами картечными и из ядер мужественно прикрывали некоторые пехотные полки, жалую вас кавалером ордена Святого равноапостольного князя Владимира третьей степени, коего знак при сем к вам доставляя, повелеваю возложить на себя и носить установленным порядком, уверен будучи, что он послужит вам поощрением к вящему продолжению ревностной службы вашей»¹. Орден и рескрипт были вручены шефу Каргопольского драгунского полка генерал-майору Федору Ивановичу Меллер-Закомельскому. Сегодня жизнь и деяния этого человека забыты, его имя не встретишь ни в одной российской энциклопедии, и лишь изредка мелькнет оно в исторических записках или дневниках его современников...

Ф.И. Меллер-Закомельский родился в 1772 г. в Санкт-Петербурге, в семье артиллерии генерал-майора Ивана Ивановича Меллера, состоявшего присутствующим членом Канцелярии Главной артиллерии и фортификации и одновременно бывшего по повелению Екатерины II директором (главным командиром) Канцелярии

большого Ладожского канала и членом Совета Шляхетного сухопутного кадетского корпуса. В многодетной семье Федор был младшим среди пяти братьев и трех сестер.

Старшие братья пошли по стопам отца и выбрали военную карьеру. Младшего сына Иван Иванович тоже хотел видеть военным, записав его в четырехлетнем возрасте служащим в гвардии сержантом². В своих мемуарах Л.Н. Энгельгардт, человек одного поколения с Ф.И. Меллером-Закомельским, писал: «Большую часть все дворяне записывали своих детей в гвардию, смотря по связям их, капралами, унтер-офицерами и сержантами; не имевшие же случая, записав малолетних своих детей недорослями, брали их к себе для воспитания до возраста; старшинство их считалось по вступлению в настоящую службу, а случайные вносились в список служащих; тогда давали им паспорта до окончания наук. В одном Преображенском полку считалось более тысячи сержантов, а недорослям не было и счёту»³.

В четырнадцать лет Федор Меллер выходит из гвардии и начинает службу флигель-адъютантом «чина армии капитанского» в штабе генерала от артиллерии Меллера. К этому времени его отец – генерал-аншеф и командующий артиллерией русской армии. По штату ему полагалось иметь одного генерал-адъютанта премьер-майорского чина и двух флигель-адъютантов капитанского чина. В сентябре 1786 г. Федор Меллер становится генерал-адъютантом чина майорского. А.Ф. Ланжерон, французский эмигрант, дослужившийся в русской армии до звания генерал-майора, в своих воспоминаниях едко написал: «В России, кроме службы в гвардии, существуют еще и другие способы хватать чины не служа; самый верный и самый обыкновенный – это причислиться в качестве ординарца или по особым поручениям и т.п. к фавориту; у него обыкновенно таких двести или триста человек, и он не знает из них и половину, но, тем не менее, быстро повышает их по службе. Того же достигают через адъютантские должности у генералов; фельдмаршал, например, имеет двух адъютантов в чине подполковника, и они, по прошествии шести лет, становятся полковниками и получают полки, не выходя до тех пор из конюшни или передней своих начальников»⁴.

Все без исключения сыновья генерал-аншефа Меллера в свое время прошли через адъютантские должности при нем, в том числе и будущий военный министр, член Государственного совета Петр

Иванович Меллер-Закомельский. Пробыв некоторое время в адъютантских должностях, сыновья Ивана Ивановича продолжали службу в армии и достигали званий и наград своим рвением в службе, мужеством и отвагой в сражениях. Отец их, генерал-аншеф И.И. Меллер, прославился при Екатерине II во вторую русско-турецкую войну при штурме турецкой крепости Очаков, 6 декабря 1788 г. Императрица Екатерина II наградила И.И. Меллера орденами Св. Георгия 2-й степени и Св. апостола Андрея Первозванного, а также землями в войтовстве Закомельском Полоцкой губернии. 30 июня 1789 г. И.И. Меллеру был пожалован титул барона Всероссийской империи с повелением ему, его детям и потомкам носить фамилию Меллер-Закомельский.

Отличие от своих старших братьев (артиллерии подполковника Петра, артиллерии майора Карла и армии подполковника Егора) Федор не принимал участия в боевых действиях кампаний 1788–1789 гг. против турок. В начале осени 1790 г. восемнадцатилетний генерал-адъютант Федор Меллер-Закомельский отправился вместе с отцом к крепости Татар-Бунар, где был расположен левофланговый корпус соединенной армии Потемкина-Таврического, командующим которого был назначен генерал-аншеф барон Меллер-Закомельский. Армии Г.А. Потемкина приказывалось действовать против турецких крепостей Килия, Тульча, Исакча, Измаил, запиравших вход русским кораблям из Черного моря в устье Дуная. 7 октября 1790 г. корпус генерал-аншефа барона Меллер-Закомельского подошел к своей первой цели – крепости Килия и разбил лагерь в десяти верстах от нее. Предложив гарнизону крепости сдаться и получив отказ, И.И. Меллер-Закомельский приказал генерал-поручику А.Н. Самойлову с подчиненными ему войсками этой же ночью взять штурмом ретраншемент, защищавший предместье крепости, и удерживать его до подхода основных сил. В ночном бою Самойлов потерял управление над войсками, «солдаты вышли из повиновения, разбрелись по форштату (предместью. – Л. С.), расположенному между крепостью и ретраншементом, предались всяким неистовствам..., истребляя и опустошая все, что ни попалося». Когда находившемуся в лагере корпуса И.И. Меллер-Закомельскому доложили о происходящем, он спешно отправился к крепости. Прибыв в форштат, генерал-аншеф лично руководил организацией отпора выступившим из крепости туркам, но «...роковая пуля попала ему в звезду и прошла навывлет наискось через

весь его корпус». Успев передать командование корпусом прибывшему из лагеря к крепости генерал-поручику И.В. Гудовичу, Иван Иванович потерял сознание. 10 октября 1790 г. генерал-аншеф барон И.И. Меллер-Закомельский умер. Скорее всего, Федор Меллер-Закомельский, очевидец всех этих событий, сопровождал тело отца в Херсон, где по предписанию Г.А. Потемкина-Таврического генерал-аншеф был захоронен 16 октября «со всею надлежащею почестью» у стены Свято-Екатерининского собора рядом с могилой его сына артиллерии майора Карла Меллера, скончавшегося в 1788 г. от тяжелого ранения, полученного при штурме Очакова*.

18 октября 1790 г. турки сдали крепость Килия осаждавшим ее русским войскам. В этот же день Федор Меллер-Закомельский был пожалован в подполковники Харьковского легкоконного полка и больше не принимал участия в боевых действиях. После окончания войны 5 мая 1792 г. подполковник Ф.И. Меллер-Закомельский был переведен в Тверской карабинерный полк.

В начале 1790-х гг. в Европе нарастали настроения, порожденные французской революцией 1789 г. В 1791 г. в Польше была принята конституция, целый ряд положений которой был направлен на укрепление польской государственности, что противоречило интересам Австрии, Пруссии и России. Правители этих стран прибегли к решительным мерам, намереваясь военным путем остановить распространение революционной угрозы и восстановить французскую монархию. Воспользовавшись тем, что часть польских вельмож, недовольных новой конституцией, обратились к русской императрице за содействием в ее отмене, Екатерина II в 1792 г. направила в Варшаву русскую армию, которая, подавив слабое сопротивление сторонников конституции, оккупировала Польшу. В том же году Россия разорвала дипломатические отношения с Францией и заключила союзный договор с Пруссией. Группа русских офицеров-волонтеров под командованием генерал-майора графа Валериана Зубова именным высочайшим повелением была направлена в прусскую армию. В составе русских волонтеров был и барон Федор Меллер-Закомельский, принимавший участие в походе на Варшаву.

* См.: Сардак Л.Л. Командующий артиллерией русской армии генерал-аншеф И.И. Меллер-Закомельский // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Ч. II. СПб., 2011. С. 318.

В 1793 г. Россия участвовала наряду с Англией, Австрией и Пруссией, в интервенции против революционной Франции, но события 1794 г. в Польше (восстание под руководством Тадеуша Костюшко) не позволили Екатерине II направить войска во Францию. Русские волонтеры были отозваны из прусской армии. Генерал-майору графу Валериану Зубову был поручен в командование авангард корпуса генерал-поручика Дерфельдена, ведшего боевые действия против польских мятежников в Литве. Офицеры-волонтеры, вернувшиеся из командировки в прусскую армию, оставались при штабе Валериана Зубова. Присоединившийся к ним в ходе боевых действий Л.Н. Энгельгардт в своих «Записках» вспоминал: «При графе Зубове было нас, волонтеров, одних штаб-офицеров человек с сорок; мне было тогда 27 лет, а летами я был всех старше. В числе оных были граф П.Х. Витгенштейн и А.П. Ермолов»⁵. Был среди этих волонтеров и барон Федор Меллер-Закомельский⁶. За участие в бою при Броках* против польских повстанцев подполковник Ф.И. Меллер-Закомельский был пожалован орденом Св. Владимира 4-й степени⁷.

В 1795 г. российский императорский двор получил известие, что персидский шах Ага-Магомет вторгся в пределы Грузии. Грузинский царь Ираклий II отверг требование шаха платить персам дань, заявив, что он признает над собой власть одной российской императрицы. Армия персов двинулась на Тифлис. Потерпев со своей малочисленной армией поражение в открытом сражении с персами, Ираклий вместе с семьей укрылся в горах и запросил помощи у России. Вторжение шаха Ага-Магомета в Грузию и жестокая расправа с населением Тифлиса давали России законное основание вступить в персидские пределы. Командующий Кавказской линией генерал-аншеф И.В. Гудович и генерал-прокурор А.Н. Самойлов получили указания о формировании экспедиционного корпуса русских войск и обеспечении его всем необходимым для похода в Персию. Командовать корпусом, получившим наименование Каспийского, был назначен граф В.А. Зубов, пожалованный чином генерал-аншефа. Зубову предписывалось захватить города Дербент, Баку и, уничтожив власть шаха Ага-Магомета, овладеть

* См.: Коробков Н.М. Польская война 1794 года в реляциях и рапортах А.В. Суворова // Красный архив. Т. 4 (101). М., 1940. С. 180, 181.

во взаимодействии с каспийским флотом и кавказским корпусом берегами Каспийского моря.

Федор Меллер-Закомельский, состоявший после завершения польских событий 1794 г. в Тверском карабинерном полку подполковником сверх комплекта, добился командирования на Кавказскую линию. 21 апреля 1796 г. главнокомандующий Кавказской линией генерал-аншеф граф Гудович «дал в команду» волонтеру подполковнику Меллер-Закомельскому Волгский казачий полк⁸, который в составе авангарда Каспийского корпуса уже продвигался к Дербенту. 10 мая 1796 г., после того как жители этого города испытали мощь артиллерии русских, защитники осажденной крепости капитулировали. Доставивший в Петербург ключи Дербента барон Ф.И. Меллер-Закомельский 3 июня 1796 г. получил звание полковника.

Генерал-аншеф В. Зубов с вверенными ему войсками продолжал выполнение полученного в Петербурге плана военных действий, продвигаясь горными дорогами к границам Персии. Осенью 1796 г. корпус вышел в район нижнего течения реки Куры и, расположившись в Сальянской степи, начал готовиться к зимовке и кампании следующего года. Все изменилось после скоропостижной кончины императрицы Екатерины II и вступления на престол Павла I. В начале 1797 г. высочайшим повелением полкам, находившимся в корпусе графа Зубова, приказано было после обеспечения их провиантом, лошадьми и деньгами возвращаться в Россию. В июне того же года все войска Каспийского корпуса, переправившись через Терек, покинули Дагестан. В числе прочих возвратился в пределы России и Астраханский драгунский полк, полковником которого с 18 декабря 1796 г. состоял барон Ф.И. Меллер-Закомельский.

Казалось, что у 24-летнего полковника и кавалера с боевым опытом были хорошие перспективы продвижения по службе, но, как вспоминал Л.Н. Энгельгардт, в царствование Павла I «строгость касательно военных была до чрезмерности. За безделицу исключались из службы, заключались в крепость и ссылались в Сибирь, аресты считались за ничто... Гражданским чиновникам и частным лицам было не легче»⁹. 15 февраля 1798 г. полковник Астраханского драгунского полка Ф.И. Меллер-Закомельский «был отставлен от службы с тем же чином». К этому времени уже находились в отставке оба его старших брата, герои штурма Очакова в 1788 г.

полковник Егор Меллер-Закомельский и генерал-майор Петр Меллер-Закомельский. Павел I в начале своего царствования без сожаления изгонял из армии заслуженных офицеров екатерининских времен и только избранные спустя некоторое время возвращались в строй. 30 ноября 1800 г. «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали, что «Его Императорское Величество в присутствии своем в Санкт-Петербурге соизволил отдать следующие приказы: ...22 ноября – выключенный из кирасирского де Ламберта полку Полковник Барон Миллер-Закомельский 1-й (Егор Меллер-Закомельский. – Л. С.) принят паки в службу и определен в кирасирский Бринкена полк. Выключенный из драгунского Львова 2-го полку (бывший Астраханский драгунский полк. – Л. С.) полковник Барон Миллер-Закомельский 2-й (Федор Меллер-Закомельский. – Л. С.) принят паки в службу и определен в драгунский Графа Палена 3-го полк»¹⁰.

Александр I, вступивший на русский престол после убийства 12 марта 1801 г. в Михайловском замке Павла I, уже 15 марта 1801 г. издал приказ, в котором сообщалось, что «Производятся для сравнения с сверстниками Кирасирского Бринкена полку Полковник Барон Миллер-Закомельский 1-й и драгунского Графа Палена 3-го полковник Барон Миллер-Закомельский 2-й в Генерал-майоры с назначением командирами тех полков»¹¹. В конце марта того же года драгунский графа Палена 3-го полк был переименован в Каргопольский драгунский полк, шефом которого вместо графа П.П. Палена стал генерал-майор Ф.И. Меллер-Закомельский. По воинскому уставу от 29 ноября 1796 г. шеф считался старшим в полку начальником, ответственным за полк и за всякого рода упущения в нем, как по строевой службе, так и по военному хозяйству. Шеф, как и другие офицеры, был включен в штатное расписание и обязан был постоянно находиться при полку. Входящий в штат полков полковой командир был старшим после шефа в полку офицером, замещавшим его в случае отсутствия*.

Каргопольский драгунский полк, ведший свою историю с 1707 г., отличился во вторую русско-французскую войну 1806–1807 гг. в сражениях при Пултуске и Прейсиш-Эйлау. Участник двухдневного сражения при Прейсиш-Эйлау, состоявшегося 26 и 27 января

* См.: Подмазо А.А. Шефы и командиры регулярных полков русской армии (1796–1815). М., 1997.

1807 г., Д.В. Давыдов писал, что это сражение «было кровавым предисловием Наполеонова вторжения в Россию. <...> Не оспаривая священного места, занимаемого в душах наших Бородинскою битвою, нельзя, однако ж, не сознаться в превосходстве над нею Эйлау относительно кровопролития. Первая, превышая последнюю восьмьюдесятью тысячами человек и с лишком шестьюстами жерлами артиллерии, едва-едва превышала ее огромностью урона, понесенного сражавшимися. Этому причиную род оружия, чаще другого употребленного под Эйлау. В Бородинской битве главным действовавшим оружием было огнестрельное, в Эйлау – рукопашное. В последней штык и сабля гуляли, роскошествовали и упивались досыта»¹². О действиях Каргопольского драгунского полка «в достопамятном сражении при Прейсиш-Эйлау» сообщалось в «всеподданнейшем донесении» главнокомандующего действующей армией генерала от кавалерии Л.Л. Беннигсена императору Александру I: «Лейб-Кирасирский Вашего Величества, Ингермаландский и Каргопольский драгунские полки и Елисаветградский гусарский врубались в неприятельскую кавалерию, вознамерившуюся обойти нас с правого фланга, и много оной побиты»¹³.

После получения при высочайшем рескрипте ордена Св. Владимира 3-й степени за личное мужество и умелое руководство Каргопольским драгунским полком в битве при Прейсиш-Эйлау Федор Иванович Меллер-Закомельский состоял еще полтора года шефом этого полка. 10 ноября 1808 г. «Санкт-Петербургские ведомости» сообщили: «Его Императорское Величество в присутствии своем в Санкт-Петербурге соизволили отдать следующий приказ: ноября 5-го дня увольняется от службы за болезнями Шеф Каргопольского драгунского полка Генерал-майор Барон Миллер-Закомельский 2-й с ношением мундира»¹⁴. На этом армейская карьера Ф.И. Меллер-Закомельского закончилась. Вместе с детьми и женой Варварой Яковлевной, урожденной княгиней Козловской, Федор Иванович стал вести жизнь помещика в селе Адамово Велижского уезда Витебской губернии, доставшемся ему в наследство от отца генерал-аншефа И.И. Меллер-Закомельского.

Десять лет спустя жизнь бывшего генерал-майора Ф.И. Меллер-Закомельского круто изменилась. 19 февраля 1820 г. ему «Именным Высочайшим Указом велено быть Могилевским гражданским губернатором с переименованием в Действительные Статские

Советники»¹⁵. Должность эту, скорее всего, он смог получить не без протекции. К этому времени его старший брат Петр Иванович Меллер-Закомельский был уже влиятельным при дворе военным министром и членом Государственного совета.

Пробыв более десяти лет не у дел, Ф.И. Меллер-Закомельский не был подготовлен к роли высшего губернского чиновника, которому надлежало заниматься различными хозяйственными делами. На гражданских губернаторов того времени приходилось «...неимоверное количество дел, стекающихся к губернатору: жалобы на земские и городские полиции, жалобы на самые суды уездные и городские в медлительности решений, производство разных следствий, пересмотр всех без изъятия уголовных приговоров (а их бывает тысячи), участие во многих делах хозяйственных, распорядок земских повинностей, дела приказа общественного призрения, сношения со всеми министерствами, кипы ежемесячных ведомостей, обозрение губерний, рекрутские наборы и во всех делах помощник исполнения – толпа канцелярских служителей малограмотных и при том нищих»¹⁶. Гражданские губернаторы назначались на трехгодичный срок. 24 июля 1822 г. действительный статский советник Ф.И. Меллер-Закомельский именным высочайшим указом был «уволен от звания» моголевского гражданского губернатора и причислен к Герольдии с повелением «производить ему жалование по чину до определения к другим делам»¹⁷. Проживая в своем витебском имении, Ф.И. Меллер-Закомельский состоял при Герольдии до 1834 г., когда были отправлены на пенсию «счисляющиеся по Герольдии не у дел» шестьдесят четыре тайных и действительных статских советников.

Умер помещик Витебской губернии Велижского уезда, действительный статский советник и кавалер барон Федор Иванович Меллер-Закомельский 9 августа 1848 г. и был похоронен на кладбище Маковской церкви того же уезда. После того как казна прекратила выплату назначенной Ф.И. Меллер-Закомельскому пенсии, его жена и дети оказались в своем обремененном долгами имении без всяких денежных доходов. Император Николай I на обращение к нему за помощью дочерей бывшего моголевского гражданского губернатора повелел назначить жене барона пенсию и выплатить семье действительного статского советника единовременное пособие в размере причитавшейся ему при жизни годовой пенсии.

- ¹ РГИА. Ф.1343. Оп. 46. Д. 1916. Л. 2.
- ² Там же. Ф. 1284. Оп. 34. 1 отд. 1 ст. Д. 40. Л. 29 об.–31.
- ³ Энгельгардт Л.Н. Записки. М., 1997. С. 20.
- ⁴ Ланжерон А.Ф. Русская армия в год смерти Екатерины II // Русская старина. 1895. № 4. С. 174.
- ⁵ Энгельгардт Л.Н. Указ. соч. С. 128.
- ⁶ Список воинскому департаменту и находящихся в штате при войске, в полках, гвардии, в артиллерии и при других должностях генералитету, шефам и штаб-офицерам, также кавалерам и старшинам в иррегулярных войсках на 1794 год. СПб., 1794. С. 162.
- ⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 34. 1 отд. 1 ст. Д. 40. Л. 29 об.–31.
- ⁸ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. Ч. 2. СПб., 1869. С. 567.
- ⁹ Энгельгардт Л.Н. Указ. соч. С. 149.
- ¹⁰ Санкт-Петербургские ведомости. 1800. № 96. 30 ноября. С. 4001.
- ¹¹ Там же. 1801. № 25. 19 марта. С. 948.
- ¹² Давыдов Д.В. Воспоминание о сражении при Прейсиш-Эйлау // Библиотека для чтения. Т. 12. СПб., 1835. Отдел III. С. 78.
- ¹³ Санкт-Петербургские ведомости. 1807. № 23. 19 марта. Прибавление. С. 2.
- ¹⁴ Там же. 1808. № 90. 10 ноября. С. 1.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 34. 1 отд. 1 ст. Д. 40. Л. 29 об.–31.
- ¹⁶ Посохов С.И. Губернаторы и генерал-губернаторы (1765–1917). Харьков, 1997. С. 12.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 34. 1 отд. 1 ст. Д. 40. Л. 29 об.–31.

*Е.В.Семенничева (с. Бородино,
Московская область, Можайский район)*

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ПРЕДМЕТЫ М.И. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА В СОБРАНИИ БОРОДИНСКОГО МУЗЕЯ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ война 1812 г., без сомнения, заняла в многолетней военной карьере М.И. Голенищева-Кутузова место первостепенное. Ее победоносное окончание принесло ему почетную приставку к фамилии – Смоленский, звезду ордена Святого Георгия Победоносца 1-го класса, а также всенародную любовь и титул «спаситель Отечества».

За генеральное сражение Отечественной войны у села Бородино полководец был удостоен чина генерал-фельдмаршала. На Бородинском поле, на месте наблюдательного пункта главнокомандующего русскими армиями, с 1912 г. возвышается памятник, увенчанный парящим орлом с лавровым венком в лапах (архитектор П.А. Воронцов-Вельяминов). У здания Бородинского музея, старейшего в мире из основанных на полях сражений, в 1966 г. был установлен скульптурный портрет полководца (скульптор Н.В. Томский). Говорить о том, что в фондах Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника хранится обширная иконография Кутузова и книжные издания о его полководческой деятельности, излишне. Гордость собрания составляют 25 предметов, атрибутированных как мемориальные предметы М.И. Кутузова, либо как предметы из его дома в Петербурге. Разными путями попали они в фонды музея, разнятся и истории их бытования. Что-то было приобретено у потомков полководца, что-то поступило из других музеев.

К одним из самых ранних поступлений следует отнести шкапулку для писем из красного дерева с инкрустацией перламутром

(стилизованный растительный орнамент) и каминные часы французской работы (рис. 1, 2). Шкатулка хорошей сохранности, с небольшими царапинами и незначительными загрязнениями. Внутри имеет шесть отделений, разделенных продольными перегородками, запирается на ключ, который сохранился в замочной скважине на лицевой стороне. Хорошо сохранились и бронзовые часы. Небольшой белый циферблат с римскими цифрами и надписью «PieussecaParis» обрамлен стилизованным цветочным венком. Над ним фигура женщины в ампирном платье с накидкой, обнимающей прильнувшего к ней ребенка. Арфа и ваза с цветами дополняют эту композицию. Основание прямоугольной формы на четырех ножках украшает с лицевой стороны накладка с изображением женщины, кормящей младенца.

Рис. 1

Рис. 2

Акт, фиксирующий появление этих предметов в музее, отсутствует. В старых инвентарных карточках он датирован 1936 г. Известно и имя сотрудницы, через которую они поступили в фонды – Е.И. Кожухова, сестра директора музея С.И. Кожухова, спасавшего в октябре 1941 г. музейную коллекцию. Учетная документация довоенного времени утрачена, и потому представить полную картину приобретения этих предметов невозможно.

Однако имеется и другая датировка. В 1945 г. отмечался 200-летний юбилей полководца. В Государственном Эрмитаже была устроена выставка, посвященная этому событию. Несколько предметов для выставки были предоставлены М.П. Братушевой,

проживавшей в то время в Ленинграде, в доме № 30 на Кутузовской набережной, то есть в бывшем доме М.И. Кутузова. До Великой Отечественной войны в одной из квартир дома жили потомки полководца по линии его младшей дочери Дарьи Михайловны Опочининой – Павел Николаевич Тучков, он умер во время блокады, и его жена Татьяна Александровна. Правнучка Кутузова Екатерина Константиновна Опочинина вышла замуж за флигель-адъютанта Николая Павловича Тучкова, внучатого племянника четырех генералов Тучковых, участвовавших в Отечественной войне 1812 г.

М.П. Братушева состояла в родстве с Тучковыми и во время блокады много сделала для того, чтобы сохранить дом Кутузова от разрушения. По окончании работы юбилейной выставки некоторые предметы купил Эрмитаж, а Бородинский музей, надо полагать, – шкатулку для писем.

Каминные часы попали в Бородино из Угличского историко-художественного музея Ярославской области. Как часы из дома Кутузова в Петербурге они хранились в селе Шишкино Угличского уезда – имении Опочининых-Тучковых, а в 1919 г. переданы в музей Николаем Николаевичем Тучковым, бывшим предводителем угличского дворянства. Эту информацию сообщила в ответ на запрос Бородинского музея заведующая фондами Угличского музея в письме от 27.09.1960 г.

Рис. 3

В 1956 г. в Ленинграде у Т.А. Тучковой Бородинским музеем была приобретена икона «Николай Чудотворец», выполненная в конце XVIII в. в технике шпалеры с включением бисера (рис. 3). Она хранилась как реликвия в семье полководца. По семейному преданию, М.И. Кутузов никогда не расставался с этой иконой, сопровождала она его и в 1812 г., была с ним на Бородинском поле в день генерального сражения. О месте, выбранном для сражения, М.И. Кутузов писал в донесении к императору Александру I: «Позиция, в которой я остановился при деревне Бородине, в двенадцати

верстах вперед Можайска, одна из наилучших, которые только на плоских местах найти можно». Знаменательно, что покровителем Можайска с древних времен считался Святитель Николай, спасший некогда город от вражьего разорения. Чудотворный резной образ Николая Можайского с мечом и градом в руках хранился в городском Никольском соборе.

Рис. 4

В 1957 г. в Ленинград к М.П. Братушевой вновь отправился сотрудник музея – главный хранитель К.И. Шатов. Результатом его поездки стало пополнение музейной коллекции еще несколькими предметами, а именно – овальным столиком с бронзовыми накладками и инкрустацией из ценных пород деревьев, предметами столового сервиза фабрики «Веджвуд» (2 десертных, 4 столовых тарелки и салатница), столовой вилкой с костяной рукояткой (рис. 4), хрустальным бокалом с вензелем «Е А» под императорской короной (рис. 5), ножом для разрезания бумаг, черепаховой табакеркой с вензелем и «вазой-лампадой» на высокой ножке из красного стекла (акт закупочной комиссии от 23.01.1958). В этом акте перечислено еще несколько предметов, которые были признаны «соответствующими задачам Государственного Бородинского музея, ввиду их исторической ценности, как личные вещи М.И. Кутузова, необходимые для экспозиции музея и его филиала “Кутузовская изба”». В настоящее время в фондах Бородинского музея их нет, возможно, они остались в «Кутузовской избе». Как бы то ни было, вновь приходится говорить «увы» и сожалеть о состоянии музейного дела в те годы.

Рис. 5

В декабре 1959 г. с музеем вступил в переписку В.Ф. Филиппов, проживавший в Ленинграде, на Лесном проспекте, д. 18, кв. 20, с предложением приобрести у него часть чайного сервиза, принадлежавшего М.И. Кутузову (шесть писем). Корреспондент, исходя из того, что сам он «в последнее время стал часто прихварывать, и, не имея прямых наследников, не хотел бы, чтобы эти вещи оказались в случайных руках, а потому и счел необходимым предложить их» Бородинскому музею. Своей рукой он подчеркнул в письме, что «дело не в стоимости их (предметов), а в том, чтобы они были помещены там, где им надлежит быть». Филиппов предполагал получить за сервиз сумму в пределах 1000 рублей, или же «если нет ассигнований для этой цели», готов был передать сервиз безвозмездно. Музей, однако, назначил цену – 700 рублей, о чем зам. директора по научной части Г.М. Митрофанова 26.01.1960 г. сообщила Филиппову. Поскольку никакой оказии в Ленинград со стороны музея не предвиделось, сервиз 15.05.1960 г. был отправлен по почте ценной посылкой. Согласно представленной Филипповым справке от 17.05.1960 г., заверенной сургучной печатью, чайный сервиз хранился в семье Бурачок. Свояченица С.О. Бурачка, редактора журнала «Маяк» (1840–1845), А.В. Зражевская (1805–1867), писательница 30–40-х гг. XIX столетия, была большой приятельницей Прасковьи Михайловны Толстой, дочери М.И. Кутузова. В начале 1840-х гг. П.М. Толстая перед отъездом А.В. Зражевской в Старую Руссу подарила ей сервиз своего отца. В 1846 г. в связи со своей болезнью Зражевская вернулась в Петербург и поселилась у своей сестры Е.В. Бурачок, где и жила до момента помещения ее в 1851 г. в лечебницу для душевнобольных, где и умерла в 1867 г.

Все ее вещи, в том числе и «Кутузовский сервиз», как его привыкли называть, остались в семье С.О. Бурачка. Впоследствии сервиз перешел как реликвия к дочери С.О. Бурачка, а от ее семьи в 1917 г. – к В.Ф. Филиппову.

Сервиз, по словам О.С. Бурачок, состоял из 5-ти чашек, одного чайника и полоскательницы. В связи с многочисленными переездами, особенно в 1917–1918 гг., остальные предметы из сервиза были утрачены и частично разбиты. Сейчас он состоит из трех чайных пар и полоскательницы... (рис. 6). По акту закупочной комиссии Бородинского музея от 15.08.1960 г., предметы были закуплены за 500 рублей. Предметы сервиза украшены полихромной

надглазурной росписью – в коричневой решетке на розовом фоне зеленые стилизованные цветы. На чашках и полоскательнице – пейзажи и античные строения и руины.

Обратимся теперь к тому, с чего, может быть, надо было на-

чать, – к экспонатам, которые имеют особую ценность. Это походный экипаж и погребальная колесница М.И. Кутузова (рис. 7). В книге поступлений Бородинского музея они записаны под № 1 и 2.

Походный экипаж в сентябре 1812 г. был оставлен М.И. Кутузовым в деревне Моча на Калужской дороге. Здесь, в имении его старшей дочери Прасковьи Михайловны, он и сохранялся, а затем правнуком Кутузова Павлом Павловичем Толстым был передан в Государственный Исторический музей. В 1938 г. экипаж был принят в музей на Бородинском поле на временное хранение, а в 1978 г.

Рис. 6

Рис. 7

переведен на постоянное хранение. Экипаж дважды реставрировался – в 1953 и 1987 гг. Он экспонировался во всех экспозициях, какие когда-либо строились в здании музея у батареи Раевского. Займет он достойное место и в юбилейной экспозиции «Славься век, Бородино!» в 2012 г.

Иначе складывалась «музейная» жизнь погребальной колесницы. Она попала в Бородинский музей из уже упоминавшегося Угличского историко-художественного музея. В истории ее бытования также упоминается село Шишкино Угличского уезда и праправнук М.И. Кутузова Николай Николаевич Тучков. Первоначально посетители музея могли видеть колесницу в церкви Спаса Нерукотворного на территории Спасо-Бородинского монастыря. В 1987 г. она стала центральным экспонатом экспозиции «Последний путь полководца» в помещении церкви Смоленской иконы Божьей Матери в селе Бородино. Но с передачей церкви в 1989 г. Русской Православной церкви экспозиция была демонтирована. Погребальная колесница в настоящее время находится в фондах музея.

Другие упоминавшиеся здесь мемориальные предметы экспонировались много и часто – и в экспозициях Бородинского музея, и на передвижных выставках. Практически в полном объеме они будут представлены в экспозиции «Славься век, Бородино!»

Н.Н. Серегин (Барнаул)

**ОРУЖИЕ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ
СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА В ОБЩЕСТВЕ
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ***

Введение

ЯРКИМ периодом в истории Центральной Азии является раннее средневековье. Во второй половине I тыс. н.э. произошло становление, развитие и крушение целого ряда кочевых империй. Процесс создания держав кочевников, как правило, сопровождался активной экспансией, причем не только на сопредельные районы, но и на достаточно отдаленные территории. Особого успеха в этом достигли раннесредневековые тюрки, основавшие несколько крупнейших, хоть и недолговечных империй, границы которых простирались в разное время далеко за пределы центрально-азиатского региона. Важной составляющей военной машины кочевников рассматриваемой общности был эффективный комплекс вооружения. В работах отечественных исследователей подробно рассмотрены различные категории оружия, а также специфика его развития на различных территориях ¹. Гораздо более фрагментарно представлены вопросы, связанные с реконструкцией значимости предметов вооружения в представлениях раннесредневековых тюрков. Известно, что начиная с древности оружие, помимо своей боевой функции, начинает выполнять знаковую роль, становясь показателем

* Работа выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Реконструкция социальной организации и системы жизнеобеспечения кочевников Южной Сибири поздней древности и средневековья» (шифр 2010-1.2.1-300-028-022).

статуса в воинской иерархии. Особенно это характерно для милитаризованных обществ кочевников, где почти каждый мужчина являлся воином. По мнению некоторых исследователей, у раннесредневековых номадов произошло формирование культа воина-героя, нашедшего выражение в эпосе, создании «поминальных» памятников и др.² Поэтому изучение статуса предметов вооружения в обществе тюрков имеет большое значение для целостной реконструкции культуры номадов в целом.

Историография

Некоторые наблюдения о значимости предметов вооружения в обществе раннесредневековых тюрков Центральной Азии представлены в работах отечественных исследователей. А.Д. Грач³, отметив редкость случаев обнаружения клинкового оружия и копий в погребениях кочевников, предположил, что это может объясняться особенностями ритуальной практики, в частности, запретом на помещение таких вещей в могилу. По мнению В.А. Могильникова⁴, такая ситуация связана не только со спецификой обряда раннесредневековых тюрков, но и с большой ценностью мечей, клавшихся только в погребения наиболее знатных воинов.

Детальное изучение особенностей распространения предметов вооружения в погребальных и «поминальных» комплексах раннесредневековых тюрков Алтая осуществлено В.В. Горбуновым⁵. В русле тематики настоящей статьи интерес представляет опыт исследователя по выделению семи групп объектов, причем основным критерием для этого стала насыщенность памятников разными категориями оружия при учете общего состава сопроводительного инвентаря. Результаты анализа материалов раскопок археологических комплексов Алтая были дополнены сведениями письменных источников. Это позволило В.В. Горбунову соотнести выделенные группы с основными уровнями военной иерархии кочевников. Развернутая характеристика организации войска раннесредневековых тюрков Центральной Азии осуществлялась Ю.С. Худяковым⁶, однако, главным образом, на основе анализа письменных источников.

Отдельные замечания о социальной значимости предметов вооружения из погребений раннесредневековых тюрков, исследованных на различных территориях, представлены в работах многих авторов⁷. Однако специального исследования, основанного на

комплексном анализе всех групп источников и направленного на реконструкцию значения предметов вооружения как социального показателя в обществе кочевников, не предпринималось. В настоящей работе представлен опыт решения ряда вопросов в указанном направлении.

Предметы вооружения в погребальном обряде раннесредневековых тюрков

Основным источником для реконструкции знаковой роли предметов вооружения в обществе раннесредневековых тюрков Центральной Азии являются материалы исследования археологических памятников. На отдельных этапах работы перспективным представляется привлечение результатов изучения «поминальных» памятников, главным образом, каменных изваяний, а также наскальных изображений. При этом наиболее информативными являются материалы раскопок погребальных комплексов, анализ которых позволяет рассматривать различные аспекты общественного устройства кочевников. Поэтому прежде чем перейти к определению социальной значимости предметов вооружения в представлениях раннесредневековых тюрков необходимо детально исследовать особенности использования таких изделий в обрядовой практике кочевников, а также представить специфику распространения конкретных групп находок.

На сегодняшний день основная масса погребений тюркской культуры (более 300) исследована на территории Саяно-Алтая. Памятники, раскопанные в этом регионе, наиболее полно отражают культуру данной общности, и именно они составили источниковую базу настоящего исследования. Кроме того, для сравнения привлекались синхронные материалы, полученные в ходе работ на сопредельных территориях (Монголия, Кыргызстан, Казахстан и др.). Для исследования значимости предметов вооружения в погребальном обряде раннесредневековых кочевников нами была сформирована специальная выборка, составившая 204 погребения тюркской культуры, раскопанных на Алтае (95 объектов), в Туве (48 объектов) и Минусинской котловине (61 объект). Основными факторами в ходе отбора памятников из общего количества известных на сегодняшний день могил стали степень сохранности комплекса, а также возможность определения пола умершего, что является необходимым условием для полноценного исследования

в указанном направлении. К сожалению, количество антропологических определений материалов из погребений тюркской культуры Саяно-Алтая весьма незначительно. В связи с этим формирование выборки для последующего анализа происходило следующим образом. На первом этапе было осуществлено изучение погребений, для которых имеется антропологическое определение пола умершего. Результатом стало выделение устойчивых признаков обряда, характерных для мужских и женских могил. Далее на основе полученных данных из общего количества раскопанных объектов тюркской культуры Саяно-Алтая были обозначены погребения, материалы которых содержат такие устойчивые сочетания показателей, позволяющие определить пол умершего человека. При этом учитывались только неограбленные погребения, а также частично потревоженные объекты, по которым сохранилась информация, достаточная для последующего анализа. В итоге выделены 133 могилы, определенные как мужские, 40 женских захоронений и 31 детское.

Для выявления и конкретизации закономерностей распространения предметов вооружения был проведен статистический анализ, который позволил обозначить встречаемость конкретных находок в захоронениях лиц обоих полов, а также в детских могилах. В составе предметов вооружения выделены следующие группы изделий: 1) лук; 2) железные наконечники стрел; 3) клинковое оружие (боевой нож, кинжал, меч); 4) топор; 5) копьё; 6) доспех.

Оружие зафиксировано в абсолютном большинстве мужских погребений – 124 (93,23 %) объекта (рис. 1). Оно отсутствовало только в 9 (6,76 %) могилах. Наиболее распространенными в памятниках тюркской культуры были предметы вооружения дистанционного боя. Остатки лука и железных наконечников стрел зафиксированы, соответственно, в 84 (63,15 %) и 105 (78,94 %) могилах. Менее частыми являются находки оружия ближнего боя и таранного удара, а также защитного доспеха. Боевые ножи, кинжалы и мечи обнаружены в 34 (25,56 %) погребениях (рис. 2.–1–6, 10–13). Гораздо реже встречены топор (рис. 2.–7–9) и копьё (рис. 3.–4–6), зафиксированные в четырех (3 %) и пяти (3,75 %) мужских могилах. Всего шесть раз (4,5 %) отмечено присутствие в погребении или кенотафе фрагментов доспеха (рис. 3.–1–3).

Насыщенность захоронения предметами вооружения определялась, главным образом, не возрастом, а заслугами и профессиональным

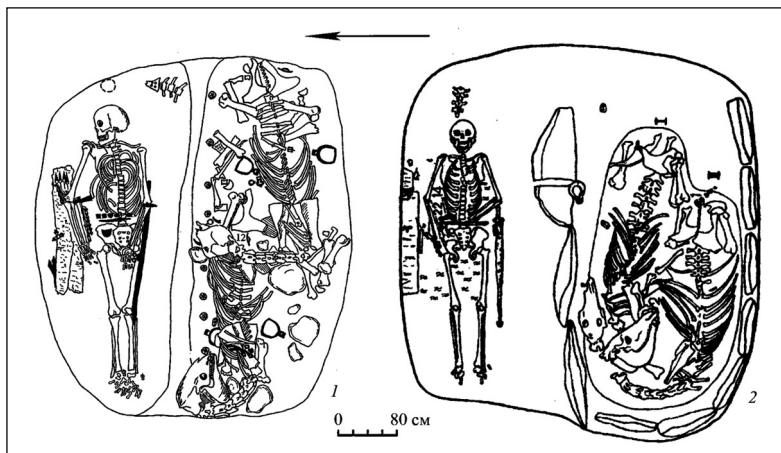

Рис. 1. Погребения воинов тюркской культуры (по: 1 – Кубарев Г.В., 2005, табл. 59; 2 – Могильников В.А., 1997, рис. 2)

статусом умершего воина. К примеру, в ряде случаев в могилах юношей 16–20 лет зафиксировано несколько различных категорий рассматриваемых предметов. Не исключено некоторое снижение статуса пожилых (более 55 лет) людей, что нашло отражение в сокращении количества обозначенных вещей, отсутствии оружия ближнего боя и др. С другой стороны, то, что предметы вооружения зафиксированы в ряде погребений мужчин обозначенной возрастной группы⁸, свидетельствует о сохранении ими определенного статуса.

Предметы вооружения, а именно кинжалы, зафиксированы только в двух (5 %) женских погребениях тюркской культуры, раскопанных на территории Саяно-Алтая. В трех детских могилах обнаружены железные наконечники стрел. Таким образом, наличие оружия в захоронении является одним из существенных показателей половой и возрастной принадлежности умерших.

Завершая рассмотрение особенностей использования оружия в погребальном обряде раннесредневековых тюрков, отметим наличие некоторых тенденций в территориальном распространении отдельных групп предметов. Редкие изделия в рамках рассматриваемой категории находок (меч, кинжал, копьё, защитный доспех) обнаружены преимущественно на Алтае и гораздо более фрагментарно встречены в памятниках Тувы, Минусинской котловины и

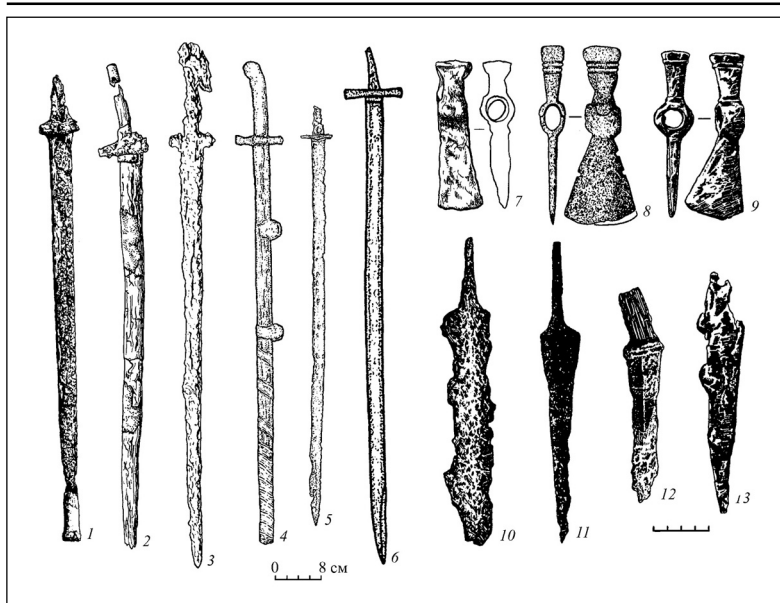

Рис. 2. Предметы вооружения из памятников раннесредневековых тюрок (по: 1 – Могильников В.А., 1997, рис. 3.–6; 2 – Кубарев Г.В., 2005, табл. 117.–1; 3 – Овчинникова Б.Б., 1982, рис. 3.–21; 4 – Худяков Ю.С., 2004, рис. 48.–1; 5 – Кубарев Г.В., 2005, табл. 63.–1; 6 – Худяков Ю.С., Кочев В.А., Моносов В.М., 1996, рис. 1.–1; 7 – Кубарев Г.В., 2005, табл. 62.–13; 8 – Горбунов В.В., 2006, рис. 69.–1; 9 – Гаврилова А.А., 1965, рис. 9.–11; 10 – Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997, рис. VII.–16; 11 – Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, рис. 18; 12 – Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003, рис. 4.–1; 13 – Гаврилова А.А., 1965, табл. XXIV.–10)

Монголии. Учитывая обоснованную ниже социальную значимость обозначенных предметов вооружения, не исключено, что данная закономерность связана с тем, что именно на Алтае фиксируется наиболее стабильное развитие общности раннесредневековых тюрок с ограниченной степенью зависимости от других объединений номадов второй половины I тыс. н.э.

Социальная значимость предметов вооружения

Корректное определение социальной значимости предметов вооружения в представлениях раннесредневековых тюрок

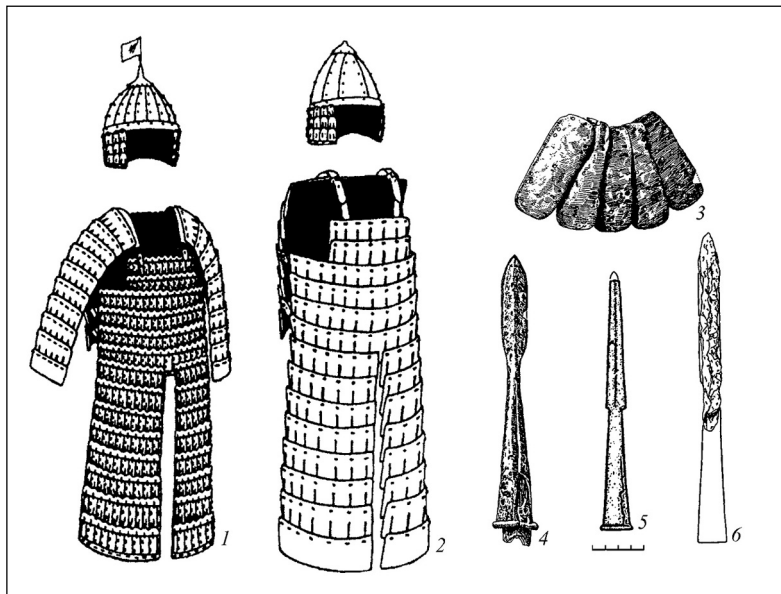

Рис. 3. Предметы вооружения и защитного снаряжения из памятников раннесредневековых тюрок (по: 1, 2 – Горбунов В.В., 2003, рис. 60; 3 – Гаврилова А.А., 1965, табл. V.-1; 4–6 – Горбунов В.В., 2006, рис. 42.-5–7)

Центральной Азии не может быть интуитивным или основываться только на рассмотрении частоты встречаемости находок в погребениях. Необходим учет комплекса показателей и привлечение дополнительных источников и материалов. Особое значение в этом плане имеет изучение каменных изваяний (рис. 4), зачастую демонстрирующих облик представителей элитных слоев общества раннесредневековых кочевников, а также наскальных рисунков (рис. 5), на которых нередко изображены знатные воины. Кроме того, при определении социальной значимости предметов вооружения существенными являются следующие факторы:

- 1) материальная ценность предметов;
- 2) символическая значимость вещей;
- 3) закономерности распределения изделий в погребениях и особенности распространения конкретных находок;

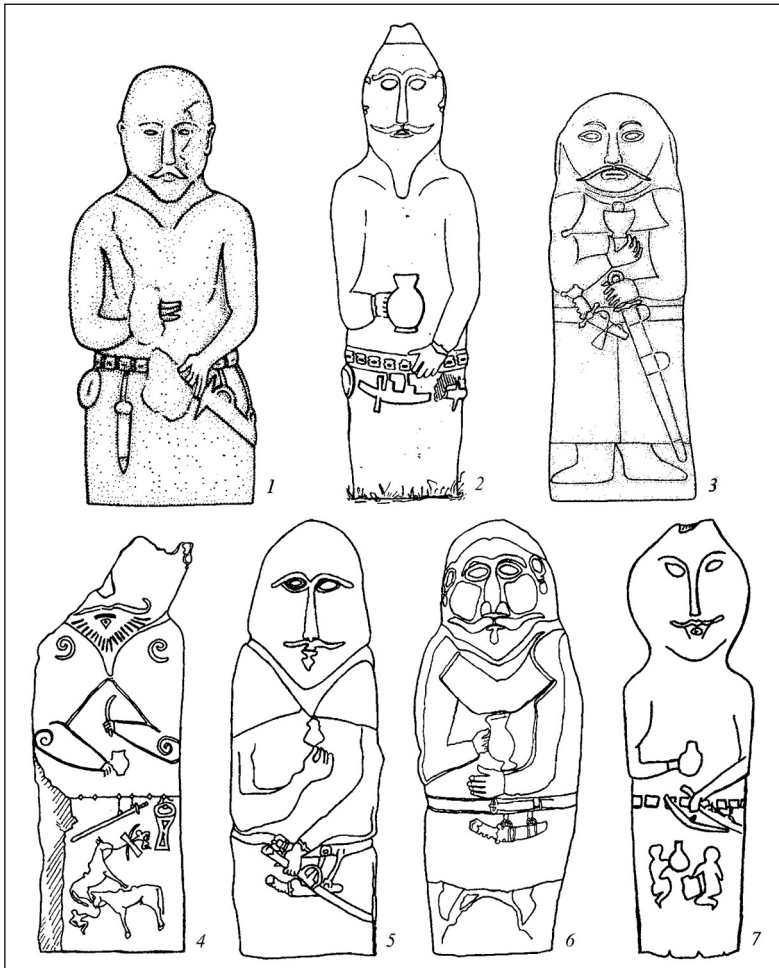

Рис. 4. Каменные изваяния раннесредневековых тюрок (по: 1 – Худяков Ю.С., Плотников Ю.А., 1990, рис. 2.-1; 2 – Евтюхова Л.А., 1952, рис. 3.-2; 3 – Худяков Ю.С., Комисаров С.А., 2002, рис. XXVIII.-1; 4, 7 – Кубарев В.Д., 2002, рис. 16; 5, 6 – Кубарев Г.В., 2008, рис. 1)

4) общие тенденции развития кочевых обществ центрально-азиатского региона в раннем средневековье («престижная» экономика, роль военного дела, направления торговых связей и др.).

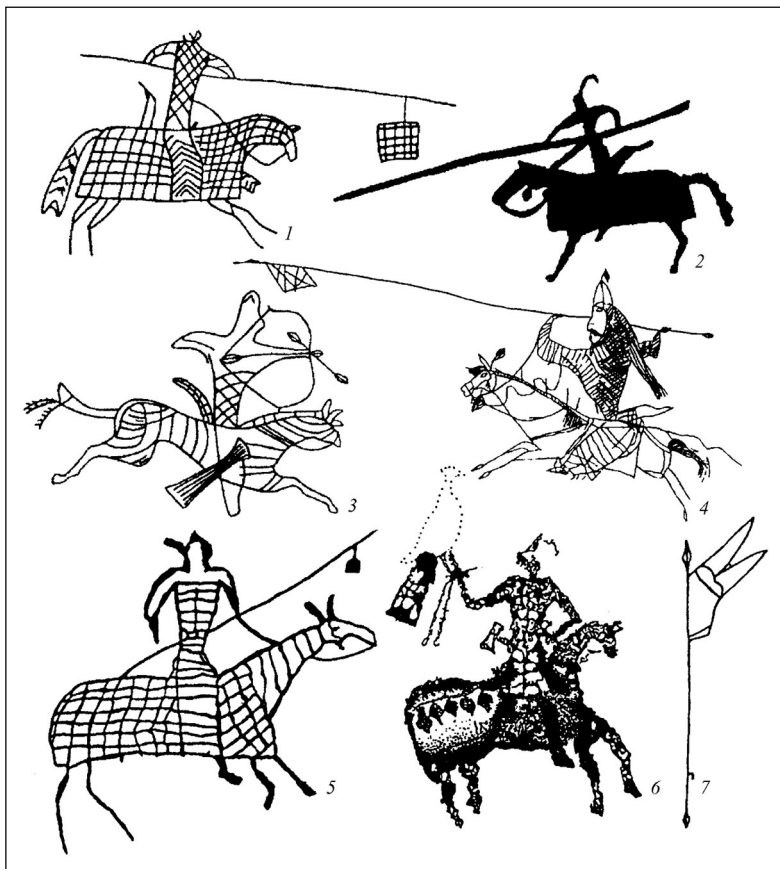

Рис. 5. Наскальные рисунки раннего средневековья (по: 1–3, 5 – Горбунов В.В., 2006, рис. 73; 4 – Черемисин Д.В., 2004, рис. 14; 6 – Кляшторный С.Г., 2001, рис. 1; 7 – Кубарев Г.В., 2008, рис. 1.–2)

Известно, что предметы вооружения являлись одним из наиболее значимых атрибутов воина-кочевника. При этом среди них выделяются вещи, имевшие особый статус благодаря целому комплексу представлений, связанных с их использованием. В первую очередь, следует обратить внимание на социальную значимость клинкового оружия ближнего боя. Особый культурный статус сабли, меча и кинжала в эпоху средневековья подтверждают многочисленные свидетельства письменных источников среднеазиатского

происхождения⁹. Такие предметы являлись символом оружия и атрибутом власти военачальника у многих народов Евразии различных исторических периодов¹⁰. Вполне характерными являются сведения о том, что меч был среди атрибутов, выделявших элиту общества Золотой Орды из состава остального населения¹¹. Обратим внимание на то, что кинжал в раннем средневековье рассматривался не только как предмет вооружения, но также как элемент костюма и отличительный знак ранга знатного воина¹². Дополнительным подтверждением этому является упоминание о кинжале как о поясном украшении тюрок, приведенное в китайских династийных хрониках¹³.

Особое символическое значение имел также боевой топор, рассматривавшийся, по всей видимости, как один из знаков власти военачальника¹⁴. К примеру, на одном из произведений пенджикентской живописи зафиксировано изображение царя без доспеха, но с топором¹⁵. Редкие изображения знатных воинов с обозначенным предметом вооружения известны на петроглифах раннего средневековья, обнаруженных в различных районах центрально-азиатского региона (рис. 5.–6).

Несомненно, ценным предметом воинского снаряжения являлся защитный доспех (рис. 3.–1, 2). Значимость данного элемента паноплии в значительной степени определялась сложностью и трудоемкостью его изготовления. В том числе поэтому тяжеловооруженная конница была элитным родом войска кочевников и формировалась из представителей наиболее знатных родов общества. Отметим, что такая ситуация характерна не только для эпохи средневековья, но и для более раннего времени¹⁶.

Судя по имеющимся сведениям, особый статус в обществе раннесредневековых номадов имело копьё. Такие изделия нередко фиксируются при исследовании наскальных изображений. При этом зачастую на копьях, находящихся в руках конных воинов, присутствуют дополнительные элементы – бунчуки и небольшие флажки¹⁷ (рис. 5.–1, 4, 5, 7). Известно, что такие атрибуты являлись отличительным признаком знатных воинов, командующих подразделениями различного уровня¹⁸. Кроме того, имеется информация о том, что бунчуки, знамена или штандарты в раннем средневековье представляли собой символ властных полномочий и использовались для подтверждения статуса послов при ведении переговоров¹⁹.

Одним из эффективных подходов при социальной интерпретации вещей из памятников конкретных обществ является выделение из совокупности предметов сопроводительного инвентаря «комплекса власти», включающего показатели военно-управленческого могущества и политического статуса, и «комплекса богатства», объединяющего признаки высокого имущественного положения, материального достатка. Такой подход, опыт теоретического осмысления и практической реализации которого представлен в ряде исследований²⁰, позволяет не только корректно обозначить значимость конкретных групп изделий, но также на последующих этапах работы способствует осуществлению объективной интерпретации как отдельных погребений, так и выделенных групп объектов.

Проведенный анализ памятников тюркской культуры с привлечением дополнительных источников позволяет утверждать, что «комплекс власти» в обществе раннесредневековых кочевников был представлен, главным образом, предметами вооружения²¹. Оружие дистанционного боя (лук и стрелы) являлось весьма распространенным и не маркировало погребения знатных воинов. Показателем высокого статуса умершего было наличие в захоронении меча, кинжала и копья. Имеются все основания для того, чтобы предполагать высокую степень распространения обозначенных предметов в раннем средневековье. В письменных источниках нередко упоминания об использовании мечей, кинжалов и копий как стандартного для тюркских воинов оружия²². Мечи и кинжалы широко представлены на реалистичных каменных изваяниях, изображавших знатных кочевников²³ (рис. 4). Копья являются непременным атрибутом конных воинов на петроглифах раннего средневековья²⁴. При этом многие всадники облачены в защитный доспех (рис. 5). На наш взгляд, обоснованным является предположение о том, что исключительность рассматриваемых предметов в погребениях тюркской культуры Саяно-Алтая обусловлена не ограниченностью их распространения и использования, а тем, что они помещались только в могилы людей, имевших при жизни высокий статус.

Несколько иначе обстоит ситуация с использованием в раннем средневековье боевого топора. Не исключено, что применение его тюрками в ходе военных действий было ограниченным, и данные предметы стали рассматриваться как некий символ власти.

Особое значение топора косвенно подтверждается обнаружением рассматриваемых изделий в составе «кладов»²⁵.

Довольно специфичным является распространение в погребальных комплексах тюркской культуры Саяно-Алтая защитного доспеха. Прежде всего, обратим внимание на то, что такие изделия представлены, в большинстве случаев, сравнительно небольшими фрагментами, что может свидетельствовать об их ценности. Кроме того, части панциря встречены в «стандартном» погребении только однажды²⁶. В остальных случаях фрагменты защитного доспеха зафиксированы в кенотафах, каменных оградках и «ритуальных» курганах²⁷. В данном случае, помимо социальной значимости рассматриваемых предметов, очевидна и другая их функция. В качестве предположения обратим внимание на возможность того, что фрагменты доспеха могли являться своего рода символической «заменой» отсутствовавшего человека в обозначенных погребально-поминальных комплексах.

Подчеркнем, что одним из факторов, позволяющих отнести обозначенные предметы вооружения к социально значимым элементам вещевого комплекса тюркской культуры Саяно-Алтая, является изучение тенденций в их распределении в погребениях. Помимо редкости рассматриваемых находок, существенным показателем в этом отношении можно считать то, что мечи, кинжалы, копья, боевые топоры и фрагменты доспеха в абсолютном большинстве случаев зафиксированы в могилах, при исследовании которых отмечено присутствие «богатого» сопроводительного инвентаря.

Интересные результаты получены в ходе моделирования социальной структуры населения раннесредневековых тюрков²⁸. Достаточно четко выделились несколько групп погребений, принадлежавших, судя по зафиксированным показателям, профессиональным воинам, командовавшим подразделениями различного уровня. Значительная часть элиты кочевников была связана с военным делом. Это подтверждается присутствием большого количества различных категорий оружия в «богатых» захоронениях тюркской культуры. Вместе с тем, анализ материалов раскопок погребальных комплексов показал, что элита кочевников была представлена также населением, не связанным непосредственно с военным делом, но вместе с тем сосредотачивавшим в своих руках определенные управленческие функции. Данный тезис находит косвенное

подтверждение и в результатах изучения каменных изваяний раннего средневековья. На значительной части таких памятников изображены знатные воины с клинковым оружием, демонстрирующим их статус. Однако выделяется достаточно многочисленная группа изваяний, на которых отсутствуют какие-либо предметы вооружения. По мнению некоторых исследователей, такие объекты создавались в честь представителей невоенной прослойки тюркского общества – чиновничества, людей, близких к правящей военной верхушке, но не занимающихся непосредственно военным делом²⁹. Рассмотренные материалы демонстрируют сложность организации общества кочевников и специфику профессиональной дифференциации номадов раннего средневековья.

Заключение

Изучение особенностей распространения предметов вооружения в погребальных комплексах раннесредневековых тюрок показало, что такие находки являются отличительным показателем захоронений мужского населения. Зафиксированные традиции расположения рассматриваемых изделий в могиле, в большинстве случаев, определялись особенностями их ношения людьми при жизни. Распространение различных групп оружия в памятниках раннесредневековых тюрок Центральной Азии, помимо выявленного половозрастного фактора, было обусловлено социальной значимостью конкретных категорий предметов. Анализ результатов раскопок погребальных комплексов с привлечением дополнительных источников и материалов позволил обосновать особый статус клинкового оружия, боевого топора, копья и защитного доспеха в представлениях кочевников. Сделанные выводы были подтверждены и расширены в ходе моделирования структуры общества раннесредневековых тюрок, продемонстрировавшего сложность организации объединений номадов и существование в социуме кочевников нескольких элитных групп, одни из которых были связаны с военным делом, а другие сосредоточили определенные управленческие функции. Полученные результаты показали, что дальнейшее изучение комплекса представлений, связанных с использованием предметов вооружения, позволит не только более детально представить специфику мировоззрения номадов, но и будет способствовать расширению имеющихся представлений об организации общества раннесредневековых кочевников.

- ¹ Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. С. 137–169; Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск, 1990. С. 65–86; Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул, 2003. 174 с.; Он же. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. 232 с.
- ² Васютин С.А. Культ воина-героя («мужа-воина») и его религиозные мотивы в кочевых обществах древнетюркской эпохи // Сибирь на перекрестке мировых религий: Материалы Третьей межрегиональной конференции. Новосибирск, 2006. С. 79–82.
- ³ Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. С. 76.
- ⁴ Могильников В.А. Курган 85 Кара-Кобы-I и некоторые итоги изучения древнетюркских памятников Алтая в связи с исследованиями в Кара-Кобе // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск, 1997. С. 206.
- ⁵ Горбунов В.В. Военное искусство алтайских тюрков в раннем средневековье // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2007. С. 86–88.
- ⁶ Худяков Ю.С. Золотая волчья голова на боевых знаменах: Оружие и войны древних тюрков в степях Евразии. СПб., 2007. 192 с.
- ⁷ Овчинникова Б.Б. Указ. соч. С. 83; Кубарев В.Д. Палаш с согдийской надписью из древнетюркского погребения на Алтае // Северная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1992. С. 32; Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005. С. 99.
- ⁸ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. С. 66–67; Нестеров С.П., Худяков Ю.С. Погребение с конем могильника Телсей-III // Сибирь в древности. Новосибирск, 1979. С. 88–90.
- ⁹ Дмитриев С.В. К вопросу о культурном статусе холодного оружия в традиционной культуре народов Средней Азии // Евразия сквозь века. СПб., 2001. С. 234–237.
- ¹⁰ Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980. С. 79; Ульянов И.В. Культ меча ранних кочевников Южного Урала // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. Иркутск; Эдмонтон, 2007. С. 189–190; Измайлов И.Л. Защитники «Стены Искандера». Казань, 2008. С. 39; Кочкаров У.Ю. Кинжалы Северо-Западного Предкавказья VIII–X вв. // Российская археология. 2010. № 1. С. 157.
- ¹¹ Селезнев Ю.В. Элита Золотой Орды. Казань, 2009. С. 21.
- ¹² Распопова В.И. Указ. соч. С. 79; Овчинникова Б.Б. Указ. соч. С. 83.
- ¹³ Лю Маоцай. Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках // Бюллетень Общества востоковедов. М., 2002. С. 19.
- ¹⁴ Кубарев В.Д. Указ. соч. С. 32; Кубарев Г.В. Указ. соч. С. 99.
- ¹⁵ Распопова В.И. Указ. соч. Л., 1980. С. 76.
- ¹⁶ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Военное дело сяньбийских государств северного Китая в IV–VI вв. н.э. // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск, 2005. С. 95, 97; Худяков Ю.С. Золотая волчья голова на боевых знаменах: Оружие и войны древних тюрков в степях Евразии. С. 119.

¹⁷ Советова О.С., Мухарева А.Н. Об использовании знамен в военном деле средневековых кочевников (по изобразительным источникам) // Археология Южной Сибири. Кемерово, 2005. Вып. 23. С. 94.

¹⁸ Окладников А.П. Конь и знамя на Ленских писаницах // Тюркологический сборник. 1951. Вып. I. С. 151–153; Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Указ. соч. С. 116–117.

¹⁹ Худяков Ю.С. Символы и атрибуты государственности у енисейских кыргызов в эпоху раннего средневековья // Этническая история и культура тюркских народов Евразии. Омск, 2011. С. 294–295.

²⁰ Васютин С.А. Социальная организация кочевников Евразии в отечественной археологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1998. С. 18; Кондрашов А.В. Опыт выделения социодиагностирующих признаков инвентаря по материалам погребений сrostкинской культуры // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004. С. 105–107; Матренин С.С., Тишкин А.А. Булан-кобинская культура Горного Алтая // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. С. 179.

²¹ Серегин Н.Н. Опыт выделения социально значимых элементов погребального обряда населения тюркской культуры Саяно-Алтая // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. 2011. № 4/2 (72/1). С. 180–185.

²² Худяков Ю.С. Золотая волчья голова на боевых знаменах: Оружие и войны древних тюрок в степях Евразии. С. 115–117.

²³ Евтохова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. М., 1952. № 24. С. 110–113; Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961. С. 63–64; Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984. С. 39–42.

²⁴ Горбунов В.В. Тяжеловооруженная конница древних тюрок (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая) // Снаряжение верхового коня на Алтае в ранний железный век и средневековье. Барнаул, 1998. С. 102–128; Черемисин Д.В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография, антропология Евразии. 2004. № 1 (17). С. 40–51.

²⁵ Кочев В.А. «Клад» с верховьев реки Большой Яломан (Горный Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1999. Вып. X. С. 175–177.

²⁶ Кубарев Г.В., Кубарев В.Д. Погребение знатного тюрка из Балык-Соока (Центральный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 4. С. 64–82.

²⁷ Серегин Н.Н. Традиция сооружения кенотафов кочевниками тюркской культуры // Археология степной Евразии. Кемерово, 2008. С. 148.

²⁸ Серегин Н.Н. Моделирование социальной структуры населения тюркской культуры Саяно-Алтая (2-я пол. V–XI вв.) // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень, 2011. Вып. 4. С. 228–231.

²⁹ Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М., 1966. С. 59; Худяков Ю.С. Искусство средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1998. С. 57.

Д.О. Серов (Новосибирск)

**ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ XVIII ВЕКА:
«КРАТКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССОВ
ИЛИ СУДЕБНЫХ ТЯЖЕБ» (РАЗЫСКАНИЯ
О ВНЕШНЕЙ ИСТОРИИ ТЕКСТА)**

В ОБШИРНОМ ряду законодательных актов, изданных в первой четверти XVIII в. для регулирования организации и функционирования реформированных российской армии и органов военного правосудия, особое место заняло «Краткое изображение процессов или судебных тяжёб» – первый в истории отечественного права специальный закон, посвященный военному судопроизводству. Неудивительно поэтому, что «Краткое изображение процессов или судебных тяжёб» на протяжении длительного времени привлекало внимание исследователей.

Однако при всем том, что с содержательной стороны, в русле формально-юридического анализа «Краткое изображение процессов» рассматривалось многими учеными последней трети XIX – начала XXI вв.¹, иные вопросы, связанные с созданием и бытованием этого законодательного акта, донныне почти не затрагивались. Настоящая работа являет собой попытку – на основе впервые анализируемых архивных материалов – осветить историю составления «Краткого изображения процессов или судебных тяжёб».

Еще М.П. Розенгейм в монографии 1878 г. впервые обратил внимание на рукописную копию «Краткого изображения процессов», в которой упоминались, во-первых, имя его составителя, а во-вторых – дата издания, отличная от общепринятой. В означенной копии (помещенной в составе так называемого «Сборника Кожевникова» – рукописи военно-юридического содержания, которая принадлежала поручику И.И. Кожевникову) упоминалось, что

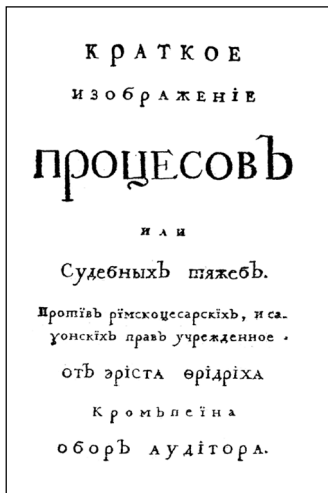
«Краткое изображение процессов» «учреждено от Эрнста Фридриха Кромпена... в 1712 г.»². Впрочем, данный текст «Краткого изображения процессов» М.П. Розенгейм не рассматривал, сочтя компиляцией, не имевшей официального характера.

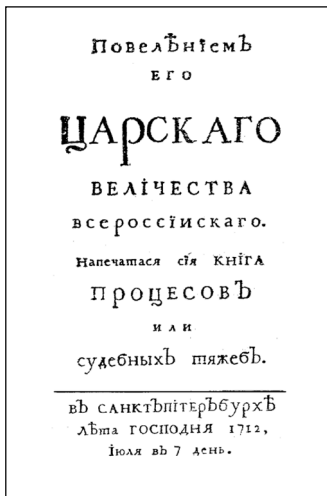
Продолживший изыскания М.П. Розенгейма П.О. Бобровский предположил, во-первых, что существовало типографское издание «Краткого изображения процессов» 1712 г., а во-вторых, что Э. «Кромпен» был составителем проектов не только «Краткого изображения процессов», но и содержавшего военно-уголовные

нормы «Артикула воинского». Не сумев выявить об Э. «Кромпене» каких-либо биографических сведений, П.О. Бобровский высоко оценил уровень его юридической подготовленности³.

Впервые точное имя «Кромпена» привел К. Петерсон, отметивший в монографии 1979 г., что предположительным составителем «Краткого изображения процессов» был будущий ассессор Юстиц-коллегии и член Уложенной комиссии 1720 г. Э. Кромпейн (Stomperein, Krompein). Независимо от К. Петерсона на точное имя «Кромпена» указал Д.А. Романов, заново изучивший в 1990-е гг. «Сборник Кожевникова», обнаруженный им в собрании Отдела рукописей Российской государственной библиотеки. Наконец, аналогично независимо от предшественников, точное имя «Кромпена» в статье 2000 г. привел П. Гоффман, опиравшийся на материалы фундаментального академического «Описания изданий гражданской печати. 1708 – январь 1725 г.»⁴.

Что касается даты утверждения «Краткого изображения процессов» в качестве закона, то таковой, начиная с труда П.О. Бобровского 1887 г., стало принято считать 1715 г., когда была осуществлена типографская публикация «Краткого изображения процессов» в соединении с «Артикулом воинским»⁵. Между тем, еще в 1955 г. вышел в свет оставшийся вне поля зрения правоведов и большинства историков упомянутый выше академический каталог «Описание изданий гражданской печати. 1708 – январь 1725 г.». Как

установили составители каталога, первое типографское издание «Краткого изображения процессов» увидело свет в Санкт-Петербурге в июле 1712 г. (издание же 1715 г. было в действительности вторым)⁶.

Благодаря публикации 1712 г. стало возможным также подтвердить имя составителя «Краткого изображения процессов». В качестве такового на титульном листе издания 1712 г. обозначен «Эріст Фрідріх Кромъпейн». Не вызывает никаких сомнений, что именно с типографского издания 1712 г. был изготовлен список «Краткого изображения процессов»,

помещенный в состав «Сборника Кожевникова» (с не вполне точной передачей имени составителя).

Наряду с этим, в вышедших в 1978 г. и в 2003 г. описаниях библиотеки Петра I (сведения о составе которой аналогично доньше не учитывались в правовой литературе) оказалась упомянута рукопись «Краткого изображения процессов и судебных тяжб»⁷. Однако ни изучения текста «Краткого изображения процессов» типографского издания 1712 г., ни сопоставления его с текстом указанной рукописи до настоящего времени не предпринималось.

Отмеченный в «Описании изданий гражданской печати...» единственный сохранившийся экземпляр «Краткого изображения процессов» публикации 1712 г. хранится ныне в собрании библиотеки Московской синодальной типографии в Российском государственном архиве древних актов (шифр г. п. 1028/175) (далее – Процесс 1712 г.). Рукопись «Краткого изображения процессов» отложилась ныне в собрании Рукописного отдела Библиотеки Академии наук (шифр П ИБ 6) (далее – Рукопись Процесса).

Осуществленное автором настоящей статьи постатейное сравнение Рукописи Процесса и «Краткого изображения процессов» типографских изданий 1712 г. и 1715 г. (далее – Процесс 1715 г.)⁸ позволило выявить шесть наиболее значительных различий.

Во-первых, в гл. 1 ст. 4 при перечислении уголовных дел, подведомственных Генеральному воинскому суду, в Рукописи Процесса

читается не вполне внятная формулировка: «...1) прегрешении нарушении величества» (Л. 1). В Процессе 1712 г. и в Процессе 1715 г. соответствующий фрагмент сформулирован более четко: «...1) вина оскорбления величества или государственные дела» (С. 3; С. 834).

Во-вторых, в гл. 1 ст. 13, в которой регламентируется порядок принесения судейской присяги, в Рукописи Процесса читается фрагмент «а левую [руку] положи на Евангелие» (Л. 7), который отсутствует в Процессе 1712 г. (С. 13) и в Процессе 1715 г. (С. 827). Но что гораздо более важно, и в Рукописи Процесса, и в Процессе 1712 г. не читается текст судейской присяги (Л. 7; С. 13), который, однако, оказался внесен в названную статью в Процессе 1715 г. (С. 827).

В-третьих, в гл. 5 ст. 1–10 устойчиво употребляемый в Рукописи Процесса термин «обвиненный» (Л. 25–29) в Процессе 1712 г. и в Процессе 1715 г. последовательно заменен на термин «ответчик» (С. 48–53; С. 835–837). В-четвертых, в гл. 6 ст. 1–10 сходным образом устойчиво употребляемый в Рукописи Процесса термин «допрос с пристрастием» (Л. 29–34 об.) в Процессе 1712 г. и в Процессе 1715 г. столь же последовательно заменен термином «пытка» (С. 53–62; С. 837–839), а термин «жестокой допрос» – термином «жестокая пытка».

В-пятых, в гл. 6 ст. 10 в Процессе 1712 г. и в Процессе 1715 г. по сравнению с Рукописью Процесса оказался несколько расширен круг преступлений, при обвинении в которых допускалось применение пытки к лицам, подлежащим освобождению от нее в иных случаях (дворяне, высокопоставленные должностные лица, несовершеннолетние, лица старше 70 лет и беременные). В концовке названной статьи в Рукописи Процесса читается формулировка: «...Все сие никогда пристрастие подвержены не бывают, разве в вине оскорбления величества» (Л. 34 об.). В Процессе 1712 г. и в Процессе 1715 г. приведенная формулировка читается иначе: «...Все сие никогда к пытке подвержены не бывают, разве в государственных делах и в убийствах, однако ж с подлинными на то доводами» (С. 62; С. 839).

В-шестых, как в Рукописи Процесса, так и в Процессе 1712 г. отсутствует заключительный раздел «О оглавлении приговоров в наказаниях и казнях», внесенный в Процесс 1715 г. (С. 840–841). Остается добавить, что в Рукописи Процесса встречается

вариативное написание термина «кригсрехт» (кальки с немецкого *Kriegsrecht*): «крейсрахт» / «крексрахт» / «кригсрехт» – в отличие от устойчиво употребляемого в Процессе 1712 г. написания «криксрехт», а в Процессе 1715 г. – «кригсрехт». В гл. 3 ст. 2 термин Рукописи Процесса «пограничные камни» (Л. 17) заменен в Процессе 1712 г. и в Процессе 1715 г. на термин «межевые знаки» (С. 32; С. 832). Наконец, достойно упоминания, что в Рукописи Процесса перед номером каждой статьи поставлен знак «§», который отсутствует в обоих типографских изданиях.

На основании постатейного сличения Рукописи Процесса, Процесса 1712 г. и Процесса 1715 г. представляется возможным сформулировать нижеследующие выводы: 1) Процесс 1712 г. является типографским воспроизведением Рукописи Процесса, подвергшейся сравнительно незначительной, преимущественно лексической и стилистической правке. 2) Процесс 1715 г. является, в свою очередь, воспроизведением Процесса 1712 г., дополненным текстом судейской присяги и разделом «О оглавлении приговоров...».

Далее необходимо привести некоторые сведения об Эрнсте Фридрихе Кромпейне. Согласно подготовленной германским Институтом восточноевропейских исследований (г. Регенсбург) генеалогической базе данных о балтийских немцах (*Deutshhalten*), Эрнст Кромпейн родился 8 ноября 1670 г. в г. Эйсенберг в Тюрингии. В 1689 г. он закончил юридический факультет Иенского университета, после чего с 1690 г. работал адвокатом в Ревеле, а с 1695 г. служил на должности аудитора в шведской армии. В 1710 г. при взятии Выборга пленен российскими войсками⁹. Судя по всему, в первый же год пребывания в плену Э. Кромпейн перешел на русскую службу, заняв должность обер-аудитора (по-видимому, гвардейских полков)¹⁰. Остается добавить, что, как явствует из протоколов заседаний Уложенной комиссии 1720 г., Э. Кромпейн владел немецким и шведским языками, но так и не выучил русский язык¹¹.

На основании изложенного историю составления «Краткого изображения процессов или судебных тяжб» возможно реконструировать следующим образом. Не позднее начала 1712 г. Э. Кромпейн подготовил на немецком языке законопроект, перевод которого – Рукопись Процесса – был представлен Петру I, получил его одобрение и, тем самым, обрел силу закона. После внесения незначительных поправок Рукопись Процесса была напечатана в июле

1712 г. в только что организованной Санкт-Петербургской типографии, изначально имевшей статус правительственной¹². На официальный характер Процесса 1712 г. прямо указано также в тексте, помещенном на обороте титульного листа: «Повелением его царского величества всероссийского напечатана сия книга “Процесов или судебных тяжб” в Санкт-Питербурхе...»

Не позднее весны 1715 г. Петр I принял решение о соединенной публикации «Артикула воинского» и «Краткого изображения процессов». В связи с этим «Краткое изображение процессов» было дополнено текстом судейской присяги (происхождение которой не ясно) и разделом «О оглавлении приговоров...», источником которой, как установил П.О. Бобровский, явилась седьмая глава датской «Инструкции военным судам» 1683 г. (Christiani V, Königs in Dannemarck, Kriegs-gerichts-instruction)¹³.

Таким образом, следует заключить, что временем издания «Краткого изображения процессов или судебных тяжб» необходимо считать 1712 г., когда Петр I утвердил первую редакцию данного законодательного акта и распорядился касательно ее типографского опубликования. Составителем проекта «Краткого изображения процессов» выступил незадолго до того перешедший на русскую службу Э. Кромпейн, имевший высшее юридическое образование и опыт работы в шведских военно-судебных органах. В 1715 г. Петр I внес в «Краткое изображение процессов» текст судейской присяги и раздел «О оглавлении приговоров...», что образовало вторую, окончательную редакцию закона, которая была обнародована типографски (в соединении с «Артикулом воинским») в апреле 1715 г.

¹ Только из числа работ, опубликованных за последние десять лет, см.: Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России. История. Документы. М., 2003. Т. 2. С. 551–558; Петухов Н.А. История военных судов России. М., 2003. С. 83–94; Хрусталева Л.А. Так была ли процессуальная реформа Петра I? // Актуальные проблемы современности глазами молодежи: сб. статей. М., 2003. Вып. 4. С. 79–85; Он же. «Роспрос с пристрастием» как институт российского процессуального права по «Краткому изображению процессов и судебных тяжб» 30 марта 1716 г. // Государство и право. Калининград, 2004. Вып. 3. С. 92–99; Hoffmann P. Peter der Große als Militärreformer und Felgherr. Frankfurt am Mein, 2010. S. 165–167.

² Розенгейм М.П. Очерки истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878. С. 104. «Сборник Кожевникова» был

введен в научный оборот Н.Н. Обручевым (Обручев Н.Н. Обзор рукописных и печатных памятников, относящихся до военного искусства в России по 1725 год // Военный журнал. 1853. Кн. 5. С. 30–31).

³ Бобровский П.О. Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях. СПб., 1887. С. 10, 52–53.

⁴ Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms: Swedish Antecedents and the Process of Reception. Lund, 1979. P. 339; Романов Д.А. Реформирование судопроизводства в России в начале XVIII века. М., 1999. С. 8 [Деп. в ИНИОН РАН. 15.07.1999. № 54858]; Гоффман П. [Hoffmann P.] Устав Воинский 1716 г. и Полное собрание законов Российской империи (источниковедческий анализ) // Источниковедение и краеведение в культуре России. М., 2000. С. 141.

⁵ Бобровский П.О. Указ. соч. С. 52.

⁶ Описание изданий гражданской печати. 1708 – январь 1725 г. / Сост. Т.А. Быкова и М. М. Гуревич. М.; Л., 1955. С. 130–131, 175–176.

⁷ Библиотека Петра I: указатель-справочник / Сост. Е.И. Боброва. Л., 1978. С. 32; Библиотека Петра I. Описание рукописных книг / Сост. И.Н. Лебедева. СПб., 2003. С. 132–133.

⁸ Текст «Краткого изображения процессов» типографского издания 1715 г. приводится по публикации: Законодательство Петра I / Под ред. А.А. Преображенского и Т.Е. Новицкой. М., 1997. С. 824–841.

⁹ Osteuropa-Institut Regensburg Eric-Amburger-Datebank: Ausländer im vorrevolutionären Russland, Ernst Friedrich Krompein, OID: 71790: <http://88.217.240.33/amburger>. Первое в литературе целостное изложение обстоятельств биографии Э. Кромпейна см.: Серов Д.О. Администрация Петра I. 2-е изд. М., 2008. С. 51.

¹⁰ Именно в качестве обер-аудитора Э. Кромпейн выступил на проходившем в июле 1712 г. в Санкт-Петербурге процессе по обвинению гвардии поручика Н.Т. Ржевского во взяточничестве (РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 5. Л. 46 об.).

¹¹ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Кн. 9. Ч. 1. Л. 51, 52.

¹² Об истории Санкт-Петербургской типографии в первой четверти XVIII в. наиболее подробно см.: Гаврилов А.В. Очерк истории С.-Петербургской синодальной типографии. СПб., 1911. Вып. 1. С. 2–151. Неясным остается вопрос о тираже Процесса 1712 г. По данным А.В. Гаврилова, Процесс 1712 г. был напечатан в количестве 100 экземпляров. Между тем, согласно сведений, приведенных П.П. Пекарским, только за март–декабрь 1715 г. в книжной лавке при Санкт-Петербургской типографии было продано 263 экземпляра Процесса 1712 г. (Там же. С. 13; Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 2. С. 691–692). По всей вероятности, имела место допечатка тиража Процесса 1712 г.

¹³ Бобровский П.О. Происхождение Артикула воинского и изображения процессов Петра Великого по Уставу воинскому 1716 г. СПб., 1881. С. 29. Постапейное сравнение текстов раздела «О оглавлении приговоров...» и гл. 7 названной датской инструкции см.: Там же. С. 43–46.

А.А. Симонов (Саратов)

**ВОЛЖСКАЯ ВОЕННАЯ ФЛОТИЛИЯ
В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
В ВОСПОМИНАНИЯХ ЛЕНИНГРАДЦА
А.Э. ЦУКШВЕРДТА**

ИНЖЕНЕР-КАПИТАН 1-го ранга, доктор технических наук, профессор Александр Эдуардович Цукшвердт (1894–1980) оставил заметный след в истории отечественного военно-морского флота. Автор более семидесяти научно-исследовательских работ¹, он являлся теоретиком и практиком военного кораблестроения, наставником молодых ученых. Его деятельность отмечена правительственными премиями и наградами, а имя значится среди знаменитых людей Санкт-Петербурга².

Небезынтересна и ранняя военная биография известного кораблестроителя. Началась она сразу после окончания в мае 1917 г. Политехнического института в Петрограде. Имея звание морского инженера, А.Э. Цукшвердт записывается на курсы гардемарин флота. Летом, сдав экзамены, распределяется на Черноморский флот и участвует в боевых действиях на кораблях «Поспешный» и «Троян». Октябрьскую революцию встречает в Батуми. Успевает в Севастополе выдержать испытание на звание инженера-механика и в этой должности перевестись в Кронштадт на линейный корабль «Полтава». В начале 1918 г. добровольно поступает на Красный флот³.

Далее предстояло участие в Гражданской войне в составе Волжской военной флотилии⁴. Эту часть своей биографии Александр Эдуардович кратко изложил в мемуарах. Их машинописный текст, озаглавленный «Воспоминания о боевых действиях Волжской военной флотилии на Волге и Каме в 1918–1920 гг.», хранится ныне

в Вольском краеведческом музее ⁵. В свое время, в 1966 г., этот материал предназначался учащимся вольской средней школы № 19, где в рамках военно-патриотической работы действовал отряд имени Н.Г. Маркина ⁶.

Автор записок служил флагманским корабельным инженером и начальником отдела в штабе Волжской флотилии, то есть хорошо знал начальствующий состав соединения, его сильные и слабые стороны. Весьма ценна поэтому данная из первых уст характеристика отдельных руководителей и сослуживцев. Кроме того, на момент оставления должности во флотилии и перевода в Петроград в первой половине 1920 г. А.Э. Цукшвердт оказался чуть ли не единственным сотрудником штаба, прослужившим в нем более года. Соответственно в мемуарах прослеживаются многие должностные пертурбации и показана штабная жизнь.

Другая немаловажная особенность записок – это деятельность самого автора, в обязанности которого входил осмотр поврежденных в боевой обстановке корпусов кораблей. Цукшвердт принимал решение о необходимости местного или заводского ремонта и детально описывал неисправности в докладе начальнику штаба и командующему флотилией. В воспоминаниях присутствуют примеры различных повреждений судов с подробным рассказом об их причинах. Описываются боевые действия, свидетелем которых в ряде случаев был мемуарист. Данный им военно-технический аспект речной войны на Волге и ее притоках практически отсутствует в специальных работах по Гражданской войне, и это обстоятельство еще более выделяет рассматриваемый мемуарный труд. К этому следует добавить сделанные автором качественные схемы происшествий и сражений на реках. В целом мемуары, несмотря на некоторые погрешности, связанные с давностью описываемых событий, заслуживают пристального внимания и изучения. В данной же статье исследуется круг упомянутых в записках персоналий и личностных отношений А.Э. Цукшвердта с ними. Эта сторона мемуаров позволяет дополнить отдельные биографические данные известных и малоизвестных участников Гражданской войны и получить представление о структуре и составе управленческого звена Волжской военной флотилии.

Начнем с командующих. Первым был Ф.Ф. Раскольников ⁷. Цукшвердт встретился с ним на яхте «Межень» ⁸ по прибытии к месту службы в начале октября 1918 г. Вот его характеристика:

«Это был человек среднего роста, с лицом правильным, голубоглазый, белокурый, с волной волос надо лбом. Был он вежлив, деликатен, но за этим стоял умный, мужественный, решительный человек, которому под силу было руководить в тяжелейших боях и условиях Волжской флотилией». Далее по тексту автор только вскользь упоминает Раскольникову, не приводит никаких фактов его успешной деятельности, но подмечает, что тот «дополнительно [к командованию флотилией] был известным агитатором»⁹. Это весьма существенное замечание, которое позволяет толковать первоначальное славословие Раскольникову как неизбежный дифирамб в адрес «видного деятеля партии и государства, оклеветанного в период культа Сталина»¹⁰. Александр Эдуардович, конечно же, был в курсе развернувшейся в период «хрущевской оттепели» дискуссии о роли Раскольника в Гражданской войне. Инициатором выступил бывший балтиец К.Г. Рянни. В своем письме члену Военного совета Военно-Морского флота адмиралу В.М. Гришанову он поставил вопрос о пересмотре положительной оценки деятельности Раскольника и отмены его полной реабилитации. Среди нескольких аргументов прозвучало, в том числе, мнение о низких военно-командных способностях дважды Краснознаменца и любимца Трощкого. Удивительно, но адмирал Гришанов в своем ответе К.Г. Рянни, всячески оправдывая Раскольника, все же оговорился, что тот сам скромно оценивал свой командный опыт, приобретенный в речных боях на Волге, и считал себя больше политическим работником, чем военно-морским специалистом. Однако вынужден был подчиняться приказам Реввоенсовета Республики¹¹. Вот и в ноябре 1918 г., примерно через месяц после описанной А.Э. Цукшвердтом встречи, Раскольников временно был отозван Л. Троцким с Волги на Балтику. Порученный ему разведывательный поход на Ревель оказался неудачным: два эсминца с экипажами и вместе с командующим попали к англичанам в плен¹².

С заменившим Раскольника В.Н. Варваца¹³ автор познакомился, когда тот был еще начальником штаба флотилии. Именно от него он получил назначение на должность. В роли же командующего Варваца выпало быть всего несколько месяцев в период подготовки соединения к кампании 1919 г. Точнее, он сначала исполнял обязанности командующего, продолжая возглавлять штаб, а затем в феврале 1919 г. вошел в состав Революционного военного совета флотилии в должности «технического руководителя и

военного специалиста»¹⁴. Членами РВС стали также А.В. Васильев и Н.В. Руссов, которые в мемуарах лишь упоминаются. Данные «товарищи» контролировали в основном политическую и контрразведывательную сторону деятельности флотилии, и А.Э. Цукшвердт с ними не сталкивался. А вот с В.Н. Варваца ему пришлось заниматься ремонтом и вооружением судов. Сохранились протоколы совместных заседаний штаба Волжской военной флотилии с представителями Нижегородского порта и заводов по различным техническим вопросам. Фамилии Варваца и Цукшвердта там соседствуют¹⁵. Александр Эдуардович вспоминает о хорошем отношении к нему командующего и приводит такой эпизод: «Как-то он позвал меня к себе в кабинет и прочитал свой доклад о флотилии с характеристиками всех сотрудников. Мне запомнилась его фраза обо мне: “Самый дельный из механиков”. Были у Варваца и очень скверные характеристики»¹⁶.

К началу кампании 1919 г. военным руководителем флотилии стал П.И. Смирнов¹⁷. Автор записок очень осторожно, но в целом негативно оценивает его деятельность – говорит об упорстве и строгости, но сожалеет о незначительной командной практике¹⁸. Ее недостаток сказался в неоправданных боевых потерях в ходе кампании. В общем же А.Э. Цукшвердт приходит к заключению, что «у руководства флотилией стояли лица, не всегда имевшие достаточный опыт, так как обычно были не старше 25-летнего возраста»¹⁹.

Сотрудников штаба автор перечисляет в хронологической последовательности. Сначала говорит об осенней кампании 1918 г.: «Комиссаром штаба был тов. Ярчук²⁰, высокий добродушный человек, работать с ним мне было легко, относился он ко мне с полным доверием. Начальник оперативного отдела Н.Н. Струйский²¹ и флагманский артиллерист А.А. Сеницын²² были большей частью на яхте командующего “Межень”, а с помощником артиллериста С.А. Черепановым²³ я жил в одной каюте. Комендантом штаба был в то время тов. Водоватов»²⁴.

Зимой – весной 1919 г. произошли следующие изменения. «Появился Н.Ф. Чернов²⁵, с которым я подружился на многие годы. Из Петербурга приехал и стал начальником минного отдела Н.И. Славянский²⁶. Веселостью, непринужденностью и открытым характером он привлекал многих. Познакомься с ним, я через полгода понял, что он не дорожит дружбой, бросает людей, которые

ему раньше нравились, и стал относиться к нему с большой осторожностью. Появился молодой артиллерист А.В. Леонов²⁷. Флагштурман И. Карлов с Георгиевским крестом на груди²⁸, милейший человек, погибший на реках Сибири. И.И. Никольский²⁹ был специалистом по тралению. Н.В. Зернин³⁰, симпатичный и дельный военмор, стал к лету 1919 г. начальником штаба. Его хвалили как партийные, так и беспартийные товарищи»³¹.

Весной же 1919 г. во главе штаба встал В.А. Арский³² – «человек знающий». Оперативный отдел возглавил А.А. Архангельский³³, «охотно знакомивший меня по картам с положением на фронте. Таким образом, я быстро и ясно представлял себе боевую обстановку»³⁴. Его помощником был П.А. Подобед³⁵. «Он удалил из оперативного отдела бывших там сотрудников, а на их места взял мобилизованных студентов Нижнего Новгорода, не имевших отношения к военно-морскому делу. Среди них были В.Н. Воробьев и М.Н. Бебешин. Они настолько успешно специализировались в морском деле, что по окончании Гражданской войны остались на флоте и стали большими военными специалистами. Впоследствии В.Н. Воробьев стал командиром дивизиона подводных лодок Балтийского флота и одним из первых получил орден Ленина. М.Н. Бебешин командовал подводной лодкой в Черном море и погиб вместе с нею. А здоровый и крепкий третий студент скоропостижно скончался в 1920 году»³⁶.

Среди интересных фрагментов записок – борьба с минами противника на Каме летом 1919 г. «Мины были поставлены на протяжении 10 км, что задерживало продвижение... Флотилия остановилась, и стали налаживать партию траления. В качестве тральщиков использовались речные мелкосидящие пароходы. Прибывший из Балтики минер тов. Глазенап³⁷ вместе с И.И. Никольским стали тралить мины»³⁸.

К ситуации с минами автор приурочивает визит на флотилию командующего морскими силами Республики. «Вместе с ним прибыли кор[абельный] инж[енер] Н.Е. Лесников³⁹, б[ывший] адмирал Шкот⁴⁰ и И. Решин от Нижегородского порта»⁴¹. К сожалению, этот отрывок воспоминаний грешит ошибкой: автора подводит память – командующим он называет В.М. Альтфатера⁴², хотя с апреля 1919 г. эта должность принадлежала Е.А. Беренсу⁴³. Можно лишь предположить, что А.Э. Цукшвердт до описываемых событий визуально не знал ни того ни другого, а впоследствии в сознании

отложилась только фамилия Альтфатер. Известно также, что в должности коморси ⁴⁴ Е.А. Беренс несколько раз посещал Волгу и Каспий ⁴⁵.

Читаем далее: «Обсудив с начальником штаба В.А. Арским положение дела с минами, [командующий] с полным спокойствием отдал распоряжение флотилии тронуться вверх и остался на носу парохода, в то время как некоторые его спутники прятались на самой корме. Мы прошли благополучно, но на другой день на этом месте взорвался буксир “Организатор”»⁴⁶.

Рассказывая о боях против колчаковцев на Каме и Вятке весной-летом 1919 г., А.Э. Цукшвердт упоминает приданный флотилии воздушный дивизион ⁴⁷ и воздухоплавательный отряд, снабженный змейковым аэростатом. «Для них была приспособлена под плавучий гараж б[ывшая] нефтеналивная баржа “Коммуна”, а для жилья летчиков пароход “Герцен”. Возглавлял это дело флаглет Ст. Эд. Столярский»⁴⁸. С последним автору приходилось выезжать на места аварий и катастроф судов. Обычно это делалось на моторной лодке ⁴⁹. Вероятно, моторка принадлежала воздушному дивизиону.

Говорится в записках и о К.К. Кожанове ⁵⁰ – командире десантного отряда моряков, который состоял из «переходящей роты военморов и из привлеченных речников... В отряде были орудия на колесах, перевозимые на лошадях. Верхом на лошадях сидели матросы»⁵¹. Деятельность десантников освещается А.Э. Цукшвердтом фрагментарно, причем отмечаются и трагические моменты. Например, в рассказе о вошедшем в анналы истории морской пехоты десанте в районе Мамадыша 24 мая 1919 г. автор сообщает о малоизвестном факте гибели двух сотен моряков. На левый берег Вятки кожановцам (всего 600 человек) пришлось выходить через застрявшие плоты, которые в упор расстреливались белой артиллерией ⁵².

Любопытные сведения автор излагает о 5-м (Вятском) дивизионе Волжской военной флотилии ⁵³ и его начальнике. Дивизион действовал в особо сложных условиях. Трудность состояла в том, что «по Волге и Каме фронт продвигался вдоль реки и при большом сопротивлении противника всегда можно [было] отойти, а Вятка шла поперек фронта и отступать было некуда. Возглавлял дивизион Б.Ф. Любимов ⁵⁴, бывший сухопутный пулеметчик, заслуживший 4 Георгиевских креста во время Первой мировой войны... Мне нравилось его умелое обращение с матросами при

известной властности... Он проявлял изумительное умение находить позиции для стрельбы и не боялся жестокого боя. Суда его дивизиона выходили из боя простреленные как решето, но ни одно из них не погибло. Их ремонтировали сами, устанавливая резиновые и железные заплатки на болтах, и воевали дальше. Дивизионным механиком у них был тов. Алмазов^{55, 56}.

Однако в записках есть и другая характеристика Б.Ф. Любимова. Приводится случай, когда автор, будучи по служебным делам в Вятском дивизионе, был приглашен на ужин. «Сидел я рядом с Любимовым. Он много пил. Из кармана у него торчал наган. Я подумал, что будет лучше забрать наган и стал осторожно вытаскивать его. Мне это удалось, но когда наган был уже в моих руках, тов. Любимов вдруг почувствовал это, выхватил револьвер из моих рук и приставил к моему животу. Но выстрела не последовало. Я бы забыл об этом, если бы к весне мы не услышали, что тов. Любимов проделал это же самое с каким-то районным начальником, попал в трибунал и, как говорили, расстрелян. Мы в штабе говорили, как можно из-за пьяной шутки расстреливать такого героя? К счастью, он оказался жив и участвовал в Великой Отечественной войне на Азовском море»⁵⁷.

Очередная волна штабных изменений пришло на третью кампанию в боях за Царицын в августе – ноябре 1919 г. Советские речные силы, действующие в бассейне Волги, были объединены в Волжско-Каспийскую военную флотилию под командой Ф.Ф. Раскольников, состоящую из пяти самостоятельных отрядов⁵⁸. Суда, пришедшие с Камы, и несколько боевых кораблей из Царицына составили Северный отряд. Командовал им М.Н. Попов⁵⁹.

А.Э. Цукшвердт пишет, что камские суда собрались в Саратове 15 июля 1919 г. «Встретили там новые вооруженные пароходы: “Бесстрашный”, “Беспощадный” и “Малоросс”. Был воздушный дивизион в составе истребителей. Был даже воздушный аэростат, который стоял над моторной тележкой, а последняя находилась на буксирном пароходе⁶⁰. Командиром Саратовской базы был в то время А.К. Векман⁶¹, с которым я познакомился»⁶².

Автор не зря упоминает военно-воздушные силы и средства. Он воспроизводит свой разговор с командующим М.Н. Поповым. Из него следует, что главная проблема Северного отряда состояла в противодействии аэропланам противника: «Флотилии белых не существует, стреляем мы лучше. Но я не знаю, что делать с авиацией

противника, так как английские летчики бомбят нас каждодневно»⁶³. И действительно, с июня 1919 г. на царицынском направлении активно действовали бомбардировщики из 47-го британского авиадивизиона⁶⁴. В записках отражена сопутствующая бомбардировкам нервная обстановка: «Нас угнетала собственная беспомощность. Действительно, артиллерия, какая была, только шумела. Винтовочный огонь был в то время более опасен для самолета. Один раз [английский] летчик был убит винтовочным огнем, но его помощник принял на себя управление и довел самолет до аэродрома». Об этом стало известно от белого перебежчика⁶⁵. Случай действительно имел место 28 августа 1919 г. В тот день британские авиаторы впервые атаковали суда Северного отряда флотилии. Была подбита канонерская лодка и сожжен аэростат. Но этот свой успех англичане оплатили жизнью погибшего от пули летчика-наблюдателя⁶⁶.

А.Э. Цукшвердт описывает еще два эпизода, впоследствии нашедших отклик в литературе и источниках. «Однажды невольно я стал свидетелем воздушного боя. При налете самолетов неприятеля поднялись два наших истребителя. Один из них сразу же опустился на землю, а второй, управляемый тов. Петкевичем Е.⁶⁷, поднялся и участвовал в бою. Самолеты противника сразу окружили его и стали обстреливать. Когда он спустился, то оказалось, что весь самолет пробит пулями. Особенно мне запомнилось маленькое стекло перед глазами летчика. Оно было дважды разбито пулями. Тов. Е. Петкевич прошел к командующему внешне спокойный, но весь кипящий от гнева»⁶⁸.

Из воспоминаний А.К. Туманского, который был тем самым вторым летчиком, не сумевшим выйти на перехват, следует, что бой произошел 16 сентября 1919 г. Морлет 2-го гидроавиационного отряда Е.И. Петкевич набрал высоту и попытался уничтожить пару «Де Хевиллендов», но, «будучи малоопытным и очень горячим бойцом, зашел неудачно, подставив свой самолет под огонь противника. Машина его была изрешечена, очередь прошла козырек кабины»⁶⁹. В отчете же английских летчиков значилось, что «после открытия эффективного пулеметного огня у вражеской машины остановился винт, и она резко ушла в пике». На «Ньюпор» Петкевича британцы израсходовали около 200 патронов⁷⁰. Сам А.К. Туманский – летчик 7-го разведывательного отряда – набрать высоту не смог, так как в спешке потянул за своим «Ньюпором»

неотвязанный канат с выдернутым из земли штырем. При посадке его истребитель скапонировал, но не разрушился⁷¹.

Другой случай связан с аэростатом 14-го воздухоплавательного отряда. Он считался «глазом Волжской флотилии», так как с него обозревалась местность, и корректировался артиллерийский огонь в радиусе полутора десятков километров⁷². А.Э. Цукшвердт вспоминает: «В сентябре 1919 г. мы издали увидели аэростат, а когда подошли вплотную, то аэростата уже не было – его сожгли самолеты противника. Я разговорился с начальником воздухоплавания тов. Степановым⁷³, который только что пережил многое. Это был опытный пожилой воздухоплаватель. Он рассказал мне: “Я был в кабине на высоте метров 200, как вдруг заметил, что самолет неприятеля налетает на аэростат. Передал на низ, чтобы нас спустили на палубу, а лебедка вдруг застряла. Я видел, как самолет противника поднял пулемет и начал расстреливать, но не меня, а аэростат. Наконец лебедка заработала, я спустился на палубу, а в это время аэростат вспыхнул и сгорел”»⁷⁴.

Описанное событие можно отнести к 15 сентября 1919 г. В этот день летчики 47-го авиадивизиона сбросили 20 бомб на корабли Северного отряда Волжско-Камской военной флотилии. Англичане смогли уничтожить последний баллон 14-го воздухоплавательного отряда, порвав пулями и осколками его оболочку. Оставшийся без аэростатов отряд пришлось отвести в тыл⁷⁵.

Значительный объем рукописи посвящен непосредственной работе автора в качестве корабельного инженера. Прямым начальником А.Э. Цукшвердта являлся флагманский механик, бывший капитан 1-го ранга А.А. Дергаченко⁷⁶ – «седой человек, очень добросердечный, вежливый и внимательный». В то же время ему была свойственна «большая мягкость характера, чем многие пользовались»⁷⁷. Еще одним коллегой по специальности был С.В. Животов⁷⁸. Эти инженеры-механики вместе с автором записок занимались техническим обеспечением флотилии. Тема эта требует отдельного рассказа и может быть существенно раскрыта материалом из статьи А.Э. Цукшвердта «Организация зимнего ремонта судов Волжской военной флотилии 1918–1919 гг.». В мемуарах есть на нее ссылки⁷⁹, но, к сожалению, не указаны выходные данные. Здесь же перечислим тех, с кем автору приходилось взаимодействовать в ходе инженерно-технических мероприятий. Как правило, это служащие Нижегородского речного порта – основной базы Волжской

военной флотилии. В Нижнем Новгороде автору «запомнился корабельный инженер А.Н. Прохоров⁸⁰. Человек очень толковый, логичный, он вызывал восхищение своими методами работы... Корабельный инженер А.А. Олигер⁸¹, систематически работавший в порту. Командиром порта был всеильный по тому времени Н.Ф. Измайлов⁸², его заместителем И. Решин и начальник строительного отдела порта П.Е. Шуляковский^{83,84}.

В навигацию инженеры находились вместе со штабом на пароходе «Спартак»⁸⁵. Штабной режим был следующий: «Обычно к вечеру собирались в штабе данные о положении на фронте. Ночью выработывались задания для дивизионов и кораблей флотилии и в форме служебных записок рассылались на места. Утром корабли действовали по этим заданиям... Обедали в кают-компании все вместе: матросы, комсостав и служащие женщины. Последних мобилизовали в Нижнем Новгороде. Это были машинистки, телефонистки, телеграфистки. Они все были испуганы военной обстановкой, военными событиями и обстрелами, но, несмотря на это, работали самоотверженно»⁸⁶.

Но если внеслужебный демократизм кают-компании вполне объясним социальными сдвигами 1917 г., то либеральничанье, перемежающееся с барством, высшей флотской элиты в лице Ф.Ф. Раскольников, П.И. Смирнова, Л.М. Рейснер⁸⁷ автор, хотя и не напрямую, но осуждает. Это читается между строк. Можно здесь вспомнить и выше упомянутого К.Г. Рянни, его доводы против Расколькова. Отмечал он отрицательное влияние на Расколькова его супруги и одновременно флаг-секретаря Волжской военной флотилии Л.М. Рейснер. Говорит о ней и А.Э. Цукшвердт: «Лариса Михайловна была женщиной высокого роста, прекрасно сложена с лицом красавицы. Она всегда была очень нарядно одета, что не было принято в то время». Далее, немного похвалив ее «писательский талант» и «легендарное бесстрашие», он все же приводит случай из собственной практики, давая возможность читателю сделать собственный вывод:

«Однажды я был дежурным по штабу. Мне следовало передать на “Межень” несколько конвертов секретных бумаг на имя Командующего флотилией. Я был принят флаг-секретарем, т.е. Л.М. Рейснер. – “Дайте их сюда!” – сказала она и, едва я подал ей конверты, она их вскрыла и начала просматривать. Я прямо ахнул, насколько это было против правил. Затем, оторвавшись от бумаг, она сказала: “Дайте

книгу, я распишусь”. Я направился к А.А. Дергаченко и показал ему подпись Ларисы Михайловны вместо Раскольниково. – “Это одно и то же, – ответил он. – Она ведь флаг-секретарь командующего”»⁸⁸.

Автор записок явно тяготится общением с подобными персонами. С чувством облегчения он рассказывает, как поздней осенью 1919 г. был невольно отлучен от миссии сопровождения высшего должностного лица. Речь идет о младшем брате Ф.Ф. Раскольниково – А.Ф. Ильине-Женевском⁸⁹: «По дороге в Нижний Новгород, около Казани, меня вызвал начальник штаба и сказал: “Так меняется состав людей, что Вы оказываетесь старейшим членом штаба. Поезжайте в Паратский затон⁹⁰ и покажите его ревизору из Москвы Ильину-Женевскому”. Это был брат Ф.Ф. Раскольниково, эмигрант, говорили, что хороший шахматист. Был он очень молод. Когда мы подошли к затону, то оказалось, что администрация завода встретила нас на пирсе, чем освободила меня от необходимости показа затона. Вместе со “Спартаком” вернулся я в Нижний. Там мы опять вооружали и ремонтировали корабли»⁹¹.

С большей симпатией А.Э. Цукшвердт отзывается о «племянниках» председателя ВЦИК М.И. Калинина. «Их было два брата: Михаил и Борис... Один из них [Михаил] был комиссаром штаба, а другой [Борис] специализировался по радио. М.Н. Калинин умел управлять самолетом. Однажды он взлетел над Царицыном, а корабли флотилии, приняв его за английский самолет, стали стрелять по нему, но хорошо что выстрелы летели мимо цели»⁹². К сожалению, информация о братьях Калининых как племянниках «всесоюзного старосты» не находит подтверждения⁹³. Кстати сказать, М.Н. Калинин, будучи комиссаром Северного отряда Волжско-Каспийской военной флотилии, получил орден Красного Знамени⁹⁴.

В целом мемуарный труд А.Э. Цукшвердта позволяет сделать вывод, что управляющее звено Волжской (Волжско-Каспийской) военной флотилии состояло в основном из молодых офицеров старого флота, имеющих специальное образование – военно-морское или инженерное. «Возрастные» специалисты – такие, как А.К. Векман и А.А. Дергаченко – были редким исключением. Малоопытность не могла не сказаться на определенных просчетах и неудачах в ходе военных речных кампаний. Тем не менее флотилия полностью оправдала свое предназначение. Как выразился сам Александр Эдуардович Цукшвердт, – «ясность цели рождала героизм, энтузиазм и самоотверженность»⁹⁵.

¹ Среди наиболее известных работ см.: Цукшвердт А.Э. Курс корабельной архитектуры. М., 1951; Эверс Г. Военное кораблестроение / Перевод и ред. А.Э. Цукшвердта. Л.; М., 1935.

² Знаменитые люди Санкт-Петербурга. Биографический словарь. СПб., 2003.

³ Цукшвердт А.Э. Автобиография (машинопись) // Вольский краеведческий музей (далее – ВКМ). Б/н. Л. 1.

⁴ Волжская воен. флотилия начала формироваться в июне 1918. В конце июля 1919 была объединена с Астрахано-Каспийской флотилией и преобразована в Волжско-Каспийскую воен. флотилию. В своих мемуарах А.Э. Цукшвердт рассматривает и ее действия.

⁵ ВКМ. Ф. 4. Д. 668.

⁶ Маркин Николай Григорьевич (1893–1918), организатор и комиссар Волжской военной флотилии. Погиб в бою.

⁷ Раскольников (Ильин) Федор Федорович (1892–1939). Член большевистской партии с 1910. Учился в Петербургском политехническом институте. В 1915 поступил на Отдельные гардемаринские курсы. Произведен в мичманы 25 марта 1917. Командовал Волжской воен. флотилией 23 августа – 11 ноября 1918, 25–31 июля 1919; Волжско-Каспийской воен. флотилией – 31 июля 1919 – 15 июня 1920.

⁸ «Межень» – бывший речной колесный буксирный пароход, построенный в 1885 в Сормове. В августе 1918 мобилизован и включен в состав Волжской воен. флотилии. Использовался в качестве яхты командующего флотилией. – Корабли и вспомогательные суда советского Военно-Морского Флота (1917–1927): Справочник. М., 1981. С. 382.

⁹ ВКМ. Ф. 4. Д. 668. Л. 9.

¹⁰ Гребельский З. На боевых постах революции // Военно-исторический журнал. 1964. № 3. С. 45. Эту работу А.Э. Цукшвердт упоминает в библиографическом списке к своим мемуарам. – См.: ВКМ. Ф. 4. Д. 668. Л. 38.

¹¹ В защиту доброго имени. Ответ товарищу Рянни К.Г. // Военно-исторический журнал. 1964. № 9. С. 121.

¹² В мае 1919 г. Ф.Ф. Раскольников был вызволен советским правительством из плена в обмен на 17 английских офицеров. – Гребельский З. Указ. соч. С. 52.

¹³ Варваца Владимир Николаевич (1896–1922). Мичман (1917). Командовал в феврале-марте 1918 отрядом моряков в боях с герм. войсками под Нарвой. С сентября 1918 – начальник штаба Волжской воен. флотилии. Командовал ею (исполнял обязанности командующего) 11 ноября 1918 – 17 апреля 1919.

¹⁴ Революционный военный совет флотилии был образован приказом РВСР от 8 февраля 1919 за № 245. – Волжская военная флотилия в борьбе за власть Советов: Сборник док-тов. Горький, 1979. С. 191–192.

¹⁵ Там же. С. 164, 182, 186, 193–194.

¹⁶ ВКМ. Ф. 4. Д. 668. Л. 14.

¹⁷ Смирнов-Светловский Петр Иванович (1897–1940). Член большевистской партии с 1914. Учился в Петроградском политехническом институте. В феврале 1918 – комиссар минно-подрывного отряда моряков под Псковом. Первый начальник штаба Волжской воен. флотилии (июль 1918). Затем на Восточном фронте в 1918 возглавлял конный отряд 5-й армии. Командовал Волжской воен. флотилией 17 апреля – 25 июля 1919. Репрессирован в 1939, реабилитирован посмертно.

¹⁸ ВКМ. Ф. 4. Д. 668. Л. 19.

¹⁹ Там же. Л. 32.

²⁰ Личность не установлена.

²¹ Струйский Николай Николаевич (1885–1935). Морское инженерное училище (1907). Мичман (1909). Старший лейтенант «за отличие» (6 декабря 1916). Капитан 2-го ранга (1917). С 14 сентября 1918 – флаг-капитан по оперативной части Волжской воен. флотилии. В середине ноября 1918 отозван на Балтику исполнять обязанности главного штурмана флота. Участвовал с Ф.Ф. Раскольниковым в неудачном Ревельском рейде. Попал в плен к англичанам 26 декабря 1918. Записался в Северо-Западную армию Н.Н. Юденича с целью перехода на сторону красных, участия в боевых действиях не принимал. В ноябре 1919 под фамилией Мохов назначен командиром бронепоезда «Адмирал Колчак», но, сказавшись больным, в командование не вступил. Вернулся в Советскую Россию в августе 1920. Вновь назначен главным штурманом Балтийского флота. Служил также на Каспийском море, преподавал в академии РККФ. Умер в Ленинграде. – Наш Баку [сайт]: URL: <http://www.ourbaku.com/index.php5/> (дата обращения 13.01.12).

²² Синицын Андрей Андреевич. Мичман (11 июля 1916).

²³ Черепанов Сергей Афанасьевич, мичман.

²⁴ ВКМ. Ф. 4. Д. 668. Л. 8.

²⁵ Чернов Николай Феодосиевич. Род. 17 мая 1892. Мичман (30 января 1916).

²⁶ Славянский Николай Иванович. Род. 8 августа 1894. Мичман (6 ноября 1914). В 1919 – главный минер Волжской воен. флотилии.

²⁷ Возможно, Леонов Александр Николаевич. Мичман (4 мая 1917). В 1920 – башенный командир линкора «Андрей Первозванный» на Балтике.

²⁸ Карлов Иван Алексеевич (1886–1920). В службе с 1908. Подпоручик за пребывание в запасе 1914. Поручик по Адмиралтейству «за отличие» в делах против неприятеля (24 декабря 1915). В 1920 – на Байкальской флотилии. Автор записок ошибается, говоря, что И.А. Карлов имел орден Св. Георгия. На самом деле он был награжден 1 декабря 1915 Георгиевским оружием. – См.: Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. М., 2004. С. 549.

²⁹ Никольский Иван Иванович. В 1920 – флагманский минер Волжско-Каспийской воен. флотилии и минный специалист 1-го дивизиона тральщиков на Балтийском флоте. Участник Великой Отечественной войны: защищал Ленинград, капитан 3-го ранга.

³⁰ Зернин Николай Владимирович. Род. 11 ноября 1894. Лейтенант (6 декабря 1916).

³¹ ВКМ. Ф. 4. Д. 668. Л. 14.

³² Арский Владимир Александрович. (1891–1920). Мичман (1911). Лейтенант (1 января 1915). Утонув в апреле 1920 на вспомогательном крейсере «Каспий» Волжско-Каспийской флотилии.

³³ Данных об А.А. Архангельском не найдено.

³⁴ ВКМ. Ф. 4. Д. 668. Л. 14.

³⁵ Подобед Порфирий Артемьевич. Род. 3 октября 1886. Мичман (1909). Лейтенант (6 декабря 1912).

³⁶ ВКМ. Ф. 4. Д. 668. Л. 15.

³⁷ Данных о Глазенапе не найдено.

³⁸ ВКМ. Ф. 4. Д. 668. Л. 23.

³⁹ Лесников Николай Елисеевич. Род. 5 декабря 1882. Корабельный гардемарин-судостроитель (1907). Подпоручик (1908). Штабс-капитан корпуса корабельных инженеров (6 апреля 1914).

⁴⁰ Шкот Дмитрий Федорович. Не имел военно-морского чина. В штабе командующего морскими силами Республики занимал должность флагманского штурмана. Должность эту получил как опытный речник, работавший ранее на Волге. – См.: *Офицер с «Варяга» // Полководцы (сайт): URL: <http://www.wargenius.ru/index.php/geroiflota/poslerevolution/2009-02-26-14-44-38>*

⁴¹ ВКМ. Ф. 4. Д. 668. Л. 23.

⁴² Альтфатер Василий Михайлович (1883–1919). Мичман (1902). Морская академия (1908). Участник русско-японской войны. Во время Первой мировой войны контр-адмирал (1917). С февраля 1918 – помощник начальника Морского генерального штаба, участвовал в мирных переговорах в Бресте. С апреля 1918 – член коллегии Наркомата по морским делам, с октября 1918 – член Реввоенсовета Республики – командующий Морскими силами Республики. Скончался 20 апреля 1919 от инфаркта.

⁴³ Беренс Евгений Андреевич (1876–1928). Мичман (1895). Участник русско-японской войны – в 1904 – старший штурман крейсера «Варяг». В 1910–1917 – военно-морской атташе в Германии и Италии. Капитан 1-го ранга. После Октябрьской революции 1917 перешел на сторону большевиков. В ноябре 1917 – апреле 1919 – начальник Морского генерального штаба. В апреле 1919–феврале 1920 – командующий Морскими силами Республики.

⁴⁴ Принятая аббревиатура наименования должности командующего Морскими силами Республики (со второй половины 1919 – командующего всеми Морскими силами Республики).

⁴⁵ См.: *Офицер с «Варяга» // Полководцы (сайт): URL: <http://www.wargenius.ru/index.php/geroiflota/poslerevolution/2009-02-26-14-44-38>*

⁴⁶ ВКМ. Ф. 4. Д. 668. Л. 23.

⁴⁷ К началу кампании 1919 г. Волжский воздушный дивизион состоял из истребительного и гидроавиационного отрядов. Командовал Воздушным дивизионом Е.И. Куртов. – Волжская военная флотилия в борьбе за власть Советов. С. 307.

⁴⁸ Столярский Станислав Эдуардович (1894–1958). Окончил в 1917 Школу морской авиации в Гапсале, в 1918 – Морскую школу воздушного боя в Красном Селе. В годы Гражданской войны командовал 1-м социалистическим отрядом на Украинском фронте и истребительным отрядом Волжского воздушного дивизиона, был начальником морской авиации Волжско-Каспийской воен. флотилии. Комбриг (1935), генерал-майор авиации (1940).

⁴⁹ ВКМ. Ф. 4. Д. 668. Л. 22.

⁵⁰ Кожанов Иван Кузьмич (1897–1938). В 1917 учился в отдельных гардемаринских классах. С марта 1918 – в Морском отряде при Наркомате по морским делам, с ноября 1918 – начальник десантного отряда Волжской воен. флотилии. За бои на реке Кама награжден орденом Красного Знамени (приказ РВСР №141 от 18 июля 1919). С августа 1919 командовал всеми десантными отрядами Волжско-Каспийской флотилии. Флагман флота 2-го ранга (1935). Репрессирован в 1937. Реабилитирован посмертно.

⁵¹ ВКМ. Ф. 4. Д. 668. Л. 19–20.

⁵² Там же. Л. 20.

⁵³ По данным А.Э. Цукшвердта, Вятский дивизион состоял из кораблей

«Террорист», «Анархист», «Любимец», «Победоносец» и «Александр». – См.: ВКМ. Ф. 4. Д. 668. Л. 18.

⁵⁴ Любимов Борис Федорович. За командование Вятским отрядом награжден орденом Красного Знамени (приказ РВСР № 77, 1923).

⁵⁵ Алмазов Василий Петрович. Род. 15 июля 1885. Подпоручик (1909). Инженер-механик старший лейтенант «за отличие» (30 июля 1915).

ВКМ. Ф. 4. Д. 668. Л. 18–19, 31.

⁵⁶ Там же. Л. 31.

⁵⁷ Северный, Верхнеастраханский, Среднеастраханский отряды, отряд обороны дельты Волги, Морской отряд.

⁵⁸ Попов Михаил Николаевич (1885–1930). Пажеский корпус (1907). Старший лейтенант (переведен из инженерных войск). В 1920 – командующий Байкальской воен. флотилией. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

⁵⁹ 2-й Каспийский гидроавиационный отряд имел 12 гидросамолетов и базировался на двух баржах-плавбазах. Один из буксиров плавбаз, пароход «Самородок», служил одновременно носителем привязного аэростата наблюдения системы «Како», принадлежавшего 14-му воздухоплавательному отряду. – Хайрулин М., Кондратьев В. Военные погибшей империи. Авиация в Гражданской войне. М., 2008. С. 232–233; Волжская военная флотилия в борьбе за власть Советов. С. 307.

⁶⁰ Векман Александр Карлович (1884–1955). Мичман (1903). Капитан 2-го ранга (16 декабря 1916). С марта 1919 – на службе в РККФ. С апреля 1919 – начальник Минного, с июля 1919 – Верхне-Астраханского отряда судов Астраханско-Каспийской воен. флотилии; в октябре–декабре 1919 – начальник штаба, с декабря начальник Северного отряда Волжско-Каспийской воен. флотилии. Вице-адмирал (1940).

ВКМ. Ф. 4. Д. 668. Л. 26.

⁶¹ Там же.

⁶² Британский 47-й авиадивизион принимал участие в операциях Кавказской армии генерала Врангеля в мае–ноябре 1919 г. По штатам имел три отряда (звена) А, В, С и 18 самолетов. Сначала под Царицыном действовал только отряд С, вооруженный шестью легкими двухместными бомбардировщиками «Де Хевилленд» Д.Н.9 (самолет мог нести до 410 кг бомб). 14 сентября на Царицынский фронт прибыл отряд В, с шестью одноместными истребителями «Сопвич Кэмэл». В конце сентября присоединился отряд А. См.: Хайрулин М., Кондратьев В. Указ. соч. С. 225–240; Джонс Г. 47 отряд Королевских воздушных сил на Юге России // Вестник воздушного флота. 1924. № 4–5. С. 7–12.

ВКМ. Ф. 4. Д. 668. Л. 26.

⁶³ Хайрулин М., Кондратьев В. Указ. соч. С. 233–234; Джонс Г. Указ. соч. С. 11.

⁶⁴ Петкевич Евгений. Награжден орденом Красного Знамени (приказ РВСР № 134, 1920). В литературе встречается разное написание фамилии этого летчика – Петкевич, Пяткевич, Питкевич.

ВКМ. Ф. 4. Д. 668. Л. 26–27.

⁶⁵ Туманский А. К. Полет сквозь годы. М., 1962. С. 110–111.

⁶⁶ Хайрулин М., Кондратьев В. Указ. соч. С. 235; Джонс Г. Указ. соч. С. 11.

⁶⁷ Туманский А. К. Указ. соч. С. 110–111.

⁶⁸ Хайрулин М., Кондратьев В. Указ. соч. С. 232–233.

⁶⁹ Степанов А.И. (см.: Волжская военная флотилия в борьбе за власть Советов. С. 307). Других данных не найдено.

- ⁷⁴ ВКМ. Ф. 4. Д. 668. Л. 28 ВКМ. Ф. 4. Д. 668. Л. 26–27.
- ⁷⁵ Хайрулин М., Кондратьев В. Указ. соч. С. 235.
- ⁷⁶ Дергаченко Александр Александрович. Род. 7 января 1876. Младший инженер-механик (1899). Инженер-механик капитан 1-го ранга (6 декабря 1916).
- ⁷⁷ ВКМ. Ф. 4. Д. 668. Л. 8, 13.
- ⁷⁸ Животов Сергей Васильевич. Род. 17 сентября 1888. Подпоручик (1912). Инженер-механик лейтенант (10 апреля 1916).
- ⁷⁹ ВКМ. Ф. 4. Д. 668. Л. 15.
- ⁸⁰ Прохоров Алексей Николаевич. Корабельный инженер. Капитан (6 декабря 1915).
- ⁸¹ Олигер Михаил Александрович. Корабельный инженер. Штабс-капитан (6 декабря 1915).
- ⁸² Измайлов Николай Федорович (1892–1971). Призван на флот в 1913. Унтер-офицер водолазной школы. Большевик с июля 1917. Депутат Кронштадтского Совета. Член Центрального комитета Балтийского флота (с июня 1917) всех 4-х созывов, председатель его военного отдела. С 27 октября 1917 – председатель Центробалта. С февраля 1918 – главный комиссар Балтийского флота. В августе 1918 назначен уполномоченным по организации и вооружению Волжской воен. флотилии, затем – начальником снабжения флотилии, комиссаром Нижегородского военного порта. В 1920 – командующий морскими и речными силами Юго-Зап. фронта, в 1921 – командир портов Черного и Азовского морей. В 1937 г. репрессирован. Реабилитирован в 1956.
- ⁸³ Шуляковский Петр Еремеевич. Инженер-механик. Мичман (6 ноября 1914).
- ⁸⁴ ВКМ. Ф. 4. Д. 668. Л. 14.
- ⁸⁵ «Спартак», с 26 марта 1919 – «Карл Маркс». Бывший речной колесный товаро-пассажирский пароход «А.П. Мещерский». Построен в 1913 в Сормо-ве. – Корабли и вспомогательные суда советского Военно-Морского Флота. С. 381.
- ⁸⁶ ВКМ. Ф. 4. Д. 668. Л. 9–10, 20.
- ⁸⁷ Рейснер Лариса Михайловна (1895–1926). Из семьи профессора. Писательница. Член большевистской партии с 1918. В годы Гражданской войны находилась на политической работе в РККФ, в основном сопровождала своего мужа Ф.Ф. Раскольникова.
- ⁸⁸ ВКМ. Ф. 4. Д. 668. Л. 9.
- ⁸⁹ Ильин-Женевский Александр Федорович (1894–1941). Член большевистской партии с 1912. Сотрудник ряда большевистских газет. В дни Октября 1917 – комиссар Петроградского военно-революционного комитета. В дальнейшем на различной партийной и государственной работе.
- ⁹⁰ Паратский затон находился в 40 км от Казани при пересечении реки Волги с Московско-Казанской железной дорогой, в районе г. Паратска (ныне Зеленодольск). В затоне были Паратские судоремонтные мастерские.
- ⁹¹ ВКМ. Ф. 4. Д. 668. Л. 25.
- ⁹² Там же. Л. 31.
- ⁹³ См.: Наше родословие (сайт). Родословие Михаила Ивановича Калинина – всесоюзного старосты. URL: http://www.oldmikk.ru/Page3_let_starosta.html
- ⁹⁴ Приказ РВСР № 341, 1919.
- ⁹⁵ ВКМ. Ф. 4. Д. 668. Л. 33.

С.Г. Скобелев (Новосибирск)

КРЕПОСТИ ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ *

В ОПРОСЫ военной истории народов юга Сибири в позднем средневековье и начале нового времени, несмотря на наличие значительного количества письменных источников, в научной литературе решаются еще недостаточно объективно и доказательно. В качестве такого примера можно привести традицию определения принадлежности населения региона к кругу носителей культур жизнеобеспечения, базирующихся на кочевом скотоводстве, в связи с чем в военной сфере енисейским кыргызам приписывается способность вести лишь мобильную, маневренную войну. В частности, подвергнута сомнению достоверность существования на юге Приенисейского края таких фортификационных сооружений, упомянутых в различных русских источниках, как «Белый каменный город» при слиянии Белого и Черного Июсов (резиденция «Больших кыргызов»), «каменный городок» на р. Белый Июс на севере современной Хакасии, «каменный городок ниже Сыды-реки» на Енисее (в нем отсиживался в осаде Мерген-тайша – племянник Алтын-хана), «киргизской острожек» вблизи Красноярского острога, крепость на Тагыр-острове на Енисее.

Несмотря на неоднократные указания в документах XVII в., включая карту С.У. Ремезова, и в историко-географических описаниях Г.Ф. Миллера, относительно данных объектов отдельными авторами по результатам собственного историко-географического

* Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (ГК № 14.740.11.0766) и тематического плана НИР Минобрнауки (НИР 1.5.11 и 1.31.11).

анализа известных документов утверждается, что бытующее в литературе мнение об их существовании основано на недоразумениях, обусловленных некритическим и поверхностным чтением исторических документов ¹. Одно из таких сообщений источника XVII в. даже охарактеризовано как «фантастические утверждения»². Так, относительно «каменного городка» на Белом Июсе предполагается, что русские первопроходцы приняли за его стены установленные вертикально крупные каменные плиты на курганах тагарской культуры ³. По «каменному городку» на р. Сыде высказывается мнение, что названное сооружение – нечто похожее лишь на «защиты и бойницы», то есть наспех выложенные небольшого размера сооружения ⁴. Указание на существование «киргизского острожка» вблизи Красноярского острога якобы является результатом слишком буквального восприятия исследователями текста отписки 1652 г. красноярского воеводы М.Ф. Скрябина. По поводу крепости на Тагыр-острове говорится, что исследователи не поняли, будто в своих сообщениях русские служилые люди и сам остров, и особенно находившийся на нем подобный городской стене «камень», оценивали в качестве естественного образования, то есть как природную, а не рукотворную крепость ⁵. Таким образом, создалась ситуация, когда оспаривается способность енисейских кыргызов возводить или пользоваться по прямому назначению долговременными оборонительными сооружениями. Кроме того, подвергается сомнению прямой смысл сообщений русских письменных документов. В связи с этим возникает острая необходимость внести ясность в данную коллизию, в первую очередь, используя сведения, относящиеся к геологии, топографии и археологии региона, собранные в ходе собственных полевых исследований.

Относительно «каменных городков» на р. Белый Июс (точнее, в междуречье Белого и Черного Июсов), р. Сыде и на Тагыр-острове на Енисее нами уже показано, что они как укрепления действительно существовали и находились в тех местах, где их и локализовали письменные документы (для Тагыр-острова проведена идентификация реального места его расположения, в результате установлено, что ему соответствует современный Каменный остров у с. Лугавское в Минусинском районе Красноярского края) ⁶. Свидетельствами этого являются уверенно читаемые на местности остатки (развалы) каменных стен, создающих иногда две линии обороны, валы и рвы, выступы наружу в виде своеобразных бастионов,

входные дворики. Стены крепостей на горе Первый Сундук и Каменном острове были целиком сложены из обломков каменных плит методом сухой кладки, в результате чего для предотвращения оползания этих сооружений при прохождении по крутым склонам иногда использовались вертикально вкопанные в линии стены или снаружи крупные каменные плиты. Лишь в крепости в устье р. Сыде (на горе Унюк) каменная стена имела незначительную протяженность и большая часть оборонительной линии представлена рвом и сопутствующим ему валом, сложенным из вынутаго грунта.

Общей чертой всех этих трех укреплений является стремление максимально использовать в оборонительных целях условия местности. На Белом Июсе это крутые и высокие склоны горы и обрывы каменных останцов девонского песчаника с северной, восточной и южной сторон. На р. Сыде – крутые каменные обрывы с южной и западной сторон, овраг более чем 20-метровой глубины с восточной стороны. На Каменном острове – протоки р. Енисей и обрывы средней высоты у части восточной, северной, западной и юго-западной сторон, крутой 60–80-метровый обрыв у южной и части восточной сторон (рис. 1). Искусственные оборонительные сооружения во всех этих трех случаях проходят лишь в тех местах, где имеется возможность легкого доступа на обороняемую территорию. Они достигают значительной длины, огораживая весьма крупные площади со степной и древесной растительностью на склонах, в межгорных котловинах и вершинах гор, где может поместиться большое количество людей и скота (тысячи голов), а также возможны сбор и удержание талых и дождевых вод или подъем воды из енисейских проток на веревках.

В отличие от большинства обычных для юга Приенисейского края небольших по размерам сооружений «све» (например, у с. Устинкино на Черном Июсе), где на отгороженных каменными стенами вершинах гор и возвышенностей не имелось достаточных площадей для размещения сколько-нибудь значительного количества людей и скота, отсутствовал доступ к воде, чтобы можно было считать такие объекты крепостями, предназначенными для длительного укрытия и обороны, данные три сооружения в наибольшей степени соответствуют понятиям, применяемым именно к укреплениям подобного качества.

Таким образом, на примере этих объектов подтверждается достоверность сообщений русских письменных документов относительно

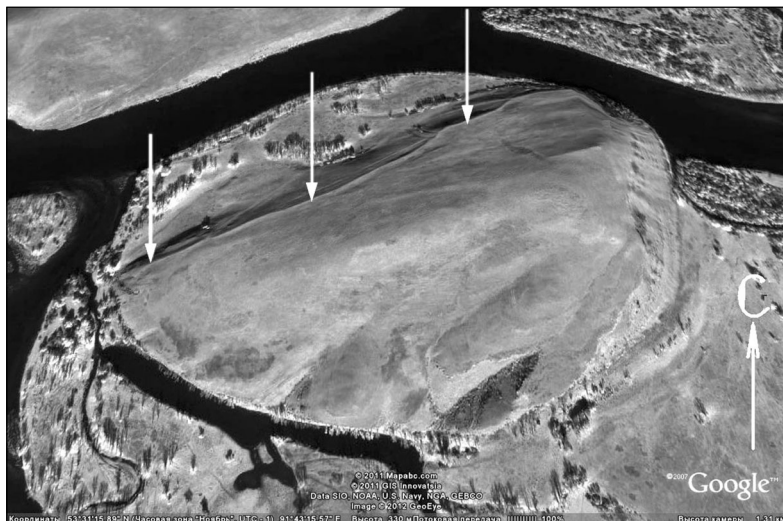

Рис. 1. Остатки каменной стены на Каменном острове общей длиной 1,216 км (показаны стрелками; использован снимок из программы Google Earth)

самого факта существования «каменных городков». Относительно же того, что они были именно кыргызскими, то есть либо построенными, либо используемыми кыргызами, говорят факты отсутствия чего-то иного подобного в географических точках, указанных в источниках как места расположения этих «кыргызских городков». Кроме того, Г.Ф. Миллер, побывавший на Енисее в 30-е гг. XVIII в., то есть вскоре после угона кыргызов в 1703 г. джунгарами, напрямую отмечал, что на Каменном острове «жили также кыргызы и однажды, когда против них воевали калмыки, они нашли здесь себе убежище со всем своим скотом»⁷.

Относительно «Белого каменного города» при слиянии Белого и Черного Июсов в нашем распоряжении пока не имеется сведений в объеме, достаточном для его идентификации на местности. Первоначально мы даже придерживались мнения, что определение «белый» является какой-то ошибкой, недостоверным сообщением источников, поскольку все известные нам до этого каменные сооружения на данной территории были выполнены из девонского песчаника, имеющего характерный красноватый цвет (при пребывании на территории юга Приенисейского края визуально можно

прийти к мнению, что здесь присутствуют выходы лишь этого камня). Поэтому объект, если он также был каменным сооружением, казалось бы, не мог по определению иметь белый цвет. Однако более детальное знакомство с геологией региона, а также собственный внимательный осмотр некоторых коренных выходов (в том числе вершины останца на горе Первый Сундук, где это проявляется наиболее наглядно) показали, что верхний слой песчаника, то есть образовавшийся на наиболее поздней стадии его формирования (непосредственно перед тектоническими сдвигами, создавшими современный пересеченный рельеф региона), имеет цвет, который на фоне обычного девонского песчаника действительно можно назвать белым. Это означает, что у создателей «Белого каменного города» имелась возможность использовать при строительстве материалы, которые и позволили потом очевидцам дать ему подобное цветовое определение. По этой причине считать «Белым каменным городом» крепость на горе Первый Сундук в междуречье Белого и Черного Июсов, чьи стены сложены из песчаника выраженного красноватого цвета, не приходится.

Непосредственно при самом слиянии Белого и Черного Июсов (в окрестностях пос. Копьево, деревень Большой и Малый Сютик) остатков каких-либо сооружений археологического характера, за исключением нескольких средневековых кыргызских курганов, находящихся в обычных для них условиях, то есть на вершинах возвышенностей, нами не обнаружено. Однако южнее, уже реально в долинах этих двух рек, известны сразу три крупных сооружения оборонительного характера, по своим размерам могущие претендовать на роль такого «города». Все они к месту указанного слияния расположены значительно ближе крепости на Первом Сундуке, чем дополнительно подтверждается идентификация последней в качестве просто «каменного городка».

Одно из них – крепость Тарпиг. Находится на вершине одноименной горы (другое название – гора Сарат) на правом берегу Белого Июса, в 4 км к юго-востоку от улуса Кобякова. Занимает весь участок крутого склона вершины горы. Имеет три линии стен. Первая (внешняя) протянулась на 90 м. Вторая, параллельная первой, сооружена в оригинальной технике: массивные плиты песчаника поставлены длинной плоскостью наружу, а с внутренней стороны их подпирают плиты-контрфорсы. Третья линия стен расположена в юго-восточной части укрепления. Общие размеры крепо-

сти 90 x 85 м. Сооружение может быть предварительно датировано средневековьем.

Второе – крепость Сахотин (Сахатин). Находится на одноименной горе на левом берегу р. Белый Июс, в 2 км к северо-западу от деревни Подзаплот. Сооружение прямоугольное в плане, размерами 50 x 22 м. Высота стены – 1,2–1,6 м, ширина – до 2 м. Кладка аккуратная, хорошей сохранности. В центре восточной стены оформлен вход внутрь.

Третье – крепость Хара-Таг. Расположена на вершине одноименной горы на правом берегу р. Черный Июс, в 3 км к юго-востоку от улуса Подкамень. Имеет 4 внутренних отделения-секции, разделенных между собой также каменными стенами. Они сложены из плоских плит песчаника, расположенных плашмя методом сухой кладки. Высота стен местами до 2 м.

Все три сооружения расположены, приблизительно, на одинаковом расстоянии от места слияния Июсов (разница составляет лишь несколько километров). Поэтому каждое из них следует детально изучить на предмет возможной идентификации в качестве «Белого каменного города». Для наиболее объективной идентификации необходимо провести тщательное сравнение использованных для их создания строительных материалов и на основе полученных результатов сделать предварительные выводы, которые в дальнейшем, несомненно, следует проверить путем проведения археологических раскопок.

Кроме названных, на территории юга Приенисейского края реально известно еще несколько крупных оборонительных сооружений, которые можно назвать крепостями. Это крепость Чебаки на вершине горы Све-Тах на правом берегу р. Черный Июс, в 4,5 км к северо-востоку от с. Чебаки, крепость на горе Чалпан у оз. Беле и иные. Особо следует указать на крепость в горном массиве Оглахты, проходящем по левому берегу р. Енисей севернее пос. Усть-Абакан. Сооружение в современном виде представляет собой оплыв (развал) каменной стены шириной до 2 м и высотой до 1 м, проходящей по отвесному краю горы на протяжении нескольких километров. Была сложена из плит девонского песчаника обычным для данной территории методом сухой кладки. Стены имеют зигзагообразные выступы, в них устроены проходы. На выходах в лога выполнены рвы. В отличие от большинства остальных данное оборонительное сооружение изучалось археологически (начато

в 1968 г.), в результате чего Л.Р. и И.Л. Кызласовыми установлена его средневековая принадлежность (начало строительства датировано концом X в., функционирование – XI–XII вв.). Археологически изучались и некоторые иные крепости, главным образом расположенные в предгорьях Кузнецкого Алатау, в том числе и Чебаки. К сожалению, каких-либо свидетельств их использования в таком качестве в средние века не получено – материалы раскопок относятся к значительно более ранним этапам истории региона. Однако это обстоятельство отнюдь не лишает нас права предполагать, что кратковременно они могли использоваться и даже подновляться кыргызами, тем более учитывая отмечаемую исследователями их необычно хорошую сохранность. Так, создание стены оборонительного сооружения на Каменном острове по результатам частичных раскопок датировано эпохой поздней бронзы⁸, однако приведенное сообщение Г.Ф. Миллера определенно указывает на его использование кыргызами в начале нового времени.

К сожалению, каких-либо предположений относительно идентификации на местности «киргизского острожка» вблизи Красноярского острога у нас пока не имеется.

В целом, с учетом приведенных сведений, происходящих из различных источников, можно сделать следующие выводы:

– на изучаемой территории имеются несколько крупных сооружений оборонительного характера, которые можно достаточно уверенно идентифицировать как «городки» и т. п., упоминавшиеся в русских документах XVII в.;

– эти крепости использовались енисейскими кыргызами, в том числе по их прямому, то есть военному назначению; кроме того, зафиксирован один случай, когда такой «городок» использовался и монголами; енисейские кыргызы не только могли использовать, в том числе подновляя, древние оборонительные сооружения, но и, как установлено в ходе раскопок, строить их заново;

– осуществленный нами опыт изучения остатков крепостей на местности показывает, что сообщениям русских документов XVII в. можно доверять, в связи с чем поиски и идентификация на местности «Белого каменного города» и «киргизского острожка» вблизи Красноярска не лишены перспективы.

В качестве общего итога изучения проблемы можно указать, что с учетом полученных нами и иными авторами результатов следует уточнить характеристики, традиционно присваивающиеся

енисейским кыргызам как этносу, принадлежащему исключительно к кочевому миру. Соответственно, при изучении их военного дела следует учитывать возможность использования долговременных фортификационных сооружений, что не могло не влиять как на тактику боя, так и применяемое оружие. Поэтому такие археологические объекты являются ценными объектами историко-культурного наследия, подлежащими государственной охране. Но, к сожалению, это пока реализуется в недостаточной мере. Так, площадь двора крепости в устье р. Сыда подвергается распашке, по гребню стены крепости на горе Первый Сундук туристами выкладываются столбики из обломков плит девонского песчаника, искажающие ее облик и состав, на площади Оглахтинского укрепления и некоторых иных ведутся земляные работы различного вида, проложены полевые дороги. Надеемся, что приведенные нами сведения помогут в совершенствовании работы по охране этих ярких памятников военной истории крупного региона нашей страны.

¹ Добжанский В.Н. «Городки» енисейских киргизов в XVII веке: историографический миф или историческая реальность? // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 4 (32). С. 81–90.

² Резун Д.Я. Очерки истории изучения сибирского города конца XVI – первой половины XVIII века. Новосибирск: Наука, 1982. С. 16.

³ Добжанский В.Н. Указ. соч. С. 84.

⁴ Там же. С. 86.

⁵ Там же. С. 89.

⁶ Скобелев С.Г. «Городки» енисейских киргизов в русских сообщениях XVII века и археологическая реальность // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 3 (43). С. 92–98; Скобелев С.Г., Кузницын С.А. «Каменный городок» Мерген-тайши на Енисее (предварительная публикация) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 5: Археология и этнография. С. 255–263.

⁷ Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. С. 157.

⁸ Грачев И.А. Фортификационные особенности крепостных сооружений эпохи поздней бронзы Хакаско-Минусинского региона // Радловские чтения 2006. СПб.: МАЭ РАН, 2006. С. 253–256.

Н.Р. Славитский (Санкт-Петербург)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ КРЕПОСТЬ В 1812 ГОДУ

О ХРАНА путей на петербургском направлении в 1812 г. была поручена генералу от инфантерии П.Х. Витгенштейну, командовавшему отдельным корпусом численностью в 25 000 человек. Ему была поручена оборона всего края от западной Двины до Новгорода и прикрытие осады Риги. Базами и опорными пунктами для этих целей должны были служить Себеж, Псков и Новгород. При этом ему предписывалось крепко держаться реки Двины, наступательные действия практически не предусматривались (разрешалось лишь перейти на другую сторону реки, но разбив неприятеля, ему следовало возвратиться назад на правый берег)¹. В целом ему удалось справиться с поставленной задачей и не допустить противника (а против него действовали 12-тысячный корпус Макдональда и 28-тысячный корпус Удино и позже корпус Сен-Сира) к столице России. Тем не менее, в Санкт-Петербурге были приняты меры по приведению города в оборонительное состояние. И в этой связи решающую роль играла Санкт-Петербургская крепость, комендантом которой в то время был генерал-лейтенант П.А. Сафонов.

Непосредственная организация обороны столицы России была возложена на главнокомандующего в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинова (в 1812 г. в Санкт-Петербурге и Москве были назначены главнокомандующие), коменданта города генерал-майора Башуцкого и коменданта крепости генерал-лейтенанта П.А. Сафонова. Но в середине июля, когда войска Наполеона заняли Митаву и подступили к Риге, на заседании Комитета министров под председательством Н.И. Салтыкова было предложено возложить на генерала от инфантерии М.И. Кутузова должность «командующего

сухопутными и морскими силами, расположенными возле северной русской столицы»². Император Александр I утвердил это предложение, и после этого (до начала августа, то есть до назначения М.И. Кутузова главнокомандующим) ему были подчинены и войска, «находящиеся в Санкт-Петербурге, Кронштадте и Финляндии»³.

В соответствии с утвержденным 5 июня 1812 г. Положением для крепостей, на базисе военных действий расположенных, крепость признавалась состоящей на военном положении в следующих случаях⁴:

1. Когда она во время войны находится в первой линии, или когда отстоит на переходе менее 5 дней от крепостей, полей и позиций, занимаемых неприятелем.

2. Когда она объявлена на военном положении приказом его императорского величества или главнокомандующего.

В первом случае Военный губернатор, а где его нет, коменданты имеют право сами объявлять крепость в военном положении.

Крепость почитается в осадном положении:

1. Когда последует о сем особое Высочайшее повеление.

2. Когда обложена она неприятелем.

3. Когда неприятель подступает к ней для нападения.

4. Когда он нечаянно нападает на нее.

5. Когда внутри крепости возникает возмущение.

6. Когда в окрестностях ее окажутся непопозволенные сборища.

Положением оговаривалось, что во всех пяти последних случаях сами военные губернаторы, а где оных нет, коменданты объявляют крепость на военном положении.

В крепость, в военном положении находящейся, комендант учреждает пожарную команду, и из вольных ремесленников, плотников, работников, составляет роты и отряды, под управлением их старшин; они употребляются к прекращению пожаров во время осады, и к производству воинских работ. Действиями при пожарах и работах распоряжается комендант совокупно с командиром инженерным и начальством гражданским.

Генералы, командующие войсками, не могут брать снарядов, назначенных к обороне крепости, и продовольствия из оной.

В осадном или блокадном состоянии крепости коменданту оной присваивается власть начальников отдельных корпусов по Учреждению для большой действующей Армии изданному.

Как известно, в Санкт-Петербурге до такого положения дело не дошло – неприятельские войска были остановлены далеко от столицы, однако вероятность подобной ситуации командованием все же учитывалась.

Строительство Санкт-Петербургской крепости, заложенной на Заячьем острове 16 мая 1703 г. и положившей начало будущей столице Российской империи, продолжалось практически на всем протяжении первой половины XVIII в. и было завершено в 1740 г. По тому времени это было первоклассное оборонительное сооружение, возведенное по всем правилам фортификационной науки. Она состояла из шести бастионов (носивших названия бастионов Петра I, Екатерины, Трубецкой, Зотов, Анны Иоанновны, Петра II), соединенных куртинами; а также ряда дополнительных фортификационных сооружений: кавальера, Иоанновского и Алексеевского рavelинов. Кроме того, напротив крепости был сооружен Кронверк. Однако со временем, по мере разрастания города, крепость оказалась в его центре и во многом потеряла свое оборонительное значение. При этом внутри нее возводились различные здания, и она становилась не только фортификационным сооружением, но и памятником архитектуры.

В первом десятилетии XIX в., после завершения строительства здания Монетного двора, построенного по проекту А. Порто, а также возведения Артиллерийского цейхгауза (1801–1802, проект А. Брискорна, являвшегося командиром инженерной команды крепости) по сути дела завершилось формирование архитектурного ансамбля Санкт-Петербургской крепости. В 1801–1802 гг. напротив Инженерного дома, вдоль главной аллеи, ведущей к Петропавловскому собору, было возведено каменное одноэтажное здание Артиллерийского цейхгауза. Прежде на его участке находился «Артиллерийский двор, забранный досками, где содержатся разные пушки, бомбы и ядра», затем (в 1781 г.) – «артиллерийская пушечная лаборатория», и наконец, «Артиллерийский парк с цейхгаузами». Постройкой Артиллерийского цейхгауза завершилось композиционное оформление главной аллеи крепости. Наряду с Инженерным домом он исполнил роль своеобразных кулис, уводящих взор посетителя в перспективу аллеи, замкнутую монументальным зданием Монетного двора. Безусловно, с появлением Артиллерийского цейхгауза была уравновешена общая композиция главной аллеи, правда, при этом

вид на восточный фасад Петропавловского собора от Петровских ворот оказался закрыт.

В то же время некоторые здания крепости имели военное значение: Комендантский дом, Инженерный дом, уже упоминавшийся Артиллерийский цейхгауз, обер-офицерская гауптвахта, штаб-офицерский дом. То есть она по-прежнему сохраняла значение как военный объект, имевший гарнизон, артиллерийское вооружение, инженерную команду.

В «Летописи Петропавловской крепости» в этом году отмечалось: «По ведомости Инженерного департамента Санкт-Петербургская крепость значится первоклассной, с 16 временными батареями при устьях Невы»⁵.

Правда, многие здания и фортификационные сооружения крепости занимали совершенно посторонние организации. В бастионе Анны Иоанновны хранился порох и строительные материалы. В казематах Государева бастиона находились мастерские Инженерной команды и Артиллерийской роты, хранились строительные припасы (черепица и стекло), курительные трубки и порох, якоря ластового флота и т. д. Зотов бастион использовался для хранения соли и вина, а также в качестве мастерских Инженерной команды. Внутри кавальера хранилось имущество Артиллерийского ведомства, а также принадлежности Петропавловского собора, в том числе, военные трофеи. Меншиков бастион занимали мастерские и кузница крепостной инженерной команды. Нарышкин бастион находился в ведении Монетного двора, а Трубецкой бастион – Артиллерийского ведомства.

Васильевская куртина: справа от ворот размещались архивы письменных дел Государственного казначейства, Аудиторского департамента Военного министерства и Комендантского Управления; один каземат использовался под склад крепостной артиллерии; слева от ворот помещения были заняты кладовыми и канцелярией Монетного двора, а также имуществом крепостной Инженерной команды.

Екатерининская куртина: в начале XIX в. некоторые ее казематы были заняты под архивы Главного Казначейства и под жилье женатых писарей Инженерного ведомства; часть помещений занимал Монетный двор.

В Кронверкской куртине с 1797 г. находились жилые помещения церковных сторожей и курантчиков, архив письменных дел

Остаточного казначейства и цейхгаузы Гарнизонной школы. В 1808 г. часть верхних казематов куртины была отведена для размещения «военных сирот».

Казематы Невской куртины и второй этаж Петровской куртины в 1800 г. были приспособлены под военно-сиротское отделение. Правда, в 1811 г. было предположено строить военно-сиротское отделение на 1000 человек, расположив его вне крепости, проект поручили составить коменданту крепости совместно с инженером генерал-майором А. Брискорном, но это было только лишь намерение.

В Никольской куртине начиная с 1809 г. находились нижние чины крепостной Артиллерийской роты (в том числе ротные цейхгауз, канцелярия, фельдфебельская, швальная и сапожная мастерские, кухня и кладовая для провианта), при этом находившийся там до того архив Провиантской экспедиции перенесен в каземат левого фланга бастиона Зотова.

Кронверк Санкт-Петербургской крепости с 1810 г. находился в ведении Партикулярной верфи. Все артиллерийское имущество было передано в крепость, порох – в лабораторию, а строения «за гниlostью стен, крыш и полов» «обращены в слом». Кроме того, 5 июня 1808 г. Министерство коммерции открыло в Кронверке коммерческое судостроительное и мореплавательное училище, куда принимали детей служащих городской верфи и пансионеров из купеческих детей. Бастионы Кронверка стали сдаваться с торгов всем желающим под сенокос ⁶.

Этот обзор показывает, что на территории крепости в рассматриваемый период «вперемешку» располагались военные и гражданские ведомства, однако первые все-таки доминировали, занимая большую часть помещений.

Отдельно хотелось бы остановиться на упоминавшемся военно-сиротском отделении, созданном еще в 1798 г. Первоначально оно было размещено в бастионе Анны Иоанновны (ныне – бастион Головкина), и первые известные нам документы о переводе детей в это отделение датируются январем 1807 г. Из переписки комендантского управления Санкт-Петербургской крепости видно, что в это отделение зачисляли как детей рядовых, отправлявшихся в поход, так и тех, кто оставался в своих частях (детей в возрасте от 2 до 9 лет). Но большую часть составляли дети умерших на военной службе. Еще в 1807 г. в Санкт-Петербургское военно-сиротское отделение

были переведены дети военнослужащих из других военно-сиротских отделений, расположенных в Кронштадте, Шлиссельбурге, Ревеле, Пскове, Выборге. Все это оформлялось предписаниями Санкт-Петербургского военного губернатора С.К. Вязмитинова коменданту крепости П.А. Сафонову⁷. Учителя военно-сиротского отделения – унтер-офицеры Полетаев, Гладкий, Кузнецов и Левицкий – были пожалованы чинами 14-го класса⁸. В 1812 г. из числа воспитанников военно-сиротского отделения по инициативе М.И. Кутузова предполагалось набирать барабанщиков в петербургское ополчение⁹.

Кроме того, крепость, как известно, являлась также и политической тюрьмой. И в те годы, по случаю военного времени, вопросы об арестантах также решались по согласованию с военным начальством. В частности, известно предписание С.К. Вязмитинова П.А. Сафонову: «Содержащихся в здешней городской тюрьме поручика Козлянинова и подпрапорщика Геслинга которые имеют быть доставлены к вашему превосходительству от здешнего вице-губернатора, благоволите приказать принять и содержать их в Петропавловской крепости порознь и препровождать под караулом к делам в судебные места, когда в оные требуемы будут»¹⁰.

В то же время накануне Отечественной войны 1812 г. были приняты некоторые меры по усилению обороны столицы Российской империи, а также крепости, расположенной в ней. Во многом это было связано и с русско-шведской войной. В частности, в 1811 г. в устье реки Невы для возможной обороны столицы были установлены артиллерийские батареи (всего насчитывалось 16 временных артиллерийских батарей – на островах Голодае, Петровском, Крестовском, Гутуевском и в Старой деревне), находившиеся в ведении Артиллерийской команды Санкт-Петербургской крепости. Однако они просуществовали недолго, и уже в середине сентября 1812 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилось объявление о том, что желающие купить материалы, имеющиеся при Невских батареях (деревянные валганги с платформами, деревянные караульные дома, полисады, барьерные ворота), могут явиться в крепость в инженерное правление Санкт-Петербургской команды для торгу¹¹. Это означает, что уже в тот период приступили к демонтажу батарей. В 1813 г. они были окончательно упразднены и заново установлены лишь в годы Крымской войны.

А в самой крепости в 1812 г. шла «повседневная» жизнь – проводились ремонтные работы, гарнизон нес караульную службу (усиливать его не стали).

Из ремонтных работ на тот год было запланировано следующее: ремонт эскарповых стен Зотова бастиона, Васильевской куртины и Трубецкого бастиона («У бастиона Зотова фасы и фланки с орильонами васильевская куртина у бастиона Трубецкого у правого фланка эскарповые кирпичные одежды местами выпучились и выкрошились, как кирпич так и прокладная плита по длине на 215 сажень»), заделать в бастионе Анны Иоанновны шесть казематных отверстий, засыпка рва кавальера в том же бастионе («ров, существующий около кавальера в бастионе Анны Иоанновны, имеющий контрэскарп из циркульной плиты весьма выкрошивавшийся требует переделки но как на сию переделку вознадобится немалая сумма то по описанным в смете причинам полагает команда тот ров засыпать мусором»), исправление ветхих строил флагшточной башни, устройство новой кордегардии у Петровских ворот («Кардегардию состоявшую у Петровских ворот в нижнем этаже каземат по описанным в ней ветхостям и неудобностям требующую большой поправки полагается оставить, а вместо оной устроить кордегардию в верхнем этаже»), починка бермы со стороны Невы, поврежденной льдом в ходе наводнения¹². Кроме того, намечались и небольшие переделки в зданиях крепости: исправление полов в Комендантском доме и в здании гауптвахты.

В то же время Инженерная команда крепости предполагала исправить также и берму «Кронверкского и Никольского полигонов» и эскарповые стены Алексеевского рavelина, но эти предложения были отклонены Инженерным департаментом Военного министерства из-за недостатка средств. Практически все из запланированных и утвержденных работ были выполнены¹³.

Хотелось бы также отметить, что незадолго до войны, в 1809 г., в жизни гарнизона Санкт-Петербургской крепости произошло немаловажное событие: 8 ноября 1809 г. последовало Высочайшее утверждение новых штатов гарнизонной артиллерии, коими «по примеру армейских гарнизонов» положено было содержать гарнизонные артиллерийские части. В соответствии с этим указом была создана рота петербургской гарнизонной артиллерии (первым командиром роты стал майор Пузынкин)¹⁴.

Рота была размещена в 10 казематах Никольской куртины,

из которых 7 являлись жилыми, стены казематов оштукатурены и выбелены, полы досчатые некрашенные, потолки деревянные, крашенные белой масляной краской. Печей русских 11 и 3 очага. Для спанья людей были выстланы нары, длиною в 63 погонных сажени. Кроме того, две казармы Пушкарской улицы, одна каменная, другая деревянная, были переделаны в 1809 г. в офицерские светлицы ¹⁵.

Командиром роты был полковник Иван Яковлевич Кузьмин (в 1809 г. ему исполнилось 47 лет) – опытный офицер с солидным послужным списком. Он начал службу в 1774 г. своекоштным каптенармусом в бомбардирском полку, с 1775 г. – сержант, с 1782 г. – штык-юнкер; с 1786 г. – подпоручик, с 1791 г. – поручик, с 1794 г. – капитан; с 1797 г. – майор в батальоне генерал-лейтенанта Эллиса; с июня 1798 г. – подполковник, с сентября 1799 г. – полковник в батальоне генерал-майора Сиверса, 19 марта 1802 г. переведен из 6-го артиллерийского батальона в Санкт-Петербургский артиллерийский гарнизон. Участвовал в осаде Очакова (1788 г.), в сражении под Вильной (1794 г.), в 1798 г. – за границей во вспомогательном артиллерийском корпусе в Италии при осаде крепости Спидикстоне, при блокаде Мантуи (1799 г.), Нови, переходе с полковою артиллерию через Пьемонтские и Тирольские горы ¹⁶.

Количество орудий, положенных содержать на вооружении Санкт-Петербургской крепости по штату 1804 г.

Наименование	Калибр	Количество орудий		Всего орудий
		Медных	Чугунных	
Пушки	24-фунтовые	2	63	65
Пушки	18-фунтовые	2	0	2
Пушки	12-фунтовые	2	48	50
Пушки	6-фунтовые	2	24	26
Пушки	3-фунтовые	4	8	12
Гаубицы	1-пудовые	0	8	8
Гаубицы	$\frac{1}{2}$ -пудовые	0	28	28
Мортиры	5-пудовые	0	14	14
Мортиры	2-пудовые	0	5	5
Мортирки	6-фунтовые	0	100	100
Фальконеты	1-фунтовые	10	0	10
Итого		22	298	320

В 1806 г. в Санкт-Петербургской крепости насчитывалось 122 орудия, в том числе 65 пушек 24-фунтового калибра. Но за военные годы количество орудий увеличилось до 158 орудий, в том числе 24-фунтовых пушек – 95, 18-фунтовых – 16, 12-фунтовых – 41, 6-фунтовых – 2, 5-пудовых мортир – 4. Точных сведений о состоянии артиллерии в 1812 г. в нашем распоряжении не имеется, однако анализ документов архива Комендантского управления крепости позволяет высказать уверенное предположение, что количество орудий оставалось таким же – никаких сведений об усилении артиллерийского вооружения не сохранилось.

Следует отметить и то, что в августе 1812 г. часть солдат гарнизона – 38 человек – была направлена в действующую армию (вполне естественная практика, сохранившаяся еще со времен Петра I, когда в армию переводились военнотружущие из гарнизонных полков, а на их место присылали рекрут). Однако после врачебного освидетельствования они были признаны «неспособными» к полевой службе, и их было решено распределить в батальоны внутренней стражи¹⁷.

Кроме того, Санкт-Петербургская крепость была тем местом, откуда производились артиллерийские салюты, посвященные победам русских войск в войне 1812 г. В 1812 г. таких салютов было несколько¹⁸: 14 июля – «По заключении мира с Оттоманскою Портою» (223 выстрела). 30 августа – «По случаю победы над французскою армиею» (101 выстрел). 11 октября – «По случаю победы над французами гр. Витгенштейном» (51 выстрел). 15 октября – «По освобождении Москвы от французов» (101 выстрел). 16 октября – «По победе над французами» (51 выстрел, скорее всего, имелось в виду Тарутинское сражение. – *Н. С.*). 24 ноября – «По победе над французами гр. Витгенштейном» (51 выстрел). 6 декабря – «По случаю совершенного поражения французских войск в России» (101 выстрел).

В то же время Петропавловский собор был местом, где хранились трофейные знамена, и естественно, что туда доставлялись и штандарты, захваченные в боях с Наполеоном.

¹ Дорман М.А. Оборона путей на Петербург. СПб., 1912. С. 7–8.

- ² М.И. Кутузов – начальник Петербургского ополчения и командующий корпусом обороны Петербурга (из приказов и донесений) // Петербург военный XVIII–XIX вв. М., 2003. С. 157.
- ³ РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 132. Л. 200.
- ⁴ Там же. Л. 170; Полное Собрание Законов Российской Империи. Изд. 1-е. СПб., 1830. № 25 130. Т. 32. С. 347.
- ⁵ Летопись Петропавловской крепости. Т. 1. СПб., 2008. С. 101.
- ⁶ Руденко Ю.К. Уникальное укрепление // Бомбардир. 2001. № 14. С. 40.
- ⁷ РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 91. Л. 29, 70, 191; Д. 92. Л. 6, 8, 18, 30, 48, 61, 188, 228.
- ⁸ Там же. Л. 92.
- ⁹ М.И. Кутузов – начальник Петербургского ополчения и командующий корпусом обороны Петербурга. С. 172.
- ¹⁰ РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 91. Л. 314.
- ¹¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1812. № 75. 17 сентября. Первое прибавление (казенные объявления). С. 1099; № 76. 20 сентября. С. 1111.
- ¹² РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 131. Л. 187–192.
- ¹³ Летопись Петропавловской крепости. Т. 1. С. 101–102.
- ¹⁴ Иванов А.А. Рота Санкт-Петербургской крепостной артиллерии. Краткий исторический очерк. 1809–1909. СПб., 1909. С. 8.
- ¹⁵ Там же. С. 11.
- ¹⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 5577. Л. 5 об.–6.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 91. Л. 248.
- ¹⁸ Там же. Д. 96. Л. 3.

О.А. Слезин (Киев)

Артиллерия в Бородинском сражении: новые исследования

С ОСТАВ материальной части французской артиллерии, участвовавшей в Бородинском сражении, до сих пор остается недостаточно исследованным. Ф. Энгельс полагал, что эта артиллерия состояла в основном из 3- и 4-фунтовых пушек, уступая по калибру русским 6- и 12-фунтовым орудиям ¹. Эту позицию разделял также академик Е.В. Тарле ². И хотя взгляды этих авторов уже давно можно считать морально устаревшими, их сочинения в свое время были изданы огромными тиражами и до сих пор цитируются некоторыми исследователями.

В 2000 г. во Франции вышла книга «Borodino – La Moskowa: La Bataille des Redoutes»³, автор которой сделал попытку расписания французской артиллерии под Бородином, с указанием типов и калибров орудий в каждом подразделении. К сожалению, г-н Ургуль допустил в своей работе огромное количество ошибок и неточностей. Если просуммировать все пушки и гаубицы, перечисленные в его расписании, то получится просто фантастическая цифра – 692 орудия! На сотню больше, чем должно быть. Очевидно, что данным Ургуля верить нельзя.

Попробуем установить, какими же орудиями на самом деле располагал Наполеон в день Бородина.

Как известно, Наполеон ко времени своего прихода к власти имел систему полевой артиллерии, введенную Грибовалем, и включавшую 4-, 8- и 12-фунтовые пушки и 6-дюймовые гаубицы. В 1803 г. была разработана «система XI года» (11-го года республиканского календаря), которая предусматривала замену 4- и 8-фунтовых пушек на 6-фунтовые, а 6-дюймовых гаубиц – на 5,5-дюймовые (или

5 дюймов 6 линий). Последние еще называли 24-фунтовыми, поскольку их калибр был близок к калибру 24-фунтовых пушек осадной и крепостной артиллерии.

Здесь следует отметить, что в то время существовали разные подходы к обозначению калибров артиллерийских орудий. Калибр пушек определялся по весу чугунного ядра, в то время как калибр гаубиц – обычно по весу каменного ядра или гранаты.

По данным В.А. Петрова, 20-фунтовые (по весу чугунного ядра) орудия примерно соответствовали 7-фунтовым (по каменному весу), а 24-фунтовые – 8-фунтовым⁴. Однако меры веса в разных странах могли не совпадать, в результате 20-фунтовые или 7-фунтовые гаубицы одних государств могли иметь почти такой же калибр, как и 8-фунтовые (24-фунтовые) других. Французы часто не проводили разницы между 24-фунтовыми французскими гаубицами и подобными (7-фунтовыми и др.) гаубицами союзных контингентов, называя их обобщенно «obusiers de 5 pouces 6 lignes».

Говоря о калибрах французских гаубиц, надо также помнить, что в то время французский дюйм (pouce) был больше английского (inch) и русского, и равнялся 27,07 мм. К тому же, французы называли свои гаубицы по диаметру снаряда, а не по диаметру канала ствола, который был несколько больше. Диаметр канала ствола французских 6-дюймовых гаубиц на самом деле составлял чуть больше 6,1 французских дюйма или около 6,5 английских; 5,5-дюймовых гаубиц – 5,6 французских или почти 6 английских дюймов.

Позже во Франции стали обозначать калибр гаубиц по диаметру канала ствола, и гаубицы 5"6 превратились в «obusiers de 5 pouces 7 lignes 2 points» (5 дюймов 7 линий и 2 точки).

Существование такой сложной системы обозначений приводит к тому, что в исследованиях возникает путаница. Так, в русском переводе известной книги Д. Чандлера «Военные кампании Наполеона» 24-фунтовые гаубицы названы 24-дюймовыми⁵, хотя 24 дюйма – это более 600 мм! Авторы книги «Армия Наполеона» Оливер и Партридж отрицают наличие у французов 5,5-дюймовых гаубиц, путая английские дюймы с французскими⁶.

В источниках встречаются также упоминания о гаубицах калибром 6 дюймов 4 линии (6 pouces 4 lignes). Однако это не гаубицы системы Грибовалея, а трофейные 10-фунтовые прусские. Их легко

спутать с 6-дюймовыми французскими гаубицами, поскольку пересчет французских дюймов в английские дает похожую цифру: 6 pouces = 6,4 inches.

В связи с постоянными войнами процесс перехода от системы Грибоваля к системе Ап XI растянулся на несколько лет, в течение которых во французской армии параллельно применялись орудия как старого, так и нового образца. В войсках, принявших участие в русском походе 1812 г., основную часть вооружения полевых артиллерийских рот составляли уже 6-фунтовые пушки (некоторое количество старых 4- и 8-фунтовок еще оставалось в Испании). Гаубицы же были 5,5-дюймовые (24-фунтовые), за исключением небольшого количества иностранных 7- и 10-фунтовых.

В документах 5,5-дюймовые и 7-фунтовые гаубицы называли вместе «obusiers de 5"6», а тяжелые прусские – «obusiers de 6"4».

Итак, каким же был состав материальной части артиллерии Наполеона в Бородинском сражении? На основании анализа различных источников была составлена следующая таблица ⁷:

Эскорт Главной квартиры	Полковая артиллерия Баденского пехотного полка № 2	2 3-фнт. пушки
Императорская гвардия		
2-я гвардейская дивизия и Легион Вислы	3-я рота ПА полка Мол. гв.; 3-я рота ПА полка Ст. гв.; 13-я рота 8-го полка ПА; полковая артиллерия Вислинского легиона	10 6-фнт. пушек 8 4-фнт. пушек 6 3-фнт. пушек ⁸ 4 5"6 гаубицы
3-я гвардейская дивизия	1-я и 2-я роты ПА полка Ст. гв.; 1-я и 2-я роты ПА полка Мол. гв.	12 12-фнт. пушек 16 4-фнт. пушек 4 6"4 гаубицы
Гвардейская кавалерийская дивизия	1-я и 2-я роты полка КА Ст. гв.	8 6-фнт. пушек 4 5"6 гаубицы
Гвардейская резервная артиллерия	4-я, 5-я и 6-я роты полка ПА Ст. гв.; 3-я и 4-я роты полка КА Ст. гв.	27 6-фнт. пушек ⁹ 10 5"6 гаубиц
Всего в гвардии		12 12-фнт. 45 6-фнт.

		24 4-фнт. 6 3-фнт. пушек; 4 6"4 гаубицы, 18 5"6 гаубиц
1-й корпус		
1-я дивизия	1-я рота 7-го полка ПА; 7-я рота 1-го полка КА; полковая арт.	10 6-фнт. пушек 12 3-фнт. пушек 4 5"6 гаубицы
2-я дивизия	2-я рота 7-го полка ПА; 5-я рота 3-го полка КА; полковая арт.	10 6-фнт. пушек 12 3-фнт. пушек 4 5"6 гаубицы
3-я дивизия	3-я рота 7-го полка ПА; 4-я рота 3-го полка КА; полковая арт.	10 6-фнт. пушек 14 3-фнт. пушек 4 5"6 гаубицы
4-я дивизия	9-я рота 7-го полка ПА; 2-я рота 5-го полка КА; полковая арт.	10 6-фнт. пушек 7 3-фнт. пушек 4 5"6 гаубицы
5-я дивизия	16-я рота 7-го полка ПА; 2-я рота 6-го полка КА; полковая арт.	10 6-фнт. пушек 16 3-фнт. пушек 4 5"6 гаубицы
Резервная артиллерия 1-го корпуса	3-я и 17-я роты ¹⁰ 1-го полка ПА	12 12-фнт. пушек 4 6"4 гаубицы
Всего в 1 корпусе		12 12-фнт. 50 6-фнт. 61 3-фнт. пушка; 4 6"4 гаубицы, 20 5"6 гаубиц
3-й корпус		
10-я дивизия	12-я рота 5-го полка ПА; 5-я рота 6-го полка КА	10 6-фнт. пушек 4 5"6 гаубицы
11-я дивизия	18-я рота 5-го полка ПА; 6-я рота 6-го полка КА	10 6-фнт. пушек 4 5"6 гаубицы
25-я дивизия	1-я и 2-я вюртембергские пешие батареи; 1-я вюртембергская конная багарея	10 6-фнт. пушек 6 7-фнт. гаубиц
Резервная артиллерия	16-я рота 1-го полка ПА; вюртембергская резервная	11 12-фнт. пушек 12 3-фнт. пушек

Артиллерия в Бородинском сражении: новые исследования

3-го корпуса	батарея; полковая арт. ¹¹	2 6"4 гаубицы
Всего в 3 корпусе		11 12-фнт., 30 6-фнт. 12 3-фнт. пушек; 2 6"4 гаубицы, 8 5"6 гаубиц, 6 7-фнт. гаубиц
4-й корпус		
Итальянская гвардия	1-я рота ПА итальянской гвардии ¹² ; 1-я рота КА итальянской гвардии; полковая арт.	14 6-фнт. пушек 4 5"6 гаубицы
13-я дивизия	9-я рота 2-го полка ПА; 2-я рота 4-го полка КА; полковая арт.	10 6-фнт. пушек 8 3-фнт. пушек 4 5"6 гаубицы
14-я дивизия	7-я рота 2-го полка ПА; 3-я рота 4-го полка КА; полковая арт.	10 6-фнт. пушек 8 3-фнт. пушек 4 5"6 гаубицы
Баварская кавалерийская дивизия	1-я баварская легкая (конная) батарея	4 6-фнт. пушки 2 7-фнт. гаубицы
Резервная артиллерия 4-го корпуса	5-я и 12-я роты 2-го полка ПА; 2-я рота итальянского полка ПА	16 12-фнт. пушек 4 5"6 гаубицы
Всего в 4 корпусе		16 12-фнт., 38 6-фнт., 16 3-фнт. пушек; 16 5"6 гаубиц ¹³ 2 7-фнт. гаубицы
5-й корпус		
16-я дивизия	3-я и 12-я роты полка польской ПА; полковая арт.	8 6-фнт. пушек 6 3-фнт. пушек 4 7-фнт. гаубицы
18-я дивизия	4-я и 5-я роты полка польской ПА; полковая арт.	8 6-фнт. пушек 5 3-фнт. пушек 4 7-фнт. гаубицы

Артиллерийский резерв 5-го корпуса	14-я рота полка польской ПА; 2-я рота полка польской КА; 3 полковых пушки	6 12-фнт. пушек 6 6-фнт. пушек 3 3-фнт. пушки
Всего в 5 корпусе		6 12-фнт., 22 6-фнт., 14 3-фнт. пушек; 8 7-фнт. гаубиц
8-й корпус		
23-я дивизия	вестфальская 1-я пешая батарея; полковая арт.	14 6-фнт. пушек 2 5"6 гаубицы
24-я дивизия	вестфальская 2-я пешая батарея; 2 взвода вестфальской 1-й конной батареи	8 6-фнт. пушек 4 5"6 гаубицы
24-я бригада легкой кавалерии	взвод вестфальской 1-й (гвардейской) конной батареи	2 6-фнт. пушки
Всего в 8 корпусе		24 6-фнт. пушки, 6 5"6 гаубиц
1-й кав. корпус		
1-я дивизия легкой кавалерии	7-я рота 6-го полка КА	4 6-фнт. пушки 2 5"6 гаубицы
1-я дивизия тяжелой кавалерии	1-я рота 5-го полка КА ¹⁴	5 6-фнт. пушек 2 5"6 гаубицы
5-я дивизия тяжелой кавалерии	4-я и 5-я роты 5-го полка КА	8 6-фнт. пушек 4 5"6 гаубицы
Всего в 1 к.к.		17 6-фнт. пушек 8 5"6 гаубиц
2-й кав. корпус		
2-я дивизия легкой кавалерии	1-я рота 4-го полка КА ¹⁵ ; (прикомандирована к артиллерии 2-й дивизии тяжелой кавалерии)	4 6-фнт. пушки 2 5"6 гаубицы

Артиллерия в Бородинском сражении: новые исследования

2-я дивизия тяжелой кавалерии	1-я и 4-я роты 2-го полка КА	8 6-фнт. пушек 4 5"6 гаубицы
4-я дивизия тяжелой кавалерии	3-я и 4-я роты 1-го полка КА (прикомандирована к артиллерии 2-й дивизии тяжелой кавалерии)	7 6-фнт. пушек 4 5"6 гаубицы
дивизия легкой кавалерии 3-го корпуса	2-я батарея вюртембергской КА	4 6-фнт. пушки 2 7-фнт. гаубицы
Всего в 2 к.к.		23 6-фнт. пушки 10 5"6 гаубиц 2 7-фнт. гаубицы
3-й кав. корпус		
3-я дивизия легкой кавалерии	половина 6-й роты 4-го полка КА	2 6-фнт. пушки 1 5"6 гаубица
6-я дивизия тяжелой кавалерии	4-я и 5-я роты 4-го полка КА ¹⁶	5 (или 8) 6-фнт. пушек 2 (или 4) 5"6 гаубицы
Всего в 3 к.к.		7 (или 10) 6-фнт. пушек; 3 (или 5) 5"6 гаубиц
4-й кав. корпус		
4-я дивизия легкой кавалерии	3-я и 4-я роты польского полка КА	8 6-фнт. пушек 4 5"6 гаубицы
7-я дивизия тяжелой кавалерии	саксонская 2-я конная батарея; вестфальская 2-я конная арт. рота	8 6-фнт. пушек 2 5"6 гаубицы 2 8-фнт. гаубицы
Всего в 4 к.к.		16 6-фнт. пушек; 6 5"6 гаубиц 2 8-фнт. гаубицы
Всего		57 12-фнт., 272 (275) 6-фнт., 24 4-фнт.,

		111 3-фнт. пушек; 10 6"4 гаубиц, 97 (99) 5"6 гаубиц, 18 7-фнт. гаубиц; = 589 (или 594)
--	--	---

Примечания: ПА – пешей артиллерии, КА – конной артиллерии; 2 8-фунтовые (по каменному весу) саксонские гаубицы включены в общую сумму как гаубицы калибра 5"6 (24-фунтовые).

Из-за имеющихся противоречий в различных источниках этим данным трудно претендовать на абсолютную точность и полноту. Поэтому автор не исключает, что приведенные цифры в дальнейшем могут быть незначительно скорректированы (см. также сноски-примечания к таблице). Однако в целом ситуация уже достаточно ясна. Возможные изменения – плюс-минус несколько орудий того или иного типа – картину существенно не изменят.

Число 589 соответствует данным переключки 2 сентября 1812 г. (587 орудий по ведомости, плюс 2 пушки в эскорте Главной квартиры). Однако не исключено, что на самом деле у Наполеона под Бородином было несколько больше артиллерии. Например, Васильев и Попов считают, что во 2-м корпусе кавалерийского резерва в день сражения могло быть не 10 орудий, а все 18; остановимся на более осторожной оценке в 15 орудий. Некоторые сомнения вызывают также данные по 4-му и 8-му армейским корпусам. Так, по данным Фабри, в 8-м корпусе в июне-июле числилось 34 орудия, по рапорту Шарбоннеля в конце сентября – 32, в то время как расписание 2 сентября показывает только 30 орудий. Маловероятно, чтобы 2 или 4 полковых пушки 24-й дивизии «исчезли» накануне генерального сражения и вдруг снова появились после него.

В целом, по мнению Васильева и Попова, в Великой Армии под Бородином было 597 орудий (на 5.09.1812); нам представляется наиболее вероятной цифра в 594 орудия. Впрочем, эта разница незначительна.

Как видно из таблицы, основным типом артиллерийских орудий в армии Наполеона были 6-фунтовые пушки. Они составляли почти половину его артиллерии в Бородинском сражении. Легких

3- и 4-фунтовых пушек было в два раза меньше (менее четверти от общего количества). Еще 10 % приходилось на 12-фунтовые пушки, и чуть больше 20 % – на гаубицы (в основном 5,5-двоймовые).

8-фунтовых пушек и 6-двоймовых гаубиц системы Грибоволя под Бородином не было.

Материальная часть русской артиллерии не отличалась таким разнообразием, как французская, и ее состав давно известен. Поэтому нет необходимости расписывать этот пункт подробно, достаточно указать лишь итоговые цифры:

12-фунтовых пушек – 136 (из них половина – малой пропорции);

6-фунтовых пушек – 252;

$\frac{1}{2}$ -пудовых единорогов – 68;

$\frac{1}{4}$ -пудовых единорогов – 168;

всего 624 орудия.

По штатам 1803 г., батареиным ротам полагалось иметь еще по два 3-фунтовых единорога, однако фактически они не применялись с 1811 г., если не раньше¹⁷.

Таким образом, в русской армии, так же как и во французской, самыми распространенными были 6-фунтовые пушки. Они составляли около 40 % русской артиллерии и по своим боевым характеристикам практически не отличались от французских.

Как отмечал А.А. Смирнов, «технические возможности однотипных орудий противоборствующих сторон не имели существенных различий, да и вряд ли могли их иметь... Нельзя говорить об осязательном преимуществе той или иной системы [русской или французской]. Это позволяет с равной долей вероятности говорить о вполне сравнимой эффективности артиллерийского огня воюющих сторон»¹⁸.

Русские $\frac{1}{2}$ -пудовые единороги имели примерно такой же калибр, как и французские 24-фунтовые гаубицы; действие $\frac{1}{4}$ -пудовых единорогов было несколько слабее французских гаубиц, но сильнее 3- и 4-фунтовых пушек.

В принципе, вопрос о том, какие орудия были лучше – тяжелые или легкие, пушки или гаубицы – не имеет однозначного ответа. Если бы такой ответ был, то все государства наполеоновского периода сразу же перешли бы на какой-то один тип орудий, например на 12-фунтовые пушки или на гаубицы. Но этого не произошло.

Потому что в разных ситуациях нужны были разные типы и калибры орудий, и каждый тип имел свои достоинства и недостатки. Самым массовым артиллерийским орудием того времени были 6-фунтовые пушки, составлявшие основу артиллерийских систем не только России и Франции, но и большинства других стран Европы.

Наполеон писал: «Не выгоднее ли иметь одну 12-фунтовую пушку вместо двух 6-фунтовых? Если при особенных обстоятельствах можно предпочесть 12-фунтовую пушку, то в обыкновенных случаях две 6-фунтовые пушки будут полезнее. Выгоднее ли одна гаубица двух 6-фунтовых пушек? Гаубицами можно удобнее поджечь деревню и *бомбардировать редут*, но они стреляют неметко; в обыкновенных случаях гаубица не стоит не только двух, но даже и одной 6-фунтовой пушки, а потому потребность в таких орудиях ограничена»¹⁹.

В целом, нет никаких оснований утверждать, что материальная часть русской или французской артиллерии при Бородине была значительно лучше, чем у противника. Обе системы в достаточной степени отвечали требованиям своего времени, и в целом не сильно отличались друг от друга.

Оценить эффективность действий артиллерии в Бородинском сражении достаточно трудно. Некоторые авторы пытаются сделать это, сравнивая количество потерь сторон. Однако такой подход не может дать точного ответа.

Во-первых, цифры потерь русских и французов под Бородином до сих пор остаются дискуссионными. Согласно исследованиям С.В. Львова и Д.Г. Целорунго, потери русской армии могли составить порядка 40 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести²⁰.

Потери Великой Армии многие полагают на уровне 30 тыс., но есть и другие мнения. Так, В.Н. Земцов оценивал потери французской стороны от 35,5 и 41,5 (усреднено – 38,5 тыс.) убитых и раненых²¹. По мнению М. Казанцева, с 24 по 26 августа французы потеряли 34–41,5 тыс., русские – 40–50 тыс. человек²².

Несмотря на то, что вопрос о потерях еще до конца не закрыт, в целом можно достаточно уверенно сказать, что потери двух армий в сражении отличаются не так сильно, чтобы говорить о решительном превосходстве одной из сторон. И уж тем более, чтобы приписывать это действию только одного рода войск.

Во-вторых, не до конца ясен вопрос о том, какая же часть потерь в сражении приходится на долю артиллерии. Многие исследователи полагают, что в начале XIX в. главные потери на поле боя нанесли именно артиллерия²³.

Известны слова о том, что почти на всех телах убитых, осмотренных Наполеоном на Бородинском поле, имелись следы от артиллерийских снарядов. Однако эти сведения недостаточно надежны, т.к. представляют собой слухи, полученные из вторых или третьих рук. Кроме того, тела, пролежавшие несколько часов на простреливаемой территории, могли получить дополнительные попадания ядрами или картечью уже после того, как упали на землю (это вполне вероятно, учитывая радиус разлета картечи).

Здесь нелишним будет вспомнить статью Д.Г. Целорунго «О характере ранений воинов русской армии – участников Бородинского сражения»²⁴. Проанализировав множество данных из формулярных списков офицеров и нижних чинов о фактах ранений и контузий, полученных военными в Бородинском сражении и за всю службу, автор сделал вывод о том, что при Бородине основная часть раненых русских офицеров выбыла из строя в результате поражения пулями. Несмотря на имеющиеся во многих документах неопределенности (понятие «пуля» может означать как ружейную, так и картечную пулю), Целорунго полагает, что основные потери солдаты русской армии несли именно от стрелкового оружия. И хотя такое мнение представляется недостаточно обоснованным, все же очевидно, что урон от неприятельских ядер и гранат был в несколько раз меньше, чем от ружейных пуль и картечи²⁵.

Вместе с тем, Целорунго отметил, что в Бородинском сражении был выше показатель ранений и контузий от артиллерийских снарядов в отличие от среднего показателя ранений, полученных офицерами и солдатами за всю службу, что свидетельствует об усиленном действии артиллерии в этом бою.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. XI. Ч. II. С. 637.

² Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. М.: Гиз., 1941.

³ G. Hourtoulle. Borodino – La Moskowa: La Bataille des Redoutes. Paris: Histoire & Collections, 2000.

⁴ Петров В.А. Орудия отбитые у неприятеля в 1812 году. М., 1911. С. 1.

⁵ Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя. М.: Центрполиграф, 1999. С. 231.

⁶ Оливер М., Партридж Р. Армия Наполеона. М., 2005. С. 57. Даже такой известный специалист, как О.В. Соколов, допустил ошибку в этом вопросе: в книге «Армия Наполеона» он пишет, что гаубицы системы Грибовала имели калибр 6 дюймов 4 линии (165,7 мм). На самом деле ни Грибоваль, ни Наполеон не измеряли калибр своих гаубиц в английских дюймах. В французских единицах измерения калибр 6-дюймовых гаубиц составлял 6 дюймов 1 линию 6 точек, диаметр гранаты – ровно 6 дюймов. (См.: J.J.B de Gassendi. Aide-memoire a l'usage des officiers d'artillerie. Paris, 1819. С. 514–515.)

⁷ При составлении таблицы были использованы работы:

Васильев А.А., Попов А.И. Война 1812 г. Хроника событий. Grande Armee. Состав армии при Бородино. М.: «Рейттарь», 2002.

Власов К. Расписание Великой армии на начало русской кампании 1812 г. Работа на сайте: http://www.museum.ru/1812/War/Grande_Arme_1812/index.html. Петров В.А. Указ. соч.

G.J. Fabry. Campagne de Russie (1812). P. 1903, Vol. 4.

L.J. Margueron. Campagne de Russie. Paris: H. Charles-Lavauzelle, 1906.

EG. Hourtoulle. Borodino – La Moskowa: La Bataille des Redoutes. Paris: Histoire & Collections, 2000.

A. Mikaberidze. The Battle of Borodino: Napoleon Against Kutuzov. Pen and Sword, 2011.

Рапорт начальника штаба артиллерии Великой армии генерала Шарбоннеля от 27 сентября 1812 г. (копия документа предоставлена Институтом Наполеона и Французской Революции, США).

⁸ В расписании Власова (на июнь 1812 г.) в полках Легиона Вислы указаны по две 8-фунтовые пушки, однако в полковой артиллерии должны были быть 3-фунтовые (см.: рапорт генерала Шарбоннеля от 27 сентября 1812 г.; также Gembarzewski W. Wojsko Polskie. Ksiestwo Warszawskie 1807–1814. Warszawa, 1912). 8-фунтовые пушки вообще не использовались в русской кампании. О пушках такого калибра не упоминают ни Фабри, ни другие источники; из 875 орудий, захваченных русской армией в 1812 г., нет ни одного 8-фунтового (см.: Петров В.А. Указ. соч.).

⁹ Почему в составе одной из рот Гвардейской резервной артиллерии (Полка пешей артиллерии Старой гвардии) оказалось «сверхштатное» девятое орудие, неясно. По штату должно было быть 8 орудий в каждой роте ПА, в трех ротах – 24.

¹⁰ Фабри, Власов и Микаберидзе указывают в составе резервной артиллерии 1-го корпуса 17-ю роту 1-го полка пешей артиллерии. В расписании Васильева и Попова вместо нее указана 7-я рота. Возможно, это просто опечатка.

¹¹ В составе резервной артиллерии 3-го корпуса у Микаберидзе, как и у Васильева и Попова, указаны 12 орудий вюртембергской полковой артиллерии. Однако в 25-й (вюртембергской) дивизии такой артиллерии не было (см.: Калинин С.Е., Кожановский В.Ю. Вюртембергская армия в наполеоновских войнах 1805–1815. М.: «Рейттарь», 2002; Fabry G. Campagne de Russie. P. 1903. Vol. 4). Очевидно, здесь имеются в виду полковые пушки 10-й и 11-й дивизий, присутствующие у Фабри и в расписании Власова, но отсутствующие у Васильева и Попова.

¹² У Васильева и Попова в составе 4-го корпуса указаны 2 роты пешей артиллерии итальянской гвардии (на самом деле была 1 рота) и не учтена полковая артиллерия гвардии (см.: Оливер М., Партридж Р. Указ. соч. С. 250; Fabry G.

Campagne de Russie. P. 1903. Vol. 4). В то же время в рапорте Шарбоннеля эти 6-фунтовые пушки приписаны к дивизионной, а не к полковой артиллерии.

¹³ К. Власов полагает, что все гаубицы 4-го корпуса (кроме двух баварских) были 6-дюймовые. Здесь имеет место путаница единиц измерения: французские и итальянские 24-фунтовые гаубицы имели калибр, близкий к 6 английским дюймам, но по французским документам проходили как орудия калибром 5 дюймов 6 линий (французских). И у Фабри, и в рапорте Шарбоннеля гаубицы 4-го корпуса записаны как 5"6.

¹⁴ По данным переключки 2 сентября, в 1-й дивизии тяжелой кавалерии Сен-Жермена было всего 7 орудий. Это странно, ведь в одной роте конной артиллерии по штату должно было быть 6 орудий. По Фабри и Власову, в июне в дивизии было 2 роты: 1-я и 3-я роты 5-го полка КА (Fabry G. Campagne de Russie. P. 1903; Vol. 4, С. 359). Не исключено, что на самом деле 7 орудий было не в одной, а в двух этих ротах (неполных); также вероятно, что в день Бородинского сражения в дивизии Сен-Жермена были все 12 орудий, но утверждать этого мы пока не можем.

¹⁵ У Васильева и Попова в составе 2-го кавалерийского корпуса ошибочно указана 5-я рота 4-го полка КА; но эта рота была в составе 3-го кав. корпуса. По данным Микаберидзе, здесь должна быть 1-я рота 4-го полка КА.

¹⁶ У Уртуля и Микаберидзе в составе 3-го кавалерийского корпуса Груши ошибочно указаны 4-я, 5-я и 6-я роты 6-го полка КА; на самом деле там должны быть роты 4-го полка КА. По данным Фабри, 5-я рота 6-го полка КА была в 10-й пехотной дивизии, 6-я рота – в 11-й пехотной дивизии. Таким образом, в расписании Микаберидзе эти роты упоминаются дважды. Васильев и Попов указывают в 3-м кавалерийском корпусе 4-ю и 5-ю роты 4-го полка КА, причем отмечают, что есть доказательства участия обеих этих рот в сражении. По штату в них должно было быть по 6 орудий, всего 12 (а не 7, как показано в ведомости 2 сентября) (См.: Васильев А.А., Попов А.И. Указ. соч. С. 39). Не исключено также, что под Бородином была не половина 6-й роты 4-го полка КА, а вся эта рота; но точного подтверждения этого пока не имеется.

¹⁷ Игошин К.Г. Некоторые сведения об изменениях в организации российской полевой артиллерии 1803–1812 (на правах рукописи); Смирнов А.А. Александр Иванович Кутайсов. М.: Государственный Исторический музей, 2006 г.

¹⁸ Смирнов А.А. «Сомнительные выстрелы». Некоторые соображения об эффективности артиллерийского огня в 1812 году // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 г. Саратов, 2006.

¹⁹ Наполеон. Избранные произведения. М.: Воениздат, 1956.

²⁰ Целорунго Д.Г. К вопросу о потерях русской армии в Бородинском сражении // Бородино и наполеоновские войны, битвы, поля сражений, мемориалы. Материалы научной конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Бородино, 2003. С. 33.

²¹ Земцов В.Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург, 2001. С. 452.

²² Казанцев М. Численность и потери армий при Бородино. Публикация на сайте <http://www.museum.ru/1812/Library/contents.html#Kazantsev1>

²³ Соколов О.В. Армия Наполеона. СПб., 1999. С. 177.

²⁴ Целорунго Д.Г. О характере ранений воинов русской армии – участников Бородинского сражения // Отечественная война 1812 года. Источники.

Памятники. Проблемы: Материалы XIII Всероссийской научной конференции (Бородино, 5–7 сентября 2005 г.). М.: Полиграфсервис, 2006. С. 220.

²⁵ На этом фоне выглядят несостоятельными выдумки некоторых российских авторов о том, что большие потери русской армии под Бородином были следствием обстрела «дальнобойной французской артиллерией», работавшей «по площадям» с максимальной дистанции. Такие фантазии могли появиться только у человека, плохо знакомого как с событиями Бородинского сражения, так и вообще с тактикой того времени.

Н.В. Смирнов (Санкт-Петербург)

ЗАЩИТНОЕ СНАРЯЖЕНИЕ ПОМЕСТНОЙ КОННИЦЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА (ПО ДАННЫМ ДЕСЯТЕН)

В ИЗУЧЕНИИ вооруженных сил русского государства поныне существует ряд устойчивых стереотипов, которые, несмотря на отсутствие подтверждения историческими источниками, продолжают успешно кочевать из одного исследования в другое.

Одним из таких ошибочных стереотипов стало представление об оснащении значительной части дворян и детей боярских конца XVI–XVII столетий защитным снаряжением. Особенно ярко это проявляется в различного рода реконструкциях внешнего вида служилых людей «по отечеству». Редкий художник или реконструктор, изображая воинов Русского государства эпохи Смуты или правления первых Романовых, удерживается от соблазна включить в состав снаряжения тот или иной элемент металлического доспеха. Между тем, за исключением отдельных иллюстративных примеров до сих пор не произведено полноценного изучения степени распространения доспехов в комплекте снаряжения уездных дворян и детей боярских. А именно этот слой составлял основу русской армии во второй половине XVI – первой половине XVII в.

Большое значение в создании образа «кованой рати» сыграла опубликованная боярская книга 1556 г., созданная по материалам Серпуховского смотра ¹. Так, М.М. Денисова в своей статье отмечала: «Поместная конница должна была представлять собой массу, сверкающую металлическими доспехами»².

Следует принять во внимание тот факт, что данные боярской книги 1556 г. охватывают высший слой русского дворянства. Большинство представленных в ней дворян относились к командному

составу и появление их на поле боя в большом количестве исключалось.

Основным документом, подробно описывающим как вооружение, так и защитное снаряжение дворян и детей боярских XVI–XVII вв., являются разборные десятины. К сожалению, количество сохранившихся десятиен по XVI столетию невелико, но и они демонстрируют несколько иную картину обеспеченности помещичьей конницы защитным снаряжением³. Так, из 280 коломенских дворян и детей боярских в 1577 г. основной защитой обладали 164 человека (58 %), большинство из которых имели «пансыри». Защита головы была у 160 человек, а наручи и батарлыки имел только один дворянин. Еще хуже складывалась ситуация у рязских дворян в 1579 г. Из сотни лучших дворян и детей боярских только 28 указали защитное снаряжение, причем четверо были в тегилях, а один имел только шелом⁴.

Более целостную картину по вооружению и снаряжению служилых людей «по отечеству» мы получаем по началу XVII в., а точнее, по данным разбора служилых людей в 1621 г., сопровождавшегося составлением десятиен. На эпизодичность упоминаний в них различных доспехов указывал еще С.К. Богоявленский в своей, уже ставшей классической, статье по вооружению русской армии: «Употребление огнестрельного оружия сделало бесполезным те предметы вооружения, которые предохраняли от ударов холодного оружия, но не могли предохранить от губительного воздействия пуль. Пансыри, кольчуги, тегиляи и пр. в десятинях XVII в. упоминаются очень редко»⁵. Большая работа по обработке комплекса десятиен 1621–1622 гг. была проведена рабочим коллективом СПбГУ под руководством В.М. Воробьева в конце 1990-х – начале 2000-х гг., однако обобщающих работ по защитному снаряжению до сих пор не издано⁶.

В наказе боярам и дьякам, проводившим смотр и разбор служилых людей в уездах, было дано четкое указание. Так, в наказе боярина А.В. Лобанову-Ростовскому и дьяку В. Трескину, посланного в Нижний Новгород, было написано: «...про тех дворян и детей боярских роспрашивать окладчиков как кто государеву службу служит и сколь конец и людей и доспешен...»⁷.

Картина, выявившаяся по итогам смотров, выглядела удручающе. Значительная часть дворян и детей боярских вообще не могли выступить на службу, без предварительного получения денежного

Защитное снаряжение поместной конницы в первой половине XVII в. (по данным десятиен)

жалованья, не имея коней. Многие не могли сделать этого, даже получив деньги. Так сказались на состоянии нашей армии многолетние разорения Смутного времени. Что касается защитного снаряжения, то положение было вообще катастрофичным. Из исследованных десятиен по 19 «служилым городам», охватывающим почти 3000 дворян и детей боярских, элементы защитного снаряжения упомянуты только в 6 «служилых городах» и распределены следующим образом:

Служилый город ⁸	Количество дворян и детей боярских		Обеспеченность защитным снаряжением	
	Всего	Способных выступить на службу	Дворян и детей боярских	Доля от способных выступить, %
Болхов	260	170	3	1,7
Владимир	221	200	15	7,5
Елец	721	188	1	0,5
Кашира	399	399	5	1,3
Лух	57	52	6	11,5
Зубцов	114	17	3	17,6

Еще в 13 десятинях защитное вооружение не упомянуто ни у одного служилого человека «по отечеству», что с большой долей вероятности свидетельствует о его полном отсутствии. Это десятини по Алексину (90 чел. боеготовых дворян и детей боярских), Бежецкому Верху (30 чел.), Белеву (128 боеготовых), Верее (23 чел.), Воротынску (43 чел.), Звенигороду (32 чел.), Кашину (190 чел.), Козельску (89 чел.), Мценску (668 чел.), Рузе (52 чел.), Старице (5 чел.), Твери (37 чел.), Угличу (9 чел.)⁹.

Таким образом, очевидно, что доля дворян и детей боярских, способных выступить в поход с защитным снаряжением, ничтожна мала. Даже если учитывать служилых людей, способных выступить в поход с выплатой денежного жалованья, доля оснащенных доспехами составляет немногим более 1 %. Так как большинство из них относилось к высшей категории служилых городов – выбору, они часто несли службу вне города на административных и военных должностях. В итоге в рядах поместной конницы появление воина, снабженного доспехом, носило исключительно редкий характер.

По типам защитное снаряжение распределяется следующим образом:

Защита тела:

- пансырь (доспех из плоских колец) – 18 чел.,
- юшман (кольчужный доспех с металлическими пластинами) – 2 чел.,
- латы (цельнометаллическая кираса европейского образца) – 6 чел.,
- бехтерец (пластинчатый доспех) – 3 чел.,
- кольчуга – 2 чел.

Защита головы:

- шапка железная – 1 чел.,
- шишак – 7 чел.,
- шапка мисюрская – 11 чел.

Прочие доспехи:

- наручи – 1 чел.

Постепенное восстановление страны после катастрофы Смутного времени положительно сказывалось на экономическом состоянии служилого сословия. Уже в период Смоленской войны основная масса дворян и детей боярских была готова выступить в поход, улучшилось вооружение, обеспеченность конями, незначительно выросло число холопов. Однако на оснащенности защитным снаряжением улучшение материального положения почти не сказалось. В отличие от смотра 1621–1622 гг. в наказе уже не требовалось сообщать сведения о доспехах, в некоторых десятиях их по-прежнему отмечали. Показателен в этом отношении Костромской служилый город. Из 1083 дворян и детей боярских в защитном снаряжении выступал лишь 21 человек (1,9 %), которые имели на вооружении 11 лат, 7 пансырей, 2 кольчуги, 1 бехтерец, 14 шишakov, 6 шапок-мисюрок и 7 комплектов наручей¹⁰.

Правительство не оставляло без внимания этот пробел в вооружении русской поместной конницы, стимулируя дворян на покупку защитного снаряжения. Требование выступать в поход «...в збруях в латах, бехтерцах, пансырех, шеломах и в шапках мисюрках...» повторялось из года в год при отправке воинов в поход на береговую службу¹¹. Но это предписание фактически игнорировалось.

В 1648–1649 гг. был проведен очередной общерусский разбор и смотр поместной конницы, который отразил ее боеготовность

накануне решающей схватки с Речью Посполитой. Хотя работа над обработкой массива десятиен 1648–1649 гг. продолжается, уже имеющиеся данные позволяют утверждать, что спустя тридцать лет после окончания Смуты положение с защитным снаряжением не улучшилось. Среди белян, тверичей и зубчан одной из половин дворян с доспехами не было вообще. Из свыше 600 служилых людей одной из половин Костромы с защитным снаряжением на смотр прибыли лишь шестеро. В Рязани же на более чем 1200 человек приходилось лишь двое выборных дворян с доспехами. На 175 смолян приходилось также двое человек¹². Стоит отметить упоминания довольно редких и устаревших кюяка и «карваша» (по-видимому, разновидность наручей) у одного из смоленских дворян¹³.

Трудно согласиться с мнением о том, что причиной почти полного исчезновения защитного снаряжения из арсенала русской поместной конницы в первой половине XVII столетия является его бесполезность в условиях распространения огнестрельного оружия. В передовых, в военном отношении, странах Западной Европы, на которые равнялось русское правительство, защитный доспех продолжал играть роль защиты кавалерии и пехоты в первую очередь от стрелкового оружия. С другой стороны, на южных рубежах государства, не говоря уже о востоке, лук и холодное оружие продолжали оставаться основным видом оружия противников русской армии весь XVII в. Отказ от доспехов, по крайней мере, для дворян южных уездов, выглядел преждевременным.

Предпочтительнее выглядит версия об экономических причинах. Экономический кризис конца XVI в. и Смутное время нанесли огромный урон по всем сферам хозяйства Русского государства. Экономическая база поместного дворянства была подорвана. У подавляющего большинства дворян и детей боярских едва хватало средств, чтобы поддерживать минимальную степень боеготовности – покупать лошадей и оружие. Доспех оказался наиболее дорогой составляющей дворянской «службы», потому и сэкономили именно на нем. Даже находившиеся в сравнительно благоприятном материальном положении дворяне предпочитали на свободные средства нанимать боевых холопов и приобретать запасных лошадей и комплекты вооружения.

С другой стороны, ремесленное производство также пришло в упадок и попросту не могло насытить рынок даже минимальным количеством доспехов. В условиях кустарного кузнечного

производства изготовление защитного снаряжения было медленным, а себестоимость его – высокой.

Наконец, прежние запасы были в основном утрачены в годы Смуты. Доспехи гораздо чаще попадали в руки врага в захваченных обозах или в разоренных поместьях, при этом даже не нужные доспехи часто вывозились как почетные трофеи.

Выход из положения был найден только в середине XVII в., когда правительство, отчаявшись ждать пока дворяне оснастят себя сами, перешло на систематическое оснащение конницы доспехами за счет казны. Этому способствовало и снижение их себестоимости за счет упрощения и перехода к массовому производству на казенных заводах.

Не стоит забывать о том, что десятни отражают готовность рядового уездного дворянства. Положение более обеспеченных служилых людей «московского списка» – жильцов, дворян московских, не говоря уж о правящей группировке, было несравненно лучше. Защитное снаряжение играло для них роль, в большей степени, парадную. Но именно их, а не массы провинциальных дворян, видели иностранцы, посещавшие Русское государство в составе многочисленных посольств и торговых визитов. В итоге в записках иностранцев мы зачастую видим совершенно иную картину, слабо отражающую общую ситуацию в русской армии.

Подводя итог, можно сделать два основных вывода.

– Оснащенность уездных дворян и детей боярских защитным снаряжением в первой половине была настолько низкой, что служилый человек «по отечестве» в доспехе был исключительным явлением.

– Почти полное исчезновение доспехов в поместной коннице вызвано комплексом причин, в основном экономического характера.

¹ Боярская книга 1556 года // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. Кн. 3. Отд. 2. СПб., 1861. С. 28–80.

² Денисова М.М. Поместная конница и ее вооружение в XVI–XVII вв. // Военно-исторический сборник ГИМ. М., 1948. (Труды ГИМ, вып. XX). С. 36.

³ Фатеев Д.М. Вооружение и снаряжение русской кавалерии в 1556–1579 гг. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы научной конференции. Ч. 1. Великий Новгород, 2002. С. 147–154.

Защитное снаряжение поместной конницы в первой половине XVII в. (по данным десятиен)

⁴ Сторожев В.Н. Десятни XVI века // Описание МАМЮ. Кн. VIII. М., 1891. С. 2–42 (Коломна), 219–248 (Рязск).

⁵ Богоявленский С.К. Вооружение русских войск в XVI–XVII вв. // Исторические записки. Т. 4. М., 1938. С. 269–289.

⁶ Воробьев В.М. Из истории поместного войска в условиях послесмутного времени (на примере новгородских служилых городов) // Исторический опыт русского народа и современность. СПб., 1994. С. 82–91; Он же. «Конность, людность, оружность и сбруйность» служилых городов при первых Романовых // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 93–108; Смирнов Н.В. Разбор и смотр войска в 1621 г. и поместное дворянство // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы научной конференции. Ч. 2. Великий Новгород, 1999. С. 91–99; Богданов И.В. О «конности, людности и оружности» Алексинского и Козельского служилых городов в 1621 г. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы научной конференции. Ч. 1. Великий Новгород, 2002. С. 160–163; Фатеев Д.М. Боеготовность приокских служилых городов по результатам смотра 1621–1622 гг. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы научной конференции. 18–20 ноября 2003. Великий Новгород, 2003. С. 123–127; Федосеев Д.М. Тульский служилый город в 1621 и 1631 гг. // Там же. С. 137–144; Воробьев М.В. Псковский и Пусторжевский «служилые города» по материалам смотра военных сил России в 1621 г. // Псков в Российской и европейской истории (к 110-летию первого летописного упоминания). Т. 1. М., 2003. С. 326–333.

⁷ Книги разрядные по официальным оных спискам изданные. Т. 1. СПб., 1853. С. 795.

⁸ РГАДА. Ф. 210. Дела десятиен. № 144 (Болхов), 2 (Владимир), 87 (Елец), 16 (Кашира); ОР РНБ, Эрмитажное Собр. № 343/2 (Лух); Сторожев В.Н. Тверское дворянство в XVII в. Вып. 1. Тверь, 1891 (Зубцов).

⁹ Там же. Дела десятиен. № 165 (Алексин), 82 (Белев), 91 (Воротынский), 242 (Звенигород), 216 (Козельск), 182 (Мценск), 232 (Руза), 162 (Углич); Сторожев В.Н. Указ. соч. Вып. 2–4. (Бежецкий Верх, Кашин, Старица, Тверь).

¹⁰ Баранов К.Н. Костромской «служилый город» в первой половине XVII века. Дипломная работа. Исторический факультет СПбГУ, 2002. С. 48.

¹¹ Например: Наказ владимирским дворянам при отправке в Тулу в 1641 г. // Записные книги Московского стола 7149 г. РИБ. Т. X. С. 245; Наказ псковским, пусторжевским и невельским дворянам при отправке в Вене в 1643 г. // ААЭ. Т. 3. № 319. С. 468.

¹² РГАДА. Ф. 210. Дела десятиен. № 175 (Вязьма, Смоленск), 111 (Зубцов), 230 (Кострома), 263 (Рязань), 199 (Тверь).

¹³ Там же. № 175. Л. 5.

Автор выражает признательность своим коллегам Молочникову А. и Фатееву Д.М. за любезно предоставленные материалы.

С.В. Степанов (Санкт-Петербург)

**ИМЕНИЕ ВИТГЕНШТЕЙНОВ
«ДРУЖНОСЕЛЬЕ» ПОД ПЕТЕРБУРГОМ –
ПАМЯТНИК ВОЙНЫ 1812 ГОДА: ИСТОРИЯ
И ПРОБЛЕМЫ МУЗЕЕФИКАЦИИ**

ИМЕНИЕ «Дружноселье» располагается на юго-востоке Гатчинского района Ленинградской области, в 4 километрах от станции Сиверская. С 1814 по 1917 гг. оно принадлежало известной в России семье Витгенштейнов.

Начало землевладению усадьбой положил фельдмаршал, герой 1812 г. князь Петр Христианович Витгенштейн (1768–1842). Во время Отечественной войны 1812 г. он командовал первым отдельным пехотным корпусом, защищавшим град Петров, после смерти М.И. Голенищева-Кутузова (1745–1813) принял командование объединенной армией ¹ (рис. 1).

Уже с первых недель войны его корпус был оставлен для прикрытия Петербурга. В середине июля, когда возникла угроза совместного удара войск Макдональда и Удино, он смог их упредить, атаковав войско Удино (28 тыс. чел.) при Якубове, Клястницах, Боярщине ². Победа в этих сражениях отразила наступление на Петербург, а Витгенштейн в народной молве получил имя «Петрополя спасителя». На многих светских обедах в Петербурге 1812 г. можно было услышать строки – тост «Военная честь графу Витгенштейну / Хвала, хвала тебе, герой, / Что град Петров спасен тобой»³.

В октябре 1812 г. корпус, в который входили петербургское и новгородское ополчения (всего 39,8 тыс. чел.), под командованием П.Х. Витгенштейна одержал победы под Полоцком, Чашниками, Витебском, в ходе которых разгромил войска маршала Сен-Сира и

**Рис. 1. П.Х. Витгенштейн.
Гравюра первой половины XIX в.**

Виктора ⁴. В Петербурге в то время были популярны народные строки: «Витгенштейн – другой Суворов, / Полоцк новый Измаил. / Из-за рвов и из окопов / Сен-Сир лыжи наострил»⁵.

В 1813 г. под его командованием русский солдат во второй раз после Семилетней войны (1756–1763) взял Берлин, что позволило освободить значительную территорию ⁶.

В 1813 г. петербургское купечество прислало ему благодарственное письмо в г. Швейниц, в котором писало: «Санкт-Петербургские купцы и гости чувствуя в полной мере заслуги графа Витгенштейна в знак благодарности за сохранение их, и принадлежащего им, от руки хищников поднесли от общества своего графу П.Х. Витгенштейну 150 000 рублей, испросив на сие через главнокомандующего в Санкт-Петербурге Высочайшей воли»⁷.

В ответном письме от 21 мая 1813 г. Витгенштейн благодарит купечество за службу их земляков – ополченцев от Петербурга и губернии в рядах его корпуса, при этом он отмечает, что ополчение «действительно много содействовало в сем успехе, ибо оно составляло половину войск мне тогда вверенных (Витгенштейн командовал корпусом до апреля 1813 г. – С. С.), и соревновало старым солдатам, действуя с такой же храбростью и неустрашимостью»⁸.

Во второй части письма Петр Христианович пишет о своем замысле: «Я же в доказательство моей искренней признательности к сему вашему приношению, предложил на сумму сию купить имение в Санктпетербургской губернии, с тем, чтобы сделаться помещиком иметь честь быть сочленом сей губернии, которое имение оставаться будет из рода в род в моей фамилии, с таким завещанием, чтобы к другому не переходило, ни продажею, ни по закону.

Что и послужит вечным памятником в моем потомстве (курсив мой. – С. С.), что оное имение получил я от благодарности признательности Санктпетербургского купеческого сословия к моим заслугам в защите сей столицы. Я почитаю сверх всякого благополучия, что мог быть полезен Отечеству и имел случай сохранить как сию, так и другие губернии»⁹. Текст писем был опубликован в 2-х книгах в 1814 г.¹⁰

В дальнейшем для его потомства письмо Витгенштейна стало «завещанием», согласно которому усадьба по архитектурно-ландшафтному воплощению должна быть памятником войны 1812 г.

После окончания боевых действий, по возвращении в Россию в 1814 г., он выполняет данное им обещание и закрепляет купчей крепостью деревни Большево и Лампово, между которыми создает усадьбу. Первая усадьба в этих местах появилась после пожалования императором Павлом I в 1797 г. «в награждении за усердную

**Рис. 2. Господский дом.
Кадр из фильма 1932 г.**

службу» воспитательницам общества благородных девиц сестрам Зильберейзен деревень из дворцовой Рождественской волости Софийского уезда. Елизавета Зильберейзен получила д. Лампово, Изори, Ракитино (всего 203 души), а Каролина – д. Большево и Кемск (всего 202 души). Через некоторое время для получения

денег на строительство они продают удаленные деревни – Изори, Ракитино и Кемск, а между деревнями Большево и Лампово создают общую усадьбу, которая получает соответствующее название – «Дружноселье»¹¹. Но несмотря на продажи трех деревень материальное положение оставалось тяжелым, сестры принимают решение продать оставшиеся (рис. 2).

Рядом с имением сестер П.Х. Витгенштейн покупает землю для строительства усадьбы. Традиционно в России усадьба начиналась с постройки господского дома. В Дружноселье он строится в просторном в начале XIX в. стиле классицизм. Дом с тонкими изящными балясинами на парадном крыльце, несмотря на аварийное состояние, до сих времен сохраняет былое очарование.

Но долго жить в усадьбе П.Х. Витгенштейну не пришлось. Оставив хозяйственные поручения, в 1818 г. он был назначен главнокомандующим 2-й армии, участвовал в войне с Турцией. В 1826 г. был произведен императором в фельдмаршалы, но через три года «по состоянию здоровья» выходит в отставку и поселяется в другом имении «Каменка» Подольской губернии, ставшем местом его упокоения ¹².

В усадьбе «Дружноселье» уже при жизни Петра Христиановича жил его сын Лев (1799–1866) – офицер Лейб-гвардии Кавалергардского полка, с 1820 г. флигель-адъютант Александра I. В юношеские годы увлекался вольнодумством. В 1820 г. вступил в Союз Благоденствия, в который его привел адъютант отца П.И. Пестель, но активного участия в работе Союза не принимал, находясь в постоянных разъездах ¹³.

В 1828 г. Лев Витгенштейн женился на 19-летней красавице, выпускнице Смольного института княжне Стефании Доминиковне Радзивилл (1809–1832) – любимой фрейлине жены Николая I императрицы Александры Федоровны, обладательнице огромного состояния, в которое входили земли в Западных губерниях ¹⁴ (рис. 3).

Рис. 3. К.П. Брюллов. Портрет детей графа Л.П. Витгенштейна, 1832 г.

Слабое здоровье Стефании вынудило молодых покинуть Россию и поехать на лечение в Италию. Во Флоренции семья сблизилась с семьей Брюлловых. Карл Павлович в 1832 г. написал

портрет детей Витгенштейна – Марии (1829–1897) и Петра (1831–1887) с няней-итальянкой, купающихся в лесном ручье¹⁵.

Лев Витгенштейн впоследствии вспоминал о тех днях в письме к Карлу Брюллову: «Я никогда не забуду приятное время, которое мы вместе проводили в Риме и Флоренции, и когда вы писали с таким восхищением портреты моих детей. Все прельщаются этой картиной, а Маша и Питер по сие время похож»¹⁶.

Последним словам письма находим подтверждение в отзывах современников. Так, Н.В. Гоголь пишет о картине: «она с первого раза, вдруг врезалась в мое воображение и осталась в нем вечно в своем блеске. Когда я шел смотреть “Разрушение Помпеи”, у меня прежняя вовсе вышла из головы...Но, когда я взглянул на нее, когда она блеснула предо мной, в мыслях моих как молния пролетело слово “Брюллов!” Я узнал его»¹⁷.

**Рис. 4. Костел Св. Стефании.
Фотография 1913 г.
Фотоархив ИИМК РАН**

Лечение и теплый воздух не оказали положительного эффекта, и 14 июня 1832 г. Стефания скончалась. Вдовец просит в 1834 г. Александра Брюллова построить над могилой жены усыпальницу¹⁸. Но Брюллов строит не просто пантеон, он выполняет в архитектуре «завещание» П.Х. Витгенштейна об усадьбе-памятнике. В одном из писем к К.П. Брюллову Лев пишет: «Брат ваш Александр, как вам уже известно, строит у меня в имении близ Петербурга католическую церковь в память жены моей. Так как я желаю, чтобы эта церковь была во всех частях совершенна, то я желал бы, чтоб вы мне написали главную картину над алтарем»¹⁹ (рис. 4).

А.П. Брюллов создает на берегу пруда ансамбль, в центре на возвышенности строит монумент мавзолей-костел в древнеримском стиле с коринфскими колоннами и барельефами ангелов, расположенных между дугами под арками (чертежи ныне хранятся в Музее Академии Художеств –

НИИМ РАХ²⁰. В самом костеле над алтарем была размещена картина, написанная К.П. Брюлловым, воплощенная на основе жизнеописания патрона усопшей супруги – Святой Стефании²¹.

В подвальном помещении зодчий размещает склеп. Под лестничным сводом покоилось тело Стефании, над которым, по проекту Мариетти, был возведен памятник знакомым по жизни в Италии, другом Карла скульптором С.И. Гальбергом (1787–1839)²². Склеп стал семейной усыпальницей семьи Витгенштейнов, где накануне 1917 г. покоилось 12 человек²³.

По двум сторонам мавзолея Брюллов строит из пудосткого камня павильоны, создающие симметрию построек. В них он размещает перевезенные из Каменки военные трофеи отца хозяина, коллекцию оружия XVIII–XIX вв., на берегу пруда устанавливает пушки²⁴. Рядом с костелом строят дом пастора. Окружающая часть парка была перепланирована: созданы искусственные земляные рвы, сделана гидравлическая система. В эту часть парка вели две дороги с западной и восточной стороны, пересекающие каменные мосты (сохранились в аварийном состоянии).

В парке была создана сложная канальная система, по которой можно было передвигаться на лодке. На большом пруду оборудуется купальня, в стороне строится баня. Особой достопримечательностью становится пруд с беседкой на острове, на который можно было приплыть на лодке.

Парк представлял характерный пример ландшафтно-паркового искусства XIX в. В нем была тщательно продумана растительность, ведущее место отдано дубу, липе, лиственнице. Последними создали подъездные аллеи. Особенно привлекательна аллея к богадельне (ныне туберкулезная больница), а раскидистые дубы и липы символизировали мощь и долголетие семьи²⁵.

В начале 1840-х гг. в усадебном парке построена богадельня для пожилых крестьян из имений западных губерний, которая была закрыта в 1871 г. из-за отсутствия нуждающихся в призрании. В 1842 г. в ней был освящен домовый православный храм Св. мц. Стефаниды. После его упразднения в 1871 г. иконы были переданы в Преображенский храм в селе Орлино; а часть их перенесена в часовню, разместившуюся в левом павильоне у костела (сохранился)²⁶.

В 1830–1840 гг. сооружаются хозяйственные постройки: скотный двор в форме буквы «П» и башня с флюгером в форме коровы,

**Рис. 5. Дом управляющего (не сохранился).
Фотография конца 1980-х гг.**

амбары, конюшни. Впоследствии строится дом для управляющего (рис. 5), дом для рабочих – «красная дача» и другие постройки хозяйственного назначения.

Площадь земельных владений была расширена: в 1839 г. приобретены деревни Куровицы, Рыбицы, Кургино и Лязево²⁷.

В состав майората были также включены деревни Вырица, купленная в 1868 г. у Ф.С. Ракеева, и часть земель имения «Белогорка»²⁸.

П.Х. Витгенштейн, помня об обещании, данном в письме к купечеству, в 1833 г. подает прошение в Государственный Совет о закреплении нормативно-правовым актом неприкосновенности Дружноселья и Каменки, перевода их земли в статус «заповедного имения» (майората), которое не могло дробиться и продаваться, а лишь переходило по прямой мужской линии старшему наследнику. Прошение было удовлетворено 9 августа того же года, майорат существовал до 1917 г.²⁹

В 1848 г. Лев, верный идеалам юности, переводит своих крепостных на положение «обязанных», т.е. получивших личную свободу и землю, но обязанных исполнять в пользу помещика определенные повинности. В столичной губернии решились на это лишь двое – Л.П. Витгенштейн и владелец «Торковичей» (Лужский уезд) М.С. Воронцов³⁰.

Лев Витгенштейн в 1834 г. вторично женился на красавице фрейлине императрицы Л.И. Барятинской (1816–1918), с которой уехал за границу, где и скончался в 1886 г. в Каннах. В 1854 г. он оформляет дарственную на старшего сына генерал-лейтенанта Петра, который не часто бывал в имении, посвятив жизнь, как и его дед, военной службе³¹.

При нем в конце 1860-х гг. на базе лесных угодий имения создается «Дружносельское общество охоты», члены которого после

внесения платы могли пользоваться правом охоты на территории имения. Для организации работы общества было создано правление, куда входили петербургские именитые граждане В.А. Ковалевский, А.А. Мареншильдт, Ф.А. Пунд, Н.Ф. Фан-дер-Флит и поэт, страстно любящий псовую охоту, Н.А. Некрасов. Члены общества и приглашенные гости (за отдельную плату) в осенний сезон совершали охоты с лягавой, облавы на зайцев в пределах имения, что давало доход имению, а также обеспечивало работой местных егерей³².

Для организации управления и использования имений и угодий в 1870-х гг. создается Управление имениями, лесами и дачами его светлости князя П.Л. Витгенштейна. В 1862 г. князь учредил эмеритальную и эдукационную кассу для служащих, ассигновав 25 000 рублей для составления начального капитала³³. В 1878 г. она была преобразована в сберегательно-вспомогательную кассу «с целью обеспечения быта служащих», часть средств в ее фонд пожертвовал князь³⁴.

Благодаря деятельности кассы с 1862 по 1887 гг. служащие имения и члены их семей могли получать в качестве материальной поддержки денежные выплаты, стипендии на воспитание и обучение детей (с 12–18 лет), пособия, ссуды по 6 % от суммы годовых³⁵. Деятельность ее прекратилась в 1887 г. в связи со смертью Петра Львовича, после которой председатель правления Ф. Дмишевич и распорядитель Г. Румбович распределили между участниками (72 чел.) остаточный капитал (122 304 р.) согласно внесенным взносам³⁶.

Для увеличения дохода, получаемого с имения, в 1884 г. в Дружноселье ведется строительство пивоваренного завода, часть ржи, засеянной на пахотных угодьях, используется в качестве сырья. В 1890–1892 гг. на заводе проводится техническая модернизация, но рентабельность не была достигнута, предприятие вскоре закрылось³⁷.

В 1887 г. во владение, по причине отсутствия детей у Петра Львовича, был введен его младший брат Федор Львович (1836–1909), который также проживал за границей, а ведение дел передал сыну Генриху (1879–1919)³⁸ (рис. 6).

Изменяющиеся политические и социально-экономические отношения нацелили Генриха на проведение экономической модернизации и перевод хозяйства на предпринимательский лад.

**Рис. 6. Г.Ф. Витгенштейн.
Фотография начала XX в.**

Для получения прибыли была использована не мало-плодородная земля, а богатые лесные угодья. В 1882 г. в Вырице был основан лесопильный завод, который сдавался в аренду (его арендатором в 1890–1900-х гг. был А.Х. Ефремов – отец известного фантаста И. Ефремова)³⁹. В Сиверской в 1898 г. была построена фабрика спичечной соломки (ныне здание полиции), закрывшаяся вследствие малого дохода уже через 3 года⁴⁰. В 1896 г. Витгенштейн получил подряд на поставку дров для отопительной системы Гатчинского дворца⁴¹. В Гатчине были приобретены до-ходные дома.

При нем площадь имения была расширена, в 1905–1906 гг. оформлена купчая крепость на имение «Красницы» (ныне са-

доводство близ д. Кургино) с балериной Мариинского театра М.Ф. Кшесинской (1872–1971), где 3 июля 1905 г. скончался ее отец известный танцор Ф. Кшесинский (1821–1905)⁴².

К 1900-м гг. Витгенштейнам принадлежало 16 868 десятин, они являлись одними из крупнейших помещиков Петербургской губернии⁴³. Для сравнения, их сосед министр Императорского Двора и Уделов В.Б. Фредерикс (1838–1927) владел лишь 1200 десятинами⁴⁴.

Самым прибыльным делом в конце века стал дачный промысел, который бурно развивался с 1870-х гг. в окрестностях станции Сиверская. Стараниями Генриха Львовича в 1908 г. недалеко от станции Сиверская появился дачный поселок Новое Дружноселье, а в 1911 г. недалеко от станции Вырица основана дачная местность Княжеская долина⁴⁵.

В дачном поселке Новое Дружноселье, распланированном по проекту инженера В.П. Вишневого (отца советского писателя и драматурга В.Вишневого, последний здесь повел свое детство), улицы получили названия в честь членов семьи – Петровский (ныне Пролетарский) и Фельдмаршалский (ныне Республиканский) проспекты – в память о П.Х. Витгенштейне, Львовская – в честь Льва Петровича⁴⁶.

Последним владельцем имения «Дружноселье» стал Генрих Федорович, в 1900 г. обвенчавшийся с Еленой Дмитриевной, родной тетей писателя В.В. Набокова⁴⁷.

Еще при жизни отца Генрих Федорович усердно занимался хозяйственной деятельностью, после женитьбы вышел в отставку в чине поручика, летние сезоны проводил в Дружноселье, расположенном в 10–12 верстах от села Рождествено – имения родственников жены.

В этих местах он прославился как благотворитель, жертвовал землю на строительство храмов в Новом Дружноселье (Храм Святой Троицы, 1909–1913), в Вырице (Храм Казанской Божией Матери, 1914). Ведя активную общественную деятельность, он избирался гласным Царкосельской уездной земской управы, исполнял должность мирового судьи, работал в землеустроительной комиссии. В годы Первой мировой войны ушел добровольцем на фронт. Его дни закончились печально: в 1919 г. он был расстрелян в Винницкой тюрьме⁴⁸.

Дружноселье при нем процветало. Модернизировав хозяйство на предпринимательский лад, Генрих рассчитывал на доход с молочного производства. В 1910 г. сиверские дачники Н.В. Никитин и А.А. Лучинский издали путеводитель «Сиверская дачная местность по Варшавской железной дороге», где отмечали: «Главная отрасль – лесное хозяйство, но имеется также образцовая молочная ферма с хорошо подобранным стадом голландских коров. В хозяйстве имеются также швейцарские козы, молоко которых охотно раскупается местными дачниками, в особенности для слабых и больных. Здесь же племенные свиньи йоркширской породы»⁴⁹.

Одной из главных достопримечательностей имения был Музей войны 1812 г., который в начале XX в. мог посетить любой желающий, в том же путеводителе его рекомендовали осмотреть: «В парке искусственный пруд с декоративным островком и беседкой. На берегу другого большого пруда высится старинный католический

костел, усыпальница рода князей Витгенштейнов, окруженный турецкими пушками, взятыми предком князя во время турецких войн. При костеле есть небольшой музей, где собраны доспехи и реликвии фельдмаршала Петра Христиановича князя Витгенштейна, который в 1812 г., командуя северной русской армией, защищал

**Рис. 7. Музей войны 1812 г.
Фотография 2007 г.**

дорогу в С-Петербург от войск Наполеона I»⁵⁰ (рис 7).

В 1906 г. Г. Витгенштейн вспоминает о существовавшем в имении обществе охоты и учреждает новое для того чтобы «дать возможность своим членам производить охоту на арендованных землях»⁵¹. В правление общества вошли

супруги Витгенштейны, Н.А. Вельяминов (председатель), князя Д.А. и А.А. Оболенские, гр. А.А. Бобринский, князь П.А. Долгоруков, граф Д.А. Шереметьев и другие представители известных дворянских родов. Его члены возрождали традиции великосветских охот на лесных угодьях арендованных земель, устраивали совместные праздники⁵².

Судьба имения «Дружноселье» после революции типична. Как и все усадьбы, она была национализирована. Летом 1918 г. снимали комнату в доме для рабочих – «красной даче» (сгорела в начале 1990-х гг.) З.Н. Гиппиус и Д. Мережковский, гуляя по парку, наблюдали растаскивание имущества, размышляли о том, что будет с Россией. Во время пребывания в имении З.Н. Гиппиус были написаны стихотворенья «В Дружносельи», «Копье». В последнем есть такие строчки: «Пусть шумит кровавая гроза, / Пусть гремят звериные раскаты... / Буду петь я тихие закаты / И твои влюбленные глаза», передающие горечь утраты былой Родины⁵³ (рис. 8).

В образцовом помещичьем имении была создана коммуна, затем совхоз «Дружноселье», руководимый в середине 1920-х гг. товарищем Базаровым⁵⁴. По рассказам местных жителей, ценности

были разграблены, а ворвавшиеся в склеп крестьяне раскидали останки по ветру.

В 1930-х гг. каменный господский дом был перестроен под санаторий. В 1932 г. в усадебных постройках снимался фильм «Иудушка Головлев», кадры из него запечатлели виды усадьбы.

С 1938 г. санаторий стал туберкулезным. В годы немецкой оккупации в нем разместилось командование 42-й армии, генеральный штаб располагался в деревне Лампово. В 1943 г. сюда, по воспоминаниям жительницы п. Дружноселье С.И. Тереховой (1925 г.р.), приезжал генерал А. Власов (1901–1946).

В послевоенное время в костеле размещался склад, в поруганном склепе – картофелехранилище. Здание деревянного господского дома было перестроено под клуб, который здесь размещался до начала 1972 г. В течение 20 лет он использовался в качестве многоквартирного дома. С начала 2000-х гг. двухсотлетний дом постепенно ветшает, но в левой его части до сих пор живут люди.

В юбилейный год, на наш взгляд, необходима комплексная, безотлагательная помощь по спасению погибающей старины как со стороны общественности, так и государственной власти.

Необходимо соединить с помощью общественной инициативы усилия владельцев зданий и территории (туберкулезной и психиатрической больниц), а также специалистов областного Департамента государственной охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия по реставрации и дальнейшему использованию памятника 1812 г., выполняя «завещание» П.Х. Витгенштейна. Для дальнейшего использования зданий и территории необходима смена типа оздоровительного учреждения от туберкулезной больницы к реабилитационному центру.

**Рис. 8. Красная дача (не сохранилась).
Фотография конца 1980-х гг.**

По нашему мнению, на территории могла бы разместиться рекреационная зона для отдыха и туризма, в том числе и музейная экспозиция, и школа коневодства, которые продолжали бы традиции русской провинциальной культуры.

Главной достопримечательностью поселка Дружноселье должен стать возрожденный *Музей войны 1812 г.*, который будет рассказывать потомству о событиях Отечественной войны, о подвигах русских солдат, деятельности прославленных полководцев, о П.Х. Витгенштейне и ополченцах – жителях Петербургской губернии. Воссоздание музея будет способствовать воспитанию подрастающего поколения в духе уважения к истории и традициям Отечества, развивать ответственное отношение к малой родине.

Привлечение туристов повлияет благотворно на развитие экономики края, создаст новые рабочие места. Все вместе будет работать на благо развития не только этого места, но и всего региона в целом, а процветание регионов – это *процветание Отечества, дорогого сердцу каждого.*

¹ Безотосный В.М. Витгенштейн // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия / [редколл. В.М. Безотосный и др.]. М.: РОССПЭН, 2004. С. 126.

² Подмазо А.А. Первый отдельный пехотный корпус / А.А. Подмазо, С.В. Шведов // Там же. С. 561.

³ Ушаков С. Победы графа Петра Христиановича Витгенштейна. Ч. 3 / С. Ушаков. СПб. [Морская тип.], 1814. С. 117.

⁴ Безотосный В.М. Указ. соч. С. 126.

⁵ Ушаков С. Указ. соч. Ч. 2. М., 1813. С. 37.

⁶ Безотосный В.М. Указ. соч. С. 126.

⁷ Военные подвиги и анекдоты графа П.Х. Витгенштейна. Ч. 2. СПб.: тип. Н.С. Всеволожского, 1814. С. 82.

⁸ Там же. С. 81.

⁹ Там же. С. 82.

¹⁰ См. также: Победы графа П.Х. Витгенштейна. Ч. 2. СПб., 1813. С. 179–180.

¹¹ Дело о пожаловании инспекторше Воспитательного общества благородных девиц Зильберейзен младшей 202 душ в СПб губернии // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1346. Оп. 43. Д. 53. Л. 1–3; Дело о пожаловании инспекторше Воспитательного общества благородных девиц Зильберейзен старшей 203 душ в СПб губернии // РГИА. Ф. 1346. Оп. 43. Д. 43. Л. 1–3; Мурашова Н.В. Усадьбы Гатчинского района / Н.В. Мурашова, Л.П. Мыслина // Ленинградская панорама. 1989. № 4. С. 34.

¹² Формулярный список П.Х. Витгенштейна 1-го, который 7 июня исключен из списков как умерший. Копия // РГИА. Ф. 549. Оп. 1. Д. 299. Л. 15–17.

- ¹³ Чулков Н. Витгенштейн Л.П. // Русский биографический словарь. Вавила-Витгенштейн. М., 2000. С. 516–519; Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981. С. 28.
- ¹⁴ Краско А.В. Набоковы и Князя Сайн-Витгенштейны // Набоковский вестник. Вып. 2. Набоков в родственном окружении. СПб.: Дорн., 1998. С. 70.
- ¹⁵ Ацаркина Э.И. Карл Павлович Брюллов. М., 1963. С. 338.
- ¹⁶ Архив Русского музея. Ф. 31. Д. 77. Цит. по: Ракова М. Брюллов портретист. М.: Искусство, 1956. С. 146–147.
- ¹⁷ Цит. по: Тому же. С. 147. Взаимовлияние талантов было огромное, в повести «Портрет» (1833–1834) Н.В. Гоголь пишет идеальную проекцию личности Брюлловова, правда, личное знакомство состоялось лишь в конце мая 1836 г.
- ¹⁸ Архив Брюлловых / ред. И.Д. Кубасова. СПб., 1900. С. 139.
- ¹⁹ Там же. С. 139.
- ²⁰ Оль Г.А. Александр Брюллов. Л.: Лениздат, 1983. С. 53–55.
- ²¹ Архив Брюлловых. С. 139.
- ²² Машковцев Н.Г. К.П. Брюллов в письмах, документах и воспоминаниях современников / АХ СССР. М.: Изд-во АХ СССР, 1952. С. 98; Архив Брюлловых. С. 139. С.И. Гальберг автор памятников Г.Р. Державина в Казани, Н.М. Карамзина в Ульяновске, надгробия художника С.Ф. Щедрина в Сорренто (Италия).
- ²³ Краско А.В. Указ. соч. С. 71.
- ²⁴ Бурлаков А.В. Дружносельская мыза // Сиверская летопись. 1995. № 6. С. 4.
- ²⁵ Барсова И.В. Владельцы есть – хозяина нет / И.В. Барсова, В.М. Коган // Ленинградская панорама. 1987. № 7. С. 36.
- ²⁶ Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. 8. СПб., 1884. С. 433–434.
- ²⁷ Краско А.В. Указ. соч. С. 70.
- ²⁸ Об отпуске средств из выкупной ссуды по заповедному имению для покупки у помещика Ракеева деревни Вырица, 1868 // РГИА. Ф. 583. Оп. 6. Д. 204. 36 л.; О введении мызы «Белягорка» в состав майората, учрежденного в роде сего князя Витгенштейна, 1876 // РГИА. Ф. 1151. Оп. 8 (Департамент законодательства). Д. 39. 17 л.
- ²⁹ Об учреждении майората в имени генерал-фельдмаршала графа Витгенштейна, 1833 // РГИА. Ф. 1149. Оп. 2 (Департамент законодательства). Д. 40. Л. 1–5.
- ³⁰ Краско А.В. Указ. соч. С. 70.
- ³¹ [Чулков Н.П.] Указ. соч. С. 518–519.
- ³² Дружносельское общество охоты. Правила. СПб.: тип. В.Н. Майкова, 1867. С. 3–4, 10–11.
- ³³ Сберегательно-вспомогательная касса служащих в управлении именьями, лесами и делами светлейшего князя П.Л. Витгенштейна. Правила. Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1885. С. 3.
- ³⁴ То же. Проект устава. Вильна: тип. губ. правл., 1878. С. 1.
- ³⁵ То же. Правила. Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1885. С. 5–23.
- ³⁶ То же. Протокол о ликвидации. Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1887. С. 1–8.
- ³⁷ Об освидетельствовании пивоваренного завода П. Витгенштейна, 1884 // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 256. Оп. 12. Д. 56. Л. 1–5; О разрешении на постройку пивоваренного

завода князя Ф.Л. Витгенштейна, 1890–1892. ЦГИА. СПб., Ф. 256. Оп. 12. Д. 56. Л. 1–8.

³⁸ Краско А.В. Указ. соч. С. 72.

³⁹ Фабрики и заводы Европейской России. СПб., 1903. С. 225.

⁴⁰ О разрешении на постройку завода спичечной лучины князя Ф. Витгенштейна, 1897–1898 // ЦГИА СПб., Ф. 256. Оп. 24. Д. 113. Л. 1–5.

⁴¹ О заключении с Витгенштейном контрапункта на поставку дров для Гатчинского дворца, 1896. РГИА. Ф. 468. Оп. 15. Д. 1191. 5 л.

⁴² Кшесинская М.Ф. Воспоминания. М.: Центрполиграф, 2005. С. 140, 208.

⁴³ Памятная книжка С.-Петербургской губернии на 1900 год. СПб., стат. ком. СПб., 1900. С. 114.

⁴⁴ Там же. С. 115.

⁴⁵ Новая дачная местность «Княжеская Долина» владения светлейшего князя Г.Ф. Витгенштейна близ ст. Вырица М.-В.-Р. жд. СПб.: Бузе и Лассман, 1911. 16 с.

⁴⁶ План дачного поселка «Новое Дружноселье»...: [рекламный проспект]. [СПб., 1908]. 1 л.

⁴⁷ Согласно духовному завещанию: Витгенштейн Ф.Л. О его духовном завещании 1900 г. Вскрыто 29 мая 1909 г. РГИА. Ф. 759. Оп. 62. Д. 72. Л. 1–3.

⁴⁸ Краско А.В. Указ. соч. С. 72–73.

⁴⁹ Лучинский А.А. Сиверская дачная местность по Варшавской железной дороге / А.А. Лучинский, Н.В. Никитин; Издание Сиверского добровольного пожарного общества. СПб.: [типо-лит. Виленчик], 1910. С. 40–41.

⁵⁰ Там же. С. 41.

⁵¹ Общество охоты «Дружноселье». Устав. СПб.: тип. В.Ф. Киришбаума, 1906. С. 5.

⁵² Там же. С. 3, 6–12.

⁵³ Гиппиус З.Н. Сочинения. Л.: Художественная литература, 1991. С. 261.

⁵⁴ Федоров А. Они были первыми // Гатчинская правда. 1979. 25 мая.

И.П. Суханов (Санкт-Петербург)

ДРЕВКОВОЕ ОРУЖИЕ КОРАБЛЕЙ РОССИЙСКОГО ФЛОТА *

ДЕРЕВЯННОЕ копьё с заостренным боевым концом является древнейшим видом колющего и метательного оружия (1). Результаты раскопок в местах обитания древнего человека показали, что копья использовались людьми еще в раннем палеолите (каменном веке) (2).

На протяжении многих столетий копья использовались и на охоте, и в боевых действиях. Первоначально копьё состояло из древка длиной 1,5–2 м и более, с заостренным боевым концом (3).

Слово «копьё» произошло от латинского слова *Espietus Lancea*, нем. *Spien*, франц. *Epieu* (4, 5). В период XVI–XIX вв. под термином «оружие на древках» стали понимать вид холодного оружия, состоящего из древка и закрепленного на его конце металлического боевого наконечника (6). Дальнейшая эволюция наконечников привела к появлению конструктивного многообразия разновидностей копий и существенному расширению их функциональности (резать, колоть, рубить, выбивать из седла, стаскивать с лошади) (2). Разновидностями копий стали: гвизармы, глефы, кузы, рунки, спетумы, бердыши, алебарды, протазаны, эспантоны, кавалерийские, морские абордажные пики, рогатины и др. (3, 6, 7, 8).

Протазан был введен в Российской армии как атрибут формы одежды обер- и штаб-офицеров в фузилерных ротах и в полках лейб-гвардии. Таким образом, разновидности пик приобрели свои назначения и наименования. Термин «пика» от немецкого «*Pike*» или французского «*piqueur*» – колоть. В России пики стали поступать

* Текст статьи приводится в авторской редакции.

**Абордажная пика –
глефа. XVIII в.
Из фондов
Центрального
Военно-морского
музея (ЦВММ),
Санкт-Петербург**

на вооружение регулярного флота в процессе строительства кораблей. Попутно заметим, что пики стали поступать на вооружение российской пехоты с 1700 г. В военное время в каждый полк отпускалось по 144 единицы (1, 10).

В XVIII в. в Российском флоте абордажные пики выдавались морским солдатам, а с введением на кораблях абордажных партий они находились на их вооружении с 1805 г. и до 1868–1870 гг. Заметим, что морские багры и отпорные крюки (разновидности древкового вооружения) применяются на кораблях и в настоящее время, но теперь они имеют мирное предназначение (4).

Начальствующий состав подразделений морских солдат помимо шпаг, сабель и тесаков имел на вооружении протазаны, эспантоны и алебарды (11). Указанное оружие в основном демонстрировало принадлежность владельца к начальствующему составу или использовалось как почетное оружие. На офицерский чин указывали цвет и материал кисти, повязанной на шейке металлического наконечника (6). Так, серебряная кисть на протазане – принадлежность обер-офицеров, золоченая кисть – штаб-офицеров (12).

Алебарды (боевой наконечник в виде топора фигурного профиля с 4-гранным удлиненным острием) на протяжении XVII в. были оружием телохранителей российских царей. Как следует из табеля 1711 г., они состояли на вооружении пехотных и артиллерийских унтер-офицеров.

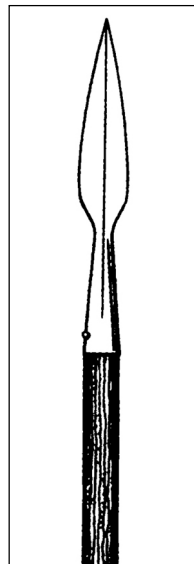
В соответствии с петровским уставом 1716 г. протазанами с кистями темляков вооружались штаб- и обер-офицеры пехотных полков. В 1731 г. протазаны были заменены эспантонами, которые находились на вооружении начальствующих чинов лейб-гвардии Преображенского, Семеновского и Измайловского полков до 1746 г.

Появившиеся в конце XVII в. эспантоны также выполняли роль знаков отличия и принадлежности владельца к офицерскому или унтер-офицерскому чину (6). В 1733 г. Адмиралтейств-коллегия, заслушав доклады командиров 1-го и 2-го полков Морской пехоты Барша и Баракова, вынесла свое определение от 12 ноября этого же года – «штаб и обер-офицерам полков Морских солдат иметь эспантоны, как в армейских частях» (13).

Первые сведения о вооружении холодным оружием экипажей строящихся в Воронеже судов датируются началом 1696 г. (14). Именно тогда была закуплена в Москве и доставлена на воронежские судостроительные верфи первая партия рогатин («рогаток»). Из-за хронического дефицита древкового оружия для вооружения экипажей судов регулярного отечественного флота в 1706 г. Петр I распорядился – «для нужд судов флота сгодятся железные рогатины, их можно использовать как пики» (15).

Рогатина – разновидность пики. Ее боевой наконечник имеет широкое и удлиненное копьецо листовидной формы и ромбического сечения, который своим раструбом насажен на древко.

Для экипажей судов, построенных на воронежских верфях и осадивших в мае 1696 г. вражескую крепость Азов, стал весьма поучительным примером abordаж донскими казаками турецких судов, стоящих на якорях у ее стен. Петр I оказался свидетелем того, как вооруженные пиками донские казаки под руководством войскового атамана Фрола Минаева на 40 стругах (плоскодонные суда длиной 20–45 м с прямым парусом и 10–12 парами весел) совершили нападение на отряд турецких кораблей в составе 13 галер и 24 малых судов (3). Спустя столетие легендарный полководец генерал М.Д. Скобелев так оценит высокую выучку казаков: «Для донцов пика является как бы “национальным” оружием» (6). В итоге были захвачены две турецкие галеры и 10 малых судов (3). Остальные турецкие корабли, снявшись с якорей, поспешили удалиться к Анатолийскому побережью.

**Рогатина.
Первая
четверть XVIII в.
Россия (7)**

Позднее абордажные пики успешно использовались морскими солдатами на судах молодого отечественного флота во многих боях. При абордажах вражеских судов, в числе прочих разновидностей древкового оружия, использовались в бою и бомбардирские алебарды.

Несмотря на усиление значимости стрелкового оружия и увеличение его численности на судах отечественного флота, пики продолжали оставаться на вооружении корабельных абордажных партий. Абордажные пики оказались «долгожителями». Они находились на вооружении судов Российского флота с 1696 по 1722 гг., с 1734 по 1748 гг. и с 1805 г. по 1870 г. (16, 17)

Пика состояла из древка (ратовища, искепища) и закрепленного на ее переднем конце металлического боевого наконечника.

Для древка использовались крепкие породы древесины (береза, вяз, бук, ясень, сосна, а на Востоке бамбук). Для изготовления пик отбирались ровные стволы деревьев без изгибов и сквозных сучков. Ствол очищался от коры, удалялись ветви, затем шлифовался и покрывался бесцветным лаком, что предохраняло древко от влаги, усыхания, образования трещин и изогнутостей. При изготовлении древка из рябины или черемухи использовались стволы, срубленные весной, которые «вялились», но не высушивались полностью, чтобы при ударе они не кололись и не крошились. Заметим, что древки из сосны (из-за недостаточной твердости) имели несколько увеличенный диаметр (до 3,7 см) по сравнению с буковыми и ясеневыми (3,3 см). Ясень использовался для изготовления «образцовых» пик. Гвардейский флотский экипаж и Гвардейские суда снабжались древками из орехового или красного дерева с нанесенными на их поверхность «апплике».

В Китае большой популярностью пользовались пики типа «Шу», с металлическим боевым («ушастым») наконечником и бамбуковым древком. По сведениям американского журнала «Army and Navy journal», бамбуковые древки пик (в сравнении с деревянными) представляли значительные выгоды. Они с давних пор применялись в индийских войсках, а позднее стали использоваться и германскими уланами. Англичане раньше всех европейцев ввели бамбуковые древки пик на военных судах своего флота (18). В Российском флоте отказались от бамбуковых древков, полагая, что в абордажном бою их сравнительно легко можно перерубать саблями и тесаками.

Боевой наконечник ковался из «сырцовой» стали или «кричного» железа. При ковке металлическая заготовка вытягивалась в перо (копыце).

Противоположный конец заготовки наконечника расплющивался и сворачивался в виде раструбы (тулеи), куда входило и крепилось древко своим верхним концом. Наконечник подвергали мягкой закалке с самоотпуском и с последующей заточкой. Основанием наконечника являлась шейка и тулея с внутренней (конической) полостью. Боевые наконечники пик более позднего периода имели крепежные металлические полосы (пожилины) длиной от 6,5 до 33 см.

На противоположном конце древка пики иногда закреплялся металлический наконечник (подток) с усеченной вершиной. Подток предохранял тыльный конец древка от расслоения и способствовал балансировке пики.

Пикинерское копьё для Гвардейских частей изготавливалось из черного дерева. Древко имело длину 1 сажень или несколько более. Боевой наконечник – из светлого металла, трехгранный, длиной в $\frac{3}{4}$ аршина. В соответствии с воинским уставом боевой наконечник подвязывался двухвостным прапором или флюгером. На противоположном конце древка размещался металлический «подток». Древко такой пики окрашивалось левкасом. Боевой наконечник гвардейской пики – железный, кованый, сложной конфигурации, с тремя гранями и удлиненным острием. Перо, от острия к основанию, увеличивалось в диаметре. Острие иногда украшали золотой насечкой (19). Шейка наконечника в виде головы дракона, тулея – конусная, витая. (Инв. № 31421)

В начале XVIII столетия на судах регулярного Российского флота нашли применение пики, находившиеся на вооружении подразделений лейб-гвардии Преображенского полка (20). В военное время у четырех фузилерных батальонов вся первая шеренга фузилеров (т. е. одна треть) преобразовывалась в пикинеров. Из 200 пикинеров

Пика бойцов лейб-гвардии Преображенского полка. Первая четверть XVIII в. Из фондов ЦВММ

каждого батальона 72 были вооружены шпагой, пикой и пистолетом. Остальные 128 человек имели шпагу и пику. В петровский период часть гвардейских подразделений входила в состав корабельных солдат.

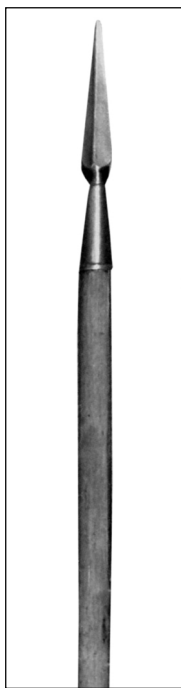
В 1805 г. подразделения морских солдат были удалены с кораблей, а их абордажные функции были переданы судовым командам. Таким образом, корабельные экипажи Балтийского флота получили в наследство различные образцы и разновидности

абордажного оружия отечественного и зарубежного изготовления (21). Для примера приведем сведения только по Ревельскому военному порту:

- мушкетоны старые и новые в простых и ореховых ложах,
- интрепели новой инвестиции, посеребренные,
- интрепели с топорщиками красного дерева и с апплике орехового дерева,
- пики с «помочами» (с пожилинами) и без них,
- пики с ореховыми древками и апплике,
- пики с древками из красного дерева с медными подтоками,
- пики обычной древесины с подтоками и без них.

Таким образом, на вооружении некоторых корабельных абордажных партий находилось одновременно: 8 разновидностей пик, 10 видов интрепелей и 5 – мушкетонов различных размеров и калибров. Это создавало значительные затруднения в обучении бойцов владению различными видами холодного оружия и в снабжении боеприпасами различных образцов и калибров стрелкового оружия.

На Черноморском флоте с 1815 г. абордажная пика имела малую (177 см) длину древка в сравнении с балтийским образцом – 240 см. У черноморской пики боевой наконечник был ланцевидной формы, а металлический подток завершался заострением.

Абордажная пика, модель 1815 г. Из фондов ЦВММ

В приказе Главного командира Черноморского флота адмирала А.С. Грейга от 29.07.1823 г. указывалось, что «абордажные пики, имевшие заостренный нижний конец, при замахе могут ранить в бою своих бойцов, стоящих за спинами пикинеров. С целью предохранения бойцов следует иметь усеченный металлический наконечник на тыльном конце древка или его отпиливать под прямым углом. Что касается конструкции боевых наконечников пик, то у них отсутствуют ограничители входа в тело неприятеля. Для устранения этого недостатка следует изготовить плетеные кнопы и закрепить их на наконечнике на $\frac{1}{4}$ аршина от острия, как это сделано на пике, находящейся на корабле “Император Франц”» (22).

Учитывая создавшееся сложное положение со снабжением абордажным оружием судов Балтийского флота, ряд офицеров и флагманов высказали пожелание коллективно обсудить эту проблему.

14 октября 1830 г. состоялось общее собрание командиров кораблей и флагманов Кронштадтского военного порта (в присутствии представителя Кронштадтской Артиллерийской конторы), на котором были заслушаны предложения о путях выхода из создавшегося положения с абордажным оружием на кораблях Балтийского флота. Собрание пришло к выводу, что следует изготовить пику с 4-гранным боевым наконечником, которую и следует принять за единый образец. Все остальные пики целесообразно сдать на завод для их переделки. Предложение этого общего собрания офицеров было подписано Главным командиром Кронштадтского порта вице-адмиралом П.М. Рожновым и отправлено (27 октября 1830 г.) в Морское министерство и в Артиллерийский департамент для дальнейшего рассмотрения и принятия окончательного решения.

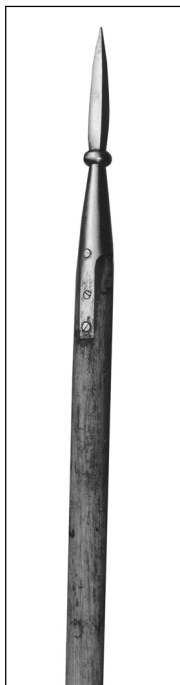
5 декабря 1830 г. пришел ответ из Артиллерийского департамента: «Создание нового образца пики потребует значительных денежных сумм, которых у Департамента пока нет. Предлагается несколько повременить с нововведением и отремонтировать старые пики» (21).

По указанию морского министра адмирала Моллера и в целях выработки согласованного решения, был создан Комитет по рассмотрению комплекта абордажного оружия», возглавить который было поручено адмиралу А.С. Грейгу (21).

13 февраля 1831 г. доклад Комитета был представлен морскому министру. В числе прочего, предлагалось изготовить комплект

новых разновидностей абордажного оружия. По заказу Артиллерийского департамента на Адмиралтейском Ижорском заводе были изготовлены все разновидности комплекта абордажного оружия, которые затем были представлены на обозрение императору Николаю I.

Для унификации древкового оружия в 1831 г. императору было представлено три разновидности абордажных пик, среди кото-

**Абордажная
пика обр. 1831 г.
Из фондов
ЦВММ**

рых находилась и новая абордажная пика длиной 7 футов и 10,5 дюйма, с 4-гранным боевым наконечником. Внимание императора привлекла пика, боевой наконечник которой имел четырехгранную форму и был снабжен плетеным из пеньки кнопом (бусинг), закрепленным на наконечнике на расстоянии 1,5 фута от острия, который предназначался для ограничения глубины укола пикой.

Император Николай I внимательно осмотрел указанную пикку и на сопровождающем документе наложил резолюцию: «Принять оную за образец». Одновременно император повелел «убрать плетеный кноп с наконечника пики и рекомендовал вместо него изготовить металлический боевой наконечник новой конструкции со сферическим утолщением (в виде яблока), помещенным между пером и тулией. Поверхность древка не красить, а полакировать, сохранив естественный цвет. Старые пики продолжать использовать и держать в запасе, когда заменят их новыми образцами» (21). Вскоре часть новых абордажных пик поступила для апробации на суда Балтийского флота (23). Образец абордажной пики (длина 240 см) для Балтийского флота был утвержден императором 4 февраля 1831 г.

В этом же году в Морское министерство поступил доклад начальника Морского арсенала из порта Свеаборга (№ 539 от 7 ноября 1831 г.) о том, что у них «в арсенале хранится абордажная коса, чертеж который изготовлен, и я представляю его по команде в Артиллерийский департамент Морского министерства. Полковник Кондырев» (24).

Следует отметить, что существовали конструктивные различия предметов вооружения кораблей Балтийского и Черноморского флотов, что усложняло снабжение флотских экипажей. Снабжение кораблей и частей Черноморского флота оружием и вооружением шло с некоторым отставанием от Балтийского флота.

В 1836 г. из порта Николаев в Петербург был доставлен черноморский образец пики, длина древка которой была порядка 230 см. Ее боевой наконечник был ланцевидной формы с боковыми гранями ромбического сечения. Наконечник спереди имел заостренный конец, а снизу переходил в тонкую шейку с ограничительным кольцом, переходящую в раструб (тулею) с металлическими полосками (пожилинами). В конусообразное отверстие тулеи вставлялся верхний конец древка. Боевой наконечник крепился шурупами к древку с помощью двух пожилин. На противоположном конце древка с помощью шурупов крепился металлический наконечник с усеченной вершиной (подток) (25).

Новая модель пики для бойцов абордажных партий судов Черноморского флота была утверждена императором 29 июля 1836 г. (9, 26). Абордажные пики этой модели использовались с подтоками и без них. Абордажные пики данного образца, изготавливаемые Адмиралтейским Ижорским заводом, первоначально шли на снабжение только кораблей Черноморского флота, но с 1850-х гг. они стали поступать и на суда Балтийского флота. Наиболее значительными были партии пик в 1852–1853 гг. В период 1830–1840-х гг. у ряда моделей абордажных пик не было подтоков (отпилены под прямым углом).

В оружейном фонде ЦВММ хранится интересная коллекция пик, которые использовались на судах отечественного флота в качестве абордажного оружия. Здесь находятся пики как отечественного, так и зарубежного изготовления, периода XVIII–XIX вв. Так, например, в 1854 г. для усиления защиты от возможного нападения противника с моря на город-крепость Або, по распоряжению финляндского генерал-губернатора генерал-лейтенанта В. Рокасовского, на верфях финского города Биэрнеборг было построено 15 гребных канонерских лодок. Для вооружения экипажей этих лодок оружейные мастера абовской верфи, по предложению командира флотской дивизии кораблей вице-адмирала И.И. фон Шанца, изготовили доморощенные абордажные пики. Эти пики имели древко, длина которого превышала размеры солдатского ружья (вместе

со штыком) на 1,5 фута. На одной из сторон боевого наконечника пики располагался удлинённый металлический четырехгранный отросток (под прямым углом к ней), который имел одностороннюю острую заточку. Финские мастера называли ее «пукко», что означало нож. Таким образом, этой пикой можно было наносить противнику не только колющие, но и режущие удары. Кроме того, этот боковой отросток пики мог использоваться абордажниками для стягивания (или удерживания) борта вражеского судна, что создавало бойцам абордажных партий возможность осуществлять абордаж. Для вооружения команд каждой канонерской лодки отпускалось от 30 до 40 единиц таких пик (27).

**Абордажная пики
Российского флота мастеров
Абовской судостроительной
верфи. 1854 г.
Из фондов
ЦВММ**

В 1850-х гг. генерал-адъютант Г.А. Бетанкур предложил свой вариант конструкции пики с боевым наконечником в виде косы. Идея подобной конструкции пики была заимствована из опыта крестьянских войн в Тироле в XVI в., когда крестьяне превратили обычные косы (орудие своего труда) в боевое оружие. Позднее боевые косы использовались в Тирольских восстаниях 1703, 1805 и 1809 гг. В XVIII в. на судах Дунайской военной флотилии применили новый вариант использования боевых кос, которые были закреплены рядом вдоль бортов судов с целью защиты от абордажных действий противника (28).

В Российской армии такая конструкция пики не прижилась. А вот нехватка абордажных пик на кораблях флота в начале 1860 гг. была частично покрыта боевыми косами генерала Бетанкура. Изготовителем и поставщиком этой разновидности абордажной пики стала Златоустовская оружейная фабрика. На наконечниках этих боевых кос было нанесено клеймо «ЛСПО» (литая сталь Павла Обухова).

В музейной коллекции пик имеется и весьма интересный вариант глефы (нем. Gefe, франц. Vouge), у которой боевой наконечник изготовлен по форме ножа, с конусообразным раструбом (трубки)

вместо рукояти. С помощью этого раструба наконечник насаживался на верхний конец древка. Эта конструкция древкового оружия весьма походила на одну из разновидностей глефы, которая называлась кузой.

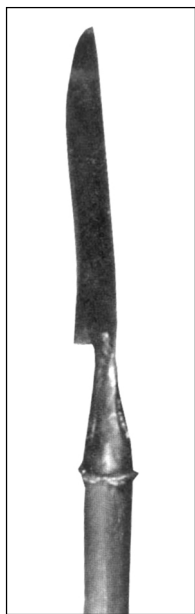
Название куза (фр. Couze, польск. Kosa) появилось в Польше в XVII в. Это древковое оружие использовалось польскими воинами-телохранителями (28).

Технические характеристики разновидностей пик, используемых на военных судах Русского флота в качестве абордажного оружия в период XVIII–XIX вв., приведены в таблице.

В ряде случаев закупка кораблей и судов для Российского флота, строящихся на заводах европейских государств, происходила совместно с поставкой корабельного вооружения и оборудования, а порою и абордажного оружия. Кроме того, ограниченные финансовые возможности Российского флота вынуждали командование флотов приобретать пики нестандартных разновидностей иностранных и отечественных (армейских) образцов.

Основными изготовителями отечественных пик в 1714 г. являлись Брянский и Смоленский заводы (30). Позднее к изготовлению абордажных пик стали привлекать Артиллерийские мастерские и другие оружейные заводы.

На протяжении двух столетий в Российском флоте использовалось несколько разновидностей абордажных пик: с двулезвийными, трех- и четырехгранными боевыми наконечниками, с подтоками и без подтоков, с короткими и длинными пожилинами и прочими конструктивными особенностями.

Абордажная пика типа куза.
Из фондов ЦВММ

Абордажная пика – боевая коса (29)

Наименования пик	Технические характеристики пик			Материал древка	Длины элементов			Форма боевого накопачника	Расход металла на наконечник
	Длина (см)	Диаметр (см)	Масса (г)		боевого накопачника (см)	пожилин (см)	подтока (см)		
Казачья, конца XVII в.	330	2,7	1215	Ель	12	–	–	3-гранная	–
Пикинерская Преображ. полка	320	2,7	1160	Ель	57	–	4	3-гранная, прямая, витая	–
Абордажная с подтоком (2-я пол. XVIII ст.)	240	3,4	1236	Ясень	29,5	33	9,8	Двулезвийная ланцевидная	1 ф. 75 зол. (в черне), 1 ф. 9 зол. (в отделке)
Абордажная Балтийского флота, обр. 1831 г. Тула	241	3,6	1250	Береза	21	6,5	–	Четырехгранная с яблоком	–
Абордажная Черноморского флота, обр. 1836 г. Тула	177,5	3,72	1080	Береза				Ланцевидная, двулезвийная	

Древковое оружие кораблей Российского флота

Абордажная Черноморского флота, 2-я пол. XIX ст. АИЗ, 1852 г.	240	3,22	1220	Береза	21	6,5	–	Ланцевидная	3 ф. 34 зол. (вчерне), 2 ф. 7 зол. (в отделке)
Восточная (бамбуковая) китайского типа «Шу»	205	3,3	4,5 ф	Бамбук	27,9	–	–	Длина среза 17 см	По обр. английской кавалерии 4,5 фн.
Немецкая 4-гранная абордажная. Начало XIX в.	221	3,5	1500	Древесина	43,2	1-а пожи- лина Дл. 64 см	–	Кольцо (длиной 23 см) с крюком длиной 9 см	
Абордажная типа пукко. 1854 г.	187	4,2	1470	Древесина	42			Кольцо 4-гран., длиной 22 см. Нож 10 см	
Абордажн. типа куза. Конец XVIII – нач. VIII вв.	180	2,7	1200	Древесина	28,7	–	–	Нож длиной 20,7 см. Раструб длиной 8 см	

Протоган Преобр. полка	180	3,9	–	Древ- ко	60,5	–	–	4-гран., длиной 32 см. С двумя бо- ковыми отростками	
Абордажная пика типа глефа	180	2,7	1100	Ель	26	6,7		Листовид- ная с ост- рым от- ростком	

На изготовление боевого наконечника и подтока пики старого образца расходовалось металла 1 ф. 75 зол. (в отделеке 1 ф. 9 зол.), нового образца – 3 ф. 14 зол. (в отделеке 2 ф. 5 зол.) (14).

Заказ на изготовление первых 2, 5 тысяч абордажных пик этой конструкции был размещен на Тульском оружейном заводе. Изготовление каждой пики обошлось заводу в 1 р. 90 к. (9) Пики были доставлены в Петербург (360 ед.), Свеаборг (360 ед.) и Кронштадт (270 ед.). Ими были вооружены абордажные партии судов Балтийского флота (31). В дальнейшем изготовление и поставка абордажных пик для кораблей флота осуществлялись Сестрорецким, Тульским, Ижевским и Адмиралтейским Ижорским заводами (6).

Принятие на вооружение отечественного флота ружей с багинетами и штыками изменяло лишь соотношение норм снабжения судовых экипажей различными видами абордажного оружия. Пики входили в таблицу снабжения бойцов абордажных партий и находились на вооружении судов Российского флота до 1868 г.

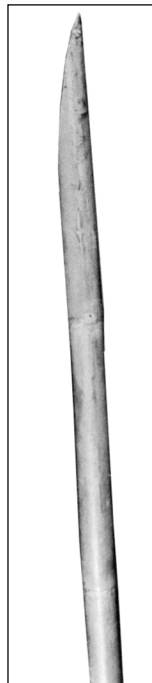
Вторая половина XIX в. стала важнейшим этапом качественного переоснащения Российского военного флота – новейшей техникой. Деревянные суда парусного флота стали заменяться броненосными и паровыми кораблями, вооруженными крупнокалиберной артиллерией, новейшим техническим оборудованием и приборами. Все это привело к изменению тактики

ведения морского боя и, естественно, отразилось на вооружении корабельных абордажных партий.

По указанию управляющего Морским министерством было опубликовано новое «Штатное положение для укомплектования военных судов предметами, отпускаемыми от артиллерии» № 52 от 4 апреля 1870 г., в котором устанавливался новый перечень предметов для вооружения корабельных абордажных партий (17). В соответствии с указанным документом теперь на вооружение судовых абордажных партий полагалось выделять:

- на броненосные суда – ружья, пистолеты и палаши,
- на деревянные суда – ружья, пистолеты, палаши и интрепели (32, 17).

Пик в указанном перечне вооружения абордажных команд деревянных и броненосных судов больше не значилось. Так завершилась история вооружения пиками корабельных абордажных партий судов Российского флота.

**Абордажная
пика из бамбука
из Юго-
Восточной
Азии. XVIII в.
Из фондов
ЦВММ**

1. Энциклопедический словарь. Т. 2. М.: Государственное научное издательство БСЭ, 1954. С. 152.
2. Военно-энциклопедический словарь. М.: Военное издательство, 1986. С. 152, 354, 355.
3. Энциклопедический словарь. Т. XVI. СПб.: Издательство Ефрона И.А., 1895. С. 183–184, 285, 286.
4. Энциклопедический словарь «БСЭ» под ред. Введенского. Т. 2. М.: БСЭ, 1954. С. 354, 554, 651.
5. Самойлов К.И. Морской словарь. Т. 2. М.: Гос. ВМИздательство НК ВМФ СССР, 1941. С. 93.
6. Кулинский А.Н. Русское холодное оружие. СПб.: Атлант, 2005. С. 13, 18, 158, 356, 363, 369.
7. Он же. Европейское холодное оружие. СПб.: Атлант, 2003. С. 436–450.
8. Федоров В. Холодное оружие. СПб., 1905. С. 45, 47, 152.
9. РГА ВМФ. Ф. 233. Оп.1. Д. 249. Л. 4, 8, 9... 56–57.
10. Звегинцев В.В. Русская армия. Ч. I. Париж, 1967. С. 52.
11. РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 49. С. 67, 595.
12. Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения Российских

- войск. СПб.: Тип. Балашев и К-о, 1899. С. 18.
13. Юрьев С.Ф. Словарь военных и военно-морских терминов обмундирования. Ч. 1. Л. 39.
14. РГА ВМФ. Ф. 165. Оп. 1. Д. 577. Л. 39, 56–57.
15. Там же. Ф. 177. Оп. 1. Д. 123. Л. 383.
16. Полковник Ливицкий. Каталог Кронштадтского Морского арсенала 1889 г. // РГА ВМФ. Ф. 578. Оп. 1–96. Л. 15.
17. Винклер П. фон. Оружие. Руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия. СПб.: Тип. И.А. Ефрона, 1894. Л. 341.
18. Оружейный сборник. № 4. 1880. СПб.: Тип. Артиллерийского журнала. Л. 23.
19. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. Ч. 2. СПб.: Тип. В.С. Балашева и К^о, 1899. С. 13, 26.
20. Энциклопедический словарь. Т. 2. М.: Государственное научное издательство БСЭ, 1954. С. 152, 651.
21. Самойлов К.И. Указ. соч. С. 93.
22. Собрание приказов и инструкций по приказанию великого князя генерал-адмирала Константина Николаевича. СПб.: Тип. Морского Министерства, 1860. С. 11, 12, 20.
23. РГА ВМФ. Ф. 165. Оп. 1. Д. 2757 а. Л. 37.
24. Там же. Д. 219. Л. 8.
25. Там же. Д. 577. Л. 94.
26. Там же. Д. 1480. Л. 15.
27. Реляция контр-адмирала Глазенапа в Финской газете № 162 и № 163 от 16 июня 1854 // Морской сборник. Т. XX. Морской ученый комитет. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1856. Л. 4–5.
28. Бехайм В. Энциклопедия оружия. СПб.: Санкт-Петербург Оркестр, 1995. С. 226–254, 257, 275.
29. Czewinski A. Historyczny orez. Wydawnicza. Warszawa, 1978. P. 32.
30. Ibidem.
31. Денисова М.М., Портнов М.Э., Денисов Е.Н. Русское оружие XI–XIX вв. М.: Госкультпросвет, 1953. С. 4.
32. Артиллерийское учение, принятое на учебном артиллерийском корабле. Изд. 2. СПб.: Тип. Морского Министерства, 1864. С. 15.

Е.В. Тихомирова (Москва)

РУЖЬЕ АБРАМА ВОЛЬФЕРЦА. К ВОПРОСУ О ПРОИЗВОДСТВЕ В ЗЛАТОУСТЕ РУЧНОГО ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

НЕСКОЛЬКО лет назад из частной коллекции на историко-искусствоведческую экспертизу поступило охотничье ружье с капсюльным замком середины XIX в. На стволе и замке ружья имелись надписи: на стволе – «A. Wolfertz in Zlatoyst in Jahr.1850 № 31», на замке – «A. Wo.». Приведем описание этого ружья.

Размеры: Длина ствола – 83,5 см, калибр – 9 мм, общая длина – 125,0 см.

Ствол стальной, кованый; имеет утолщения в дульной и казенной частях. Тройными желобками ствол разделен на три равные части – шестигранные казенную и дульную части и круглую центральную часть. Канал ствола двухнарезной, с двумя прямоугольными выступами-ушками. В нижней части ствола имеется два железных прямоугольных ушка для шпилек крепления ствола (шпильки изготовлены при реставрации). В казенной части на нижних гранях ствола – шов соединения ствольной трубки и казенника с крюком и брандтрубкой, на ствольной трубке и казеннике поперечная отметка центровки ствола при пайке. Хвостовик отдельно от ствола крепится к прикладу с помощью двух винтов, со стороны ствола хвостовик загнут в углубление приклада и имеет прорезь для запирания крюка казенника. В дульной части ствола имеется железная Т-образная мушка, закрепленная «на ласточкин хвост». В казенной части – прицельное приспособление в виде прямоугольной рамки, в которой по краям закреплены вертикально два упора с овальными углублениями (возможно, для монтажа несохранившегося диоптра), а в центре закреплен «на ласточкин хвост» щитик с прорезью (установленный, очевидно, позднее,

при ремонте). Граненые части ствола, как и длинный хвостовик, украшены насечкой серебром с изображением орнамента из крупных завитков, в казенной части в этой же технике нанесена по трем верхним граням надпись «А. Wolfertz./ in Zlatoust./ in Jahr. 1850. № 31.». Замок капсюльный (курок изготовлен при реставрации). На внутренней стороне замочной доски смонтированы двуперая курковая пружина и спусковое устройство – шептало с пружиной. Внешняя сторона замочной доски украшена насечкой серебром с изображением крупных завитков и надписью «А. Wo». Ложа березовая с длинным цевьем. Приклад с прямой шейкой, щека невысокая, обозначена гранью. На шейке приклада и на цевье нанесена резная сетка, декорированная набивными металлическими гвоздиками в каждом ромбике. На прикладе внизу вырезана голова оленя с костяными вставками-глазами. Стальные спусковая скоба и затыльник приклада украшены завитками, выполненными насечкой серебром. На ложе три антабки: одна на нижнем гребне приклада и две – на цевье. Имитация шомпола произведена при реставрации.

**Ружье охотничье с капсюльным замком.
Златоуст. 1850 г. Мастер Абрам Вольферц**

**Капсюльный замок охотничьего
ружья работы А. Вольферца**

На наш взгляд, этот памятник заслуживает дополнительного исследования. Нам впервые встречается подписной образец охотничьего огнестрельного оружия середины XIX в. златоустовского производства. Имя мастера – А. Вольферц – не упоминается в справочниках русских мастеров

Надпись на стволе охотничьего ружья А. Вольферца

охотничьего огнестрельного оружия ¹. Кроме того, ружье датируется 1850 г. – одним из наиболее сложных периодов истории Златоустовской оружейной фабрики, от которого до наших дней практически не сохранилось памятников. В связи с этим наша задача заключалась в сборе опубликованных сведений о производстве в Златоусте ручного огнестрельного оружия в середине XIX в.

Первые наши шаги по изучению истории этого ружья были связаны с консультациями в самом Златоусте с музейными работниками, историками, краеведами. Местные исследователи восприняли информацию о златоустовском ружье как о вполне естественном явлении. Это и понятно. Всем хорошо знакомы златоустовские охотничьи ружья советского времени, изготавливаемые на Златоустовском машиностроительном заводе. Однако никто не смог в тот период предоставить конкретные исторические материалы относительно ружья середины XIX в. Некоторые специалисты связывали это ружье с работой сталелитейной Князе-Михайловской фабрики. Эта фабрика, включающая три основных отделения – литейное, кузнечное и сверлильное и вспомогательные цеха, могла полностью обеспечить производственный цикл ручного огнестрельного оружия. Но открытие Князе-Михайловской фабрики относится к 1859 г., а наше ружье создано почти за 10 лет до этого – в 1850 г.

Однако впоследствии наши вопросы не остались без ответа. Наиболее полные материалы, касающиеся нашей темы, мы находим в опубликованных в последние годы работах двух златоустовских исследователей С.Н. Куликовских и Ю.П. Окунцова. Оба автора, анализируя архивные документы Златоустовского архива, в разных аспектах рассматривают историю Златоустовской оружейной фабрики ².

Исследователи пишут о том, что в 1850-х гг. существовал правительственный проект введения в Златоусте нового производства, связанного с огнестрельным оружием. В 1850 г. поступает срочное распоряжение из Петербурга: «Господин Военный министр сообщил Господину Инспектору всей Артиллерии, что Государь Император, рассмотрев предложение об усилении выделки оружия для скорейшего пополнения запасов оно до определенного количества, между прочим, высочайше повелеть соизволил составить со всем чаянием полное соображение об учреждении нового оружейного завода по образцу Ижевского и о том, не выгодно ли будет устроить таковой завод в Златоусте, пользуясь заводом, существовавшим там для выделки белого оружия»³.

По данному распоряжению предлагалось к 1 мая 1850 г. предоставить сведения о состоянии на тот период Златоустовской оружейной фабрики. В ответе имеются материалы о численности мастеров фабрики, о заводских сооружениях и поэтажном размещении цехов, о техническом оснащении Оружейной фабрики и о необходимости при учреждении нового ружейного завода дополнительного расширения производства. Руководство фабрики отмечало: «При учреждении нового оружейного завода... необходимо будет... готовить ствольное железо в самом заводе, и устроить сверлильные машины, для чего надо будет возвести особое строение и механизмы в нем приводить в действие по недостатку воды паровой машиною»⁴. Из приведенного текста ясно, что на заводе имелось производство ствольного железа, но располагалось оно отдельно от цехов Оружейной фабрики.

В этой связи несколько слов о Златоустовском заводе в целом. С самого начала основания Златоустовского завода тульскими промышленниками Мосоловами в 1754 г. металлургическое производство являлось профильным. На рубеже XVIII–XIX вв. этот завод с его домнами, кричными молотами, землями и рудниками занимал первое место среди заводов Южного Урала по выпуску чугуна, стали, железа. Более того, Златоустовский завод был одним из немногих российских предприятий, имевших полный цикл обработки металла, и являлся одним из первых в России заводов, где было налажено производство стали. В это время на Златоустовском заводе работало около 560 мастеровых и работных людей, на вспомогательных работах было занято около 1200 приписных крестьян и 200–250 вольнонаемных работников. И, очевидно, что в момент

передачи в 1811 г. Златоустовского завода из частного владения московского купца Кнауфа в казенное ведомство (во вновь образованный Златоустовский горный казенный округ) правительство учитывало значительные возможности местной металлургической и металлообрабатывающей базы.

Правительство было заинтересовано в планах использования металлургического завода для организации инструментального производства и бытовых изделий из стали. Первичными оказались задачи, связанные с необходимостью ориентации металлургического производства на военные нужды. Так, мощности Златоустовского завода позволили наладить выпуск артиллерийских орудий и поставить для русской армии в 1812–1814 гг. около 400 пушек разных калибров⁵. Это говорит о том, что Златоустовский завод производил ствольное железо и, соответственно, стволы.

О существовании ствольного производства на Златоустовском заводе говорят архивные материалы из Российского государственного исторического архива, предоставленные Л.В. Лаженцевой⁶. Эти документы датируются февралем 1815 г., т.е. за 9 месяцев до официального открытия Златоустовской оружейной фабрики. В них говорится о том, что один из мастеров Шнек (выходец из немецкого города Узинген, земля Гессен) производил для экспериментальных целей разного вида ствольную сталь и ружейные стволы хорошего качества. В ответе на запрос Департамента Горных и Соляных дел об этом производстве говорится: «имею честь донести, что на Оружейной фабрике нет мастеров, которые бы могли делать в настоящее время ружья кроме стволов и нет инструмента». Судя из этого документа, правительство серьезно интересовалось возможностью выпуска в Златоусте ружейной продукции.

В октябре 1811 г. Александр I одобрил идею создания при Златоустовском заводе оружейной фабрики. Александр фон Эверсман, бывший прусский военный и горный советник, а впоследствии директор Оружейной фабрики, активно занялся вербовкой иностранных специалистов. Интересный факт: он был командирован для заключения контрактов с «фабрикантами» белого оружия из Золингена и огнестрельного оружия из Эссена⁷. Это подтверждает догадки некоторых исследователей, что первоначально не существовало четкого представления о специализации будущей оружейной фабрики и вопрос о создании фабрики холодного (белого) оружия оставался некоторое время открытым⁸.

Как известно, в декабре 1815 г. при Златоустовском заводе была основана Златоустовская оружейная фабрика, которая называлась «Фабрики дела белого оружия, разных стальных и железных изделий». Фабрика принадлежала Горному ведомству. Металлургическое производство Златоустовского завода стало составной частью оружейного производства.

Подробное описание «главной достопримечательности» Златоустовского завода – Оружейной фабрики составил в 1825 г. П. Свиньин⁹. Фабрика была разделена на 7 отделений: «стальное, клинковое, ножневое, эфесское, офицерского оружия, арсенальное и строительное». В контексте нашей темы подчеркнем, что работа стального отделения практически повторяла организацию производства стали, существовавшую на Златоустовском заводе еще с XVIII в. Оснащение отделения и подбор профессиональных кадров давали возможность производить ствольную сталь и ружейные стволы. Не случайно, выше упомянутый мастер-ствольщик Иоганн Шнек в документах 1816 г. числился в штате Оружейной фабрики и занимался среди прочих специалистов стального дела «делом железа по нассаускому способу»¹⁰.

Оружейная фабрика при Златоустовском заводе очень скоро становится крупным предприятием, на котором к 1850 г. состояло около 3000 мастеровых. Фабрика выполняла государственные правительственные заказы в объеме от 30 000 до 34 000 единиц холодного оружия. В перечень входило штатное холодное боевое оружие и украшенное офицерское оружие, в том числе ружейные штыки, кавалерийские пики, кирасы и каски, а также фехтовальное оружие. Как ни странно, информацию о существовании заказов на ружейные стволы мы встретили только один раз, в последней опубликованной работе Ю.П. Окунцова. Он описывает ситуацию сокращения объемов производства на фабрике, возникшую при планировании на 1844 г. Узнав об этом, П.П. Аносов в своем ответном послании указывал, что он «предполагал ограничить выпуск белого оружия 10 тысячами в год. Кроме того, фабрика может выпускать до 4000 кирас. Артиллерийское ведомство намерено было заказать 4000 штыков. Была также вероятность получить наряды на производство ружейных стволов»¹¹. И далее автор пишет, что в такой сложной для фабрики ситуации, по мнению П.П. Аносова «русских мастеров можно было занять на заводе, а вот со 160 иностранными мастерами

возникла проблема. По контракту они должны были готовить исключительно белое оружие»¹².

Как известно, П.П. Аносов проявил необычайно активную деятельность по расширению ассортимента заводской продукции. Помимо изготовления холодного оружия по государственным заказам он наладил выпуск бытовых изделий для разных слоев населения. Фабрика стала производить по частным заказам подносы, подсвечники, ларцы, столовые ножи, вилки и проч. На наш взгляд, в этом ряду можно рассматривать и такой вид продукции, как оружие, предназначенное для любительской и промысловой охоты.

Когда в 1851 г. правительство в рамках организации нового производства рассмотрело присланные из Златоуста отчетные документы, то спланировало для Оружейной фабрики «выделывать ежегодно до 5000 ружей, а потом усилить выделку до 50 000 ружей»¹³. Нам представляется, что указанные объемы нового производства были рассчитаны на выпуск охотничьих, а не армейских ружей¹⁴. В стране постоянно наблюдался дефицит охотничьего огнестрельного оружия. Изготовление охотничьих ружей осуществлялось кустарными заведениями в Туле и Ижевске, либо мастерами-штучниками в Москве, Петербурге и других крупных городах. Оружие для промысловой охоты было дешевое и крайне плохого качества. Ружей для состоятельных охотников делалось немного. Охотничье оружие в большей степени закупалось у иностранных производителей. Очевидно, что к середине XIX в. назревал вопрос о выделении в самостоятельную отрасль производства охотничьего оружия, которое все больше приобретало конкретные черты¹⁵. В этот период правительство предпринимает попытки наладить выпуск охотничьего оружия на российских оружейных заводах.

В связи с планируемым новым производством Златоустовской Оружейной фабрики в 1851 г. был выдан ряд предписаний. Для заблаговременной подготовки кадров в Златоусте было приказано отобрать 50 молодых рабочих, способных и по возможности холостых. Под руководством лучших мастеров и неусыпным наблюдением начальства 37 учеников надлежало обучить слесарному делу, 16 – литейному и 3 – делу штыковых ножен. Вскоре 4 ученика отправились в Екатеринбург, на завод и монетный двор. Остальные проходили подготовку в Златоусте. В Бельгию и Францию были командированы инженеры, которые должны были изучить «все

подробности ружейного дела» и выяснить возможность приглашения специалистов в Россию¹⁶.

В это же время вопрос организации заводского производства охотничьего оружия решался и на других оружейных заводах. Как известно, в 1853 г. на Тульском заводе открылась Образцовая мастерская, которая должна была «вести вперед искусство оружейного дела» и дать работу бедствующим оружейникам. Обращает на себя внимание модель организации этой мастерской, которая в основе напоминает златоустовский проект. Тульская Образцовая мастерская состояла из 50 оружейников, среди которых 20 были опытными, а 30 молодыми мастерами, и, кроме того, набиралось 50 учеников. Сама мастерская оставалась цехом Тульского завода, но в то же время имела право производства охотничьих ружей на продажу и тем самым могла обеспечить свое существование¹⁷. На Ижевском оружейном заводе в 1850-х гг. также была создана небольшая Образцовая мастерская по изготовлению призового и заказного охотничьего оружия, завод делал много ружей для победителей армейских стрелковых соревнований. Наконец, в этом же ряду можно рассматривать организацию в эти же годы образцовой мастерской в Сестрорецком оружейном заводе, в которой должны были изготавливаться образцы ружей и, главное, мерительные инструменты для ружейного производства. Отметим, что и на этом оружейном заводе существовала практика изготовления охотничьих ружей разных калибров и видов для частной продажи¹⁸.

Как известно, ружейный завод в Златоусте открыт не был. Но С.Н. Куликовских приводит интересные сведения, что «...еще долгое время на Оружейную фабрику поступали в основном частные заказы на изготовление именно ружейных стволов. В 1855 г. в Санкт-Петербург поступали сведения о том, что “в настоящее время у многих златоустовских охотников имеются винтовки, приготовленные из стали капитана Обухова, отличающиеся верностью боя и крепостию”. В последующие годы, например, в 1860 г. “покорнейше” просили “сделать распоряжение о приготовлении в Оружейной фабрике винтовки из обуховской стали длиной 1 аршин 2 вершка в размер пули 80 шт. из фунта”. Главная контора Симского завода гг. Балашевых уведомляла о получении заказанных “для здешних господ заводладельцев” четырех стволов из литой стали для двуствольных ружей и двух стволов для одного двуствольного штуцера»¹⁹. Как известно, правительство смогло решить

задачу организации заводского производства охотничьих ружей значительно позднее. Лишь в 1885 г. по специальному постановлению Военного Совета всем трем оружейным заводам было разрешено принимать заказы как от войск, так и от частных лиц на охотничьи гладкоствольные ружья и ружья с нарезными стволами, с тем непременным условием, чтобы нарезные стволы не были годны для металлических патронов казенного образца.

Таким образом, проект учреждения в Златоусте в 1850 г. нового производства вписывался в общую политику российского правительства по развитию заводского производства охотничьего огнестрельного оружия. Златоустовская оружейная фабрика, находящаяся в системе управления горнозаводской промышленности, рассматривалась в общем ряду с российскими оружейными заводами военного ведомства – Тульским, Ижевским, Сестрорецким. Правительство учитывало, что Златоустовская оружейная фабрика имела мощную заводскую металлургическую базу, производственно-технологические возможности, профессиональные кадры. В ряду достоинств оружейной фабрики, как нам представляется, был и накопленный опыт изготовления охотничьих ружей. Мы не знаем, какие златоустовские мастера изготавливали охотничьи ружья, и в каком объеме существовало это производство. В связи с этим важно обратить внимание на следующие сложившиеся на фабрике к середине XIX в. исторические условия.

На Златоустовской оружейной фабрике изначально существовала проблема неравного положения иностранных и русских мастеров. По условиям контрактов с иностранцами, приехавшими в Златоуст, они имели оклады, в несколько раз превосходящие размер содержания русских мастеров, им предоставлялись удобные условия проживания (бесплатная квартира с отоплением, освещением и прислугой, «столько земли, сколько договорившийся принять может на удобрение для садов и земледелия», жены получали в подарок две коровы), они имели свою школу, церковь, свой «немецкий суд». Дети же немецких оружейников сталкивались с определенными трудностями. Первые годы правительство проводило меры по поддержке детей иностранцев, давая им возможность работать на фабрике с правом выбора работы и получения жалованья в том же размере, как получали их отцы. Но на рубеже 1830–1840-х гг. правительство озаботилось обременительным для фабрики содержанием иностранцев. После 1847 г. немецкие специалисты,

продолжая оставаться на содержании фабрики, уже не входили в ее штат. Детей немецких мастеров, за исключением тех, кто уже ранее поступил на службу, принимали на фабрику на условиях сдельной оплаты и на время необходимости в работах²⁰. Сыновьям европейцев приходилось искать другие способы к пропитанию.

На наш взгляд, именно эта ситуация способствовала появлению рассматриваемого нами охотничьего ружья, подписанного мастером А. Вольферцем.

Династия оружейных мастеров Вольферцев тесно связана с судьбой Златоустовской оружейной фабрики. Родоначальником Вольферцев на златоустовской земле был Даниэль (Данило, Даниила) Вольферц. Этот мастер был в числе трех немецких оружейников, с кем был подписан 1 января 1814 г. один из первых контрактов с иностранными специалистами. Даниэль прибыл из района Золингена, кузнец по мечам, 39 лет, с ним приехала жена и шестеро детей. По контракту Даниэлю Вольферцу полагалось очень высокое годовое жалованье в размере 2000 руб. его сыну Иоганну Абраму – 600 руб.²¹ К переезду мастер со своей большой семьей готовился больше года. Немецкие власти всячески препятствовали отъезду местных специалистов, и в мае 1815 г. даже взяли все семейство Вольферцев под стражу, а затем вместе со старшим сыном заключили в тюрьму. На этом основании мастер позже просил выдать ему в возмещение морального ущерба 3833 руб. 26 коп., ибо «такой стыд для него, честного иностранца с семейством, весьма чувствителен»²². Как бы то ни было, Даниэль Вольферц (отец) участвовал в изготовлении партии златоустовского оружия в 1817 г., посланной на одобрение Александру I, за что получил в числе других мастеров денежное вознаграждение в 25 руб. Он пользовался большим авторитетом. В 1825 г. был одним из пяти почетных членов «немецкого суда», который занимался вопросами урегулирования споров между членами немецкой общины с правлением фабрики²³. В 1827 г. принимал участие в изготовлении Технического кабинета и сопровождал доставку кабинета в Петербург вместе с И. Бушуевым. За эту работу унтер-шихтмейстеру И. Бушуеву и оружейному мастеру Д. Вольферцу государь император «во изъявление монаршего своего благоволения пожаловать соизволил бриллиантовые перстни»²⁴. В его послужном списке награды за участие в выполнении самых великолепных вещей 1824–1837 гг.: серебряная медаль «за усердие», золотые часы на цепочке за три сабли,

большие денежные суммы²⁵. Даниил Вольферц заслуженно причисляется к лучшим клинковым кузнецам из немецких оружейников. Об этом говорят сохранившиеся в музейных коллекциях замечательные памятники. К шедеврам кузнечного искусства надо причислить саблю из собрания Центрального Военно-морского музея, выполненную в 1829 г. И. Бушуевым и Д. Вольферцем, на дамасском клинке которой вварен силуэт извивающейся змеи из более светлого дамаска. Сохранились и изделия, изготовленные Даниилом Вольферцем совместно и с И. Бояршиновым. Так, охотничий нож из собрания ГИМа с подписью И. Бояршинова 1833 г. по архивным документам, приведенным Куликовской, «клинок ковал мастер Данила Вольферц, калил мастер Карл Эберт, точил и полировал мастер Леонтий Оверин, оправку и эфесы делал мастер Василий Южаков, ручку и ножны – мастер Максим Пелявин, клинок золотил мастер Иван Бояршинов»²⁶. С 1846 г. (по другим данным с 1839 г.) Даниил Вольферц работал браковщиком (надзирателем) по ковке оружия.

Как мы помним, Даниил Вольферц приехал в Златоуст с шестью детьми. В литературе существует определенная путаница с именами детей Даниила. Например, в одном случае исследователь приводит данные составленного в 1819 г. списка мастеров Оружейной фабрики, по которому Карл Вольферц имел двух сыновей Даниила и Абрама, все трое приехали из Золингена и числились специалистами по ковке клинков, отец на оклад 1800 руб., старший сын – на 1000 руб., младший – на 300 руб.²⁷ С этим явно не согласуются упоминания некоторыми исследователями, что Карл Вольферц является сыном Даниила-большого. Карл Вольферц работал мастеромковки клинков с 1823 до 1848 гг., трудился вместе с мастером Василием Южаковым, оба были командированы в 1831 г. в Тифлис «для обучения у тамошнего мастера Елиарова делу булата и разных родов оружия»²⁸.

В некоторых публикациях рядом с Данило Вольферц-отцом или «большим» упоминается и Данило Вольферц-сын или «малый». О сыне известно, что он, как и отец, числился мастеромковки клинков для украшенного оружия, работая в этой должности с 1823 до 1848 гг.²⁹

Имя А. Вольферца встречается в документах ноября 1835 г., в которых он от имени всех немецких клинковых кузнецов составил заявление о несогласии пересмотра нормыковки клинков³⁰. Более

конкретные данные по поводу А. Вольферца дают документы 1843 г. из Государственного архива Челябинской области³¹. По этим документам мастер – А. Вольферц, он же Абрам Вольферц, со своими двумя родственниками Данилами Вольферцами – большим и малым приехали в Златоуст по контракту от 13 февраля 1814 г. в числе первых переселенцев. Абрам Вольферц числился в 1819–1820 гг. по клинковому отделению Златоустовской оружейной фабрики среди мастеров по ковке и закалке клинков, в 1843 г. он еще продолжал работать на фабрике. В 1851 г. мастер Абрам Вольферц занимал должность браковщика по ковке клинков и был высокооплачиваемым работником, получая в год 474 руб. 66 коп., а его сын мастер Эдуард Вольферц – 177 руб. 60 коп.³² Отметим, что сын Абрама Вольферца Эдуард Абрамович был сподвижником П.М. Обухова и был награжден в 1861 г. золотой медалью. Потомки фамилии Вольферцев проживают в Златоусте и в настоящее время³³.

Как видим, все представители династии Вольферцев были профессионалами своего дела. Абрам Вольферц принадлежал к первой волне переселенцев. Он оставался работать на фабрике после изменения кадровой политики в конце 1840-х гг. и занимал ведущую должность браковщика. Возможно, параллельно своей работе на фабрике он пробовал свои силы в выпуске пользующейся повышенным спросом продукции – охотничьих ружей. Сохранившееся охотничье ружье работы Абрама Вольферца демонстрирует высокую квалификацию этого мастера. Это добротное ружье с качественным исполнением всех деталей. Любопытно использование в стволе этого мелкокалиберного ружья двух нарезов для сферической пули с ведущим пояском, которая использовались для принятого на вооружение в 1843 г. «литтихского штуцера». Это ружье представляет хорошего уровня «сибирку» – охотничью винтовку небольшого калибра, пользовавшуюся большим спросом у промышленников Сибири. Это ружье, очевидно, изготавливалось для состоятельного охотника. Оно декорировано насечкой серебром, которая стала широко использоваться с 1840-х гг. на традиционном для Златоуста украшенном клинковом оружии. Очевидно, мастер изготавливал партию таких ружей, о чем говорит нанесенный на стволе «№ 31».

В завершение добавим, что в коллекции Государственного Исторического музея хранится еще одно охотничье ружье с капсюльным

замком, подписанное «А. Вольферц». Ружье не имеет указания на время и место изготовления. При сравнении этих двух работ Абрама Вольферца отметим, что совпадают конструктивные и технические характеристики ружей, так же как и общая стилистика их оформления.

¹ Наиболее полная в настоящее время информация о русских мастерах собрана в кн.: Шокарев Ю.В. Русское охотничье оружие. Мастера и фирмы. М., 2005.

² Куликовских С.Н. Златоустовская школа авторского холодного украшенного оружия. Становление и развитие (1815–1860 гг.). Челябинск, 2006; Окунцов Ю.П. Златоустовская оружейная фабрика. М., 2011.

³ Окунцов Ю.П. Указ. соч. С. 68; Куликовских С.Н. Указ. соч. С. 148.

⁴ Окунцов Ю.П. Указ. соч. С. 69.

⁵ Златоуст–город крылатого коня. Златоуст, 2004. С. 104–105; Окунцов Ю.П. Указ. соч. С. 11.

⁶ Л.В. Лаженева, старший научный сотрудник городского краеведческого музея г. Златоуста, оказала большую помощь в предоставлении архивных материалов, за что выражаем ей особую благодарность. Указанные ссылки на документы: РГИА. Ф. 37. Оп. 9. Д. 269. Л. 26, 31, 36.

⁷ Боков В. Немецкие оружейники на Златоустовском заводе // Журнал Императорского русского военно-исторического общества. 1913. № 5–8, 11–13; Бурмакин А. Исторические данные по введению изготовления холодного оружия в Златоустовской фабрике немецкими мастерами // Горный журнал. 1912. Т. 4. Кн. 10, 11.

⁸ Окунцов Ю.П. Указ. соч. С. 14; Яблонский Ф.Н. К истории Златоустовской оружейной фабрики // Во славу российского оружия. Материалы научно-практической конференции. Златоуст, 2010. С. 32–34.

⁹ Свинын П.П. Златоустовский завод // Отечественные записки. 1825. Ч. XXIII. Кн. LXIII. С. 25–36.

¹⁰ Куликовских С.Н. Указ. соч. С. 210.

¹¹ Окунцов Ю.П. Указ. соч. С. 66.

¹² Там же.

¹³ Куликовских С.Н. Указ. соч. С. 148; Окунцов Ю.П. Указ. соч. С. 69.

¹⁴ Перед Первой мировой войной весь кустарный оружейный промысел Тулы давал до 20–30 тыс. штук охотничьих недорогих ружей. См.: Охотничье оружие. Энциклопедия. М., 2005. С. 107.

¹⁵ Дроздова Е.Е. Производство охотничьих ружей в 1850–1914 гг.: кадровые и технологические проблемы // Известия Уральского государственного университета. 2009. № 3 (65). С. 190–199.

¹⁶ Окунцов Ю.П. Указ. соч. С. 69; Куликовских С.Н. Указ. соч. С. 148.

¹⁷ Охотничье оружие. Энциклопедия. С. 107.

¹⁸ Дроздова Е.Е. Указ. соч. С. 190–199.

¹⁹ Куликовских С.Н. Указ. соч. С. 148.

²⁰ Ермакова О.К. Условия работы по контракту иностранных специалистов на Златоустовской оружейной фабрике в первой половине XIX в. // Во славу

российского оружия. Материалы научно-практической конференции. Златоуст. 2010. С. 40–42.

²¹ Куликовских С.Н. Указ. соч. С. 38, 51. Автор на основе не используемых ранее документов из немецких архивов, опубликованных в Германии в 1938 г., впервые рассматривает содержание контрактов с немецкими оружейниками. В этих документах впервые упоминается имя сына Д. Вольферца – Иоганна Абраама, однако это не проясняет существующую в российских публикациях путаницу родственных связей Вольферцев.

²² Боков В. Указ. соч. С. 362.

²³ Уве-Петер Бём. Жизнь и условия иностранных мастеров в Златоусте и на оружейной фабрике // Первые Бушуевские чтения. Сборник материалов. Челябинск, 2003. С. 57.

²⁴ Приходько Н.Ю. Златоустовские мастера-оружейники // Материалы III краеведческой конференции им. Н.А. Косикова. Златоуст. 2010. С. 11; Куликовских С.Н. Указ. соч. С. 109.

²⁵ Куликовских С.Н. Указ. соч. С. 162.

²⁶ Там же. С. 83.

²⁷ Денисова М.М. Художественное оружие XIX в. Златоустовской оружейной фабрики. Труды ГИМ. 1947. Вып. 18. С. 213.

²⁸ Куликовских С.Н. Указ. соч. С. 83.

²⁹ Глинкин М. Златоустовская гравюра на стали. Челябинск, 1967. С. 39, 42.

³⁰ Окунцов Ю.П. Указ. соч. С. 31.

³¹ Сведения предоставила Л.В. Лаженцева, за что приносим ей большую благодарность. Указанные ссылки на документы: ЗФ ЧАГО. Ф. И24. Оп. 1. Д. 161. Л. 26, 138; Ф. 19. Оп. 1. Д. 1208. Л. 23.

³² Куликовских С.Н. Указ. соч. С. 147.

³³ Окунцов Ю.П. Указ. соч. С. 34, 35.

А.Н. Толкацкий (Барнаул)

ИЗУЧЕНИЕ ВООРУЖЕНИЯ КЫРГЫЗОВ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ АЛТАЯ

ЗА ПОЧТИ 200-летнюю историю изучения кыргызских памятников на Алтае было обнаружено 19 памятников кыргызской культуры. В большинстве своем это курганные группы, отдельные курганы, единичные находки. Среди артефактов, обнаруженных при работах на этих объектах, самую значительную часть составляют предметы вооружения.

Кыргызские погребения по обряду трупосожжения на стороне исследовались Алтайской экспедицией ГЭ под руководством М.П. Грязнова на могильнике Яконур в 1939 г. Им были опубликованы данные по обнаруженным здесь предметам вооружения (31 наконечник стрелы, сабля) ¹.

В 1969 г. экспедицией под руководством А.М. Кулемзина в зоне затопления Чуйской ГЭС было раскопано два кыргызских кургана на памятнике Ак-Таш в Горном Алтае (рис. 1, № 41, 42). Было обнаружено 2 наконечника стрелы и сделан вывод о том, что данные предметы вооружения были распространены на территории Южной Сибири и также имеют аналогии среди находок, обнаруженных в памятниках Алтая (Яконур) ².

В 1971–1976 гг. в ходе работ В.А. Могильникова на погребальных комплексах Гилево и Корболиха обнаружены предметы наступательного и оборонительного вооружения. В основном это наконечники стрел и панцирные пластины (рис. 5). Позже они были опубликованы в его монографии. Исследователь отмечает, что многочисленные предметы вооружения, обнаруженные здесь, бытовали на просторах Центральной Азии в среде кочевников северо-западных предгорий Алтая в IX–XI вв. ³ В 1978 г. АЭ ГАНИИИЯЛ

на памятнике Бажынты раскопан потревоженный курган № 19 кыргызского времени, в котором среди погребального инвентаря встречен железный трехлопастной наконечник стрелы⁴.

В 1993 г. Ю.С. Худяковым опубликованы данные по находке железной сабли из Беш-Озека (рис. 2, № 1). Им же в 1996 г. опубликованы

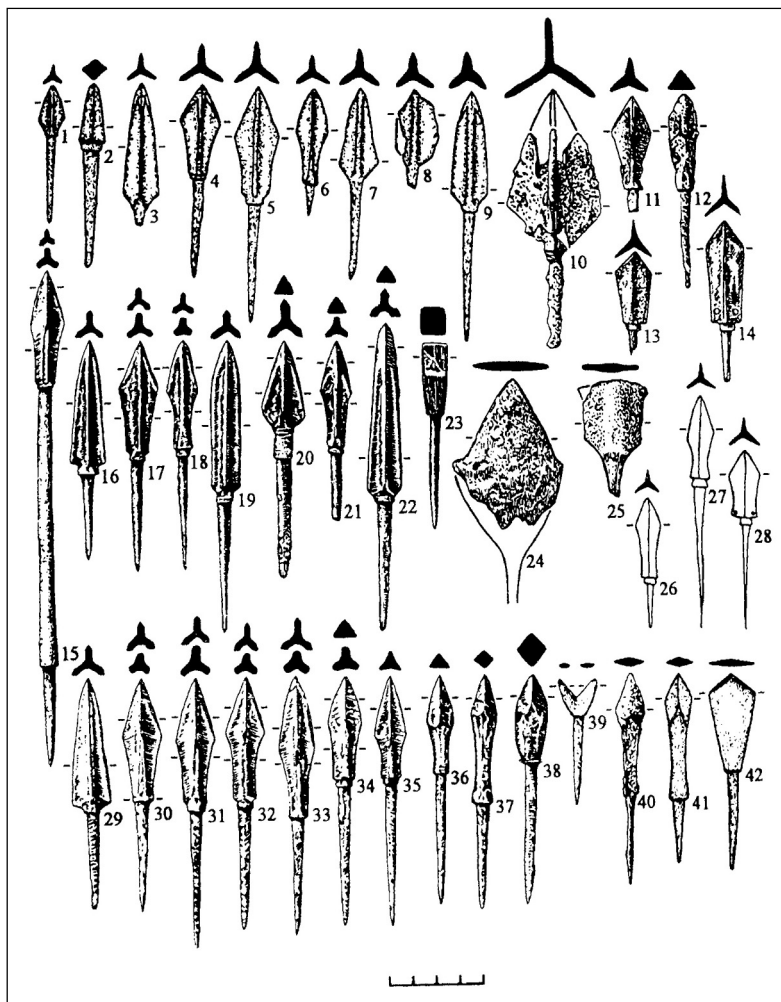

Рис. 1. Наконечники стрел кыргызской культуры из памятников Алтая

материалы из могильника Кок-Эдиган (рис. 6, № 1, 2, 3). Среди предметов вооружения здесь найдены кинжал, наконечник стрелы (2 шт.). Был сделан вывод о том, что железный изогнутый клинок с долами и елманью уникален. Он напоминает кинжалы уйбатского типа со скошенной в сторону лезвия рукоятью, характерные для кыргызов в VI–VIII вв. Два наконечника стрелы, выполненные из железа, трехлопастной и четырехгранной, типичны для кыргызской культуры начала II тыс. н.э.⁵

В 2001 г. П.К. Дашковским опубликованы результаты работ на могильнике Коргон-I (рис. 6, № 4–9). Предметы вооружения (наконечники стрел), обнаруженные здесь, говорят о активном взаимодействии и ассимиляции

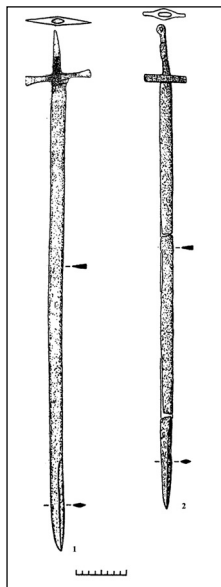

Рис. 2. Мечи кыргызской культуры из памятников Алтая

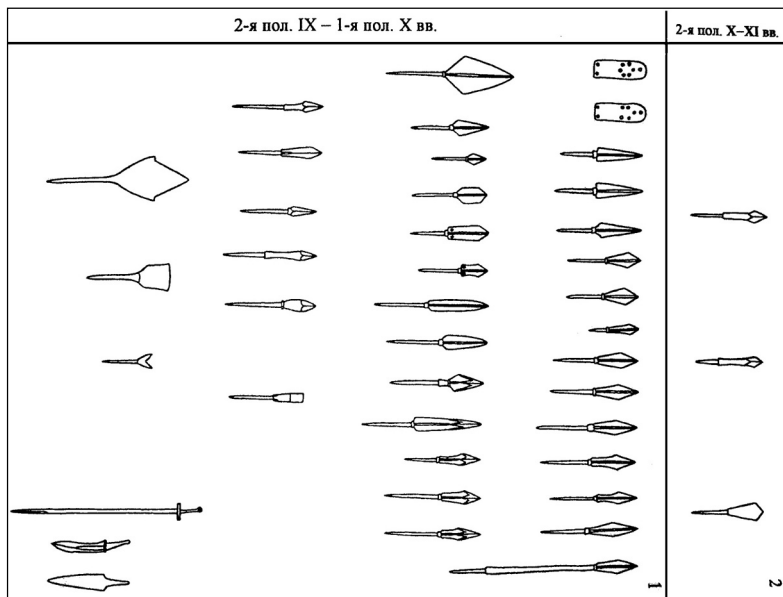

Рис. 3. Комплекс вооружения кыргызской культуры Алтая

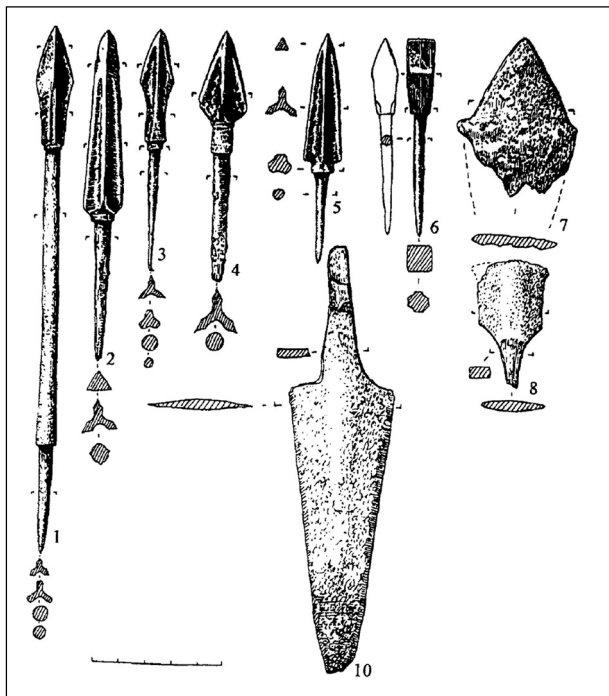

Рис. 4. Инвентарь кыргызский курганов памятника Чинета-II

кыргызов и алтае-телеских тюрок. Был сделан вывод о том, что наконечники стрел, найденные на этом памятнике, известны не только в памятниках VI–XII вв. н.э. в Минусинской котловине, Туве, Казахстане, Монголии, но и на территории Горного Алтая⁶. Этим же исследователем было изучено четыре кургана с обрядом кремации на памятнике Чинета-II. Среди артефактов, обнаруженных здесь, достаточно большое количество представляют предметы вооружения (45 наконечников стрел, кинжал)⁷ (рис. 4).

Помимо обнаружения и публикации предметов вооружения из памятников кыргызов на Алтае проводились и работы, направленные на их систематизацию и анализ. Первый опыт обобщения материалов, в том числе и вооружения, из памятников культуры енисейских кыргызов (Яконур, Узунтал-XIII) был проделан Д.Г. Савиновым в 1979 г. На основе анализа данных артефактов исследователем был выделен алтайский вариант кыргызской культуры⁸.

**Предметы наступательного и оборонительного вооружения
из кыргызских памятников Алтая (по В.В. Горбунову, 2003; 2006)**

№ п/п	Памят- ник	Оружие			Дос- пех	Дати- ровка памят- ника	Ссылка на источник
		Наконеч- ники стрел	Ножи и кинжалы	Мечи и сабли	Панцири		
1	КМ Ги- лево-III	10	-	-	9	2 пол. IX – 1 пол. X вв. н.э.	Могильников, 2002; АГКМ кол. 13105, 13170
2	КМ Бажынты	1	-	-	-	2 пол. IX – 1 пол. X вв. н.э.	Суразаков, 1982
3	КМ Кок- Эдиган	2	1	-	-	2 пол. IX – 1 пол. X вв. н.э.	Худяков, 2003
4	КМ Коргон-I	5	-	-	-	2 пол. IX – 1 пол. X вв. н.э.	Дашковский, 2001
5	КМ Чинета-II	45	1	-	-	2 пол. IX – 1 пол. X вв. н.э.	Тишкин, Дашковский, Горбунов, 2004; МААЭ АГУ кол. 185
6	КМ Яконур	31	-	1	-	2 пол. IX – 1 пол. X вв. н.э.	Худяков, 1990; ГЭ кол. 1554
7	КМ Ак-Таш	2	-	-	-	IX–X вв. н.э.	Худяков, 2001
8	СН Беш- Озек	-	-	1	-	IX–X вв. н.э.	Худяков, 1993

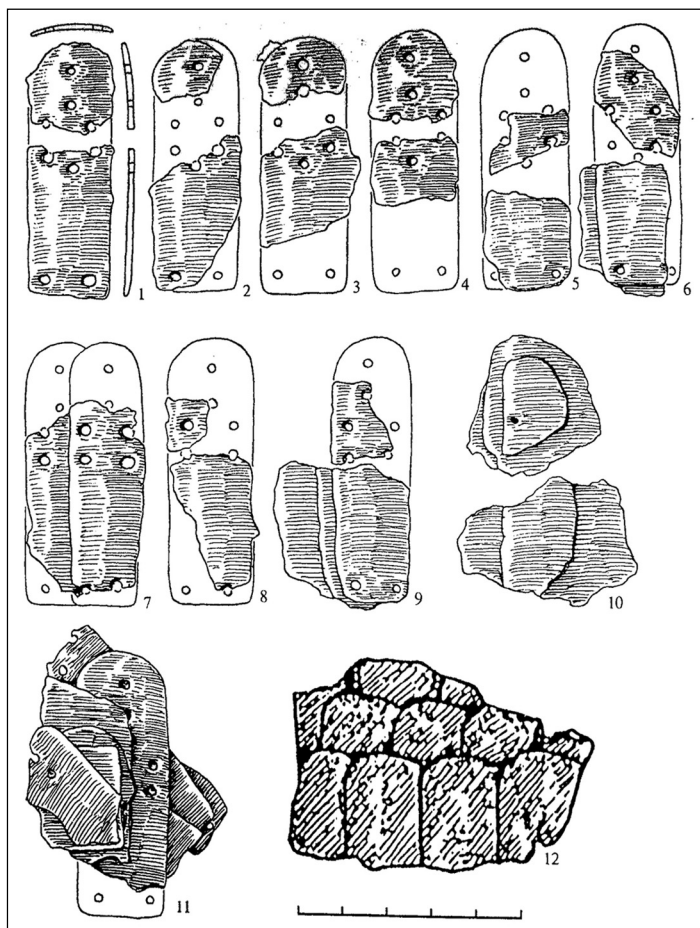
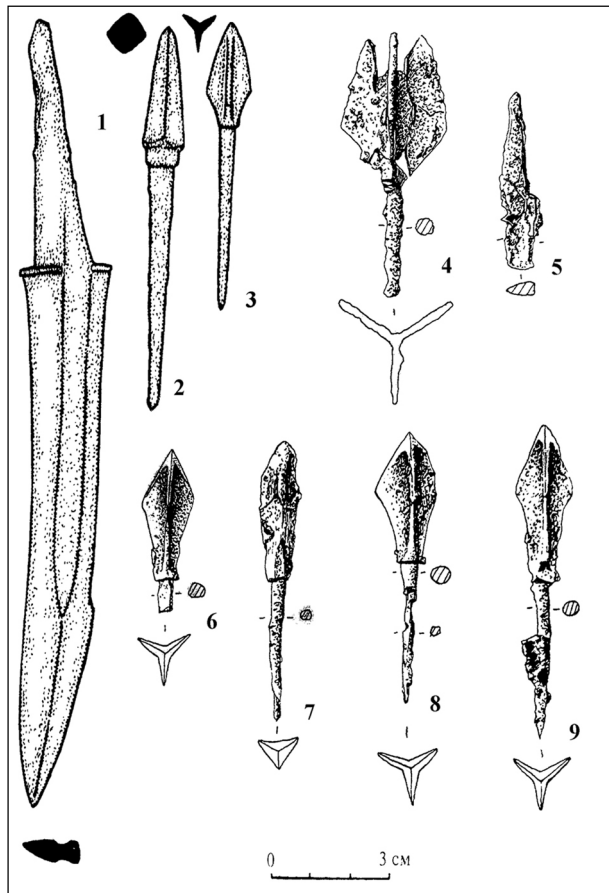

Рис. 5. Панцирные пластины и фрагмент панциря из памятника Гилево-III

В 1983 г. И.Л. Кызласовым были обобщены данные по предметам вооружения, обнаруженным на памятниках Чарьш, Яконур, Ак-Таш. Все они отнесены им к малиновскому этапу аскизской культуры (X–XIV вв. н.э.). Среди наконечников стрел было выделено два типа, которые, по мнению автора, являются типичными для представителей аскизской культуры на достаточно больших пространствах Южной Сибири⁹.

**Рис. 6. Предметы вооружения
из памятников Кок-Эдиган, Коргон-I**

В дальнейшем Ю.С. Худяковым были обобщены материалы кыргызской культуры, найденные в Горном Алтае. Помимо уже опубликованных к этому времени находок из Ак-Таша и Узунтала в научный оборот были введены материалы из Яконура и Куях-Танара, ранее не издававшиеся. Самой многочисленной категорией среди предметов вооружения являются наконечники стрел (33 экземпляра), которые делятся на пять типов. Также был введен в научный оборот меч из памятника Яконур¹⁰. Значительно позже

им же рассмотрен предметный комплекс из памятников кыргызов XI–XII вв. н.э. в Горном Алтае¹¹. Был сделан вывод о том, что коллекция железных наконечников стрел из кыргызских курганов XI–XII вв. в Горном Алтае немногочисленна и представлена четырьмя группами и четырьмя типами, но типологически разнообразная. В ее составе представлены широко распространенные формы, характерные для развитого средневековья. Также им была высказана мысль о уникальности железного кинжала из памятника Кок-Эдиган. Он не имеет точных аналогий и напоминает кинжалы, изображенные на некоторых изваяниях древних тюрок в Центральной Азии, и кинжал, найденный в Уйбатском чаа-тасе в Минусинской котловине¹².

Оборонительное (панцирные пластины с памятника Гилево-III) и наступательное (наконечники стрел и ножи, кинжалы с памятников Бажынты, Кок-Эдиган, Коргон-I, Чинета-II, Яконур, Ак-Таш) оружие кыргызов, в составе комплекса вооружения населения Алтая в III–XIV вв., рассматривается в трудах В.В. Горбунова¹³. Среди классифицированных предметов вооружения им было выделено: 2 типа панцирных пластин, 1 тип панцирей, 21 тип наконечников стрел, 1 тип мечей, 1 тип боевых ножей и 1 тип кинжалов (рис. 1, 2, 3). Данный комплекс вооружения был условно разделен на два рода войск. Группа из 11 могил, где встречены стрелы, боевой нож и кинжал, исследователь отнес к легкой коннице, а группу из 10 объектов, в которых найдены стрелы, панцири и меч, – к средней коннице¹⁴. В соответствии с точкой зрения Ю.С. Худякова, алтайский вариант кыргызского комплекса вооружения по своему типовому составу обнаруживает самую тесную связь с паноплией кыргызов Минусы и Тувы, которая состояла из развитых средств защиты и нападения и соответствовала не столько легкой, средней, но и тяжелой коннице¹⁵.

За сравнительно долгий период археологического исследования памятников кыргызов на Алтае было обнаружено достаточно большое количество предметов вооружения. На данный момент оно включает в себя предметы наступательного и оборонительного оружия. Причем на территории Лесостепного Алтая известны как средства защиты, так и обороны. А в Горном Алтае, напротив – только предметы наступательного вооружения. Поэтому многие исследователи (В.В. Горбунов, Ю.С. Худяков) рассматривают обычно все оружие в рамках единого комплекса. По типологическому

разнообразие комплекс вооружения енисейских кыргызов «эпохи великодержавия» (2-я половина IX – 1-я половина X вв. н.э.) богаче по отношению к последующему периоду (2-я половина X – XI вв. н.э.). Следует особо подчеркнуть то, что погребения с оружием немногочисленны. По мнению Ю.С. Худякова, это связано с тем, что процесс «захвата» кыргызами Алтая происходил достаточно мирным путем. Многие правители признавали власть «захватчиков» лишь формально. Поэтому, возможно, это в основном погребения оседлых воинов¹⁶.

Табл. 2

**Общее число предметов вооружения,
известных из кыргызских памятников Алтая**

	Вид оружия	Количество
Наступательное вооружение	Наконечники стрел	96
	Ножи	1
	Кинжалы	1
	Мечи	1
	Сабли	1
Оборонительное вооружение	Панцирные пластины	68

На данный момент известно, что доспех состоит из 68 панцирных пластин и девяти панцирей. Оружие представлено 96 стрелами, одним мечом, одним боевым ножом и одним кинжалом. Здесь особо хочется отметить тот факт, что среди всех предметов вооружения в основном преобладает оружие дистанционного боя (наконечники стрел). Оружие ближнего боя же не столь многочисленно, но можно предположить, что оно незначительно отличалось от тех образцов, которые известны на территории Минусинской котловины, Тувы, Монголии. Проблемой является то, что целенаправленных поисков памятников кыргызской культуры не проводилось. Как правило, они выявлялись при работах на цепочках курганов раннего железного века и гораздо реже представляют самостоятельные объекты. Поэтому необходимы дальнейшие поиски, которые позволят получить новые данные по кыргызской культуре, в частности, – предметов вооружения. Оружие из памятников кыргызов на Алтае, несомненно, представляет научный интерес в плане дальнейших поисков и реконструкций.

Список сокращений:

АлтГУ – Алтайский государственный университет

ГЭ – Государственный Эрмитаж

ИАиЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Академии наук

СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа

¹ Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // СГЭ. Л., 1940. № 1. С. 17–21.

² Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С. Раскопки могильника Акташ в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 168.

³ Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2001. С. 123.

⁴ Суразаков А.С. Об археологических исследованиях в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 124–125.

⁵ Худяков Ю.С. Кок-Эдиган – памятник культуры енисейских кыргызов на Средней Катунь // Горный Алтай и Россия 240 лет. Горно-Алтайск, 1996. С. 48–50.

⁶ Дашковский П.К. Коргон-I – новый памятник культуры енисейских кыргызов в Горном Алтае // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2001. С. 22–23.

⁷ Тишкин А.А., Дашковский П.К., Горбунов В.В. Новые объекты эпохи средневековья на Чинетинском археологическом комплексе в Алтайском крае // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2005. Т. XI. С. 476–479; Тишкин А.А., Дашковский П.К. Комплекс археологических памятников около с. Чинета в Алтайском крае // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2002. Т. VIII; Тишкин А.А., Дашковский П.К., Горбунов В.В. Курганы эпохи средневековья на территории предгорно-равнинной части Алтайского края // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2004. Т. X. С. 410–415.

⁸ Савинов Д.Г. Памятники енисейских кыргызов в Горном Алтае // Вопросы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979. Вып. 1. С. 167.

⁹ Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. Вып. ЕЗ-18. М.: Наука, 1983. С. 71, 82, 121.

¹⁰ Худяков Ю.С. Кыргызы в Горном Алтае // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 186–201.

¹¹ Он же. Предметный комплекс из памятников кыргызов XI–XII вв. в Горном Алтае // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2001. С. 163.

¹² Там же. С. 164–165.

¹³ Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. 174 с.; Он же. То же. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2006. 232 с.

¹⁴ Горбунов В.В. Указ. соч. Ч. II. С. 92.

¹⁵ Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. М.: Наука, 1980. 131–137.

¹⁶ Он же. Кыргызы в Горном Алтае. С. 192.

*А.А. Третьяков, М.С. Бондарь,
А.Н. Жалнов (Санкт-Петербург)*

РАЗВИТИЕ СРЕДСТВ СРОЧНЫХ ДОСТАВОК В БОЕВЫХ УСЛОВИЯХ ВЫСОКОТОЧНЫХ И ДРУГИХ БОЕПРИПАСОВ (ОСТРОДЕФИЦИТНЫХ ГРУЗОВ) В АРМИЯХ США И НАТО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В АРМИЯХ США и НАТО с учетом преимуществ и особенностей применения средств высокоточного оружия с середины 70-х гг. прошлого века пересматривались взгляды на материальное обеспечение войск в ходе военных действий. Уже в то время зарубежные специалисты пришли к выводу, что без реализации возможности своевременной доставки высокоточных боеприпасов и других остродефицитных материальных средств непосредственно в подразделения и к средствам применения не может быть и эффективной реализации преимуществ современного вооружения и военной техники.

Еще в 1976 г. Полевой устав США FM-5¹ предусматривал для перевозки боеприпасов на небольшом последнем отрезке маршрута использование бронированных боевых машин. С этой целью применялся транспортер M548, который, по мнению специалистов, не обладал достаточной броневой защитой и грузоподъемностью. С 1984 г. на вооружение ВС США стала поступать бронированная машина M992², созданная на базе самоходной гаубицы M109. Эта машина была способна перевозить 118 выстрелов калибра 155 мм или 75 – калибра 203,2 мм, в том числе ядерные, химические и высокоточные (типа «Копперхэд») боеприпасы³.

В этот же период в США были открыты опытно-конструкторские работы по вопросам механизации процесса пополнения САУ и

танков боеприпасами и топливом в ходе боя. Опытный образец транспортно-заряжающей машины (ТЗМ) AFARV был изготовлен на базе серийного транспортера М987 с использованием основных составных частей шасси БМП М-2 «Бредли». Грузоподъемность машины была доведена до 5,5 т. Одновременно американские специалисты пришли к выводу о необходимости частичного отказа от обычной деревянной тары для выстрелов и перехода к специальным контейнерам. Их стали использовать, например, для подачи ракет РСЗО MLRS⁴.

Применением бронированных машин предполагалось повысить надежность материального обеспечения в войсковом звене. Однако система материального обеспечения особенно в оперативном звене и на театре военных действий (ТВД) вызывала опасения американских специалистов. Они высказывали мнение о том, что в ходе «воздушно-наземной операции» и особенно в начальный период войны эта система может не справиться со своими задачами⁵.

Ввиду этого для срочной доставки остродефицитных грузов в пределах ТВД предусматривалось более широкое применение транспортных самолетов и вертолетов⁶. Специалисты США и НАТО пришли к выводу, что в будущей войне вертолеты могут сыграть важную роль в тыловом обеспечении, особенно в войсковом звене, несмотря на их уязвимость и зависимость от погодных условий.

Более того, Полевой устав сухопутных войск США FM-10 (1983 г.)⁷ предусматривал применение вертолетов средней грузоподъемности типа СН-47 для быстрой переброски артиллерийских систем, а также боеприпасов типа «Копперхэд», ПТУР «ТОУ», реактивных снарядов для РСЗО непосредственно к огненным позициям. С этой целью в уставе допускались действия вертолетов на удалении 5–7 км от переднего края⁸. Подобные задачи предусматривались уставом сухопутных войск Великобритании, уставом бундесвера FE700/108, а также уставными документами НАТО⁹.

Изучение более ранних изданий уставных документов¹⁰ привело к выводу о том, что появление положений о доставке срочных грузов связано именно с разработкой в начале 80-х гг. концепции «воздушно-наземной операции» и обусловлено применением высокоточного оружия.

Переброска по воздуху артиллерийских систем связывалась не только с необходимостью обеспечить огневую поддержку войск, действующих в труднодоступных районах, как обычно считается. Главной целью является стремление получить в короткие сроки качественное и количественное превосходство в огневых средствах на отдельных направлениях боевых действий за счет быстрого маневра артиллерией по воздуху и применения ею высокоточных боеприпасов.

С этой целью в странах НАТО создавались сравнительно легкие буксируемые артиллерийские системы. Наиболее перспективной системой специалистами считалась 155-мм немецкая гаубица FH. Гаубица имела аппаратуру сопряжения с АСУ огнем и была способна применять высокоточные боеприпасы. Одновременно в США началась разработка 155-мм гаубицы, масса которой была снижена почти до 4-х т, что давало возможность транспортировать ее на внешней подвеске вертолета Н-60А «Блэк Хок», который в 90-х гг. планировалось применять более широко, чем СН-47 «Чинук».

Вертолетам, перебрасывающим эти артиллерийские системы и боеприпасы к ним, приходилось в течение определенного времени действовать в условиях повышенного риска. Тем не менее, специалисты США предполагали, что вертолеты дополнят и усилят наземные транспортные средства и будут способствовать разрешению проблемы боевой устойчивости системы подвоза материальных средств непосредственно в части и подразделения при ведении интенсивных боевых действий ¹¹.

Расширение круга задач, выполняемых с привлечением вертолетов, было подтверждено и данными по резкому увеличению парка вертолетов, проведению работ по модернизации устаревающих образцов. Так, к 1991 г. предусматривалось модернизировать 440 единиц транспортных вертолетов СН-47 с целью повышения их грузоподъемности и надежности. Вертолеты новой модификации СН-47Д стали способны перевозить в грузовой кабине или на внешней подвеске грузы весом до 12 700 кг, что позволило транспортировать гаубицы FH весом 9300 кг. Программа производства этих вертолетов в США характеризовалась ежегодным увеличением их выпуска (1982 – 19 ед.; 1983 – 24 ед.; 1984 – 36 ед.; 1985 – 48 ед.).

Повышение роли армейской авиации в реализации положений концепции «воздушно-наземная операция» подтверждалось развитием организационно-штатной структуры ее частей и подразделений.

Согласно уставу сухопутных войск США FMI «Боевые действия армейской авиации»¹², программа «Армия-90» предусматривала насыщение войск вертолетами (таблица 1).

Табл. 1

Количество вертолетов (самолетов) в частях и подразделениях армейской авиации ВС США

Части и подразделения	Вертолетов					Самолетов	Всего
	Огн. под-держки	Разведки	Общего назнач.	РЭБ	Транс-портных		
Бригада АА легкой пд	29	31	39	3			102
Бригада АА тяжелой пд	50	50	28	3			131
Бригада АА вшд	72	83	177	6	32		370
Бригада АА тяжелого АК	126	113	132		64	5	440
Развед. верт. б-н обрпки «Т» АК	26	27	18	3			74
Бригада АА «Л» АК	106	131	138		48	5	428
Медицинская Бригада АК			72				72

Таким образом, оснащение в 80-е–90-е гг. прошлого века вооруженных сил стран НАТО новой авиационной техникой, развертывание организационных структур армейской авиации, развитие взглядов на срочные перевозки остродефицитных грузов в ходе военных действий были направлены на реализацию концепции «воздушно-наземной операции».

В современных условиях XXI в. этот процесс получает свое дальнейшее развитие на основе разработки и опытного применения беспилотных транспортных вертолетов.

БПЛА, по словам американских военных, произвели в последние годы настоящую революцию в военном деле. С помощью этих

аппаратов ведутся воздушная разведка и наблюдение, осуществляются целеуказания. Они применяются и для нанесения точечных ударов по лагерям и укрепленным пунктам противника. Сейчас западные специалисты ведут речь о необходимости создания первой в своем роде беспилотной грузотранспортной системы¹³.

Незадолго до Нового 2012 г. Пентагон сообщил, что морская пехота США начала использование транспортного беспилотного вертолета К-МАХ в Афганистане. Машина успешно за полтора часа доставила груз массой более 1,5 т подразделению морских пехотинцев на аванпост Рауп.

В качестве задач применения данного БПЛА может быть снабжение армейских подразделений боеприпасами, медикаментами и продовольствием.

На этом БПЛА установлены новая спутниковая аппаратура передачи данных, усовершенствованная бортовая ЭВМ. Планируется, что БПЛА в автоматическом режиме будет производить распознавание и облет препятствий, уклоняться от столкновений, взлетать и садиться в автоматическом режиме.

В настоящее время он уже способен перевозить грузы массой до 2,7 т на расстояние до 500 км. К-МАХ может совершать полеты на высотах, недоступных большинству других винтокрылых летательных аппаратов, неся при этом на борту большую полезную нагрузку.

В январе 2010 г. на полигоне армии США Dugway Proving Ground в штате Юта состоялись успешные демонстрационные полеты БПЛА К-МАХ. Испытания проводились по контракту с Лабораторией боевых действий морской пехоты США. Подтвердилось соответствие БПЛА требованиям командования по доставке грузов. Он способен выполнять полеты днем и ночью в режиме дистанционного управления, осуществлять высокоточную доставку грузов массой 1360 кг. В одном из предполагаемых вариантов оснащения БПЛА может комплектоваться держателем для грузов карусельного типа, что позволит осуществлять развозку грузов в различные точки маршрута во время одного полета. При этом предусматривается возможность внесения изменений в план полета непосредственно во время выполнения задания.

В официальном отчете Управления войсковых испытаний и оценок было подтверждено, что беспилотный вертолет К-МАХ удовлетворяет требованиям ВМС и Корпуса морской пехоты США по

ежедневной доставке грузов общей массой 2700 кг и может быть применен для логистического обеспечения подразделений КМП в Афганистане. По расчетам американских специалистов, эскадрилья из 16–20 машин могла бы выполнять все авиационные логистические задачи в ходе афганской войны.

Таким образом, развитие средств срочных доставок в боевых условиях высокоточных и других боеприпасов (остродефицитных грузов) в армиях США и НАТО идет в направлении последовательного и неуклонного внедрения средств армейской авиации, а с начала 2000-х гг. – внедрения транспортных систем с применением беспилотных вертолетов. Это новое направление в развитии системы материально-технического обеспечения войск (сил) стран НАТО целесообразно учитывать при формировании нового облика системы материально-технического обеспечения соединений и частей Российских Вооруженных Сил.

¹ Полевой устав армии США. Ведение боевых действий. FM-100-5, 1976 г. (Перевод). М.: ГШ ВС СССР, 1977. 244 с.

² Зарубежная военная техника: обзоры. Бронетанковая техника и вооружение / ЦНИИ информации и технико-экономических исследований. 1984. Вып. 1 (1).

³ Машина для транспортировки боеприпасов // Вертехник. 1984. № 4. С. 20–21.

⁴ Зарубежная военная техника: обзоры. Бронетанковая техника и вооружение / ЦНИИ информации и технико-экономических исследований. 1985. Вып. 1 (21).

⁵ Федоров В. снабжение обычными боеприпасами сухопутных войск США // Зарубежное военное обозрение. 1985. № 5. С. 35–37.

⁶ Тыловое обеспечение вооруженных сил США и перспективы его развития / 6 ЦНИИ. Вып. № 1261. М.: ГШ ВС СССР, 1986. 252 с.

⁷ Полевой устав сухопутных войск ВС США FM-100-10. Тыловое обеспечение боевых действий (март 1983). (Перевод). М.: ГШ ВС СССР, 1985. 244 с.

⁸ Павлов Б., Башилов В. Материальное обеспечение СВ США на ТВД // Тыл и снабжение Советских Вооруженных Сил. 1985. № 6. С. 66–69.

⁹ Устав Бундесвера FE 700/108: Основы боевого применения частей и подразделений родов войск сухопутных сил ФРГ. М.: ГШ ВС СССР, 1985. 318 с.; Устав сухопутных войск Великобритании «Бронетанковая дивизия в основных видах боя». М.: ГШ ВС СССР, 1985. 44 с.; Наставление объединенных вооруженных сил НАТО. АТР-35 (А). Основы боевого применения соединений и частей сухопутных войск стран НАТО. (Перевод). М.: ГШ ВС СССР, 1986. 230 с.

¹⁰ Полевой устав армии США. Ведение боевых действий (FM-100-5). (Перевод). М.: ГШ ВС СССР, 1973. 250 с.; Полевой устав FM 54-7. Тыл сухопутных войск США на театре военных действий. 1980 г. М.: ГШ ВС СССР, 1981. 112 с.;

Средства срочных доставок высокоточных и других боеприпасов в армиях США и НАТО

Полевой устав армии США (FM-100-5), 1982 г. (Перевод). М.: ГШ ВС СССР, 1983. 250 с.

¹¹ Устав сухопутных войск США: «Воздушные бои вертолетов». FM-107, 1984 г. (Перевод). М.: ГШ ВС СССР, 1986. 138 с.

¹² Устав сухопутных войск США FM1-100 «Боевые действия армейской авиации», 1984 г. (Перевод). М.: ГШ ВС СССР, 1986. 208 с.

¹³ Военно-промышленный курьер. № 3 (420). 25.01.2012.

О.Г. Ульянов (Москва)

**ОРУЖИЕ «МОСКОВСКОГО ДЕЛА»
В СОБЫТИЯХ РУССКО-ПОЛЬСКОЙ ВОЙНЫ
1654–1667 ГОДОВ (ПО ДАННЫМ ОПИСЕЙ
ГОСУДАРЕВОЙ ОРУЖЕЙНОЙ КАЗНЫ)**

О ПУСТОШИТЕЛЬНАЯ Тринадцатилетняя война между Польшей и Россией 1654–1667 гг. сыграла решающую роль в их многовековом противостоянии и во многом предопределила дальнейшее развитие двух государств, а также расстановку международных сил на европейской арене, в чем состоит ее общеевропейское значение. По мнению С.М. Соловьева, считавшего главной причиной войны борьбу между православием и католичеством, эта длительная русско-польская война была вполне сопоставима по важности причин и следствий со знаменитой Тридцатилетней войной, продолжавшейся до 1648 г., равно как и с религиозными войнами, потрясавшими Среднюю и Западную Европу в XVI и XVII вв.¹ Весной 1653 г. посольство гетмана Богдана Хмельницкого прибыло в Москву, чтобы подать ходатайство к русскому царю: *«Толькоб де царское величество изволил их принять вскоре и послал своих ратных людей, и он гетман, тотчас пошлет свои листы в Оршу, в Могилев и в иные города, к белорусским людям, которые живут за Литвою, что царское величество изволил их принять и ратных людей своих послал. И те де белорусские люди учнут с ляхи битца; а будет де их 200 000»*².

В октябре 1653 г. Земский собор принял решение удовлетворить просьбу Хмельницкого и объявил войну Речи Посполитой. На Украину было отправлено посольство во главе с боярином Бутурлиным. Рада в Переяславле 8 января 1654 г. высказалась за вхождение Украины в состав России. После Переяславской рады, когда

Богдан Хмельницкий принес присягу на верность Царю Алексею Михайловичу, русское правительство в чрезвычайно трудных внешнеполитических условиях стремилось обезопасить русские и украинские земли от польско-литовских притязаний. Закреплению Левобережной Украины в составе России способствовало проведение таких оборонительных мероприятий, как сооружение к 1653 г. Белгородской черты протяженностью 800 км³. 18 мая 1654 г. Государев полк под командованием Царя Алексея Михайловича выступил из Москвы, пройдя военным парадом с артиллерийским нарядом из Кремля, где Патриарх окропил всех русских ратников святой водой из окна дворцовой Столовой избы⁴.

Малоизученной темой в историографии русско-польской войны третьей четверти XVII в. является состав вооружения русского войска, который помогают во многом определить сохранившиеся архивные документы Оружейной палаты, служащие основными источниками для изучения оружия «московского дела». Непосредственная подготовка к польской кампании была начата 28 июня (по ст.ст.) 1653 г. с Государева смотра русскому войску на Девичьем поле в Москве⁵. Точная дата смотра приобретает большое значение в силу очевидной связи с ней царского указа «*О присылке в Оружейную палату из Разряда дьяка для переписи верхней оружейной палаты с оружьями и со всякими разными запасами*», датированного также 28 июня, но 1663 г.⁶ Скорее всего, имела место ошибка писца и читать следует не 1663, а 1653 год, в противном случае этот царский указ оказывается дублированным, т. к. в архивных материалах под 1663/1664 гг. проходит указ «*О присылке в Оружейную палату из дворян Григорья Ильина Мертвово за дьяка Никиту Юдина для переписи Оружейной казны*»⁷.

Сам факт переписи Государевой оружейной казны накануне польской войны вполне закономерен, и, наоборот, отсутствие такой переписи вызывало бы обоснованное недоумение. Иного же указа о ревизии Оружейной палаты не отмечено ни под 1653, ни под 1654 гг. Поскольку в указе от 28 июня сказано о присылке для переписи дьяка из Разряда, то следует полагать, что по каким-то неизвестным еще причинам дьяк Оружейного приказа Афанасий Копылов уже не вел делопроизводство по оружейной казне⁸. Кроме того, весьма характерно упоминание в указе 1653 г. именно «*верхней оружейной палаты с оружьями и со всякими разными запасами*» в свете предназначения Верхних новых палат Оружейного приказа,

построенных к 1647 г., как раз для хранения лучшего нового строевого вооружения (карабинов, пистолей, мушкетов, шпаг, албард, протазанов, лат, рукавиц и т. п.), о чем нам уже приходилось писать при анализе описи 1647 г.⁹

Если верна наша реконструкция документальной стороны подготовительного этапа к войне с Польшей, то во исполнение указа от 28 июня 1653 г. была составлена роспись «*походной оружейной казны царя Алексея Михайловича, бывшей с ним под Смоленском*» 1654 г.¹⁰ Последнюю можно с полным основанием рассматривать как промежуточную по отношению к более полной и подробной росписи 1657 г.

Вместе с тем роспись 1654 г. связана с целой группой архивных источников, широко освещающих подготовку Государевой оружейной казны, в т. ч. оружия «большого наряда», к специфическим полевым условиям пребывания в военном походе. Четкие описания предметов парадного вооружения с отличительными признаками, предоставляющие возможность отождествлять их с конкретными вещами из современного собрания Оружейной палаты, тем не менее, не стали пока объектом специального изучения.

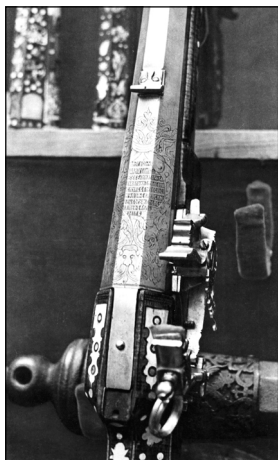

Рис. 1. Пищаль Царя Алексея Михайловича. Россия, Москва, Оружейная палата. 1654 г.

Рис. 2. Мастер – Григорий Вяткин. На казенной части надпись: «Лета 7162 (1654) года, месяца апреля 27, по указу Великаго Государя Царя и Великаго Князя всея Росии Самодержца, сделана сия пищаль в Оружейной Палате, делал М.Г.В.». Калибр – 18 мм. Длина ствола – 1110 мм. Вес – 11 720 г. ОП 6763

Заметим, что особой ценностью данной группы архивных документов составляет определенная новизна, которую они вносят в изложение событий начала русско-польской войны, казалось бы, широко известных в исторической науке.

Одно из самых ранних дел в этой группе посвящено возврату оружия, взятого из Оружейного приказа в Рейтарский, «для пешего учения»¹¹. Оно имеет непосредственное отношение к смотру рейтарскому и солдатскому учению, состоявшемуся 15 марта 1654 г. на Девичьем поле¹². С этим же событием связано дело «Об отнесе в верх (т. е. Верхнюю Оружейную палату. – О. У.) мушкетов, шпаг, лядунок солдатских»¹³. 27 апреля 1654 г., накануне выступления русского войска из Москвы, Григорием Вяткиным была закончена парадная пищаль (рис. 1–3) Царя Алексея Михайловича (ОП 6763). Вяткин впервые упоминается в 1643 г. в составе мастеров Оружейной палаты, где приобрел известность как «*Ружейные палаты санапальный мастер*»¹⁴. В Смоленском походе «Григорей Вяткин с товарищи» сопровождал Государеву оружейную казну¹⁵, что входило в профессиональные обязанности мастеров Оружейной палаты (см. ниже).

Равно как и в перечневой росписи оружейной казны 1647 г., весь комплекс архивных источников, посвященных требованию учета значительной части Государевой казны в военном походе 1654–1656 гг., можно сгруппировать по двум разделам, в одном

Рис. 3. Пищаль Царя Алексея Михайловича. Россия, Москва, Оружейная палата. 1654 г. Мастер – Тимофей Вяткин. Замок мастера Андропова (?)

из которых фигурирует, как правило, оружие «большого наряда», а в другом указано преимущественно строевое вооружение. В первом разделе упоминается оснащение перед выступлением на войну «атласом червчатым» Государевой Ерихонской шапки – как был записан знаменитый шлем Царя Михаила Федоровича 1621 г. – сделанной для него прославленным кремлевским оружейником Никитой Давыдовым (ОП 4411) ¹⁶.

**Рис. 4. Зеркала Царя
Михаила Федоровича.**

Россия, Москва,

Оружейная палата. 1616 г. Бронный мастер – Дмитрий Коновалов, травщик – Андрей Тирманов. По окружности гербовых щитов на центральной доске нагрудника насечен золотом титул царский: «Божиею милостию, Великий Государь Царь и Великий Князь Михаил Федорович, всея России Самодержец, Владимирский, Московский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский, Государь Псковский и Великий Князь Смоленский и Тверской, Югорский, Пермский, Вяцкий, Болгарский». На центральной доске спины: «И иных Государь и Великий Князь Новгорода, Низовские земли, Черниговский, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Лифляндский, Удорский, Обдорский, Кондийский и всея Сибирские земли и Северные страны Повелитель и Государь и всея Пермские земли, Карталинских и Грузинских, Царь Кабардинские земли, Черкесских и Горских Князь и иных многих государств Обладатель». На парных полосках, разбивающих круг на 4 части, насечена надпись: «Повелением Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Федоровича всея Руси, сделаны сии зеркала в четвертое лето государства его, по приказу крайчего Михаила Михайловича Салтыкова делал мастер Коновалов, а вытравливал и золотил немчин Андрей Тирман, лета 7124 (1616), июля в 29-й день». Вес – 11 077 г. ОП 4570

Накануне литовского похода завершена была отделка алым китайским атласом, стеганным на вате, Государевых зеркал, в подробном описании которых нетрудно узнать парадные зеркала Царя Михаила Федоровича 1616 г. (рис. 4–5) работы московского бронного мастера Дмитрия Коновалова и иноземца травщика Андрея Тирманова (ОП 4570)¹⁷. Под первым номером в состав «походной оружейной казны» Царя Алексея Михайловича в 1654 г. был включен саадак (колчан и налуч) «большого наряда» (рис. 6) Царя Михаила Федоровича 1627–1628 гг. (ОР-144). Помимо этого, были изготовлены суконные

чехлы на другие предметы, относившиеся непосредственно к вооружению Царя и его свиты, как то: «Государевы саадаки, луки, сабли, тищали, шапки и всякая сбруя» (рис. 7)¹⁸. Причем отдельной статьей проходит подготовка Государевой оружейной казны к транспортировке, для которой используются специальные сундуки¹⁹.

Нужно подчеркнуть, что старинное оборонительное вооружение (шеломы и мисюрки, кольчуги и бахтерцы, наручи и наколенники) было также свезено в Москву из монастырских оружейных хранилищ на время Государева похода, а затем возвращено обратно²⁰. Вместе с царским оружием «большого наряда» парадные доспехи дворянской конницы, выступившей в Государев Смоленский поход 1654 г., словно воскрешали древний вид русского войска времен Куликовской битвы св. блгв. вел. кн. Дмитрия Донского и в Казанском походе Царя Ивана Грозного.

Источники второго раздела раскрывают механизм снаряжения в боевой поход строевого вооружения, в числе которого значатся

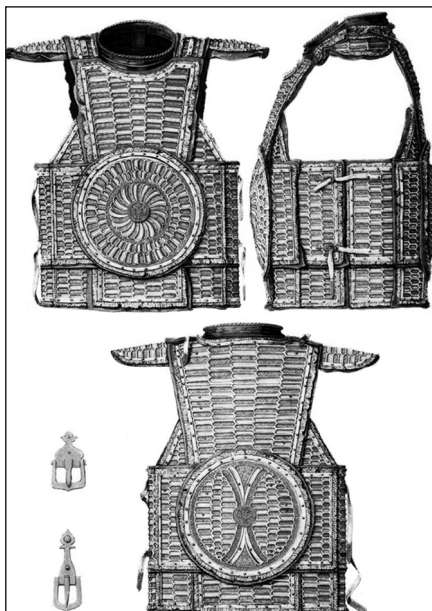

Рис. 5. Зеркала Царя Михаила Федоровича. Россия, Москва, Оружейная палата. 1616 г. Прорись

Рис. 6. Саадак (колчана и налуч) «большого наряда».
Россия, Москва, Серебряный приказ, 1627–1628 гг.
 Длина налуча – 78,4 см, длина колчана – 47,5 см. ОР-144

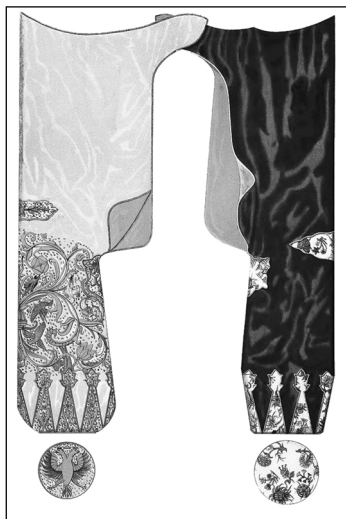

Рис. 7. Чехлы («тохту») для саадаков «большого наряда»

протазаны, алебарды, рогатины, куюки и другое *«расхожее ружье и ратная зброя»*²¹. Особый интерес вызывает дело *«О присылке из Монастырского приказу подвод под Государеву Оружейную пороховую казну в поход»*, причем в качестве сопровождающего эту казну указан мастер Оружейного приказа Ермолай Федоров²².

О том что к войне с Польшей Россия готовилась заранее, свидетельствует не только указ о росписи оружейной казны от 28 июня 1653 г., но и увеличение производства огнестрельного оружия, заказ на которое поступил загодя в Приказ ствольного дела. Подтверждением этому служит столбец 1654/1655 гг. *«О присылке в Оружейный приказ пищалей, которые деланы в Приказе ствольного дела»*²³. Часть строевого оружия, предназначенного для войска, была передана на укрепление обороноспособности некоторых монастырских крепостей, как, например, 50 мушкетов *«с русскими замками»*, присланные из Приказа ствольного дела в Оружейный приказ и отданные после оприходования в Ставров монастырь²⁴.

С той же целью расширения оружейного дела, как по части изготовления строевого оружия, так и парадного, в Оружейный приказ «для Государева скорого дела, на время» были переданы мастеровые из других приказов (Пушкарского, Стрельцкого, Конюшенного), среди которых заслуживает внимания «Максимов ученик Лучанинов» Яков Иванов в силу его принадлежности к школе московских оружейников Лучениновых²⁵. Яков Иванов был прислан «для протазанного и мечья дела», в каком-то значилось 60 протазанов и 10 мечей. Судя по описанию материала, отпущенного на их отделку («атлас и шелк на кисти», «золото к орловому делу и бархату красного»), все это оружие должно было носить парадный характер, в пользу чего говорит участие мастера Серебряной палаты Семена Ярославца в золочении 10 крыжей и наконечников²⁶. Тотчас же по завершении художественного убранства данное оружие было переслано в Государев поход под Смоленск, где Царь Алексей Михайлович расположил свою ставку 28 июня 1654 г.²⁷ Документы показывают, что вскоре для Государевой оружейной казны были сделаны московскими оружейниками еще 20 позолоченных протазанов (рис. 8), потребовавшихся при взятии Динабурга 31 июля 1656 г.²⁸

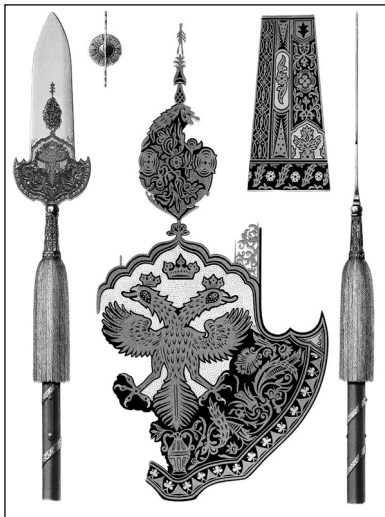

Рис. 8. Протазан. Россия, Москва, Оружейная палата. Сер. XVII в. Деталь

Большая часть парадного вооружения, как прежнего, так и вновь поступившего, нашла отражение в «Ростиси оружейной казны царя Алексея Михайловича, отпущенной из Оружейного приказа в Поход и после Похода принятой обратно» 1657 г.²⁹ К этому времени руководство Оружейным и Ствольным приказами и Золотой и Серебряной палатами перешло от Григория Гавриловича Пушкина (Косого), отошедшего от дворцовых дел в июле 1654 г., незадолго до своей кончины в 1656 г.³⁰, к ближнему боярину, окольничему и оружейничему Богдану (Иову) Матвеевичу Хитрово (Хитрому),

о чем «заведывании в Оружейном приказе» уведомила особая память, присланная в Оружейный приказ в 1655 г.³¹ Одним из первых поручений новому оружейничему Б.М. Хитрово был надзор за изготовлением вышеназванных «позолоченных протазанов со всем к ним прибором и 10 мечей»³².

Фактически роспись Государевой оружейной казны 1657 г. вкупе с описью 1655 г. была приурочена, как и большинство предыдущих, к смене оружейничих, которая произошла в начальный период русско-польской войны во время пребывания Царя Алексея Михайловича в повторном военном походе под Смоленск, где зимой 1654/1655 гг. был оставлен воеводствовать именно боярин Г.Г. Пушкин, носивший дотоле чин оружейничего³³. К росписи 1657 г. тяготеет опись «Прихода и расхода походной Оружейной казны в 164 и 165 гг.» (1656 и 1657 гг. соответственно)³⁴. Судя по обозначенному в описи прихода и расхода походной казны хронологическому периоду, роспись 1657 г. зафиксировала состав Государевой оружейной казны, с которой Царь Алексей Михайлович 15 мая (по ст.ст.) 1656 г. выступил из Москвы в поход на войну против Швеции, одновременно выпавшую на долю России в 1656–1658 гг.³⁵

Роспись 1657 г., занимающая свыше 100 листов, обнаруживает гораздо большее сходство со Списком оружейной казны Царя Михаила Федоровича 1639 г., нежели с перечневой росписью 1647 г., хотя последняя, казалось бы, ближе другой отстояла по времени. Дело в том, что, как и список 1639 г., роспись 1657 г. зафиксировала исключительно парадное оружие, входившее в состав собственного вооружения Царя и сопровождающих его в походах рынд³⁶. В силу этого на первое место в данных описях вынесены типы оружия, традиционно служившие атрибутами светской власти, такие как булава, пернат и чекан, и тем самым как бы был подчеркнут их приоритет. В то же время в перечневой росписи 1647 г., охватывавшей не только парадное оружие, но и строевое, пальма первенства отдана саблям (рис. 9), с описания которых начинаются и тот и другой разделы, что уже было нами ранее отмечено.

Разница в подходах сказалась не только на структуре сравниваемых описей, но и на пространности характеристик вещей из числа Государева вооружения. В отличие от перечневой росписи 1647 г., где большинство предметов охарактеризованы суммарно посредством группирования их по типам, описание в росписи 1657 г., как и в списке 1639 г., строится попредметно с выделением отличительных

Рис. 9. Сабля «большого наряда». Россия, Москва, Оружейная палата, первая половина XVII в., клинок – Турция, 1624 г. Длина общая – 105,5 см. ОР-137

признаков каждой вещи, позволяющих привести идентификацию в современном собрании Оружейной палаты. Сравнительный анализ описи 1639 г. и росписи походной оружейной казны 1657 г. помогает, кроме всего прочего, установить относительную хронологию целого ряда памятников, появившихся в составе Государевой казны за период между составлением этих описей, причем для некоторых предметов указаны даже имена оружейных мастеров. Обращает на себя внимание, что в каждой из названных описей, равно как и в последующих, имена мастеров приведены лишь для парадного оружия, выполненного незадолго до составления той или иной описи, и, как правило, в более поздних документах уже опущены; исключение составляют лишь признанные за «образцовые» изделия наиболее прославленных оружейников³⁷.

В этой связи необходимо указать на прослеживающуюся по описям **тенденцию к сохранению стабильного ядра оружейной казны по каждому из типов оружия**, причем более поздние предметы подчас располагались перед этим «ядром», если они обладали более высоким достоинством, поскольку при описи все парадное оружие сортировалось по ранжиру. В результате со второй половины XVII в. в делопроизводстве Оружейной палаты стала преобладать сквозная нумерация с обязательной ссылкой на предшествующие описи.

Несмотря на явную ориентацию на список оружейной казны 1639 г., походной росписи 1657 г. присущи некоторые особенности, сближающие ее с перечневой росписью 1647 г. В частности, в ней нашли упоминание инструментарий и сырье, предназначенные для оружейного дела, а именно: булат в *«крицах половинчатых да прутах»*, *«три сажени клепаново железа кованово»*, *«связи уклада серпуховского»*, *«двои клещи и мехи дутьи»*³⁸. Безусловно, воинское оружие, пусть даже сугубо парадного назначения, нуждалось в своевременном ремонте и в полевых условиях военного похода,

в целях чего отряжались в качестве сопровождающих походную оружейную казну мастера Оружейного приказа. **Они входили полноправными участниками в состав русского войска как «рабочие» и «мастеровые»**, однако факт их присутствия был проигнорирован большей частью историков русской армии, так что едва ли не впервые нам приходится поднимать этот весьма интересный вопрос. Пока же укажем в качестве примера на поход Царя Алексея Михайловича 1657 г. в Троице-Сергиев монастырь, для которого были выделены из Конюшенного приказа 4 лошади *«под мастеровых людей»*, сопровождавших Государеву походную оружейную казну, в которой числились сабли булатные в специальных *«суконных сорочках»*, а также карабины и пистолы ³⁹.

Одно из отличий походной росписи 1657 г. составляют пометы *«в поход»* на полях против отдельных предметов вооружения (преимущественно сабель и рогатин), что свидетельствует в пользу неоднократного использования данной описи. Кроме того, роспись 1657 г. заканчивается главой под названием *«В запас оттущено»*, где отдельной статьёй проходит огнестрельное оружие *«нового дела»*. Упоминание в росписи 1657 г. в ряду прочего парадного оружия булатной сабли (ОП 5933) и палаша, преподнесенных Царю Алексею Михайловичу в Могилевском походе в августе 1654 г., позволяет связать составление самой росписи непосредственно с Рижским походом 1656–1657 гг. Вероятно, в число участников росписи входил подъячий Илья Хлебников, как можно судить на основании архивного дела 1658 г. о проведении осмотра Государевой казны после его смерти ⁴⁰.

Другие близкие по времени росписи походной оружейной казны 1658 и 1660 гг. гораздо менее информативны, но все же проливают свет на бытование целого ряда предметов парадного вооружения, сообщая дополнительные сведения об их ремонте (*«починке»*), изготовлении для них специальных футляров (*«влагалниц»*) и даже *«10 сундуков липовых с оковкой на Государеву оружейную збрую»*⁴¹. При идентификации изделий кремлевских оружейников в современном собрании Оружейной палаты такие сведения способны играть немаловажную роль, т. к., несмотря на достаточно бережное отношение к оружию из Государевой казны, некоторая часть его была подвержена тем или иным изменениям и утратила свой первоначальный облик, зафиксированный в более ранних описях.

По всей видимости, с росписью походной оружейной казны 1657 г. была непосредственно связана Роспись «*оружейной казны, которая была в походе под Смоленском и под Ригой*» 1662 г.⁴² Она сохранилась лишь фрагментарно на 24 листах, значительно уступая росписи 1657 г. по информативной ценности. Совершенно иное положение в истории делопроизводства Оружейной палаты занимает «*Роспись оружия и знамен, которое было выдано из Оружейного Приказа для Государева смотра 27 января и после его встреча 7 февраля*» 1664 г.⁴³ Эта роспись, насчитывающая 156 листов, по своему составу и структуре восходит к перечневой росписи 1647 г., что можно объяснить их сходным назначением и основными объектами списания. Составителей росписи 1664 г. называет дело «*о присылке в Оружейную палату из дворян Григорья Ильина Мертвова да дьяка Никиту Юдина для переписи оружейной казны*», кроме того, факт участия последнего подтверждает указ «*О пожаловании Оружейной Палаты дьяка Никиту Юдина за переписку ружейной казны*»⁴⁴.

Во время царского смотра ратных людей Государева двора в с. Семеновском и на Девичьем поле зимой 1663/1664 гг. шествие возглавили «*Оружейного приказу дьяк пеш, и около ево 4 человека с бердыши, а за ними 1 рота Оружейного приказу мастеровых всяких людей с ружьем и с знаменем и с барабаном стрелецким строем, а за нею везли пушки, а потом таким же строем другая рота*»⁴⁵. Как видим, мастера Оружейной палаты действительно рассматривались как служилые люди и составляли отдельную воинскую часть, поскольку прочно спаянная структура дворцовых оружейников была всецело ориентирована на военный уклад. На Руси, как нами было отмечено, оружейные мастера отряжались, помимо прочего, в армию для сопровождения Государевой походной оружейной казны, как правило, в количестве 4 человек. При этом каждому из них выдавалась «*лошадь под седло*», а на случай срочного ремонта высылались необходимые материалы, как, например, во время Смоленского похода были предоставлены в 1654 г. «*литра золота и литра серебра на всякие Государевы оружейные дела*»⁴⁶. Сходная воинская организация оружейников, подчиненных дворцовому ведомству, наблюдалась в Турции XVII в., где такие оружейники (джебеджи) входили в состав янычарского корпуса⁴⁷.

Бежавший в 1664 г. в Швецию подьячий Посольского приказа Г.К. Котошихин весьма осведомленно охарактеризовал шведскому

канцлеру ведомство Оружейного приказа, которому подчинялся не просто «цейхгауз», а «двор, где делают ружья» (имеется в виду Ствольный приказ на Бархатном дворе, учрежденный в 1647 г.); кроме того, ведению Оружейного приказа подлежала «казенная **Оружничья палата** и ствольного, и ложного, и замочного и иного дела **мастеры**»⁴⁸. Стоит сравнить эту характеристику с регламентацией полномочий оружейничего в январе 1537 г. при назначении Ф.И. Карпова, которому «**приказано ведати доспех и мастера**»⁴⁹. Согласно обнаруженной нами «*Ростиси Оружейной палаты мастеровых людей разных дел русских и иноземцев с денежными оклады*» 1663 г., численность дворцовых оружейников составляла к этому времени 108 человек⁵⁰.

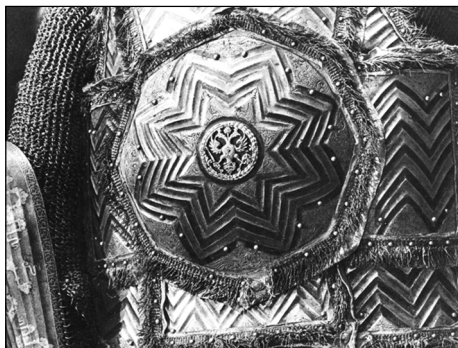

Рис. 10. Зеркала Царя Алексея Михайловича. Россия, Москва, Оружейная палата. 1663 г. Мастер – Никита Давыдов. Вес – 12 300 г. ОП 4571

Приведенные сведения ясно обнаруживают производственный характер Оружейной палаты в Московском Кремле, тем более что сам Г.К. Котошихин особо подчеркнул, что «Оружейной» приказ входил в число приказов, что «**устроены на царском дворе**», а «**доставленные все приказы устроены от царского двора поодаль, на площади за церквами**»⁵¹. Помимо топографии Государевых оружейных мастерских, Котошихин предоставил Швеции важную информацию об их деятельности: «...а емлют к тому делу мастеров на Москве и из городов и из монастырей, кузнецов и всяких того дела промышленных людей ... А уезде на то дело, и на Денежной и на Кормовой дворы, емлют Московского уезду»⁵².

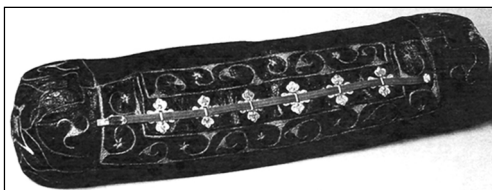
Проведение переписи строевого вооружения и «ратной збруи» (рис. 10) в Государевой казне, равно как и смотр русского войска, вероятно, были продиктованы обострением войны с Польшей и угрозой продвижения неприятеля на восточный берег Днепра в конце 1663 г.⁵³ Для отражения наступления коронной польской

Приведенные сведения ясно обнаруживают производственный характер Оружейной палаты в Московском Кремле, тем более что сам Г.К. Котошихин особо подчеркнул, что «Оружейной» приказ входил в число приказов, что «**устроены на царском дворе**», а «**доставленные все приказы устроены от царского двора поодаль, на площади за церквами**»⁵¹. Помимо топографии Государевых оружейных мастерских, Котошихин пре-

армии во главе с королем Яном-Казимиром, который планировал вместе с казаками правобережного гетмана Павла Тетери и крымскими татарами захватить восточные земли Украины, а затем наступать на Москву, правительству Алексея Михайловича пришлось мобилизовать войска, распущенные на зиму по домам. Именно поэтому и была проведена экстренная сверка оружия в кремлевских хранилищах.

Примерно в одно время с переписью Государевой оружейной казны в Москве проходил учет оружия в другом крупнейшем арсенале – оружейной палате Кирилло-Белозерского монастыря. Опись этой палаты 1668 г., где зафиксировано около 8500 предметов вооружения, была впервые издана на серьезном научном уровне П.И. Савваитовым, внесшим должную лепту в изучение русского оружия позднего средневековья⁵⁴. Как в ходе подготовки к войне с Польшей в 1654 г., так и на ее завершающем этапе в 1667 г. не ослабевал контроль за укреплением обороноспособности важнейших монастырских крепостей на севере России перед угрозами со стороны Швеции.

В 60–70 гг. XVII в., по окончании русско-польской войны, тотальных переписей Государевой оружейной казны, подобных росписи 1664 г., уже больше не производилось, а все проходящие по делопроизводству Оружейной палаты

**Рис. 11. Походный чеходанец
Царя Алексея Михайловича.
Кожа, серебро, шитье, золочение,
резьба, чернь. Длина общая – 58 см**

описи были связаны с выдачей в поход собственной оружейной казны Государя или царевичей (рис. 11). Среди них следует назвать «Роспись оружейной походной казны Великого Государя царевича Алексея Алексеевича, которая была отпущена из Оружейной палаты в поход в село Преображенское» 1666 г., «Роспись оружейной казны царевича Алексея Алексеевича, отпущенной в поход в село Покровское» 1667 г., «Роспись разной оружейной брони, отпущенной за Великим Государем Алексеем Михайловичем в Троицкий поход» 1670 г. и, наконец, «Роспись Государевой царской оружейной казны походной в Троицкий поход» 1678 г. на 8 листах⁵⁵.

Война России с Польшей положила конец их вековому противоборству, ибо выявила ощутимый военный потенциал и значительный перевес России. Андрусовское перемирие («докончание») 1667 г.⁵⁶, закрепившее переход Смоленска и Левобережной Украины к Русскому государству, послужило основанием для дальнейших внешнеполитических успехов России. Известный историк С.М. Соловьев даже придавал Андрусовскому перемирию по окончании русско-польской войны 1654–1667 гг. значение некоего водораздела, рассматривая его как одну из граней между древней и новой Россией, после которого Россия перестала, по его мнению, постоянно опасаться нападения со стороны Польши⁵⁷.

© Ульянов О.Г., 2012

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. VI. Т. 11. М., 1991. С. 179; См. также о ней: Мальцев А.Н. Первый этап русско-польской войны за освобождение Украины и Белоруссии (1654–1656) // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 469–551; История дипломатии. М., 1959. С. 291–318; Мальцев А.Н. Россия и Белоруссия в середине XVII в. М., 1974; Саганович Г. Невядомая война 1654–1667 гг. Минск, 1995; Малов А.В. Русско-польская война 1654–1667 гг. М., 2006.

² Мальцев А.Н. Россия и Белоруссия в середине XVII в. С. 21–22.

³ Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 277–289.

⁴ Накануне Государева похода 1654 г. Богдан Хмельницкий прислал Царю Алексею Михайловичу польское знамя в сопровождении нескольких пар барабанов с польскими военными музыкантами, захваченными им в плен (Реляция о военном походе его царского величества Алексея Михайловича в Литву против Польского короля Яна Казимира, 1654 г. (Пер. с польск.) // Витебская старина. Т. 4. Отд. 2. Витебск, 1885. С. 347–352); См. также: Курбатов А.А., Курбатов О.А. Инженерно-артиллерийское обеспечение Смоленского и Рижского государевых походов 1654 – 1656 гг. // Военно-исторический журнал. № 8. 2008. С. 29–34.

⁵ Дворцовые разряды. Т. III. СПб., 1852. Стб. 356–357.

⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. VII. Ед. хр. 8672.

⁷ Там же. Ед. хр. 8829.

⁸ В немалой степени преемственность делопроизводства по оружейной казне обязана стабильному контролю А. Копылова, чье имя как дьяка Оружейного приказа встречается еще в документах 1653 г. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. V. Ед. хр. 5197, 5250). Умер в Москве в конце 1684 г. См. о нем подробнее: Ульянов О.Г. Оружейная школа Москвы в первой половине XVII в. (по данным Описей 1639, 1646 и 1647 годов) // Война и оружие. Материалы Второй Международной научно-практической конференции. Ч. 2. СПб., 2011. С. 443–447, 451, 453.

- ⁹ Ульянов О.Г. Ор. cit. С. 451–452.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп.1. Ч. V. Ед. хр. 5692.
- ¹¹ Там же. Ч. IV. Ед. хр. 4992.
- ¹² Дворцовые разряды. Т. III. Стб. 356–357, 377–378; ПСЗ. Собр. 1. Т. I. № 99. С. 290–291; См. также: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. V. Т. 10. С. 597.
- ¹³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. IV. Ед. хр. 5006.
- ¹⁴ Там же. Ф. 396. Оп. 1. Ед. хр. 4044. Л. 9–12.
- ¹⁵ Там же. Ед. хр. 7274. Л. 2.
- ¹⁶ Ульянов О.Г. Ор. cit. С. 446–447, ил.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. V. Ед. хр. 5183, 5200, 5210, 5216, 5217, 5234, 5237.
- ¹⁸ Там же. Ед. хр. 5220, 5241.
- ¹⁹ Там же. Ед. хр. 5245.
- ²⁰ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии Наук. СПб., 1836. Т. IV. С. 103.
- ²¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. V. Ед. хр. 5244, 5264, 5315, 5331, 5491, 5630.
- ²² Там же. Ед. хр. 5646, 5648.
- ²³ Там же. Ед. хр. 5730.
- ²⁴ Там же. Ед. хр. 5739.
- ²⁵ Ульянов О.Г. Ор. cit. С. 444, ил.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. V. Ед. хр. 5668, 5671, 5676, 5682, 5727.
- ²⁷ Орловский И.И. Смоленский поход царя Алексея Михайловича в 1654 году. Смоленск, 1905. С. 6–8.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. V. Ед. хр. 5661; РГАДА. Ф. 27. Приказ тайных дел. Д. 86. Ч. 3. Л. 89–104; Письма русских государей и других особ царского семейства. Вып. V. Письма царя Алексея Михайловича. М., 1896. С. 61–63; Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. Т. II. М., 1861. С. 592–593; См. также: Соловьев С.М. Ор. cit. Кн. V. Т. 10. С. 633.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. V. Ед. хр. 5835.
- ³⁰ Яковлев Л.П. История Московской Оружейной палаты с ее основания до нашего времени (рукопись). Ок. 1863 г. Ч. 1 (до начала XVIII в.) // АМК. Ф. 1. Д. 73. Л. 27; См. о нем также: Ульянов О.Г. Ор. cit. С. 445.
- ³¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. V. Ед. хр. 5742.
- ³² Там же. Ед. хр. 5831.
- ³³ Там же. Ф. 27. Приказ тайных дел. Д. 86. Ч. 2. Л. 34–40; Д. 100. Л. 8, 10–11, 17–19, 22–23; Д. 100 bis. Л. 6; Записки отделения русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества. Т. II. С. 719–720, 722–728, 733; См. также: Соловьев С.М. Ор. cit. Кн. V. Т. 10. С. 616–617.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. V. Ед. хр. 5836.
- ³⁵ Там же. Ф. 27. Приказ тайных дел. Д. 86. Ч. 3. Л. 47–54; Д. 91. Л. 65–65а; Д. 140. Л. 60–61; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. V. Т. 10. М., 1990. С. 632; См. также: Курбатов О.А. Русско-шведская война 1656–1658 гг.: проблемы критики военно-исторических источников // Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное наследие. М., 2002. С. 150–166.
- ³⁶ О рындах см.: Ульянов О.Г. Институт оружейничих и развитие московской оружейной школы в XVI веке // Война и оружие. Материалы Международной научно-практической конференции. Ч. 2. СПб., 2010. С. 353–354.

- ³⁷ Ульянов О.Г. К проблеме работы «по образцу» в московской школе художественного оружия XVI–XVII вв. // Советская археология. № 4. М., 1990. С. 92–105.
- ³⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп.1. Ч. V. Ед. хр. 5835. Л. 38.
- ³⁹ Там же. Ед. хр. 5854, 5855, 6164; Ч. VI. Ед. хр. 7077.
- ⁴⁰ Там же. Ч. V. Ед. хр. 6111.
- ⁴¹ Там же. Ед. хр. 6001, 6164; Ч. VI. Ед. хр. 7070; Ч. VII. Ед. хр. 7767, 7814.
- ⁴² Там же. Ед. хр. 8156.
- ⁴³ Там же. Ед. хр. 8901.
- ⁴⁴ Там же. Ед. хр. 8829, 9162.
- ⁴⁵ Забелин И.Е. Материалы по истории, археологии и статистике города Москвы. Ч. 2. М., 1891. С. 1231.
- ⁴⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. V. Ед. хр. 5265; Ч. VII. Ед. хр. 8767, 9060.
- ⁴⁷ Миллер Ю.А. Художественное производство холодного оружия в Турции в XVI–XVII вв. (по материалам ГЭ). Автореф. канд. дис. Л., 1953. С. 9–10.
- ⁴⁸ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича // История Отечества. Век XVII. М., 1983. С. 497).
- ⁴⁹ Ульянов О.Г. Институт оружейничих и развитие московской оружейной школы в XVI веке // С. 357.
- ⁵⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. VII. Ед. хр. 8490. Л. 1–16.
- ⁵¹ Котошихин Г.К. Ор. cit. С. 504.
- ⁵² Ibid. С. 497.
- ⁵³ РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. 1663 г. Оп. 1. Д. 4, 5, 8, 9; Памятники, изданные Временной комиссией для разбора древних актов. Т. IV. Отд. 3. Киев, 1852. С. 194–205; См. также: Соловьев С.М. Ор. cit. Кн. VI. Т. 11. С. 121.
- ⁵⁴ Савваитов П.И. Оружейная палата Кирилло-Белозерского монастыря // ЗОРСА РАО. Т. I. Отд. II. С. 5–45.
- ⁵⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. VIII. Ед. хр. 10499, 10905, 10981; Ч. IX. Ед. хр. 13019; Ч. XII. Ед. хр. 17505.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 79. Сношения России с Польшей. 1667 г. Оп. 1. Кн. 114, 115. Д. 8, 11–13, 15, 23, 25, 26.
- ⁵⁷ Соловьев С.М. Ор. cit. Кн. VI. Т. 11. С. 181; См. также: Галактионов И.В. Из истории русско-польского сближения в 50–60-х годах XVII в. (Андрусовское перемирие 1667 г.). Саратов, 1960.

С.В. Филатов (Санкт-Петербург)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АДМИРАЛА ФЛОТА СССР Н.Г. КУЗНЕЦОВА ПО УКРЕПЛЕНИЮ УПРАВЛЕНИЯ ФЛОТОМ В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД

С ВСТУПЛЕНИЕМ в должность нового наркома Н.Г. Кузнецова начался новый этап в развитии ВМФ СССР. Организационная структура центрального аппарата в наркомате теперь имела три основных органа: оперативный, боевой подготовки и разведки. Несмотря на полемику в правительстве, ее все же приняли. 1 сентября 1939 г. был принят закон «О всеобщей воинской обязанности». На флоте появились сверхсрочнослужащие, а для личного состава срочной службы на кораблях установили пятилетний срок.

В 1939 г. по указанию ЦК ВКП (б) комсомол мобилизовал по спецнабору и направил на флот 20 тысяч своих членов. В ходе первой очереди спецнабора из 8000 членов ВЛКСМ 2850 были назначены на должности командно-начальствующего состава, 1875 пополнили военно-морские учебные заведения, из них 75 (студенты вузов) направлены на учебу в Военно-морскую академию им. К.Е. Ворошилова ¹.

Заместителем наркома стал бывший командующий Балтийским флотом Г.И. Левченко, а его должность занял В.Ф. Трибуц, до этого возглавлявший штаб КБФ.

10 июня 1939 г. Комитет обороны при СНК СССР своим постановлением № 148 разрешил наркому ВМФ создать Военно-морскую технику академию.

22 июня 1939 г. нарком ВМФ подписал приказ № 301 о создании училища на базе Ленинградского института инженеров промышленного строительства, готовившего кадры для постройки

военно-морских баз, различных флотских объектов необоронительного характера и возведения береговых фортификационных сооружений. В том же году день 24 июля был объявлен Днем Военно-Морского Флота СССР. Летом 1939 г. прошли тактические учения на Балтике. Они выявили, что советский флот плохо защищен. Нарком ВМФ провозгласил лозунг борьбы «за первый залп». И теперь готовность корабля дать первый залп раньше противника отработывалась во всех соединениях флотов. В 1939 г. особенное внимание уделялось укреплению побережья страны. Комитет обороны при СНК СССР принял постановления об усилении обороны северного побережья страны и об усилении Тихоокеанского флота. А в июле 1939 г. была сформирована специальная отдельная бригада, которая в мае 1940 г. была переименована в 1-ю бригаду морской пехоты. Она и стала первой частью этого рода войск в ВМФ². Тогда же было создано Управление авиации ВМФ и выведено из подчинения Наркомата обороны.

В августе 1939 г. Н.Г. Кузнецов представил правительству переработанный план строительства флота и постройки двух авианосцев для Тихоокеанского и Северного флотов, а также информацию о состоянии флотов вероятного противника на Западе и Востоке³. 1 сентября 1939 г. Германия напала на Польшу, началась Вторая мировая война. В сентябре 1939 г. в Финском заливе появились «неизвестные» подводные лодки. Ими были потоплены советские пароходы «Металлист» и «Пионер» (уклоняясь от торпед, выбросился на камни).

В октябре 1939 г. нарком ВМФ издал приказ, согласно которому вводился новый Корабельный устав Военно-Морского Флота. Он заменил собой устав, принятый еще в 1932 г.

Главный морской штаб разработал новую «Инструкцию по оперативным готовностям» флотов. Она разъясняла, что система оперативных готовностей нужна, чтобы не допустить неожиданного нападения противника на советское побережье и базы. Для этого из состава флота (флотилии) выделялись боевое ядро и дежурные корабли и части. Боевое ядро (специально назначенные корабли, самолеты, артиллерийские части) предназначалось для отражения внезапного нападения противника. Дежурные корабли и части вместе с дозором и разведкой должны были контролировать обстановку на театре военных действий, не допускать приближения

противника, а при необходимости сковывать его боем, прикрывая развёртывание основных сил флота.

А при оперативной готовности № 1, означавшей наивысшую степень готовности к началу боевых действий, предусматривалось проведение дополнительных мероприятий: затемнение баз, ужесточение режима плавания гражданских судов, закрытие бонами входов в порты и др. Внедрение «Инструкции по оперативным готовностям» проходило на флотах успешно и вовремя.

В это время проходили советско-финляндские переговоры, направленные на урегулирование отношений между странами, результатов они не дали. 19 ноября Кузнецов подписал директиву № 123/98, где поставил задачи флотам по боевой подготовке на 1940 г. и требовал, чтобы боевая подготовка стала «одной из главных сторон всей жизни флота», она должна была «занять первое место во всей системе партийно-политической работы»⁴.

30 ноября 1939 г. начался советско-финляндский конфликт. С началом боевых действий была создана Ставка Военного совета в составе Сталина, Ворошилова, Шапошникова и Кузнецова. Николай Герасимович участвовал на заседаниях только при решении морских вопросов⁵.

Во время советско-финляндского конфликта 3 ноября нарком ВМФ поставил перед БФ следующие задачи: «...прикрытие своих сил от возможного нападения шведского флота, поиск и уничтожение финских броненосцев береговой обороны, блокирование побережья противника, захват островов...; высадка оперативного и тактического десантов; оказание огневой поддержки войскам Красной Армии»⁶. Несмотря на войну, суда других стран приходили в финские порты балтийского побережья. Появилась необходимость обеспечить беспрепятственное и безопасное прохождение американских транспортов в Финляндию. С целью решения этой проблемы нарком ВМФ принимал американского посла Штейнгарта и консультировался с советским послом в США К.А. Уманским. Решение было найдено, безопасность иностранных транспортов обеспечена.

Боевые действия, которые вел Балтийский флот, из-за отсутствия достаточного опыта не всегда были эффективными. 12 марта 1940 г. СССР и Финляндия заключили мирный договор. Итоги войны рассматривались на заседании военных руководителей. Особые претензии нарком ВМФ предъявил командирам кораблей, частей и соединений за их неготовность к совместным действиям

в составе групп разнородных сил. В конце 1939 г. Кузнецов обратился с письмом в ЦК ВКП (б): «Для обеспечения подбора наилучших кадров, проверенных молодых рабочих (строителей, чернорабочих, слесарей, механиков, плотников и т. д.) просим дать указание ЦК ВЛКСМ о взятии шефства комсомола над строительством военно-морских баз»⁷. И в 1939–1940 гг. ЦК ВЛКСМ направил на сооружение военных объектов флота свыше 19 тысяч молодых строителей.

10 апреля 1940 г. нарком подписал приказ об объединении шифровальной службы со службой наблюдения и связи ВМФ. Шифровальные органы теперь именовались органами скрытой связи. Начальник 6-го отдела ГМШ стал помощником начальника связи ВМФ по скрытой связи. Н.Г. Кузнецов взял на себя ответственность за объединение на флоте службы связи с шифрослужбой, что вице-адмирал в отставке Г.Г. Толстолуцкий назвал «решением потрясающей силы»⁸. С 1940 г. Н.Г. Кузнецов стал больше внимания уделять оперативно-тактической подготовке командиров кораблей и соединений. По его указанию, эти знания стали проверяться не только во время занятий и оперативных игр, но и на практических учениях в море.

Весной 1940 г. нарком осмотрел полуостров Ханко, который, по условиям мирного договора, Советский Союз получал в аренду. Впоследствии командиру ВМБ Ханко были подчинены все сухопутные части, расположенные на полуострове. Комиссия, возглавляемая флагманом 2 ранга И.И. Греном, выбрала участки территорий для установки батарей на Ханко, островах Осмуссааре, Эзеле (Сааремаа), Даго (Хийумаа) и разработала план их сухопутной, противодесантной и противовоздушной обороны.

На балтийском побережье было построено более 20 батарей крупного и среднего калибра. Только в 1940 г. береговая оборона получила 86 новых береговых батарей и 92 батареи ПВО. К началу Великой Отечественной войны в артиллерии береговой обороны насчитывалось свыше 1000 орудий различного калибра⁹.

Деятельность Н.Г. Кузнецова по укреплению обороноспособности СССР не прошла незамеченной. 4 июня 1940 г. с введением новых званий для высшего состава ВМФ ему присвоили звание адмирала.

Вскоре на правах союзных республик в СССР вошли Эстония, Латвия и Литва; на юге были присоединены Бессарабия и Северная

Буковина. Государственная граница отодвинулась на Запад. Туда же перемещались некоторые армейские и флотские формирования.

В 1939 г. ВМФ получил 112 кораблей, больших и малых, включая торпедные катера, в 1940 г. на флоте появится еще 168 единиц. Рост подводного флота составил 300 % и по количеству, и по тоннажу. У молодежи возрос интерес к флотской службе. Если в 1939 г. в Военно-морском инженерном училище на 350 мест было подано 4000 заявлений, то в 1940 г. – 10 тысяч. В 1940 г. в городах и селах работали 1348 морских кружков и 66 морских учебных пунктов, в которых обучались около 60 тысяч молодых рабочих и старшеклассников. В аэроклубах только для ВМФ за 1939–1940 гг. было подготовлено 1300 летчиков и авиамехаников ¹⁰.

В августе 1940 г. на Балтике состоялись крупные учения. В них участвовало до 200 боевых кораблей, авиация и береговая оборона. Перед флотом ставилась задача по предотвращению прорыва кораблей «противника» в Финский залив. На разборе действий БФ с речью выступил Кузнецов ¹¹. Он подчеркивал, что разведка должна быть постоянной и непрерывной, чтобы освещать район боя и заранее предупреждать о намерениях противника. Надо вести постоянное наблюдение за водной поверхностью и воздухом, причем наблюдение за воздухом проводить по всем секторам, а не только на носовых курсовых углах. Корабли, соединения должны не вообще маневрировать, а подчинять свой маневр выполнению поставленной задачи, сочетать маневр с огнем. В маневре нельзя пренебрегать условиями видимости и метеорологии.

Бой будет скоротечным, с быстрым изменением курсовых углов, поэтому борьба за то, кто первый заметит, за первый залп приобретет решающее значение. Корабль не допускает импровизации, все должно действовать по уже отработанным наставлениям и уставам. Тактика должна быть в почете у командира соединения, а не в загоне, он ведет бой и организует взаимодействие частей. Мощный сосредоточенный удар может быть нанесен тогда, когда все рассчитано по времени, когда учтены и такие изменчивые факторы, как состояние погоды на различных участках театра. Командир – глава, вожь своего корабля. Он отныне самостоятельно решает все вопросы руководства боевой и политической подготовки. Командир – единовластный начальник на корабле, и никаких других толкований его роли не может быть. В октябре 1940 г. нарком вместе

с начальником Главного морского штаба Галлером докладывали в Кремле о строительстве береговых батарей в Прибалтике и на Севере. Темп работ оказался высоким, поэтому особых обсуждений не последовало, а сообщение моряков члены Политбюро просто приняли к сведению.

Вскоре нарком назначил адмирала Исакова новым начальником Главного морского штаба. В связи с возрастанием военной опасности по его указаниям подготовку начали проводить в условиях, близких к боевым, без лишних ограничений. Так, подводники на практике знакомились с взрывами глубинных бомб и возможными разрушениями, которые могли произойти от взрыва торпеды или снаряда, от крупной бомбы и видели его разрушительную способность. Уделялось внимание отработке действий экипажей кораблей, начальников, призванных руководить боем. Вот что писали об адмирале в прессе: «Народный комиссар Военно-Морского Флота СССР адмирал Н.Г. Кузнецов требует до совершенства взаимодействие кораблей и соединений в условиях сложного маневрирования как днем, так и ночью, добиться максимальной сплаванности кораблей, высокой натренированности личного состава для совместного выполнения кораблями боевых задач, высокой отработки одиночного корабля, прекрасного знания своего театра, требует решительной борьбы за первый залп, выработки умения наносить мощный сосредоточенный удар в бою. Беречь боевую технику, уметь выжать из нее все, что она может дать!»¹².

29 октября 1940 г. нарком ввел в действие «Дисциплинарный устав Военно-Морского Флота Союза ССР», ставший «законом» для краснофлотцев.

Нарком ВМФ своей директивой от 14 октября 1940 г. приказал разработать новые оперативные планы с учетом того, что вероятным противником может стать Германия в союзе с Италией, Румынией и Болгарией... Он постоянно уделял внимание боевой подготовке флотов, не ослабляя наблюдения за поведением вероятного противника. Бывший начальник связи ВМФ вице-адмирал Г.Г. Толстолуцкий вспоминал: «На всех флотах еще в 1940 г. по приказанию наркома ВМФ были введены таблицы сигналов, в которых различными условными словами обозначался факт обнаружения самолетов, надводных кораблей и подводных лодок противника с указанием времени, направления на объект, скорости их хода и курса движения. Донесение сопровождалось позывными

поста СНИС или корабля, обнаружившего противника, и укладывалось в несколько пятизначных групп текста, передаваемых по радио серией ВВО (Вне всякой очереди)»¹³.

Адмирал Кузнецов добился принятия в Кремле специального плана согласованных работ военно-морских баз с Военно-инженерным управлением Наркомата обороны. В Наркомате ВМФ тщательно анализировали ход некоторых военных операций Германии. К осенним сборам командующих флотов и флотилий Наркомат ВМФ вынес четыре основных вопроса: изучение опыта начала Второй мировой войны, подведение итогов боевой подготовки за 1940 г., постановка задач флотам на 1941 г. и ознакомление с образцами новой военной техники и вооружения.

Открывая 2 декабря 1940 г. очередные сборы, адмирал Кузнецов сосредоточил внимание присутствующих на недостатках в подготовке звена высшего начальствующего состава флотов. Он подчеркивал: «Не было у нас такой системы, где мы могли бы высший начальствующий состав, прежде всего, оценивать, скажем, по его оперативно-тактической подготовке, по его умению руководить во время войны теми соединениями, которыми ему придется руководить»¹⁴.

Доклад «Итоги боевой подготовки 1940 года и задачи на 1941 год» сделал сам нарком¹⁵. Какие же недостатки в боевой подготовке, проявившиеся во время войны с финнами, выделил адмирал Кузнецов? По его словам, это – «наше боевое управление, наша разведка, наше неумение организовать операцию, недостаточная огневая подготовка флота и значительное количество аварий, которые практически отражались на проведении ряда боевых операций».

В качестве основных задач на 1941 г. (до объявления приказа) нарком потребовал от командующих закрепить тот уровень боевой подготовки, который флоты достигли к осени 1940 г., а в предстоящий 1941 г. начать плавать раньше и полностью посвятить его оперативно-тактической подготовке.

Немцы успешно применяли, особенно во Франции и Норвегии, в оперативных целях крупные воздушные десанты. Считалось, что такой десант может быть высажен и в советском тылу, в том числе на Крымском полуострове. Нарком ВМФ 16 декабря 1940 г. издал специальный приказ, в котором военным советам флотов и флотилий предложил провести ряд срочных мер с целью укрепления

сухопутной и противодесантной обороны военно-морских баз и побережья. Этот приказ одинаково касался и Либавы, находившейся рядом с границей, и Севастополя, расположенного в относительно глубоком тылу. Но темпы и качество работ в этом отношении были низкими. Так, под Севастополем приступили к рекогносцировке на местности лишь в феврале 1941 г. Комендант береговой обороны Черноморского флота генерал П.А. Моргунов рассказывал, что они «не имели ясного оперативно-тактического задания, не знали, на какой состав сил и боевых средств надо ориентироваться при выборе рубежей»¹⁶. Очевидно, никто не хотел верить, что враг вот-вот может высадить воздушный или морской десант, тем более что из Берлина поступали успокоительные вести.

29 декабря нарком ВМФ подписал приказ, в котором дал принципиальную оценку уровню боеготовности флотов и флотилий. Он считал, что уровень и культура управления силами не полностью соответствуют условиям ведения операций и боя; методика подготовки операций командованием и штабами разработана не достаточно; силы и средства разведки применяются нецелесообразно и без взаимодействия между ними; добытые разведанные используются штабами не удовлетворительно и доводятся до соединений и частей с большим опозданием; огневая подготовка проводится в полигонных условиях и оценивается формально; организация и подготовка системы ПВО не гарантируют отражения внезапных ударов¹⁷. «Морской сборник» писал: «наиболее примечательным моментом в приказе, свидетельствующем о дальновидности командования ВМФ, являлось то, что военным советам флотов и флотилий предписывалось до 1 февраля 1941 г. на ТОФ и Амурской флотилии – до 15.2 определить районы, разработать организацию и порядок проведения боевой подготовки и испытаний новых кораблей и боевой техники в военное время, а с повышением оперативной готовности – временно перестраивать подготовку сил применительно к сложившимся условиям. Приказы командующих флотами, флотилиями, изданные на основании постановлений военных советов, должны были автоматически вступить в действие с переводом сил на оперативную готовность № 1»¹⁸.

Лед в декабре сковал все балтийские бухты, включая и Таллинскую. Незамерзающей оставалась одна Либава, но она находилась в непосредственной близости от границы. Нацисты в своих базах

на Балтийском море, в Дании, Польше и Южной Норвегии сосредоточили 3 линкора, 4 тяжелых и 4 легких крейсера, 27 миноносцев, 83 подводные лодки и большое количество боевых катеров. Финляндия имела 71 боевой корабль¹⁹.

Слова о том, что «многочисленные данные о нарастании угрозы как бы разбивались, доходя до И.В. Сталина», написаны Кузнецовым не случайно: он руководствовался своими наблюдениями. Достаточно сказать, что среди близких друзей Николая Герасимовича был заместитель наркома обороны, начальник Разведуправления Красной армии генерал-майор авиации И.И. Проскуров, бывший летчик, воевавший в Испании и взаимодействовавший с моряками²⁰. Современные историки характеризуют его как «открыто перечившего Сталину, честного и прямолинейного»²¹ человека. Вряд ли были какие-то секреты между этими бывшими добровольцами-интернационалистами, ставшими крупными военачальниками и сохранившими прежнюю дружбу. Подготовка Германии к войне с Советским Союзом проводилась на широком фронте – от Баренцева моря до Черного.

На флотах ввели отделы подводного плавания, подчиненные непосредственно командующим. По приказу Кузнецова Наркомат ВМФ разработал специальный документ, где разъяснялось, что означает оперативное подчинение морских сил сухопутным. Фашисты начали грубые нарушения воздушного пространства. Представители Наркомата ВМФ определяли на флотах фактический уровень боевой готовности кораблей и частей. Так, например, с 13 по 25 января инспекция Управления БП ВМФ проверяла боевую подготовку на крейсере «Петропавловск», эсминцах «Статный» и «Скорый». Об устранении выявленных недостатков нарком ВМФ потребовал от командира Кронштадтской ВМБ доложить к 15 февраля. Командиру Отряда вновь строящихся кораблей КБФ нарком приказал к 15 марта оборудовать специальные учебные кабины для более качественного проведения в них тренировочных занятий. Конкретные задачи были поставлены Военному совету КБФ, начальникам управлений ВМФ²². В январе эскадра Черноморского флота впервые провела учения в зимних условиях.

15 февраля народный комиссар ВМФ предписал флотам иметь усиленное боевое ядро на случай внезапного нападения противника. Адмирал Трибуц писал: «Н.Г. Кузнецов в феврале 1941 г. издал специальную директиву, в которой указывал на возможность

одновременного выступления против СССР коалиции, возглавляемой Германией и включающей Италию, Венгрию, Финляндию. Сейчас можно сказать, что противник был определен довольно точно». Подготовка к войне принимала серьезный характер. 26 февраля нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов подписал подготовленную Главным морским штабом и согласованную с Наркоматом обороны директиву, в которой флотам ставились конкретные задачи по разработке плана действий на случай войны.

По указанию наркома ВМФ в марте в Черноморском флоте прошло учение по отражению воздушного десанта в районе Севастополя. Учение сопровождалось фактической выброской воздушно-десантных частей, обозначавших «противника». 19 марта Н.Г. Кузнецов назначил комиссию во главе с адмиралом И.С. Исаковым для руководства подготовкой и изданием «Боевого устава флота» БУФ-41²³.

25 марта нарком ВМФ просил Молотова ускорить рассмотрение «Положения об использовании для нужд обороны Союза ССР гражданских судов, портов и других сооружений водного транспорта», которое ему было представлено еще в октябре 1939 г.²⁴ В апреле просил Молотова о выделении гражданских судов для обеспечения флотских учений на Черном, Балтийском, Каспийском и Баренцевом морях в летний и осенний периоды²⁵. Нарком докладывал Сталину, Молотову, Жданову, Ворошилову о необходимости резкого усиления противовоздушной обороны ВМФ, и прежде всего таких военно-морских баз, как Таллин, Кронштадт, Ханко, Либав, Севастополь, Николаев, Керчь, Владивосток, Совгавань, Полярное-Ваенга. По каждой военно-морской базе прилагал подробный расчет предполагаемого усиления²⁶.

26 февраля 1941 г. нарком в своей директиве поставил флотам оперативные задачи *на военное время*. Так, «КБФ должен был не допустить высадки морских десантов на побережье Прибалтики и на о-ва Хиума (Даго) и Саарема (Эзель), нанести поражение германскому флоту при его попытках пройти в Финский залив, не допустить проникновения кораблей противника в Рижский залив, содействовать сухопутным войскам, действующим на побережье Финского залива и на п-ове Ханко, обеспечивая их фланги и уничтожая береговую оборону противника, быть в готовности обеспечить переброску одной стрелковой дивизии с побережья Эстонии на п-ов Ханко. С началом военных действий планировались

постановка оборонительных минных заграждений и создание в Финском заливе трех минно-артиллерийских позиций»²⁷. В той же директиве Черноморскому флоту предписывалось следующее: «Обеспечить господство нашего флота на Черном море, не допустить прохода флота противника в Черное море через проливы, подвоза войск и боевого снаряжения морем в порты Румынии, Болгарии и Турции, не допустить высадки десантов на советское побережье и действий кораблей противника против нашего побережья, блокировать побережье Румынии, уничтожить или захватить румынский флот, быть готовым к высадке своих тактических десантов, содействовать приморскому флангу нашей армии»²⁸.

В отличие от наркома ВМФ другие властные структуры страны никакого беспокойства не проявляли. В марте-апреле 1941 г. в акватории близ Либавы появились подводные лодки и новейший линкор немецкого флота «Бисмарк». Затем в районе Мемеля фашисты провели учение, в котором участвовали тяжелый крейсер «Адмирал Хиппер», 3 эсминца и 5 подводных лодок. «Неизвестные» подводные лодки снова появлялись у Либавы и у острова Сескар – в восточной части Финского залива.

Руководство ВМФ старалось по возможности скорее достроить объекты, создать сухопутную оборону военно-морских баз, откорректировать деятельность тыла, ввести воздушную разведку приграничных районов и т. д. Нарком ВМФ отправил в Черноморский флот группу работников ГМШ во главе с адмиралом Исаковым для проверки боевой готовности кораблей, частей и соединений. Вскоре он приказал командованию ЧФ немедленно приступить к сооружению бомбоубежищ.

Адмирал Кузнецов добился подчинения центральному органу военно-воздушных сил флота средств ПВО флотов. По его же предложению в Береговую оборону ВМФ, кроме береговых батарей, были включены части морской пехоты, зенитные средства, а в некоторых случаях (например, на Ханко) – стрелковые части, сухопутная артиллерия и танки. Большие изменения произошли и в чисто флотских звеньях. Например, корабельные соединения формировались теперь не по классам кораблей, а в зависимости от предстоящих оперативных и тактических задач.

К весне 1941 г. почти весь корабельный состав флотов был готов к выходу в море для нанесения удара по противнику. Только на Северном флоте еще не закончился ремонт кораблей после войны

с Финляндией. В апреле на специальных совещаниях были внимательно рассмотрены и откорректированы планы операций, которые предстояло выполнить флотам в первые дни и недели войны.

В директиве от 7 мая 1941 г. он потребовал от начальников штабов флотов и начальников организационно-строевых управлений не допускать «пребывания командира на штабной работе более 2–3 лет и на ответственных должностях больших штабов не более 4 лет»²⁹. 7 мая нарком издал приказ Северному флоту: «Вести один раз в сутки воздушную разведку до мыса Нордкап, не нарушая территориальных вод Норвегии; усилить корабельный дозор на подходах к Кольскому заливу; установить дежурство в базе одного эскадренного миноносца, одной подводной лодки и на аэродромах – звена бомбардировщиков, звена гидросамолетов и двух звеньев истребителей; установить дежурство батарей ПВО, увеличить состав боевого ядра частей Военно-воздушных сил...»³⁰. Соответствующие указания были даны и другим флотам.

Вскоре нарком получил разрешение на перебазирование части кораблей из Либавы в Усть-Двинск. Балтийский флот приступил к выполнению указаний наркома. 10 мая Кузнецов представил заместителю председателя СНК СССР Вознесенскому проект постановления о строительстве трех убежищ 1-й категории для Наркомата ВМФ³¹, а 4 июня доложил Сталину о наличии в системе Военно-Морского Флота сухопутных частей – стрелковых, пулеметных, танковых, химических, саперных, связи, железнодорожных – и просил обеспечить их доукомплектование командным составом за счет войск Красной армии³². 27 мая Кузнецов доложил Сталину и Жданову о том, что в период с 19 по 25 мая у советского побережья обнаружены неизвестные подводные лодки; воздушная разведка трижды засекала в Финском заливе подводные лодки, одну – в районе Варде; дважды – в 105 милях от Севастополя; дважды – японскую подлодку у берегов Камчатки³³.

Кузнецов пришел к выводу, что фашисты наблюдают за многими участками советского побережья. На это указывали не только пролеты их самолетов вблизи военно-морских баз на Балтике и на Севере, но и появление неизвестных подводных лодок у берегов Камчатки, Севастополя, островов Сескар, Уте, Даго, около полуострова Ханко и др.³⁴ В приказе от 5 июня 1941 г. нарком ВМФ требовал: «Об обнаруженных недочетах оперативной готовности корабля, части, соединения флота доносить мне, как о чрезвычайном

происшествии. Выявлять лиц, проводивших последнюю проверку, и строго наказывать за случаи притупления внимания и очковтирательские заключения»³⁵.

5 июня нарком ВМФ предписал Военному совету КБФ провести в июле-сентябре опытное учение «по бесперископным атакам подводных лодок и по обнаружению катерами МО прорывающейся подводной лодки»³⁶. На следующий день он отдал распоряжение балтийцам о переводе в 1941 г. судоремонтных предприятий КБФ на двухсменную работу³⁷. 10 июня, по приказанию Кузнецова, разрабатывался план экстренного вызова руководящего состава Наркомата ВМФ³⁸.

14 июня начались совместные учения Черноморского флота с Одесским военным округом: предусматривалась высадка на необорудованное побережье оперативного десанта. «О том, как оценивалась общая обстановка, в которой началось 14 июня наше учение, – вспоминал вице-адмирал Н.М. Кулаков, – может дать представление такая деталь: был установлен особый сигнал, означавший, что учение прерывается и флот немедленно переходит на ту степень повышенной боевой готовности, какая будет назначена»³⁹. Как можно прочесть в книге А. Некрича «1941, 22 июня», советское правительство получило из различных источников 84 предупреждения о готовящемся нападении⁴⁰. Но Сталин не верил ничему. На него никак не повлияло и сообщение о том, «что, по указанию из Берлина, немецкое посольство должно подготовиться к эвакуации в течение семи дней и что 9 июня там начали сжигать документы», доложенное ему 11 июня.

«Нарком ВМФ за несколько дней до нападения Германии, – писал адмирал Трибуц, – настоятельно требовал от нас неослабевающей бдительности, поддержания повышенной боевой готовности, рассредоточения сил флота в Лиенае, районе Таллина, Усть-Двинска, Ханко, а также улучшения организации успешного отражения предполагавшегося нападения врага»⁴¹. 17 или 18 июня командир 43-й истребительной авиационной дивизии Г.Н. Захаров пролетел на У-2 над западной границей около 400 километров.

«Приграничные районы западнее государственной границы были забиты войсками, – вспоминал летчик. – В деревнях, на хуторах, в рощах стояли плохо замаскированные, а то и совсем не замаскированные танки, бронемшины, орудия. По дорогам шныряли мотоциклы, легковые – судя по всему, штабные – автомобили... Количество войск,

зафиксированное нами на глазок, вприглядку, не оставляло мне никаких иных вариантов для размышлений, кроме одного единственного: близится война»⁴².

В те дни Н.Г. Кузнецов перед Л.М. Галлером, И.В. Роговым и В.А. Алафузовым поставил вопрос: «Следует ли нам привести флот в полную боевую готовность?»⁴³. Решение приняли не сразу, а несколько позднее. Командующий КБФ вице-адмирал Трибуц 19 июня доложил наркому ВМФ о результатах закончившихся маневров и возвращении кораблей в базы. И так, 19 июня на оперативную готовность № 2 был переведен Краснознаменный Балтийский флот. Такое же приказание нарком ВМФ отдал Северному флоту. Черноморскому флоту, закончившему свои учения, предписывалось оставаться в повышенной готовности. Перевод флотов на оперативную готовность № 2 производился «с учебной целью». Как писал Кузнецов: «Пригодится, рассуждали мы, если обстановка не разрядится»⁴⁴. 19 июня около 23 часов стало известно, что на полуострове Ханко, на одном из участков государственной границы, замечены скрытные подходы небольших групп немецких солдат. Там же в проволочном ограждении обнаружили специальный проход для пехоты. Нарком приказал при появлении немецких самолетов открывать по ним огонь береговой и корабельной зенитной артиллерии, а истребительной авиации подниматься в воздух. Правда, вскоре последовало новое распоряжение высшего командования – «открывать огонь по немецким самолетам только в пределах старой государственной границы и района военно-морской базы Ханко»⁴⁵. Наступила суббота 21 июня 1941 г. В 2 часа 40 минут все западные флоты практически были в высшей степени боевой готовности.

В корабельный состав ВМФ на июнь 1941 г. входили 3 линкора, 7 крейсеров, 51 лидер и эсминец, 22 сторожевых корабля, 62 тральщика, 215 подводных лодок и др.⁴⁶ Всего боевых кораблей различных классов (вместе с боевыми катерами) было около 1000⁴⁷. Кроме того, 219 кораблей находились в постройке, в том числе 3 линкора, 2 тяжелых и 10 легких крейсеров, 45 эсминцев, 91 подводная лодка⁴⁸. В авиации ВМФ насчитывалось более 1800 самолетов. Береговая оборона располагала вполне современными башенными береговыми батареями на стратегически важных участках побережья. Имелись первые формирования морской пехоты. Общая численность ВМФ в тот период составляла 344 тысячи человек⁴⁹.

Для отлаженной системы оперативных готовностей не требовалось вмешательства Москвы: на Северном, Балтийском и Черноморском флотах объявили «угрожаемое положение»; штабы, корабли, части перешли на высшую степень оперативной готовности. Адмирал Н.Г. Кузнецов как военачальник и государственный деятель сделал все, что от него зависело.

¹ Военно-исторический журнал. 1972. № 9. С. 83–88.

² Морской сборник. 1989. № 10. С. 18.

³ Военная мысль. 1988. № 12. С. 58.

⁴ РГАВМФ. Ф. р-961. Оп. . Д. 284. Л. 607.

⁵ Военно-исторический журнал. 1993. № 4. С. 11.

⁶ Боевая летопись Военно-Морского Флота. 1917–1941. М.: Воениздат, 1992. С. 636.

⁷ Военно-исторический журнал. 1983. № 9. С. 67.

⁸ Толстолуцкий Г.Г. Знамя советских моряков // Адмирал флота. Героические и драматические страницы жизни Н.Г. Кузнецова. М.: ЗАО «Унипринт», 2002. С. 327.

⁹ Военно-исторический журнал. 1983. № 9. С. 67.

¹⁰ Там же. 1972. № 9. С. 83–88.

¹¹ Кузнецов Н.Г. Учения Краснознаменного Балтийского флота // Морской сборник. 1940. № 10. С. 3–9.

¹² Морской сборник. 1941. № 2. С. 5.

¹³ Толстолуцкий Г.Г. В эфире над морями и океанами. М., 1986. С. 81.

¹⁴ ЦВМА. Ф. 14. Оп. 47. Д. 294. Л. 21–27.

¹⁵ Там же. Д. 30–105.

¹⁶ Крылов Н.И. Огненный бастион. М.: Воениздат, 1973. С. 39.

¹⁷ Военная мысль. 1988. № 12. С. 58.

¹⁸ Морской сборник. 1990. № 6. С. 27. Ссылка на ЦВМА. Ф. 2 (зп. 16. Д. 1. Л. 258–269).

¹⁹ Воюет Балтика. Л., 1964. С. 53.

²⁰ Иван Иосифович Проскуров в канун войны был снят с должности, заменен генерал-лейтенантом Ф.И. Голиковым, а в октябре 1941 г. расстрелян.

²¹ Аргументы и факты. 1989. № 4. С. 7.

²² ЦВМА. Ф. 14. Оп. 47. Д. 322. Л. 16–22.

²³ Трибуц В.Ф. Балтийцы вступают в бой. Калининград, 1972. С. 29.

²⁴ ЦВМА. Ф. 14. Оп. 47. Д. 199. Л. 116.

²⁵ Там же. Л. 140–142.

²⁶ Там же. Л. 144–154.

²⁷ Боевая летопись Военно-Морского Флота. 1941–1942. 2-е изд. М.: Воениздат, 1992. С. 117.

²⁸ Там же. С. 269.

²⁹ ЦВМА. Ф. 14. Оп. 47. Д. 199. Л. 29.

³⁰ Кузнецов Н.Г. Военно-Морской Флот накануне Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1965. № 9. С. 70.

- ³¹ ЦВМА. Ф. 14. Оп. 47. Д. 5. Л. 269–272.
- ³² Там же. Л. 335–336.
- ³³ Боевая летопись Военно-Морского Флота. 1917–1941. С. 672. Ссылка на ЦВМА. Ф. 79. Д. 39785. Л. 419–428.
- ³⁴ Басов А.В. Флот в Великой Отечественной войне. 1941–1945. М., 1980. С. 39.
- ³⁵ ЦВМА. Ф. 79. Д. 37113. Л. 231.
- ³⁶ Там же. Ф. 14. Оп. 47. Д. 322. Л. 67–70.
- ³⁷ Там же. Л. 72–73.
- ³⁸ Там же. Д. 200. Л. 193.
- ³⁹ Кулаков Н.М. Доверено флоту. М.: Воениздат, 1985. С. 24.
- ⁴⁰ Некрич А. 1941, 22 июня. М., 1995. С. 170–171.
- ⁴¹ Трибуц В.Ф. Балтийцы вступают в бой. С. 29.
- ⁴² Захаров Г.Н. Я – истребитель. М.: Воениздат, 1985. С. 99.
- ⁴³ Военно-исторический журнал. 1969. № 8. С. 43.
- ⁴⁴ Кузнецов Н.Г. Осажденный Ленинград и Балтийский флот // Вопросы истории. 1965. № 8. С. 109.
- ⁴⁵ Трибуц В.Ф. Балтийцы вступают в бой. С. 30.
- ⁴⁶ Боевой путь советского Военно-Морского Флота. 4-е изд. М.: Воениздат, 1988. С. 540.
- ⁴⁷ Морской сборник. 1986. № 7. С. 5.
- ⁴⁸ Военно-исторический журнал. 1983. № 9. С. 66.
- ⁴⁹ Там же. 1989. № 2. С. 55.

Е.В. Хатанзейская (Архангельск)

ЧЕЛОВЕК В ВОЙНЕ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

ИСТОРИЯ науки характеризуется несколькими основными тенденциями. Первая из них – постоянное расширение круга изучаемых явлений, вторая – углубление специализации, третья – междисциплинарная кооперация и интеграция наук. В XX в. наиболее перспективные направления исследований и принципиально новые результаты возникали на стыке дисциплин, либо на основе инновационных подходов, либо новых для конкретной области знания методов, взятых из других научных отраслей и ассимилированных для решения нетрадиционных задач в рамках традиционной науки.

Историческая наука тоже подчинялась и подчиняется этим закономерностям. Само ее становление стало следствием расширения и специализации знания, выделения истории в отдельную научную дисциплину. Затем происходило углубление специализации, причем не только в хронологическом и территориально-страноведческом отношении, но и по предметам изучения (политическая, экономическая, социальная истории и др.), по подходам и методам, обусловившим развитие специальных научных дисциплин. Одновременно происходила и кооперация с другими науками ¹.

В последнее двадцатилетие в отечественной исторической науке произошли существенные изменения. Для этого времени характерен был кризис исторической науки, один из путей выхода из которого представлен особенностью современного этапа развития науки, а именно – ее интеграционным характером. Большинство открытий, сделанных в последнее время в различных отраслях знаний, включая гуманитарные, были сделаны на стыке дисциплин.

В результате подобного междисциплинарного сотрудничества возникают новые методы и даже новые научные дисциплины. Все это стало следствием и основным содержанием так называемого «антропологического поворота» в исторической науке.

Важнейшей задачей современной историографии (что тоже, по сути, является путем выхода из кризиса – появление нескольких «человекоориентированных» направлений) является изучение не столько производственной, политической деятельности, культурных и научных достижений человечества, сколько «самого человека, как такового, его жизни, какой она была и какой стала»².

Трансформация истории как науки о политических, экономических, стратегических системах в науку о человеке в его историческом времени стала одной из ведущих тенденций современной историографии. В свою очередь, антропологический поворот подтолкнул процесс междисциплинарного синтеза, охвативший не только гуманитарные, но и точные науки.

Для всех видов антропологически ориентированной истории характерен перенос акцента с исследования государственных институтов, экономических структур, глобальных событий и больших общностей на изучение небольших групп, стратегий поведения индивидов, психологическое состояние отдельного человека или группы людей, а также переход от описания значимых событий к анализу повседневности. Для достижения всех этих задач, объяснения поведения и взаимодействия людей широко привлекаются понятия из арсенала социальной и культурной антропологии, социологии, психологии и других наук о человеке³.

Историческая антропология уделяет большое внимание массовому и групповому. В этой области исторического знания исследуются не только самоочевидные для данного общества и культуры поведения, но и маргинальные, отвергаемые в данной социальной среде. Она отдает должное исследованию конкретных, индивидуальных случаев. Социальное демонстрируется через уникальное. Иногда даже говорят о микроистории, которая исследует отдельные случаи, привлекает внимание к мотивации, микроконфликтам. Помимо «исторических личностей», исследователи обращаются к жизненным проявлениям рядового человека. Отсюда – обращение к источникам нового типа – любым следам, оставленным в истории маленькими людьми: запискам, дневникам, письмам и т.д.

Благодаря новым методам исследования, в основе которых находятся современные методологические подходы, трансформируются традиционные отрасли исторической науки. Так, военная история – давно и плодотворно разрабатываемая область исторических исследований, до недавнего времени была сконцентрирована на изучении собственно военных, военно-экономических, военно-политических аспектов. Ход боевых действий, крупные сражения и битвы освещались в рамках событийного подхода. Долгое время в их изучении господствовала «монументальная историография»⁴. За рамками исследования оставался рядовой человек с его мыслями, чувствами, мотивациями, поступками и реальным поведением.

В результате одним из немногих источников настоящей правды о войне оказались произведения писателей-фронтовиков, на страницах которых нашлось место «негероическим» сюжетам войны. Эти сюжеты в качестве собственно научного осмысления нашли отражение в работах, выполненных в русле новых отраслей исторической науки – военно-исторической антропологии и истории повседневности, получивших разработку лишь в последнее двадцатилетие.

Война – специфическое общественное явление, характеризующее экстремальное состояние общества в противостоянии другим социумам. Для того, чтобы показать рядового человека в этой экстремальной обстановке, необходимы особые, специфические подходы и методы изучения, что и выделяет военно-историческую антропологию в отдельную отрасль исторической науки. Современные военно-исторические исследования строятся на разнообразных, традиционных и нетрадиционных для историка источниках: это статистика, официальные документы, периодическая печать, письменные воспоминания, анкетные данные участников событий, фольклор, кино- и фотодокументы и др. С их помощью становится возможным проследить такие процессы, как эволюция массового сознания населения конфликтующих сторон, образа врага на разных этапах войны, психологические аспекты жизни как военных, так и мирного населения, судьба «потерянного поколения» – людей вернувшихся с войны, но не нашедших себя в мирной жизни⁵.

Объект исследования военно-исторической антропологии – человек и общество в экстремальных условиях вооруженных

конфликтов, а также те аспекты жизни гражданского населения, которые характеризуют его подготовку к войне, ее «проживание» и отражают последствия войны во всех проявлениях. Историческим фоном данной проблематики служит подготовка общества к войне, отношение населения к войне, массовое сознание, складывающийся образ войны, восприятие войны рядовым солдатом или мирными жителями, а также «выход» общества из войны, психологическая и морально-нравственная перестройка общества на мирные условия жизни⁶.

Общество может длительное время находиться в состоянии подготовки к ситуации экстремального конфликта с внешним миром, в состоянии скрытого конфликта, либо «холодного» противостояния, как это было на протяжении всего периода советской истории. Такое состояние оказывает колоссальное влияние на повседневную жизнь, ментальность, психическое состояние и здоровье проживающих в этом обществе людей. Процесс «выхода» из состояния военного конфликта, нормализации всех сфер жизни общества занимает десятилетия. Люди, задействованные в военном конфликте, испытавшие на себе тяготы войны, через всю жизнь проносят стереотипы поведения военного времени; воспоминания о войне являются важной частью их жизни.

За XX в. война превратилась в явление, глубоко затрагивающее все общество, включая его тыл, что привело к размыванию грани между фронтом и тылом. В основном этому способствовал технический прогресс. В этом же веке философы-экзистенциалисты обратили внимание на особое состояние человека на грани жизни и смерти – «пограничная ситуация» – когда мир оказывается «интимно близким», индивид непосредственно открывает свою сущность, начинает по-новому смотреть на себя и остальной мир, для него раскрывается смысл его подлинного существования. Этот важный методологический принцип историко-психологического изучения войны применим к анализу мотивов, поведения и самоощущения человека в экстремальных условиях, совокупность которых и представляет собой боевая обстановка. Крайняя форма проявления экстремальной ситуации – бытие перед лицом смерти, когда все, что заполняет человеческую жизнь в ее повседневности, становится несущественным. Происходит ломка привычных представлений о мире, прежней системы ценностей. Война как «пограничная ситуация»

стала изучаться в российской исторической науке только в конце XX в.

На войне жизнь протекает в условиях хронической опасности, т.е. постоянной опасности потерять здоровье, жизнь; но с другой стороны – в условиях не только безнаказанного уничтожения себе подобных, т.к. они являются врагами, но и в прямой необходимости и в поощрении желаний делать это как во имя конечных целей общего благополучия, так и в целях собственной сохранности в условиях вооруженной борьбы ⁷.

Формируясь и наиболее ярко проявляясь в ходе войны, эта психология опасна тем, что продолжает свое существование и после ее окончания, накладывая характерный отпечаток на жизнь общества в целом. Послевоенное общество всегда неизбежно отравлено войной, и главный симптом этой болезни – привычка к насилию в разных проявлениях сказывается во всех сферах общественной жизни длительное время.

В своей предметной области военно-историческая антропология интегрирует сферы традиционной исторической науки и ряд предметных аспектов других научных дисциплин, занимающихся изучением общества и человека «под военным углом зрения»: военную психологию, военную социологию и военную культурологию, историческую демографию, историческую психологию, этнологию, лингвистику, философию и др.

Основополагающим принципом исторической психологии, выдвинутому французскими историками школы «Анналов», является осознание и понимание эпохи, исходя из нее самой, без оценок и мерок чужого ей по духу времени ⁸.

В целостном подходе к историко-антропологическому изучению войн находят отражение и принципы социальной истории: в центре внимания оказывается человек, но «не сам по себе, а как элементарная клеточка живого и развивающегося общественного организма»⁹.

Таким образом, военно-историческая антропология занимается не столько специализацией в исследованиях войн, сколько интеграцией знания о них, получаемого различными гуманитарными и общественными науками.

В войне находят отражение все стороны жизни общества, спроецированные на экстремальную ситуацию конфликта с внешним миром, другими социумами. Общество в войне вынуждено мобилизовать

все силы, весь свой ресурсный потенциал, но ключевым всегда оказывается собственно человеческий потенциал в различных его проявлениях, к которым в том числе относится совокупность явлений из духовно-психологической сферы – от ценностных ориентаций членов общества до его психологической устойчивости, определенной рядом социокультурных и историко-ситуационных факторов. Среди них имеют значение и отношение населения к войне, и отношение к собственной стране, и степень внешней угрозы¹⁰.

Период подготовки к войне накладывает тяжелый отпечаток на общество как таковое и его повседневную жизнь. Это и особая стратегия воспитания подрастающего поколения, и тяжелые материальные условия жизни большинства населения. Но самое главное – это целенаправленное формирование особого образа мысли граждан милитаризируемого общества. Привычка жить в экстремальных условиях, создающая условия для «прорастания» мешающей жить в обычной жизни привычки к насилию, формируется задолго до начала войны. Общество проходит определенную стадию «обработки», в ходе которой массовое сознание населения подвергается мощному воздействию пропаганды, формируются различного рода стереотипы и штампы в сознании людей, делающие такую жизнь в ожидании войны нормой. Отсюда и основные проблемы, связанные с психологическим состоянием людей, живущих в эпоху военного времени, включающую в себя период подготовки к войне, хронологические рамки военного конфликта и сложнейшую проблему «выхода» из военного кризиса сознания. Все это в совокупности можно называть экстремальной повседневностью.

Особенно перечисленные проблемы усугубляются состоянием жизни в тоталитарном государстве, общество которого подвергается непрерывному воздействию систем террора и пропаганды. Так возникает необходимость изучать и то социальное поле, применительно к которому действовала система милитаризации, пропаганды, террора. В современной исторической науке существует мнение о том, что никакой режим, включая сталинский, не мог существовать в социальном вакууме. Сталинская политика не только опиралась на определенные социальные группы, но и формировалась под их воздействием¹¹.

Условия экстремальной военной повседневности меняют не только быт человека, но и мировоззрение, самовосприятие, восприятие окружающего мира. И все это имеет значительные последствия

для жизни общества уже в мирных условиях, после фактического завершения военных действий. Стремление общества преодолеть последствия войны, как экономические, демографические, так и, в большей степени, психологические, должно иметь некоторую теоретическую основу. Исследователями установлено, что проблема выхода из войны не менее, а может, и более сложна, чем адаптация к собственно военным условиям. Даже если иметь в виду одни психические последствия и только для личного состава армии, диапазон воздействия факторов войны на человеческую психику оказывается очень широким. Он охватывает многообразный спектр психических явлений, в котором изменения человеческой психики колеблются от ярко выраженных, явных патологических форм до внешне малозаметных, скрытых, как бы отложенных во времени реакций. Эти смягченные или отсроченные последствия войны являются более масштабными и влияют не только на психофизическое здоровье военнослужащих, но и на их психическую уравновешенность, мировоззрение, стабильность ценностных ориентаций¹².

Но травматические эффекты войны не ограничиваются собственно проблемами их участников и ветеранов. Помимо них в силу известного «феномена экспансии психотравмы» в число потенциальных жертв боевого стресса вовлекаются жены, дети, родители участников-ветеранов, их соседи, коллеги по работе и т.д.¹³

В России эти проблемы углубляются и заостряются за счет стресса социального – теми проблемами, с которыми столкнулись фронтовики при возвращении к мирной жизни. Трагедией целого поколения стало возвращение фронтовиков с полей Великой Отечественной войны. В литературе этот феномен назван «потерянным поколением». Полуразрушенные города, отсутствие работы, а иногда и места жительства порождали у людей чувство ненужности в мирной жизни. Бюрократическая волокита, с которой пришлось им столкнуться при трудоустройстве или получении нового жилья, не вызывала у этих людей ничего, кроме злости и раздражения. Надежды на демократическую трансформацию сталинского режима не оправдались. Новый виток репрессий, направленный уже непосредственно против фронтовиков, – вот благодарность и реакция тоталитарного сталинского режима на возвращение людей, столько лет находящихся перед лицом смерти, и потому более свободных. Многие фронтовики вспоминают Великую Отечественную

войну как время духовного очищения, ибо нигде они не чувствовали себя так независимо от системы, как на передовой – в окопе, в танке¹⁴.

Проблема выхода из войны, преодоления жизненных стереотипов и стратегии выживания в условиях военной повседневности не была преодолена. Изучение этого аспекта жизни общества и отдельных людей началось буквально в последнее десятилетие. Жизненный мир человека воюющего, жизнь мирного населения в условиях подготовки к войне, а также проблему «выхода» из войны необходимо изучать и с практической точки зрения – чтобы в будущем преодолеть последствия военных конфликтов и, прежде всего, психологические последствия. Но это невозможно сделать без конкретного исторического материала.

Еще одним междисциплинарным направлением современной российской исторической науки, способным предоставить конкретный исторический материал для изучения человека в войне, является история повседневности. Это направление, как и военно-историческая антропология, возникло на волне исчерпания позитивистских приемов работы с источниками и устаревания прежних объяснительных парадигм (марксистской, структуралистской), стало частью «антропологического поворота» российской исторической науки¹⁵.

История повседневности – это отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности в ее историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. В центре внимания истории повседневности – «реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного жизненного мира», комплексное исследование этой реальности (жизненного мира) людей разных социальных слоев, их поведения и эмоциональных реакций на события является целью данного направления¹⁶.

Процессы истории применительно к человеку как части небольшого социума легче рассматривать в контексте микроистории, т.е. территориальные рамки исследования могут быть весьма ограничены. Например, это может быть история повседневности одного города, либо его части в определенную эпоху. Такой подход позволяет принять во внимание множество частных судеб. История повседневности в таком контексте становится реконструкцией жизни

«незамечательных» людей, которая не менее важна исследователю прошлого, чем жизнь людей «замечательных». На Западе именно микроисторики поставили задачей своего исследования изучение вопроса о способах жизни и экстремального выживания в условиях войн, революций, террора, голода. Микроисторики, изучавшие повседневность XX в., озаботились анализом скорее переходных и переломных эпох, нежели периодов относительной стабильности и стагнации.

Главное отличие между традиционными исследованиями быта и изучением повседневности историками лежит в понимании значимости событийного, подвижного, изменчивого времени, случайных явлений, влиявших на частную жизнь и менявших ее. Именно в тривиальной обычности жизни витают мысли и чувства, зреют замыслы, ситуации, рождающие экспериментирование. Историка повседневности интересует, как это происходит. Этнограф воссоздает быт – историк повседневности анализирует эмоциональные реакции, переживания отдельных людей в связи с тем, что их в быту окружает. Он ищет ответ на вопрос, как случайное становится вначале «исключительным нормальным», а затем и распространенным.

Ю.М. Лотман утверждал, что без понимания «мелочей» повседневности не может быть истинного понимания истории. Ученый полагает, что изучение повседневности, и быта в том числе, может помочь осмыслению и истории государства, и истории войн, и истории идей. Любая историческая эпоха может быть представлена как определенная семиотическая система¹⁷.

Л.П. Карсавин писал: «Материальное само по себе в своей оторванности не важно. Оно всегда символично и в качестве такового необходимо для историка во всей своей материальности. Оно всегда выражает, индивидуализирует и нравственное состояние общества, и его религиозные и эстетические взгляды, и его социально-экономический строй»¹⁸.

На помощь антропологическому исследованию войн приходит еще одно направление современной российской исторической науки – устная история. Будучи самостоятельным научным направлением, признанным и уже более 60 лет институционально закрепленным на Западе, а в последнее время и в России, устная история является своего рода дополнением к антропологически ориентированным отраслям исторической науки, предоставляя широкий материал для изучения.

Это направление включает в себя и методологию, и конкретные методы формирования принципиально новых полей исторического знания, сложившихся под влиянием лингвистического и культурологического поворотов, которые являются составной частью антропологического поворота в науке.

Субъективное восприятие исторических событий, и самой жизни прошлого, становится все более значимым для историка. А, значит, возникает необходимость диалога с субъектом истории. Данное направление призвано обеспечить подобный диалог, в ходе которого исследователь может самостоятельно сформировать исторический источник.

Сущностью исследовательского метода устной истории является аудио или видеозапись устного рассказа очевидцев исторических событий или жизни прошлого. Таким образом, историк самостоятельно формирует источник, выбирая респондента, формулируя вопросы, реагируя на ответы. Как метод исторической науки устная история:

1) позволяет сохранить свидетельства непосредственных участников исторических событий, жизни прошлого, «маленьких людей», которые в источниках государственного происхождения фигурируют лишь как статистические единицы;

2) расширяет круг источников личного происхождения, предоставляя материал для других отраслей исторической науки – исторической антропологии, исторической психологии, исторической герменевтики;

3) обеспечивает трансляцию систем ценностей и культурно-семантического кода от поколения к поколению¹⁹;

4) позволяет получить намного больше информации, чем от чтения письменных воспоминаний, поскольку всегда есть возможность задать вопрос и получить в ответ недостающую информацию.

Субъективное восприятие истории, неразрывно связанное с антропологическим изучением войн и военных конфликтов, опираясь, главным образом, на источники личного происхождения, привносит в исследование и ряд проблем, основную категорию которых составляют проблемы памяти.

Воспоминания людей неразрывно связаны с их осмыслением прошлого – как своей собственной индивидуальной биографии, так и с историей того общества, в котором прошла их жизнь, с историей их страны, что тоже представляет интерес для исследователей.

Но это же обстоятельство может являться своеобразным препятствием в получении достоверной информации. Ведь память носит чрезвычайно субъективный характер и зависит от личных качеств и психологических особенностей человека.

Одной из главных проблем памяти является искажение восприятия, т.е. интерпретация информации в момент ее получения. На восприятие этой информации могли оказать влияние самые различные факторы (от господствующей идеологии государства, системы пропаганды и террора до личных переживаний и семейных традиций). При этом подобное искажение продолжается на протяжении всей жизни человека, сквозь призму ценностей и норм последующего опыта²⁰. Это следует учитывать при обращении к источникам личного происхождения, особенно созданным в конце жизни автора.

Кроме того, память не всегда способна удержать те важнейшие детали, которые необходимы историку. Механизм этой избирательности до конца не изучен. Известно лишь, что перестройка памяти, сопровождающаяся частичной утратой полученной информации, – естественный и благодетельный для человека процесс. Сохранение воспоминаний в полном и чистом, непереработанном виде несовместимо с нормальным функционированием психики, с восприятием нового²¹.

Память часто вытесняет наиболее страшные и болезненные эпизоды жизни из сознания автора воспоминаний навсегда. Нередко это отмечают сами авторы воспоминаний.

Советский период действия мощной государственной идеологии, проникающей во все сферы жизни общества, оставил глубокий отпечаток в сознании человека эпохи. В результате в памяти значительного количества людей произошел подмен исторических реалий. Установки и клише, с помощью которых подавались события, можно услышать во время ответов респондентов на вопросы интервью. Это является одной из проблем индивидуальной и коллективной памяти в изучении истории прошлого тоталитарного государства. Но здесь же находится и богатый материал для изучения массового сознания людей советской эпохи.

В любом случае, информация, получаемая из источника личного происхождения, подвергается верификации через официальные государственные документы (постановления, доклады,

информационные справки), периодическую печать (информационные сводки), другие источники.

Так или иначе, на современном этапе развития исторической науки существует необходимость видеть исторические явления объемно, «голографически»: сопрягать историю «снизу», «изнутри» и «сверху», проследивать взаимосвязь собственно психологических и идеологических процессов, духовных и властных, политических механизмов»²².

При этом собственно событийный подход уже не интересует общественность. Эпоха Постмодерна, по выражению Джона Тоша, отличается нарастающим разочарованием в глобальных историко-теоретических построениях²³, доставшихся истории от предыдущих эпох. Постмодерн заменил существовавшие ранее представления о едином историческом пространстве. Картина мира становится все более разнообразной. Новые исследовательские практики стали реальностью современной исторической науки.

Антропологический аспект военно-исторического знания по-прежнему остается слабо изученным и фрагментарным, хотя и содержит немало интересных работ²⁴. Сегодня перед российской исторической наукой стоит задача создания отсутствующей системности в военно-исторических исследованиях, касающихся «человеческого измерения» войн и вооруженных конфликтов, на основе обобщения отечественного и зарубежного опыта.

¹ Сенявская Е.С. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Отечественная история. 2002. № 4. С. 136.

² Поляков Ю.А. Человек в повседневности // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 125–127.

³ Козлова Н.Н. Социально-историческая антропология: Учебник. М., 1999. С. 20.

⁴ Кринко Е.Ф. Оккупанты и население в годы Великой Отечественной войны: проблемы взаимовосприятия // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2003–2004. М., 2005. С. 329.

⁵ Сенявская Е.С. Психология войны в XX в.: исторический опыт России. М., 2004. С. 284.

⁶ Она же. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки. С. 136.

⁷ Дрейлинг Р.К. Военная психология как наука // Душа армии. Русские военные эмигранты о морально-психических основах русских вооруженных сил. М., 1997. С. 160.

- ⁸ Розовская И.И. Методологические проблемы социально-исторической психологии (на материале французской исторической школы «Анналов»). М., 1972. С. 20.
- ⁹ Соколов А.К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Социальная история. Ежегодник. 1998–1999. М., 1999.
- ¹⁰ Сенявская Е.С. Психология войны в XX в.: исторический опыт России. С. 50.
- ¹¹ См.: Журавлев С.В., Мухин С.Ю. «Крепость социализма»: повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2004; Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999; Козлова Н.Н. Голоса из хора: горизонты повседневности советской эпохи. М., 1996; Коротаев В.И. Судьба «русской идеи» в советском менталитете (1920–1930 гг.). Архангельск, 1993; Лебина Н.Б. Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: Контуры, символы, знаки. СПб., 2006; Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941 гг. М.: РОССПЭН, 1999; Фрицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е гг.: город. М.: РОССПЭН, 2008.
- ¹² Сенявская Е.С. Психология войны в XX в.: исторический опыт России. С. 91.
- ¹³ Сидоров П.И., Литвинцев С.В., Лукманов М.Ф. Психическое здоровье ветеранов Афганской войны. Архангельск: Изд-во АГМА, 1999. С. 7.
- ¹⁴ Сенявская Е.С. Психология войны в XX в.: исторический опыт России. С. 243.
- ¹⁵ Кром М.М. Повседневность как предмет исторического исследования // История повседневности. СПб., 2003. С. 7.
- ¹⁶ Пушкарева Н. История повседневности / Энциклопедия кругосвет. <http://www.krugosvet.ru/articles/105/1010512/1010512a1.htm> (11.12.07)
- ¹⁷ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. М., 1994. С. 10.
- ¹⁸ Цит. по: Лебина Н.Б. Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: Контуры, символы, знаки. С. 13.
- ¹⁹ Филюшкин А.И. Методические указания по проведению исследований по устной истории // Сайт Наш Политех. <http://www.nashpolytech.ru/index.php?id=73>
- ²⁰ Томпсон П. Голос прошлого. Устная история. М., 2003. С. 133.
- ²¹ Покровский А.С. Мемуары // Профессионализм историка и идеологическая конъюнктура. Проблемы источниковедения советской истории. М., 1994. С. 105.
- ²² Сенявская Е.С. Психология войны в XX в.: исторический опыт России.
- ²³ Тош Дж. Стремление к истине: как овладеть мастерством историка / Пер. с англ. М., 2000. С. 174–175.
- ²⁴ Юсупова Л.Н. Военное детство в памяти поколения, пережившего оккупацию в Карелии // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2003–2004. М., 2005; Сенявская Е.С. Психология войны в XX в.: исторический опыт России. Кринко Е.Ф. Указ. соч. С. 335.

Ю.С. Худяков (Новосибирск)

**ПРИМЕНЕНИЕ АРТИЛЛЕРИИ
РУССКИМИ ВОИНАМИ В ХОДЕ
ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ЗАПАДНОЙ
СИБИРИ В КОНЦЕ XVI–XVII ВЕКОВ ***

ПРИСОЕДИНЕНИЕ Северной Азии к Российскому государству привело к значительному увеличению территории страны, существенно расширило базу природных ресурсов и перспективы для экономического развития, кардинально изменило ее геополитическое положение. Поэтому не случаен интерес историков к изучению различных, в том числе и военных аспектов процесса присоединения этого огромного края к России. В последние годы к изучению военного дела русских казаков и служилых людей, принимавших участие в военных действиях на территории Сибири в XVI–XVII вв., стали обращаться археологи и историки оружия, что позволило включить в состав источниковой базы исследования, помимо сведений русских письменных источников, находки предметов вооружения и объекты фортификации, а также информативные изобразительные материалы.

Весьма важным фактором достижения военных успехов отрядами русских казаков и служилых людей в ходе военных столкновений с войсками сибирских татар и их угорских вассалов, а также телеутов и джунгар в период присоединения лесостепных и степных районов Западной Сибири к Российскому государству в конце XVI–XVII вв. было эффективное использование огнестрельного оружия и артиллерии. Российские исследователи, обращавшиеся к оценке роли военного фактора в деле овладения Северной

* Работа выполнена по гранту РГНФ № 10-01-00258а.

Азии в XVIII–XIX вв., считали, что решающее значение имело превосходство русских воинов в средствах ведения «огненного» боя¹. С ними были согласны и европейские ученые, администраторы и дипломаты на российской службе, принимавшие участие в изучении Сибирской истории, которые даже сравнивали уровень военного превосходства русских воинов с положением испанских конкистадоров при покорении американских индейцев². В дальнейшем, в советский период, военным действиям против тюркских и монгольских номадов в период присоединения южных районов Сибири к Российскому государству не придавалось должного значения. Первостепенное значение стало придаваться мирному, договорному характеру процессов включения сибирских земель в состав России. В последние годы роль военного фактора, включая использование разных видов оружия, привлечения на службу иностранных военных специалистов и сибирских этносов, стали объектом целенаправленного изучения³.

При организации и подготовке первого похода казачьего отряда под предводительством атамана Ермака в Сибирь купцы Строгановы снабдили казаков судами, необходимым оружием, снаряжением и боеприпасами. В источниках говорится, что они выдали казакам три пушки, а тем, кто не имел своего оружия, дали каждому безоружному казаку по ружью и всем 5000 воинам по «три фунта пороха и по три фунта свинца», и снабдили продовольствием⁴. В ходе военных действий против войск Сибирского ханства казаки очень умело использовали огнестрельное оружие. Они старались психологически воздействовать на местное татарское население, демонстрируя огневую мощь этого оружия, с действием которого сибирские татары были мало знакомы. В начале похода, когда в плен к казакам попал один из наместников хана Кучума, тархан Кутугай, по приказу Ермака ему продемонстрировали «огненный бой» – стрельбу из пищалей, что произвело на него большое впечатление и должно было по замыслу казачьего атамана устроить остальных татар⁵. По сведениям из источников, приведенным в сочинении Н.К. Витзена, в одном из первых военных столкновений с сибирскими татарами на р. Иртыш атаман Ермак первоначально приказал «зарядить ружья одними пыжами, дабы придать врагам больше смелости»⁶. По мнению Г.Ф. Миллера, таким образом по приказу Ермака были заряжены не только пищали, но и пушки⁷. Под атакующим натиском татарских воинов казаки отступили

к своим судам и отплыли по Иртышу до р. Тобол. В результате этой военной хитрости им удалось наглядно убедить противника в том, что стрельба из пищалей не причиняет особого вреда. Однако в следующем бою при устье Тобола, когда большое войско татарских воинов атаковало казаков без всякой опаски, бросив против них свои отборные силы, русские воины продемонстрировали всю убойную силу огнестрельного оружия. На этот раз казаки использовали для поражения противника наиболее мощные поражающие средства, зарядив свое оружие «четыреугольными кусками железа и пулями, такими зарядами, какие только сможет выдержать оружие»⁸. Дабы усилить непрерывность стрельбы, атаман приказал стрелять «только одной половине казаков, а другая должна была только заряжать ружья»⁹. В результате такой непрерывной стрельбы татарскому войску был нанесен большой урон. Значительно превосходящее по своей численности казачий отряд войско сибирских татар потерпело в этом бою страшное поражение. Хотя сибирские татары были знакомы с действием огнестрельного оружия, к умелым действиям казаков они оказались не готовы. Сибирский хан Кучум и его полководцы также имели в своем распоряжении две «большие литые железные пушки», которые стреляли сорокафунтовыми ядрами, ранее приобретенные и привезенные из Казани. Однако у них не оказалось настоящих умелых артиллеристов. Хан Кучум приказал во время решающей битвы на Чувашском мысу на берегу Иртыша зарядить их и стрелять в неприятеля, но татарские воины не смогли сделать из этих орудий ни одного выстрела. Поэтому не сумев использовать эти орудия в этом сражении, «с проклятьями он велел сбросить их вниз в Иртыш»¹⁰. После поражения на поле боя хан Кучум и его окружение бросили на произвол судьбы свою столицу Искер и бежали. По некоторым сведениям, одну из этих пушек казаки потом смогли вытащить со дна Иртыша¹¹. Вероятно, в надежде использовать ее для боевых целей, атаман Ермак позволил вытащить из реки одну из этих пушек. По сведениям Н.К. Витзена, эта пушка находилась в Тобольске вплоть «до настоящего времени», т.е. до конца XVII в., когда он писал свое сочинение¹². В описании сражения на Чувашском мысу не говорится об использовании казаками отряда Ермака тех трех пушек, которые были в их распоряжении. Однако есть все основания полагать, что в решающей бит-

ве, от результатов которой зависела судьба всех участников похода, должны были быть использованы все имеющиеся в их распоряжении виды оружия.

В сибирских летописных источниках содержится упоминание о том, что две пушки были в распоряжении не только самого хана Кучума, но татарского мурзы Бегиша. В источниках говорится об использовании этих двух пушек мурзой Бегишем при обороне своей резиденции от казачьего отряда под командованием самого атамана Ермака – городка, расположенного на берегу Бегишева озера. Однако в достоверности этого сообщения выразил сомнение Г.Ф. Миллер¹³. Умелое использование артиллерии, наряду с эффективным применением ручного огнестрельного и холодного оружия и надежных средств защиты, и большой боевой опыт военных действий против кочевников позволили казачьему отряду Ермака превзойти войска сибирских татар в полевых сражениях и при штурме фортификационных сооружений. Однако некоторые хорошо укрепленные татарские городки оказались неприступны для русских казаков. Когда атаман Ермак попытался взять штурмом хорошо укрепленную татарскую крепость Куллары, расположенную на западном берегу Иртыша близ озера Аускалу, его постигла неудача. В течение пяти дней «он прилагал все усилия, но взять его не смог»¹⁴. Ермак был вынужден отступить, надеясь захватить этот городок в будущем. Вероятно, к началу XVIII в. сведения о знакомстве сибирских татар с действием огнестрельного оружия во время похода Ермака были основательно забыты. Они остались неизвестны некоторым европейцам, путешествовавшим по Сибири. В записках англичанина Д. Белла, совершившего поездку по Сибири в 1719 г. в составе посольства Л.В. Измайлова, направленного в Китай, говорится, что во время похода отряда Ермака «татарский хан, утрашась его прибытия, собрал многочисленное войско из конных и пеших, вооруженное луками, стрелами и другими подобными оружиями». Казачий отряд «имел с ними многие стычки, в которых побивал многое их число огнестрельным своим оружием, какого татары еще не видели. Как же они испугались, увидев россиян с таковым оружием, как и мексиканские жители при вступлении испанцев в Америку, на которую во многом походит Сибирь»¹⁵. Такая оценка военных событий не соответствует реальным историческим событиям. Подобный

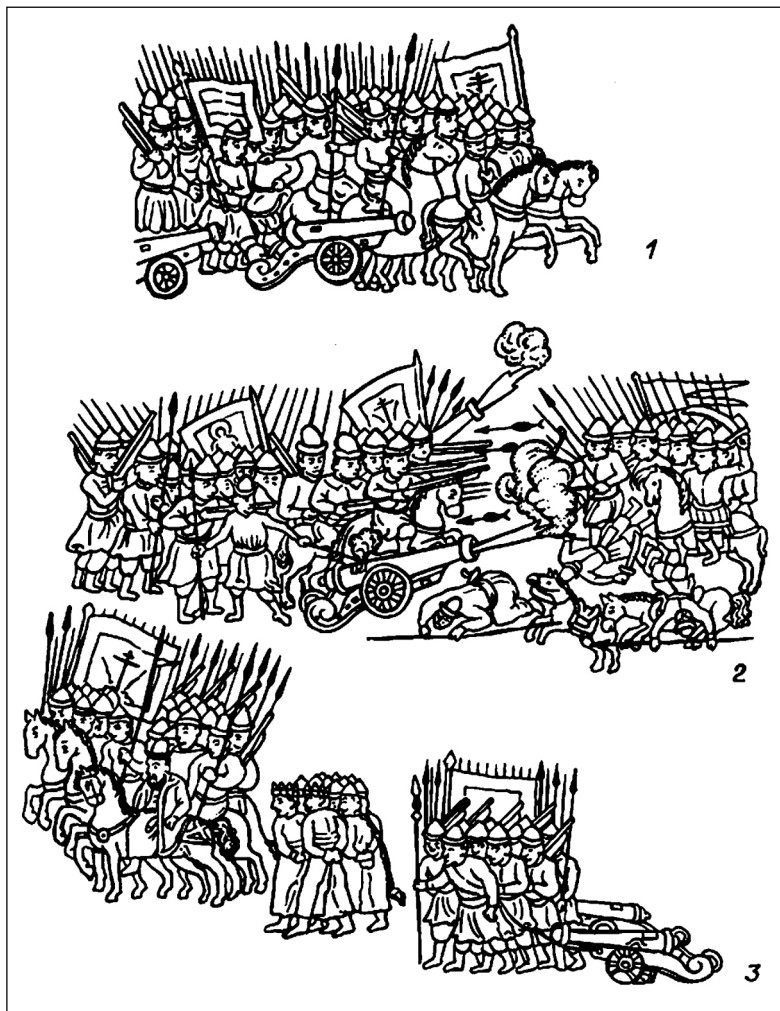
эффект имели результаты применения артиллерии русскими воинами в ходе военных столкновений с угорскими племенами, населявшими таежную зону Западной Сибири, которые в отличие от сибирских татар действительно до прихода русских не были знакомы с действием огнестрельного оружия, в том числе артиллерии.

Во время похода в 1585 г. русского военного отряда под командованием воеводы И. Мансурова, посланного царем Федором Ивановичем, использование артиллерии способствовало успешной обороне Русского городка – первого из построенных в Сибири временного российского военного укрепления при устье Иртыша. Отряд насчитывал сто служилых людей и был снабжен «несколькими пушками». Построенное укрепление было окружено «множеством остяков», возглавляемых своими князьями, которые привезли с собой знаменитого белогорского шайтана, особо почитаемого угорскими племенами, хантами, языческого идола, которого водрузили на дерево и приносили ему жертвы, прося помощи для победы над русскими. Русские воины «с великим трудом могли их отразить». Воевода И. Мансуров «велел навести на шайтана пушку, и когда он был разбит на мелкие куски, этого было достаточно, чтобы рассеять толпы остяков, которые теперь ни на кого уже больше не могли надеяться»¹⁶. Одного меткого выстрела из пушки оказалось достаточно, чтобы обратить в бегство все хантыйское воинство.

После утраты сибирскими татарами своих хорошо укрепленных городков преимущество российских войск над военными отрядами сибирских татар, подвластных хану Кучуму, стало подавляющим. В боях с русскими татарские военные отряды неизменно терпели поражения. Отдельные военные успехи татарских войск носили эпизодический характер. Они были обусловлены хорошим знанием местности, дезинформацией врага и внезапностью нападения на не ожидавшего атаки противника. Эффективное применение артиллерии российскими войсками против «кучумлян» наглядно проиллюстрировано в «Истории Сибирской» С.У. Ремизова, где показаны различные эпизоды известного похода в 1591 г. отряда казаков под командованием тарского воеводы И. Кольцова-Масальского на ставку хана Кучума на р. Ишим у оз. Чиликуль¹⁷. Хотя эти рисунки относятся к концу XVII в., они достаточно подробно демонстрируют особенности вооружения и экипировки

русских воинов эпохи присоединения Сибири к российскому государству. Казачий отряд совершил успешный поход и сумел внезапно напасть на ханскую ставку в момент, когда «кучумляне» не ожидали нападения. По сведениям сибирских летописей, после завязавшегося «короткого сражения многие бывшие с ханом были убиты, а оставшиеся в живых бежали»¹⁸. На иллюстрации в «Истории Сибирской» показаны различные эпизоды похода русского войска, состоявшего из конных и пеших воинов с двумя пушками на двухколесных лафетах. В первом эпизоде воспроизведен сам поход отряда И. Кольцова-Масальского. В авангарде отряда движутся всадники с копьями и знаменем с крестом в центре. За ними идут пехотинцы с пищалами на плечах. Среди пехотинцев изображен знаменосец, держащий обеими руками древко знамени с широкой полосой по периметру и четырьмя горизонтальными полосами на полотнище. Всадники и пехотинцы изображены в островерхих шлемах и малахях с оторочкой. Они одеты в распашные зипуны с осевым разрезом спереди и подолом выше колен, подпоясанные широким поясом, штаны и сапоги. На переднем плане показаны две пушки. У них выделены длинные стволы, расширяющиеся к казенной части, небольшие прямоугольные отверстия для запала, широкие лафеты со спирально свернутым двойным окончанием и колеса с восемью спицами. При движении в пути пушки передвигаются вперед с помощью конной тяги. В отверстие, расположенное на передней части лафета, под стволом пушки, закреплена длинная веревка или шнур, который едущий впереди всадник держит правой рукой. Вторая пушка изображена не полностью. У нее показан длинный ствол, передняя часть лафета с отверстием для крепления веревки и колеса со спицами (рис. 1). В следующем эпизоде изображен решающий, кульминационный момент боя, в ходе которого казаки палят из пищалей и обеих пушек в своих противников, стреляющих в них стелами из луков. Пушки установлены в переднем ряду построения отряда. Между ними изображены всадники, стреляющие из ружей с рук. На заднем плане изображено знамя с крестом. На переднем плане изображен пушкарь, который левой рукой подносит запал к запальному отверстию в орудийном стволе. Второй рукой артиллерист опирается на копьё. Пушка изображена с длинным стволом, расширяющимся к казенной части, широким лафетом со спирально согнутым двойным окончанием. В передней и задней частях лафета показаны отверстия.

Колесо пушки снабжено восемью спицами. Второй эшелон построения составляют пехотинцы с ружьями и копьями в руках. Над ними возвышается второе знамя с изображением святого с нимбом над головой. Этой огневой мощи противостоят татарские конные и пешие воины, машущие саблями, держащие копыя. Над татарским войском изображено знамя с двумя длинными косицами. Редкие стрелы долетают до строя русских воинов. Значительная часть татарских воинов показана поверженной в результате стрельбы из пушек и ружей. Они показаны лежащими на земле с луками и саблями в руках (рис. 2). Какая-то часть татарских воинов, среди которых был хан Кучум, сумела бежать. В третьем эпизоде показаны результаты одержанной победы. Казаки берут в плен татарских воинов, связывая им руки за спиной. Среди пленных изображен татарский царевич с короной на голове. После победы русское войско направилось в обратный путь, уводя с собой пленных. Впереди движется отряд всадников со знаменем с крестом, вооруженных копьями и пищалями. За отрядом всадников идет группа пленных татар со связанными руками. Среди них несколько человек в коронах. За ними движется отряд пеших русских воинов, с копьями в руках и пищалями на плечах, которые тащат за собой две пушки. Пешие воины тянут пушки на длинных веревках, закрепленных в отверстие на передней части лафета. Противоположный конец веревки воин, изображенный на переднем плане, вероятно, пушкарь, закрепил на своем поясе, за спиной. Правой рукой он опирается на копьё. Пушки изображены с длинными стволами, на лафетах со спирально согнутым двойным окончанием и колесами с несколькими спицами. На казенной части ствола передней пушки, помимо запального отверстия, показана полукруглая скоба (рис. 3). Несколько необычно, что во время передвижения отряда к месту сражения и возвращения обратно конные и пешие русские воины тянут пушки дулом вперед, а лафет своим окончанием касается земли¹⁹. Вероятно, было бы удобнее передвигать их за окончание лафета на двух колесах. Трудно сказать, чем можно объяснить подобную манеру изображения артиллерии на марше. Судя по изображенной картине боя, применение артиллерии имело важное значение для достижения победы русскими воинами в этом сражении, серьезно подорвавшем возможности хана Кучума и его сторонников продолжать борьбу за восстановление Сибирского ханства.

Изображения транспортировки и боевого применения артиллерии русскими войсками отряда И. Кольцова-Масальского во время похода на кучумлян: 1 – передвижение артиллерии конной тягой; 2 – стрельба из артиллерийских орудий по противнику; 3 – передвижение артиллерии пехотинцами (по: Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006. Илл. 216)

По русским сибирским летописным источникам известно, что при строительстве в 1594 г. города Тары, возведенного в качестве оборонительного форпоста от набегов степных кочевников на сибирские владения Московского царства, его гарнизон был собран из разных местностей и городов Поволжья, Урала и Сибири. В состав тарского гарнизона были включены казаки, служилые татары, стрельцы и пушкарки. Гарнизон был снабжен артиллерией, воинской амуницией и другими «необходимыми вещами» для успешного выполнения порученного дела. В наказе назначенному тарскому воеводе, князю А. Елецкому, указано «всякие пушечные запасы устроить». Среди воинов российского гарнизона Тарского острога названы «татар ясашных конных 300 человек» во главе с татарскими военачальниками – «с головами с татарскими», а также «пешие татары» «с пищальми 150 человек»²⁰. Гарнизон Тары был снабжен артиллерией и пищалями. «А наряду в тот новый город послано с Москвы с воеводами: пищаль в 4 гривенки ядро, а к ней 200 ядер железных; пищаль девятипядная 2 гривенки ядро, а к ней 200 ядер железных; 10 пищалей затинных, а к ним 200 ядер к пищали, итого 2000 ядер; 10 пищалей долгих, а к ним 200 ядер свинчатых, итого 2000 ядер. Да с Пельми взяти у князя Петра Горчакова пищаль девятипядная, а к ней 200 ядер. Да в тот же новый город послано 50 пуд зелья, 50 пуд свинцу»²¹. Необходимую для эффективной обороны нового острога артиллерию, огнестрельное оружие и боеприпасы не только присылали из Москвы, но и взяли из Пелымского острога, расположенного в таежной зоне Западной Сибири, вдали от районов противостояния кочевникам. Важно отметить, что в это время в составе российских войск были отряды пеших и конных служилых татар, вооруженных пищалями, во главе с татарскими командирами, перешедшими на службу к московскому царю, которым русские воеводы вполне доверяли. Переход части татарской знати на сторону российских властей свидетельствовал об эффективности политики привлечения татарского населения на свою сторону.

В это же время тобольский воевода, князь Ф. Лобанов-Ростовский затребовал, «чтобы ему прислали в Сибирь пять скорострельных пушек» для организации нового похода против хана Кучума и «таковые были ему отправлены вместе с необходимыми припасами»²². Однако осуществлять этот замысел пришлось уже сменившему его воеводе, Ф. Елецкому, который получил в

свое распоряжение «детей боярских, и атаманов, и литвы, и казаков, и стрельцов, и служилых татар, с вогненным боем 239 человек»²³. Ранней весной, в марте 1595 г., в Барабинскую степь был послан отряд Б. Доможирова и С. Рупосова, который передвигался по заснеженной степи на лыжах. Во время этого похода был взят и сожжен Чангульский городок, а соседние татарские волости «шертовали в верности и обещали платить ясак в город Тару». Однако «таяние снегов и вскрытие рек положили конец их походу»²⁴. В 1598 г. отряд под командованием А. Воейкова, включавший 700 русских воинов и 300 служилых татар из Тары и Тобольска, обрушился на лагерь Кучума на р. Ирмени. В этом бою «хан был совершенно разбит, потерял большую часть своей семьи и все свое имущество»²⁵. Хану Кучуму удалось бежать, но через несколько лет он был убит ногайцами. Основой для противостояния кочевникам стало сооружение новых острогов – опорных пунктов российской власти в Западной Сибири. В распоряжении о строительстве острога в Епанчине юрте между Верхотурьем и Тюменью было указано тюменскому голове Ф. Янову взять с собой «и зелье, и свинец, и казаков, и стрельцов и пушкаря». В составе даже такого небольшого гарнизона, состоявшего из 30 казаков и стрельцов, был предусмотрен артиллерист²⁶. В сохранившейся росписи по этому поводу перечислено включить в состав отряда из Тюмени «казаков конных 10 человек да пушкаря; да наряду взять 2 пищали затинных, а к ним 200 ядер, да 10 пуд зелья, да 10 пуд свинцу». Тридцать стрельцов и черкасов необходимо было взять из Тобольска и Пельма. Из Верхотурья было велено послать 10 стрельцов и взять «2 пищали затинных, а к ним 400 ядер, да 10 пуд зелья, да 10 пуд свинцу»²⁷. При сооружении Томского острога, ставшего важным опорным пунктом для продвижения русских казаков и служилых людей в южные районы Сибири, было предложено отправить отряд из 50 казаков и стрельцов, с которыми отправить «пищаль скорострельную, а к ней 200 ядер железных да 200 ядер свинцовых, да 10 пуд зелья, 10 пуд свинцу»²⁸. Судя по этим сведениям, при сооружении новых острогов российские власти стремились обеспечить их гарнизоны нужным количеством людей, снабдив их огнестрельным оружием, артиллерией и боеприпасами.

После гибели хана Кучума в начале XVII в. борьбу за восстановление Сибирского ханства продолжили его наследники. Особую

опасность для российских властей в Западной Сибири представляло восстание сибирских татарских племен, вызванное произволом воевод, в конце 1620–1630-х гг., которое возглавили потомки и наследники хана Кучума, царицы Аблайкерим и Давлет-Гирей²⁹. Их активно поддерживали телеуты и джунгары. В ходе военных действий против военных отрядов сибирских татар русскими казаками активно использовалась полевая артиллерия. Во время похода российского военного отряда под командованием Я. Тухачевского в 1631 г. на Чингисов городок против вышедшего из подчинения российским властям чатского мурза Тарлава, который проходил ранней весной, при передвижении по заснеженной степи, русские воины не только сами передвигались на лыжах, но и тянули на себе и ездовых собаках небольшие пушки, которые были закреплены на нартах. Воины передвигались с большой скоростью, чтобы обеспечить внезапность нападения. Шли без остановок днем и ночью. Пушки, «порох и свинец, и пули железные и пушечные, и запасишко свое волокли на себе да на собаках»³⁰. Несмотря на то, что удалось скрытно подойти к укрепленному городку противника, восставшие чатские татары смогли оказать упорное сопротивление отряду русских воинов и послать за помощью к своим союзникам: татарам, телеутам и джунгарам. Однако в результате развернувшегося сражения опорный пункт восставших Чингисов городок был взят и разбиты подоспевшие на помощь чатским татарам войска других групп сибирских татар, телеутов и ойратов. Важное значение в достижении этого военного успеха имело использование русскими воинами для своей защиты деревянных щитов, сколоченных из досок, а для поражения противника – эффективной стрельбы из огнестрельного оружия и походной артиллерии.

Изучение исторических свидетельств и изобразительных материалов позволило уточнить особенности транспортировки и применения артиллерии в полевых условиях, а также при штурме и обороне фортификационных сооружений русскими воинами в ходе военных действий против сибирских татар и их союзников в Западной Сибири в XVI – первой половине XVII вв.

¹ Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Стихотворения. Проповеди. Новосибирск: Изд-во «Вен-Мер», 1995. С. 88–89.

- ² Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск: Вост. Сиб. кн. изд-во, 1968. С. 47.
- ³ Худяков Ю.С. Холодное оружие и защитный доспех в комплексе вооружения русских воинов в Сибири в XVI–XVII веках (по изобразительным источникам) // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 3: Археология и этнография. С. 212–217; Бобров Л.А. Русские бердыши и «топорики» из сибирских музеев и проблема применения длиннодревкового ударно-рубящего оружия в Сибири в XVII веке // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 7: Археология и этнография. С. 301–306.
- ⁴ Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. М.: Вост. лит-ра, 1999. Т. I. С. 212.
- ⁵ Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. Ремизовская летопись. История Сибирская. Летопись Сибирская краткая кунгурская. Исследование. Текст и перевод. Тобольск: «Возрождение Тобольска», 2006. С. 54.
- ⁶ Зиннер Э.П. Указ. соч. С. 19.
- ⁷ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. С. 226, Прим. 35.
- ⁸ Зиннер Э.П. Указ. соч. С. 19.
- ⁹ Там же. С. 20.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. С. 225.
- ¹² Зиннер Э.П. Указ. соч. С. 20.
- ¹³ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. С. 254.
- ¹⁴ Там же. С. 255.
- ¹⁵ Зиннер Э.П. Указ. соч. С. 47.
- ¹⁶ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. С. 261–262.
- ¹⁷ Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. Указ. соч. Илл. 216.
- ¹⁸ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. С. 273.
- ¹⁹ Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. Указ. соч. Илл. 216.
- ²⁰ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. С. 284, 348.
- ²¹ Там же. С. 352.
- ²² Там же. С. 287.
- ²³ Там же. С. 362.
- ²⁴ Там же. С. 290.
- ²⁵ Там же. С. 291.
- ²⁶ Там же. С. 374.
- ²⁷ Там же. С. 377.
- ²⁸ Там же. С. 402.
- ²⁹ Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. М.: «Вост. лит-ра», 2000. Т. II. С. 114, 116–118.
- ³⁰ Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII – первой четверти XVIII века. Барнаул: БГПУ, 1995. Т. I. С. 34–35.

Э.А. Цеглеев (Киров)

ВЯТЧАНЕ В НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙНАХ: ЧИСЛЕННОСТЬ, ГЕОГРАФИЯ СЛУЖБЫ, БОЕВЫЕ ОТЛИЧИЯ

ПОСТОЯННЫЕ войны, которые вела Россия в начале XIX в., и особенно противостояние с наполеоновской Францией, требовали увеличения численности войск. Только в 1811–1813 гг. в России было проведено 5 рекрутских наборов, норма поставки рекрутов по которым доходила до 8–10 человек с 500 душ. Рекрутские наборы 1811–1813 гг. были важнейшим организационным мероприятием в Вятской губернии, давшей за этот период русской армии десятки тысяч рекрутов.

18 сентября 1811 г. Александр I издал указ о начале проведения 81-го рекрутского набора из расчета 4 человека на 500 душ. Предполагалось собрать 135 тысяч человек. В ходе 81-го набора в рекруты привлекались крепостные крестьяне по назначению помещиков, а также удельные, государственные крестьяне и мещане по приговорам обществ. Для приема и освидетельствования рекрутов в губернских и уездных городах создавались рекрутские присутствия. Решение о том, брать или не брать рекрута, принималось большинством голосов членов рекрутского присутствия. Наличие в рекрутском присутствии военных приемщиков, заинтересованных в наборе здоровых рекрутов, и врачей, проводящих их медицинский осмотр, делало освидетельствование достаточно объективным. Каждый рекрут получал в рекрутском присутствии обмундирование. Собранных рекрутов следовало отправлять в назначенные места партиями по 300–500 человек под конвоем¹. Указ Александра I о начале 81-го рекрутского набора и «Наставление рекрутским присутствиям», разработанное в военном министерстве, стали основными нормативными актами, которыми руководствовались

в своей деятельности по проведению рекрутского набора губернские власти Вятки.

По раскладке, составленной в Вятском губернском правлении, в городах и уездах Вятской губернии следовало собрать 3577 рекрутов². Рекруты из Вятского, Слободского, Глазовского, Нолинского, Орловского и Котельнического уездов собирались в Вятке, а рекруты из Уржумского, Елабужского, Сарапульского и Яранского уездов – в Уржуме³. Эти два города Вятской губернии, занимая срединное положение по отношению к соседним уездам, традиционно были центрами сбора рекрутских команд. К 1 декабря в Уржуме было собрано 1385 рекрутов. Из Уржума рекруты направлялись в Тверское рекрутское депо⁴. В Вятке к 1 января было собрано 2034 рекрута. В январе рекруты партиями по 300 человек стали отправляться из Вятки к назначенному пункту – в Новгород⁵. Всего в ходе 81-го набора в России было собрано 120 тысяч рекрутов⁶.

Еще не закончился 81-й набор, а правительство в апреле 1812 г. объявило новый – 82-й набор. На эту чрезвычайную меру подтолкнула возрастающая угроза войны с Францией. 82-й набор проводился из расчета 2 человека на 500 душ. По этому набору предполагалось собрать около 70 тысяч человек⁷. 1811 рекрутов из Вятской губернии направлялись во Владимир⁸. В итоге они составили основу 2-го резервного Владимирского пехотного полка⁹.

К середине июня 1812 г. численность русской армии составляла 480 тысяч человек. Из них 220 тысяч были сосредоточены на западных границах¹⁰. В условиях начавшейся войны с Францией этих сил было явно недостаточно и правительство вновь провело экстраординарный рекрутский набор. 4 августа было объявлено о начале 83-го рекрутского набора. Была установлена небывало высокая норма поставки рекрутов – 10 человек с 500 душ. В ходе 83-го набора предполагалось мобилизовать в армию около 180 тысяч человек¹¹. На этот раз в рекруты полагалось принимать государственных и удельных крестьян, а также мещан. Из крепостных же крестьян формировалось ополчение. Были снижены требования к возрастным и физическим параметрам рекрутов. Нижний возрастной порог оставался прежним – 18 лет. Верхний повышался с 37 до 40 лет¹².

В Вятской губернии в ходе 83-го набора следовало собрать 8685 рекрутов. Вятка была назначена сборным пунктом для рекрутов из

Вятского, Глазовского, Нолинского, Слободского, Орловского и Котельнического уездов. Уржум стал сборным пунктом для рекрутов из Уржумского и Яранского уездов. В Елабуге собирались рекруты из Елабужского и Сарапульского уездов¹³. 8685 вятских рекрутов и 374 рекрута из Пермской губернии направлялись в Санкт-Петербург и поступали в находящиеся там полки, учебные команды и резервные артиллерийские части¹⁴. К концу ноября 1812 г. из Вятской губернии было отправлено 19 партий рекрутов. 4888 рекрутов 9-ю партиями было отправлено из Вятки, 1811 рекрутов 3-мя партиями – из Уржума и 1986 рекрутов 4-мя партиями – из Елабуги¹⁵.

Маршрут от Вятки до Санкт-Петербурга проходил через Орлов, Макарьев, Кострому, Ярославль, Рыбинск, Весьегонск, Новую Ладугу. Рекруты шли по территории Вятской, Костромской, Ярославской, Тверской, Новгородской и Санкт-Петербургской губерний. По этому маршруту расстояние от Вятки до Санкт-Петербурга составляло 1404,5 версты. Рекруты, собранные в Уржуме, до Костромской губернии добирались через Кукарку и Котельнич, а рекруты, собранные в Елабуге – через Вятские Поляны, Малмыж, Уржум, Кукарку и Котельнич¹⁶. В среднем в день рекруты преодолевали около 20 верст. Однако расстояния между станциями колебались от 11 до 31 версты. После 2–3 дней перехода полагался 1 день отдыха. Кроме того, в дороге случались задержки. В итоге путь партий вятских рекрутов 83-го набора к месту назначения занимал не менее 3-х месяцев.

Проведение экстраординарных рекрутских наборов, а также включение в состав полевых войск ряда ополчений позволили к началу 1813 г. увеличить численность русской армии до 572 тысяч человек¹⁷. Однако необходимость пополнения несущей потери армии и комплектования резервов вынуждала правительство объявлять новые рекрутские наборы. Еще 30 ноября 1812 г. был объявлен 84-й рекрутский набор. Этот набор проводился из расчета 8 человек на 500 душ. В ходе его было собрано около 160 тысяч рекрутов. Наконец, в 1813 г. был объявлен 85-й набор. Он проводился также из расчета 8 рекрутов на 500 душ и растянулся до 1814 г.¹⁸ По 84-му набору в Вятской губернии было собрано около 6800 рекрутов¹⁹. Примерно столько же поступило и по 85-му набору. Причем в зачет 85-го набора вятские помещики сдали большую часть вернувшихся домой в конце 1814 г. ополченцев.

Партии набранных в Вятской губернии рекрутов, как правило, распределялись мелкими группами по разным частям. Вятчане в начале XIX в. служили в различных полках регулярной армии, в гвардии, на Балтийском флоте, в гарнизонах Санкт-Петербурга, городов и крепостей Урала и Сибири, при Камских заводах.

Рекруты из Вятской губернии были одним из важных источников комплектования русской армии. В конце XVIII в. Вятская губерния ежегодно поставляла в регулярные войска, в гарнизоны и на флот по 800 рекрутов (из расчета «1 с 500 душ»), в начале XIX в. – по 1700–4250 (из расчета от 2 до 5 с 500 душ). С 1788 по 1810 гг. Вятская губерния дала около 40 000 рекрутов, а в 1811–1813 гг. выставила около 28 000 рекрутов (по 1811–8685 за один набор из расчета от 2 до 10 с 500 душ).

Приведенные ниже биографические данные ряда воинов-вятчан, взятые из мемуаров, формулярных списков, рапортов и списков на получение пенсионера, дают представление об их полковой принадлежности, географии их участия в войнах начала XIX в., боевых отличиях.

Из Вятской губернии была родом первая в русской армии женщина – офицер и герой русско-прусско-французской войны 1806–1807 гг. Н.А. Дурова (1783–1866). Будучи дочерью отставного секунд-майора Полтавского легкоконного полка А.В. Дурова, – участника русско-турецкой войны 1769–1774 гг., а в начале XIX в. – сарапульского городничего, будущая «кавалерист-девица» с детства интересовалась военной службой. В 1801 г. Н.А. Дурова вышла замуж за дворянского заседателя Сарапульского земского суда В.С. Чернова, а в 1803 г. у них родился сын Иван. В том же году она ушла от В.С. Чернова и вернулась в родительский дом, а в сентябре 1806 г., переодевшись в казачий костюм, покинула Сарапул, присоединившись к донскому казачьему полку С.Ф. Балабина. 9 марта 1807 г. под именем А.В. Соколова она поступила рядовым в Польский конный полк, в составе которого отличилась в весенней кампании 1807 г. в Восточной Пруссии. С 24 мая по 7 июня она принимала участие в сражениях под Гутштадтом, Гейльсбергом, Фридландом, а также во многих арьергардных боях.

В своих автобиографических записках «Кавалерист-девица. Происшествие в России» она красочно рассказала о своем участии в сражении под Гутштадтом 22 мая 1807 г. и о подвиге: «Гутштадт. В первый раз еще я видела сражение и была в нем. Как много пустого

наговорили мне о первом сражении, о страхе, робости и, наконец, отчаянном мужестве! Какой вздор! Полк наш несколько раз ходил в атаку, но не вместе, а поэскадронно. Меня бранили за то, что я с каждым эскадронном ходила в атаку; но это, право, было не от излишней храбрости, а просто от незнания; я думала, так надобно, и очень удивлялась, что вахмистр чужого эскадрона, подле которого я неслась, как вихрь, кричал на меня: “Да провались ты отсюда! Зачем ты здесь скачешь?” Воротившись к своему эскадрону, я не стала в свой ранжир, но разъезжала поблизости: новость зрелища поглотила все мое внимание; грозный и величественный гул пушечных выстрелов, рев или какое-то рокотанье летящего ядра, скачущая конница, блестящие штыки пехоты, барабанный бой и твердый шаг и покойный вид, с каким пехотные полки наши шли на неприятеля, все это наполняло душу мою такими ощущениями, которых я никакими словами не могу выразить.

Едва было я не лишилась своего неоцененного Алкида: разъезжая, как я уже сказала, вблизи своего эскадрона и рассматривая любопытную картину битвы, увидела я несколько человек неприятельских драгун, которые, окружив одного русского офицера, сбили его выстрелом из пистолета с лошади. Он упал, и они хотели рубить его лежащего. В ту ж минуту я понеслась к ним, держа пику наперевес. Надобно думать, что эта сумасбродная смелость испугала их, потому что они в то же мгновение оставили офицера и рассыпались врознь...»²⁰.

В конце 1807 г. Н.А. Дурова была вызвана в Санкт-Петербург и 31 декабря представлена императору Александру I. Во время аудиенции император сообщил ей: «Мне уже доносили о вашей беспримерной храбрости, и если вы полагаете, что одно только позволение носить мундир и оружие может служить вашей наградой, то вы будете иметь ее. С этого дня вы будете называться по моему имени – Александровым»²¹. За спасение офицера Панина Н.А. Дурова была награждена знаком отличия ордена Святого Георгия, а за проявленную в сражениях храбрость произведена в корнеты и определена в Мариупольский гусарский полк²².

В Отечественную войну 1812 г., будучи командиром эскадрона, поручиком Литовского уланского полка, Н.А. Дурова принимала участие в арьергардных сражениях под Миром, Романовом, Салтановкой, Смоленском, Гжатском, Колоцким монастырем²³.

Стратегическое отступление русской армии, осуществляемое Барклаем-де-Толли, а затем Кутузовым, и арьергардные сражения проходили в тяжелых погодных условиях. В начале лета шли проливные дожди, размывающие дороги, а с середины июля установилась сильная жара, которую солдаты Великой армии, участвовавшие в Египетском походе Наполеона, сравнивали с африканской²⁴. К 24 августа, за два с половиной месяца боев и отступления Литовский уланский полк потерял 2 из 47 офицеров, 30 из 89 унтер-офицеров, 5 из 24 трубачей, 450 из 971 рядового²⁵. Судя по рапортам офицеров полка и воспоминаниям Н.А. Дуровой, неравномерность потерь командного и рядового состава полка была обусловлена низкой дисциплиной и дезертирством нижних чинов, большинство из которых были литовцами и симпатизировали французам. 24 августа под Шевардином Н.А. Дурова была контужена ядром в ногу, но несмотря на это осталась в строю и 26 августа участвовала в Бородинском сражении. После оставления Москвы до середины сентября Н.А. Дурова состояла ординарцем при штабе Кутузова, а затем направилась в отпуск в Сарапул. Там, находясь в кругу семьи, она проходила курс лечения.

Последствия контузии долго давали о себе знать. Так, 30 января 1813 г. сарапульский лекарь Вишневецкий сообщал в Вятскую врачебную управу, что поручик Александров «чувствует всегдашнюю в кости бедренной ломоту так, что с трудностию может приступить сею ногою»²⁶. Наконец, 12 мая 1813 г. сарапульский городничий А.В. Дуров рапортовал губернатору Ф.И. Фон-Брадке: «...находящийся в городе управлению моему вверенном Литовского Уланского полку поручик Александров сего мая 12 числа по выздоровлении от болезни отправился к армии»²⁷.

По возвращении в Литовский уланский полк Н.А. Дурова приняла участие в осаде крепостей Модлин, Гамбург и Гарбург, а 9 марта 1816 г. по прошению была уволена со службы «за болезнь» с чином штабс-ротмистра и пенсионом. Проживая в Сарапуле с отцом и братом – В.А. Дуровым, занимавшим должность сарапульского городничего после смерти в 1820 г. А.В. Дурова, Н.А. Дурова занималась литературным творчеством. Она стала автором автобиографических записок «Кавалерист-девица. Происшествие в России», в которых создала романтический образ «русской амазонки», а также ряда романов и повестей. Издать эти произведения помогал А.С. Пушкин, с которым В.А. Дуров состоял

в приятельских отношениях. С 1841 г. и до смерти в 1866 г. Н.А. Дурова жила в Елабуге, куда был переведен городничим ее брат.

27 ноября 1811 г. офицерский корпус русской армии пополнился еще одним вятчанином. Прапорщиком в Симбирский пехотный полк поступил Владимир Петрович Чайковский (род. в 1793 г.). Он был сыном глазовского городничего П.Ф. Чайковского и приходился дядей композитору П.И. Чайковскому²⁸. Отечественную войну 1812 г. В.П. Чайковский встретил уже подпоручиком. 2 августа отряд Д.П. Неверовского, куда входил Симбирский полк, под Красным сдерживал рвущиеся к Смоленску войска маршалов Нея и Мюрата. Отступая под давлением превосходящих сил неприятеля, отряд Д.П. Неверовского на марше отразил 40 атак конницы Мюрата. Французам не удалось с ходу занять Смоленск до подхода основных сил русской армии. Симбирский полк в сражении под Красным потерял 210 человек убитыми и ранеными²⁹. В.П. Чайковский получил в этом сражении пулевое ранение в руку, а за отличие в нем 27 декабря 1812 г. был произведен в поручики и награжден орденом Святой Анны 4-й степени. После выздоровления В.П. Чайковский вернулся в полк и принял участие в Освободительном походе 1813–1814 гг. В 1813 г. он сражался при Кайзерсвальде, Бунцлау, Эйхговце, Мейсинге, Лейпциге, Мангейме, в 1814 г. – при Бриенне, Лаорте, Монмирае, Шато-Тьери, Мэри, Краоне, Лаоне. 13 ноября 1816 г. В.П. Чайковский был произведен в штабс-капитаны, а 25 апреля 1818 г. уволился из Симбирского полка в чине капитана и был определен заседателем в Оханский земский суд. 18 сентября 1820 г. он стал городничим Осинска, а 23 октября 1835 г. был назначен полицмейстером Воткинского завода³⁰.

С 1802 по 1810 гг. в Вятском полку рядовым служил уроженец Уржумского уезда Никифор Сидоров. Он участвовал в наполеоновских войнах 1805–1807 гг., сражался под Аустерлицем. В составе Вятского полка Н. Сидоров принимал участие в русско-турецкой войне 1806–1812 гг., в частности, в осаде Рушука. Крепость Рушук была взята русскими войсками 15 сентября 1810 г. Во время осады Рушука Н. Сидоров был раздавлен пушечным колесом³¹. Он достойно отслужил в старейшем полку русской армии, носящем имя его малой родины.

С 1790 по 1816 гг. в Белозерском пехотном полку рядовым служил уроженец города Слободского Павел Филиппович Карякин.

Он участвовал в русско-шведской войне 1788–1790 гг. Белозерский полк воевал на территории шведской Финляндии. При взятии местечка Бакул П.Ф. Карякин был контужен в грудь. В 1799 г. П.Ф. Карякин участвовал в экспедиции в Голландию. Корпус генерал-лейтенанта И.И. Германа, в составе которого был Белозерский полк, был разгромлен под Бергеном. В составе Белозерского полка П.Ф. Карякин принимал участие в высадке десанта в Ганновер в 1805 г., в русско-прусско-французскую войну 1806–1807 гг. сражался при Янкове, Прейсиш-Эйлау, Гейльсберге, Фридрихсгамме, в русско-шведскую войну 1808–1809 гг. вновь занимал Финляндию, которая по Фридрихсгамскому мирному договору осталась за Россией. В 1812 г. Белозерский полк сражался при Смоленске, Валутиной Горе, Бородине, Тарутине, Малоярославце, Вязьме, Красном, в 1813 г. – при Бауцене, Кацбахе, Лейпциге, а 18 марта 1814 г. участвовал в штурме Парижа. Белозерский полк сражался во всех наполеоновских войнах, в которых принимала участие Россия. Всю Отечественную войну и Освободительный поход П.Ф. Карякин прошел в составе своего полка. К сожалению, в списке на получение пенсионера в 1817 г. не уточняется, за что П.Ф. Карякин был удостоен знака отличия ордена Святого Георгия под № 20328, а его формулярный список в архивных документах обнаружить не удалось³². Однако судя по тому, что с момента учреждения знака отличия ордена Святого Георгия в 1807 г. и до конца 1812 г. было выдано 19 606 знаков, а в 1813 г. – 8611, П.Ф. Карякин был удостоен награды в начале 1813 г.

В 1812 г. в Ревельском полку рядовым служил состоящий на службе с 1788 г. уроженец Уржумского уезда Матвей Александров. В составе 3-й пехотной дивизии П.П. Коновницына полк принимал участие в сражениях под Витебском, Смоленском, Валутиной Горой. В Бородинском сражении Ревельский полк сражался на левом фланге русской позиции на Семеновских флешах, куда пришелся основной удар наполеоновских войск. Шеф полка А.А. Тучков погиб, возглавив одну из контратак. Ревельский полк потерял убитыми 270 человек³³. В других русских и французских полках ситуация была не лучшей. Адьютант Наполеона С. Сегюр писал, что «французские солдаты изумлялись тому, что так много было перебито»³⁴. Массовый героизм и ожесточение с обеих сторон при всех усилиях не могли дать решающее преимущество кому-либо из противников и вели к огромным потерям. Как заметил Наполеон,

битва «при Москве-реке была битвой, где проявлено наиболее доблести и достигнуты наименьшие результаты»³⁵. Матвей Александров уцелел в Бородинском сражении и, по-видимому, продолжил службу в Ревельском полку. Однако о его участии в Освободительном походе 1813–1814 гг. в списке на получение пенсии в 1816 г. не сообщается. Также не сообщается, за что он был награжден знаками отличия орденов Святого Георгия и Святой Анны³⁶.

С 1798 по 1814 гг. в лейб-гвардии Измайловском полку служил уроженец города Глазова Дмитрий Андреевич Матов. В 1805–1807 гг. в составе своего полка Д.А. Матов сражался при Аустерлице, Гутштадте и Фридланде, а 26 августа 1812 г. при Бородине. В этом сражении лейб-гвардии Измайловский полк, располагавшийся в районе деревни Семеновская, отличился при отражении атак французской кавалерии, стремящейся развить успех после взятия Семеновских флешей. Командир полка полковник А.П. Кутузов сообщал об этом следующее: «...Неприятельские кирасиры не замедлили с чрезвычайным стремлением броситься в атаку, но за дерзость свою дорого заплатили; все кареи с удивительною твердостью, допустив их на размерной выстрел, открыли с фасов, к неприятелю обращенных, батальной огонь; латы им были слабой защитой, не придавая мужества. Мгновенно показали они тыл и обратились в бегство. Свежая кавалерия, состоящая из конных гренадер, покусилась было поправить неудачу первой атаки, но быв принята таким образом, так же опрокинута и с тем же стыдом назад возвратилась; несколько из них, осмелившись доскакать до кареев, были за дерзость наказаны штыками...»³⁷. После этого французская артиллерия открыла по лейб-гвардии Измайловскому полку и соседним с ним лейб-гвардии Литовскому и лейб-гвардии Финляндскому полкам убийственный огонь, осыпая их картечью. Вообще Бородинское сражение стало крупнейшим из артиллерийских боев XIX в. На поле боя гремело более тысячи орудий: у французов – 587, у русских – 640³⁸. А.И. Михайловский-Данилевский заметил: «Самое пылкое воображение не в состоянии представить сокрушительное действие происходившей здесь канонады»³⁹. От ураганного огня лейб-гвардии Измайловский полк потерял 176 человек убитыми, 528 ранеными и еще 73 человека пропали без вести⁴⁰. Затем неприятельская конница возобновила атаку, но перекрестным огнем выставленных по флангам по приказу П.П. Коновницына двух батальонов лейб-гвардии Измайловского полка «была

истреблена и рассеяна». Более того, по воспоминаниям П.П. Ковновицына, измайловцы, «не расстраивая строя, бросились на гигантов, окованных латами, и свергали сих странных всадников штыками»⁴¹. В итоге полк отразил все атаки неприятеля, нанеся ему существенный урон. Произведенный еще в феврале 1812 г. в унтер-офицеры Д.А. Матов прошел с Измайловским полком всю Отечественную войну, а в 1813 г. сражался под Люценом, Бауценом и Кульмом, где был ранен пулей в колено правой ноги. 12 ноября 1814 г. он был уволен из полка и с декабря 1814 г. служил приказным в Глазовском уездном казначействе. За совершенный в одном из сражений подвиг у Д.А. Матова имелся знак отличия ордена Святого Георгия под № 22638⁴². Судя по номеру, свою награду он получил в 1813 г.

С 1 января 1805 по 30 мая 1814 гг. в Закавказье в Егерском Гарнизонном полку рядовым служил уроженец Уржумского уезда Василий Данилов. С 1807 по 1812 гг. В. Данилов принимал участие в многочисленных сражениях русско-турецкой 1806–1812 гг. и русско-иранской 1804–1813 гг. войн. Под руководством легендарного П.С. Котляревского он участвовал в ночном штурме турецкой крепости Ахалкалаки 8 декабря 1811 г., в сражении при Асландузе 19 октября 1812 г., когда двухтысячный русский отряд разгромил тридцатитысячную персидскую армию Аббас-Мирзы, в новогоднем штурме Ленкорани 31 декабря 1812 – 1 января 1813 г. Результатом ожесточенного штурма стала гибель всего персидского гарнизона в количестве 3737 человек и заключение потрясенной Персией Голистанского мира, столь необходимого для России в условиях продолжающейся войны с Наполеоном. Русский отряд (1761 человек) потерял 341 человека убитыми и 609 ранеными, в том числе П.С. Котляревского⁴³. При штурме Ленкорани картечью в правую руку был ранен и рядовой В. Данилов⁴⁴. Для него, как и для П.С. Котляревского, этот бой стал триумфальным финалом военной биографии.

О значении для России войны в Закавказье и о подвигах ее героев исследователь истории русской армии А.А. Керсновский сказал следующее: «Великие события, потрясавшие в те времена Европу, заслоняют ее и как бы подавляют своими размерами. Но в русском сердце асландузское “ура!” должно звучать громче лейпцигской канонады, здесь один шел на пятнадцать – и победил, а русская кровь лилась за русские интересы, за русский Кавказ»⁴⁵.

Не только с оружием, но и с крестом в руках участвовали вятчане в войнах начала XIX в. К 1812 г. в ведомстве армейского духовенства состояло 240 человек⁴⁶. Среди них был Прокопий Иоаннович Овчинников. В 1806 г., будучи диаконом Преображенского собора города Глазова, он направил в Синод прошение о принятии его на военную службу. 22 января 1807 г. из Петербурга пришло распоряжение от обер-прокурора князя А.Н. Голицына на имя вятского губернатора В.И. Болгарского: «...К Вашему Превосходительству от Преосвященного Вятского Гедеона доставится из города Глазова тамошнего Преображенского Собора Диакон Прокопий Овчинников, просившийся добровольно в военную службу, которого Его Императорское Величество Высочайше указать соизволил немедленно отправить сюда к Главнокомандующему Г. Генералу от инфантерии Вязмитинову...»⁴⁷. В Вятке П.И. Овчинников был снабжен деньгами на прогоны и отправлен в Петербург. В результате П.И. Овчинников был зачислен полковым священником в Гродненский гусарский полк.

В Отечественную войну 1812 г. П.И. Овчинников непосредственно находился в сражениях под Клястицами, Полоцком, Чашниками. В Освободительном походе был при взятии Кенигсберга, в Дрезденском и Лейпцигском сражениях. Сохранился рапорт П.Х. Витгенштейну от 24 августа 1813 г. шефа Гродненского гусарского полка генерал-майора Ридигера, в котором он сообщал о подвиге П.И. Овчинникова в Дрезденском сражении: «Высочайше вверенного мне Гродненскаго Гусарского полка полковой священник Овчинников, во время бывших при городе Дрездене сего месяца 13-го и 14-го числ сражений находился безотлучно пред оным, и нравочениями своими вселил в нижних чинах такой геройский дух и хладнокровие, что они не смотря ни на какие опасности, на каждом шагу где только неприятель делал свое покушение мгновенно бросались и разили его без пощады; сей почтенный пастырь заслужил общую к себе любовь и доверенность, за что достоин особой награды, и я имел честь до сего времени рекомендовать вашему сиятельству; а как он в нынешней победе по собственной воле брал немалое участие, то и беру смелость ваше сиятельство всепокорнейше просить не оставить его награждением»⁴⁸.

Подвиг одного человека в боевых условиях является мощным психологическим импульсом для окружающих. В данной ситуации мужественное поведение П.И. Овчинникова в сочетании

с авторитетом духовного пастыря вело к особо мощному эффекту воздействия на солдат, породившему их массовый героизм. В результате П.И. Овчинников стал протоиереем и полевым обер-священником армии П.Х. Витгенштейна. За участие в походах и боях 1812–1814 гг. он был награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте и камилавкой⁴⁹. Наперсный крест на Георгиевской ленте являлся высшей наградой для лиц духовного звания. Им награждались священники, совершившие подвиги непосредственно на поле боя⁵⁰. П.И. Овчинников занял почетное место в ряду героев эпохи наполеоновских войн.

Вятчане приняли непосредственное участие во всех войнах, которые вела Россия в начале XIX в., и во всех основных сражениях «эпохи 1812 года», внося свой вклад в общероссийское ратное дело, в освобождение страны от наполеоновских захватчиков и в достижение внешнеполитических целей Российской империи. Они служили во всех пехотных гвардейских полках, в абсолютном большинстве армейских полков и на флоте. Среди них были представители дворянства, духовенства, мещанства, крестьянства. Их заслуги и подвиги были отмечены наградами. На Русской равнине, в Финляндии, в Закавказье, на Балканах, в Центральной и Западной Европе десятки тысяч вятчан достойно выполнили свой долг перед Отечеством.

¹ Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 г. М., 1962. С. 200.

² Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 582. Оп. 6. Д. 1191. Л. 68–72.

³ ГАКО. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 36. Л. 5.

⁴ Там же. Д. 38. Л. 24, 29.

⁵ Там же. Д. 37. Л. 7–11.

⁶ Богданов Л.П. Комплектование русской армии накануне Отечественной войны 1812 г. // Военно-исторический журнал. 1972. № 1. С. 43.

⁷ Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 200.

⁸ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. ВУА (846). Оп. 16. Т. 1. Д. 3531. Л. 74.

⁹ ГАКО. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 43. Л. 117.

¹⁰ Жилин П.А. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974. С. 96.

¹¹ Богданов Л.П. Русская армия в 1812 г.: организация, управление, вооружение. М., 1979. С. 89–90.

¹² ГАКО. Ф. 582. Оп. 6. Д. 1191. Л. 20.

¹³ Там же. Д. 1186. Л. 62.

¹⁴ Там же. Ф. 583. Оп. 602. Д. 430. Л. 3–4.

¹⁵ Там же. Д. 433. Л. 26.

- ¹⁶ Там же. Ф. 582. Оп. 6. Д. 1193. Л. 10, 11, 22, 104.
- ¹⁷ Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 202.
- ¹⁸ Там же. С. 201.
- ¹⁹ ГАКО. Ф. 582. Оп. 81. Д. 1130. Л. 47.
- ²⁰ Дурова Н.А. Кавалерист-девица. Происшествие в России // Избранные сочинения кавалерист-девицы Н.А. Дуровой. М., 1983. С. 62–63.
- ²¹ Оськин А.И. Надежда Дурова – героиня Отечественной войны 1812 г. М., 1962. С. 28.
- ²² РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208. Д. 106. Л. 272.
- ²³ Бегунова А.И. Служба Н.А. Дуровой в Литовском уланском полку в 1811–1814 гг. // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. М., 1999. С. 36–38.
- ²⁴ Михневич Н.П. Отечественная война 1812 г. // История русской армии от зарождения Руси до войны 1812 г. СПб., 2003. С. 658.
- ²⁵ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2657. Л. 66–67.
- ²⁶ ГАКО. Ф. 582. Оп. 6. Д. 1196. Л. 27.
- ²⁷ Там же. Оп. 140. Д. 122. Л. 38.
- ²⁸ Суднишников А.Н. Чайковские на Вятской земле // Вятская земля в прошлом и настоящем. Т. 4. Киров, 1995. С. 185.
- ²⁹ Отечественная война 1812 г. Энциклопедия. М., 2004. С. 656.
- ³⁰ Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. 212. Оп. 1. Д. 4293. Л. 5–6.
- ³¹ ГАКО. Ф. 582. Оп. 46. Д. 278. Л. 102.
- ³² Там же. Л. 41–42.
- ³³ Отечественная война 1812 г. Энциклопедия. С. 609.
- ³⁴ Бубенников А.Н. «Мы идем с армиями не далее как к Можайску» // Военно-исторический журнал. 2003. № 4. С. 50.
- ³⁵ Земцов В.Н. «Французское» Бородино // Отечественная история. 2002. № 6. С. 41.
- ³⁶ ГАКО. Ф. 582. Оп. 46. Д. 127. Л. 169.
- ³⁷ Бородино: документальная хроника. М., 2004. С. 173.
- ³⁸ Бегунова А.И. Русская конная артиллерия: от Аустерлица до Бородина // Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 64.
- ³⁹ Устинов В.И. «Солнце Аустерлица» закатилось в России // Военно-исторический журнал. 1992. № 10. С. 50.
- ⁴⁰ Отечественная война 1812 г. Энциклопедия. С. 297.
- ⁴¹ Бородино. Документы. Письма. Воспоминания. М., 1962. С. 358.
- ⁴² ГАКО. Ф. 582. Оп. 46. Д. 127. Л. 110.
- ⁴³ Керсновский А.А. История русской армии: В 4 т. М., 1992. Т. 1. С. 512–513.
- ⁴⁴ ГАКО. Ф. 582. Оп. 46. Д. 127. Л. 193.
- ⁴⁵ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 513.
- ⁴⁶ Мельникова Л.В. Отечественная война 1812 г. и Русская Православная Церковь // Отечественная история. 2002. № 6. С. 33.
- ⁴⁷ ГАКО. Ф. 582. Оп. 6. Д. 47. Л. 3.
- ⁴⁸ РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208 в. Св. 45. Д. 1. Л. 169.
- ⁴⁹ Мельникова Л.В. Армия и Православная Церковь Российской Империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2007. С. 250.
- ⁵⁰ Шабанов В.М. Военный орден святого Великомученика и Победоносца Георгия. М., 2004. С. 909.

И.П. Цуканов (Курск)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОИСКОВЫХ ОТРЯДОВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ ПО СОХРАНЕНИЮ ОРУЖИЯ И ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

СЛЕДОВ Великой Отечественной войны на Курской земле до сих пор еще немало. Это безымянные могилы (перезахоронением останков погибших Курский Центр «Поиск» занимается с 1989 г.), оружие, боеприпасы, амуниция советских и немецких солдат – эти предметы становятся экспонатами музеев области.

Поисковики давно и плодотворно сотрудничают с Курским областным краеведческим музеем, Поньровским музеем Курской битвы, районными и школьными общественными музеями¹.

Первые экспонаты времен Великой Отечественной войны, найденные поисковиками, были переданы в областной краеведческий музей еще в 1990 г. Наиболее интересными и редкими из них были две русские винтовки «Бердан № 1», две австрийские «Манлихер» и бельгийская спортивная винтовка, принадлежавшие курским ополченцам, с которыми они участвовали в обороне г. Курска 1–2 ноября 1941 г. Это оружие было найдено на месте боя ополченцев и сейчас находится в основной экспозиции музея.

Позже музейную коллекцию дополнили: бронебойный снаряд из Поньровского района, авиационный пулемет ШКАС, найденный на месте падения советского бомбардировщика в Дмитровском районе Орловской области, так называемая «мина-лягушка» (немецкая Sprengmine 35 (S.Mi. 35)), саперные лопатки, немецкая противопехотная мина натяжного действия, изготовленная из бетона с вкраплениями железа и напоминающая по устройству нашу ПОМЗ-2².

Экспонаты для музеев поисковики нашли и в прошлом году. 29 октября – 6 ноября 2011 г. отряды «Курский фронт», «Курган» и «Рубеж» (Курская область), «Курган» (г. Нижний Новгород), «Застава святого Ильи Муромца» (г. Москва) провели поисковые работы южнее д. Подсоборовка Поньровского района, во время которых была найдена траншея с останками 61 советского солдата 3-го батальона 203-го гвардейского стрелкового полка 70-й гвардейской стрелковой дивизии 13-й армии, погибшего 6 июля 1943 г. Были обнаружены красноармейская книжка на имя Урывского Василия Константиновича, уроженца Новосибирской области, медальон на имя Шмиль Хаима Давыдовича, уроженца г. Яссы (Румыния) и подписанная ложка на имя Е.К. Тема.

Курские поисковики сами не нашли бы эту траншею (ее искали почти 20 лет, так как бывшие поля сражений сейчас распаханы и на них растут сахарная свекла, зерновые), если бы не помогли москвичи из «Заставы». Они через своих друзей из США выкупили за 8 тыс. рублей найденную в архивах Нью-Йорка увеличенную фотографию, сделанную через несколько дней после Поньровского сражения немецким самолетом-разведчиком. Высококачественная немецкая техника позволила разглядеть бесконечное число воронок от бомб, окопы, блиндажи, даже следы, оставленные гусеницами танков! Благодаря интуиции поисковиков фотографию-карту удалось «привязать» к местности. Первым делом поисковики обнаружили контуры стрелкового окопа, а в нем на глубине 30–40 см – 10 минометных мин, каждая весом 15 кг. Вероятно, их закопали колхозники, расчищая поля после войны.

Когда вскрыли окоп, то даже опытные москвичи признались, что такого еще не видели. Бойцы лежали так, как их застала смерть. С ними были все личные вещи, сохранившиеся довольно неплохо: котелки с ложками, ботинки, ремни, погоны, противогазы, саперные лопатки, вещмешки (ткань истлела, но содержимое осталось), большое количество гранат, осколки бутылок, использовавшихся для зажигательной смеси.

Солдаты и офицеры умирали мучительной смертью: часть погибла от осколков снарядов и вражеских пуль, а многие попросту были раздавлены танками, о чем свидетельствуют множественные переломы бедренных костей, расколотые черепа. У многих бойцов в руках были гранаты, они так и погибли с ними в руках, было

много раненых. На некоторых мы находили остатки истлевших бинтов.

Еще одна поразительная находка – стеклянные фляжки с водой, которые были настолько герметично закрыты резиновыми пробками, что за шесть с лишним десятков лет жидкость из них не испарилась и не зацвела³.

Многие из этих найденных предметов были переданы в Поньровский музей Курской битвы.

Но самая интересная, на наш взгляд, находка в Курской области на музейную полку не поместится. В ходе поисковых работ 2004 г. учащиеся Профессионального училища (ПУ) № 33 Александр Казеев и Николай Свеженцев обнаружили в деревне Серебрянке Краснодолинского сельсовета Советского района корпус советского бронеавтомобиля БА-64 (рис. 1).

Рис. 1

Его опытный образец был построен на Горьковском автозаводе 9 января 1942 г., летом того же года эти машины стали поступать на Брянский и Воронежский фронты, а чуть позже и на Сталинградский. Несмотря на свой основной недостаток – малую огневую мощь, эти машины успешно применялись при проведении десантных операций, разведрейдов, для сопровождения и боевого охранения пехотных подразделений. Особенно удачным оказалось применение БА-64 в уличных боях, где важным фактором была возможность вести стрельбу по верхним этажам зданий. БА-64 и БА-64Б принимали участие во взятии польских, венгерских, румынских, австрийских городов, в штурме Берлина.

Вооружались подобные машины 7,62-мм пулеметами В.А. Дегтярева (ДП) и П.М. Горюнова (СГ-43) или противотанковыми ружьями системы Дегтярева (ПРТД-41) или ПТРС-41 системы С.Г. Симонова. Это был первый советский серийный полноприводный бронеавтомобиль, способный преодолевать 30-градусные

подъемы и броды глубиной до 0,9 м. Он остался единственной машиной этого класса, принятой на вооружение в СССР в годы войны, а также стал последним советским броневедомobileм классического типа. За создание ГАЗ-61 и БА-64 постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 10 апреля 1942 г. ведущий конструктор ГАЗа В.А. Грачев был удостоен Сталинской премии третьей степени. Всего в ходе серийного производства БА-64 с апреля 1942 по начало 1946 гг. было выпущено 9110 броневедомobileй этого типа⁴.

О бронемашине, которая участвовала в освобождении Советского района в начале 1943 г. и была при этом подбита, нашим ребятам рассказала местная жительница Эмма Леонтьевна Суровцева. После войны ее брат использовал корпус броневедомobile для... хранения картошки в погребе. Брат давно умер, усадьба много лет была заброшена, в погребе даже завелись сурки. И вот из этого погреба поисковый отряд «Славяне» под руководством Виктора Ивановича Калинина отрыл и извлек ржавый корпус боевой машины, погрузил его на автомобиль и перевез на территорию ПУ № 33⁵.

После длительных консультаций было принято решение об участии коллективов ПУ № 33 (директор Н.В. Алтухов) и клуба «Славяне» в восстановлении БА-64 с целью его участия в торжественных мероприятиях и в военно-патриотическом воспитании молодежи района. На базе автомастерской училища началась реставрация этой машины военного времени с целью восстановления ее первоначального вида как действующей модели.

В восстановлении броневедомobile участвовали специалисты: Н.В. Алтухов (общее руководство и компоновка несущих конструкций, силового агрегата и осветительных приборов), В.И. Калинин (сбор технической документации и архивных материалов), Ю.А. Починков (сварочные работы), Н.Г. Гребеньков (жестяные работы), Л.В. Алтухов (системы жизнеобеспечения и регулировка двигателя), очистка и покраска корпуса, установка электропроводки проводилась членами кружка «Автомир» ПУ № 33 и курсантами отряда «Славяне»⁶.

Отреставрированный БА-64 много раз участвовал в районных и областных военно-патриотических мероприятиях (рис. 2). 27 мая 2008 г. в Курске прошло выездное расширенное заседание президиума Общественного совета при Министерстве обороны Российской

Деятельность поисковых отрядов Курской области по сохранению оружия и военной техники

Федерации, которое было посвящено эффективности принимаемых мер по повышению престижа военной службы и улучшению патриотического воспитания гражданской молодежи и военнослужащих.

В заседании приняли участие Статс-секретарь – заместитель Министра обороны генерал армии Николай Панков, командующий войсками Московского военного округа генерал армии Владимир Бакин, председатель комиссии Общественного совета по культурно-шефской работе и взаимодействию с общественными и религиозными организациями Василий Лановой, представители органов власти Курской области. Перед участниками мероприятия выступили курские поисковики с рассказом о работе Центра «Поиск». ВПК «Пограничник» (г. Щигры) показал работу с дрессированными собаками, ПО «Славяне» продемонстрировал восстановленный броневладелец БА-64, который своим ходом прошел более 100 км ⁷.

В наше непростое время работа поисковиков по увековечению памяти погибших в годы Великой Отечественной войны как

Рис. 2

никогда востребована. Председатель Правительства РФ В.В. Путин 25 октября 2011 г. на встрече с поисковиками в Брянске отметил: «То, что делают поисковые отряды, это даже, может быть (не может быть, а точно), важнее, чем официальные, регламентированные усилия бюрократических структур. То, что вы делаете, идет от сердца, а это самое главное, это фундамент того, что мы никогда не забудем о подвигах наших отцов, дедов, и будем на этом воспитывать наших детей, будем закладывать в их сознание любовь к нашему Отечеству. Это одна из самых фундаментальных основ Великой Отечественной – память о героическом прошлом наших предков, о героическом прошлом нашей Родины»⁸.

¹ См. напр., Буланова Е., Кушнер О. Чтобы помнили! // Мир музея. 2011. № 11. С. 26.

² Одинцова М. Память о войне жива // Курск. 2007. 9 мая. С. 4.

³ Гладкова Н. Глоток воды 1943 года // Курск. 2011. 14 декабря. С. 29.

⁴ http://voinanet.ucoz.ru/index/ba_64/0-7393. Дата обращения 15.01.2012 г.

⁵ Калинин В. Автопривет из 1943 года // Нива (п. Кшенский). 2004. 7 мая.

⁶ <http://kshen.ucoz.ru/publ/6-1-0-62>. Дата обращения 15.01.2012г.

⁷ Как повысить престиж военной службы // Курская правда. 2008. 28 мая. С. 29.

⁸ <http://premier.gov.ru/events/news/16857/> Дата обращения 5.12.2011 г.

Н.Г. Чигарева, А.А. Будко (Санкт-Петербург)

ХИМИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ: ОТ ИСТОКОВ ДО СОВРЕМЕННОСТИ

ПЕРВЫЕ попытки применения в бою различных отравляющих веществ относятся к глубокой древности. Боевые отравляющие вещества начали применяться во времена изобретения человеком лука. И в наши дни некоторые племена индейцев, обитающие в тропических лесах, смазывают наконечники стрел кураре – ядом (добытым из корней и молодых побегов растений бассейна реки Амазонки), который вызывает поражение двигательных нервов, что в конечном итоге ведет к полному параличу жертвы и удушью. Упоминания о попытках использовать химическое оружие против своих врагов встречаются во многих литературных источниках и относятся к разным странам и эпохам. Так, предложение о снаряжении снарядов синильной кислотой относится ко времени наполеоновских войн; а в 1855 г., например, англо-французскому командованию от английского инженера Д'Эндональда поступило донесение о возможности взятия Севастополя с помощью отравления гарнизона сернистым газом. Перечень может быть продолжен, однако общепризнанной датой рождения химического оружия принято считать 22 апреля 1915 г., когда около 17 часов северо-восточнее г. Ипра со стороны немецких позиций появилась полоса серо-зеленоватого тумана, направляемого ветром в сторону французских частей. Тяжелый газ заполнил траншеи, солдаты и офицеры задыхались, газ обжигал органы дыхания, разъедал легкие. Это был ядовитый хлор. С лета 1915 г. хлор стал использоваться чаще, однако неожиданность и эффективность таких атак с каждым разом снижались, и тогда Германия начала использовать другой газ, обладающий удушающим действием, – фосген. В дальнейшем

в боевых действиях фосген, кроме Германии, уже применяли Франция и Англия ¹.

В ходе Первой мировой войны Германия непрерывно создавала и использовала новые, все более изощренные виды химического оружия. Вся химическая промышленность Германии тех лет была ориентирована на производство боевых отравляющих веществ. Их число пополнили хлорпикрин, бромциан, хлорциан. В июле 1917 г. германская армия на Западном фронте в районе Ипра применила иприт, самый известный газ Первой мировой войны. С этого же времени воюющие стороны начали широко использовать комбинированные смеси отравляющих веществ, что увеличивало их поражающую способность ².

На завершающем этапе войны немцы начинали снаряды и мины дифосгеном, дифенилцианарсином и дифенилхлорарсином. Франция дополнила этот список синильной кислотой. В производство новых химических отравляющих веществ (ОВ) включились и американцы, однако все их разработки остались «нереализованными». Созданием азотистых ипритов закончился период химического оружия первого поколения, к которому относят три группы отравляющих веществ: стойкие отравляющие вещества кожно-нарывного и общетоксического действия (серный и азотистые иприты, люизит); нестойкие отравляющие вещества (фосген, дифосген, синильная кислота); раздражающие отравляющие вещества (адамсит, дифенилхлорарсин, хлорпикрин, дифенилцианарсин). К химическому оружию первого поколения относят и вещества, вызывающие временное поражение живой силы противника – слезоточивые вещества типа LSD и раздражающие вещества лакриматоры (типа хлорацетофена).

В общей сложности за весь период войны воюющими странами было произведено 150 тыс. т различных токсических веществ, боевой расход составил 110 тыс. т. Были изобретены и использовались: архимснаряды, химмины, газовые баллоны, химические бомбы, ручные и ружейные химгранаты, газометы ³. Различным формам химического поражения подверглись 1,2 млн. солдат, из них погибли 91 тыс., 586 тыс. человек стали инвалидами ⁴.

Следует отметить, что при применении ОВ выявились недостатки, ставшие основной причиной того, что химическое оружие не принесло Германии военных успехов. Самый существенный недостаток – зависимость от метеоусловий. Эффективность

применения ОВ в тот период, прежде всего, была обусловлена характером перемещения воздушных масс, температурой воздуха (низкие температуры резко снижают испаряемость ОВ) и наличием или отсутствием осадков. Кроме того, производство, транспортировка и складирование снаряженных ОВ боеприпасов имели ряд особенностей. Достичь безопасности в обращении и хранении химических боеприпасов достаточно сложно ввиду особых условий, необходимых для их сохранности. И, наконец, с появлением химического оружия началась активная разработка средств защиты: противогазов и средств, исключающих контакт тела с кожноарывными ОВ (резиновые плащи и комбинезоны), а также медикаментозных средств. Параллельно были разработаны защитные приспособления для лошадей (основного тяглового средства той войны) и даже собак. Причем средствами защиты при применении ОВ пользовались обе воюющие стороны, что уравнивало их шансы. Оказалось, что атаки с ОВ были успешны лишь в случаях, когда противник не имел средств защиты. В целом, химическое оружие не принесло Германии ожидаемого успеха.

Печальным итогом применения химического оружия в Первую мировую войну явился, помимо погибших и пострадавших в этой войне людей, тот экологический вред, который был нанесен окружающей среде: большие площади в Бельгии и на севере Франции оказались зараженными продуктами химической войны. Погибли леса на площади 50 тыс. га, во Франции их восстановление продолжалось 20 лет, а в Бельгии – 50 лет; 12 тыс. га земель, зараженных химическими ОВ, были превращены в особые «земельные» кладбища.

Несмотря на явные недостатки химического оружия, США и их союзники, СССР, а также Германия продолжили работы по его разработке.

Начиная с 1932 г., в разных странах начались интенсивные исследования фосфорорганических отравляющих веществ нервно-паралитического действия – химического оружия второго поколения (зарин, зоман, табун). По своей химической природе эти соединения представляют собой различные эфиры алкилфторфосфорных кислот (в основном производные метилфторфосфонатов). Значительное число новых фосфорорганических соединений было синтезировано в 30–40-е гг. в лаборатории выдающегося химика Шредера, и поэтому к началу Второй мировой войны в Германии

появились такие высокотоксичные отравляющие вещества, как табун, зарин, несколько позже зоман. Вследствие исключительной токсичности фосфорорганических отравляющих веществ (ФОВ) резко возросла их боевая эффективность. В эти же годы продолжалось совершенствование старых и разработка новых средств применения химического оружия (химических боеприпасов).

К началу Второй мировой войны все страны накопили значительный арсенал химического оружия. О масштабах подготовки к ведению химической войны свидетельствует, например, качественный и количественный рост производства отравляющих веществ, достигнутый Германией: к началу 1943 г. производство ОВ составляло 180 тыс. т, из которых 20 тыс. т – ОВ нервно-паралитического действия.

К химической войне были готовы все страны, в том числе и США, где основными отравляющими веществами были иприт, люизит и фосген. Кроме этого, для военных целей в незначительных количествах выпускались также азотистый иприт, синильная кислота, хлорциан, хлорацетофенон и адамсит.

Несмотря на успехи, достигнутые в разработке ОВ к началу Второй мировой войны, полномасштабная химическая война не была развязана. Тем не менее, газ циклон «Б» использовался как средство уничтожения десятков тысяч заключенных в газовых камерах концентрационных лагерей.

После окончания Второй мировой войны центр разработки химического оружия переместился из Германии в США. Постепенно менялся и военно-химический потенциал. Такие отравляющие вещества, как азотистый иприт, люизит, синильная кислота и хлорциан были сняты с вооружения ряда армий.

В 50-х гг. к химическому оружию второго поколения добавилась группа ФОВ под названием «V-газы» («VX-газы»). В 1955 г. в Швеции Таммелином был получен метилфторфосфорилхолин, который и явился прообразом этой новой группы ФОВ. V-газы оказались в десятки раз токсичнее своих предшественников (зарина, зомана и табуна).

В 60–70-х гг. начались разработки химического оружия третьего поколения. Они включали не только новые типы отравляющих веществ, но и более совершенные способы его применения – кассетные химические боеприпасы, бинарное химическое оружие и т.п.

Изменился также подход к разработке ОВ. На основе целенаправленных исследований биологически активных веществ, биохимии центральной нервной системы, нейрофизиологии, нейрофармакологии, установления связи между структурой веществ и их поражающими свойствами, а также исследований в смежных областях химии, биологии и медицины США и их партнеры начали работы по поиску сверттоксичных ОВ. Помимо дальнейшего совершенствования нервно-паралитических газов, были проведены разработки психохимического оружия, действующего на мозг и центральную нервную систему и временно выводящего противника из строя (вещество ВZ, диэтиламинд лизергиновой кислоты и т.п.). Такого рода исследования по химическому оружию третьего поколения проводились и в нашей стране.

Кроме того, активно велись работы по созданию бинарных химических боеприпасов. История создания бинарных химических боеприпасов ведет свое начало с конца 30-х гг., когда в ВВС США приступили к разработке бинарной авиационной бомбы содержащей мышьяковистый водород, с целью продления действия на живую силу этого летучего и быстро испаряемого соединения. В последующем эта идея была использована для создания боеприпасов с отравляющими веществами, которые не сохраняли своих свойств при длительном хранении. Позднее в США началось производство бинарного химического оружия, состоящего из двух сравнительно безвредных веществ, смесь которых превращается в высокотоксичное ОВ за время полета снаряда или ракеты.

В результате совершенствования уже имеющихся средств применения ОВ и разработок новых были созданы самые разнообразные средства применения ОВ, которые предназначались: для использования в ограниченных и крупномасштабных войнах; на разных театрах военных действий; в различных видах боевых действий.

После Первой мировой войны химическое оружие не только разрабатывалось, но и применялось в ряде локальных конфликтов. Так, в 1936 г. иприт использовали итальянцы в ходе итало-абиссинской войны. Во время Второй мировой войны в 1943 г. его применяла в Китае японская армия⁵. В 80-е гг. XX в. иприт вновь использовался в качестве боевого отравляющего вещества в ходе ирано-иракского военного конфликта. Установлены факты применения химического оружия армией США во время войны в Корее

(1952–1953) и десятью годами позже во Вьетнаме. В период с 1961 по 1971 гг. почти десятая часть территории Южного Вьетнама, включая 44 % всех его лесных массивов, подвергалась обработке дефолиантами, вызывающими опадание листвы (применяются для демаскировки объектов противника) и гербицидами, предназначенными для полного уничтожения растительности. В результате всех этих действий были уничтожены мангровые леса (500 тыс. га), поражено около 1 млн га (60 %) джунглей и более 100 тыс. га (30 %) равнинных лесов. Уничтожение растительности серьезно повлияло на экологический баланс Вьетнама. В районах поражения из 150 видов птиц осталось 18, почти полностью исчезли земноводные и даже насекомые. Уменьшилось число, и изменился состав рыб в реках. Ядохимикаты нарушили микробиологический состав почв, отравили растения. Впоследствии выяснилось также, что в составе используемых средств в весьма высоких концентрациях содержалось высоко токсичное и опасное вещество – диоксин, вызывающее тяжелые отравления, раковые заболевания, массовые врожденные уродства детей и т.п.

В настоящее время крупномасштабное применение отравляющих веществ маловероятно, тем не менее, и сегодня спецслужбы ряда стран используют в различных операциях, в том числе при разгоне демонстраций всевозможные слезоточивые газы и вещества, обладающие раздражающим действием. Особую опасность таит использование ОВ в террористических целях. Достаточно вспомнить «зариновую атаку» в токийском метро, предпринятую представителями террористической религиозной секты «Аум син-рике». До тех пор, пока химическое оружие не будет уничтожено, сохраняется высокая вероятность его применения.

Однако существует опасность и другого рода – экологическая. Так, после окончания Второй мировой войны огромные количества боевых отравляющих веществ (около 200 тыс. т) были затоплены на небольшой глубине в прибрежных водах Балтийского моря. Под действием морской воды за прошедшие полвека емкости с боевыми ядами, а это, в основном, иприт, стали ветхими, некоторые из них уже разрушаются. Тяжелый иприт скапливается в виде маслянистых озер на дне Балтики, при этом практически не разлагаясь. За счет своей прекрасной растворимости в нефтепродуктах и жирах он в составе нефтяных пятен разносится по всему балтийскому побережью, накапливается в рыбе. Вместе с ипритом

захоронен и содержащий мышьяк люизит, ядовитость которого еще выше. Если произойдет массовый выброс боевых ядов, то глобальной экологической катастрофы не избежать.

По опубликованным данным, целый ряд районов Мирового океана является опасным из-за возможного контакта людей с затопленными химическими боеприпасами и контейнерами с отравляющими веществами⁶. В число опасных районов входят акватории Северной Атлантики, Тихого океана, Северного, Балтийского, Белого и Японского морей. Более 70 участков затопления компонентов химического оружия находятся в северной Атлантике. В районе Гавайских островов затоплены химические боеприпасы, снаряженные ипритом и синильной кислотой, у побережья Аляски, вблизи от Алеутских островов – боеприпасы с ипритом и люизитом. В Мексиканском заливе затоплены боеприпасы с ипритом и фосгеном, с ипритом, люизитом и ФОВ. В районах Норфолка и Нью-Джерси – боеприпасы с ипритом, люизитом, ФОВ, треххлористым мышьяком и белым фосфором. Более 15 тыс. т отравляющих веществ австралийских и американских вооруженных сил затоплены вблизи побережья Австралии, примерно на расстоянии от 30 до 100 миль от берега.

Вскоре после окончания Второй мировой войны было проведено затопление химического оружия в Адриатическом море вблизи итальянского порта Бари, который вошел в историю из-за трагедии, случившейся 2 декабря 1943 г. При авиабомбардировке порта были повреждены транспортные суда с обычными и химическими боеприпасами. 617 человек получили поражение ипритом, из них 83 погибло⁷. Американцы затопили в этом районе боеприпасы, снаряженные фосгеном, хлорцианом и синильной кислотой, а в 1946 г. в том же районе затопили боеприпасы с ипритом и люизитом. В результате за 50 послевоенных лет в клиники г. Бари обратились более 230 человек (в основном моряки рыболовных судов), у которых были диагностированы признаки поражения ипритом. Кроме Адриатического моря немалую опасность для рыбаков представляет промысел в районе островов Японии, где также отмечены случаи поражения ипритом, пик которых наблюдался в 70-е гг. XX в.

По окончании Второй мировой войны в акваториях Северного и Балтийского морей было затоплено большое количество различных типов боеприпасов поверженной нацистской Германии⁸.

Значительная их часть была снаряжена ОВ как смертельного действия, так и временно выводящими из строя – боеприпасы, заряженные сернистым ипритом, с нервно-паралитическими и удушающими ОВ, а также авиабомбы с раздражающими и удушающими ОВ.

В период с 40-х и до 70-х гг. СССР, ГДР и страны-союзники по антигитлеровской коалиции произвели затопление десятков тысяч тонн отравляющих веществ (иприт, в том числе загущенный, люизит, хлорпацетофенон, табун, циклон Б)⁹. По разным оценкам, так было уничтожено от 12 до 25 тыс. т ОВ, находившихся в советской оккупационной зоне в Германии. Захоронение происходило на глубине 100–150 м в 60 милях юго-западнее Лиепай (5 тыс. т) и в районе острова Борнхольм (30 тыс. т).

По данным N. Theobald¹⁰, в Балтийском море суммарно затоплено 71 469 авиабомб, снаряженных ипритом, 14 258 авиабомб, снаряженных хлорацетофеноном, дифенилхлорарсином и арсиновым маслом, 8027 авиабомб, снаряженных адамситом, 408 565 артиллерийских снарядов, снаряженных ипритом, 34 592 химических фугаса, 10 420 дымовых химических мин, более 100 емкостей, содержащих 1500 т иприта, соли синильной кислоты, высокотоксичные мышьяк-органические вещества, а также около 8000 банок с «циклоном Б», который нацисты применяли в газовых камерах концентрационных лагерей.

Из всего арсенала затопленных средств наибольшую опасность представляет загущенный иприт, которым снаряжали «прыгающие» мины – тонкостенные боеприпасы, как правило, полностью разрушенные коррозией. Этот тип токсиканта отличается высокой устойчивостью и способностью с морскими течениями перемещаться по морскому дну на значительные расстояния от места затопления.

В настоящее время химическое оружие упоминается только в аспекте разоружения или экологических катастроф, однако менее опасным оно не стало. Итогом длительного противостояния могущественных военных блоков явилось накопление громадных количеств химического оружия с обеих сторон. До сих пор почти все ведущие в военном отношении страны имеют колоссальные его арсеналы, а в ряде случаев продолжают вести дальнейшие его разработки, в том числе в области создания сверттоксичного психохимического оружия.

- ¹ Де Лазари А.Н. Химическое оружие на фронтах Первой мировой войны 1914–1918 гг. М.: Госвоениздат, 1935. 143 с.
- ² Фрайс А., Вест К. Химическая война. М.: ГВИЗ, 1925. С. 174.
- ³ Мировые войны XX в. Кн. I. / Отв. ред. Г.Д.Шкундин. Первая мировая война. Исторический очерк. М.: Наука, 2002. 686 с.
- ⁴ Архив ВММ МО РФ. Ф. 1. Оп. 35462. Л. 3.
- ⁵ Военная токсикология, радиология и медицинская защиты / Под ред. Н.В. Саватеева (ред.). Л.: ВМедА, 1987. 355 с.
- ⁶ Белевитин А.Б., Вальский В.В., Гребенюк А.Н., Носов А.В. Медицинское обеспечение работ в районах затопления химического оружия. СПб.: Изд-во «Б», 2009. 96 с.
- ⁷ Alexander S F Medical report of the Bari harbor mustard casualties/ Military Surgeon. 1947. Vol. 101, № 1. P. 1–17.
- ⁸ Glasby G P Disposal of Chemical Weapons in the Baltic Sea // The Science of the Total Environment. 1997. Vol. 206. P. 267–273.
- ⁹ Головки А.И., С.А. Купенко, Ю.Ю. Ивницкий и др. Экоотоксикология. СПб.: Изд-во НИИХ СПбГУ, 1999. 134 с.
- ¹⁰ Theobald N. Chemical warfare agent munitions in the Baltic Sea // Deutsche Hydrographische Z. 1994. № 46. P. 121–131.

А.Н. Чубинский (Москва)

ТЮФЯКИ КАК РУЧНОЕ ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ. АНАЛИЗ СОБРАНИЯ И ОПИСЕЙ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ

Н И ОДНА обзорная работа по истории русского огнестрельного оружия не обходится без летописной выдержки о штурме Кремля татарами в 1382 г. и использовании его защитниками тюфяков и пушек. Н.М. Карамзин, впервые обнаруживший эти волнующие строки, трактовал тюфяки и пушки как метательные машины¹. Только после обстоятельной работы известного оружейника Владимира Григорьевича Федорова «К вопросу о дате появления артиллерии на Руси» 1949 г. эта цитата окончательно утвердилась как наиболее раннее свидетельство об использовании на Руси огнестрельного оружия. Кроме того, В.Г. Федоров впервые опубликовал два дробовых орудия из собрания Артиллерийского музея под наименованием тюфяков². Атрибуция этой пары орудийных стволов была обоснована в Каталоге материальной части отечественной артиллерии Артиллерийского музея 1961 г., созданном В.П. Вышенковым, Л.К. Маковской и Е.Г. Сидоренко³, подтверждающие ссылки на монастырские описи были даны в исследовании А.Н. Кирпичникова и И.Н. Хлопина⁴.

На сегодняшний день тюфяки определяются как бытовавшие на Руси в XIV–XVII вв. артиллерийские орудия, в качестве заряда использовавшие дроб (картечь) и предназначавшиеся для стрельбы по живой силе на близкие расстояния. Как правило, эти орудия имели относительно короткий ствол, коническую камору и расширяющийся к дулу канал ствола⁵; камора и параметры ствола позволяют определить тюфяки как орудия гаубичного типа⁶. В то же время, существуют современные исследования, в которых приводятся серьезные аргументы в пользу версии Н.М. Карамзина,

а именно, что в XIV–XV вв. ранние пушки и тюфяки представляли собой не артиллерию, но метательные машины⁷.

Тема тюфяков как разновидности средневекового ручного огнестрельного оружия в отечественной литературе не поднималась. Это странно, так как еще в 1886 г. в Описи Московской Оружейной палаты под названием «тюфяк» было опубликовано тяжелое нарезное ружье, изготовленное, судя по надписи на стволе, в Оружейной палате в 1654 г.⁸ Не менее странно, что тюфяк из собрания Оружейной палаты ни разу не привлекался в качестве сравнительного материала историками артиллерии.

До 1974 г. этот тюфяк находился в постоянной экспозиции музея как хрестоматийный оружейный памятник: «Образцом охотничьего оружия XVII в. работы мастеров Оружейной палаты является тяжелый штуцер-гигант, названный в старых описях “тюфяк”. Он напоминает крепостное ружье, из которого из-за его большого веса (16 кг) стреляли только с упора.... Изготовил эту пищаль один из оружейников семьи Вяткиных, что подтверждается и надписью на пищали. Возможно, это Григорий Вяткин. Это мощное нарезное оружие предназначалось для охоты на крупного зверя»⁹. В XIX в. по крайней мере с 1840-х гг. пищаль также находилась экспозиции Оружейной палаты в старом здании у Троицких ворот, экспонировалась под портретом царя Алексея Михайловича¹⁰. В первой публикации в «Древностях Российского государства» 1845 г. это ружье также именовалось как «пищаль царя Алексея Михайловича московского дела»¹¹.

В настоящий момент в музейном инвентаре это ружье носит двойное название «пищаль-тюфяк»¹², так как невозможно игнорировать надпись в казенной части ствола, в которой отражено название оружия на момент изготовления. Надпись гласит: «ЛЕТА 7162 ГОДА МЦА АПРЕЛЯ В 6 ПО УКАЗУ ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСИЯ МИХАЛОВИЧА ВСЕЯ РОССИИ САМОДЕРЖЦА ЗДЕЛАНА СΙΑ ПИЩАЛЬ В ОРУЖЕНО ПОЛАТЕ ДЕЛАЛ МІГВ». В дульной части гравирован растительный орнамент, в средней – воинский трофей: пушка, алебарда, протазан, знамена и копья, барабан и барабанные палочки. Ш-образная мушка и основание щиткового прицела в виде звериной личины врезаны в поперечные пазы на верхней грани ствола. Длина ствола – 110 см, канал – с восемью полукруглыми нарезами, калибр – 17,5 мм. Пищаль снабжена ударно-кремневым замком

русского типа, с резными деталями, на замочной доске гравирована охотничья сцена. Головка курка с кольцом для взведения резана в виде львиной головы; щиток и рычажок отводящейся в сторону крышки пороховой полки прорезные. На курковом кронштейне вырезано изображение птицы (охотничьего сокола, который пытается снять с лапы кольцо). Ложка с аркебузным прикладом и длинным цевьем вырезана из березы, поверхность ложки и крышка ящика для принадлежности на прикладе украшены вставками из кости и перламутра, крупные вставки прорезные, проемы в них заполнены разноцветной мастикой. На оборотной стороне приклада на костяной округлой вставке гравировано погрудное мужское изображение, изображенный держит в руке скипетр (?). Спусковая скоба железная. На цевье закреплены три антабки с железными подкладками; наконечник цевья медного сплава, шомпол железный.

Заметим, что название «штуцер» в публикации 1970 г. допустимо по соображениям типологии. Восьмигранный по всей длине нарезной ствол оправдывает это название, если, конечно, не принимать в расчет размер и непомерный вес оружия, по нашим данным, несколько более 16 кг 400 г. В то же время пицаль не столь сильно отличается от прочих «государевых пицалей»: при внешней массивности, длина ее ствола для русских пицалей XVII в. весьма средняя – 110 см.

Согласно последней публикации, авторство Григория Вяткина (раб. ок. 1635–1688)¹³ не подвергается сомнению, а изготовление пицали считается приуроченным ко времени выступления царя Алексея Михайловича в Смоленский поход, в котором Григорий Вяткин сопровождал Походную казну¹⁴. В более ранней публикации 1954 г. хранитель оружия Оружейной палаты Н.В. Гордеев, не останавливаясь на назначении оружия и истории его создания, называя пицаль 1654 г. просто ружьем, определил мастеров, изготовивших замок и ложу¹⁵. С его точки зрения, это штатные мастера Оружейной палаты Андрон Дементьев (исследователь именовал его Андроновым) и Василий Карцев. Имя ствольного мастера Тимофея Вяткина Н.В. Гордеев повторил вслед за описью 1886 г. Сообщенные Н.В. Гордеевым имена мастеров, а также опубликованные им изображения замка пицали неоднократно воспроизводились в зарубежных обзорах русского оружия¹⁶.

На Описи Московской Оружейной палаты 1886 г. нужно остановиться несколько подробнее. В этой описи, изданной типографском

способом, наиболее подробные текстовые описания оружия, в частности, описание «тюфяка», были выполнены помощником директора Оружейной палаты Лукианом Павловичем Яковлевым в 1860-е гг.¹⁷ Л.П. Яковлев тщательнейшим образом проработал описи оружия Оружейной палаты, начиная с Росписи походной казны Смоленского похода 1654 г. до музейной рукописной описи 1835 г.¹⁸ Описание пищали 1654 г. было помещено им среди крепостного оружия в числе «дробовиков», к которым Л.П. Яковлев относил преимущественно турецкие тяжелые ружья большого калибра¹⁹.

О несообразности нарезного ствола для дробового ружья Л.П. Яковлев умалчивает, но приводит цитату из описи царского оружия 1687 г., в которой описаны два нарезных тюфяка: «Пара тюфяков коротких винтованных Тимофеева дела Лученинова... замки аглинские... станки яблоньвые почернены, а в них врезываны раковины прорезные, промеж раковин розвод и гвоздь серебряные»²⁰. Надо признать, что описание тюфяков в Переписной книге 1687 г. вполне можно было бы отнести и к пищали-тюфяку 1654 г., если бы не иная манера инкрустации на ложе («развод серебряный» – инкрустация серебряной проволокой) и ее материал – береза вместо яблони. Что до самих тюфяков из Переписной книги 1687 г., то согласно Л.П. Яковлеву «в позднейших описях эти тюфяки не встречаются, и в настоящее время их налицо нет»²¹. Там же Л.П. Яковлев объясняет причину именования пищали 1654 г. тюфяком: «Название пищаль не удержано за этим великаном оружейного дела, потому что представляет из себя последний и единственный образец оружия, составляющего как бы переход от ручного огнестрельного оружия к нарядному, то есть артиллерии, и которое до половины XVII века носило одно общее название пищали; слово тюфяк турецкое, есть одно из древнейших названий огнестрельного оружия в России».

Казалось, пищаль 1654 г. и ее трактовка Л.П. Яковлевым согласуются с мнением А.Н. Кирпичникова о существовании относительно небольших тюфяков – артиллерийских орудий, которые по размерам «приближалась к мелкому ствольному оружию»²². Приведем еще одну цитату А.Н. Кирпичникова: «В течение всего средневековья тюфяки сохраняют ряд архаических черт от XIV–XV вв. На примере соловецких орудий видно, что они по своей конструкции восходят к начальным образцам оружия с узкой казенной частью и широким растробом дула (ср. орудие типа арабской мадфы).

Отечественные тюфяки были небольшими орудиями, что видимо говорит об их происхождении от раннего недифференцированного ручного и артиллерийского оружия»²³.

Однако при дальнейшей архивной разработке пищали-тюфяка не находится подтверждений самому главному положению гипотезы, а именно, название тюфяк применительно к пищали 1654 г. в «старых описях» не применяется. Ранее 1886 г. эта пищаль упоминается всего в двух документах описи Оружейной палаты 1835 г.²⁴ и описи оружия Санкт-петербургской императорской Рюст-камеры 1810 г.²⁵ В обоих случаях пищаль названа штуцером. Таким образом, название «тюфяк» было применено Л.П. Яковлевым к пищали 1654 г. в позднейшее время и без необходимых оснований, документальные сведения о пищали ранее начала XIX в. отсутствовали.

В действительности, пищаль не хранилась в Оружейной палате непрерывно с момента изготовления в 1654 г. и полтора века истории ее бытования пока остаются неизвестными. Тем не менее, ее краткое описание нам удалось обнаружить в Росписи походной казны Смоленского похода 1654 г. в числе парадного царского вооружения: «Пищаль цысарская, замок русской, станок Ларионова дела с костью»²⁶. «Цесарская» в данном определении означает буквально «со стволом, сделанным по образцу цесарских», то есть имперских, относящихся к Священной Римской империи германской нации. Ствол вполне заслуживает такого определения, поскольку не имеет аналогов среди известных работ русских ствольщиков, а его изготовление можно было бы приписать пушечному мастеру. Основой идентификации пищали в данном документе послужил замок русского типа, единственный на длинноствольном оружии, взятом государем в Смоленский поход. «Станок Ларионова дела», упоминаемый в описи, обозначает работу мастера-ложевщика Оружейной палаты Лариона Дементьева (раб. 1620-е–1650-е)²⁷. Данный станок – позднейшая из идентифицированных работ Дементьева и, кроме того, ключевое для Оружейной палаты произведение, знаменующее переход от мушкетных лож первой половины XVII столетия с инкрустацией проволокой и пластинами перламутра с гравированными фигуративными изображениями к ложам с аркебузным прикладом и инкрустацией вырезными пластинами преимущественно из слоновой кости. Как видим, предположение Н.В. Гордеева о том, что ложа была изготовлена Васили-

ем Карцевым (раб. 1652–1688), было ошибочным. Его мнение о Андроне Дементьеве как замочном мастере нуждается в подтверждении, так как имя этого замочника упоминается в известных нам документах Оружейной палаты лишь с 1663 г. Кроме того, гравированная охотничья сцена на замке наверняка выполнена иноземным мастером. Совершенно неправдоподобно сообщение об авторе пищали мастере Тимофее Вяткине, почерпнутое Н.В. Гордеевым из Описи Оружейной палаты 1886 г. Никаких сведений, подтверждающих существование такого мастера в Оружейной палате, не имеется. Впрочем, современная атрибуция пищали, согласно которой автором пищали является Григорий Вяткин, также нуждается в коррекции. Нам неизвестны хоть сколько-то близкие аналоги ствола данной пищали, а характер гравировки на стволе также скорее указывает на мастера европейского происхождения. В то же время, мы не можем полностью исключить возможность участия Григория Вяткина в работе над данной пищалью. Существует версия, что мастером-ствольщиком был дозорщик Оружейной палаты Вилим Геймс (раб. 1644–1662), а аббревиатура МИГВ на стволе расшифровывается как «Мастер-иноземец Геймс Вилим»²⁸.

Функциональное назначение пищали 1654 г. также не вполне ясно. Существующие определения этой пищали как крепостного ружья или охотничьего оружия не подкреплены аналогами. Со своей стороны выдвинем гипотезу о том, что ружье 1654 г. предназначалось для воинских церемоний, которые должны были последовать за возвращением Смоленска под власть московских царей. Возможно, это тяжелое ружье в качестве «пищали Большого наряда» входило в набор царского церемониального оружия, воинских регалий московского самодержца. Так или иначе, эта пищаль заслуживает отдельного исследования.

Возвращаясь к теме тюфяков, констатируем, что нами не было найдено никаких аргументов в пользу того, что «тюфяк» – аутентичное наименование тяжелой пищали 1654 г. Однако логика Л.П. Яковлева, впервые присвоившего это название, поможет нам обнаружить в собрании Оружейной палаты ручное огнестрельное оружие, которое в действительности именовалось тюфяком в эпоху Московского царства. Напомним, Л.П. Яковлев весьма революционно предположил, что описанные среди царского оружия тюфяки представляют собой ручное оружие, а не артиллерию. Ту же цитату с описанием «тюфяков коротких винтованных Тимофеева

дела Лученинова...» другие исследователи толковали иначе, как описание предметов артиллерии, а Тимофей Лучанинов вплоть до публикации М.Н. Ларченко 1976 г. считался пушечным мастером ²⁹.

Итак, Л.П. Яковлев полагал, что тюфяком должно называться оружие не только крупное и тяжелое, но заметно отличающееся от всего прочего, единичное, позволяющее использовать отдельную классификационную единицу. В Переписной книге 1687 г. тюфяки описаны сразу после пистолетов. Ту же последовательность мы встречаем в Перечневой росписи Оружейной казны царя Алексея Михайловича 1647 г., вслед за пистолетами в этой описи значится: «Тюфяки. 3 тюфяка московского дела у двух по стволу золочено и серебряно, оправы на станках серебряные и раковинные, а третьей тюфяк без наводу»³⁰. Достаточно очевидно, что два тюфяка с серебряной оправой – это работы Тимофея Лучанинова, описанные в 1687 г. (имя мастера упоминается в документах до 1634 г. ³¹). Третий тюфяк по переписи 1687 г. уже не числится. Исходя из того, что общая классификация огнестрельного оружия в этой описи выглядит как пищали – карабины – пистолеты – тюфяки, можно предположить, что тюфяки представляли собой оружие с еще более коротким стволом, чем у пистолетов. И такое оружие было найдено в ходе полного сопоставления ³² всей коллекции русского огнестрельного оружия XVII в. с описанным в Переписной книге 1687 г.

В результате этой работы мы можем утверждать, что тюфяками в Перечневой росписи 1647 г. и Переписной книге 1687 г. называлось оружие с относительно короткими нарезными стволами и рукоятками необычной формы, выставленное в постоянной экспозиции Оружейной палаты. В музейном инвентаре и описи 1886 г. эта пара именовалась пистолетами ³³. Согласно современной атрибуции этой пары пистолетов-тюфяков, замки изготовлены прославленным замочником Оружейной палаты Первушей Исаевым в первой четверти XVII в. ³⁴ Эта атрибуция включала неточную ссылку на подтверждающий документ: предполагаемое для этой пары короткоствольного оружия описание 1687 г. не учитывало количество серебряных деталей: «Пара пистолетов московских на аглинское дело, стволы стальные, на стволах от казны и от дула по две мишени наведены золотом, в одной мишени по орлу двоеглавому, замки по местам золочены и серебряны, станки яблоньные, на станках розвод серебряной, оправы на станках во шти местех серебряные

позолочены. А по нынешней переписи 195 году // и по осмотру та пара против прежних переписных книг сошлась, в станку по местам раковины резные, оправа у станков в дву мест серебряных и скобы нет, цена восемь рублей, а в прежней описной книге написано двадцатая»³⁵. В данном описании все сходно с парой «тюфяков», кроме шести серебряных деталей прибора – «оправы на станках во шти местех». Описание же «тюфяков» полностью соответствует данной паре короткоствольного оружия: «Пара тюфяков коротких винтованных Тимофеева дела Лученинова, стволы резные посеребрены, на казне по орлу и пояски золочены; замки аглинское дело резные золочены и серебряны; станки яблоневые почернены, а в них врезываны раковины прорезные; промеж раковин разводы и гвоздь серебряные, по концам у станков и трубки у забойников серебряные резные золоченые, ольстры бархат цветной, по желтой земле и наложено кружевом серебряным. А по нынешней описи... цена им шездесят рублей, По прежним описным книгам 190 году на // писано [оставлено пустое место. – А. Ч.]». Таким образом, две детали серебряного прибора у каждого предмета из данной пары – наконечник цевья и шомпольная трубка.

Длина стволов пистолетов-тюфяков – 35,9 см, калибр – 16 мм; каналы стволов с 8 полукруглыми нарезами. В оформлении стволов входят золоченые поперечные пояски, о которых сообщает Переписная книга 1687 г. На замках выбито клеймо в виде лебедя влево в фигурном щитке. Стволы в сечении круглые с заметным небольшим утолщением у дула. Замки ударно-кремневые англо-голландского типа, замочные доски с округлым выступом в нижней части. На досках гравирован растительный орнамент, включающий изображения льва и сцену борьбы орла со змеем, «Царьградское видение». В декор яблоневых лож входит инкрустация из серебряной проволоки и звездочек, а также многочисленные перламутровые вставки: орнаментальные и с изображениями животных, птиц и фантастических чудовищ. У основания цевья в нижней части помещено изображение двуглавого орла. Завершения рукоятей фигурные.

Эти парные образцы короткоствольного оружия в описях после 1687 г., скорее всего, не назывались тюфяками, а описывались в числе пистолетов³⁶. С точки зрения типологии ручного огнестрельного оружия это представляется вполне закономерным. Относительно короткий ствол, удерживание при стрельбе одной рукой,

парность оружия и наличие (согласно Переписной книге 1687 г.) седельных кобур (ольстр) – не выделяет данные тюфяки из числа пистолетов XVII в. Нарезные стволы при отсутствии прицела и мушки говорят о том, что прицельная стрельба из этих тюфяков вряд ли была заметно более эффективной, чем стрельба из гладкоствольного оружия с коротким стволом. Тем не менее, известно несколько пар нарезных пистолетов, изготовленных лучшими мастерами Оружейной палаты XVII в., например, Никитой Давыдовым³⁷. Думается, что нарезные стволы для пистолетов (и тюфяков) в XVII в. – это своеобразный шик ствольных мастеров, но не более того.

Несколько слов о датировке пистолетов-тюфяков и изготовивших их мастерах. В описании тюфяков 1687 г. не отмечен замочный мастер Первуша Исаев, клеймо которого выбито на обеих замочных досках. Впервые имя мастера-замочника и его клеймо определил хранитель оружия Оружейной палаты Н.В. Гордеев³⁸. По мнению Л. Тарасюка, ореховые ложки пистолетов-тюфяков изготовлены европейским (немецким) мастером в конце XVI столетия, а пистолеты в целом должны быть датированы 1616–1620 гг.³⁹ Традиционно считалось, что Первуша Исаев работал в Оружейной палате до 1625 г. Однако на сегодняшний день известно три его совместных работы с Тимофеем Лучаниновым (включая тюфяки), а этот мастер активно работал в Оружейной палате лишь по возвращению из Персии в 1625 г.⁴⁰ Следовательно, есть основания считать, что Исаев изготавливал замки в Оружейной палате по крайней мере во второй половине 1620-х гг. С нашей точки зрения, пистолеты-тюфяки изготовлены Тимофеем Лучаниновым и Первушей Исаевым во второй половине 1620-х гг. Для Лучанинова эта работа не была вершиной его карьеры, в 1630-х он изготавливал и более эффектные вещи. А яблоневые ложки тюфяков, представляющие собой несомненный шедевр оружейного искусства, скорее всего, были изготовлены одним из станочных мастеров Оружейной палаты первой половины XVII в. – Романом Устиновым, Иваном Романовым или Постником Ивановым. Другие известные на сегодня станочные мастера Оружейной палаты – Алфим Яковлев и вышеупомянутый Ларион Дементьев – работали в сходной стилистике, но несколько позднее. Сравнение тюфяков Лучанинова и упомянутых выше нарезных пистолетов Никиты Давыдова заставляет думать о своеобразном творческом соревновании между двумя ведущими мастерами Оружейной палаты первой половины XVII в.

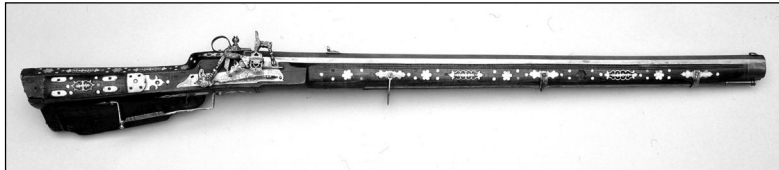

Рис. 1

Рис. 2

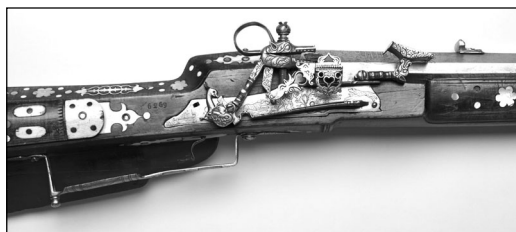

Рис. 3

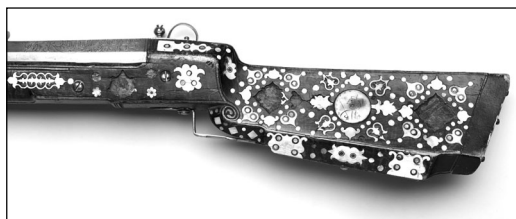

Рис. 4

Пищаль нарезная с ударно-кремневым замком. Москва, Оружейная палата, 1654. Замок – Андрон Дементьев, ложа – Ларион Дементьев. Музей Московского Кремля, инв. № Ор-1946. Рис. 1 – пищаль. Рис. 2 – казенная часть ствола с надписью и датой. Рис. 3 – замок русского типа. Рис. 4 – левая сторона приклада

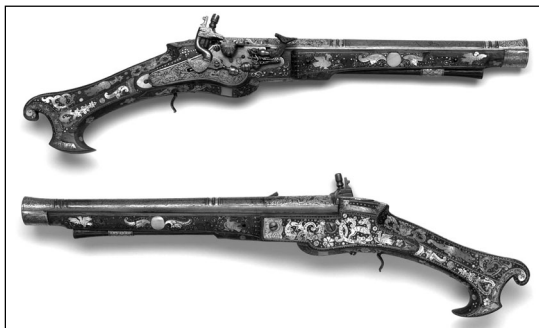

Рис. 5. «Тюфяки», пара (нарезные пистолеты с ударно-кремневыми замками). Москва, Оружейная палата, 1625–1630. Стволы – Тимофей Лучанинов, замки – Первуша Исаев. Музеи Московского Кремля, инв. № Ор-156, Ор-157

Рис. 6

«Тюфяк», инв. № Ор-156:
рис. 6 – замок
англо-голландского
типа с клеймом мастера,
рис. 7 – казенная часть
ствол с гравированным
двуглавым орлом,
рис. 8 – рукоять

Рис. 8

Рис. 7

При этом pistols Давыдова – нарезные, калибром около 8,5 при длине ствола в 44,6 см, очевидно, намного превосходили тюфяки Лучанинова в прицельной дальности стрельбы. Однако в декоративном отношении тюфяки были заметно более яркими, включали государственную символику и множество символических изображений, а их денежная оценка в 1687 г. в разы превышала оценку изделия Никиты Давыдова⁴¹.

Рис. 9. Пистолет нарезной с ударно-кремневым замком. Москва, Оружейная палата, 1630-е – 1640-е (?) Ствол, замок – Никита Давыдов. Музей Московского Кремля, инв. № Ор-2858

Попытаемся теперь выяснить причины, по которым пара образцов короткоствольного огнестрельного оружия была названа не «пистолями», а «тюфяками», хотя не позднее чем через столетие эти же образцы вошли в число pistols. С одной стороны, это выделение не было случайностью, так как к тюфякам причислен не один предмет, а три, а указание «на московское дело» говорит о существовании тюфяков зарубежного производства. Если пара тюфяков Тимофея Лучанинова была изготовлена двадцатью годами ранее составления Росписи 1647 г., то на протяжении этого времени были живы представления о том, какими должны быть тюфяки и чем они отличались от прочих видов огнестрельного оружия. Вариант с механическим перенесением устаревшего названия

Рис. 10. «Пишалка» (пистолет с колесцовым замком). Аугсбург, 1580–1590. Музей Московского Кремля, инв. № Ор-271

из старой описи не подходит, тем более, в прежних описях и более древних документах вообще мы не находим других упоминаний тюфяков-pistolets.

С другой стороны, не ясно, было ли необходимым типологическое разделение

на собственно пистолеты и тюфяки. В числе «расхожего», то есть боевого оружия той же Перечневой росписи оружейной казны 1647 г. тюфяки не значатся⁴². Спустя сорок лет составителям описи 1687 г. наименование тюфяков было не вполне понятным, иначе они не стали бы уточнять их характеристики. В определении «пара тюфяков коротких винтованных» уточнение «коротких» – лишнее, так как именно короткий ствол мог служить основой типологизации тюфяков и выделения их из числа пистолетов в 1647 г. Другим важным отличием ручных тюфяков от прочего короткоствольного оружия мог служить заметно больший калибр и связанная с этим массивность ствола. Из всех пистолетов (и карабинов) Оружейной палаты у тюфяков наибольший калибр – около 16 мм⁴³. Имеют отличие от других пистолетов и рукояти тюфяков: благодаря выраженной шейке они отдаленно напоминают ружейный приклад. Но фигурное завершение рукоятей, на наш взгляд, не может являться причиной образования нового типа оружия⁴⁴. Остается открытым вопрос о спусковых скобах тюфяков: в настоящее время скобы, как и явные следы их крепления, отсутствуют, ничего не сообщают об этих деталях и известные нам описи Оружейной палаты⁴⁵. Судя по длинным спусковым крючкам, предохранительные скобы для данных тюфяков должны были предусматриваться. Вероятность того, что для тюфяков применялась особая техника стрельбы, отличная от пистолетной, в связи с чем спусковые скобы на них не монтировались, – невелика. Впрочем, можно надеяться, что наличие или отсутствие спусковых скоб не могло являться причиной выделения тюфяков в отдельную типологическую группу. Запоясные скобы на данных пистолетах, скорее всего, отсутствовали изначально; а упомянутые в 1687 г. ольстры убеждают, что тюфяки были исключительно кавалерийским оружием, не приспособленным к ношению на поясе. О нарезных стволах как относительно случайной для пистолетов и тюфяков детали мы упоминали выше. Наличие нарезных пистолетов однозначно говорит о том, что тюфяки своим названием обязаны вовсе не наличию нарезов. Тем не менее, эта деталь говорит о том, что ручные тюфяки ни в коем случае не являлись дробовыми пистолетами.

Таким образом, выделение тюфяков в отдельную статью в описях Оружейной палаты XVII в. могло быть оправдано лишь тактико-техническими данными их стволов по сравнению с пистолетными. В число таких характеристик входил укороченный тяжелый ствол

большого калибра, приспособленный для прицельной стрельбы в меньшей степени, чем пистолетный⁴⁶. В то же время, немногочисленность сравнительного материала не дает возможности убедиться в существовании жестких критериев, разделяющих тюфяки и пистолеты.

Выделение тюфяков из числа короткоствольного оружия могло быть также относительно случайным, связанным не с типологизацией короткоствольного оружия, а с вариативностью терминологии, относящейся к новому оружию – пистолетам, появившимся в Европе в XVI столетии. Имеется и другое раннее русское наименование пистолета, как кажется, неизвестное широкому кругу историков оружия – «пищалка»⁴⁷. Это наименование, буквально означающее небольшую пищаль, подтверждает генетическое родство между длинноствольным и короткоствольным ручным оружием. Самая ранняя фиксация этого термина находится в Перечневой росписи оружейной казны 1647 г.: «Пара пищалок в железных станках» значатся последними в числе «пистолей»⁴⁸. Как и у тюфяков, более позднее описание 1687 г. содержит дополнительную информацию: «Пара пищалок съезжих в станках железных строгановские⁴⁹, у одной полки и курка нет... цена шесть алтын четыре деньги, в прежней описной книге написана дватцать вторая»⁵⁰. Здесь также нет сомнений в том, о каком виде оружия идет речь – и перед «пищалками», и после них числятся пистолеты. Однако, как видим, в описи 1687 г. к названию пищалок добавлено определение «съезжие», то есть «кавалерийские», которое, скорее всего, подразумевалось в 1647 г. Это может означать утрату точного значения у термина «пищалка» на момент составления последней описи. В настоящий момент единственный сохранившийся пистолет из этой пары украшает витрину западноевропейского оружия в экспозиции Оружейной палаты. Это небольшой цельнометаллический немецкий пуффер – пистолет с колесцовым замком и шаровидным набалдашником рукояти⁵¹. Судя по клеймам на замке, пистолет изготовлен в Аугсбурге в 1580–1590 гг., относительно редкой является железная рукоять.

Таким образом, все прочие вопросы о бытовании тюфяков-пистолетов сводятся к более общему – вопросу о ранней истории пистолетов в Восточной Европе. Известно, что первые пистолеты на Руси были европейского производства и появились во второй половине XVI в.⁵², но достоверных образцов короткоствольного

оружия, которое бытовало в Московском царстве XVI в. в музейных собраниях не имеется. Отсутствие pistols, тюфяков или же пищалок в описи оружия Бориса Годунова 1588 г.⁵³ не обязательно означает отсутствие короткоствольного огнестрельного оружия. Вполне вероятно, что первые образцы короткоствольного оружия могли носить название самопалов⁵⁴.

Не решенным остается вопрос о характере родства между тюфяком-пистолетом и тюфяком-артиллерийским орудием. Высказанная Л.П. Яковлевым гипотеза о постепенном переходе от артиллерийского ствола к стволу ручного оружия крайне маловероятна. Если бы подобное эволюционное появление ручного тюфяка из тяжелого орудия имело место в действительности, мы имели бы не только массу промежуточных образцов, но и широчайшее распространение термина «тюфяк». Однако случай применения названия тюфяк к ручному оружию – по сути единственный и относится к 1647 г.⁵⁵ Более вероятное предположение, что общим для стволов орудия и пистолета было соотношение длины ствола и калибра, также не оправдывается: длина орудий не превышала 4–7 калибров⁵⁶, в случае известных нам тюфяков-пистолетов этот показатель – более 22 калибров. Сходство морфологии стволов также невозможно принимать как основу аналогизирования, коль скоро у артиллерийских тюфяков канал ствола, как правило, был коническим, а у ручного нарезного тюфяка мы не можем предположить наличие каморы. Рассмотрение других характерных деталей материальной части, которые могут роднить орудие и пистолет, – однотипность заряда, нарезы в канале и способ воспламенения заряда – бесперспективно в силу отсутствия генетического родства орудия, появившегося в конце XIV в., и пистолета, имеющего своим родителем ручное длинноствольное замковое оружие XVI столетия.

Разрешить проблему родства названий тюфяков поможет другой амбивалентный оружейный термин, относящийся и к артиллерии, и к ручному огнестрельному оружию, – пищаль. С конца XV столетия в источниках под пищалью подразумевается и ручное, и артиллерийское оружие⁵⁷. Заметим, что та же самая двойственность наблюдается и в оружейных значениях слова тюфяк. При этом соотношение длины (и формы) стволов орудий и стволов ручного огнестрельного оружия остается постоянным. Длинный относительно тонкий ствол артиллерийской пищали находится в

таким же отношении к широкому и короткому стволу дробового тюфяка, в каком ствол ручной пицали – к крупнокалиберному пистолетному стволу. Иными словами, в длину стола пушки-пицали укладывалось столько же стволов артиллерийских тюфяков, сколько в ствол ручной пицали – стволов тюфяков-пистолетов⁵⁸. То есть наименование «тюфяк» в какое-то время было перенесено на пистолеты (или только пистолеты крупного калибра) не просто по аналогии с артиллерийскими тюфяками, но и с учетом обособления от наименования «пицаль»: пистолет-«ручной тюфяк» позиционировал себя по отношению к «ручной пицали». Кроме того, при выстраивании аналогии между артиллерией и стрелковым оружием могли сыграть роль и тактические характеристики тюфяков и пицалей: пицали (и пушки, и ручные пицали) предназначались для прицельной стрельбы на длинные дистанции, а тюфяки (дробовые тюфяки и пистолеты) были предназначены для ближнего боя. Как видим, этот перенос названия представляет собой достаточно сложную оружейную метафору.

При сравнении тюфяков из Оружейной палаты и соловецких тюфяков из Артиллерийского музея отметим сходство музейного периода их существования. Обе пары памятников в течение долгого времени не имели ссылок на свое историческое название. При этом тюфяки-пистолеты из собрания Оружейной палаты имеют гораздо более мощное документальное обоснование и, парадоксальным образом, в настоящий момент они являются единственными предметами, об историческом наименовании которых «тюфяки московского дела» можно судить с полной уверенностью. Не подвергая сомнению типологическую принадлежность двух соловецких тюфяков – артиллерийских орудий начала XVII в. из ВИМАИВиВС – отметим, что это наименование было присвоено им не в результате точного и однозначного сопоставления с их описаниями в документах XVII в.⁵⁹ Современное наименование соловецких тюфяков – это гипотеза, хотя и наиболее вероятная из всех возможных.

Итак, основной результат настоящего исследования – выявление ранее неизвестных наименований русского короткоствольного оружия первых десятилетий его существования. Заметим, что упоминаемые выше предметы – пицаль («тюфяк») 1654 г., пара пистолетов-тюфяков с замками Первуши Исаева, колесцовый пистолет («пицалка») работы аугсбургских оружейников – сами по себе

были хорошо известны исследователям, неоднократно публиковались, экспонировались на временных выставках и постоянных экспозициях. Неизвестными оставались лишь подлинные исторические названия этих предметов, которые позволяют взглянуть по-новому на типологию и терминологию русского средневекового огнестрельного оружия.

В заключение отметим, что Музеи Московского Кремля являются единственным российским музеем, собрание средневекового оружия которого имеет обширнейшую архивную базу для исследования – более десяти архивных описей собрания Оружейной палаты, самая древняя из которых относится к 1639 г. Благодаря этим описям мы можем судить о изначальных названиях того или иного предмета оружия в XVII столетии. Без точных ссылок на ранние документы, отражающие реальное бытование предмета, мы будем обречены использовать не столько исторические названия оружия, сколько названия типологических групп, которые сформировались в XIX–XX вв.

¹ См. Черный В.Д. Пушки и тюфяки 1382 г. – какими они были? // Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги. Л., 1987. С. 87.

² Федоров В.Г. К вопросу о дате появления артиллерии на Руси. М., 1949. С. 89, рис. 28–29.

³ Вышенков В.П., Маковская Л.К., Сидоренко Е.Г. Каталог материальной части отечественной артиллерии. Л., 1961. С. 38–39. Кат. 2–3.

⁴ Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н. О некоторых памятниках русской средневековой артиллерии // СА. 1961. № 3. С. 235–236.

⁵ Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976. С. 20, 86.

⁶ Носов К.С. Русские крепости конца XV–XVII вв. СПб., 2009. С. 156.

⁷ Черный В.Д. Указ. соч. С. 87–94.

⁸ Описание Московской Оружейной палаты. Ч. 5. Кн. 4. Огнестрельное оружие. М., 1886. № 6763.

⁹ По Кремлю. Краткий путеводитель [М., 1970]. С. 135.

¹⁰ Краткий указатель или справочная книжка для посетителей Московской Оружейной палаты. М., 1843. С. 6.

¹¹ Вельгман. Древности российского государства, изданные по высочайшему повелению. Отд. III. М., 1845. Табл. 111. На изображении ошибочно показан канал ствола с шестью нарезами.

¹² Музеи Московского Кремля. Инв. № ОР-.

¹³ Об этом мастере см.: Орленко С.П. Оружейный мастер Григорий Никитич Вяткин (ок. 1615–1688) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Вторая международная научно-практическая конференция 18–20 мая 2011 года. Ч. 2. СПб., 2011. С. 122–143.

¹⁴ Версия разработана О.И. Мироновой, см.: Treasures of the Moscow Kremlin. Arsenal of the Russian Tsars. [Catalogue] A Royal Armouries HM Tower, London, 1998. Cat. 26. P. 42–43.

¹⁵ Гордеев Н.В. Русское огнестрельное оружие и мастера-оружейники Оружейной палаты XVII века // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 27–28.

¹⁶ Blackmore H.L. Guns and Rifles of the World. NY 1965. Pic. 158. Arne Hoff. Feuerwaffen. Bd. 2 1969. S. 215–216.

¹⁷ Смирнова Е.И. К вопросу об авторстве книг «Холодное оружие», «Броня», «Огнестрельное оружие» описи Московской Оружейной палаты // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. 1. М., 1973. С. 34–40.

¹⁸ В статьях своей описи для некоторых вещей он приводил ссылки на документальные упоминания в девяти инвентарях XVII–XIX столетий.

¹⁹ Описание Московской Оружейной палаты. Ч. 5. Кн. 4. Огнестрельное оружие. М., 1886. № 6770–6773.

²⁰ Переписная книга Оружейной и всякой царской казне и красок, что в Оружейной палате, в Большой казне, и в прочих палатах... 1687 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 936. Л. 431–431 об.

²¹ Описание Московской Оружейной палаты. Ч. 5. Кн. 4. Огнестрельное оружие. М., 1886. №6773 С. 140.

²² Кирпичников А.Н. Указ. соч. С. 86.

²³ Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н. Указ. соч. С. 237.

²⁴ Описание Вещам Московской Оружейной Палаты, составленная помощниками Директора Павлом Евреиновым и Василием Карцовым в 1835 году. Ч. пятая. Огнестрельное оружие. ОРПГФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. С. 561. № 7225.

²⁵ Описание Санкт-Петербургской Рюст-Камеры. РГАДА. Ф. 369. Оп. 2. Ч. 3. Д. 1285. Л. 42. № 1. Ссылка на эту опись в Опись Московской Оружейной палаты. М., 1886. № 6763 дана не совсем верно.

²⁶ Роспись походной казны царя Алексея Михайловича, что была в Смоленске в 1654 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 5692. Л. 27, описана десятой среди пищалей.

²⁷ Цитата из Росписи походной казны подтверждает, что речь идет об одном и том же мастере: «Пара карабинов красных... станки немецкого дерева пестрово Ларионова дела Дементьева без оправы. Карабин винтовальной з долами.... станок красной чипрасовой Ларионова ж дела». Там же. Л. 25.

²⁸ Это предположение было высказано С.П. Орленко.

²⁹ Железнов В. Указатель мастеров русских и иноземцев, горного, металлического и оружейного дела и связанных с ним ремесел и производств, работавших в России до XVIII в. СПб., 1907. С. 36.

³⁰ Ларченко М.Н. Перечневая роспись Оружейной казны царя Алексея Михайловича г. // Археографический ежегодник за 1971 г. М., 1972. С. 174. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 4. Д. 3593. Роспись государевой оружейной казны 1647. Л. 21.

³¹ Ларченко М.Н. Новые данные о мастерах-оружейниках Оружейной палаты первой половины XVII века // Государственные Музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. 2. М., 1976. С. 33.

³² Полное взаимное сопоставление музейной коллекции со старой описью имеет значительно более точный результат в отличие от «точных» идентификаций предметов в описи.

³³ Музеи Московского Кремля. Инв. № ОР-156, ОР-157.

³⁴ См.: Государева Оружейная палата [Каталог]. СПб., 2002. Кат. 72. С. 367; Britannia & Muscovy. English Silver at the Court of the Tsars. Catalogue. L., 2006. Cat. 52–53. P. 168–169.

³⁵ Переписная книга 1687. Л. 413–413 об. № 33.

³⁶ Самое раннее описание тюфяков под названием пистолетов удалось найти в 1808 г.: «Пистолетов пара осмивинтовальных. Стволы отерты кругло. На казках наведено золотом по двоеглавому орлу под конами с распростертыми крылами, а промеж сего о около узор. По середине стволин // по два золоченых гладких поперечных пояска... Замки местами золочены и резаны. На досках замочных между прочего изображено по левику. В станках украшенных раковинами, из коих иные представляют птиц, зверей и проч., и серебряным разводом. И то и другое местами выпало. Оправы на станках серебряной // по три места на каждом, скоб у обоих нет. Спуски железные. Два шомпола, из коих один с железным наконечником. Приклад у одного пистолета обтянут малиновым бархатом» (Опись вещам Мастерской и Оружейной палаты, по высочайшему повелению составленная в 1808 году. Часть четвертая. Книга вторая. ЦГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4009е. Л. 60 об.–61 об. № 5737).

³⁷ Музеи Московского Кремля. Инв. № Ор-2858. См.: Мартынова. 1984. С. 182–183. Переписная книга 1687. Л. 414. № 40.

³⁸ Гордеев Н.В. Указ. соч. С. 44.

³⁹ Tarassuk Leonid. Russian Pistols in the Seventeenth Century L., 1968. P. 36, pic. 1–2.

⁴⁰ Ларченко М.Н. Новые данные о мастерах-оружейниках Оружейной палаты первой половины XVII века. С. 32.

⁴¹ В период 1682–1687 гг. один пистолет из пары работы Никиты Давыдова был утрачен, оставшийся оценивался в 7 рублей. См.: Переписная книга 1687. Л. 414. № 40. Если предположение о «соревновательности» мастеров верно, то, похоже, ранее были изготовлены пистолеты Давыдова, которые Лучанинову удалось превзойти по всем статьям, кроме точности стрельбы.

⁴² Предположение о том, что тюфяками называлось лишь охотничье короткоствольное оружие слишком фантастично, в описях царского оружия Оружейной палаты XVII в. охотничье оружие никак не позиционируется.

⁴³ Калибр русских пистолетов XVII в. из собрания Оружейной палаты варьируется в пределах 11–15 мм.

⁴⁴ Подобные рукояти в Европе носили название «рыбий хвост», а в русской оружейной терминологии XVII в. назвались «сапожками» (Яблонская Е.А. Огнестрельное оружие Англии XVII – начала XIX века. Каталог собрания Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль». М., 2006. С. 27). В собрании Оружейной палаты имеется несколько пар английских и еще одна (помимо тюфяков) пара русских пистолетов с такими рукоятями.

⁴⁵ В Переписной книге 1687 г. скобы не упомянуты, в Описи Оружейной палаты 1808 г. сообщение амбивалентное: «Пистолетов пара осмивинтовальных... скоб у обоих нет. Спуски железные. Два шомпола, из коих один с железным наконечником. Приклад у одного пистолета обтянут малиновым бархатом» (Опись вещам Мастерской и Оружейной палаты, по высочайшему повелению составленная в 1808 году. Часть четвертая. Книга вторая. ЦГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4009е. Л. 60 об.–61 об. № 5737).

Тюфяки как ручное огнестрельное оружие. Анализ собрания и описей Оружейной палаты

⁴⁶ Однако пуля, выпущенная из тюфяка, по сравнению с выстрелом из пистолета наверняка обладала большим останавливающим действием.

⁴⁷ Описание Московской Оружейной палаты. М., 1886. № 6566.

⁴⁸ Роспись государевой оружейной казны 1647. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 4. Д. 3593. Л. 21.

⁴⁹ Можно предположить, что данная пара пистолетов была поднесена в дар одному из первых Романовых неизвестным нам представителем обширного семейства Строгановых.

⁵⁰ Переписная книга Оружейной и всякой царской казне и красок, что в Оружейной палате, в Большой казне, и в прочих палатах... 1687 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 936. Л. 429. № 85.

⁵¹ Длина ствола – 15,8 см. Калибр – 11 мм. Музеи Московского Кремля. Инв. № Ор-271.

⁵² Маковская Л.К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV – XVIII вв.: определитель. М., 1992. С. 50.

⁵³ Савваитов Павел. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, извлеченное из рукописей архива Московской Оружейной палаты с объяснительным указателем. СПб., 1865. С. 32–33.

⁵⁴ Тарасюк Л.И. Из истории русского ручного огнестрельного оружия XVI – XVII вв. // Советская археология. 1965. № 2. С. 119.

⁵⁵ Второе описание тех же тюфяков в описи 1687 г. выполнено, так сказать, по инерции.

⁵⁶ Кирпичников А.Н. Указ. соч. С. 92, исследователь оговаривает известную условность такого измерения для конического канала ствола.

⁵⁷ Там же. С. 90.

⁵⁸ Точные значения здесь не нужны, речь идет об умозрительном соотношении.

⁵⁹ В ссылках на архивные документы остается известная неопределенность: «Опись 1633 г. уточняет количество тюфяков – их было 4... из документа 1676 года мы узнаем, что два из них были “в станках и на колесах”... видимо, эти два орудия и есть тюфяки, находящиеся ныне в собрании АИМ». Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н. Указ. соч. С. 236.

Д.А. Шереметьев (Санкт-Петербург)

СООТНОШЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ И НАУЧНЫХ ОРУЖЕЙНЫХ ТЕРМИНОВ

ДЛЯ ТОГО чтобы разговор об оружии был по возможности точен, мы должны отдавать себе отчет в том, какие термины и почему мы используем для такого разговора. Термины, с помощью которых мы описываем оружие, раскрывают свое значение только в контексте определенного подхода к предмету исследования. Общепринятыми на сегодняшний день являются термины и понятия, выработанные в рамках оружейведения.

Оружейведение по своему происхождению теснейшим образом связано с коллекционированием ¹. Собираение коллекций – увлечение сравнительно новое. Конечно, некоторое накопление вещей происходило всегда, но смысл ему в разные времена придавали разный. Например, сокровищница вождя эпохи раннего средневековья представляла зримым и осязаемым воплощением присущих ему самому личных качеств, счастья и успеха ². Когда предводитель одаривал своих воинов золотыми кольцами или богато украшенным оружием, он делился с ними частицей своей воинской удачи, поскольку дар был сопрячен самому дарителю. Значение драгоценных предметов выходило далеко за пределы вещей как таковых. Вещь воспринималась, в значительной степени, как знак сложных связей, объединяющих природу, людей, высшие силы и пронизывающих, в конечном итоге, весь мир.

Лишь новое время породило представление о вещи, выделенной из всеобщего контекста, что открыло новые возможности для накопления и манипулирования вещами. Не представляющие отныне ничего, кроме самих себя, вещи свободно комбинируются в различные множества, обнаруживая при этом стремление к бесконечному

разнообразию. Собственно оружиеведение возникло как ответ на необходимость внести некоторую системность в случайную, с новой точки зрения, совокупность предметов вооружения, накопившихся при дворах властителей, в родовых гнездах аристократии и городских арсеналах. Выработывая свой собственный способ осмысления оружейного пространства, новая наука создавала концептуальную основу для уже целенаправленного пополнения собраний. Сгруппированные в соответствии с принципами формальной типологии, самодостаточные вещи становятся объектами коллекционирования в современном понимании этого слова.

Постановка вопросов и способы их решения в оружиеведении в значительной степени определены интересом к отдельно взятой вещи. Суть научной работы сводится к изучению конкретных оружейных памятников, а извлеченная из них информация определяет конечные выводы исследования. Конечно, предмет, изначально выделенный из контекста, нуждается в определенной системе координат, которая позволила бы соотносить объект исследования с другими предметами. Для оружиеведения такой системой координат служит, в первую очередь, определение времени и места изготовления оружия. Несмотря на то, что этот «контекстуальный» аспект оружиеведения может стать ведущим в специальных исследованиях, посвященных оружию конкретных эпох, стран или вопросам технологии и производства, в методическом плане основой оружиеведения все-таки остается предмет как таковой.

Сосредоточенность на тех особенностях вещей, которые их разделяют, делает невозможным сведение всего разнообразия предметного мира к конечному числу типов. Отсюда постулируется безграничное разнообразие оружейного мира и его истории. Безграничность же области исследования делает крайне проблематичным осмысление феномена в целом. В этих условиях попытки систематического осмысления предметной области могут восприниматься как навязывание научному сообществу произвольных ограничений, что кажется, как минимум, нескромным³. В конце концов, логика, определяющая развитие оружиеведения, приводит к преимущественно частному взгляду на оружие. Наибольшее развитие получают аналитические приемы исследования оружия, включающие последовательное различение форм оружейных памятников, вплоть до классификации их отдельных частей,

и погружение в свойства использованных материалов, вплоть до изучения их химического состава.

Естественным образом оружейведческая терминология отражает все обозначенные особенности отношения к изучаемому предмету. Частный характер терминов, с одной стороны, позволяет им быть совершенно однозначными, что должно, по идее, облегчать понимание предмета, с другой стороны, эта же однозначность не способствует применению терминов в смежных областях знания. Так, например, различные специалисты – историки оружия, археологи, криминалисты, – исходя из своих специфических задач, используют различные термины, не всегда соотносимые друг с другом.

Эта ситуация является частным случаем более масштабной проблемы. Точные термины, логически соотнесенные друг с другом, образуют своеобразную понятийную сеть, которая накладывается на реальность и позволяет нам эту реальность осознать. Но именно в силу своей точной определенности и последовательности эта сетка не полностью соответствует миру оружия, чья изменчивость и разнообразие делают его отчасти схожим с живым организмом. Зачастую (особенно, когда мы имеем дело с реалиями традиционной культуры) возникают ситуации, в которых привычная и вполне работоспособная применительно к другому материалу классификация дает сбой. Характерный пример такого рода – кавказские кинжалы, которые в рамках одного типа различаются размерами настолько, что согласно требованиям формальной классификации, значительная их часть должна быть отнесена уже не к кинжалам, но, скорее, к коротким мечам.

Для того чтобы очертить в целом оружейведческий подход к оружию, необходимо как бы выйти за рамки оружейведения и посмотреть на его методы со стороны. В качестве условной альтернативы, позволяющей занять внешнюю по отношению к оружейведению точку зрения, можно предложить подход, свойственный традиционным культурам.

В традиционной терминологии бросается в глаза ее кажущаяся «неопределенность». Например, термин «кама», которым в оружейведении обозначают прямой кинжал кавказского типа, в различных языках народов Кавказа обозначает кинжал вообще, то есть в точности соответствует бытовому употреблению слова «кинжал» в русском языке. Однако традиционная терминология выглядит

«неточной» только с точки зрения аналитического подхода, требующего однозначности в употреблении слов. Для того чтобы наглядно продемонстрировать разницу между оружейведческой и традиционной терминологиями, представим оба подхода в виде таблицы ⁴.

Аналитический подход	Традиционный подход
Система описания строится на различиях между предметами	Система описания строится на сходстве предметов
Различия между предметами лежат в области внешней формы	Сходство предметов обусловлено их общим внутренним содержанием
Внешняя форма предметов обусловлена их соотношением со сферой прагматики	Внутреннее содержание предметов обусловлено их соотношением с архетипами
Обусловленность прагматикой проявляется как функциональность предмета	Обусловленность архетипом проявляется как предназначение предмета
Количество типов предметов стремится к бесконечности	Количество типов предметов конечно
Описание предмета в пределе стремится к бесконечному количеству слов	Описание предмета в пределе стремится к одному слову
Система описания носит открытый характер	Система описания носит закрытый характер

Дополнительного комментария в представленной таблице, пожалуй, требует лишь ссылка на архетипы. В переводе с греческого это слово означает «прообраз», «изначальный образец». У позднеантичных авторов «архетип» соответствовал «идее» Платона. Однако в современном языке слово «идея» употребляется столь широко и разнообразно, что необходимы специальные усилия, чтобы вернуться к его первичному смыслу. В этом отношении «архетип» гораздо удобнее: он почти свободен от бытового словоупотребления и воспринимается именно как научный термин.

В самом общем виде концепцию архетипа можно представить следующим способом: всякая вещь всегда что-то значит, то есть имеет свою собственную сущность. Смысл вещи, ее сущность является определяющим принципом вещи, в соответствии с которым она и существует. Поскольку один и тот же принцип может

воплощаться во множестве схожих между собой вещей, то получается, что принцип не зависит от отдельно взятой вещи, а конкретная вещь, напротив, от него зависит целиком. Поэтому можно сказать, что конкретная вещь есть проявление некоего изначального образца или прообраза, то есть архетипа⁵.

Из этого положения проистекает важное для нашей темы следствие. Пристальное внимание к внутреннему содержанию предмета позволяет увидеть все определяющие признаки вещи как проявление ее сущности – такая внутренняя связность придает вещи в глазах наблюдателя качество целостности. При аналитическом подходе вещь, напротив, предстает как набор формальных черт, которые могут меняться более или менее независимо друг от друга. При этом «вещь в целом» превращается в лишенное качеств пространство, в котором сосуществуют безразличные друг к другу признаки, что превращает целостность вещи в чистую абстракцию.

Очевидно, что в противоположность аналитическому взгляду на оружие традиционный подход демонстрирует склонность к синтезу. Именно это качество позволяет традиционным терминам выстраивать систему описания на сходстве предметов. Как все признаки вещи соотносятся с ее сущностью, так и все схожие предметы соотносятся с единым архетипом. С этой точки зрения, в любой вещи видно, в первую очередь, не то, что отличает ее от прочих вещей, не уникальная мозаика индивидуальных характеристик, застывшая в рамке конкретной вещи, а то, что объединяет вещь с подобными ей вещами, тот образ, который просвечивает сквозь очертания конкретных форм, превращая их в нечто вторичное и, отчасти, случайное.

Для наглядности можно представить себе всю предметную область оружейведения в виде пирамиды. В этом случае аналитический взгляд будет представлять собой вектор, направленный строго вниз, к ее основанию. Анализ стремится к расчленению очерченной области на составные части, оставляя «за спиной» то, что является общим для различных вещей. Рассматривая вещи по отдельности, аналитический взгляд располагает их на одном уровне, тем самым как бы стремясь к горизонтальной плоскости. В конечном итоге подтверждение подлинности этот подход ищет в области статистических методов, так что его вполне можно охарактеризовать как количественный.

Традиционный взгляд будет представлять собой вектор, направленный к вершине пирамиды. В этом случае «за спиной» окажутся как раз сугубо частные, индивидуальные особенности вещей, которые будут восприниматься как несущественные. Стремление вверх естественным образом акцентирует внимание на вертикальном измерении предметной области. Применительно к вещам эта вертикаль предстает как иерархия, построенная на принципе большей или меньшей приближенности к архетипу. Основание подлинности традиционный подход, в конечном итоге, ищет в области метафизики, так что его можно назвать качественным.

Понятно, что противопоставление оружейведческого и традиционного подходов к оружию носит, в значительной степени, риторический характер. Так как системы описания, характерные для указанных подходов, построены на разных принципах, их нельзя смешивать. Прием противопоставления позволяет четко разграничить области компетентности различных методов, что необходимо для точного и адекватного употребления терминов.

Например, когда мы читаем в описании кавказского кинжала фразу «кинжал типа кама» или «кинжал типа бэбут», мы должны понимать, что речь в данном случае не идет о «традиционных терминах», описывающих оружие с «этнических» позиций. Местные по происхождению слова оказываются как бы «переформатированы» в оружейведческие понятия, им придано новое, терминологическое, значение и адекватно они могут быть поняты только в рамках аналитического системного подхода.

Эта ситуация характерна для многих терминов, с помощью которых оружейведы описывают этнические типы оружия. «Шашка», «шемшир», «клыч» – все эти слова взяты из обычной, повседневной речи, в которой они обозначали не только и не столько конкретный тип оружия, сколько длинноклинковое оружие в целом. На примере превращения живого слова в научный термин ясно видно, как работает оружейведческая систематика. Используя в качестве исходного материала для анализа исторически сложившиеся типы оружия, формальное мышление как бы создает параллельный набор типов, выделенных, естественно, уже на формальных основаниях. В силу своего абстрактного и одновременно «характера количественного» научный аналитический подход хорошо приспособлен для работы с множеством разнообразных предметов, относящихся к различным эпохам и культурам. Выработанные

с помощью этого подхода термины представляют собой язык, которым мы привыкли пользоваться. Однако важно помнить об определенной условности оружейведческой терминологии; лишь при соблюдении этого условия употребление привычных нам терминов будет действительно точным.

¹ Кулинский А.Н. Европейское холодное оружие. СПб.: ООО «ТПГ «Атлант»», 2003. С. 10.

² Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Искусство, 1984. С. 231 и далее.

³ Кулинский А.Н. Указ. соч. С. 26.

⁴ Шереметьев Д.А. Описание ручного огнестрельного дульнозарядного длинноствольного оружия // Проблемы классификации, типологии, систематизации в этнографической науке: Материалы Пярых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2006. С. 158.

⁵ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М.: Искусство, 1969. С. 158, 173.

В.Г. Шлайфер, А.А. Волох (Запорожье, Украина)

МУЗЕЙ ИСТОРИИ ОРУЖИЯ. КРАТКИЙ ОЧЕРК

МУЗЕЙ истории оружия (далее – МИО, г. Запорожье) открыл свои двери для посетителей в 2004 г. В его основу легла частная коллекция генерального директора ООО «Диана-92» Виталия Григорьевича Шлайфера. Хронологические рамки экспонатов, хранящихся в МИО, охватывают огромный промежуток времени – от раннего палеолита до второй половины XX в. Более 4 тысяч единиц холодного и огнестрельного оружия, собранного в музее, отображают практически все этапы становления человеческих цивилизаций. Здесь компактно представлены образцы оружия различных стран, народов и рас. Поэтому основными принципами построения экспозиции являются: хронологический, территориальный, типологический. Собранные экспонаты позволяют выявить как общие направления развития оружия, так и индивидуальные особенности и черты оружия отдельных регионов, проследить взаимовлияние оружейных культур. Коллекция пополняется различными способами: это покупка экспонатов у других коллекционеров, на зарубежных и украинских аукционах, обмен, пожертвования. Музей находится в относительно небольшом помещении площадью менее 100 м², что обусловило высокую плотность размещения экспонатов. Это характерная особенность частных собраний. Не секрет, что в государственных учреждениях значительная часть экспонатов находится в фондах. Напротив, многие частные коллекционеры стараются продемонстрировать максимум экспонатов, находящихся в их распоряжении. Это в полной мере касается МИО.

Оружие каменного века

Оружие каменного века. Хронологические рамки тематического раздела охватывают период от раннего палеолита (800–140 тыс. лет до н. э.) до энеолита (4–3 тыс. лет до н. э.). В экспозиции раздела представлены рубило ашельского периода, палеолитические каменные изделия, каменные и костяные наконечники копий, гарпунов, стрел эпохи неолита-палеолита, костяные топоры, энеолитические каменные топоры, долота. К наиболее необычным и редким экспонатам раздела можно отнести каменные кистени. Часть экспонатов была привезена с территории Дальнего Востока РФ (в частности, с Курильских островов). Есть также артефакты с территории Ближнего Востока (Израиль) и Северной Америки (США).

Оружие бронзового века. Хронологические рамки тематического раздела охватывают 3 тыс. лет до н. э. – I тыс. до н. э. В экспозиции раздела мож-

но увидеть каменные наконечники стрел, каменные, медные, бронзовые топоры различных культур, проживающих на территории Украины в эпоху бронзы; бронзовые короткие мечи и кинжалы

XIII–XI вв. до н. э., бронзовый наконечник стрелы, кельты, каменные долота (тесла), бронзовые ножи. Но наибольший интерес представляет символическое оружие, использовавшееся в большей степени как атрибуты власти – каменные и бронзовые булавы и топоры. Среди них стоит выделить нефритовые топоры и топоры из базальта с нанесенным на них геометрическим орнаментом. Значительная часть предметов была привезена с территории Ближнего Востока (в частности, из Ирана).

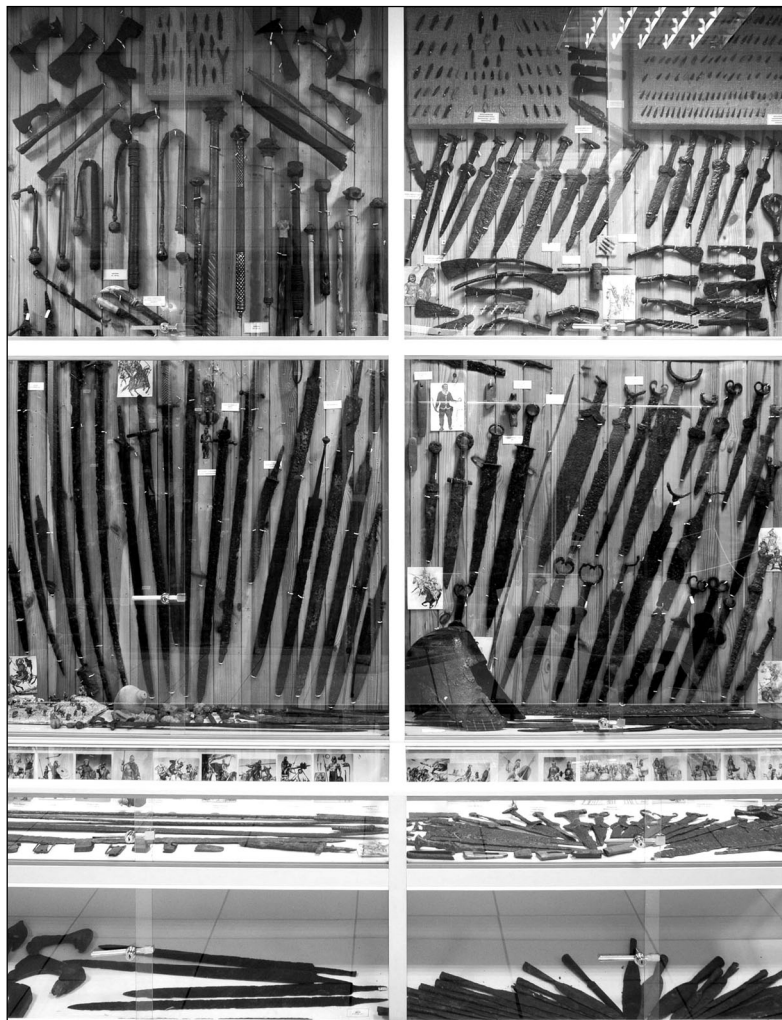
Оружие раннего железного века (киммерийско-скифско-сарматский период). Хронологические рамки раздела охватывают IX до н. э. – III вв. н. э. В экспозиции раздела представлены киммерийско-скифские бронзовые наконечники стрел, киммерийские топоры-тесла, наконечник копья, мечи. Однако большая часть оружия раздела относится к скифскому периоду. Здесь можно увидеть большое собрание скифских мечей-акинаков разных периодов, боевых топоров, чеканов, наконечников копий, ножей. Особое внимание заслуживает редкий железный шлем греко-иллирийского типа V–IV вв. до н. э. Сарматское оружие представлено мечами с кольцевым навершием (II в. до н. э. – I в. н. э.) и поздними мечами с рукоятью-штырем (I–III вв. н. э.). Можно также отметить фрагмент древнеримского метательного копья пилум. Часть вещей происходит с территории Тамни, Кавказа и степной части Украины.

Великое переселение народов, Киевская Русь. Хронологические рамки тематического раздела охватывают III до н. э. – XIII вв. н. э.

В музее представлены мечи и палаши с территории Северного Кавказа, принадлежавшие готам, гуннам, аварам, аланам и другим народам (IV–VII вв.).

В экспозиции раздела представлены наконечники древнерусских копий, боевые топоры, кистени, булавы боевые и символические, железные наконечники стрел, мечи, сабли аварского, печенежского и половецкого времени. Показан процесс возникновения и развития сабли (прямой двулезвийный меч – однолезвийный прямой палаш – изогнутая однолезвийная сабля). Интерес вызывает небольшой круглый щит восточного типа. Кожаная его основа реконструирована, но металлические умбон и окантовка оригинальны. Такой щит использовался тюрками (торки, черные клобуки), служившими русским князьям.

Оружие Западной и Центральной Европы. Хронологические рамки тематического раздела охватывают XIII–XIX вв. В экспозиции раздела можно увидеть боевые и экзекуционные топоры позднего средневековья и нового времени, чеканы XV–XVII в.,

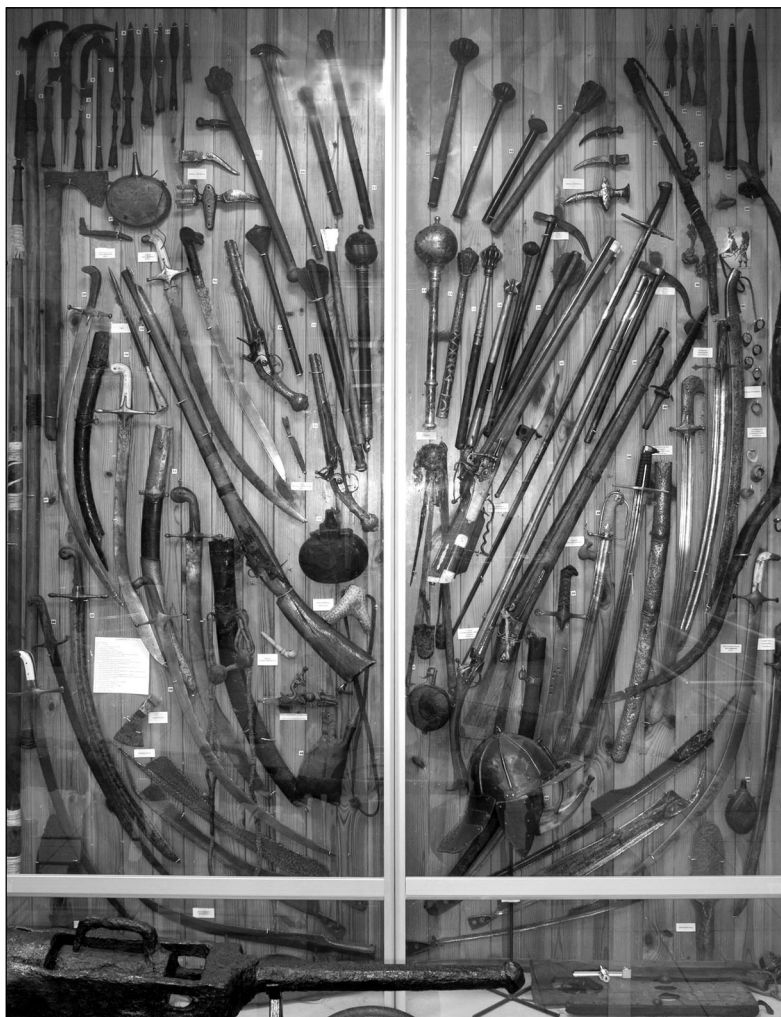
**Оружие эпохи раннего железного века,
эпохи великого переселения народов, периода Киевской Руси**

**Оружие
Западной Европы**

булавы, перначи, целый ряд стилетов XVII в., среди которых необычностью своей формы выделяется стилет-циркуль (маскированное оружие) и венецианский стилет-фузетто, кинжалы, булавы, наконечники копий, алебарды и эспонтон. Особое место в экспозиции занимает подборка длинноклинового оружия – мечи каролингского типа X–XI вв., меч XII в., западноевропейские мечи XIV–XVI вв., сабли XVI–XVII вв., двуручный меч XVI в., а также позднейшие наследники меча – шотландский и венецианский палаши XVII в. В экспозиции МИО имеются три европейских доспеха XVI–XVII вв. и несколько шлемов.

Оружие периода украинского казачества. Хронологические рамки тематического раздела охватывают XV–XVIII вв. – то есть весь период существования украинского казачества – от его зарождения (конец XV в.) до ликвидации (1775 г.). Экспозиция раздела представлена атрибутами власти казацкой старшины: булавами, перначами и чеканами, а также бунчуком. Присутствуют практически все основные типы сабель казацкого времени: иранские шамширы, турецкие кылычи (клычи, палы), польские карabelы, сабля венгерского типа, гусарская сабля с закрытым эфесом. В коллекции имеется польский кончар XVII в. Экспонируется один из первых байонетов местного происхождения. Древковое оружие представлено копьями, пиками, гизармами, боевыми косами с крючьями для стаскивания кавалеристов. Огнестрельное оружие экспозиции раздела отображает практически все этапы развития ружей: здесь есть и фитильное ружье XVI в., колесцовое и кремневое ружья XVII в., пистолы XVIII в. Примечательным экспонатом этого раздела является композитный лук турецкого типа. Также имеется небольшая, но интересная коллекция пороховниц XVII–XVIII вв.

Оружие времен украинского казачества

Оружие Западной Украины. Хронологические рамки тематического раздела охватывают XVIII–XX вв. Здесь находятся топоры бартки (валашки), чеканы (обухи) на длинных топорищах, крестьянское оружие, переделанное из сельскохозяйственного инвентаря (боевая коса, вилы), пистолеты крупных калибров и аксессуары.

Оружие народов Востока: Индо-Иранский регион, Османская империя и Средняя Азия. Хронологические рамки тематического раздела охватывают XVII–XX вв. Здесь представлено оружие из таких регионов, как Иран, Индия, Узбекистан, Турция, Афганистан, Сирия, страны Балканского полуострова. В экспозиции можно увидеть турецкие ятаганы XVIII–XIX вв., турецкие и иранские топоры, непальские ножи – кхукри, афганские, иранские и индийские сабли различных типов, индоиранские щиты, шлем. Среди экспонатов есть предметы, принадлежавшие в свое время известным историческим личностям. Так, богато украшенный индийский зульфакар XVIII в. находился ранее в коллекции известного английского разведчика Лоуренса Аравийского. В коллекции много экзотических предметов индийского происхождения (щит с рогами антилопы – маду, наручные когти нахка дасти и багнаки, железная рукавица, совмещенная с клинком – пата, метательное кольцо – чакра). Представлено ритуальное оружие Индии и Непала. Ценным экспонатом раздела является ударный инструмент тулумбас. В экспозиции большое количество богато украшенных восточных кинжалов и ножей различных периодов.

**Оружие Среднего Востока
(Индия, Иран, Афганистан)**

Оружие народов Кавказа

нижних чинов морской артиллерии обр. 1810 г. и др. Здесь представлены драгунские (обр. 1841 г.) кавалерийские, пехотная генеральская (обр. 1826 г.) сабли, морские офицерские сабли обр. 1855 г. Особый интерес представляют шашки: наградные (Золотое оружие,

Оружие народов Кавказа. Хронологические рамки тематического раздела охватывают XVIII–XX вв. В экспозиции представлено защитное вооружение (кольчуга, наручи, мисюрка, грузинский щит-каракалкан) и оружие различных кавказских народов: кинжалы-камы и кинжалы-бебуты, шашки и сабли, грузинский палаш прангули. Интересны бытовые грузинские ножи. Огнестрельное оружие представлено несколькими кремневыми пистолетами, карабином, тромблонами, кремневым ружьем. В экспозиции имеются также дротики-джериды.

Оружие России и Советского Союза. Хронологические рамки тематического раздела охватывают XVIII–XX вв. В экспозиции можно увидеть русскую офицерскую шпагу – участницу Полтавской битвы 1709 г., палаш начала XIX в., ряд тесаков XIX в.: саперные обр. 1797 г., 1827 г. и 1834 г.,

Аннинская, Георгиевская), солдатские драгунские обр. 1881 г., офицерские драгунские обр. 1881 г. и 1881–1909 гг., казачья нижних чинов обр. 1881 г. и 1904 г. Короткоклинковое русское оружие представлено кинжалами казачьих войск, рядовых артиллеристов и пулеметчиков. Есть также различные штыки к русским ружьям и винтовкам. Представлено холодное и огнестрельное оружие СССР – шашки и сабли различных образцов, в том числе именные (например, чехословацкая сабля обр. 1952 г., подаренная правительством ЧССР генерал-майору Зайцеву в 1968 г.). Среди огнестрельного оружия определенный интерес представляет именной пистолет «Маузер К-96» обр. 1912 г., принадлежавший деятелю революции и Гражданской войны в России П. Дыбенко.

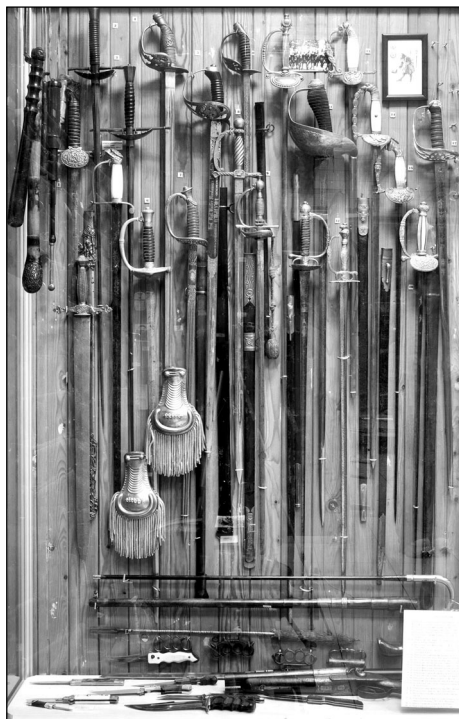
Охотничьи ножи и кортики мира. Хронологические рамки тематического раздела охватывают XVIII–XX вв. В разделе представлен целый ряд парадных и повседневных охотничьих ножей и кинжалов Германии, Австрии, Румынии, Чехии и других стран. Раздел включает большое количество кортиков различных стран и родов войск. Среди наиболее редких – французские и английские кортики рубежа XVIII–XIX вв., ряд отечественных и немецких кортиков XIX–XX вв., именные советские морские кортики, советский дипломатический кортик.

Европейские сабли. Хронологические рамки тематического раздела охватывают XVIII–XX вв. Среди сабель, находящихся в экспозиции, видное

Европейские сабли

место занимают венгерская сабля типа «Мадонна», венгерская легкокавалерийская сабля 2-й половины XVIII в., парадная офицерская сабля периода наполеоновских войн (начала XIX в.), ряд австрийских и немецких парадных сабель XIX – начала XX вв., детская английская сабля (XIX в.), абордажное оружие и т.д.

Европейские шпаги

Европейские шпаги.

Хронологические рамки тематического раздела охватывают XVI–XX вв. В экспозиции представлены первые западноевропейские шпаги – типа «паппенхайм», «таза», «крабья клешня» (конец XVI – первая треть XVII вв.). Кроме того, раздел включает большое количество боевых и камзольных шпаг XVIII–XX вв. Среди наиболее интересных – шпаги рубежа XVIII–XIX вв., выполненные в технике «бриллиантовой огранки» железа, шпаги придворных и гражданских чинов Франции, Австрии (XIX в.).

Армейские ножи и кинжалы, тесаки, штыки.

В экспозиции представлено все многообразие этих видов короткоклинкового холодного оружия (XVII–XX вв.). Среди наиболее интересных образцов – стилеты-кастеты обр. 1917 г. (США), боевые кинжалы 1-й и 2-й мировых войн (Франция, Германия), парадные кинжалы и ножи III Рейха (в т. ч. кинжалы СС и СА обр. 1933 г.). Также в музее имеется ряд уставных и неуставных советских ножей периода Второй мировой войны. Кроме того, музей обладает крупной коллекцией штыков. Среди наиболее интересных можно выделить байонеты XVII–XIX вв., штык-лопату обр. 1873 г. (США), итальянский

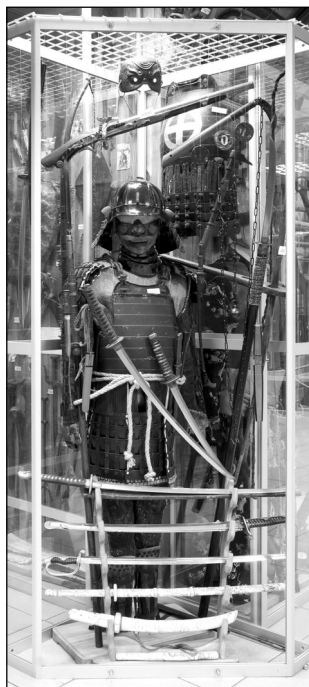
складной штык периода Второй мировой войны, английский морской штык-тесак середины XIX в.

Огнестрельное оружие народов мира. Хронологические рамки тематического раздела охватывают XV–XX вв. Экспозиция отображает практически все этапы развития огнестрельного оружия и артиллерии. В МИО находится значительное количество единиц длинноствольного огнестрельного оружия с различными замками и системами запираания. Среди наиболее ранних – индийское крепостное фитильное ружье, колесцовые мушкет и карабин XVII в., ручная мортира и тромбоны с кремнево-ударными батарейными замками. Несомненный интерес представляют армейские ружья и винтовки XIX – начала XX вв. Среди них – армейское ружье Спрингфилда (1864 г.), винтовка Бердана (Россия), винтовка Винчестера обр. 1895–1907 гг., винтовка Росса-Энфилда (Великобритания). Видное место в разделе занимают охотничьи ружья различных калибров (начиная с 4-го) и систем. Среди самых известных – ружья Дрейзе, Ланкастера, Браунинга, Дарна. В экспозиции представлены также практически все виды первых пистолетов и револьверов. Среди них – шпилечные пистолеты и револьверы (в том числе

Огнестрельное оружие и штыки

револьвер, комбинированный с кинжалом английской фирмы «Адамс» и миниатюрный бельгийский револьвер-перстень). Изюминками раздела являются также капсюльный пистолет-ключ, многоствольные пистолеты Мариетта, Шарпа, револьвер Адамса (1855 г.), артиллерийский парабеллум с троммель-магазином. В МИО представлено несколько типов артиллерийских орудий. Здесь можно увидеть казацкие пушки малых калибров XVII–XVIII вв., фальконет XVIII в., казнозарядные корабельные пушки XV–XVI вв. Ярким экспонатом является мортира, отлитая во Львове в первой половине XVI в. В музее экспонируется автоматическое оружие – это пулемет Максима обр. 1910 г., пистолеты-пулеметы времен Второй мировой войны.

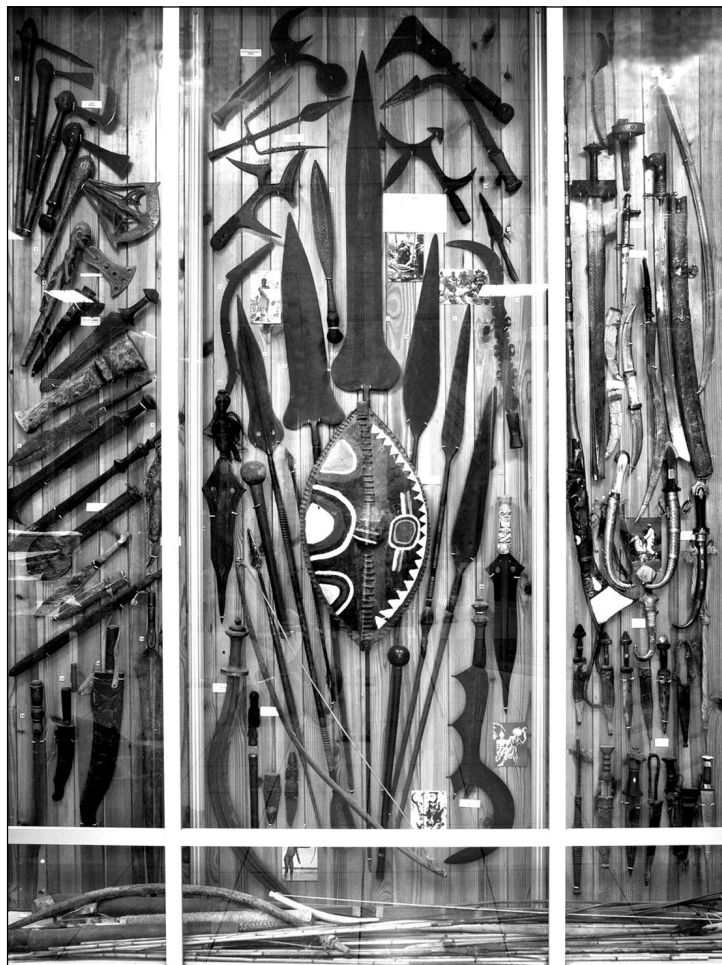
Оружие Японии

Оружие Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Хронологические рамки тематического раздела охватывают XVI–XX вв. В экспозиции музея имеется значительное количество образцов оружия с островов Бали, Суматра, Ява (кинжалы крысы, меч сунданг, мечи даяков). Также в экспозиции находится большая коллекция тибетского наступательного и оборонительного вооружения (кинжалы, палаши, мечи, кираса, шлемы), а также ритуальное оружие (богато украшенный ритуальный кинжал пхурбу). Также можно увидеть некоторые типы китайского оружия (мечи, сабли, меч на древке квандао). В МИО представлено и японское вооружение – доспех XVI–XIX вв., мечи, кинжалы, древковое оружие, ассиметричный японский лук, оружие японских пожарных и полицейских XIX в., маскированное оружие (кинжал-веер), имеется подборка цуб и ножей когатана.

Этнографический раздел: оружие Северной Африки, Америки, Тихоокеанского региона и иное этнографическое. Хронологические рамки тематического раздела охватывают XIX–XX вв.

Представлено вооружение народов ряда регионов мира – Австралии, Океании, Северной и Южной Америки, Сибири, Европы. Можно отметить щит из панциря морской черепахи (Папуа-Новая Гвинея), бумеранги австралийцев, духовые ружья (о. Калимантан), дубинки ирландцев, ритуальное оружие народов Океании.

Оружие народов Африки. Хронологические рамки тематического раздела охватывают XIX–XX вв. Представлены копья, мечи,

Оружие стран Африки

топоры, метательное оружие из Западной, Северо-Восточной Африки, верхнего бассейна р. Конго. Среди наиболее интересных экспонатов – массивные копья-мечи ассегаи, метательные клинки, меч вождя с фаллособразными ножнами, меч палача из Конго, серповидный меч шотел (Эфиопия), а также щит народности масаи. Также хорошо представлено холодное и огнестрельное оружие народов, населяющих Северную Африку (мечи туарегов, туарегский наручный кинжал телек, марокканская нимча, суданский двухклиновый кинжал халадие, кремневые ружья из Алжира).

Постоянно действующий частный МИО в г. Запорожье (Украина) является одним из немногих частных учреждений на постсоветском пространстве и отличается от других музеев тем, что в нем предпринята попытка показать историю развития оружия в различные исторические периоды и в различных регионах мира.

Известно, что очень многие современные государственные музеи возникли на базе частных коллекций. Поэтому мы с огромным интересом следим за исследованием коллекции рода Раевских, которым занимаются А. Кулинский и М. Анисимова. Это исследование как пример показывает значительную роль частных коллекций в развитии музейного дела. Мы также надеемся своей работой и самим фактом существования внести свой скромный вклад в развитие оружейведения и музейного дела.

Экспозиция музея периодически обновляется. Так, среди последних новинок – создание комплексов наступательного и оборонительного вооружения (Япония, Тибет, Кавказ, Европа) с использованием манекенов.

Музей проводит научную работу: выпускается периодическое издание – альманах «История оружия», включающий статьи военно-исторической тематики; сотрудники музея являются авторами статей в специализированных научных и научно-популярных изданиях; тема исторического оружия популяризируется сотрудниками музея в средствах массовой информации.

Сегодня музей является важным туристическим объектом, привлекающим гостей как из Украины, так и из зарубежных стран. Люди знакомятся с экспозицией благодаря средствам массовой информации; кроме того, музей имеет собственный сайт <http://museummilitary.com> с виртуальным туром http://museummilitary.com/ru/tur_3d.

Ю.В. Щербаков (Санкт-Петербург)

**ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
ПРИЧИН И ФАКТОВ, СПОСОБСТВОВАВШИХ
СОЗДАНИЮ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО
БЛОКА ВЕДУЩИХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ
ДЕРЖАВ (20–30-е ГОДЫ XX ВЕКА)**

ПОСЛЕ свершения в России Октябрьской революции 1917 г. и всемирно-исторических побед молодой Советской власти буржуазия была смертельно «запугана “большевизмом”, озлоблена на него почти до умопомрачения...»¹. Однако бесславный провал международной интервенции против молодой Советской Республики и наступление периода мирной передышки вовсе не означал, что мировой капитализм примирился с утратой своих позиций на шестой части земного шара.

Первая мировая война не смогла распутать клубок проблем, существовавших в Европе и в мире. Ее результаты способствовали тому, что Германия и Россия были вычеркнуты из списка великих держав. Австро-Венгрия перестала существовать. Англо-французскую Антанту сменила острая англо-французская борьба. Италия была ослаблена войной и по этой причине утратила свои позиции в европейской и мировой политике. В этих условиях Англии еще предстояла тяжелая политическая борьба, чтобы сохранить положение ведущей европейской державы.

Правящие круги побежденной Германии, а также причисленных к победителям Италии и Японии остались неудовлетворенными тем разделом добычи, который организовали правящие круги США, Англии и Франции. Монополисты Германии, Англии и Японии еще в ходе Первой мировой войны помышляли о новом разделе земного шара: США, Англия и Франция стремились удержать и расширить свое преобладание в буржуазном мире за счет

ослабления Германии, Италии и Японии. Как следствие – противоборство в капиталистическом мире усилилось, углубился общий кризис капитализма. И наряду с факторами, разъединяющими империалистов, срабатывали и реально существовавшие факты их объединяющие: ненависть к СССР, стремление уничтожить созданную в России социалистическую систему.

Именно поэтому ведущие капиталистические державы Запада стали планировать против нашей страны новую вооруженную интервенцию, рассчитывая осуществить ее совместными усилиями единого антисоветского фронта. При этом среди государств, еще способных справиться с «большевизмом», Лондоном и Вашингтоном рассматривалась всерьез только Германия. У. Черчилль писал в 1919 г.: «Подчинить своей власти бывалую русскую империю – это не только вопрос военной экспедиции, это вопрос мировой политики. Покорить Россию мы можем лишь с помощью Германии»². А командующий американскими оккупационными войсками в Германии генерал Г. Аллен в своем дневнике сделал запись 15 января 1920 г. такого содержания: «Германия является государством, наиболее способным успешно отразить». Далее он недвусмысленно расшифровывает свое понимание этого «отражения»: «Расширение Германии за счет русской территории на длительное время отвлекло бы немцев на Восток и уменьшило бы тем самым напряженность их отношений с Западной Европой»³.

Политику правительства Великобритании по отношению к Веймарской республике ярко демонстрирует разговор между министром иностранных дел Великобритании в 1919–1924 гг. лордом Керзоном и назначенным в середине 1920 г. британским послом в Берлине лордом Д. Аберноном, записанный в воспоминаниях последнего.

Летом 1920 г. в Берлине между Д. Аберноном и Керзоном состоялся следующий разговор: «Д. Абернон: Следует ли понимать политику правительства в том смысле, что надо быть непреклонным в вопросах высшей безопасности, но в то же время пойти на широкие экономические уступки при условии, если требования обеспечения военной безопасности будут полностью удовлетворены? Лорд Керзон: Да, это безошибочно выражает политику правительства»⁴.

Таким образом, Англия желала, с одной стороны, ослабить экономические позиции Германии как своего конкурента, при этом

сохранив ее в качестве достаточно серьезного политического и военного противовеса Франции на континенте, а с другой, преследовала конкретные цели – использовать Германию в борьбе с «большевизмом». Этим и объясняется то, что в последующем Англия и США свою ставку в борьбе против советского государства сделали именно на Германию.

Заинтересованность Англии ⁵ и США в борьбе с «большевизмом» привела к тому, что к середине 20-х гг. XX в. между двумя этими странами сложилось своего рода «разделение труда». Если английская дипломатия ⁶ занялась политическим оформлением антисоветского блока ⁷, то американские банки и монополии, выбрав Германию в качестве главной ударной силы и орудия всей мировой реакции против социалистического государства, взяли на себя главную роль в возрождении тяжелой индустрии Германии и ее военного потенциала, предоставив ей в рамках «плана Дауэса» миллиардные кредиты. Но в 1924–1929 гг. и английский финансовый капитал предоставил Германии значительные займы, которые составили 125,7 миллиона долларов. Германское правительство получило от Англии два долгосрочных займа: в 1927 г. на сумму 167 миллионов марок, в 1928 г. – 135 миллионов марок. В акционерное общество Германии было вложено 126,04 миллиона марок. Всего в 1924–1928 гг. официальные английские капиталовложения в Германии составили 187,5 миллионов долларов ⁸.

Следовательно, сильная Германия и в то же время находившаяся в зависимости от английских и американских монополий должна была оправдать их доверие и взять на себя миссию вооруженной борьбы с революционными силами европейского континента. До первой половины 1925 г. она продолжала не выполнять условия Версальского договора и решения различных конференций по двум ключевым вопросам в международных отношениях на европейском континенте – это вопросы о вооружении Германии и ее репарациях ⁹. Германия наращивала численность и мощь вооруженных сил под видом различных «полиций» и «патриотических ассоциаций».

Началом создания капиталистическим миром антисоветского блока следует считать февраль 1925 г. ¹⁰ Затем, в период с 31 августа по 1 сентября 1925 г., на совещании юристов, проходившем в Лондоне, был выработан предварительный проект Рейнского гарантийного пакта и арбитражных договоров с соседями Германии

на востоке. После окончания лондонского совещания 15 сентября 1925 г. германское правительство получило официальное приглашение на конференцию в швейцарский город Локарно для заключения гарантийного пакта ¹¹.

Таким образом, юридическое оформление новая политика вчерашних победителей в отношении Германии получила осенью 1925 г. в Локарно, куда с целью политического продолжения «плана Дауэса» и практического осуществления этой политики ¹² собрались на международную конференцию и подписали так называемый «гарантийный пакт» представители Германии, Англии, Франции, Бельгии, Италии, Польши и Чехословакии ¹³. Отметим, что германские делегаты на Локарнской конференции впервые выступали в качестве равноправных участников, причем германская делегация отмечала, что не намеривается изменить мирный договор. Однако на деле речь шла не только об участии Германии в Лиге Наций как о совершившемся факте, но и о германском требовании равноправия в Лиге, то есть об отмене ограничений Версальского договора.

Анализ дипломатических документов 1920-х гг. свидетельствует о том, что Англия настаивала на вступлении Германии в Лигу Наций. Тем самым Англия вместе со всеми союзниками рассчитывала не только на включение Веймарской республики в европейскую систему политических отношений, что сделало бы действия Германии более предсказуемыми, но и на безоговорочное выполнение ею обязательств по 16 статье Устава Лиги Наций ¹⁴. Германия не желала связывать себя такого рода обязательствами. Она не хотела идти на ухудшение отношений с СССР, от сотрудничества с которым она извлекала большие выгоды. Германия дорожила своими тесными связями с СССР. 2 октября 1925 г. рейхсканцлер Германии Лютер заверил наркома иностранных дел СССР Г.В. Чичерина, что Германия не вступит в Лигу Наций без оговорок в отношении статьи 16 ¹⁵.

Отметим, что в ходе Локарнской конференции Германия добивалась от главных «партнеров» решения одного из ключевых вопросов – обеспечить себя вооружением. Так, министр иностранных дел Германии Г. Штрэземан в своем выступлении заявил, что, если против Советской России начнется война, «Германия не сможет считать себя безучастной и должна будет, несмотря на трудности, выполнить свои обязательства... Германия не сможет избежать войны,

если она начнется». И тут же, играя на антисоветских настроениях собравшихся, Г. Штресман поставил вопрос о вооружении Германии¹⁶. При этом английский премьер-министр Чемберлен обещал Германии право на вооружение, если она присоединится к положениям статьи 16.

Германская дипломатия обязалась морально содействовать Лиге в ее совместных действиях против агрессора, под которым подразумевался Советский Союз. Германская делегация, имея в виду неподготовленность к «большой войне», сумела убедить своих партнеров по Локарно, что в случае войны Германии понадобились бы все силы внутри страны для поддержания правопорядка. В Локарно Германия не приняла на себя каких-либо конкретных обязательств в отношении участия в антисоветской войне. Участники конференции приняли в соответствии с германскими требованиями решения, обязывающие германскую сторону действовать в связи со статьей 16 в той мере, в какой это совместимо с состоянием вооруженных сил и с учетом ее географического положения. Поставленный германской делегацией колониальный вопрос не нашел своего разрешения в Локарно.

16 октября 1925 г. на Локарнской конференции был парафирован Рейнский гарантийный пакт, который урегулировал спорные вопросы относительно состояния западных границ Германии¹⁷. Таким образом, была произведена широчайшая ревизия Версальских соглашений, однако Германия не смогла решить данный вопрос в той мере, как она этого хотела. Вместе с тем Германия добилась своего признания как великая и равноправная держава, она была допущена в Лигу Наций и ей было предоставлено место в Совете Лиги.

В Локарно были определены многие положения, носящие антисоветский характер. Германии была предоставлена свобода действий в отношении ее восточных границ: Польши и Чехословакии. Не гарантированные никакими соглашениями эти границы должны были стать воротами для агрессии против Советского Союза.

Локарнская конференция во многом способствовала образованию экономических и политических блоков, которые, прикрываясь якобы пацифистской Лигой Наций, означали по сути дела ни что иное, как расстановку сил в новой войне. Одновременно правящие круги изображали итоги Локарнской конференции как

серьезный успех дела «умиротворения Европы». Штреземан, Чемберлен и Бриан были награждены Нобелевскими премиями мира. В целом, план организаторов конференции состоял в том, чтобы вовлечь Германию, находившуюся под давлением «плана Дауэса», в антисоветский политический блок.

В рамках тесного англо-германского политического и экономического сотрудничества в октябре 1926 г., в атмосфере строгой тайны, прошла конференция крупных промышленников Англии и Германии в Ромси, близ Саутгемптона. Делегацию Великобритании на ней возглавлял бывший министр торговли Роберт Хорн, Германии – бывший рейхсканцлер Куно. На конференции обсуждались вопросы таможенной политики, германских репараций, европейских долгов США, промышленности и «русский вопрос». Отметим, что Англия резко осудила Германию за подписание торгового договора с Советским Союзом от 24 апреля 1926 г.¹⁸

Надо сказать, что тесные германо-советские отношения вызывали постоянную озабоченность и претензии в Англии. Но Германия умело играла на довольно сложных англо-советских отношениях и не собиралась отказываться ни от тесных отношений с Великобританией, ни от хороших отношений с СССР. 16 апреля 1926 г. германский посол в Лондоне Штамер в беседе с Чемберленом дал заверения в том, что обязательства Германии по предполагаемому советско-германскому договору не помешают ей выполнять свои обязанности как будущего члена Лиги Наций¹⁹.

Но несмотря на все заверения германской стороны, Англия постоянно ставила вопрос о нежелательности сближения СССР и Германии. На конференции же в Ромси был создан англо-германский комитет по координации экономических вопросов. В декабре 1926 г. прошла еще одна, но уже официальная англо-германская конференция промышленников в Лондоне. На ней обсуждались следующие вопросы: создание системы двойного тарифа и общая торговая политика обеих стран²⁰.

Показателем единства английско-германской точки зрения в вопросе о необходимости восстановления германской экономики в интересах всей Европы является целенаправленная политика Великобритании на постепенное снижение, а затем и отмену репарационных выплат Германии. В августе 1927 г. премьер-министр Великобритании С. Болдуин заявил в парламенте, что «разорение Германии будет иметь роковое значение для Англии, ее союзников

и всей Европы», потребовав принять меры к разрешению проблемы германских репараций²¹.

Зная благожелательное отношение Англии в вопросе о репарациях, Германия не выполняла своих репарационных обязательств. 6 июня 1931 г. германское правительство опубликовало манифест, в котором говорилось, что «экономическое и финансовое положение рейха настоятельно диктует необходимость освободить Германию от выполнения невыносимых репарационных обязательств»²². В конце концов при активнейшем участии Англии с Германии была снята финансовая и экономическая зависимость от Запада. 17 ноября 1932 г. на заседании президиума конференции по разоружению английский министр иностранных дел Саймон огласил декларацию своего правительства о замене военных постановлений Версальского договора в отношении Германии конвенцией о разоружении. И с 6 по 11 декабря 1932 г. на совещании пяти держав в Женеве – Англии, Германии, США, Франции и Италии – была выработана декларация о предоставлении Германии и другим странам, которых касались Версальские постановления о разоружении, «равноправия в вооружениях в рамках системы безопасности, одинаковой для всех стран»²³. Таким образом, отныне Германия получила не только политическую и экономическую, но и военную самостоятельность в системе европейских отношений.

Но тесные, а иногда и совместные действия Англии и Германии по различным экономическим и политическим вопросам вовсе не означают, что между этими государствами в период существования Веймарской республики не было противоречий. Они были. Английские уступки Германии объяснялись не альтруизмом Великобритании и не англо-германской дружбой, а прагматичными интересами Англии в том или ином вопросе. Одним из противоречий были тесные германо-советские отношения, о которых уже указывалось и которые вызывали постоянное недовольство Великобритании. Вторым – и, пожалуй, самым главным – были частые требования Германии о возврате ей хотя бы части ее бывших колоний. По Версальскому договору от германских колоний, площадь которых в 1914 г. составляла 2952,7 тыс. км², а население – 10 176 тыс. человек, на долю Англии достались колонии площадью в 2133,1 тыс. км² с населением 3990 тыс. человек²⁴. Но постоянные требования Германии о возврате колоний Англия и слушать не хотела.

Благожелательное отношение Великобритании к Веймарской республике, продемонстрированное на нескольких международных форумах 20-х – начала 30-х гг., явилось крупной поддержкой для Германии, наращивавшей свою политическую, военную и экономическую мощь²⁵. Тем самым Англия, желая избавиться от соперничества Франции в борьбе за европейскую гегемонию и сохранить Германию как вполне вероятного участника коалиции против «чумы советского коммунизма», сама взрастила для себя мощного конкурента в рамках Европы и способствовала появлению еще более разрушительного, чем коммунизм политического режима – германского фашизма. В январе 1933 г. в Германии к власти пришли фашисты, мир снова был поставлен на грань кровопролитной и разрушительной войны.

Таким образом, блоковая политика ведущих капиталистических государств в 20-е–30-е гг. XX в., прежде всего США, Англии и Франции была нацелена главным образом против СССР. В Европе западные державы видели мощный противовес коммунизму в нацистской Германии. Однако их недальновидная политика привела в 1930-е гг. не к тем результатам, которых они добивались. По мнению видного французского политика тех лет Эдуарда Эррио: «...Гитлер уподобился злой домашней собаке, которая сорвалась с цепи и искусала своего хозяина...»²⁶.

Исторический опыт свидетельствует о том, что агрессивным устремлениям тех или иных государств может быть противопоставлена только консолидация и взаимное доверие миролюбивых сил, действенное и конструктивное решение всех глобальных проблем современности. Этот курс отвечает жизненным интересам всего человечества. За ним будущее.

¹ В.И. Ленин. ПСС. Т. 41. С. 85.

² Черчилль У. Вторая мировая война. В 3-х кн. Кн. 3. Т. 5. М., 1991. С. 323.

³ Цит. по: G. Allen. Mein Rheinland – Tagebuch. Berlin, 1923. S. 51.

⁴ Советско-Германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора. Сборник документов. Т. 2. 1919–1922 гг. М., 1971. С. 364.

⁵ Первые послевоенные годы характеризовались углублением кризисных явлений в английской экономике, а во второй половине 1920 г. в Англии начался экономический кризис. Углубление кризиса в английской экономике имело непосредственную связь с политикой возрождения германского промышленного и военного потенциалов, проводившейся правящими кругами. Английские монополии стремились создать в Германии выгодную для себя сферу

Исторический анализ причин и фактов создания блока ведущих капиталистических держав

приложения капиталов и рынок сбыта. В то же время английская буржуазия рассчитывала использовать германский финансово-промышленный капитал в роли конкурентоспособного экономического противовеса французскому капиталу, своему главному сопернику в Европе.

⁶ Англичане, «играя свою партию» в главной дипломатической интриге XX в., не согласовали свои действия ни с американцами, ни с французами, ни с итальянцами. Британская политика односторонних дипломатических уступок Германии в те годы до сих пор не имеет логического объяснения. В результате поражения Германии в Первой мировой войне Великобритания выиграла больше всех – она расширила свое политическое и экономическое влияние там, где господствовала кайзеровская Германия. Слабая Германия периода Веймарской республики, связанная обязательствами Версальского договора, была не способна поднять голос против Англии. Но приход в 1933 г. к власти Гитлера и его агрессивных сторонников изменил ситуацию в Европе. Новая война между немцами и британцами была неизбежна. (Подробнее см.: Винокуров В.И. Усилия советской военной дипломатии по предотвращению Второй мировой войны // Бюллетень Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по началу Второй мировой войны. Аналитический вестник. 2009. № 13 (380). С. 9–12.)

⁷ В условиях послевоенного экономического кризиса и резкого снижения покупательской способности спрос на английские товары значительно упал. Поэтому в интересах английской экономики было нормализовать экономические отношения на европейском континенте. А для этого необходимо было прежде всего восстановление германского хозяйства. Возрождение экономической мощи Германии диктовалось также традиционной английской политикой сохранения «равновесия сил» в Европе. Германия, по замыслам англичан, должна была стать противовесом французским вождедениям в Европе, с одной стороны, и нависшей над континентом большевистской угрозе, с другой стороны.

⁸ План предусматривал предоставление Германии займа в 200 млн долларов (в т. ч. 110 млн долларов американскими банками) для стабилизации марки, установил размеры платежей Германии на первые 5 лет по 1–1,75 млрд марок в год, а затем по 2,5 млрд марок в год. Выплата репараций должна была осуществляться как товарами, так и наличными деньгами в иностранной валюте. Для обеспечения платежей предусматривалось установление контроля союзников над германским государственным бюджетом, денежным обращением и кредитом, железными дорогами. Контроль осуществлялся специальным комитетом экспертов, во главе которого стоял генеральный агент по репарациям. Этот пост занимал представитель США, сначала О. Юнг, а затем П. Гилберт. См.: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cultinfo.ru/fulltext/1/001/008/019/909.htm> (дата обращения 10.01.2012).

⁹ Файнгар И.М. Очерки развития германского монополистического капитала. М., 1958. С. 186.

¹⁰ В феврале 1925 г. министр иностранных дел Англии О. Чемберлен составил секретную записку, в которой предлагал «...определить политику безопасности вопреки России и даже, пожалуй, именно из-за России» (См.: Локарнская конференция 1925 г. Документы. М., 1959. С. 43).

¹¹ Локарнская конференция проходила с 5 по 16 октября 1925 г. На конференции было подписано семь договоров о гарантии западных границ Германии. В общей сложности на Локарнской конференции было 8 заседаний и 2 официальных

встречи между главами делегаций Англии, Франции и Германии. Договоры парафированы 16 октября 1925 г. и подписаны в Лондоне 1 декабря 1925 г. Предусматривали сохранение территориального статус-кво (включая Рейнскую демилитаризованную зону) и неприкосновенность германо-французской и германо-бельгийской границ, как они были определены Версальским договором 1919 г., а также обязательство Германии, Франции и Бельгии не нападать друг на друга и разрешать возникающие споры методом мирного урегулирования – путем арбитража или судебного решения. Вступали в силу после того, как Германия становилась членом Лиги Наций (10 сентября 1926 г.). Кроме того, были подписаны также франко-польский и франко-чехословацкий гарантийные договоры, по которым Франция обязалась оказывать этим двум странам помощь в случае нарушения их границ. После прихода к власти Гитлер односторонним актом расторг Локарнские договоры (7 марта 1936 г.) и ввел свои войска в демилитаризованную Рейнскую зону. См.: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrono.ru/sobyt/1900sob/1925lokarn.html> (дата обращения 16.12.2011).

¹² Так, государственный секретарь США Ф. Келлог, выступая перед американскими конгрессменами, ее значение оценил таким образом: «Конференция в Локарно имеет выдающееся достижение, она естественно следовала за работой комитета Дауэса» (См.: Congressional Record. Vol. 67. Pt. 1. Washington, 1926. P. 906).

¹³ В Локарнской конференции принимали участие рейхсканцлер Германии Ганс Лютер, министр иностранных дел Германии Густав Штресеман, а также представители Италии (Бенито Муссолини), Великобритании (Остин Чемберлен), Бельгии (Эмиль Вандервельде), Франции (Аристид Бриан), Польши (Александр Скиншинский) и Чехословакии (д-р Эдвард Бенеш).

¹⁴ Статья 16 Устава Лиги Наций говорила о санкциях против государства-агрессора. Члены Лиги были обязаны порвать с таким государством отношения и выставить по решению Совета Лиги определенное количество войск против агрессора.

¹⁵ Ruge W. Weimar-Republik auf Zeit. Berlin, 1969. S. 143.

¹⁶ Там же. С. 321.

¹⁷ Хрестоматия по новейшей истории. Рейнский гарантийный пакт. Т. 1. М., 1960. С. 226.

¹⁸ Розанов Г.Л. Очерки новейшей истории Германии. М., 1957. С. 23.

¹⁹ Ушаков В.Б. Внешняя политика Германии в период Веймарской республики. М., 1958. С. 86.

²⁰ Европейские государства и США в международных отношениях первой половины XX века. Л., 1983. С. 294.

²¹ Никонова С.В. Англо-Германские отношения в межвоенный период (1919–1939). Брянск, 2000. С. 262.

²² Там же. С. 270.

²³ Там же. С. 324.

²⁴ Там же. С. 254.

²⁵ Клейменова Н.Е., Сидоров А.Ю. Версальско-вашигтонская система международных отношений. 1918–1939. М., 1995. С. 188.

²⁶ Причины возникновения Второй мировой войны. М., 1982. С. 180.

Е.И. Юркевич (Санкт-Петербург)

**РОТНЫЙ КОМАНДИР А.В. СУВорова:
ГЕНЕРАЛ-АНШЕФ Ф.И. ВАДКОВСКИЙ**

В ФОНДАХ Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи хранится портрет ¹, атрибутированный в каталоге живописи музея как портрет неизвестного генерала конца XVIII в. ² С портрета на нас смотрит пожилой человек в пудреном парике и гвардейском мундире 2-й половины XVIII в., украшенном орденами Святого Апостола Андрея Первозванного и Святой Анны. Сравнение этого портрета с портретом из коллекции Государственного мемориального музея А.В. Суворова ³ позволяет с уверенностью утверждать, что на портрете из коллекции ВИМАИВиВС изображен генерал-аншеф Федор Иванович Вадковский. Кем же был этот человек?

Федор Иванович Вадковский родился в 1712 г. в семье выходца из Польши Ивана Юрьевича Вадковского, дослужившегося при Петре Великом до чина действительного статского советника ⁴. Заслуги и высокое положение отца позволили определить Федора Вадковского в 1724 г. в Пажеский корпус ⁵, а в 1727 г. он становится камер-пажом любимой сестры Петра, Натальи Алексеевны ⁶. 21 апреля 1729 г. Федор Вадковский из камер-пажей производится в прапорщики Лейб-Гвардии Семеновского полка ⁷, и с этого дня его жизнь окажется тесно связана с полком на несколько десятилетий. В 1736 г. он производится в подпоручики, в 1738 г. – в поручики, в 1740 г. – в капитан-поручики, в 1742 г. – в капитаны, в 1755 г. – в секунд-майоры, в 1761 г. – в премьер-майоры, в 1762 г. – в подполковники Семеновского полка. По армии в 1757 г. он производится в генерал-майоры, а в 1761 г. – в генерал-поручики ⁸. Не обходят его и орденами: в июне 1760 г. он награжден орденом

Святой Анны, а через два года – орденом Святого Александра Невского⁹.

Впрочем, Федор Иванович не был «паркетным» генералом, несмотря на то, что почти всю жизнь прослужил в гвардии. За его плечами – участие в русско-турецкой войне 1736–1739 гг. (штурмы Очакова и Хотина и сражение при Ставучанах), в русско-шведской войне 1741–1742 гг. и Семилетней войне¹⁰. Так что это был достойный боевой генерал.

Генерал-аншеф Ф.И. Вадковский

было чрезвычайно почетным – ведь еще Екатерина I после смерти супруга «воспрять изволила» чины полковника Лейб-Гвардии Преображенского полка и капитана Лейб-Гвардии Бомбардирской роты, и с той поры все русские Государи и Государьни, вплоть до Павла I, являлись полковниками гвардейских полков¹³. Поэтому пожалование в подполковники гвардии рассматривалось как высочайшая монаршая милость, ее удостоивались только избранные. 25 марта 1791 г. за взятие турецкой крепости Измаил в подполковники Лейб-Гвардии Преображенского полка пожалован генерал-аншеф А.В. Суворов¹⁴. А Ф.И. Вадковский был старейшим гвардейским подполковником екатерининского времени¹⁵!

В июне 1762 г. генералу Вадковскому пришлось делать серьезный выбор – на чьей стороне остаться – свергнутого Императора Петра III или его супруги, занявшей трон, Екатерины II? Семеновцы поддержали Екатерину¹¹. Вадковский также присягнул ей. И не ошибся. Императрица запомнила семеновского подполковника. В этом чине он оставался вплоть до своей кончины в 1783 г., а в 1766–1778 гг. командовал полком¹².

Здесь необходимо отметить, что чин гвардейского подполковника в XVIII в.

Кстати, с именем величайшего русского полководца имя Ф.И. Вадковского связано теснейшим образом – ведь именно он, тогда еще капитан, был командиром 8-й роты Лейб-Гвардии Семеновского полка, когда туда прибыл для прохождения действительной службы юный Александр Суворов¹⁶.

Екатерина продолжала осыпать милостями своего верного семеновца до конца его дней. 21 апреля 1773 г. Ф.И. Вадковский пожалован сенатором, а 24 ноября 1782 г. был награжден орденом Святого Андрея Первозванного¹⁷.

7 августа 1782 г. Федор Иванович Вадковский в последний раз встал во главе родного полка – на церемонии открытия памятника Петру Великому – Медного всадника¹⁸.

Федора Ивановича в полку искренне любили. Он стремился вникать во все полковые нужды и очень по-доброму, по-отечески относился к офицерам и нижним чинам¹⁹.

От брака с Ириной Андреевной Воейковой, в первом замужестве Чириковой, Федор Иванович имел сыновей Николая, Егора, Илью, Федора и дочь Марию. Федор (1756–1806) – еще одна милость Екатерины – был товарищем детских игр Великого князя Павла Петровича, будущего Императора Павла I, в молодости, как и отец, офицер-семеновец, дослужился до чина действительного тайного советника и сенатора, сделав, после отца, самую удачную служебную карьеру в семье²⁰.

Скончался Федор Иванович Вадковский 15 октября 1783 г. и был с воинскими почестями погребен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры²¹.

Таков был служебный и жизненный путь Федора Ивановича Вадковского, человека незаслуженно забытого – боевого генерала, придворного, старого русского гвардейца, ротного командира генералиссимуса Александра Васильевича Суворова.

¹ Инв. № 3/1758.

² Каталог живописи Артиллерийского Исторического музея / Сост. Т.И. Абольская. Л., 1959. С. 88.

³ См.: Валькович А.М. Золотой век Российской Гвардии. Т. II: 1762–1801. М., 2010. С. 154.

⁴ Русский биографический словарь: Вавила – Витгенштейн. М., 2000 (далее – РБС). С. 20.

⁵ Там же.

⁶ Пажи за 183 года: 1711–1894: Биографии пажей с портретами: Собрал и издал О.Р. Фон Фрейман. Фридрихсгамн, 1894. С. 11.

⁷ РБС. С. 20.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Летин С.А. Российская Императорская Гвардия. СПб., 2005. С. 99.

¹² Валькович А.М. Указ. соч. Т. II. С. 376.

¹³ Он же. Указ. соч. Т. I; 1700–1762. М., 2000. С. 124.

¹⁴ А.В. Суворов: Походы и сражения в письмах и записках / Сост. О.Л. Сарин. М., 1990. С. 477.

¹⁵ Валькович А.М. Указ. соч. Т. II. С. 155.

¹⁶ Там же. С. 155.

¹⁷ РБС. С. 20.

¹⁸ Валькович А.М. Указ. соч. Т. II. С. 155.

¹⁹ РБС. С. 20; Из прошлого: Исторические материалы Лейб-Гвардии Семеновского полка. СПб., 1911. С. 187–188.

²⁰ РБС. С. 20–21.

²¹ Там же. С. 20.

С.В. Юхо (Несвиж, Республика Беларусь)

**ИНВЕНТАРЬ ОРУЖИЯ НЕСВИЖСКОГО
ЗАМКА 1510, 1569 ГОДОВ (ПОЗДНЕЕ
ВЫВЕЗЕННОГО В ЧЕРНАВЧИЦЫ) И ДРУГИЕ
ИНВЕНТАРИ 2-й ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА:
УНИКАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ
ДЛЯ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

ФОРМИРОВАНИЕ коллекции оружия в Несвижском замке проходило, как, впрочем, практически везде, под влиянием и внешних, и внутренних факторов. Однако несомненным является то, что первые собиратели оружия из рода Радзивиллов, князья-ординаты, заложили крепкий фундамент в данном начинании (в частности, первые князья Несвижа: Николай Радзивилл по прозвищу Черный и Христофор Радзивилл по прозвищу Сиротка).

Инвентари XVI в., века формирования Несвижского арсенала князей Радзивиллов, несут в себе поистине бесценную информацию, позволяют заглянуть в самые истоки зарождения традиции собирания оружия не только в эстетических, но и вполне практических целях. Кроме того, изучение данных материалов позволяет более качественно в будущем подойти к формированию коллекции музейной экспозиции зала «Арсенал Несвижского замка»; вплоть до изготовления на их основании не только качественных реконструкций, но и копийных артефактов, а это, в свою очередь, позволит вывести экспозицию зала на более научный, более профессиональный уровень.

Само по себе изучение инвентарей XVI в. – сложное и, можно сказать, вполне неблагодарное дело: особенности полуустава на белорусских землях (тогда землях Великого княжества Литовского,

Руского и Жемойтского) XVI в., большое количество «полонизмов» и «латинизмов», восточных терминов с привнесенным в них белорусским колоритом, недостаточно хорошая сохранность документов. Все это в комплексе делает палеографическое и археографическое исследование достаточно трудоемким процессом. Однако введение нового источника в историческую науку с лихвой окупают все труды.

Инвентари Несвижского арсенала XVI в. – это документы, которые хранятся в собраниях *Archiwum Act Dawnychw Warszawie* (Главного архива древних актов в Варшаве), но их, к сожалению, мало.

Наиболее ранним инвентарем, где отражено военное снаряжение, является «Реестр посполитых речей skarбных» 1510 г., которое, по всей вероятности, принадлежало Николаю Радзивиллу¹. Вместе с тем, существуют инвентари движимого имущества других представителей рода Радзивиллов. Значительное внимание из них привлекает Реестр вещей из клада Христофора Радзивилла (по прозвищу Сиротка) в Вильно 1584 г.², а также инвентарь Брестского замка 1566 г.³ Уникальным источником является также реестр клейнодов, вывезенных из Несвижа в Чернавчицы (бывшее имение Радзивиллов; сейчас деревня в Брестском районе Брестской области (Республика Беларусь) в 18 км севернее Бреста) 1 декабря 1569 г.⁴

«Реестр посполитых речей skarбных» 1510 г. – вполне конкретный инвентарь, в котором четко, до единицы, идет количественный подсчет находящегося в наличии оружия. Обращает на себя внимание практически отсутствующая преамбула (писарь начинает реестр прямо с пересчета позиций). Из этого можно вполне предположить, что реестр составлялся для практической инвентаризации оружия и в дальнейшем (косвенно об этом свидетельствует заблаговременно оставленное в документе место для возможных «дописок»).

Данный реестр был составлен значительно раньше основания каменного Несвижского замка и потому не имел непосредственной причастности к местному арсеналу. Однако здесь наблюдаются те же закономерности, которые проявились в радзивилловских арсеналах второй половины XVI в. Так, например, на 19 полных пластиновых рыцарских доспехов, бригантину, 11 кирас и 36 нагрудников, однозначно связанных западноевропейской традицией,

приходилось «наручей московских 11 а наколенков а батарльков московских 3 а зерцадла московския одны». Имелось тут также 18 панцирей, однако они в равной мере были характерны как для восточной, так и для западной традиции. Похожая ситуация наблюдалась в обеспеченности шлемами: 39 «капалинов» (западноевропейский тип шлемов), 8 шлемов и 18 прылбиц, которые, скорее всего, стоит понимать как восточные «мисюрки»⁵.

Но самая большая особенность этого реестра – практически идеальная детализация по «происхождению», цветовой колористике и метрическим данным всего оружия, которое упоминается в нем. К примеру, «а сабля промая» (метрический признак); «а корд долгий» и «а корд латицкий» (обращает на себя внимание то, что корды не объединены в одну графу, а разделены по «происхождению» и метрическому признаку); «а котрыкал булатный золотом навожон» и «а другой котрыкал чорным оксамитом крыт а пули позолочиваны» (разделение по цветовой колористике) или «пернач железный позолочиван» и «а другой пернач железный непозолочиван». Помимо собственно оружия, в реестре перечисляются и вспомогательные предметы, напрямую к оружию не относящиеся «а лихтары 2 медныя завесистыя один и з девкау а другой и з мужиком» (опять обращает на себя внимание хорошая детализация). Уникальной являлась и коллекция флажков-пропорцев, достаточно сравнить 3 позиции «а два пропорцы позолочистыя один голубый молеванный»; «а другой пропорец на черленой спитанце молеванный»; «а простых пропорцов 19 торгыаных и страусовых»⁶.

Таким образом, «Реестр посполитых речей скарбных» 1510 г. является не только источником для дальнейших теоретических изысканий, но вполне практически применим при изготовлении исторических реконструкций вооружения ввиду практически полного отсутствия оригиналов.

Анализ же всех инвентарей XVI в. позволяет свидетельствовать о богатстве Несвижского арсенала, которое выявилось в двух аспектах – значительное разнообразие и количественное богатство оружия и одновременно его довольно значительная, насколько возможно полагать по документам, стандартизация. Это видно на примере Брестского «цейхгаўза», очевидно сформированного не без усилий воеводы виленского Николая Радзивилла (по прозвищу Черный, отца Сиротки). Там находились доспехи и ручное вооружение, достаточное для 100 человек: «Зброе бляховие на особ 100,

до троих vareжек нет. Штурмаков до тех оружия 99». Принимая во внимание ценность пластиновых доспехов, гарнизон замка был вооружен шикарно. Из ручного вооружения обратим внимание на «партезанов герцеровских долгонасажонных из гербы небошчика барина воеводи виленского 22». Кроме того, перечислены древки черные, шефелины, древки испанские. Из огнестрельного оружия значилось «дел осаженных 12. гаковниц 96, из которых было взята к Виленскому арсеналу 48. киев железных 7». Таким образом, основу защитного вооружения здесь составляли полные пластиновые доспехи в комплекте с ренессансным шлемом типа «штурмгаб», известным в европейской литературе как «бургиньот». Его особенностью был глубокий звон, преимущественно с гребнем и брильком (kozyрьком) и боковыми пластинами («полочками», либо щечками), которые защищали уши и щеки воина. В Европе в XVI в. доминировали открытые штурмгабы, с наносником-стрелой, пропущенным через брилек, накладным подбородником («бортом»), который закрывал лицо до самых глаз, либо с занавесом (забралом), который отклонялся путем опускания вниз⁷. Штурмгабами комплектовались так называемые «легкие полевые» доспехи, которые отличались от «тяжелых полевых» нюансами в конструкции наплечников и защиты ног, «трехчетвертные» доспехи, которые не предусматривали защиту ног ниже колена или полудоспехи⁸.

Значительные запасы вооружения перечисляет реестр клейнодов, вывезенных из Несвижа в Чернавчицы 1 декабря 1569 г., который может свидетельствовать о богатстве Несвижского арсенала. В нем перечисляется 49 доспехов, которые дополнялись 95 боевыми шлемами. Подавляющее большинство доспехов принадлежало к так называемому «зброю бляхавых» – пластиновым доспехам западноевропейского типа. В реестре их насчитывается 30, из которых 26 были черные «багровые» (крашенные), а 2 – полированные («пабеляныя»). Имелся еще 1 полированный полудоспех. Особое внимание привлекает «Оружие мусоленная гецаваная местами на белом штургабам и з бортам и пляховниц пара». Согласно описанию, этот шикарно отделанный (эмаль и гравировка) доспех напоминает доспех Николая Радзивилла Черного, произведенный нюрнбергским мастером Кунцем Лохнером в 1550–1555 гг. (рис. 1). В дальнейшем Николай Радзивилл Сиротка отослал этот доспех в Тироль для создания там «Пантеона славы», и сейчас этот доспех хранится в Венском Арсенале (Австрия)⁹.

Кроме пластиновых доспехов, было выслано 2 доспеха, сделанных из мелких пластинок, отмеченных как «карацена» и «бехцер». Панцирей (кольчуг) припоминается 16 штук, что было совсем немного, в особенности, если учесть большую популярность этого доспеха в Великом княжестве Литовском во второй половине XVI в. К 15 панцирям предусматривалось столько же панцирных зарукавьев (кольчужных рукавов), которые прикалывались или шнуровались отдельно, один же панцирь «мелкого колка» был с короткими рукавами; он застегивался на груди на три серебряные (скорее, посеребренные) пряжки¹⁰. Кроме того, имелось еще значительное

Рис. 1. Доспех Николая Радзивилла по прозвищу Черный

количество кольчужных элементов, которые могли дополнять как панцири, так и «оружие бляховое» – 30 «шорц» (кольчужных подолов), панцирные «штуки» (обрезки кольчуг), «обойчик» (ворот) и кольчужные «плодры» (штанишки). Защитное вооружение восточного типа было представлено в реестре «цегиляем московским» – толстым ватным кафтаном и двумя «карвашами» (наручи восточного типа, что защищали руку от кисти до локтя).

Явный перевес западных вкусов наблюдался и в ассортименте боевых шлемов. На первом месте по популярности находились штурмгабы. Тут перечисляется 45 штурмгабов «для пешего люда», в том числе 36 «мусоленных» (покрытых эмалью либо покрашенных) и 9 полированных, 13 «с носами для езднага люда», 2 «местами пазолоцистых», 1 «заварты» (с забралом) и 1 штурмгаб с «бортом». Таким образом, в реестре были перечислены все типы бургиньотов, известных в тогдашней Европе. Значительно меньше

(26 единиц) было выслано «мисюрок» (плоских мископодобных шлемов с кольчужной «бармицей»), популярных на Востоке¹¹. В реестре они названы «пырлбицами казацкими», причем одна из них дополняла «московский цегилай». На третьем месте по количеству (7 единиц) находились шишаки, которые в другом месте реестра названы «гусарскими». Это был тип шлема, популярный как в Европе, так и в Азии. Конструкционно он был приближен к западным штурмгабам, однако стилистически оформился под воздействием Востока.

Кроме боевых доспехов, в реестре представлены 2 турнирных доспеха для столкновений на тупых копьях («оружие кольчяя для ганитвы»).

Было выслано из Несвижа и значительное количество щитов, представленных гусарскими щитами (асимметричные щиты венгерского типа) и ренессансными круглыми «ранделями» (в реестре «пуклерами»), целиком изготовленными из железа.

О западноевропейских вкусах владельцев Несвижского арсенала свидетельствовали и боевые покрытия для лошадей. В реестре перечисляется 11 рашкофов (железных наголовников) и 10 «советов бляхавых багровых» (полных лошадиных доспехов). Можно утверждать, что это была только часть вооружения, которая хранилась в Несвиже. Немного позже, в 1637 г., в Несвижском замке имелась «Kirys hecowany zlocisty z szmalcem zupelny na chlora u na kop, ktorych blachowych sztuk 22», причем это были только парадные доспехи, богато украшенные эмалью, позолотой и протравлены¹². Можно утверждать, что эти доспехи были произведены в XVI в., ведь в XVII в. лошадиные доспехи потеряли свою актуальность.

Седла, перечисляемые в реестре, были представлены 12 итальянскими рыцарскими седлами, в 9 из которых припоминаются высокие «бляховые» луки, которые создавали дополнительную защиту ногам и животу рыцаря, 6 «бруншвиских» (немецких) седел с бляховыми луками и 6 гусарских седел, которые сочетали в себе западные и восточные черты¹³.

Наступательное вооружение также было представлено широким ассортиментом. Древковое оружие было представлено 5 алебардами с гербами (возможно, что радзивилловскими), 4 шефелинами (немецкая рогатина с большим, подчас пустотелым наконечником), 17 оцепами (короткое метательное копьё), 20 тяжелыми «брунш-

вискими» и 8 гусарскими копьями, 71 пропорцем для гусарских и 25 пропорцами для «бруншвиских» копий. Эти флажки-пропорцы исполняли не только декоративную, но и практическую функцию: во время атаки они шумели и пугали вражеских коней. Клинковое оружие было представлено 3 мечами (2 мечиками и 1 мечом «большим»), 4 кинжалами (пуйналами), 2 шпагами и кордом, ударное оружие – железной булавой, чеканом и 4 клевцами, причем один из них был скомбинирован с пистолетом (ручницей с замком), еще один – с топориком.

Оружие для дальнего боя было представлено 19 ручницами и 4 луками (2 турецких лука и татарский сагайдак с 2 луками). Среди ручниц выделялись длинные (ружья), в том числе 4 «губчатых» и 5 «колесцовых», а также короткие (возможно, пистолеты), в том числе 1 двуствольный.

Таким образом, список амуниции, высланной из Несвижа в Чернавчицы, свидетельствует о западноевропейском характере оружия Несвижского радзивилловского арсенала. Можно утверждать, что значительная часть вооружения закупалась за границей, преимущественно в Германии и Италии. Вооружение, которое могло бы однозначно ассоциироваться с Востоком (турецкое, татарское или московское), было представлено только единичными экземплярами¹⁴.

Аналогичная картина создается и при анализе других радзивилловских арсеналов. В арсенале Христофора Радзивилла по прозвищу Сиротка в Вильно (1584 г.) имелось 8 «зброй бляховых», в том числе 1 максимилиановская («в рефы»), названная «старосветской», 6 панцирей, бехтер «старый простой железный» и карацена, крытая красным бархатом. Отдельно имелись некомплектные элементы – 2 пары пластиновой защиты ног, 4 пары защиты рук («рамчаги»), 3 железные варежки, 3 карваша и 4 зарукавья. Шлемы были представлены 7 шишаками, а также 3 «прылбницами старосветскими с носками». С большой вероятностью, это были ранние прылбницы, характерные для середины XIV в. Щиты, как и в списке предметов, высланных из Несвижа в Чернавчицы, были представлены гусарскими щитами и ренессансовыми «пуклерами».

Особенность арсенала Христофора Радзивилла составляло наличие здесь большого количества гусарского снаряжения, в том числе «лямпартовых» (леопардовых) шкур, которые, согласно

с гусарской модой, накидывались поверх доспехов, мастик из перьев, характерных «скрыдлов» (крыльев). Специфичный гусарский характер имел и ассортимент клинкового оружия, который был представлен кончарами и саблями. Вместе с тем, несмотря на большее наличие восточного вооружения, арсенал Христофора Радзивилла имел выразительно европейский характер (рис. 2). Ведь использование искаженных немецких терминов для определения элементов защитного вооружения указывает на их происхождение.

Рис. 2. Доспех Христофора Радзивилла по прозвищу Сиротка

Завершая, можно уверенно сказать, что инвентари Несвижского арсенала XVI в., несмотря на свою немногочисленность, действительно имеют неописуемую ценность при создании новых музейных экспозиций в современных реалиях музейной жизни в Республике Беларусь.

¹ Национальный исторический архив Республики Беларусь (далее – НИАРБ). КМФ-18. Оп. 1. № 223. Л. 153 (161)–170 (163).

² Archiwum Główne Akt Dawnych (далее – AGAD). Archiwum Radziwiłłowskie (далее – AR), dz. XXVI, nr. 2.

³ Документы Московского Архива Министерства Юстиции. Т. 1. М., 1897. С. 443.

⁴ AGAD, AR, dz. XXVI, nr. 5.

⁵ Бохан Ю. Асаблівасці фарміравання Нясвіжскага арсенала князеў Радзівілаў у XVI ст. // Нясвіжскі палац Радзівілаў: гісторыя, новыя даследаванні. Вопыт стварэння палацавых музейных экспазіцый (Матэрыялы 1-й міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі). Нясвіж, 2009. С. 61–62.

⁶ НИАРБ. КМФ-18. Оп. 1. № 223. Л. 154.

⁷ Miller H., Kurter F. Europäische helme aus der Sammlung des Museum für Deutsche Geschichte. Berlin, 1981. S. 46–48.

⁸ Бохан Ю. Указ. соч. С. 58.

⁹ Zygułski Z. Broń w dawnej Polsce na tle uzbrojenia Europy i Bliskiego Wschodu. Warszawa, 1982. S. 202.

¹⁰ Бохан Ю. Указ. соч. С. 58.

¹¹ Он же. Вайсковая справа ў Вялікім княстве Літоўскім у другой палове XIV – к. XVI ст. Мінск, 2008. С. 77–78.

¹² AGAD, AR. dz. XXVI, nr. 52 (к. 4).

¹³ Бохан Ю. Вайсковая справа ў Вялікім княстве Літоўскім у другой палове XIV – к. XVI ст. С. 268.

¹⁴ Он же. Асаблівасці фарміравання Нясвіжскага арсенала князеў Радзівілаў у XVI ст. С. 60.

Bengt Nilsson (Linköping)

THE FORTRESS NÖTEBORG (SHLISSELBURG) 1650–1702

INGRIA had been brought under the Swedish crown as a result of the peace treaty of Stolbova in 1617. Its acquisition meant that the Swedish government no longer had to worry about the appearance of Russian war ships in the Gulf of Finland and could concentrate on building ships suitable for fighting the Danish navy. When speaking of his latest conquest Gustav II Adolf famously said that he hoped it would prove difficult for the Czar to jump across «that small stream» (meaning Ladoga) and reach the heart of the Swedish empire – the Baltic Sea. In order to assure that the King's hope became a permanent reality it was important to maintain a strong defense of key areas.

The main Swedish fortification was the town of Narva, after 1651 also the administrative center of the province of Ingria. In Narva resided the Governor General, almost without exception a distinguished soldier of high rank. The important Neva River was protected by the fortified town of Nyen and the fortress Nöteborg. Between Nyen and Narva lay the two castles Jama and Koporie.

A permanent problem for the Swedish government was the lack of funds. The empire was large, so a strong army and navy were necessary in order to keep neighboring countries at bay. However, as it was quite impossible to keep large forces permanently stationed along the borders the first line of defense had to be towns like Stade, Wismar, Stralsund, Stettin, Riga, Narva, Malmö och Gothenburg. The almost catastrophic war of 1675–1679 made a huge impact on the young Charles XI, who became determined to avoid a repetition. Large sums were spent on building a new main naval base in the southern province of Blekinge (Karlskrona) and on strengthening fortresses in western and southern

Sweden as well as in the German provinces. However, Ingria was not entirely neglected. In the early 1680's a massive rebuilding of the fortifications at Narva was begun, a project still not completed when the Great Northern War broke out almost twenty years later.

Nöteborg : plans and actions

Nöteborg had been captured by a Swedish army in 1612. The strategic value of the position was recognized, but not everyone liked the construction. The fortification officer Henrik Muhlman wrote in 1650/51 that the fortress was not well built. The walls and towers were very high and thick, but equipped with less than 150 embrasures. This made the fortress vulnerable to sudden attacks by a naval force. It was in Muhlman's opinion necessary to build outer, lower ramparts and construct palisades to overcome this deficiency ¹.

The first test came in 1656. On 4 June a Russian force arrived by boat and landed on the northern shore of the Neva and captured cattle belonging to Mustila manor. A detachment continued towards the town of Nyen, which was abandoned by the defenders. The garrison of Nöteborg, 18 officers and 87 soldiers, burned the buildings on the southern shore of the Neva and withdrew to their island. During the following months the siege continued, but made no real progress. In late November it was abandoned entirely, apparently without having caused significant damage to the fortress and its garrison ².

During the next 25 years very little work, apart from basic repairs, seems to have been undertaken. After his visit in late 1681 the Quartermaster General Erik Dahlbergh even claimed that Nöteborg had not been repaired in the last 30, 40 or more years and was in danger of total collapse ³. In Dahlbergh's opinion Nöteborg was a very important position and «the key to the Ladoga», but the damage caused to walls and towers by rain and water were so great that it would be very expensive and time consuming to bring the fortress into an adequate state. The so called «Svarta Rundeln» (*Black Tower, today Korolevskaya*) was particularly poor, with major cracks running from the top to the foundation. It was, Dahlbergh concluded, necessary to tear down the tower and rebuild it entirely ⁴. Another problem was the many wooden buildings inside the fortress as any fire could have devastating consequences. Something should also be done about a few small islands on the southern side of the fortress, particularly the so called «Kyrkholmen» where according to

Dahlbergh siege batteries had been placed during the Swedish-Russian war in the late 16th century ⁵.

Dahlberghs report caused an immediate reaction. Two days after the Quartermaster General had briefed Charles XI, the latter instructed Governor General Schultz in Narva to make sure that «Kyrkholmen» was removed, the moat surrounding the castle cleaned up and stone brought to Nöteborg so that necessary repairs could be carried out ⁶.

In 1695 the discussions started again. Erik Dahlbergh presented a detailed analysis of the fortresses in various parts of the Swedish empire. As far as Ingria was concerned he put particular emphasis on the importance of Nyen, but warned that Nöteborg no longer was the impregnable fortress it had been considered in the old times ⁷.

In 1697 it was decided to make a thorough investigation of every fortified place in key provinces of the Swedish Empire. Various governor generals, county governors, garrison commanders and engineers sent memorials and these were subsequently handed over to Erik Dahlbergh. The Governor General of Ingria, Field Marshal Otto Wilhelm von Fersen replied on 7 June. As far as Nöteborg was concerned Fersen noted that «Svarta Rundeln» was practically restored to its former strength and height. It was therefore not necessary to do more in that area, but the wall near the garrison commander's house was in need of repairs and the walls should be given a protective roof, a work von Fersen already had begun ⁸.

In his reaction to Fersen's memoranda Dahlbergh started by mentioning the total rebuilding of «Svarta Rundeln», but pointed out that the fortress walls were weak. Although it could be difficult for an enemy to bombard the fortress with cannons, mortar fire was dangerous as the interior of Nöteborg was full of wooden houses ⁹.

The final major inspection of Nöteborg before the outbreak of the Great Northern War came in 1699, when Carl Magnus Stuart was sent on a tour of the Baltic provinces. He spent 8 days in Nöteborg and made several drawings and maps of the fortress and the surrounding area. He also began the construction of new fortifications ¹⁰. On 10 July Stuart even wrote an instruction for the defense of the fortress, a document of considerable interest as it was presented as evidence during the investigation of the circumstances surrounding the surrender of Nöteborg in 1702. Stuart pointed out that no regular siege was possible, so regardless of how the enemy would go about attacking the fortress everything would in the end be decided by the ability of the garrison to

withstand a direct assault. The very high walls and towers would make such an attempt difficult. One key point was the gate. If it was damaged or ruined by artillery fire from the northern shore of the Ladoga this could be countered by filling the entire area with stone and soil, thereby making any entrance impossible. The main danger was instead, Stuart believed, an attempt to force Nöteborg to surrender by closing all supply routes. It was consequently imperative to make sure that there was adequate protection for gunpowder, ammunition, provisions and the garrison during a bombardment. This could best be done in the newly rebuilt «Svarta Rundeln», which was constructed to withstand such fire. The bottom floor of other towers could also be used as storage areas if the towers were strengthened by filling one of the floors above with soil and timber and the underlying vaults supported by vertical wooden stanchions in great numbers. If everything was done properly Stuart believed Nöteborg could hold out for a long time ¹¹.

The garrison in time of peace and in time of war

In 1696 the garrison commander Lieutenant Colonel Gustaf Wilhelm von Schlippenbach suggested that the strength in peace time should be about 300 infantry and a detachment of gunners. In time of war he believed the garrison needed to be increased to 700–800 ¹². The strength in peace time seems however generally to have been one company of about 150 soldiers and a compliment of «soldiers' sons». The intention was that these children would become ordinary soldiers at the age of 15. Until then they (or rather their parents) received money from the Swedish government – an early form of child support. The children were divided into classes, based on age. A muster roll from 1678 puts them in three categories – 25 boys below the age of five, 19 between five and ten and 24 between eleven and sixteen ¹³. In 1702 the garrison consisted of 166 officers, non-commissioned officers and common soldiers, 25 «soldiers' sons» and 30 artillery officers and gunners. In the course of the siege it was reinforced by about 240 men ¹⁴.

The defense of Nöteborg 1700–1702

When Governor General Otto Vellingk in the spring of 1700 was made head of the army that was gathering for the relief of Riga, he appointed the commander of the Narva garrison Colonel Henning Rudolf Horn as his deputy.¹⁵ After the Narva battle Vellingk temporarily returned to his duties, but soon followed Charles XII on his march into

Courland, Lithuania and Poland. On 21 December 1700 Charles XII further strengthened the position of Horn, who after the battle of Narva had promoted to Major General, by appointing him supreme commander of all fortresses in Ingria and the County of Keksholm. According to the instruction Horn was to make occasional inspection tours of the area and check on the condition of the various fortresses, but nothing was said about the extent of control Horn would have over the various garrison commanders ¹⁶.

The command of the army in Ingria had already in November 1700 been given to Major General Abraham Cronhjort. These two appointments apparently created a confusing situation. On 13 and 15 January 1701 Charles XII felt it necessary to instruct the commanders of Nyen and Nöteborg that they should obey Cronhjort in all matters. No orders, apart from those given by the King himself and by Cronhjort, were to be followed. Furthermore, on 27 May 1701 Cronhjort was told that he would depend only on the King's orders ¹⁷. This created a situation where Horn had the supervision of every fortress in Ingria, but at least as far as Nyen and Nöteborg were concerned no real authority. Horn could of course advise Cronhjort and ask him for reinforcements, but the latter was only obliged to listen if Horn managed to persuade Charles XII – who moved further and further away.

Thus the commander of Nöteborg, Lieutenant Colonel Gustaf Wilhelm von Schlippenbach found himself in a predicament. On 21 May 1701 Cronhjort instructed him to equip a few small boats and send them on a scouting mission. On 1 June Major General Horn wrote Schlippenbach that the latter in such cases had the right to inform Cronhjort that the weakness of the garrison made it impossible to carry out reconnaissance missions. This attempt to challenge Cronhjort's authority apparently did not sit well with the Major General, who on 10 June made it clear to Schlippenbach that no delays or refusals were tolerated ¹⁸. In the coming months the recurring cases of Cronhjort ordering small detachments of soldiers from Nöteborg to take part in various expeditions seems to have caused Schlippenbach considerable irritation.

The siege according to Schlippenbach

On 15 September 1702 Schlippenbach wrote to Horn, telling him that the garrison had been weakened by a fever. Unless he received 100 soldiers within two weeks the ongoing repair work and the defense of the fortress would be seriously hampered. The fact that Vice Admiral

Numers squadron had left the Ladoga also caused anxiety as there were reports of a strong enemy army camped at Loppis. If elements of this force crossed the Ladoga and landed on the north shore close to the fortress, Schlippenbach would no longer be able to receive reinforcements¹⁹.

Towards the end of September Schlippenbach wrote directly to Cronhjort, appealing for more troops. At noon on 27 September the Russians appeared near Nöteborg and the following day Schlippenbach again asked Cronhjort for more soldiers. On 30 September the garrison commander reported that the enemy was building siege batteries, boats had been spotted the day before and a landing on the north shore was feared. The detachment at Mustila, 100 soldiers commanded by Captain Freytag, should immediately be ordered to retreat to the fortress. The same day Freytag informed Schlippenbach that he would immediately do so. Two days later Schlippenbach again wrote to Cronhjort, telling him that 200 men and Major Charpentier had arrived²⁰. The enemy batteries were now ready and there appeared to be 48 embrasures. Schlippenbach asked Cronhjort to take up a position on the shore northwest of the fortress and use his artillery to bombard the enemy batteries. If the fortress was captured, he added, great damage would be caused to the King's cause. The same day, 1 October, Field Marshal Sheretemev sent a trumpeter to Schlippenbach, informing him that the Russians had taken up positions on both shores and were ready to open fire. If the fortress was handed over promptly the Swedes would receive generous terms. In the presence of all his officers Schlippenbach told the trumpeter that he the fortress was well supplied with gunpowder and ammunition and that the King had ordered him to defend it as long as possible. Schlippenbach then asked for a delay of five days so that he could inform Major General Horn and get orders.

Upon receiving this reply, Schlippenbach writes, the enemy started to bombard the fortress with 34 twelve pounders, 3 salvoes per hour. 10 mortars fired continually, day and night, so that the fortress was hit by 30 bombs every hour. A breach was soon created and due to the poor state of the wall and the material used, stones started to fall down all by themselves. On 4 October Schlippenbach decided to send a soldier and a peasant to Cronhjort, informing him of the dangerous situation and asking for more reinforcements. He also suggested that perhaps the whole army could draw nearer. On the 7 the messengers returned, but the only support which arrived was Major Hans Georg Leijon and 50 grenadiers²¹.

However, only 34 of them could be brought into the fortress as there was a shortage of boats. The enemy continued his bombardment until the 9. At that time all houses, baking ovens, wells and the armory was ruined and most storage houses badly damaged. Three large breaches had been created and three of the towers had been hit so hard that they no longer were of any use. Schlippenbach could also observe that the Russians were preparing to storm the fortress. The same day a Russian captain appeared before Nöteborg with a letter from Sheremetev, who again suggested it was time to surrender. The captain told Schlippenbach that no relief could be expected. Schlippenbach replied that the garrison consisted of more than 1000 good soldiers, all willing to fight until the very end. The captain said that he doubted this very much and that the number must include women and children.

After the captain had returned to the Russian camp the bombardment started again and continued until the 11. The breaches were at that point so big that the twelve pounders on the walls started to fall down. During the following night one of barracks caught fire, but it was extinguished before reaching the Powder Tower. At 1 am the very same night, the enemy fired 5 bombs as a signal for the general assault to begin. According to Schlippenbach more than 5000 Russian soldiers landed at the same time, almost surrounding the fortress and raising their ladders. The main assault was however directed against the breaches. After a few hours of fighting the assault was repulsed. A second assault soon followed, but with the same result. It was, Schlippenbach writes, clear daylight when the third assault began and the fighting continued until 4 p.m. According to enemy statements, he claims, 2 Lieutenant Colonels, 4 Majors and 2000 soldiers had been killed in the fighting along with many officers and non-commissioned officers, while others had drowned.

However, now the remaining garrison was quite small and there was a lack of both hand grenades and muskets. The Russians had also been able to take up position below one of the towers and had started mining. Another Russian force had managed to capture some houses just outside the gate, but these were set on fire by a Swedish detachment. According to Schlippenbach the officers now approached him, pointing out the difficult situation and the impossibility of withstanding a fourth assault. After discussions and in light of the possibility of a general massacre during a successful new assault, it was decided to ask Sheremetev for terms.

The inquest

After the surrender Schlippenbach tried to go to Narva by boat, but bad weather forced him back. When he finally arrived in Narva on 21 December, Schlippenbach immediately went to see Horn and asked for an official inquest. Horn tried to dissuade him and said the matter could wait until the war was over, but Schlippenbach believed it was necessary to settle the matter while important witnesses were still alive. After repeated requests by Schlippenbach the inquest finally started on 5 February 1703. The records show that the issue aroused very intense feelings, possibly partly because Nöteborg was the first major Swedish fortress to fall and did so quite fast (in just over two weeks). The matter was possibly never fully decided, as one of the volumes ends with a memorial apparently received by the King as late as in October 1705²². By then many of those who had been closely involved, for example Major General Horn, were in Russian captivity.

¹ Riksarkivet (RA). Livonica II, vol. 634. The memorial is undated, but Muhlman had in November 1649 been ordered to inspect the fortresses in Ingria and a map he made of Keksholm is dated October 1650.

² Lappalainen, J. *Finland och Carl X Gustafs ryska krig*. Stockholm, 1979. P. 37, 95–97.

³ This statement can however be questioned, as the garrison commander Jacob Sprengtport in the same year presented a detailed list of the repairs made during the previous five years, see Krigsarkivet. Krigskollegiets brevböcker 1681–82, P. 341 ff. An undated description of the fortress (with a very plain drawing) made by Sprengtportsten can be found in RA, Livonica II, vol. 201. It seems to be from about the same time.

⁴ Dahlbergh's observation is corroborated by a testimony from the summer of 1679, when Johan Staël von Holstein informed the Governor General in Narva that there were five major cracks in the tower, see RA. Livonica II, vol. 360. The recommendation was followed and the tower entirely rebuilt.

⁵ Krigsarkivet (KrA). Försvars- och befästningsplaner, vol. 7. The memorial is dated 10 December 1681.

⁶ RA. Riksregistraturet (RR) 20 December 1681.

⁷ KrA. Försvars- och befästningsplaner, vol. 7. Memorial dated 16 July 1695.

⁸ Ibid. Memorial dated Narva, 7 June 1697.

⁹ Dahlbergh's final word on the condition of the Swedish fortresses came in a large memorandum, presented in February 1698. In this he again mentions the rebuilding of «Svarta Rundeln», but makes no specific recommendations for Nöteborg, see KrA, Försvars- och befästningsplaner, vol. 7.

¹⁰ RA. E. 3500. Carl Magnus Stuart to Erik Dahlbergh, Nyen 14 July 1699 and Dorpat 11 September 1699. Among the items Stuart mentions are: a map of the area

around Nöteborg, a field map of Nöteborg's «situation», a general plan of the fortress, a plan for repairs and plans for field works on both the north and south shores of the Neva/Ladoga.

¹¹ RA. M 1376. Sub A. Copy of memorial by Stuart, dated Nöteborg 10 July 1699.

¹² RA. Livonica II, vol. 201. Gustaf Wilhelm Schlippenbach to Charles XI, April 1696. Schlippenbach was most likely born about 1650. He was made an ensign in 1666, a lieutenant in 1673, a captain in 1675 and a major in 1679. In 1688 he succeeded Jacob Sprengtporten as commander of Nöteborg. The well-known general Wolmar Anton Schlippenbach was the son of his eldest brother.

¹³ RA, Livonica II, vol. 634. Muster roll dated 4 April 1678. For «soldiers' sons», see Gullberg, T. & Huhtamies, M. På vakt i öster. Vol. 3. Helsingfors, 2004. P. 165–206.

¹⁴ RA. M. 1376.

¹⁵ Ibid. Sub. A. Copy of letter from Otto Vellingk to Gustaf Wilhelm Schlippenbach, dated Narva 5 May 1700. In August 1700 Schlippenbach asked Horn for reinforcements, but was on the 25 told that this was a decision Vellingk had to make. Furthermore, Horn did not believe them necessary, as every report from Russia was positive and nothing suggested that an attack was imminent.

¹⁶ RA. Riksregistraturet 21 December 1700.

¹⁷ Ibid. 13, 15 January and 27 May 1701.

¹⁸ RA. M 1376. Sub A.

¹⁹ RA. M 1376. Sub A. Schlippenbach's relation dated 10 February 1703.

²⁰ Some of the testimonies state that the reinforcements arrived on the 29, which seems more likely.

²¹ Major Leijon also happened to be the brother of Schlippenbach's wife, a fact which likely made his position quite delicate. Wendela Rosenlindt, one of the civilians who had sought refuge in the fortress, vividly describes how Leijon just before the surrender cursed the day he set foot in Nöteborg, see RA. M 1376. Sub A., no 155.

²² RA. M 1376. The box contains five folders of testimonies, minutes of the proceedings, copies of letters etc., altogether about 900 pages.

Alexey O. Pronin (Novosibirsk)

**MANCHUKUOAN «GENSUI» SWORD:
NEW FINDINGS AND RESEARCH ^{1, 2}**

IN THE PERIOD between the end of XIXth and the beginning of the XXth century the unique experience of conservating and existence of late medieval military traditions and side arms complexes appeared. It was closely connected with Japan. It's main feature was the adoption of national military traditions to the modern military system. One of the main characteristics of such traditions in Japan was the unique experience of side arms complex existence.

Items of «traditional» and «military» side arms, made in Japan during XVII–XX centuries are among the most wanted objects for museums and private collectors. One can find them in World's famous museum arsenals or richest private collections. Such items are not rare at the antique auctions. As a result of decades of Japanese side arms research there are a lot of collector's and researcher's associations devoted to both «traditional» and «military» weapon of Japan.

The focus of our interest is the history of Japanese military side arms, gun-to, existed between 1868 and 1945. It's appearance and further existence were a result of complicated mixture of traditional and western technology, as well as of practical experience of it's use. The existence of military swords and other items of this arms complex of Japan of this period are the historical, cultural and technological phenomena.

Due to the Japan's great role in development and existence of weapon complexes of Eastern Asia, especially in The Modern time (1868–1945 period) ³, the research of Japanese swords, sabers, dadders and dirks is one of the actual problems today. One can find a wide list of publications, devoted to such weapon ⁴. Nevertheless, there is still a lack of detailed descriptions and reconstructions of sword and sword's mount producton

technologies. The researches including sword mount disassembling (if it is not prohibited) are among the rarest now. Authors of this article have already publicated their research results with such an experience, devoted to the military and traditional swords of Japan from US, PRC and Russian collections ⁵.

The research of a wide complex of Japanese serial made side arms allow to reconstruct the process of an adoption of national military traditions (of technology, mounts, decoration e.t.c.) to the modern technics and production. In some cases, the practice of «traditional», hand-working swordsmith's or mount maker's job for the modern regular military forces of 1st half of XX century preserved. This phenomena was important especially for production of expensive custom-made sword blades and mounts. The practice of mounting of old blades (made prior to 1868) in to regular «official» mount is also a part of this phenomena. Such blades were the family relics for their owners and a part of officially cancelled samurai's priveleges remains ⁶. The object of our recent research are the most rarest swords of Japan and it's ally Manchukuo used by field marshals and Full fleet admirals ⁷.

The Highest Military Council Gensuifu was established accordind to The Emperor's decrete on January, 19, 1898. The honor title Gensui (Army Fieldmarshal and Navy Full Admiral) was established for Gensuifu members in May, 1898 ^{8,9}. It was among the most rarest Imperial awards for an outstanding merit. Richard Fuller and Ron Gregory with the link to Han Bin Siong's work have outlined that swordsmiths Gassan Sadakazu and Gassan Sadakatsy had made gensui-to (gensui swords; «to» mean «sword») for the Emperor Meidzi, marshal Ooyama and admiral Togo Heihatiro. The production of these swords, including two for the most honorable military commanders of modern Japanese warfare, may be connected with an outstanding victory in Russian-Japanese war 1904–1905. Giving such a sword could be one of The Emperor's awards for their outstanding merits.

After 1918 every new Gensuifu member was awarded with special badge gensui-kisho ¹⁰ and gensui-to sword ¹¹. Fuller and Gregory outlines that a sword have been presented to a Gensuifu member by the Emperor himself. Gensui-kisho badge on the right lower part of uniform tunic and special designed gensui-to sword were the only signs of the gensui title. At the same time, an owner of that title usually have weared army general or navy admiral insignia according to the military Regulations ¹².

Officially regulated gensui-to sword type¹³ was established by the Taisho Emperor edict in August, 1918¹⁴. It's type and design was based on the traditional kenukigata tachi swords. Such a sword was owned by the legendary Fudzivara Hidesato, who have suppressed the «fake emperor» Taira Masacado uprising. It is still kept in the Emperor's temple treasury in Ise, as a cultural relict and value¹⁵. The blade type of gensui-to swords is kogarasu-zukuri, close to the kogarasu-maru blades («small raven»)¹⁶.

One of the authors have illustrated the english translation of an official Japanese governmental document in his previous work¹⁷. This is the abstract from the Set of Navy regulations, made by mr. kohiyama Nobuo. The abstracts from Volume 7, Chapter 12 «Uniform and insignia» are connected with gensui-to swords:

«Gensui-to swords and Gensui-kisho brief history, 20 of August, 1921 (Taisho, 10):

May, 24th, 1898, (Meiji 31), Imperial Edict No. 96; Gensui badge and it's regulation were established; August, 28th, 1918, (Taisho 7) Imperial Edict No. 330 Gensui-to sword regulations established; October, 20th. 1919, official information: Emperor would present gensui-to swords to army generals and navy admirals of Gensui title at Emperor's Palace.

Later, Prince Fushimi Erikhito have visited Great Britain. He have presented gensui-to sword and gensui badge to The King¹⁸ together with the short note «Gensui-to sword History»:

«Gensui sword established accordingly with the ancient Shotto ceremony (Sword giving ceremony). It is established for use by generals and admirals of Gensui title, according to the regulation of certain Emperor's Edict. Ancient custom usage of giving an Emperor's order together with a sword to the grand military leader. After that act, a leader immediately started his dispatch. After a mission had been completed, he have used the first opportunity to report to the Emperor and return a sword.

Such a sword was a national treasure. During Heian period it was suffered from a fire. It's blade was later put in to an Emperor's temple... During the Meiji, 1, it was given to a prince...

Gensui sword's design is close to an ancient blade type (the example is general Fudziwara Hidesato's Tinsu-fu sword, which is now kept in Chokokan Treasury of the Ise temple. It's blade is double-edged and, due to some reasons, has a small curvature. Scabbard is created accordind

to the examples of «long» tofikurin swords, used by Gen-Pei Era warriors.

Menuki and scabbards have 16-petal chryzantem – our Imperial Insignia. General design of the sword created according to court ceremonial swords of Heian period. Later, gold imperial insignia was placed on khabaki».

In the same source one can find gensui-to sword dimensions (according to the national metric shaku-sun-bu system. The length of a tsuka (handle) – 5 sun, 5 bu; scabbard length 2 shaku, 6 sun. These dimensions provides common length of tsuka and saya (scabbard) together about 954 mm, without tsuba's thickness¹⁹.

In general, according to this text, one certain gensui-to sword was presented to the King of Great Britain. More over, the gensui title was presented to the lord Kitchener, prior to official establish of gensui-to sword type and design. He was the British Ministry of Defense between 1914–1916 and the key figure for Japan among foreign leaders²⁰. Later, one gensui-to sword was presented to the Manchukuo Emperor Pu Yi (reign name Kande) during his inauguration in 1932. That sword blade was equipped with two mount kits: the first one was a regular gensui-to mount kit according to all Japanese regulations and the second one was its variation designed especially for The Manchukuoan Leader. The last one had been decorated with the Manchukuoan imperial insignia (orchid flower) instead of Japanese imperial kiku mon (16-petal chryzantem) (pic. 1).

There are also scarce information about awards for foreign military and civil officials with Japanese swords in «military» of «traditional» mounts. There are few examples of award for German and Finnish military officials, as well as for the military officials from Japanese protectorates (Manchukuo, Mengjiang, Burma) with schingun-to swords. Presenting of the highest level swords in richly decorated mounts made by most famous swordsmiths was also a practice for Japanese diplomacy. Such a sword in «traditional» mount was presented to the future President of Indonesia Achmed Sukarno in 1943. It was a sword of kenuki-gata tachi type with silver tsuka and scabbard parts, decorated with high relief of sakura flowers and floral ornament on the background of nanako pattern. Scabbard were covered with gold lacquer with the silver lacquered sakura flowers. The sword had 699 mm blade made by one of the most famous swordsmiths Miyata Nobuashi in 1921. That swordsmith have been awarded with the membership of Imperial Academy of Arts

(equivalent of the today's «Live National Treasure» title)²¹. All this peculiarities of the Sukarno's sword outline the highest rank of such an award. Sword award seems to be among the highest level imperial awards. Gensui-to swords were on the top among highest swords.

Richard Fuller and Ron Gregory suggested total quantity of Japanese gensui-to swords ever made between 1918 and 1945 as 12 items (they mean gensui-to swords with 5 kiku mon insignia on each side of a scabbard). Prior to the 1918 gensui-to sword type was not established officially. Among all «military» gun-to swords of Imperial Japan each gensui-to sword is among the rarest²². One of authors of this article have outlined before, that there are 3 gensui-to swords in Japanese museums which have already become familiar for western specialists. Two more gensui-to swords are from The Yasukuni shrine. These items were described by Omura Sozoyki. Finally, one more sword is preserved in Windsor castle collection in Great Britain²³. More over, an older sword which is close to the gensui-to type (according to it's blade type and a style of it's mount) is in lord Mountbatten's collection (Brondlese, Great Britain).

Due to original descriptions a wodden saya (scabbard) and a tsuka (handle) were made of magnolia. A wooden body of a scabbard and a hadle was covered with plates of «blackened-blue», dark rogin metal²⁴. Metal plated saya and tsuka have been decorated with reach golgen or gold-plated parts with flower relief. That decorations included sunflowers and chrizantemum ornament. Side plates on tsuka and saya were covered with the engraved sunflower ornament. These details could be made of gold-plated brass²⁵. Thin decorative mehuki designed in the shape of traditional tweezers for pulling out hair kenuki, which are widens at it's ends. This item have provided the name of such style of swords: kenuki-gata no tachi. Big and massive tsuba of a mocco shape is reachly decorated. Sword's tassel was made in a traditional tsuiy-no-o type. It consisted of «golden» leather cord put into a special hole in kabuto-gane. Tassel ends were decorated with gold-plated brass (or golden) faceted ends. The saya throat was decorated with kuchi-gane socket with flower relief. Saya also had a shibabiki ring, and ishizuke end. Two richly decorated ashi (suspension mount) allow to wear sword or hang it to owner's belt. Ashi were provided with brass rings for belt hook. The way of wearing a gensui-to sword was other than traditional, according to the European type of army and navy uniform²⁶.

Special belt for gensui-to sword have been designed as golden-silver-golden-silver-golden horizontal bar with round gold-plated buckle with 32-petal imperial chryzantemum kiku²⁷. The front short suspension belt attached to an upper ashi suspension ring, and longer back one – to the lower ashi suspension ring²⁸.

Specialists were able to research gensui-to swords of fieldmarshal Terauchi Masatake and his son fieldmarshal Terauchi Hisaichi (now in Defense Forces of Japan Museum Bocho Sobu-kan in Yamaguchi camp) and the sword of fieldmarshal Yehara Usaku (the only gensui-to sword outside Japan; in Windsor castle of Great Britain)²⁹. They provide more informative description of such swords accompanied with photos.

Specialists agreed that every gensui-to blade was custom handmade blade, produced according to complete technological process of smithing and polishing³⁰. Such work have been made by most famous swordsmiths of Japan. Omura Sozouki from Japan described an interesting example of two gensui-to swords³¹. First was owned by fieldmarshal Nobushi Muto³², who was a Commander of Kwantung Army (Kanto gun) in Manchuria between 1932 and 1933 and Japanese ambassador and resident. This sword is now in The Yasukuni shrine. It's tang tachimei and ura-meï sides are engraved with inscriptions: «Kasama Toshitsugu kinsaku» («made by Kosama Toshitsugu») and «good day, april, 1924». Original name of the swordsmiths was Yoshikazu Kasama. He was born in Suzuoka Prefecture in april, 1886, and was taught by famous swordsmiths Sigetishi Miyaguchi and Masayoshi Morioka. Later he worked as an instructor of Japanese Sword Forging Training School.

As for the second gensui-to sword, it's author and owner stay undiscovered now³³. The main features of this sword are the blade of 770 mm long; shape and dimensions of it's suspension rings³⁴, as well as tassel's color and condition³⁵. One of the main peculiarities of this sword is massive tsuba (guard). It have 9 holes, 8 mm in diameter each³⁶. These holes were covered by seppa³⁷. It main role seems to be the reducing of tsuba's weight. Both sword blades are of a rare kogarasu-zukuri type³⁸.

Richard Fuller described fieldmarshal Hata Sunroku's gensui-to with kogarasu-zukuri blade³⁹. This type of blade have fullers ending little before khabaki. It's known that a least one swordsmith Kotani Yasunori have produced such blades between 1935 and 1945. He was the instructor of The Yasukuni shrine sword forging school⁴⁰.

The marshal Terauchi Hisaichi's gensui-to blade have been made by the same smith in 1943⁴¹. Fieldmarshal Terauchi Hisaichi was the

comander of The Southern Army. He surrendered at November, 30, 1945 and gave two of his swords to lord Mountbatten himself. One of these swords was close to gensui-to type design kenucki-gata tachi with silver mount parts. It's blade have been dated to the year 1292 and was a family relic of Terauchi clan ⁴². This sword is in the house of lord Mountbatten in Brondlese, Graet Britain ⁴³. The sword photo was first published in this military commander memoirs ⁴⁴. The location of Terauchi Hisaichi's gensui-to sword is still unknown. All gensui-to blades have been known by modern researchers have kogarasu-zukuri blades ⁴⁵.

We have already outlined here the oneness in the types of gensui-to blades. Together with an outstanding rarity and highest status of this swords it allow us to think that the exact kogarasu-zukuri blade type was officially established for gensui-to swords. Made by famous smith, the kogarasu-zukuri blade of highest quality, have played an additional role as a highest title insignia.

The official gensui-to description, illustrated by western researches in translation from Japanese have based on a few scarce sources of information. It could provide only a common view on gensuito swords blades, design and construction ^{46, 47}. That's why creation of detailed descriptions of concrete swords is an actual problem now. As for known Manchukuo gensui-to type swords – any additional information is necessary and important.

Our article is devoted to the such swords, made in traditional kenuki-gata style close to the gensui-to swords. These swords have features of design which are different from japanese gensui-to described above (pic. 2, 1–11; 4, 1–17). For the moment, there are two of such swords known. The first is in private collection in Moscow now ⁴⁸, and the second is in mr. Antonov's private collection also in Russia.

Our main task was to discover, whether these swords were an original side arms of leading manchukuoan officers. We were also need to resarch time or period of the swords production and smiths name(es). Second, we were need to describe blade's and mount's features of both swords in order to make a decision whether swords are met the gensui-to official patterns of not. The result of such a work will be a conclusion about cultural value of a concrete sword.

Due to outstanding rarity of such items, publication of these swords and scientific discussion about all their features are among the most important results of our work. The detailed research of such swords blades, mount parts and construction is necessary for oriental weaponry

and Arts researches. As a part of a private collection, these items are scarcely possible for detailed research, especially with its dismounting or disassembly. The destiny of private owned items may be changed rapidly. So, a researcher need to use any chance for his work with such an item. Authors of this article were extremely lucky to research one of these swords with total dismounting and partial disassembly of its scabbard⁴⁹. We have copied⁵⁰ the relief ornament of some swords parts, and made necessary measurements, photos and macrophotos.

The first sword from private collection in Moscow (pic. 2; 4) have the following dimensions: common length in scabbard – 1012 mm; blade length – 884 mm; cutting edge length – 685 mm; blade curvature (sori) – 10 mm; tang (nakago) length – 200 mm; max blade wide – 32 mm; max blade thickness – 6 mm; total weight (sword with blade, mount and tassel) is 2200 gramms.

The blade is without any visual defects or damage (pic. 2, 2, 9–11; 4, 1, 14–17). It have been forged from complicated steel pins pack according to the traditional technology. With microscope of macro lens one can find layers of the metal. Along the all blade the visual pattern khamon exists. It marks more forged blade part (cutting edge) from the other part which is less forged. Tiny granules of martensite (nie and nioi) are also were found. Such granules could be received only during traditional forging technique of complicated metal rods pack. The blade's cutting edge shape is of traditional kogarasu-zukuri (break of the raven) type.) $\frac{1}{2}$ of the blade with kissaki (the end of the blade) is double edged (pic. 2, 2). Each side of the blade have two fullers. The first, wider fuller ends in the middle of the blade with figured ends. The second narrower one lasts until the blade's end (pic. 2, 2; 4, 1). Each side of the blade is decorated with engraved 32-petal kiku mon at the base of the blade. Imperial chryzantemum kiku was also an insignia for top highest nobility representatives. One, placed on the omote side of the blade (obverse) is engraved with tracks of solid gold filled; and another one placed on the ure (reverse) side of the blade is a gold filled outline (pic. 4, 15, 16). The nakago (tang) is covered with strong black and rust-brown patina. It have been insigned by the smith, 井上真改⁵¹, the name was first read as Inoe Makai (pic 4, 17). Takehito Jimbo, who helped as historian for Jim Dawson's book, reviewed the sample photos. He said that the sword smith is Inoue Shinkai and not Inoue Makai, but the swordsmith's person have been identified correctly but have the name wrong. Chinese experts who have examined this sword in Beijing according to the GTG

procedure had made the same mistake. To sum it up, this blade is the traditional shinto of an Old school period (1596–1800). Such items are among the unique and rarest now. Each of them have been produced individually. The blade itself has certain cultural and historical value. Sword with such blade was a symbol of power and military strength have been being at the same time functional weapon.

The sword mount designed in kenukigata-no tachi style (pic. 2, 1, 3, 4; 4, 1, 2). The length of the kenuki shaped patch (menuki) is 128 mm; it's max width at each end – 21 mm. The width of each copper stripe of the patch is 3 mm; the space between stripes – 4,5 mm. Kenuki shaped patch thickness is about 1 mm. In it's mid-point the relief 32-petal imperial kiku mon is placed (pic. 2). It has 17 mm in diameter. Kenuki shaped patches and kiku mons on both sides of the tsuka are made from gilded copper. The length between each kenucki end and kiku mon is 53 mm. The space between lower ends of menuki and inner edge of the fuchi (tsuka's lower socket) is 48 mm. The space between upper menuki ends and kabuto-gane is 7 mm at sides and 14 mm in the mid point.

The common length of tsuka is 250 mm (pic. 4, 2). The width of the tsuka is 40 mm near fuchi and 35 mm near kabuto-gane. The width of the kabuto-gane is 40 mm in lower part and 37 mm at the top. The sword's fuchi is oval in section (pic. 4, 6). It's base is more wider than top (25 x 42 mm against 21 x 42 mm). The height of the fuchi is 13 mm, the thickness is 3 mm. There is the round hole for a spring type lock button. The hole has 7 mm in diameter (pic. 4, 6). It is situated aside from the fuchi mid-point. The space between the hole edge and the end of the fuchi is 19 mm to the left and 25 mm to the right. The base of the fuchi equipped with the hole for the blade's tang (nakago-ana) and the spring lock (pic. 4, 6, 7). The hole dimensions are: length – 28 mm; max width – 9 mm; the width of the base – 6 mm. The hole has an attached 12x6 mm hollow for the spring lock.

The spring lock (pic. 4, 7) consists of four parts: base bar (length 56 mm; width 5 mm; thickness – 1 mm) with one edged end which is sharp expanded up to 2 mm; the flat spring (length – 28 mm; width – 5 mm) riveted to the upper end of the base bar; cylindrical shape button (8 mm in diameter; 8 mm height) with the top made in chtyzantemum shape; rivet (4 mm in diameter) which fixed flat spring on the base bar. The top end of the assembled spring lock was put in to special slot in the lower end of the wodden tsuka. A the same time, spring lock button was inserted in the hole at the fuchi side The wided end of the lock bar goes into

special holes of tsuba, seppa and the same of kuchi-gane (scabbard throat). It clings to a special ledge and fixes the sword into it's scabbard. The edged end of the sling lock have remains of gilding. Being assembled, it's end is 25 mm long from fuchi.

The kabuto-gane (the top of the tsuka) max height is 43 mm; height of each side is 40 mm; width of lower edge is 40 mm. Both sides of kabuto-gane have curved «window» (26 mm max width; 11 mm – max height) (pic. 4, 4). In the lower part of the kabuto-gane's each side the metal lug with the tassel hole is situated. The hole diameter is 8 mm. The total thickness of kabuto-gane is 21 mm.

The middle part of the tsuka is curved. It is covered with silvered copper alloy plates⁵². It's internal side length is 179 mm, and external side length is 186 mm. The wooden base of the tsuka is made from 4 parts and covered with copper alloy plates. The thickness of wooden base sides is 5 mm each. One side has the special slot for the sling lock. The width of the slot is 7 mm, and the deep is 4 mm. Side ends of the tsuka are covered with narrow gilded brass plates decorated with engraved sunflower ans leaf ornament (pic. 4, 2, 3). Each plate is 18 mm width and 1 mm thick.

Nearby the fuchi tsuka widens at the length of 42 mm. Ends of brass plates are widen, too. These curved and widened ends cover the silvered copper alloy plates at the central space of tsuka base (pic. 2, 6). Each curved end of a brass plate is 21 mm wide and 16 mm long.

Nearby curved ends of brass plates (7 mm from it) the mekugi-ana hole is placed. The brass mekugi pin consists of two parts, inserted into one another. It fixes the tsuka on the blade's tang. Both mekugi ends are decorated with chryzantemum (pic. 4, 10).

Massive brass tsuba made by casting and gilded (pic. 5). It pierced with the curve slot, divided it's flat middle part from wide skirting with lots of lines, curved petals and relief details (pic. 5, 1–7). The length of the tsuba is 79 mm; the wide – 64 mm. The thickness of it's middle part is 6,5 – 7 mm. The tsuba's skirting wide is 14 mm. In the mid-point of the tsuba the nakago-ana hole for the tand of the blade is situated. It's length is 28 mm and width is 6 mm at the base (up to 9 mm in the middle). Aside from the nakago-ana the rectangular 7 x 5 mm hole for the sling lock is placed (pic. 5, 1, 2, 3).

The set of curved seppa consists of 4 items. Each side of the tsuba is covered with two seppa – big one dai-seppa and small oval one. All seppa are gilded. Each of big dai-seppa is cross-shaped and adjoined

immediately to the middle part of the tsuba⁵³. The length of each dai-seppa is 64 mm, width – 49 mm. The length of each cross section of dai-seppa is 5 mm; width – 21 mm. In the middle of each cross-section of dai-seppa a heart-shaped 6 x 4 mm hole is situated. Cross-shaped dai-seppa are covered by oval seppa with ribbed edge⁵⁴. Oval seppa dimensions are: 54 x 30 mm and 54 x 29 mm. In the mid-point of each seppa the nakago-ana hole is situated. It's dimensions are the same with one on tsuba. Aside from the nakago-ana the rectangular 6 x 4 mm hole for the sling lock is placed.

The blade's ricasso is covered with khabaki socket made from gilded brass (pic. 2, 2). It's lower edge is rounded. The maximum height of khabaki is 30 mm. The height of each side of the khabaki is 28 mm. The width of the khabaki is 33 mm. The maximum width is 35 mm. The thickness of the khabaki is 2 mm.

The length of the saya scabbard is 749 mm. The wooden saya is covered with silvered copper alloy plates; the same as for the tsuka (pic. 6). The thickness of plates is about 1 mm. Examples of Japanese swords covered with metal plates in the same way described in western and russian literature⁵⁵. Unfortunately there is no any description of a production technology. At the first blush it seems each scabbard plate to be long single-piece plate, which met the scabbard length. After we have partially disassembled the scabbard, the metal cover appeared to consist of several parts. The plate junction was covered with other mount part – shibabiki socket.

After we had dismantled the shibabiki socket, we have seen what it covers the plate junction and fix silvered copper alloy plates and side brass plates together (pic. 7). The maximum width of shibabiki is 18 mm; the width of each side of the shibabiki is 10 mm. The thickness of the shibabiki is 1,5 mm. It is decorated with flower and petal design. The shibabiki is fixed on the scabbard body with one brass adjusting screw at the lower end of the saya. The cover of each side of the scabbard consists of 2 silvered copper alloy plates: one short (207 mm long) in the lower part and one long (542 mm). Plates are tightly adjusted to each other.

The scabbard throat of complicated construction (pic. 9) decorated with gilded brass kuchi-gane socket (pic. 8). The shape of the kuchi-gane is oval. It's height is 11 mm. The length of the top edge of the kuchi-gane is 49 mm, and the lower – is 46 mm. The external surface is decorated with flower and petal relief design. The top flat of the socket

has holes for blade and sling lock. Kuchi-gane is adjusted to the scabbard by two brass screw.

All parts of the scabbard throat are tightly adjusted to each other (pic 8, 9). The thick top edge of the wooden base of the saya (1 mm thickness; 2 mm height) is adjusted to the edge of the kuchi-gane socket blade hole. This protects the blade from touching the metal edge of kuchi-gane. The wooden saya has a special slot for the sling lock head. The kuchi-gane socket is tightly adjusted to the saya. This also shows us the highest quality of the sword's mount.

Decorated *ashi* (suspension mounts) are both of the same complicated shape (pic. 9). Each *ashi* consists of 8 parts: massive ring fixed on saya body, decorative washer with high relief edge; 3 collars of different thickness (with ribbed edge), massive head with hole for the suspension ring and adjusting brass screw. All *ashi* parts are made of gilded brass. The space between the scabbard throat and the upper *ashi* is 73 mm on the mid-line and 75 mm on the internal side of the saya. The space between the lower *ashi* and *shibabiki* socket is 256 mm. The space between upper and lower *ashi* is 183 mm. Each *ashi* is adjusted to the scabbard body by one brass screw.

The scabbard end *ishizuke* is also made from gilded brass. It is decorated with reach flower and petal design. The *ishizuke* is tightly adjusted to the end of the scabbard and fixed by one brass screw (pic. 10), same as both *ashi* and *shibabiki* socket.

The scabbard is decorated with 6 relief 32-petal imperial chryzantemum – *zuroku-yaekiku* (pic. 2, 8; 4, 14). Each *kiku mon* is made from gilded brass and is 26 mm in diameter. Each saya side is decorated with 3 *kiku mon*: one is between *ashi*; one is between lower *ashi* and *shibabiki*; one between *shibabiki* and *ishizuke* (pic. 2, 7). Each *mon* is adjusted to the silvered copper alloy plate. As it was mentioned before, such a *mon* with chryzantemum was used by The Emperor of Japan. It also can be found on different items owned by court officials and Imperial Guard officials⁵⁶.

Key features of this sword are the same as for Japanese *gensui-to* swords. 32-petal chryzantemum *kiku mon*s on its saya and *tsyka*; relief sunflower and leaf design of *tsuba*, *kabuto-gane*, *fuchi*, *kuchi-gane*, *ashi*, *shibabiki* and *ishizuke* are the same as for *gensui-to* swords even in smallest details (pic. 2; 4). It seems to be that the sword was a *Gensuifu* member's item or was owned by a highest military official who was close to the *Gensuifu*. The main difference between Japanese *gensui-to*

swords and this sword is the number of 32-petal kiku mons on it's mount. All gensui-to swords were decorated with 6 chryzantemum mons on each side: 1 on a tsuka and 5 on a scabbard. Each side of the described sword is decorated with 4 imperial 32-petal kiku mons: 1 on the tsuka and 3 on the saya (pic. 2, 1; 4, 1–13). The sword is completely original. Such swords decorated with only 4 kiku mons have been unknown for specialists before. For Japan itself such gensui-to type swords have been unknown.

Here the traditional Japanese experience is important. Researches have occasionally described swords decorated in such style. For example, there is the kogatana sword with aikuchi style copper mount⁵⁷. Each side of that sword have been decorated with 8 mitsuba-mon (mallow trefoil): 2 on a tsuka and 6 on a saya. Authors also were lucky to find a tachi sword from private collection in Beijing (PRC) decorated with laquer tokugawa mons against a black background. Swords with 3, 5, and 7 mons on each side of it's scabbard have also been known. The number of overlord's mon on a sword's mount could be a kind of it's owner's status insignia. This tradition have been renewed in design of swords of Imperial Japan highest military official's.

All facts mentioned above are accompanied with the exact similarity in the design of the decribed sword's mount with known gensui-to swords from Japanese and British museums. Even smallest features of ornamental relief are the same with Japanese gensui-to swords. The reason may be in using the same casting molds by the same maker. All information mentioned above allow us to suggest the highest status of an original owner of this sword. The number of kiku mons outlines that this status was lower than Gensuifu member.

Our detailed research allow us to find several other features. These features hardly could be visible during a first look. All of them are connected with technical process of sword's mount production. First, the deailed comparing of Japanese gensui-to swords (macro photos) with this sword was made. It allow us to see that exactly the same elements of Japanese gensui-tos were made a little better in quality than same on our sword; with better quality of final operations (polishing, gilding, etc.) Second, same casting molds were used for our sword and 5-mon gensui-to swords production. A final technical operations such as polishing, engraving, cutting off in custing relief and making of nanako style surface allow a high qualified maker to hide a small pouring defects.

For example, the ishizuke was made by casting in special mold. The brass alloy included big copper part. As a result there were several small casting defects (internal and surface caverns and pores). Common fluency and softness of the lines of ishizuke relief as well as minor unpoured parts are also exist. These defects could be the result of casting model fluency and unpouring (if wax model was used) or subcooling either overheating of a melt or a mold. Moldings obtained by casting received an elementary final working. After that finished moldings were gilded and the small pouring defects could be seen under the gilding (pic. 5, 6, 7). At the same time gensui-to swords with 5 kiku mons on their scabbard received a more qualitative finishing.

Massive tsuba is partially refined with graver. It has engraved pinstripes with small rasp tracks (pic. 5, 1–5). The flat middle part of the tsuba have been aligned with milling cutter and has tracks (pic. 5, 1, 2, 3). This middle part on both sides of the guard was covered with seppa. The relief of the side of the guard was gilded without any finishing. There are shrink pores on it.

Relief mons on the scabbard of the sword are also made by casting with further finishing and gilding (pic. 4, 14; 2, 7, 8). One of the swords described by Omura Sozouki demonstrates such 32-petal chryzantemum mons have been stamped or manually cut. Same sword demonstrates differences in the construction of ashi⁵⁸ (pic. 1; 4, 13). Each of them have two wasgers made from darkened alloy (probably rogin alloy). This provides an unusual effect. Each suspension mount of that sword consist of 9 parts. Suspension ring of each ashi is of elongated shape.

Due to our suggestions about the status of the owner of the sword with 3 kiku mons on saya, all described differences of the quality of finishing are logical. The quality of production and finishing is among the highest. At the same time the quality of described sword is little lower than quality of Japanese gensui-to swords. It also may have outlined the owner's status differences.

The blade of the sword was certainly made in Japan by the famous swordsmith of XVII century. We suggest that the sword's mount was made in Japan, too. It's style and quality leave no doubt on this. More over, materials includes traditional silvered copper alloy. The making of this alloy need professional qualification as Japanese mount makers had reached up to the 1st half of XX century.

The history of relations between Japan and Manchukuo and other allied states shows, that this sword may be issued for a highest military

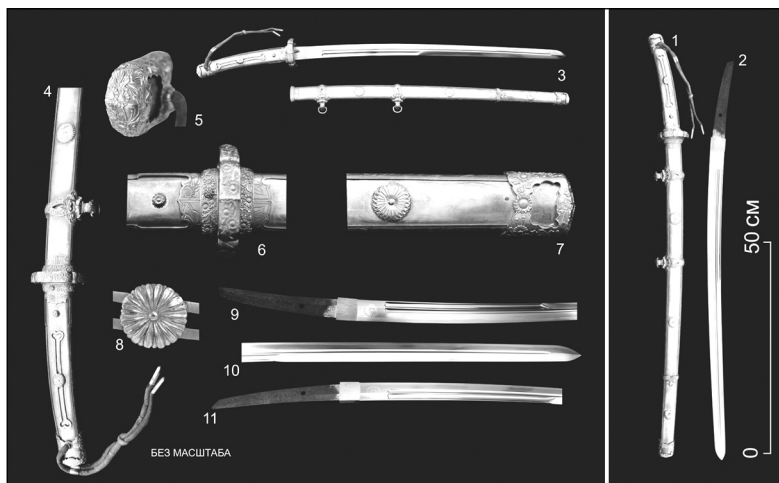
official who have served in Manchukuoan military forces. Such highest rank officials were Japanese but have served as commanders and coordinators of satellite forces and Kwantung army forces placed on Manchuria territory. The complete list of 17 admirals and 13 generals awarded with special swords is known for specialists. It is also known that their swords were close similar to Japanese gensui-to swords. The main difference was 3 32-petal chryzantemum mons on each scabbard side instead of 5 kiku mons on gensui-to scabbard side.

A close connections of this sword (with traditional Japanese XVII century blade) and Manchukuoan military elite is indirectly confirmed by peculiarities of Manchukuoan award system. The Law established state orders and medals of Manchukuo was declared on April, 19, 1934⁵⁹. As an Edict for each order or medal, the law itself have been prepared by Japanese officials. Finally the award system of Manchukuo was very similar to the Japanese one (rules and procedure of award; number of an order classes, design of medals and orders). More over, Manchukuan awards such as The Order of Orchid and others, have been produced by Osaka mint in Japan⁶⁰, the same was for other Manchukuoan military and civil insignia which have been often wear by citizens of Japan⁶¹. Such an expansion in the ideology and it's material sphere (awards, state and military insignia, titles and ranks, etc.) was a unique phenomena. It have influenced a lot to the spreading of original Japan and japanese-made items on the territory of modern PRC. The sword described in our article is the brightest example of such an item.

This Manchukuoan gensui-to sword was examined and estimated by chinese specialists in Beijing according to the inner Chinese GTG standard for an auction. According to the GTG certificate № 54547831181 given on both Chinese and English the sword was classified as a «Sword of a Manchukuoan Marshal» (pic. 3). According to the scarce information provided by it's previous owner, the sword have been kept in Inner Mongolia Province beginning from the end of 1940-s. This corresponds to known Manchukuoan and Japanese practice of an awarding highest officials with reachly decirated swords described above as well as our conclusions. Made in identical to Japanese gensui-to swords manner (in kenuckigata-no tachi style) the sword itself is an original item and is among the most rarest. It has great cultural and historical value. The detailed resuts of our research of this sword and all measurements and photos are totally new in resarch practice.

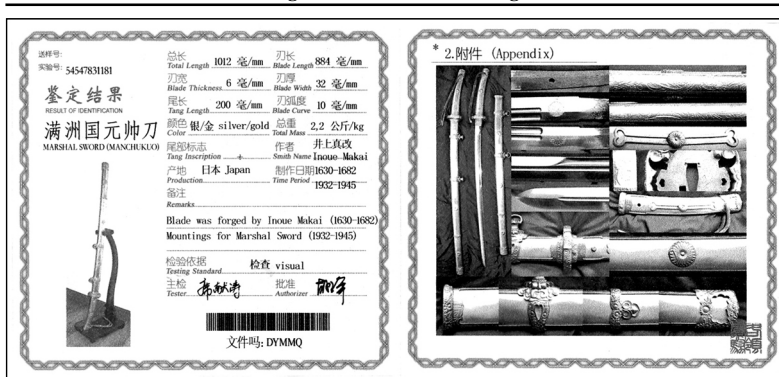

Pic. 1. Manchukuoan gensui-to sword, general view. Please note the differences of ornament and design (Jim Dawson photo, from his letter to the author)

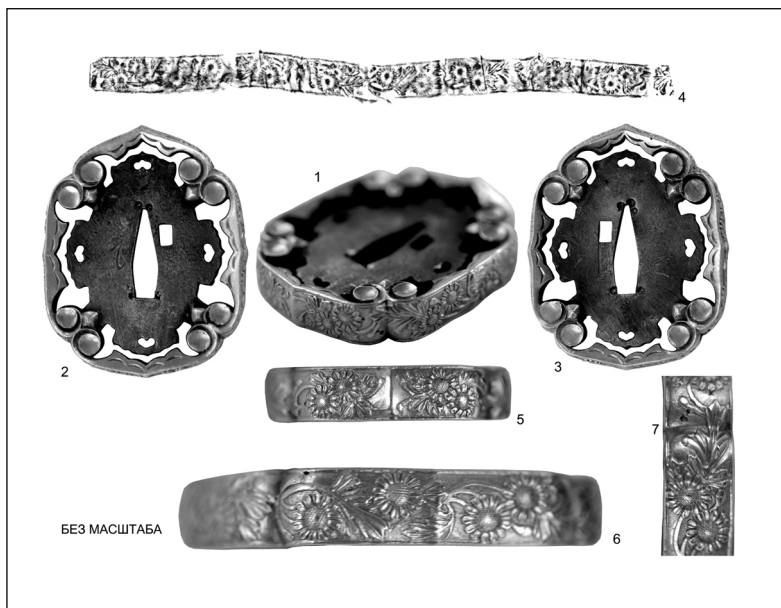

Pic. 2. Sword from private collection in Moscow (steel, copper alloy, brass, gilding, gold, silver alloy, wood, leather):
1 – general view; 2 – the kogarasu-zukuri blade general view;
3 – the sword and scabbard general view; 4 – tsuka, tassel, tsuba, scabbard throat and upper ashi; 5 – kabuto-gane top view;
6 – detail of the assembled sword mount (assembled mekugi peg, fuchi, sword lock button, tsuba and figured ends of top side brass plates of both tsuka and saya); 7 – saya: ishizuke and lower kiku mon;
8 – imperial chrizantemum kiku mon on the tsuka; 9 – details of the blade, 1st side view: (tang, khabaki, gilded kiku mon and fuller ends); 10 – double edged end of the blade; 11 – details of the blade, 2nd side view: (tang, khabaki, gilded kiku mon and fuller ends)

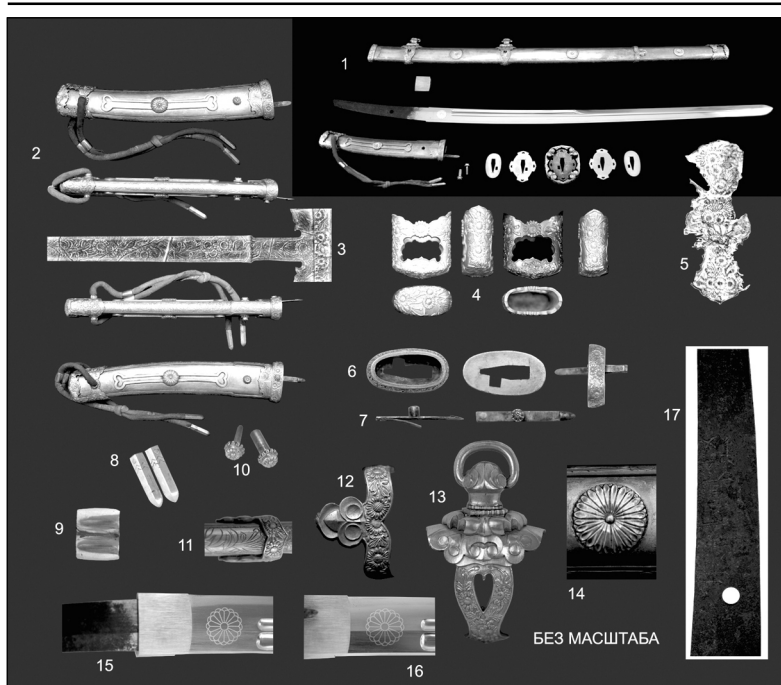
Manchukuoan «gensui» sword: new findings and research

Pic. 3. The Manchukuoan gensui-to sword GTG certificate

Pic. 5. Tsuba (brass, gilding; casting, engraving, milling):
 1 – general view; 2 – obverse; 3 – reverse;
 4 – the detail of the relief ornament (micalnt paper copy);
 5 – the detail of the ornament; 6 – detail with shrinkage porosity;
 7 – shrinkage porosity on the top side, covered with gilding

Pic. 4. Details of gensui-to sword with private collection in Moscow (steel, copper alloy, brass, gilding, gold, silver alloy, wood, leather):
1 – disassembled mount parts and blade common view;
2 – disassembled tsuka side view, top view, rear view;
3 – top side brass plates ornament detail (micalent paper copy);
4 – kabuto-gane; **5** – kabuto-gane relief decoration detail (micalent paper copy); **6** – fiuchi; **7** – blade lock;
8 – tassel metal ends; **9** – tassel double clutch;
10 – disassembled mekugi peg; **11** – shibabiki;
12 – shibabiki side view; **13** – ashi general view;
14 – imperial chrysanthemum kiku mon on the scabbard;
15, 16 – kiku mon on the blade;
17 – the tang of the blade with «Inoe Shinkai» inscription

**Pic. 6. Disassembling of the ishizuke:
wooden saya base with side metal plates**

**Pic. 7. Disassembling of
the shibabiki clutch:
meeting of metal plates**

**Pic. 8. Scabbard throat with
disassembled kuchi-gane**

Pic. 9. Disassembling of the ashi

**Pic. 10. The ishizuke fixing
by the small brass screw**

Bibliography

- 1) Баженов А.Г. История японского меча. СПб.: ТПП «Атлант», «Издательский дом «Балтика»», 2001. 264 с.
- 2) Пронин А.О. Комплект оправы малого японского меча вакидзаси XIX века // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 3: Археология и этнография. С. 256–264.
- 3) Розанов О.Н. Япония: награды и политика. М.: РОССПЭН, 2007. 263 с.
- 4) Хорев В.Н. Реставрация оружия. Ростов н/Д: Феникс, 2010а. 251 с.
- 5) Хорев В.Н. Японский меч. Десять веков совершенства. Ростов н/Д: Феникс, 2010б. 221 с.
- 6) Хорев В.Н. Японское оружие крупным планом. Ростов н/Д: Феникс, 2010в. 254 с.
- 7) Dawson J. Swords of Imperial Japan 1868–1945. Cyclopedia edition. Newnan: Stenger-Scott Publishing, 2007. 448 p.
- 8) Han Bing Siong. Probably the One and Only Gensuito Outside Japan and Other Interesting Japanese Swords in Windsor Castle // Special issue / Japanese Sword Society of the U. S. Newsletter. Vol. 30. No. 1-A. March 1998. 35 p.
- 9) Han Bing Siong, Bonsel J. M. Japanese swords in Dutch collections: a selection from 500 descriptions in the series Japanese zwaarden in Nederlands Bezit. Rijswijk: De Nederlandse Tokken Vereniging, cop. 2003. 244 p.
- 10) Labar R. C. Bayonets of Japan: A Comprehensive Reference on Japanese Bayonets. Tunnel Hill, GA: Raymar, 2008. VIII, 472 p.
- 11) Mountbatten L. Eighty years in pictures. London: Macmillan, 1979. 224 p.
- 12) Rinichiro O. Nippon no Gunpuku (Japanese Military Uniforms – from Bakumatsu until today). National Literature Publication Society, Japan. Tokyo, 1980. 183 p. (на японск. яз.)
- 13) Peterson J. W. Orders and medals of Japan and Assosiated States. San Ramon, California: The Orders and Medals Society of America, 2000. 178 p. (на англ. яз.)
- 14) Pronin A. O. The anatomy of schin-gunto: exploring the type 98 «long» and type 98 «short» tachi style swords in Imperial Japanese Army // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 4: Востоковедение. С. 81–89. (на англ. яз.)
- 15) Sato K. The Japanese Sword. Tokyo; New York: Kodansha International: Shibundo, 1983. 210 p. (на англ. яз.).

¹ Special acknowledgement: Thank you Jim Dawson, author of the «Swords of Imperial Japan 1868–1945. Cyclopedia edition» book, who provided assistance in the preparation of this article.

² This work was made under the following programs: НИР 1.5.9 and АБИЦП «Развитие научного потенциала ВШ (2009-2011 годы)» (проект РНП 2.2.1.1/13613) Минобрнауки; ГК №14.740.11.0766 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», при финансовой поддержке РГНФ (проект № 10-01-00258а).

³ The brightest example of such influence are rare now items of Japan protectorates and colonies side arms (Taiwan / Formosa; Karafuto / Southern Sakhalin;); Chosen / Korea; Kanto / Liaodun Penninsula; Nanyo / former german islands, South sea colony; Tsingtao; Mancukuo, Manziang / Inner Mongolia; e.t.c. Such items occasionally could be found in museum and private collections, few were

researched by specialists [Dawson, 2008; Fuller, Gregory, 1986; Фуллер, Грегори, 2008].

⁴ Fuller, Gregori, 1986; Dawson, 1996; 2008; Han Bin Siong, 1998; Фуллер, Грегори, 1998; Баженов, 2001; Han Bing Siong, Bonsel, 2003; Labar, 2008; Пронин, 2011; Хорев, 2010 а, б, в.

⁵ Dawson, 1996; 2007; Пронин, 2011; Pronin, 2011; Пронин, Москвитин, 2011.

⁶ Mr. Gao Li Wei, P.R.C. gunto collector have demonstrated for one of the authors an unusial army Type 98 schin-gunto. It's main feature was in the modern blade (made in 1930s) smithed together with a remain of an old blade tang with an old smith's signature. Probably, an old blade had been broken and it's tang have been kept as a memoria and re-used in new custom-made «military» blade.

⁷ Пронин, Москвитин, 2011. Рис. 1, 2, 3.

⁸ «Gensui» was a honor title, not military rank. An owner of Gensui title had military rank «General» (IJA) or «admiral» (IJN) [Dawson, 2008. P. 138].

⁹ Peterson, 2000.

¹⁰ Пронин, Москвитин, 2011. Рис. 1, 8.

¹¹ Ibid. Pic. 1, 1, 9; 3, 1; 4, 1; 6, 1.

¹² Peterson, 2000. P. 85–86.

¹³ Пронин, Москвитин, 2011. Рис. 2, 1, 2, 3, 4.

¹⁴ Фуллер, Грегори, 2008. С. 153.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Sato, 1983. P. 32–33.

¹⁷ Dawson, 2008. P. 137.

¹⁸ Han Bin Siong have researched the sword presented to the King of Great Britain. He outlined that the sword's blade had famouse swordsmith's Gassan Sadakazy inscription. But the real blade maker was his eldest son and successor Gassan Sadakatsy. The last one have also produced gensui-to sword for field marshal Uehara Usaku [Han Bing Siong, 1998. P. 8–15].

¹⁹ Dawson, 2008. P. 139.

²⁰ Розанов, 2007. С. 40; Peterson, 2000. P. 60.

²¹ Фуллер, Грегори, 2008. С. 210–211.

²² Ibid. С. 155.

²³ Dawson, 2008. P. 136–151.

²⁴ Traditional alloy made of copper and silver («fogged silver»).

²⁵ Фуллер, Грегори, 2008. С. 153.

²⁶ Пронин, Москвитин, 2011. Рис. 2, 3, 4, 5, 6.

²⁷ Фуллер, Грегори, 2008. С. 235; Dawson, 2008. P. 151.

²⁸ Пронин, Москвитин, 2011. Рис. 2, 3, 6.

²⁹ Han Bin Siong, 1998. P. 8–15; Dawson, 2008. P. 136–151.

³⁰ Фуллер, Грегори, 2008; Fuller, 1986; Dawson, 2008.

³¹ Onura Sodzouki, 2010. Sword of a field marshal and an admiral of the fleet [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.h4.dion.ne.jp/~t-ohmura/gunto_135.htm (дата обращения 03.03.2011).

³² Пронин, Москвитин, 2011. Рис. 1, 1–8.

³³ Ibid. Pic. 3, 1–29.

³⁴ Ibid. Pic. 3, 15, 16, 17.

³⁵ Ibid. Pic. 1, 1–8; 3, 1–3, 6.

³⁶ Ibid. Pic. 3, 12.

³⁷ Ibid. Pic. 3, 13.

- ³⁸ Ibid. Pic. 1, 2–5; 3, 26–29.
- ³⁹ Фуллер, Грегори, 2008. С. 154.
- ⁴⁰ Han Bing Siong, 1998.
- ⁴¹ Фуллер, Грегори, 2008. С. 154.
- ⁴² Mountbatten, 1979.
- ⁴³ Фуллер, Грегори, 2008. С. 155.
- ⁴⁴ Mountbatten, 1979.
- ⁴⁵ Dawson, 2008. P. 136–152.
- ⁴⁶ Фуллер, Грегори, 2008. С. 155. Рис. 36.
- ⁴⁷ Пронин, Москвитин, 2011. Рис. 2, 1, 2.
- ⁴⁸ Пронин, 2011; Пронин, Москвитин, 2011.
- ⁴⁹ Attention! Such an operation must be made by a professional and competent restorer with photographing of all actions. Authors thank Oleg V. Pronin for competent and professional help.
- ⁵⁰ We have used special «mikalent» paper as used in archaeology for rock curvings copy. Authors thank doctor Dmitry Cheremisin for consultations and trainind provided.
- ⁵¹ Famous Japanese swordsmith Inoe Makai / Shinkai of XVII century (1630–1682).
- ⁵² This may be a rogin alloy, but it's real color are different from the westen descriptions. It is much more lighter. At the same time, «a deep blackened-blue» tone of gensui-to swords of Japanese fieldmarshals and admirals [Фуллер, Грегори, 2008. С. 153–155; Dawson, 2008. P. 136–149] could be a result of an additional patined of a rogin alloy plates.
- ⁵³ Пронин, Москвитин, 2011. Рис. 8, 1.
- ⁵⁴ Ibid. Pic. 8, 2, a, б, в, z, д, e.
- ⁵⁵ Dawson, 2008. P. 132–149; Баженов, 2001. С. 130.
- ⁵⁶ Фуллер, Грегори, 2008. С. 17. Рис. IV.
- ⁵⁷ Баженов, 2001. С. 130.
- ⁵⁸ Пронин, Москвитин, 2011. Рис. 2 15, 16, 17, 19, 20.
- ⁵⁹ Розанов, 2007. С. 64.
- ⁶⁰ Ibid. С. 65.
- ⁶¹ Ibid. С. 65, 94.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бондарь Михаил Сергеевич – Военная академия тыла и транспорта (ВАТТ) (Санкт-Петербург), профессор кафедры Тактики и оперативного искусства, доктор военных наук, доцент.

Будко Анатолий Андреевич – Военно-медицинский музей Министерства обороны Российской Федерации (Санкт-Петербург), начальник музея, доктор медицинских наук, профессор.

Жалнов Александр Николаевич – ВАТТ (Санкт-Петербург), доцент кафедры Тактики и оперативного искусства, кандидат исторических наук.

Пинк Игорь Борисович – Тульский государственный музей оружия, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Погорелов Евгений Васильевич – Пензенский областной молодежный военно-исторический клуб «Засека», руководитель.

Порошин Алексей Алексеевич – Военный институт повышения квалификации специалистов мобилизационных органов Вооруженных сил РФ (Саратов), Академия военных наук, профессор, кандидат педагогических наук.

Потапова Елена Владимировна – Тверской филиал РАНХ и ГС, кафедра общегуманитарных и социально-экономических дисциплин, кандидат исторических наук, доцент.

Приходько Михаил Анатольевич – Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина, преподаватель.

Прокопенко Дмитрий Леонидович – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) (Санкт-Петербург), младший научный сотрудник.

Пронин Алексей Олегович – ученый секретарь Музея города Новосибирска, кандидат исторических наук.

Путова Анна Вадимовна – Центральный государственный исторический архив Украины (Киев), начальник отдела справочного аппарата и учета документов.

Пчелов Евгений Владимирович – Российский государственный гуманитарный университет, заведующий кафедрой, кандидат исторических наук.

Ракитин Антон Сергеевич – Российский государственный архив древних актов (Москва), аспирант.

Рахимов Рамиль Насибуллович – Башкирский государственный университет, кафедра историографии и источниковедения, кандидат исторических наук.

Родионов Евгений Александрович – Государственный музей-заповедник «Гатчина», научный сотрудник.

Рудакова Людмила Петровна – ВИМАИВиВС, научный сотрудник.

Саламатова Марина Сергеевна – Новосибирский государственный университет экономики и управления, доцент, кандидат исторических наук.

Сардак Леонид Лаврентьевич – историк (Санкт-Петербург).

Семенищева Елена Васильевна – Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, заведующая научно-экспозиционным и выставочным отделом.

Серегин Николай Николаевич – Алтайский государственный университет, научный сотрудник Научно-исследовательского сектора, преподаватель кафедры археологии, этнографии и музеологии, кандидат исторических наук.

Серов Дмитрий Олегович – Новосибирский государственный университет экономики и управления, заведующий кафедрой, доктор исторических наук, доцент.

Симонов Анатолий Александрович – Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, кандидат исторических наук, доцент.

Скобелев Сергей Григорьевич – Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, заведующий лабораторией, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Славнитский Николай Равильевич – Государственный музей истории Санкт-Петербурга, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Слезин Олег Александрович – ДП «ДИСИТ» Национальной Академии наук Украины, ведущий инженер.

Смирнов Николай Валентинович – Гимназия № 85 Санкт-Петербурга, директор.

Степанов Станислав Вячеславович – Центральная городская публичная библиотека им. В.В. Маяковского (Санкт-Петербург), библиотекарь.

Суханов Игорь Павлович – Центральный Военно-морской музей (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат военно-морских наук, доцент.

Тихомирова Елена Владимировна – Галерея «Русские палаты» (Москва).

Толкацкий Александр Николаевич – Сибирский федеральный университет (Красноярск), студент.

Третьяков Александр Анатольевич – ВАТТ (Санкт-Петербург), преподаватель кафедры Тактики и оперативного искусства, кандидат технических наук.

Ульянов Олег Германович – Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. преподобного Андрея Рублева (Москва), заведующий сектором, кандидат исторических наук.

Филатов Олег Васильевич – Центральный Военно-морской музей (Санкт-Петербург), заведующий сектором, старший научный сотрудник.

Хатанзейская Елизавета Владимировна – Государственный музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» (Архангельск), научный сотрудник, аспирант.

Худяков Юлий Сергеевич – Институт археологии и этнографии СО РАН, главный научный сотрудник, доктор исторических наук, профессор.

Цеглеев Эдуард Александрович – Вятская государственная сельскохозяйственная академия (Киров), доцент кафедры истории и политологии, кандидат исторических наук.

Цуканов Игорь Павлович – Курский государственный университет,

руководитель Центра патриотического воспитания молодежи, председатель Совета Курской областной молодежной патриотической общественной организации Центр «Поиск», кандидат исторических наук.

Чигарева Наталия Григорьевна – Военно-медицинский музей Министерства обороны Российской Федерации (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, доктор биологических наук.

Чубинский Александр Николаевич – Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», научный сотрудник.

Шереметьев Денис Александрович – Российский этнографический музей (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, хранитель Оружейной кладовой.

Шлайфер Виталий Григорьевич – Музей истории оружия (Запорожье, Украина), директор.

Щербаков Юрий Вадимович – ВИМАИВиВС, начальник отдела, ведущий научный сотрудник.

Юркевич Евгений Иванович – ВИМАИВиВС, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Юхо Сергей Владимирович – Национальный историко-культурный музей-заповедник «Несвиж» (Республика Беларусь), младший научный сотрудник.

Bengt Nilsson (Бенгт Нильссон) – Linköping University Library, Librarian (Линчепингская университетская библиотека), научный сотрудник.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пинк И.Б.</i> Российское именное холодное оружие из собрания Тульского государственного музея оружия	3
<i>Погорелов Е.В.</i> К вопросу о питании русских воинов в X веке	9
<i>Порошин А.А.</i> Духовно-нравственные факторы в деятельности главнокомандующих армиями фронта Первой мировой войны	17
<i>Потапова Е.В.</i> Памятник А.Н. Сеславину (по материалам Государственного архива Тверской области)	30
<i>Приходько М.А.</i> Центральное Военное управление в эпоху Отечественной войны 1812 года	35
<i>Прокопенко Д.Л.</i> Полевая методика в археологических исследованиях Н.Е. Бранденбурга	40
<i>Пронин А.О.</i> О Тибетских копьях и их конструкции (на примере новой находки тибетского железного наконечника копья)	65
<i>Путова А.В.</i> Документы Центрального государственного исторического архива Украины, касающиеся жизни и деятельности Михаила Андреевича Милорадовича	74
<i>Пчелов Е.В.</i> Подсадачный нож 1535 года из собрания ГИМ и его владелец	84
<i>Ракитин А.С.</i> Сторожевые казаки города Данков после «черкасского разорения» (1618–1650-е годы)	88
<i>Рахимов Р.Н.</i> Эволюция вооружения башкирской конницы в эпоху наполеоновских войн	98
<i>Родионов Е.А.</i> Петербургские оружейники Пермьяковы и Гатчинский арсенал	109
<i>Рудакова Л.П.</i> Столетний юбилей 1812 года в фотографиях из архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи	119
<i>Саламатова М.С.</i> Участие красноармейцев в советских избирательных кампаниях (1920-е годы)	135

<i>Сардак Л.Л.</i> Забытый генерал. Барон Федор Иванович Меллер-Закомельский	148
<i>Семенничева Е.В.</i> Мемориальные предметы М.И. Голенищева-Кутузова в собрании Бородинского музея	158
<i>Серезин Н.Н.</i> Оружие как показатель социального статуса в обществе раннесредневековых тюрок Центральной Азии	165
<i>Серов Д.О.</i> Из истории военного законодательства России XVIII века: «Краткое изображение процессов или судебных тяжеб» (разыскания о внешней истории текста)	180
<i>Симонов А.А.</i> Волжская военная флотилия в годы Гражданской войны в воспоминаниях ленинградца А.Э. Цукшвердта	187
<i>Скобелев С.Г.</i> Крепости енисейских кыргызов	203
<i>Славнитский Н.Р.</i> Санкт-Петербургская крепость в 1812 году	211
<i>Слезин О.А.</i> Артиллерия в Бородинском сражении: новые исследования	221
<i>Смирнов Н.В.</i> Защитное снаряжение поместной конницы в первой половине XVII века (по данным десятен)	235
<i>Степанов С.В.</i> Имение Витгенштейнов «Дружноселье» под Петербургом – памятник войны 1812 года: история и проблемы музеефикации	242
<i>Суханов И.П.</i> Древковое оружие кораблей Российского флота	257
<i>Тихомирова Е.В.</i> Ружье Абрама Вольферца. К вопросу о производстве в Златоусте ручного огнестрельного оружия	273
<i>Толкацкий А.Н.</i> Изучение вооружения кыргызов из средневековых памятников Алтая	287
<i>Третьяков А.А., Бондарь М.С., Жалнов А.Н.</i> Развитие средств срочных доставок в боевых условиях высокоточных и других боеприпасов (остродефицитных грузов) в армиях США и НАТО: история и современность	297
<i>Ульянов О.Г.</i> Оружие «московского дела» в событиях русско-польской войны 1654–1667 годов (по данным описей Государевой оружейной казны)	304
<i>Филатов С.В.</i> Деятельность адмирала флота СССР Н.Г. Кузнецова по укреплению управления флотом в предвоенный период	321
<i>Хатанзейская Е.В.</i> Человек в войне: новые подходы к изучению в антропологической перспективе	337

<i>Худяков Ю.С.</i> Применение артиллерии русскими воинами в ходе военных действий в Западной Сибири в конце XVI–XVII веков	350
<i>Цеглеев Э.А.</i> Вятчане в наполеоновских войнах: численность, география службы, боевые отличия	362
<i>Цуканов И.П.</i> Деятельность поисковых отрядов Курской области по сохранению оружия и военной техники времен Великой Отечественной войны	375
<i>Чигарева Н.Г., Будко А.А.</i> Химическое оружие: от истоков до современности	381
<i>Чубинский А.Н.</i> Тюфяки как ручное огнестрельное оружие. Анализ собрания и описей Оружейной палаты	390
<i>Шереметьев Д.А.</i> Соотношение традиционных и научных оружейных терминов	410
<i>Шлайфер В.Г., Волох А.А.</i> Музей истории оружия. Краткий очерк	417
<i>Щербаков Ю.В.</i> Опыт исторического анализа причин и фактов, способствовавших созданию военно-политического блока ведущих капиталистических держав (20–30-е годы XX века)	431
<i>Юркевич Е.И.</i> Ротный командир А.В. Суворова: генерал-аншеф Ф.И. Вадковский	441
<i>Юхо С.В.</i> Инвентарь вооружения Несвижского замка 1510, 1569 годов (позднее вывезенного в Чернавчицы) и другие инвентари 2-й половины XVI века: уникальные источники для новых исследований	445
<i>Nilsson Bengt.</i> The fortress Nöteborg (Shlisselburg) 1650–1702	454
<i>Pronin A.O.</i> Manchukuoan «gensui» sword: new findings and research	463
Сведения об авторах	485

Научное издание

Война и оружие
Новые исследования и материалы

Труды Третьей международной
научно-практической конференции

В трех частях

Часть 3

Редактор: *В.И. Лобачевский*
Художник: *Н.Ю. Якубовская*
Технический редактор: *В.И. Хоронко*
Верстка: *Т.И. Таранова*
Компьютерный набор: *Я.В. Камашина*

Лицензия ПД № 2-69-528

Подписано в печать 24.04.12.
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 15,34.
Бумага офсетная. Гарнитура PeterburgC.
Тираж 300 экз.

Отпечатано в ЦОП ГУ ВИМАИВиВС.
Санкт-Петербург, Александровский парк, 7.
Тел./факс: (812) 610-33-01, 610-33-29

ФГУКиИ «ВИМАИВиВС» МО РФ.
197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 7.

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок